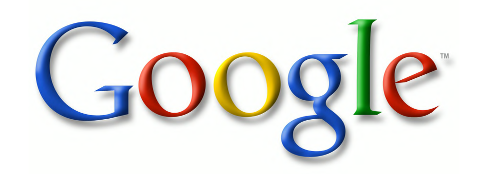

Google

Krasnov, A. N.

Проф. А. Н. Красновъ

ИЗЪ КОЛЫБЕЛИ ЦИВИЛИЗАЦІИ

Письма изъ кругосвѣтнаго путешествія

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8
1898.

Оглавленіе.

		Стр.
Введеніе		1
Письмо первое. Константинополь		19
—	второе. Египетская пустыня	32
—	третье. Въ гостяхъ у феллаховъ	49
—	четвертое. На Хеопсову пирамиду	68
—	пятое. Города Сѣверо-Западной Индіи	83
—	шестое. По святымъ мѣстамъ Индіи	109
—	седьмое. Въ роли индійскаго паломника	137
—	восьмое. На чайныхъ плантаціяхъ Кангры	165
—	девятое. У вратъ Тибета	189
—	десятое. Ламаизмъ и ламайскіе храмы Сиккима	215
—	одиннадцатое. Бенгалія и ея столица	242
—	двѣнадцатое. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ Цейлона.	272
—	тринадцатое. Отъ Индіи до дебрей китайскаго захолустья	312
—	четырнадцатое. Шесть недѣль въ китайской деревнѣ	344
—	пятнадцатое. Учрежденія китайской деревни	372
—	шестнадцатое. Религіозныя воззрѣнія китайскаго крестьянства	396
—	семнадцатое. Среди чайныхъ плантацій Китая	415
—	восемнадцатое. Іокогама и Токіо	442
—	девятнадцатое. На сѣверѣ и югѣ Японіи	465
—	двадцатое. По средней и южной Японіи	491
—	двадцать первое. На Сандвичевыхъ островахъ	521
—	двадцать второе. Сельская природа Гавайской республики	553
—	двадцать третье. Отъ Санъ-Франциско до Закатекаса	577
—	двадцать четвертое. Обратный путь въ Европу	607
Заключеніе		631

Въ текстѣ, въ нумераціи писемъ произошли слѣдующія опечатки:

На	стр.	272	вмѣсто	одинадцатое	слѣд.	читать	двѣнадцатое
—	—	312	—	двѣнадцатое	—	—	тринадцатое
—	—	344	—	тринадцатое	—	—	четырнадцатое
—	—	372	—	четырнадцатое	—	—	пятнадцатое
—	—	396	—	пятнадцатое	—	—	шестнадцатое
—	—	415	—	шестнадцатое	—	—	семнадцатое
—	—	442	—	семнадцатое	—	—	восемнадцатое
—	—	465	—	восемнадцатое	—	—	девятнадцатое
—	—	491	—	девятнадцатое	—	—	двадцатое
—	—	521	—	двадцатое	—	—	двадцать первое
—	—	553	—	двадцатое	—	—	двадцать второе
—	—	577	—	двадцать первое	—	—	двадцать третье
—	—	607	—	двадцать трет.	—	—	двадцать четв.

ВВЕДЕНІЕ.

Кругосвѣтныя путешествія прежде и теперь.— Современные способы путешествій.—Иностранные пароходы и условія жизни на нихъ.—Globe trotter'ы.—Англійскій языкъ и нравы путешествующихъ англичанъ. — Маршрутъ автора.

Зимою 1895 года удѣльное вѣдомство возложило на меня порученіе сопровождать въ качествѣ натуралиста-географа экспедицію, снаряженную имъ для изученія чайныхъ районовъ Азіи. Путешествіе это давало мнѣ возможность побывать въ интереснѣйшихъ областяхъ Индіи, Цейлона, Китая и Японіи и возвратиться домой черезъ Америку, совершивъ такимъ образомъ кругосвѣтное путешествіе. Путешествіе это обнимало большинство странъ такъ-называемаго «культурнаго пояса» земного шара—той области планеты нашей, гдѣ зародилась и развилась цивилизація современнаго образованнаго человѣчества. Какъ и въ предыдущихъ моихъ путешествіяхъ, я и теперь предпочитаю отдѣлить мои спеціальныя научныя наблюденія отъ путевыхъ впечатлѣній. Первыя будутъ изложены въ отдѣльной книгѣ, впечатлѣнія-же, вынесенныя изъ кругосвѣтнаго плаванія, составятъ содержаніе этихъ писемъ, предназначаемыхъ для болѣе широкаго круга читателей.

Кругосвѣтное путешествіе! Кто изъ васъ, дорогіе читатели, по крайней мѣрѣ въ дни вашей юности, не мечталъ объ этомъ самомъ высшемъ, самомъ воспитательномъ и благородномъ изъ наслажденій XIX-го вѣка? Кто не слѣдилъ съ увлеченіемъ за героями Жюля Верна, будучи мальчикомъ, за Беккеромъ, Стэнли, Дарвиномъ, Дюмонъ-Дюрвилемъ и др.—въ болѣе сознательные годы жизни? Для кого Африка, Америка и Австралія въ свое время не были обѣтованными землями, гдѣ хотѣлось постранствовать, повидать ихъ чудную природу, побороться съ трудностями и невзгодами путешествія? Невольно, подъ вліяніемъ описаній этихъ трудностей, въ умѣ создавалось представленіе о кругосвѣтномъ плаваніи какъ о чемъ-то особенномъ, какъ о подвигѣ, сопряженномъ со всевозможными интересными и вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко опасными для жизни приключеніями.

Дѣйствительно, разсказъ мореплавателя прежнихъ временъ былъ подобенъ роману. Его судно, съ которымъ онъ переживалъ бури, кораблекрушенія и другія невзгоды, плывя подъ начальствомъ опытнаго и неустрашимаго капитана, экипажъ этого судна, судьба котораго была связана съ судьбою героя-путешественника, его товарищи — все это играло видную роль въ его разсказахъ. Приключенія путешественника нерѣдко наполняли добрую половину книги, такъ-какъ они были интересны, характеризовали условія жизни въ описываемой странѣ, окружали самого путника ореоломъ славы. Все было у него особенное, начиная съ обѣда, который онъ ѣлъ, и кончая постелью, на которой ему приходилось спать.

Такъ было прежде, и еще очень и очень недавно. И между тѣмъ какъ отлично теперешнее положеніе кругосвѣтнаго путешественника! Если онъ не посланъ какимъ-нибудь ученымъ обществомъ въ дебри центральной Африки, Азіи или къ одному изъ полюсовъ, а просто хочетъ совершить кругосвѣтное путешествіе, онъ долженъ забыть о геройскихъ подвигахъ, разстаться съ ореоломъ

славы предшественниковъ, онъ можетъ смѣло оставить дома всѣ револьверы, винтовки, ножи, барометры, термометры и другіе инструменты, теперь нужные только для охотниковъ и спеціалистовъ соотвѣтственныхъ наукъ; какъ ѣдучи въ Москву или Нижній, онъ можетъ не брать съ собою ничего, кромѣ небольшого сакъ-вояжа. Если онъ вздумаетъ подражать героямъ своей молодости и увѣшаетъ себя инструментами, оружіемъ или, по доброму русскому обычаю, набьетъ чемоданы одеждою въ количествѣ, достаточномъ для десятка людей, и запасется консервами, посудою, дорожными стаканами, ваннами и т. п., обыкновенно предлагаемыми путешественникамъ вещами — онъ будетъ жестоко наказанъ. Всюду будетъ онъ убѣждаться въ ихъ ненадобности и негодности, такъ-какъ все это можно достать и дешевле, и лучше. Они свяжутъ его по рукамъ и значительно удорожатъ стоимость путешествія, которое теперь можно и должно совершать налегкѣ— комфортабельно и болѣе безопасно. Даже на островахъ Фиджи вы найдете отели, телефоны и электричество, и тѣ руки, которыя жарили миссіонеровъ, вамъ подадутъ теперь только говяжьи бифштексы по-гамбургски. То, что полстолѣтія назадъ возможно было только въ Европѣ, теперь легко исполнимо въ большей части земного шара и въ значительной части заморскихъ странъ, подобно тому, какъ нѣкогда по Швейцаріи туристъ могъ путешествовать, имѣя въ рукахъ путеводители, подобные Baedeker'y, и до копѣйки напередъ разсчитавъ свои расходы. Такъ напр., вы имѣете обстоятельныя книжки Myrray для Японіи, Новой Зеландіи и Индіи, не менѣе точныя книги для Явы и Мексики; что-же касается до Сандвичевыхъ острововъ и Соединенныхъ Штатовъ, то желѣзнодорожныя компаніи даромъ раздаютъ изящныя брошюры, снабженныя цинкографіями, могущія служить украшеніемъ салона и описывающія въ прозѣ и стихахъ все достойное вниманія въ этихъ странахъ. Если хотите, вы можете объѣхать земной шаръ въ 80 дней, подобно ге-

рою Жюля Верна, Филеасу Фоггу, или даже въ 72, какъ то сдѣлала одна корреспондентка американской газеты. Въ 5—6 мѣсяцевъ кругосвѣтное путешествіе можно сдѣлать не торопясь, съ полнымъ комфортомъ, уплативъ деньги на мѣстѣ и пользуясь правомъ затянуть путешествіе на годъ или полтора. Множество компаній, начиная съ извѣстнаго всему міру Кука и кончая цѣлой серіей американскихъ желѣзнодорожныхъ обществъ, предлагаютъ такіе круговые билеты за сумму начиная отъ 1 200 руб. за билетъ 1-го класса съ продовольствіемъ (компанія Canadian pacific). Въ вашемъ распоряженіи теперь нѣсколько кругосвѣтныхъ путей, и вы можете, придерживаясь маршрута тѣхъ или другихъ компаній, опоясать планету нашу въ ея сѣверномъ или южномъ полушаріи, пересѣкая океаны вдоль и поперекъ. Такъ канадская компанія, поѣзда которой пересѣкаютъ британскія владѣнія Сѣверной Америки, берется везти васъ изъ Ванкувера на своихъ пароходахъ черезъ Сандвичевы острова и Фиджи въ Австралію—оттуда, на судахъ Union line, или черезъ мысъ Доброй Надежды или мимо мыса Горна, въ Бразилію и Лондонъ и оттуда обратно въ Америку—за 1 200 р. Компанія желѣзныхъ дорогъ Соединенныхъ Штатовъ за сходную сумму везетъ васъ въ Японію, Гон-Конгъ и оттуда на пароходахъ Peninsular and Oriental company или Messageries Maritimes черезъ Остъ-Индію и Красное море въ Европу (Лондонъ) и по одной изъ англійскихъ линій въ Америку. Вы можете также проѣхать на судахъ той-же Pacific line изъ Санъ-Франциско къ Панамскому перешейку и оттуда * черезъ Антильскіе острова въ Европу, чтобы черезъ Красное море, Индію, Цейлонъ и Японію или Австралію ** (Сидней) вернуться въ Америку.

Когда будетъ проложена наша сибирская дорога, от-

* Compagnie générale transatlantique.

** Peninsular and Oriental company.

кроется новый, еще болѣе краткій кругосвѣтный континентальный путь, и три материка и два океана могутъ быть пересѣчены въ самое короткое время.

Всѣ эти пути вокругъ свѣта представляютъ удобства и комфортъ, невѣроятные для нашихъ, привыкшихъ къ невзгодамъ и лишеніямъ путешественниковъ по Россіи и Сибири. Если вы только не подвержены морской болѣзни и обладаете достаточной долей общительности, чтобы не скучать во время долгихъ морскихъ переѣздовъ, кругосвѣтное плаваніе на указанныхъ линіяхъ представитъ для васъ интересную, окруженную роскошной обстановкой прогулку. Пароходныя компаніи соперничаютъ одна передъ другою въ томъ, чтобы окружить путешественника (1-го класса) возможными удобствами и комфортомъ. Наилучше обставлены пароходы Атлантическаго океана, самые быстрые, самые большіе, съ роскошными салонами, чудною вентиляціею, просторными каютами, великолѣпнымъ столомъ съ музыкой и предупредительной прислугою. Несмотря на то, что это самый бурный и непріятный изъ океановъ,—сокративъ срокъ переѣзда до одной недѣли, компаніи дѣлаютъ недѣлю эту пріятнымъ воспоминаніемъ. Вы можете выбирать пароходы нѣмецкой, испанской и англійской націи *, въ зависимости отъ того, какой языкъ вамъ болѣе знакомъ и чье общество симпатичнѣе. Конкуренція сдѣлала линіи одинаково комфортабельными — и если голландская имъ уступаетъ, зато беретъ дешевизною. Изъ всѣхъ этихъ линій однако рѣзко выдѣляется германскій Ллойдъ. Нигдѣ на трехъ океанахъ путешественникъ не встрѣтитъ такого идеальнаго порядка, такого вниманія и предупредительности со стороны служебнаго персонала, такого желанія сдѣлать путешествіе комфортабельнымъ и пріятнымъ. Безспорно это лучшая въ мірѣ линія.

---

* **Red star line, Cunard line, Norddeutscher Lloyd, Compagnie générale transatlantique.**

Тихій океанъ нѣсколько уступаетъ Атлантическому. Плаванія по немъ длинны и скучны, но пароходы, хотя нѣсколько менѣе роскошны, чѣмъ атлантическіе, не оставляютъ желать ничего лучшаго—особенно пароходы канадской линіи и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые совершаютъ путь между Санъ-Франциско и Японіей, какъ «China», «Empress of India», «Empress of China». Это гиганты въ 6 этажей; одна верхняя палуба на «China», напр., такъ длинна, что пройдя по ней взадъ и впередъ 12 разъ, вы дѣлаете милю. Вы видите бушующій океанъ гдѣ-то далеко внизу подъ ногами, и брызги его волнъ не достигаютъ до васъ, взирающихъ сверху на необозримое пространство взбудораженныхъ водъ. Вы живете на пароходѣ какъ въ громадномъ плавучемъ отелѣ, въ прекрасныхъ, освѣщенныхъ электричествомъ комнатахъ, вмѣсто каютъ, гдѣ громадная, залитая электрическимъ свѣтомъ, украшенная картинами и рѣзьбою каютъ-компанія позволяетъ устраивать концерты и вечера, гдѣ есть залы для чтенія, куренія, писанія писемъ, и безмолвная, одѣтая въ идеально чистыя, бѣлыя кофты китайская прислуга, хотя и уступаетъ нѣмецкой, но все-же не оставляетъ ничего больше желать въ отношеніи вѣжливости и услужливости.

Хуже въ этомъ отношеніи обставлены линіи Индѣйскаго океана, за исключеніемъ, говорятъ, австралійскихъ, мнѣ неизвѣстныхъ. Хотя, въ противоположность Тихому океану съ его господствующимъ англійскимъ языкомъ, здѣсь къ вашимъ услугамъ также линіи чуть-ли не всѣхъ національностей, такъ-какъ есть линіи англійская, французская, нѣмецкая, а для не желающихъ пользоваться круговыми билетами—еще австрійская и нашъ Добровольный флотъ, однако всѣ онѣ страдаютъ тѣмъ самымъ недостаткомъ, который совершенно справедливо ставятъ въ укоръ нашему Добровольному флоту, — именно всѣ онѣ гонятся за товарами, смотря на пассажира какъ на неизбѣжное зло. Поэтому далеко не всѣ изъ этихъ пароходовъ отличаются комфортабельностью помѣщенія, хоро-

шимъ столомъ и внимательною прислугою. Восточная вѣтвь Peninsular и нашъ Добровольный флотъ, теперь переполненный пассажирами, иногда лишаютъ пассажира даже элементарныхъ удобствъ, а египетской линіи русскаго общества пароходства и торговли давно слѣдуетъ обратить вниманіе на служебный персоналъ изъ грековъ, грубый и невнимательный особенно къ русскимъ пассажирамъ.

На большія разстоянія кругосвѣтному путешественнику приходится пользоваться желѣзной дорогой только въ Индіи и Америкѣ. И здѣсь, и тамъ дороги эти существенно отличаются отъ нашихъ и европейскихъ.

Въ Америкѣ конкурренція между четырьмя линіями, пересѣкающими материкъ, создала удивительную роскошь сообщенія. Теперь уже только 4½ дней достаточно, чтобы переѣхать материкъ Новаго Свѣта отъ океана до океана, если избрать самую короткую изъ линій Соединенныхъ Штатовъ. Болѣе длинныя, дѣлающія путь въ 5 или 6 дней, какъ напр. Southern pacific, стремятся нагнать товарищей, пуская такъ-называемый «flyer» или летучій поѣздъ, дѣлающій 45—50 миль въ часъ и обладающій локомотивами, могущими въ случаѣ надобности дѣлать 100 миль въ часъ—скорость невѣроятная, ужасающая насъ, европейцевъ. Поѣзда эти состоятъ изъ такъ-называемыхъ Pullmann palace car или вагоновъ, представляющихъ днемъ салоны, обложенные краснымъ деревомъ, массою зеркалъ и роскошными, обитыми дорогой бархатной матеріей диванами, а на ночь превращающихся въ спальные. Рядъ такихъ вагоновъ составляетъ непрерывное цѣлое—какъ-бы корридоръ, заканчивающійся столовою, гдѣ, какъ на пароходѣ, въ опредѣленное время вы собираетесь къ обѣду, завтраку или ужину, послѣ котораго къ вашимъ услугамъ такъ-называемый observation car, гдѣ вы можете курить, читать газеты или наслаждаться проносящимися мимо васъ видами. Вагоны индійскихъ дорогъ проще. Но тамъ на каждыхъ 4-хъ пассажировъ 1 или 2 класса по-

лагается по 1/2 вагона съ 4 кушетками, гдѣ вы можете разостлать постель и спать никѣмъ не тревожимые.

Соотвѣтственно со средствами сообщенія организованы повсюду и отели. Повѣритъ-ли мнѣ человѣкъ, много ѣздившій по Россіи или Сибири, что я объѣхалъ кругомъ свѣта, не видѣвши ни одного клопа? Чистую обстановку и сносную пищу вы найдете повсюду—и если вы ворчите иногда на обѣдъ въ гостинницѣ, то только потому, что васъ избаловалъ пароходный столъ.

Понятно поэтому, что теперь на обыкновенное кругосвѣтное путешествіе нельзя смотрѣть иначе, какъ на удовольствіе, на прогулку для развлеченія или поправленія здоровья. И какое, дѣйствительно, наслажденіе оно можетъ доставить! Развѣ можно сравнить чисто сказочное путешествіе по Египту, Индіи, Китаю, Японіи и Америкѣ съ осмотромъ избитыхъ достопримѣчательностей Европы? Что такое изгаженная человѣкомъ красота Италіи передъ природою Японіи, Везувій—передъ горою Фузи, Миланскій соборъ—передъ Тэджемъ, величіе Альпъ—передъ Гималаями, передъ колоссальными зданіями американскихъ городовъ — столичныя постройки Европы, куда пріѣзжаешь какъ въ родную деревню, отдыхать отъ шума жизни Новаго Свѣта.

Что-жь поэтому удивительнаго, что жители Западной Европы перестаютъ ѣздить по государствамъ этой части свѣта, предоставляя это дѣлать намъ, русскимъ, и болѣе бѣднымъ изъ своихъ соотечественниковъ, и вмѣсто того устремляются за океаны. Туристъ перерождается въ новый *типъ,* въ типъ, который англичане окрестили насмѣшливымъ прозвищемъ globe trotter'а—или топтателя вселенной. Одинъ ученый нѣмецъ даже занялся классификаціей и описаніемъ этого новаго рода человѣчества — и оказалось, что родъ этотъ необыкновенно обиленъ разнообразными видами. Такъ различаютъ: globe trotter communis,— обыкновенно имѣющій форму джентльмена въ лѣтнемъ пальто, въ голубыхъ очкахъ, съ пристежными воротничками и

манжетками и легкимъ багажемъ. Его задача—maximum путешествія при minimum издержекъ. У него имѣются рекомендательныя письма отъ мало вамъ знакомыхъ лицъ. Онъ съ плохо-скрытою радостью немедленно соглашается на ваше предложеніе остаться ночевать, обыкновенно опаздываетъ къ обѣду, освѣдомляется о стоимости извозчиковъ, предлагаетъ продавцамъ десятую часть стоимости предметовъ, засыпаетъ васъ распросами объ отдаленныхъ странахъ, тогда-какъ о той, гдѣ онъ находится, онъ обыкновенно знаетъ больше васъ. Передъ отъѣздомъ ему надо дать письма въ мѣстности, куда онъ ѣдетъ или даже куда онъ *можетъ-быть* поѣдетъ, и вамъ-же обыкновенно приходится взять на себя мелкіе расходы по отправкѣ его вещей, которую онъ позабудетъ сдѣлать.

Не менѣе часто попадается теперь другой видъ—globe trotter scientificus, снабженный лупою, полдюжиной записныхъ книжекъ, алкоголемъ, мышьяковою кислотою, карманнымъ барометромъ и термометромъ—иногда съ мапкою или сѣткою для насѣкомыхъ. Онъ путешествуетъ съ научною цѣлью. Онъ заноситъ температуру своей каюты, своего жилетнаго кармана, своей гостинницы, называя это метеорологическимъ дневникомъ, рисуетъ все попадающееся подъ руку въ свою записную книжку, не исключая даже продаваемыхъ на базарахъ кочней капусты. Если вы мѣстный житель, вы должны ему дать рекомендательныя письма къ оффиціальнымъ лицамъ для доступа въ музеи, коллекціи и библіотеки и къ мѣстнымъ ученымъ; если можно, служите ему переводчикомъ. Горе вамъ, если онъ зоологъ. Отведенная ему комната тогда быстро превратится въ естественно-историческій музей—что уже издали вы чувствуете по запаху. И ему обыкновенно мѣстный обыватель долженъ отправлять его коллекцію, причемъ бѣда, если въ пути испортится какая-нибудь рѣдкость—такъ-какъ объ этой *непоправимой* потерѣ долго будетъ поминать вашъ гость. Нѣсколько лѣтъ послѣ будетъ онъ васъ атаковывать просьбами разыскать

какой-нибудь организмъ, жившій здѣсь чуть-ли не въ допотопныя времена, или доставить какія-либо свѣдѣнія, очень далекія отъ вашей специальности.

Рѣже попадается g. t. elegans, изящно одѣтый, обыкновенно съ рекомендательными письмами въ посольство или консульство, гдѣ онъ и останавливается, проводя время въ охотѣ и погонѣ за красивыми ландшафтами. Globe trotter princeps—принцъ со свитою, путешествующій съ политическими цѣлями, и g. t. independens, ѣздящій на своей собственной яхтѣ, обыкновенно съ семействомъ, и добивающійся аудіенцій у великихъ міра сего,—сравнительно крупные и рѣдкіе виды, тогда какъ, напротивъ, къ несчастію часто наталкиваемся на g. t. desperatus или субъекта потерпѣвшаго неудачу и стремящагося на средства соотечественниковъ инымъ, дешовымъ способомъ вернуться на родину,—и g. t. dolosus, подъ громкимъ чужимъ именемъ, внѣ надзора полиціи ищущаго наживы путемъ продажи сомнительныхъ векселей или карточной игры. Упомяну еще о g. t. locustus, путешествующемъ стадно, имѣя во главѣ одного изъ агентовъ компаніи Кука, g. t. bicyclicus, поставившемъ своею задачею объѣхать земной шаръ на велосипедѣ, и g. t. photographans, помѣшанномъ на томъ, чтобы снять фотографіи со всего интереснаго что есть въ пути. Есть еще и многіе другіе еще не точно установленные виды. Но довольно, я думаю, этой классификаціи. Читатель уже убѣдился, что родъ globe trotter'овъ многочисленъ и разнообразенъ. Какъ вредныя насѣкомыя вродѣ саранчи, globe trotter'ы уничтожили все характерное, самобытное въ мѣстностяхъ ими посѣщаемыхъ и создали взамѣнъ того globe trotter'скую атмосферу. Все постепенно преобразуется подъ ихъ вліяніемъ. Египетскія пирамиды, индійскія пагоды, ландшафты Японіи—все это только декорація, передъ которой путешественникъ обыкновенно видитъ людей, задача которыхъ, будь они итальянцы, египтяне, сингалезы, японцы или негры—въ той, другой или третьей формѣ удовлетворяя стереотипнымъ потребностямъ globe

trotter'a,—обмануть его и извлечь возможно болѣе денегъ изъ его кошелька...

— Monsieur, quarante siècles vous regardent—bakschisch! кричитъ арабченокъ по-французски у подножія пирамиды.

— Mein Herr, nehmen Sie meinen Esel—er ist ein echter Kaprivi Esel — зазываетъ васъ погонщикъ ословъ въ Каирѣ.

— Сэръ, объ этихъ изображеніяхъ вы найдете больше подробностей въ книгѣ Эдвина Арнольда—«Свѣтъ Азіи», развязно говоритъ gl. be trotter'у буддійскій священникъ сингалезъ, показывая одинъ изъ храмовъ въ Коломбо и тѣмъ разрушая иллюзію оригинальной чуждой обстановки.

Даже въ Китаѣ и Японіи вокругъ туриста исчезаютъ самобытныя черты ихъ жизни, и въ японской гостинницѣ, завидя европейца, горничныя уже тащатъ столъ и стулья, вилки и ножи для бифштекса, чтобы лишить васъ характерной обстановки этихъ не имѣющихъ мебели и ѣдящихъ палочками вегетаріанцевъ. Характерныя произведенія страны globe trotter чаще видитъ въ магазинахъ т. наз. Curios, гдѣ онъ и покупаетъ ихъ по высокой цѣнѣ, чтобы потомъ удивлять соотечественниковъ. Самъ-же онъ живетъ большею частью въ той стереотипной отельной обстановкѣ, какую вы такъ-же хорошо можете видѣть въ посѣщаемыхъ англичанами отеляхъ Европы, питается такою-же пищею, бываетъ окруженъ такою-же сворою лакеевъ.

Эти отельные порядки, лакеи, проводники, туземные переводчики, продавцы curios'овъ и другіе спутники globe trotter'a обыкновенно совершенно изолируютъ его отъ настоящей жизни населенія посѣщаемыхъ странъ, позволяя въ лучшемъ случаѣ видѣть только внѣшнюю ея сторону. Современное путешествіе на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, создавая удобства сообщенія, совершенно не даетъ возможности жить жизнью тѣхъ странъ, которыя посѣщаешь, и globe trotter, чуждый тому населенію, среди

котораго онъ ѣздитъ, фактически рабъ своего проводника или переводчика и обыкновенно видитъ только то, что показывается сотнямъ и тысячамъ другихъ, что описано въ Бедекерахъ и заучено наизусть проводниками. Въ головѣ у него остается хаосъ изъ ландшафтовъ, видовъ уличной жизни, красивыхъ архитектурныхъ зданій, случайныхъ встрѣчъ—въ сущности того, что тысячи разъ описано и снято для продажи мѣстными фотографами.

Если его соотечественники, располагающіе меньшими средствами и временемъ, перекупятъ у него добросовѣстно собранные имъ сувениры и книги, путеводители, curi s'ы и фотографіи,—право, они будутъ въ выигрышѣ. Они познакомятся съ посѣщенными gl be trotter'омъ странами полнѣе, спокойнѣе и дешевле. Наконецъ, они сберегутъ массу времени, такъ-какъ длинные переѣзды на пассажирскихъ пароходахъ, несмотря на весь комфортъ, ими предоставляемый, все-таки очень скучны. А они отнимаютъ немало времени у кругосвѣтнаго путешественника. Жара тропическихъ морей и качка въ болѣе высокихъ широтахъ убиваютъ энергію мысли, и пассажиры обыкновенно вялы и скучны. Еще Атлантическій океанъ интереснѣе въ этомъ отношеніи, такъ-какъ тутъ обыкновенно ѣдутъ новички, процентъ англичанъ меньше и народъ какъ-то общительнѣе. Но и здѣсь разговоры до того стереотипны, что какой-то шутникъ помѣстилъ въ книжкахъ-сувенирахъ германскаго Ллойда рядъ вопросовъ, обыкновенно предлагаемыхъ капитану, и я думаю, что тотъ, кто плавалъ по этому океану, согласится, что они не далеки отъ истины. Вотъ образчики этихъ вопросовъ: «Отчего у береговъ Америки туманъ?» «Приходилось-ли вамъ тонуть?» «Каждый-ли день имѣете вы супъ къ обѣду?» «Знаете-ли вы Ивана Ивановича въ Лондонѣ?» «Неправда-ли, какъ непріятны эти Смиты?» и т. п.

Разговоры между пассажирами еще болѣе стереотипны.

Капитана все-таки всѣ считаютъ какъ-бы энциклопедіей всѣхъ знаній—пассажиры-же оживленно бесѣдуютъ лишь въ томъ случаѣ, если это французы, итальянцы, нѣмцы или подвыпившіе въ курительной комнатѣ американцы. Тутъ еще, можетъ быть, вы найдете себѣ собесѣдника по душѣ. Но горе вамъ, если вы попали на англійскій пароходъ. Тутъ господствуетъ томительная скука, такъ-какъ общество сдержанно, особенно за столомъ, и кромѣ разговоровъ о погодѣ и о томъ, чувствуете-ли вы себя сегодня хорошо или нѣтъ,—рѣдко о чемъ идетъ бесѣда.

Къ сожалѣнію, на дальнемъ Востокѣ и этотъ англичанинъ господствуетъ почти повсюду, создавая свою томительную обстановку—въ своей семьѣ, въ отелѣ, на пароходѣ. Поэтому, читатель, не пускайтесь въ кругосвѣтное плаваніе, если вы хотя немножко не научились говорить по-англійски. Иначе вы будете одиноки и чужды всему окружающему. Плаваніе ваше будетъ томительно скучно, на берегу васъ не будутъ понимать, вы будете хвататься за перваго соотечественника или иностранца, говорящаго на знакомомъ вамъ языкѣ,—и счастье ваше, если вы не попадете на мошенника или негодяя.

Даже съ англійскимъ языкомъ вы живете въ этой средѣ въ чуждой вамъ обстановкѣ. Вмѣсто утренняго чаю васъ вызываютъ прямо къ завтраку съ жирнымъ мясомъ, яичницей съ ветчиной и кашей (parrige). Правда, вамъ подаютъ чернобурую настойку таннина, именуемую англичанами чаемъ, но она можетъ замѣнить развѣ пикули, горчицу или сою, что повидимому и дѣлаютъ англичане, запивая чаемъ жирныя мясныя блюда.

Утро проводится въ порядочномъ дезабилье. На англійскихъ тропическихъ пароходахъ большинство гуляетъ въ это время по палубѣ босикомъ, въ кальсонахъ и утреннихъ блузахъ, смѣняя къ tiffin'у эти костюмы на бѣлыя тропическія, у горла застегивающіяся куртки. Tiffin—около часа—состоитъ опять изъ мясныхъ блюдъ. Какъ утромъ къ чаю давали сухіе, поджаренные сухари бѣлаго хлѣба,

такъ теперь господствуетъ такъ называемый gem, родъ очень плохого варенья изъ ежевики и апельсинныхъ корокъ, замѣняющій англичанамъ всѣ остальныя варенья. Милліардами банокъ готовится этотъ gem, и я не знаю мѣста земного шара, гдѣ-бы въ англійскомъ отелѣ и на пароходѣ, toast (поджаренный хлѣбъ) и gem не подавали вамъ къ breakfast'у и tiffin'у.

Разговоры за столомъ—сдержанные, касаются самыхъ обыденнѣйшихъ вещей. Время между ѣдой томительно однообразно. Обыкновенно лежатъ въ соломенныхъ креслахъ, устремивъ взоръ на однообразную поверхность волнующагося голубого моря, чаще-же погрузившись въ сладкій сонъ—рѣдко съ романомъ въ рукѣ. Оживленные разговоры, споры или занятія—рѣдкость. Только молодежь иногда занята какою-нибудь невинною игрою на палубѣ. Къ вечеру картина мѣняется. Послѣ перваго звонка къ обѣду пассажиры исчезаютъ по каютамъ. Тропическіе костюмы мужчинъ замѣняются, несмотря на большую влажность воздуха и жару, крахмальными рубашками и smocking'ами; дамы надѣваютъ нарядныя платья и даже декольтируются. Обѣдъ изобилуетъ мясными блюдами и пуддингами. Первыя, за исключеніемъ бифштексовъ и ростбифовъ, невкусны, характеризуются обиліемъ перца, количество котораго въ такъ-называемомъ кэрри—англо-индійскомъ блюдѣ, состоящемъ изъ риса съ небольшими кусочками мяса и разными приправами—доходитъ до размѣровъ нерѣдко недоступныхъ для русской гортани. Супы по правилу отвратительны. Обѣды изо дня въ день почти тѣ-же. Breakfast'ы—точная копія одинъ съ другого, и русскій человѣкъ, привыкшій къ разнообразію пищи, начинаетъ тосковать по своей кухнѣ. Послѣ обѣда—то-же лежаніе или ранній сонъ, или участіе въ музыкальномъ кружкѣ, гдѣ подъ аккомпаниментъ піанино раздаются звуки англійскихъ романсовъ, столь-же сѣрыхъ, какъ сѣро и туманно то небо, которое послало вдохновеніе ихъ авторамъ.

Тотъ-же строй жизни повторяется и на сушѣ. Вы

платите въ гостинницѣ нетолько за комнату, но и за содержаніе отъ 3 до 5 р. на наши деньги. Какъ на пароходѣ, и въ тѣ-же часы, вамъ даютъ такой-же точно tiffin, breakfast, dinner, вы точно такъ-же переодѣваетесь къ послѣднему, только вмѣсто верхней палубы выходите на веранду, гдѣ стоятъ кресла съ длинными ручками. Вы кладете на нихъ ноги и съ сигарой въ зубахъ, въ позѣ болѣе чѣмъ оригинальной для нашихъ нравовъ, созерцаете природу и людей. Если вы хотя на полчаса опоздаете къ сроку завтрака или обѣда—вы не получаете ничего, или, въ случаѣ особой любезности хозяина,—кусокъ холоднаго мяса. Вы поэтому, какъ и на пароходѣ, дѣлите ваше время на промежутки между tiffin, breakfast и dinner. Чистота и порядокъ господствуютъ въ обстановкѣ и жизни, отсутствіе общительности и скука — во времяпровожденіи. Отели другихъ національностей на Индійскомъ и Тихомъ океанахъ — исключеніе; они, все равно, строго держатся англійскаго режима, и въ общемъ кажется, будто весь міръ здѣсь принадлежитъ, или по крайней мѣрѣ подчиняется, англо-саксонской расѣ.

Еще безцвѣтнѣе жизнь англійскихъ пассажировъ на Атлантическомъ океанѣ. Я наблюдалъ десятки такихъ, которые утромъ появлялись на палубѣ, ложились въ кресла, закутывались въ пледы и буквально замирали какъ муміи на цѣлый день. Ихъ и кормили на палубѣ, гдѣ они оставались до вечера, чтобы скрыться на ночь въ каюту. И такъ изо дня въ день цѣлую недѣлю!

На пароходахъ германскихъ и американскихъ компаній столъ роскошный, болѣе свободы и, какъ на германскихъ и французскихъ линіяхъ Атлантическаго океана, вы избавлены отъ необходимости переодѣваться дважды; національности ѣдущихъ разнообразнѣе, и чаще встрѣчаешь ѣдущаго изъ Китая или Сибири соотечественника. Публика вполнѣ общительна и разговорчива лишь на французскихъ пароходахъ. За прекрасными завтраками и обѣдами гулъ стоитъ какъ отъ жужжащихъ пчелъ. Національно-

сти ѣдущихъ достигаютъ наибольшаго разнообразія, культурные азіаты—японцы, индусы—не принуждены прятаться по каютамъ изъ опасенія, что имъ сейчасъ покажутъ, что они—«низшая раса». Они принимаютъ участіе въ общей бесѣдѣ, и между ними и прочими не дѣлаютъ разницы, какъ то и подобаетъ великой націи, провозгласившей идеи свободы и равенства человѣчества. Къ сожалѣнію, пароходы эти менѣе опрятны, иногда даже грязноваты и не отличаются внимательностью прислуги. И здѣсь, какъ на Атлантическомъ океанѣ, лучшіе пароходы—нѣмецкіе, и насколько можно посовѣтовать избѣгать англійскихъ—настолько можно рекомендовать Norddeutscher Lloyd съ его вѣжливой прислугою, прекраснымъ столомъ и пріятнымъ обществомъ.

Такова обстановка современнаго кругосвѣтнаго путешественника. Насколько она интересна для gl·be trotter'а, настолько мало поучительна для читателя его записокъ, которыя, подобно пароходнымъ разговорамъ съ капитаномъ, скоро примутъ вполнѣ шаблонный характеръ.

Отправляясь въ качествѣ члена чайной экспедиціи, я надѣялся, однако, попасть не на одни эти истоптанные пути туристовъ, а побывать въ областяхъ недоступныхъ для globe tr·tter'овъ и собрать наблюденія надъ жизнью интереснѣйшихъ изъ культурныхъ народовъ земного шара, жизни сельской, наиболѣе близкой русскому человѣку. Я думалъ, что придется жить послѣдовательно въ деревняхъ Индіи, Цейлона, Китая, Японіи и Мексики и дать сравнительный очеркъ крестьянскаго быта этихъ странъ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ,—болѣзнь начальника экспедиціи въ началѣ путешествія, заставившая многократно измѣнять маршрутъ по Индіи и Цейлону, сократила мое пребываніе въ отдѣльныхъ мѣстахъ ихъ до minimum'а, едва достаточнаго для сбора спеціальныхъ, касавшихся чайнаго дѣла свѣдѣній. Во вторую-же половину пути, когда я могъ самостоятельно располагать своимъ временемъ и ѣхать куда хочу, я самъ захворалъ и,

потерявъ много времени, долженъ былъ спѣшить въ Европу, сокративши свои экскурсіи въ Новомъ Свѣтѣ. Такимъ образомъ только на дальнемъ Востокѣ и въ частности въ Японіи я могъ наблюдать тѣ стороны природы и жизни, которыя интересовали меня наиболѣе, да еще невольно затянувшаяся остановка на Сандвичевыхъ островахъ дала рядъ болѣе точныхъ наблюденій. Остальныя мѣстности позволяли только на короткое время вырываться изъ globe-trotter'ской обстановки. Вотъ почему, не желая утруждать читателя описаніями хорошо извѣстныхъ мѣстностей и globe-trotter'скихъ впечатлѣній я, вмѣсто послѣдовательнаго описанія приключеній путешествія, предпочитаю дать рядъ писемъ изъ болѣе интересныхъ пунктовъ его, расположенныхъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ эти мѣстности посѣщались.

Маршрутъ мой былъ слѣдующій. Изъ Харькова черезъ Одессу, въ Александрію и Каиръ; оттуда черезъ Суэцъ и Красное море въ Бомбей въ Индіи, затѣмъ черезъ города Агру, Дэли и Сахарампуръ въ чайный округъ Катри въ зап. Гималаяхъ и оттуда по долинѣ Ганга въ Калькутту. Изъ Калькутты я проѣхалъ въ чайный округъ Дарджилингъ и на границу Тибета въ вост. Гималаяхъ. Вернувшись въ Калькутту, проѣхалъ въ Коломбо на Цейлонѣ, заходя попутно въ Мадрасъ. На Цейлонѣ я былъ въ чайныхъ округахъ Ньюрэліа и на восточной сторонѣ острова, въ области, населенной *Вэдами*. Затѣмъ, заходя въ Гонъ-Конгъ и Шанхай, проѣхалъ въ Китай, въ Ханькоу и провелъ іюль и часть августа въ деревнѣ Янъ-Лоу-фунъ въ округѣ Ху-бэ. Затѣмъ осень была проведена въ Японіи, гдѣ дѣлались многочисленныя экскурсіи по о-вамъ Хондо, Эсо и Сикоко. Изъ Японіи я направился на Сандвичевы острова и въ С.-Франциско, откуда намѣревался попасть въ Мексику и Центральную Америку. Болѣзнь задержала меня на пути и заставила пробыть нѣкоторое время въ г. El-Paso въ Техасѣ, ограничившись посѣщеніемъ мексиканскаго города Закатекаса.

Проѣхавъ по югу Соединенныхъ Штатовъ, черезъ Нов. Орлеанъ, я направился въ Европу и, посѣтивъ островъ Мадеру, черезъ Гибралтаръ, Неаполь и Берлинъ вернулся домой.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Константинополь.

Русскій путешественникъ, отправляясь изъ Одессы на дальній Востокъ, обыкновенно не минуетъ Константинополя; но городу этому посвящается мимолетный взглядъ— и затѣмъ впечатлѣніе, оставленное столицею Оттоманской имперіи, тонетъ въ массѣ другихъ, болѣе сильныхъ и разнообразныхъ. Между тѣмъ, такое отношеніе къ турецкой столицѣ неправильно. Здѣсь впервые и притомъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Европою XIX вѣка путешественникъ можетъ познакомиться съ тою, если хотите, устарѣлою древнею цивилизаціею полутропическаго пояса, съ которою затѣмъ приходится постоянно имѣть дѣло въ южной Азіи. Въ остальныхъ странахъ южной Европы, если не считать отрѣзаннаго ломтя—Испаніи, вліяніе культуры Сѣвера подавило, почти уничтожило эти черты, и ихъ нужно вылавливать съ извѣстнымъ трудомъ изъ привычной среднеевропейской обстановки городской и сельской жизни. Здѣсь она бьетъ ключомъ—и мы уже чувствуемъ себя на Востокѣ. Тотъ, кто бывалъ въ городахъ Индіи, Китая, Средней Азіи или Египта, тотъ въ Константинополѣ увидитъ отголосокъ уже видѣннаго такъ-же отчетливо, какъ музыкантъ въ попурри изъ различныхъ оперъ слышитъ знакомые мотивы любимыхъ арій. Кто не былъ въ странахъ Востока, тотъ, всмотрѣвшись въ жизнь Константинополя, можетъ получить понятіе о складѣ восточной жизни, какъ по рисунку китай-

ской вазы можно судить объ особенностяхъ живописи китайскаго народа.

У насъ издавна привыкли смотрѣть на Константинополь какъ на чисто магометанскую столицу. Дѣйствительно, взглянете-ли вы на городъ со стороны Мраморнаго моря, будете-ли вы любоваться имъ плывя на лодкѣ по Золотому Рогу—вездѣ первое, что кидается въ глаза,—это возвышающіеся надъ красными черепичатыми кровлями домовъ, узкихъ и некрасивыхъ улицъ, громадные купола и тонкіе, какъ свѣчки, бѣлоснѣжные минареты магометанскихъ мечетей. Это они причиною, почему видъ на Константинополь съ моря — видъ единственный въ своемъ родѣ, какъ по красотѣ, такъ и оригинальности производимаго впечатлѣнія. Войдя внутрь города, вы на улицахъ его встрѣтитесь съ окнами, задернутыми деревянными рѣшетками, не позволяющими видѣть, что находится внутри, говорящими вамъ о гаремахъ, о затворничествѣ женщинъ и другихъ темныхъ сторонахъ ислама. Но подъ этими, такъ-сказать, индивидуальными чертами Константинополя скрываются другія черты, общія всѣмъ странамъ колыбели цивилизаціи. Объ нихъ намъ пришлось-бы говорить при описаніи чуть-ли не каждаго азіатскаго и центрально-американскаго города. Чтобы избѣжать этого повторенія, я и позволю себѣ вмѣсто того подчеркнуть ихъ въ общемъ описаніи Константинополя.

Какъ вездѣ въ Азіи, такъ и здѣсь, европейцы не любятъ и боятся этого первобытнаго строя. Населенная европейцами Пера здѣсь вылѣзла вонъ, на гору, изъ хаотической смѣси каменныхъ и деревянныхъ домовъ турецкаго города, изъ зловонія какъ въ муравейникѣ кишащей толпы въ узкихъ, кривыхъ его улицахъ. Эта европейская часть, со своими общепринятаго на югѣ типа домами, господствуетъ надъ городомъ; въ ней размѣстились консульскіе и посольскіе дома, культурныя улицы, магазины, скверы, казино, тѣснясь на небольшомъ пространствѣ, представляя сравнительно мало интереса для туриста.

Вамъ надо спуститься оттуда въ Grande rue de Galata, на берега Золотого Рога, перейти черезъ него по длинному мосту, со снующимъ по нему народомъ, чтобы попасть въ *Стамбулъ*,—и вотъ здѣсь вы сразу попадаете въ ту обстановку жизни народовъ колыбели человѣчества, въ какой они жили вѣроятно многія сотни лѣтъ назадъ,—попадаете въ настоящій Константинополь. Гдѣ въ Европѣ, кромѣ развѣ какъ гдѣ-нибудь на сельской ярмаркѣ или у насъ въ Гостиномъ дворѣ, на Вербной недѣлѣ, вы найдете такое кишѣніе народа, пѣшаго, тѣснящагося, празднаго, при рѣдкости, если даже не при полномъ отсутствіи экипажей, какъ здѣсь. Особенно это кидается въ глаза въ базарной части, гдѣ улицы тѣсны, толпа не особенно разнообразна. Это что-то муравьиное, пчелиное, не человѣческое. Въ столицахъ западной Европы и С. Америки на улицѣ вы часто найдете большее движеніе и большее многолюдство; но тамъ толпою обыкновенно руководитъ одна какая-нибудь цѣль, и вы видите теченіе народныхъ массъ, которое въ Нью-Іоркѣ, Лондонѣ или Берлинѣ правильностью своею напоминаетъ теченіе рѣки, теченіе крови въ артеріяхъ-улицахъ. Здѣсь-же, какъ и вообще въ Азіи, вы видите кишѣніе, вродѣ кишѣнія бактерій, разсматриваемыхъ въ микроскопѣ, кишѣнія безъ правильности, такъ-какъ каждый индивидуумъ движется самостоятельно, не соображаясь съ своими сосѣдями, останавливаясь, производя толкотню, будучи самъ толкаемъ. Здѣсь улица служитъ нетолько мѣстомъ движенія, но и мѣстомъ самой жизни. Здѣсь закусываютъ, здѣсь работаютъ, здѣсь обсуждаютъ дѣла и знакомятся. Здѣсь-же изготовляются разныя вещи, и, въ частности, въ Константинополѣ особенно бросаются въ глаза магазины фесокъ, гдѣ на раскаленныхъ мѣдныхъ формахъ, въ видѣ усѣченнаго конуса, торговцы расправляютъ и выглаживаютъ продаваемый товаръ. Теплый почти во всѣ времена года воздухъ способствуетъ жизни внѣ комнатъ, онъ вызываетъ изъ дому, къ свѣту и простору, котораго нѣтъ въ постройкахъ жи-

телей колыбели цивилизаціи, гдѣ въ комнатахъ не столько живутъ, сколько спятъ. Тамъ, гдѣ народу толпится всего больше, на базарѣ, улица покрыта сверху родомъ навѣса— картина опять-таки общая всей Азіи, отъ Турціи до Японіи. Здѣсь, въ тѣни, въ спертомъ воздухѣ и довольно зловонной атмосферѣ, особенно поражаешься пестротою, разнохарактерностью, цвѣтистостью толпы, такъ мало похожей на сѣрую и черную европейскую публику.

Здѣсь, въ Константинополѣ, съ красной феской турка мѣшается баранья шапка кавказца или баши-бузука, черное платье армянина, бритая голова въ ермолкѣ, европейская шляпа. Эта пестрая, безпорядочная на первый взглядъ толпа поражаетъ, въ противоположность нашей, русской, присутствіемъ внутренняго порядка, который дѣлаетъ совершенно ненужнымъ присутствіе полиціи. У насъ всякое скопище народу, особенно народу болѣе или менѣе празднаго, кажется совершенно немыслимымъ безъ присутствія нѣсколькихъ держимордъ. Сколько разъ въ Петербургѣ я былъ свидѣтелемъ здоровыхъ тумаковъ, раздаваемыхъ полицейскими извощикамъ, которые никакъ не хотѣли ѣхать тѣмъ путемъ, который былъ необходимъ для сохраненія порядка на мосту. Китай, Индія свободно обходятся безъ полиціи—и въ Константинополѣ я имѣлъ въ эту поѣздку наглядный случай убѣдиться, какъ мало нужно надзора за толпою, чтобы держать ее въ самыя, повидимому, безпокойныя минуты въ порядкѣ.

Мнѣ пришлось присутствовать при церемоніи Селамлика—при переѣздѣ султана изъ загороднаго дворца въ Стамбулъ для посѣщенія мечетей и молитвы во время рамазана. Церемонія эта бываетъ очень торжественна. Еще за день всѣ улицы, по которымъ долженъ проѣхать султанъ, усыпаются густымъ слоемъ крупнаго песка, чтобы устранить пыль и грязь, господствующія въ неопрятныхъ кварталахъ. Весь городъ устремляется къ мѣстамъ проѣзда, и улицы уже за нѣсколько часовъ до появленія правителя правовѣрныхъ превращаются въ рѣки изъ красныхъ

фесокъ, придающихъ особую яркость и красоту турецкой толпѣ. Узкая улица, на которой едва разъѣхались-бы два экипажа, была биткомъ набита народомъ, а я, помѣстившись вмѣстѣ съ товарищами по путешествію въ окнѣ одной изъ кофеенъ, невольно, глядя на давку на улицѣ, задавалъ себѣ вопросъ: гдѣ-же проѣдетъ здѣсь султанъ со своею свитою, какую сумятицу произведетъ его появленіе, сколько безплодной работы предстоитъ чинамъ полиціи, чтобы водворить порядокъ въ этой разношерстной, переполнившей улицу толпѣ? Это меня интересовало тѣмъ болѣе, что самой полиціи здѣсь не было видно и только минуты за двѣ до появленія кортежа явилось нѣсколько всадниковъ, выдвинулось изъ толпы нѣсколько полицейскихъ, которые прочистили узкій проходъ среди улицы собственно для того, чтобы дать возможность выдвинуться изъ толпы и выстроиться шпалерою затертымъ въ ней мальчикамъ—воспитанникамъ учебныхъ заведеній. Съ лавровыми вѣтками въ рукахъ, они при появленіи кортежа запѣли турецкій гимнъ. Этотъ гимнъ, сначала послышавшійся издалека, передаваясь отъ одного заведенія къ другому, составилъ непрерывный хоръ, подъ звуки котораго правитель правовѣрныхъ и его многочисленные сыновья, въ расшитыхъ золотомъ пестрыхъ мундирахъ, въ полуоткрытыхъ ландо, проѣхали мимо насъ, отдѣленные отъ своего народа лишь тоненькимъ рядомъ вооруженныхъ лавровыми вѣтками дѣтей и юношей. За ними проскакалъ эскортъ изъ нарядныхъ генераловъ, нѣсколько каретъ съ евнухами — и затѣмъ толпа сомкнулась въ красное море фесокъ — какъ-будто ничего не было. Скромная, трогательная по своей простотѣ и искренности процессія. Минутъ за 20 до проѣзда султана, по той-же улицѣ проѣхалъ его гаремъ. Если-бы не отрядъ пестрыхъ музыкантовъ и нѣсколько евнуховъ верхомъ—никто-бы вѣроятно не разступился передъ рядомъ каретъ, въ окна которыхъ едва удавалось разсмотрѣть красивыя, закутанныя въ кисейную фату лица. Ни жандармовъ, ни солдатъ, ни без-

численной полиціи. Вездѣ проглядываетъ искренность и та простота и патріархальность отношеній низшаго къ высшему, которая составляетъ характерную черту и прелесть Востока.

Другая черта странъ колыбели цивилизаціи, напоминаніе о которой на Западѣ мы найдемъ развѣ на развалинахъ Помпеи,—это рестораны, кушанья которыхъ готовятся передъ лицомъ посѣтителей. Какъ въ Помпеѣ или на далекомъ Востокѣ, здѣсь передъ входомъ въ ресторанъ на первомъ мѣстѣ красуется плита, въ которой въ особенныхъ металлическихъ котлахъ дымятся и шипятъ, прельщая своимъ запахомъ прохожихъ, поджариваемыя кушанья. Если вы видѣли, какъ готовилось кушанье и находили его и тогда вкуснымъ,—не все-ли равно, какъ, на какихъ тарелкахъ его вамъ подадутъ, какою ложкою положатъ? На это послѣднее обстоятельство турокъ не смотритъ. Блюда турецкаго меню дѣйствительно довольно вкусны—хотя почти всѣ они готовятся на прованскомъ маслѣ, котораго не выносятъ многіе. Но это все-же лучше, чѣмъ маргаринъ, которымъ и здѣсь замѣняютъ животное масло. Приходится поэтому мириться съ оливковымъ масломъ—имѣя въ виду впереди кунжутное и касторовое.

Но не турецкіе рестораны, а турецкія кафе есть мѣсто, гдѣ бытъ патріархальнаго Востока выступаетъ всего рѣзче. Турокъ охотно проводитъ свободные, особенно вечерніе часы въ этихъ кафе, распивая свой кофе, приготовленный способомъ, столь отличнымъ отъ нашего—въ маленькихъ чашечкахъ, наполовину наполненныхъ гущею, съ которою вмѣстѣ, въ сосудѣ, напоминающемъ большую ложку, варятъ въ пламени очага этотъ напитокъ, черный какъ ночь, горячій какъ огонь, сладкій какъ любовь! Въ то время какъ у насъ масса устремляется въ театры, въ концерты, на вечера—если это интеллигенція, въ пивныя и кабачки—если это простонародье, и городъ принимаетъ сѣрый, неприглядный видъ, особенно городъ англійскій, гдѣ въ эти вечерніе часы закрываются

всѣ магазины,—здѣсь, на Востокѣ, пробуждается новая, своеобразная, также почти уличная, если хотите, жизнь. Кафе набиты народомъ. Еще болѣе его сидитъ въ цирюльняхъ, столь обильныхъ въ Стамбулѣ, гдѣ правовѣрные должны брить всю голову. Изъ этихъ цирюленъ, иногда маленькихъ какъ пароходная каюта, льется яркій свѣтъ на улицу, заманивая прохожихъ. Теперь на иныхъ улицахъ Стамбула ихъ видишь больше чѣмъ магазиновъ днемъ. Они образуютъ цѣлые ряды. Въ нихъ, тѣснясь какъ въ омнибусѣ, на скамейкахъ у стѣнки, сидятъ ряды турокъ — проводя часы въ бесѣдѣ о событіяхъ дня или слушая читаемую газету и ожидая очереди. Въ кафе вы встрѣтите теперь разсказчика анекдотовъ, арабскихъ сказокъ или пѣніе пѣвца или пѣвицы подъ аккомпаниментъ музыкантовъ, пѣніе тѣхъ оригинальныхъ восточныхъ мотивовъ, которые недоступны ни для передачи на наши ноты, ни для нашихъ инструментовъ. Простая, но своеобразная мелодія турецкой музыки для человѣка, полюбившаго Востокъ, имѣетъ особую прелесть, хотя она мало понятна для новичка. Эти кафе съ пѣніемъ и музыкою, повидимому, дали начало тѣмъ кафешантанамъ, которые пріобрѣли такую незавидную извѣстность въ Европѣ, умѣющей все исказить, все опошлить. Но здѣсь они (я говорю, конечно, не о всѣхъ) — невинное вечернее развлеченіе, совершенно аналогичное танцамъ жрицъ въ Индіи и гейшамъ въ Японіи—развлеченіямъ столь-же невиннымъ внутри страны, сколько опошленнымъ въ портовыхъ городахъ. Часами сидитъ константинопольскій житель, внимая этому пѣнію, въ кафе-же болѣе простонародныхъ, подходящихъ подъ разрядъ нашихъ трактировъ, нерѣдко пускается въ плясъ, и я еще во второмъ часу ночи въ одной изъ прибрежныхъ кофеенъ наблюдалъ веселый хороводъ, составленный чернорабочими, весь день работавшими за тяжелымъ трудомъ перегрузки судовъ. Глядя на нихъ, убѣждаешься, что уже здѣсь, въ Константинополѣ, начинается область того иного

отношенія къ труду, съ которымъ мы во всей полнотѣ встрѣтимся на востокѣ Азіи

Да не подумаетъ, впрочемъ, читатель, что подчеркивая отличительныя и характерныя черты уличной жизни Константинополя, я хочу заставить смотрѣть на жизнь эту въ розовомъ свѣтѣ. Вы въ этомъ людномъ городѣ на каждомъ шагу можете видѣть и отрицательныя стороны строя колыбели цивилизаціи. Если въ увеселеніяхъ восточнаго люда видно много эстетики и демократичности, если здѣсь нѣтъ оргій одурѣвшаго отъ работы и дневныхъ заботъ батрака, топящаго свое горе въ пьянствѣ, дикихъ крикахъ и завываніяхъ и заканчивающаго свое веселье въ участкѣ,—здѣсь зато нѣтъ мѣста развлеченіямъ болѣе интеллигентнаго характера—если не считать существующей болѣе для европейцевъ французской оперетки. Турецкій театръ, мною посѣщенный, напомнилъ мнѣ нѣчто среднее между русскимъ балаганомъ и итальянскимъ pulchinella. Оркестръ исполнялъ тѣ-же турецкія пѣсни, что и въ кафе, на сценѣ «ломали комедь» (я не могу назвать это игрою), запертая въ деревянномъ балаганѣ публика хохотала до-упаду, а въ антрактахъ, какъ въ Японіи, ходили между рядами публики торговцы, предлагая бублики и сласти. Это была только вторая степень нашихъ туркестанскихъ «томаша».

Женщины вездѣ отсутствуютъ или скрыты за рѣшотками; ихъ приниженное положеніе чувствуется всюду, и вездѣ вы можете видѣть, что при полной патріархальности *личность человѣка* стоитъ невысоко. Это лучше всего посѣтитель Константинополя можетъ наблюдать на бана-бакахъ — или тѣхъ несчастныхъ погонщикахъ лошадей, которые, запыхавшись, бѣгутъ за вашей лошадью, когда вамъ вздумается проѣхаться по узкимъ и крутымъ, недоступнымъ для экипажной ѣзды улицамъ турецкаго города. Еще болѣе странно бываетъ видѣть людей, разодѣтыхъ въ пышные костюмы, бѣгущихъ впереди мчащагося экипажа какого-нибудь паши. Въ Европѣ на это не

пойдетъ никто, несмотря на то, что по условіямъ жизни участь какого-нибудь фабричнаго чернорабочаго гораздо хуже, чѣмъ участь подобнаго скорохода. Гуляя по тѣмъже улицамъ Константинополя, особенно ночью, вы поражаетесь отсутствіемъ заботливости о чистотѣ и безопасности. Вы рискуете сломать себѣ ноги о выступы мостовой; рискуете утонуть въ зловонной грязи и, во всякомъ случаѣ, разобьете носъ, спускаясь по размытымъ водою многочисленнымъ спускамъ лѣзущихъ на горы переулковъ, если не запасетесь фонаремъ, недавно еще необходимѣйшею принадлежностью, наравнѣ съ револьверомъ, предохранявшею путника отъ ночного нападенія.

Не такъ-ли еще и теперь путешествуютъ въ Китаѣ? Какъ въ Китаѣ, вы наталкиваетесь постоянно на грязныхъ патлатыхъ собакъ, пріобрѣвшихъ всемірную извѣстность «константинопольскихъ ассенизаторовъ». Нигдѣ въ мірѣ, кромѣ собачьяго рая—Малороссіи, собака не пользуется такими правами, какъ здѣсь. Но если лѣнь и наклонность къ хищенію заставили у насъ человѣка поставить свое существованіе въ зависимость отъ животнаго, заботящагося вмѣсто него объ его имуществѣ, несмотря на то, что иногда сами владѣльцы этого имущества дѣлаются жертвою своихъ псовъ,—то въ Турціи роль собаки имѣетъ не большее оправданіе.

Турку лѣнь чистить свою улицу—и вотъ около каждыхъ 2—3 домовъ поселяется по собакѣ, которыя и подбираютъ бросаемые на улицу отбросы отъ неряшливой жизни восточнаго человѣка. Грязныя, какъ всѣ тряпичники, ассенизаторы-собаки эти роются въ мусорѣ,—гораздо лучше, чѣмъ любая человѣческая артель, съумѣвъ распредѣлить между собою кварталы города—и ни одна никогда не рѣшится залѣзть въ чужую область — слабость, столь присущая людямъ во всѣхъ отрасляхъ ихъ дѣятельности. Собаки эти не лаютъ, не бросаются на прохожихъ, какъ то дѣлаютъ наши оберегатели имущества по отношенію къ мирному, неимѣющему никакихъ дурныхъ намѣреній

обывателю городовъ, вродѣ Харькова. Вы можете смѣло направлять шагъ свой по темнымъ переулкамъ Константинополя, не стѣсняясь этихъ занятыхъ своимъ дѣломъ ассенизаторовъ.

Но какъ ни темно и ни скверно бываетъ ночью въ этихъ темныхъ, тѣсныхъ, не освѣщенныхъ свѣтомъ отъ кофеенъ переулкахъ—и во время ночной прогулки Константинополь, какъ цѣлое, прекрасенъ. Разсматриваемый издали, съ моря, онъ представляетъ милліоны свѣтящихся точекъ. Минареты во время рамазана (когда я былъ въ Константинополѣ) иллюминуются рядами шкаликовъ, и эти пояса изъ разноцвѣтныхъ огней во мракѣ ночи кажутся исполинскими люстрами, спущенными съ неба на невидимыхъ нитяхъ и висящими надъ сверкающею отдѣльными точками мглою города. Изъ такихъ-же огоньковъ составляются цѣлыя изреченія Корана, которыя протянуты на проволокахъ между невидимыми ночью минаретами. Они кажутся написанными звѣздами на фонѣ неба Тою рукою, которая когда-то огнемъ начертала слова: «Мани, Ѳакелъ, Ѳаресъ». Вечеромъ мечети полны народа. Поднимемся на хоры въ величайшей изъ нихъ, въ храмѣ св. Софіи. Сквозь желтоватый полусвѣтъ люстръ, висящихъ далеко внизу на пропадающихъ во мракѣ купола нитяхъ, можно видѣть ряды молящихся, съ лицами, обращенными на востокъ. Они выстроены, какъ солдаты, въ ряды, каждый стоитъ на отдѣльномъ коврикѣ, которые, покрывая полъ, скрываютъ подъ собою мраморныя плиты его, нѣкогда пропитанныя христіанскою кровью. Въ глубинѣ, на мѣстѣ бывшаго христіанскаго алтаря, стоитъ небольшое возвышеніе. Надъ нимъ изображеніе священнаго камня Каабы, по сторонамъ котораго, наподобіе 2-хъ бѣлыхъ колоннъ, стоятъ двѣ исполинскія свѣчи. Оттуда льются звуки нараспѣвъ читаемой молитвы; молитву эту смѣняетъ хоръ, ему хоромъ-же вторятъ молящіеся, всѣ какъ по командѣ за-разъ становясь на колѣни и падая ницъ. Здѣсь нѣтъ мѣста для праздныхъ зрителей, для посѣтителей храма, приходящихъ

не молиться а показывать себя и смотрѣть другихъ Всякій обязанъ молиться какъ всѣ молятся, кланяться какъ всѣ кланяются. Заунывныя, нѣсколько дико звучащія мелодіи молитвъ отдаются въ полутемномъ куполѣ, въ которомъ отражается черезъ океанъ сумрачнаго воздуха, наполняющаго необъятныя стѣны храма, желтоватый отблескъ горящихъ люстръ. На позолотѣ надпрестольнаго полукупола, черезъ которую еще можно различить закрашенный ликъ Бога Саваоѳа, отблескъ этотъ мерцаетъ какъ свѣтъ теплящейся лампады. Мнится, что Онъ, невидимо присутствуя, внимаетъ этимъ сливающимся въ одну общую, чуждую слуха христіанина гармонію, какъ внималъ Онъ нѣкогда стройному пѣнію лучшаго изъ церковныхъ хоровъ Византіи, смотря на разряженныя толпы развратныхъ царедворцевъ, какъ Онъ слушалъ раздирающіе душу крики тысячъ сбрасываемыхъ съ хоръ, убиваемыхъ, давимыхъ конскими ногами христіанъ, искавшихъ убѣжища въ этомъ храмѣ, въ который потомъ побѣдоносно вступилъ Османъ, отпечатокъ окровавленной руки котораго еще донынѣ показываютъ на стѣнѣ, высоко надъ уровнемъ пола мечети.

Тѣ-же грустныя мысли о минувшемъ величіи, о рѣкахъ крови, омывающихъ памятники древности, столь обильные въ колыбели человѣческой культуры, будутъ васъ сопровождать и въ Индіи, и въ Египтѣ. Вездѣ воспоминаніе о крови, о жестокостяхъ во имя идеи, ради уничтоженія минувшаго строя. Но повсюду, какъ отпрыски отъ срубленнаго дерева, взгляды и черты культуры этой области всплываютъ сами-собою вновь, и даже нетерпимый исламъ, болѣе другихъ религій послѣдовательный, съ законами легче исполнимыми для его поклонниковъ, — и онъ долженъ былъ подчиниться этому требованію. Такъ, уже теперь въ нѣкоторыхъ мечетяхъ Константинополя поклонники и муллы украсили стѣны иногда сверху до низу вставленными въ роскошныя золотыя рамы именами пророковъ и святыхъ, написанными золотомъ на голубомъ, красномъ и желтомъ фонѣ. Не шагъ-ли уже это къ ико-

намъ? Не кланяются-ли, какъ богамъ, такимъ-же на табличкахъ написаннымъ именамъ китайцы? Въ одной изъ мечетей за городомъ я видѣлъ цѣлый иконостасъ такихъ именъ и изреченій. Въ самой св. Софіи я видѣлъ подвѣшенныя къ люстрамъ хорошенькія модели плуговъ, пучки колосьевъ и т. п. приношенія богомольцевъ—знакъ благодарности за испрошенный урожай. Не то-ли-же мы видимъ въ китайскихъ и японскихъ пагодахъ? Люди въ своихъ представленіяхъ вездѣ тѣ-же люди.

Вотъ, читатель, тѣ общія со странами колыбели цивилизаціи черты жизни Константинополя, которыя бросаются первыми въ глаза туристу. Постоянный житель или гость, остановившійся въ немъ на болѣе продолжительное время, найдетъ ихъ еще больше. Но я былъ въ этомъ городѣ проѣздомъ, и если позволилъ себѣ остановить вниманіе читателей на вышеописанныхъ чертахъ жизни его, то только для того, чтобы онѣ служили какъ-бы введеніемъ въ мои дальнѣйшія описанія. Черты эти надо подчеркнуть, такъ-какъ обыкновенно эта турецкая и греческая толпа, одѣтая по-европейски, только фесками отличающаяся на первый взглядъ отъ толпы иного европейскаго города, мало останавливаетъ на себѣ вниманіе. Слишкомъ здѣсь много другого, того, что обыкновенно прельщаетъ туриста, чтобы интересоваться этимъ людомъ. Чудный видъ города съ моря, съ его минаретами и дворцами, изъ коихъ многіе, какъ Дольма-бахче, Ильдизъ-кіоскъ,—верхъ архитектурнаго искусства, его Босфоръ и Золотой Рогъ извѣстны всему міру. Они описаны достаточно даже въ учебникахъ географіи, чтобы повторять эти описанія здѣсь. Они такъ-же извѣстны, какъ вертящіеся и воющіе дервиши, какъ разсказы о гаремномъ затворничествѣ турецкихъ красавицъ. Но какъ ни полны эти описанія, какъ ни хороши продаваемыя теперь фотографіи—они никогда не дадутъ вамъ того, что даетъ личный осмотръ. Только побывавши въ Константинополѣ, вы поймете его красу. Съ моря-ли будете вы на него смотрѣть,—вы по величію назовете его

Царьградомъ; будете-ли вы, поднявшись на одну изъ загородныхъ высотъ, смотрѣть внизъ на берега Босфора съ его черно-зелено-синими водами, обрамленными дворцами, рощами стройныхъ кипарисовъ и развѣсистыхъ пиній—вы преисполнитесь восхищенія. Даже несмотря на внутреннюю грязь и неустройство въ самомъ городѣ, на набережной вы увидите особую, невиданную у насъ картину. Босфоръ—это и не рѣка, и не море. Его индиговыя съ бѣлыми гребнями волны не похожи ни на лазурь Средиземнаго моря, ни на тона нашихъ черноморскихъ водъ. Онъ течетъ какъ рѣка—но на поверхности его кипитъ жизнь, достойная первостепеннаго морского порта. Корабли дальняго плаванія, съ громадными трубами и высокими мачтами,— настоящіе левіафаны, стройныя военныя суда, турецкіе фрегаты и броненосцы стоятъ на якоряхъ, разбросанные по всей длинѣ Босфора. Между ними снуютъ суда меньшихъ размѣровъ — турецкія парусныя баржи; легкія греческія съ косыми парусами лодки порхаютъ какъ чайки, распугивая мелкія шлюпки съ блестящими на солнцѣ красными фесками и желтыми куртками пассажировъ. Это какъ-бы самая широкая, самая оживленная изъ улицъ Царьграда, своею красотою и изяществомъ искупающая недостатки всѣхъ остальныхъ. Все это ярко, цвѣтисто, подвижно, чѣмъ не можетъ похвастаться большинство портовъ Европы, съ ихъ недвижными лѣсами мачтъ парусниковъ и какъ грозныя привидѣнія выстроившихся броненосцевъ.

Эта картина Босфора, въ связи съ яснымъ голубымъ небомъ, патріархальною турецкою жизнью,—право, стоятъ того, чтобы ихъ посмотрѣть, и я увѣренъ, читатель, посѣтившій Константинополь, не пожалѣетъ сдѣланной затраты — въ сущности гораздо меньшей, чѣмъ та, которую онъ ежегодно производитъ въ скучныхъ пансіонахъ остзейскихъ и петербургскихъ курортовъ, восхищаясь слезливымъ небомъ и кисельными водами.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Египетская пустыня.

Мое пребываніе въ Египтѣ было слишкомъ краткосрочно, впечатлѣнія слишкомъ отрывочны, чтобы дать что-либо цѣльное. Я ограничусь поэтому описаніемъ двухъ экскурсій, сдѣланныхъ мною изъ Каира, собственно ради ознакомленія съ природою этого любопытнаго края.

Египетъ—страна контрастовъ, гдѣ картины самой бойкой, ключемъ кипящей жизни помѣщаются рядомъ съ ландшафтами мертвенными, съ царствомъ смерти; здѣсь области господства мертвящаго вѣтра и жгучихъ солнечныхъ лучей часто вдругъ смѣняются картиной животворной дѣятельности нильскихъ водъ. Область, гдѣ развилась, существовала и донынѣ существуетъ та жизнь, которая создала, можно сказать, главнѣйшія изъ основъ нашей цивилизаціи,—чрезвычайно узенькая и маленькая полоска, втиснутая среди мертвенной пустыни. Египетъ жилой, культурный—въ полномъ смыслѣ этого слова *пойма* Нила, такая точно пойма, какую русскій человѣкъ, въ видѣ заливныхъ луговъ Волги, Днѣпра, Дона и другихъ большихъ и малыхъ рѣкъ средней и южной Россіи, вѣроятно неоднократно видѣлъ на своемъ вѣку.

Но пойма нашихъ рѣкъ необитаема. Весною она наводняется водами, разливающимися при таяніи снѣга,

лѣтомъ она слишкомъ сыра, чтобы на ней росъ хлѣбъ; потому или левада, или роскошные покосные луга красуются на поймахъ нашихъ рѣкъ, отдѣляя ихъ отъ однообразныхъ желтѣющихъ нивъ или безобразной черной пахоты окружающей степи, и на самой поймѣ нѣтъ хлѣбопашества.

Но стоитъ только проѣхать на востокъ, приблизиться къ Туркестану—и характеръ рѣкъ мѣняется. По мѣрѣ того какъ климатъ становится суше и степь смѣняется негодною для культуры *пустынею*, измѣняется и рѣчная пойма. Она заливается водою рѣже и меньше, иногда даже вовсе не заливается; почва покрывается выцвѣтами солей, и вмѣсто сочныхъ травъ выростаютъ грубыя солончаковыя растенія и камышъ.

Такова необработанная, неприглядная пойма туркестанскихъ рѣкъ. Но зато ея низменное положеніе позволяетъ провести на ея поверхность воды создавшей эту пойму рѣки, оросить ее и развести на увлажненной почвѣ тѣ хлѣбныя растенія, какія отказывается питать пустыня. Пойма становится культурнымъ оазисомъ, — и ея обликъ здѣсь подобенъ облику обработанной степи.

Египетъ—это такая-же туркестанская пойма, но пустыня, ее окружающая, пустыннѣе, пойма цвѣтистѣе, чѣмъ въ Азіи. Обликъ пустыни Туркестана и его оазисовъ, равно какъ и жизни въ нихъ, былъ предметомъ описанія многихъ путешественниковъ; напротивъ, Египетъ — какъ *оазисъ-пойма* среди пустыни Сахары—его сходства и различія съ нашими оазисами и пустынями Туркестана съ этой точки зрѣнія, кажется, не разсматривались. Вотъ почему я рѣшаюсь здѣсь подѣлиться съ читателемъ впечатлѣніями, вынесенными изъ моихъ двухъ поѣздокъ—въ пустыню и въ оазисъ,—сдѣланныхъ мною изъ Каира.

Едва занималась заря, когда меня разбудилъ слуга-египтянинъ въ Hôtel Chediviol, говоря, что заказанный

мною съ вечера проводникъ и ослы готовы. Я спустился внизъ и увидѣлъ араба-проводника, уже сидящаго на осликѣ, тогда какъ другое животное, предназначенное для меня, держалъ подъ-уздцы одѣтый въ длинную, ниже колѣнъ, накинутую на голое тѣло, легкую синюю рубаху провожатый феллахъ, очевидно пробираемый холодомъ ранняго мартовскаго утра. Городъ еще спалъ; только прекрасно шоссированную улицу, отдѣлявшую отель отъ разливавшаго благоуханія тропическаго сквера, усердно поливали, засучивъ свои шаровары, нѣсколько рабочихъ. Они поливали его изъ громадныхъ мѣховъ — шкуръ, повидимому буйволиныхъ, сшитыхъ въ видѣ мѣшковъ, въ которые наливается изъ водокачки вода, затѣмъ разливаемая по улицамъ. Эти имѣвшіе чисто библейскій видъ утренніе труженики были единственнымъ что напоминало вамъ, что вы на Востокѣ. Все остальное переносило далеко на Западъ, и еслибы не пальмы, финиковая и oreodoxa regis, бананы, залитые пурпуромъ flambeaux d'orient (poinsettia pulcherrima), моря фіолетовыхъ цвѣтовъ bougenvillea, смоковницы и другія тропическія растенія публичнаго сада, вы могли-бы вообразить себя гдѣ-либо на окраинѣ Парижа. Ровныя, гладко вымощенныя улицы—съ широкими, чисто бульварными тротуарами, роскошныя кафе — теперь еще закрытыя, но съ выставленными, какъ въ Парижѣ, на улицу стульями и столиками, многоэтажные дома итальянскаго стиля съ зелеными внѣшними жалюзи у оконъ—какъ гдѣ-либо въ Неаполѣ; роскошные магазины, громадныя площади съ роскошными памятниками различныхъ пашей, изображенныхъ въ видѣ всадниковъ, зданіе театра (гдѣ впервые была дана «Аида»), достойное европейской столицы, прямыя, звѣздообразно расходящіяся улицы, носящія французскія названія вродѣ Boulevard Mehmed-Ali и т. п.—ничто не говорило, что вы въ Африкѣ, въ чисто магометанскомъ городѣ и государствѣ. А между тѣмъ это—сердце Каира,—правда, Каира, реформированнаго хэдивами-западниками,

подъ руководствомъ европейскихъ, преимущественно французскихъ дѣятелей.

По мѣрѣ того какъ я, сѣвши на осла, погоняемаго погонщикомъ, двигался впередъ, улица, по которой я ѣхалъ, постепенно съуживалась. Она теряла европейскій обликъ, дѣлаясь сперва похожею на турецкую, затѣмъ на бухарскую, ставъ узкимъ переулкомъ съ глиняными, лишенными оконъ, туркестанскаго типа домами-мазанками, кубическими, съ плоскими крышами и маленькими окнами, домиками. Я былъ уже собственно въ египетскомъ Каирѣ. Но и онъ спалъ, какъ европейскій, и поневолѣ поэтому я сосредоточилъ вниманіе мое на моемъ погонщикѣ и животныхъ, на которыхъ приходилось совершать путешествіе, признаться сказать, впервые — такъ-какъ у насъ въ Россіи ословъ (я разумѣю четвероногихъ) вы рѣдко когда увидите, а на Кавказѣ, какъ извѣстно, проѣхаться въ городѣ на ослѣ—это покрыть себя несмываемымъ позоромъ. Не такъ здѣсь. Это распространеннѣйшій изъ способовъ передвиженія. Имъ не брезгаютъ нетолько знатные туземцы, но и элегантные джентльмены изъ пріѣзжихъ иностранцевъ—даже всюду вѣрные своимъ привычкамъ англичане. «Donkey»,—какъ они здѣсь окрестили осѣдланныхъ красивыми, красными съ позолотою сѣдлами животныхъ,—почти то-же что легковой извощикъ для москвича или петербуржца. Здѣшніе ослы не похожи на ословъ Европы, ставшихъ эмблемою глупости и упрямства. Здѣсь они въ чести и гордо поднимаютъ свою голову. Удостоенные носить на хребтѣ своемъ почетныхъ лицъ, уважаемые наравнѣ съ верблюдомъ и съ лошадью, египетскіе ослы проявляютъ умъ и благородство, достойные коня, показывая, что надлежащее обращеніе способно облагородить и вызвать умъ и сообразительность даже у осла. Donkey дѣйствительно другъ своего погонщика, — и обычная, излюбленная фотографами уличная сценка города—это феллахскій мальчишка, заснувшій положивъ голову на шею лежащаго ослика, или, наоборотъ, оселъ, положившій свою голову на колѣни мальчика.

Не надобно, впрочемъ, думать, чтобы и здѣсь обращеніе погонщика съ животнымъ во время пути было особенно деликатно. Обыкновенно, когда оселъ бѣжитъ не особенно быстро, его провожатый издаетъ характерный крикъ: «ahl» произносимый какимъ-то особеннымъ тономъ отчаянія, и если животное не слушается моментально, къ нему обращаются болѣе сердитымъ «atthah!» Усталаго осла тычатъ палкою въ хвостъ и тогда онъ начинаетъ бѣжа ерзать задомъ — что не особенно пріятно для сѣдока. Но къ послѣднему средству погонщикъ прибѣгаетъ въ крайности, когда оселъ пристаетъ, часто не спрашивая, нравится-ли это сѣдоку. Впрочемъ тогда обыкновенно бываетъ плохо и погонщику. Подобно турецкому бака-баку, онъ рысью бѣжитъ за животнымъ, не отставая ни на минуту, и надо удивляться, какъ долго, несмотря на усталость, шутки и веселость не покидаетъ этихъ бѣгуновъ, своимъ остроуміемъ точно желающихъ показать, что они настолько-же умнѣе другихъ возницъ, насколько сообразительнѣе своихъ европейскихъ товарищей ихъ длинноухіе помощники. За этими шутками я не замѣтилъ, какъ выѣхалъ изъ узкихъ и кривыхъ улицъ туземнаго, чисто азіатскаго города и поднялся на высокій берегъ той низины, той части Нильской долины, въ которой расположенъ Каиръ. Я попалъ изъ долины въ степь, т. е. въ пустыню, желтую, съ мутнымъ горизонтомъ, безъ малѣйшаго слѣда какой-бы то ни было растительности. Картина была-бы самая удручающая, если-бы на первомъ планѣ этой мертвенной обстановки, какъ марево, какъ волшебная фата-моргана, не возвышался цѣлый городъ бѣлыхъ мечетей изящной арабской архитектуры. Здѣсь, въ сторонѣ отъ города живыхъ, возвышался городъ мертвыхъ—гробницы мамелюковъ, засыпаемыя пескомъ, но еще поддерживаемыя человѣкомъ, — безлюдный, подобный декораціи, изображающей красиваго мавританскаго стиля бѣлыя, увѣнчанныя куполами мечети различныхъ размѣровъ. Картина изъ арабскихъ сказокъ тысячи и одной ночи!

Мы скоро въѣхали въ покрытыя глубокимъ пескомъ улицы между этими мечетями. Къ намъ никто не вышелъ навстрѣчу. Никто не приставалъ съ просьбою о бакшишѣ, какъ то водится вездѣ въ окрестностяхъ Каира. Мы непрерывно продолжали разъ начатый путь на востокъ, и беззвучные шаги вязшихъ въ пескѣ осликовъ не нарушали покоя тѣней усопшихъ, погребенныхъ въ этихъ мечетеобразныхъ могилахъ. Скоро ихъ кубическіе, увѣнчанные куполами силуэты остались позади насъ въ дымкѣ пыли, въ которой совсѣмъ потонулъ еще болѣе удаленный Каиръ.

Мы были въ настоящей пустынѣ—въ той Ливійско-Аравійской пустынѣ, которая тянется, сохраняя характерныя черты свои далеко на востокъ, вплоть до береговъ Краснаго моря, въ пустынѣ, съ которой связано столько библейскихъ разсказовъ. Цвѣтъ разстилавшагося передъ нами пространства былъ буровато-коричневый. Это не былъ желтоватый или кофейный цвѣтъ глинистыхъ пустынь Туркестана, это былъ оттѣнокъ, который я сравнилъ-бы съ цвѣтомъ подгорѣлаго, посыпаннаго миндалемъ песочнаго пирожнаго. Дѣйствительно, нетолько внѣшній обликъ, но и самое строеніе пустынной почвы оправдываютъ это сравненіе. Вы видите передъ собою рыхлую песчанистую поверхность, посыпанную камешками различной величины и формы, которые разбросаны по поверхности безъ всякаго порядка, подобно кусочкамъ поджареннаго миндаля на пирожномъ. Даже самаго ненаблюдательнаго путешественника поразитъ это расположеніе камешковъ. Въ нашихъ странахъ не встрѣчается ничего подобнаго. Мы знаемъ почвы, состоящія изъ валуновъ и галичника по берегамъ нашихъ рѣкъ и морей, гдѣ они, круглые, окатанные водами, образуютъ часто значительныя толщи. Мы знаемъ осыпи изъ щебня на склонахъ горныхъ долинъ. Но и тамъ они образуютъ однородные слои. Напротивъ, здѣсь получается такое впечатлѣніе, какъ-будто на песчаную поверхность пустыни кто-нибудь сверху набросалъ различ-

ной величины и формы камешки которые и остались лежать, какъ лежатъ на только-что замерзшей поверхности рѣки брошенные мальчишками кирпичи и гальки. Вся пустыня, куда хватаетъ глазъ, покрыта такими камешками. Они чернаго или буро-коричневаго цвѣта, какъ-будто поджарились или загорѣли на солнцѣ. Да они и загорѣли въ дѣйствительности. Разбейте такіе коричневые камни—и вы убѣдитесь, что они состоятъ зачастую изъ снѣжно-бѣлаго известняка, загаръ-же образуетъ на ихъ поверхности ничтожной толщины корочку. Какимъ образомъ солнце вызываетъ этотъ загаръ—пока еще не выяснено наукой. Тѣ части камня, которыя лежатъ въ землѣ, сохраняютъ также свой естественный цвѣтъ. Выступающая на поверхность земли часть камня вся источена работой вѣтра и песка, она приняла неправильныя формы и обыкновенно сдѣлалась ноздристой. Въ большинствѣ случаевъ такіе камни оказываются внутри халцедонами, кремнями, состоятъ изъ твердаго желѣзняка или, рѣже, суть обтертыя вѣтромъ и пескомъ окаменѣлыя раковины отдаленныхъ геологическихъ эпохъ. Мѣстами, въ пунктахъ, извѣстныхъ туристамъ подъ именемъ большого и малаго окаменѣлаго лѣса, по землѣ разбросаны куски окаменѣлаго дерева различныхъ величинъ. Словомъ, камни, которыми посыпана здѣшняя пустыня, далеко не обыкновенные камни, какіе валяются по полямъ и дорогамъ сѣверной и средней Россіи. Трудно повѣрить, а между тѣмъ это такъ,—эти камни суть остатки такихъ-же кремней, такихъ-же желваковъ (конкрецій) и окаменѣлостей, какіе встрѣчаются у насъ вездѣ въ глубинѣ глинъ, известняковъ, песчаниковъ и другихъ осадочныхъ породъ, обнажающихся въ нашихъ ярахъ и оврагахъ, иногда вымываясь водами на дно этихъ послѣднихъ. Но мощныя толщи породы, изъ которой нѣкогда была сложена поверхность степи, дѣйствіемъ вѣтра и пыли превратились въ прахъ и были раздуты. Прахъ породы далеко унесенъ отсюда—и напоминаніемъ о когда-то бывшихъ горахъ и утесахъ остались лежать

на поверхности степи только эти камни, подобно песчинкамъ, скопившимся на днѣ стакана отъ куска грязнаго льду, въ немъ растаявшаго.

Глядя на ростъ нашихъ овраговъ, мы удивляемся размывающей дѣятельности воды; но что такое эта дѣятельность въ сравненіи со свидѣтельствомъ этихъ камней пустыни, говорящихъ о сотняхъ саженей мощныхъ пластовъ породъ, твердыхъ какъ мѣлъ, раздутыхъ и безслѣдно уничтоженныхъ въ пустынѣ! Остатки отъ этого раздуванія видны и теперь. Они придаютъ пустынѣ неровный, холмистый видъ, и такъ-какъ почва Египта, какъ и у насъ, сложена изъ пластовъ различнаго цвѣта и различной твердости, то и поверхность степи и тоны ея общей желтобурой окраски не одинаковы. Гдѣ порода раздувалась труднѣе, гдѣ она не такъ легко отъ жару и холода разсыпалась въ пыль, тамъ поверхность степи выше, неровнѣе, воздымаясь то въ видѣ маленькаго плоскогорья, или ряда холмовъ, часто по формѣ напоминающихъ очень низкій усѣченный конусъ. Они придаютъ пустынѣ мѣстами холмисто-гористый видъ. Но эти неровности не рѣжутъ глазъ. Онѣ расплываются въ голубомъ воздухѣ, приближающемъ отдаленные предметы и удаляющемъ близкіе. Однѣ изъ группъ такихъ возвышенностей бѣловаты, другія отдаютъ въ желтый или коричневый тонъ, третьи кажутся почти черными. Но такъ-какъ коричневый покровъ камешковъ маскируетъ естественный цвѣтъ поля, то переходы отъ одной окраски къ другой незамѣтны, цвѣта выдѣляются нерѣзко, особенно при всегда нѣсколько мутной отъ пыли атмосферѣ пустыни. Потому общій тонъ пустыни все-таки желтобурый, со слабыми оттѣнками и переливами въ другіе цвѣта, что, при полномъ отсутствіи растительности и наготѣ почвы, одно только и придаетъ разнообразіе панорамѣ, лишая ее монотонности и придавая извѣстную красоту, особенно въ утренніе часы, когда эти переливы оттѣнковъ гораздо рѣзче и отдаленные холмы и высоты рѣзче выдѣляются

на горизонтѣ. Впрочемъ, пустыня вообще кажется мертвенною и монотонною лишь для поверхностнаго наблюдателя. Ея пространства гораздо оживленнѣе и интереснѣе, чѣмъ волнующаяся поверхность моря. Здѣсь также повсюду идетъ энергичная, далеко еще не окончившаяся работа вѣтра, различныя фазы которой безконечно любопытнѣе, чѣмъ болѣе или менѣе однообразныя формы волнъ моря, съ которымъ такъ любятъ сравнивать пустыню. И здѣсь всякая возвышенность, хотя-бы она только незначительно выдавалась надъ поверхностью, изрѣзана оврагами, хотя углубленія эти по своему происхожденію и свойствамъ и не тождественны съ нашими оврагами. Вмѣсто того чтобы съуживаться, какъ у насъ, у верховьевъ, они остаются почти столь-же широкими у верховья, какъ и у устья, и стѣнки ихъ вездѣ такъ-же отвѣсны, какъ стѣны корридоровъ.

Если порода, слагающая холмъ, въ который врѣзался такой оврагъ, слоиста, то слои различной твердости въ различной мѣрѣ выступаютъ внутрь оврага, образуя рядъ амфитеатрообразно расположенныхъ *полокъ*, наподобіе полокъ въ шкафу. Каждый порывъ вѣтра выдуваетъ песокъ и пыль, соединяющіе основанія полокъ, пока онѣ не обрушатся другъ на друга отъ своей тяжести. Тамъ, гдѣ нѣтъ такихъ полокъ, вѣтеръ прямо и безпрепятственно продуваетъ оврагъ, углубляя и расширяя его, унося все, что обрушится на его дно, и постепенно превращая въ широкую, съ крутыми стѣнками долину. Такія долины, встрѣчаясь, разрѣзаютъ степи на отдѣльные участки и, расширяясь все болѣе и болѣе, оставляютъ отъ нихъ незначительныя возвышенности, раскиданныя по степи, да твердые камни, усыпающіе степную почву. Каждый день можно видѣть эту медленную работу вѣтра: вершины овраговъ курятся столбами пыли, выносимой вѣтромъ съ ихъ стѣнокъ.

Раздувающая сила вѣтра не оставляетъ въ покоѣ и отдѣльные обломки, отдѣльныя глыбы, упавшія на дно

долинъ, на дно *вади*, какъ зовутъ здѣсь эти созданные вѣтромъ овраги. По пути я видѣлъ камни, напоминающіе формою своею громадные грибы на ножкѣ. Болѣе рыхлое основаніе глыбы, легче раздуваемое, приняло форму ножки, верхняя, болѣе устойчивая часть сохранила свои прежніе размѣры и кажется шляпкою. Иногда цѣлое семейство такихъ исполинскихъ грибовъ возвышается гдѣ-нибудь подъ скалою. Часто камни принимаютъ еще болѣе странныя формы, и кажется, что въ этомъ царствѣ смерти сами скалы, взамѣнъ живыхъ формъ, стараются принять формы, присущія организмамъ, чтобы сколько-нибудь скрасить наготу пустыни.

Въ то время какъ порывы вѣтра, непрестанно дующаго въ пустынѣ, ударяясь въ стѣнки овраговъ и возвышающихся среди пустыни холмовъ, вздымаютъ у ихъ вершинъ вихри пыли, на ровной, посыпанной камешками поверхности онъ не сноситъ ни пылинки. Вѣтеръ, способный сорвать съ васъ шляпу, въ окрестностяхъ Каира и на его дорогахъ поднимающій столбы пыли, здѣсь свободно гуляетъ на просторѣ, не вздувая ни пылинки. Пустыня—это царство Эола. Вѣтеръ давно вымелъ и преобразовалъ по-своему ея поверхность. Все, что мѣшало его дикому произволу, давно унесено прочь. Пустыня выметена до-чиста, и самъ вѣтеръ, чистый, свѣжій, живительный, гуляетъ по ней какъ хозяинъ. Пусть солнце немилосердно жаритъ землю своими лучами, вѣтеръ парализуетъ ихъ силу: вамъ не жарко, вы не чувствуете испарины, пока его дыханіе васъ охватываетъ; между тѣмъ попробуйте спуститься въ защищенные отъ вѣтра вади, или пусть на время затихнетъ вѣтеръ—и вы сейчасъ почувствуете, что такое египетское солнце.

Причина безсилія вѣтра на поверхности пустыни заключается, мнѣ кажется, въ томъ, что рыхлая, пылеобразная, легко раздуваемая порода, составляющая въ большинствѣ пунктовъ почву пустыни, посыпана камешками и песчинками. Эти песчинки какъ-бы подобраны

одна къ другой, образуя родъ естественной микроскопической мостовой. Онѣ расположены такъ, что вѣтру нельзя зацѣпить ихъ ни съ какой стороны. Эта миніатюрная вѣтроупорная мостовая, эта тоненькая корочка пустыни покрываетъ почву, способную раздуваться въ тончайшую пыль. Значеніе этой корочки для пустыни легко видѣть, если станемъ наблюдать за ногами погонщика или ословъ. Непрочная тонкая корочка рушится отъ ихъ давленія—и сейчасъ-же цѣлый столбъ пыли вырывается изъ слѣда. И долго еще пылится по пустынѣ оставленный вами слѣдъ, гдѣ живыя существа нарушили порядокъ и гармонію въ безжизненномъ царствѣ Эола. Только при очень сильной бурѣ взламывается эта пустынная корка—тогда солнце меркнетъ, атмосфера наполняется густою пылью, и, зачерпнувъ мѣшокъ пустыннаго воздуха, давъ ему отстояться, вы можете собрать баночку «египетской тьмы»—настоящей, а не той, что показываютъ легковѣрнымъ старушкамъ наши паломники. Во время такого вѣтра обнажаются изъ почвы новые желваки и окаменѣлости, расширяютъ свои стѣнки вади. Но вѣтры эти не такъ часты—и потому долго лежатъ незасыпанными кости павшихъ около караванныхъ путей животныхъ, разнообразя ихъ монотонность. Эти пути, равно какъ усыпанные пескомъ потоки рѣдкихъ дождей даютъ единственное разнообразіе поверхности сосѣдней съ Каиромъ пустыни. Пустыня сохраняетъ годами слѣды текшихъ по ней водъ—будто только вчера прошолъ ливень.

Въ сущности-же дождь здѣсь рѣдкій гость, и потому, какъ мы видѣли, пустыня совершенно лишена растительнаго покрова, что рѣзко отличаетъ ее отъ нашихъ туркестанскихъ степей, гдѣ хотя горькая полынь, саксаулъ или солянки нѣсколько оживляютъ ея поверхность.

Ошибется, однако, читатель, если онъ предположитъ, что здѣсь совершенно нѣтъ растеній. Они есть, но не играютъ никакой роли въ пейзажѣ. На мѣстахъ бывшихъ водотоковъ, на разстояніи многихъ саженей другъ отъ

друга поднимаются невзрачные, колючіе, большею частью даже вовсе лишенные жизни кустики. Гдѣ почва сильно песчаная, какъ то мнѣ пришлось нѣсколькими днями позже видѣть на лѣвомъ берегу Нила, въ настоящемъ преддверіи Сахары, на мѣстахъ такихъ водотоковъ развивается издали кажущійся легкимъ зеленоватымъ налетомъ подборъ изъ различныхъ, рѣдко превышающихъ высотою нѣсколько дюймовъ—растеній-лилипутовъ. Я видѣлъ здѣсь миніатюрные ковыли, желтенькія сложноцвѣтныя вродѣ Lenecio, разныя крестоцвѣтныя. Подобно кочевникамъ, то тамъ, то здѣсь разбивающимъ свои лагери, эти растенія эфемерны, развиваются и умираютъ чрезвычайно быстро— въ 2—3 недѣли. Сожженныя солнцемъ, они разметаются въ прахъ вѣтромъ, чтобы вновь возродиться тамъ, гдѣ ихъ зародыши найдутъ влагу.

Только въ ущельяхъ скалъ найдете вы болѣе крупные виды. Они пушисты, колючи, цвѣты ихъ некрасивы, но зато, какъ показали изслѣдованія Волькенса, они могутъ черпать влагу своими волосками изъ воздуха и обходиться почти безъ корней. Тутъ-же въ ложбинахъ между скалъ найдете вы и знаменитую іерихонскую розу — растеніе, свертывающееся по отцвѣтаніи въ клубокъ, который свободно, какъ шаръ, катается вѣтромъ по степи. Положите этотъ клубокъ въ воду—и онъ развернется въ своеобразное вѣтвистое растеніе!

Я не видалъ здѣсь представителей животнаго міра, тѣхъ орловъ, ястребовъ, змѣй и ящерицъ, которые придаютъ столько своеобразія нашимъ прикаспійскимъ степямъ. Но зато тѣмъ болѣе эффектное зрѣлище представляетъ проходящій караванъ.

Я видѣлъ одинъ такой близъ Фаюнскаго оазиса. Впереди—почти обнаженный негръ, со шкурою черезъ плечо и съ винтовкою на плечѣ, за нимъ—вереница верблюдовъ, тяжело нагруженныхъ палатками бедуиновъ, длинноногихъ, сухощавыхъ, смуглыхъ, въ длинныхъ синихъ халатахъ. Вожатый распѣваетъ дикую пѣсню, и ея звуки да-

леко раздаются среди мертвенной буро-желтой пустыни. Какими оригинальными ощущеніями должно сопровождаться путешествіе съ такимъ караваномъ! Оно теперь на незначительныя протяженія доступно туристамъ—и, говорятъ, ночевки преисполнены поэзіи. Могу этому повѣрить, вспоминая то, что переживалъ въ Азіи.

Но вотъ караванъ исчезъ, и пустыня опять погрузилась въ молчаніе. Ничто, ничто въ ней не развлекаетъ вашего вниманія. Все неподвижно и неизмѣнно, но въ цѣломъ все образуетъ величественную обстановку. Она оставляетъ впечатлѣніе болѣе сильное, чѣмъ величественнѣйшіе тропическіе ландшафты. Здѣсь земля, неизмѣненная, какою она вышла изъ рукъ Творца, бесѣдуетъ съ небомъ, съ Богомъ. Вы одни между ними двумя, ничто не развлекаетъ вашихъ думъ; напротивъ, тишина и величіе обстановки настраиваютъ ихъ на высокое, а вѣтеръ, парализуя лучи солнца, даетъ возможность долго-долго, не утомляясь, предаваться размышленію. И неохотно поэтому покинулъ я эту безжизненную Сахару, чтобы вернуться въ Каиръ.

Достигнувъ высотъ Джебъ-эль-Мокаттамъ, я попалъ на обратномъ пути изъ пустыни въ область городскихъ каменоломень. Вѣтеръ, чистый и прозрачный въ пустынѣ, здѣсь со свѣжихъ обнаженій известняка поднималъ густую, ѣдкую пыль, черезъ которую нельзя было видѣть на шагъ передъ собою. Уподобившись по костюму мельникамъ, едва не задохнувшись, мы наконецъ выбрались изъ этой ужасной области, и подъ моими ногами развернулась полузакутанная въ сѣрожелтой пыли панорама Каира.

Если не считать нашихъ русскихъ городовъ съ ихъ многочисленными златоглавыми церквами и колокольнями, врядъ-ли найдется на свѣтѣ городъ, видъ котораго съ птичьяго полета былъ-бы столь своеобразенъ и столь красивъ, какъ видъ Каира. Полузадернутая въ дымку на безграничное пространство подъ ногами вашими, раскинулась масса высокихъ и низкихъ кубическихъ желтобурыхъ построекъ. Она не оставляла-бы ровно никакого впечат-

лѣнія, еслибъ надъ нею, наподобіе отдѣльныхъ высокихъ цвѣтоносныхъ стеблей надъ уровнемъ травъ зеленой степи, не возвышалось великое множество красивыхъ, разнообразной архитектуры минаретовъ, то длинныхъ и тонкихъ, бѣлыхъ какъ свѣчи, то болѣе массивныхъ, желтыхъ, съ различными выступами, то наконецъ пестрыхъ, представляющихъ сплетеніе бѣлыхъ и красныхъ полосъ—какъ на одеждѣ арлекина. Единственная въ своемъ родѣ картина.

Минареты эти сопровождаютъ или высокія, массивныя, завершенныя куполомъ постройки мечетей, или не менѣе оригинальныя хитрыя зданія мэдрессе. Ихъ не меньше чѣмъ у Москвы, и потому, какъ Москва, Каиръ издали, съ высоты производитъ крайне своеобразное, эффектное впечатлѣніе. Не забывайте, что вы видите его послѣ мертвой, безлюдной пустыни. За этой массой жилыхъ зданій, почти тая въ мутной атмосферѣ, какъ какой-нибудь фантомъ, едва выдѣляются тѣни громадныхъ пирамидъ противоположнаго берега Нильской долины... Тѣни сѣдой старины, давно отжившаго прошлаго, тихо бодрствуютъ надъ бьющей ключемъ жизнью, окруженною мертвенною, безмолвною, величественною пустыней!

Эта жизнь теперь тянетъ къ себѣ. Она схватываетъ васъ въ Каирѣ, какъ и во всякомъ восточномъ городѣ, разъ только вы попадете въ его туземныя, узкія, набитыя народомъ улицы. То-же кипѣніе, тотъ-же строй жизни, что и въ Константинополѣ, толкотня, шумъ, крики, только все это гораздно цвѣтистѣе, гораздо разнообразнѣе, соотвѣтственно южному положенію столицы халифовъ.

Здѣсь разнообразіе и цвѣтистость костюмовъ напоминаютъ Самаркандъ. Фески чередуются со шляпами и роскошными бѣлыми чалмами. Арабы въ бѣлыхъ шараварахъ и яркихъ полосатыхъ, золотисто-красныхъ камзолахъ, негры, съ ихъ черными типичными физіономіями и курчавыми волосами, въ такихъ-же арабскихъ костюмахъ, земляного цвѣта феллахи въ длинныхъ синихъ, до полу хватающихъ, разстегнутыхъ на груди рубахахъ и бѣлыхъ

ермолкахъ, копты въ скромной темной одеждѣ, женщины съ лицами, закутанными полосою темной матеріи, сдерживаемой особыми мѣдными цилиндрами, прикрѣпленными надъ носомъ; наконецъ, галоппирующіе на ослахъ полупьяные англійскіе солдаты въ красныхъ какъ сургучныя палки мундирахъ, болѣе пригодныхъ для костюма Ваньки Стикса изъ «Орфея въ аду», чѣмъ для воина, все это въ узкихъ улицахъ, съ загороженными рѣшоткою окнами, кишитъ и тѣснится, входя и выходя въ еще болѣе тѣсные переулки съ открывающимися въ нихъ лавками. Вы напрасно будете искать въ этихъ лавкахъ чего-либо оригинальнаго. Фрукты, европейскіе мануфактурные товары, готовое платье, фески. Ничего африканскаго или азіатскаго, и съ трудомъ найдетъ globe trotter лавку, гдѣ для подобныхъ ему туристовъ собраны curios изъ *Судана*, или торговца съ восточными благовоніями, сфабрикованными вѣроятно въ Германіи или Франціи. Крики ословъ и вереницы верблюдовъ со смуглыми бедуинами довершаютъ сумятицу душныхъ смрадныхъ улицъ, достигающую апогея когда въ такую улицу попадетъ фаэтонъ съ европейскими туристами.

И здѣсь, какъ въ Константинополѣ, работа и жизнь идетъ на улицѣ, и здѣсь она не прекращается до ночи, когда зажигаются свѣтлые огни въ лавкахъ, цирюльняхъ и кафе, являются танцовщицы и сказочники и звуки музыки и восточнаго пѣнія заманиваютъ туристовъ. Чѣмъ ближе къ европейскому кварталу, тѣмъ шире улицы. Дома теряютъ азіатскій обликъ, жизнь принимаетъ европейскія черты. Являются хорошіе магазины съ зеркальными стеклами, европейскіе товары. На мѣсто азіатскихъ кофеенъ выступаютъ европейскаго типа кафе-шантаны, гдѣ въ обстановкѣ французскаго кафе вы услышите и пѣніе восточныхъ пѣсенъ и увидите далеко не цѣломудренный танецъ живота, исполняемый полуобнаженными пѣвицами. Но здѣсь уже Востокъ опошленъ, на улицахъ нѣтъ патріархальности, и вы не увидите, какъ въ туземномъ Каирѣ,

характерныхъ сценъ третейскаго суда поссорившихся, послѣ котораго виновнаго оборачиваютъ вверхъ ногами и всыпаютъ при громкихъ крикахъ здоровые удары палками по пяткамъ.

Осыпанный пылью, пронизавшею мое платье насквозь, я хотѣлъ освѣжиться въ одной изъ многочисленныхъ, попадавшихся мнѣ по пути бань. Это мнѣ хотѣлось сдѣлать тѣмъ болѣе, что египетскій хаманъ рекомендуется посѣтить туристамъ. Но хотя я попалъ въ лучшій изъ нихъ, я глубоко разочаровался. По чистотѣ и опрятности это далеко не то, что турецкая баня въ Константинополѣ. Развѣ только для антрополога или скульптора, желающаго познакомиться со сложеніемъ современныхъ египтянъ, можетъ доставить удовольствіе посѣщеніе подобной бани. Покинувъ общую раздѣвальню, не особенно опрятную, и надѣвъ на ноги деревянныя подошвы, крайне неудобныя для ходьбы, вы входите въ грязную, наполненную народомъ общую комнату. Черезъ куполообразный сводъ въ нее проникаетъ полусвѣтъ. Въ одномъ изъ угловъ, подъ нишею, помѣщается глубокій резервуаръ съ кипяткомъ, въ которомъ варятся нѣсколько черномазыхъ субъектовъ, соскребая съ себя грязь. Вамъ предлагаютъ окунуться туда-же... ффа! Затѣмъ васъ скребутъ и растираютъ по восточному, обмываютъ мыломъ, и ваше мытье окончено. Васъ заворачиваютъ въ сомнительной чистоты одѣяло, и вы уходите, чтобы вымыться еще разъ отъ такой бани у себя въ отелѣ: въ противномъ случаѣ, чего добраго, рискуете получить одну изъ распространенныхъ въ Каирѣ накожныхъ болѣзней.

Такою казалась мнѣ египетская баня тогда. Какимъ верхомъ чистоты представлялась-бы мнѣ она теперь, послѣ мѣстъ омовенія индусовъ, китайцевъ и даже чистоплотныхъ японцевъ!

Но въ этихъ муравейникахъ человѣчества избѣгнуть сосѣдства человѣка трудно. Вездѣ вы окружены людьми, занятыми дѣломъ или бездѣльничающими; они шумя окру-

жаютъ васъ и днемъ, и ночью, захватываютъ васъ въ свой водоворотъ жизни, способны закружить голову хоть кому. И вы начинаете жалѣть прелести уединенія и тишины пустыни, вы поймете мыслителей древности, бѣжавшихъ изъ шумныхъ улицъ этихъ городовъ, чтобы собраться съ мыслями въ полномъ молчаніи пустыни, гдѣ ихъ не развлекаютъ ни птица, ни звѣрь, ни разнообразные ландшафты. Это лучшій въ мірѣ кабинетъ для мыслителей. Неудивительно поэтому, что не молчаливыя дубравы сѣвера, гдѣ ютятся наши скиты, не уединенные кабинеты европейскихъ городовъ,—а величавое молчаніе африканско-аравійской пустыни, гдѣ величавая земля ведетъ свою бесѣду съ небомъ, создали Моисея и всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ пророковъ и учителей человѣчества.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Въ гостяхъ у феллаховъ.

Египетъ, или вѣрнѣе, та часть Египта, гдѣ живутъ осѣдлые жители и возможно земледѣліе, какъ справедливо писалъ еще Геродотъ, есть даръ Нила—его пойма и его дельта. Но насколько оригинальна по своимъ явленіямъ окружающая Нильскую долину пустыня, настолько же мало привлекательна, на большей части ея протяженія, пойма. Туристъ, выѣхавъ изъ Александріи на поѣздѣ, направляющемся въ Каиръ, первые часы испытываетъ полное разочарованіе. Задыхаясь отъ пыли, отовсюду проникающей въ вагонъ, мчится онъ по плоской равнинѣ дельты, видя справа и слѣва однообразную культуру. Она не веселила глаза даже намъ, только-что покинувшимъ снѣжныя пространства Россіи и заставшимъ здѣсь полное лѣто. У насъ въ Туркестанѣ поля обсажены тутовыми деревьями, всюду виднѣются джидди, тополи, осѣняющіе деревушки, и разнообразнѣйшія культурныя растенія смѣняютъ другъ друга. Здѣсь это безконечная равнина однообразныхъ зеленыхъ полей египетской пшеницы и клевера, ровная, точно укатанная, пересѣченная по всѣмъ направленіямъ большими и малыми каналами.

Тамъ и сямъ на этой зеленѣющей равнинѣ чернѣется вспаханное поле, на которомъ смуглые, какъ та почва, которую они обрабатываютъ, въ длинныхъ синихъ рубахахъ феллахи устраиваютъ нѣчто вродѣ низкихъ огородныхъ

грядъ для посѣва хлопка. Рѣже попадаются бобы. Таковъ характеръ нильской дельты въ ея лучшихъ мѣстахъ; восточнѣе она еще хуже: тамъ она покрыта соляными выцвѣтами или скудной сѣрой солончаковой растительностью, нерѣдко наполовину погребенною песками надвигающейся пустыни. Это монотонное царство пшеницы и клевера—слишкомъ знакомо намъ, степнякамъ, чтобы восхищать насъ. Наблюденіе изъ оконъ вагона подтверждается статистическими цифрами. Въ то время какъ пшеница занимаетъ въ Египтѣ 1 241 100 акровъ, клеверъ—941 222, бобы—775 868, на долю всѣхъ остальныхъ растеній остается менѣе 500 000 акровъ. Притомъ изъ этихъ второстепенныхъ растеній главную роль играютъ опять-таки рожь, чечевица, лупинусы, горохъ, турецкіе бобы, табакъ и ленъ—все знакомые, отечественные продукты, дѣлающіе нильскую дельту похожею на нашу воздѣланную степь, только степь болѣе обработанную и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе безотрадную и ровную. У насъ обработанныя пространства оживляются селеніями; ихъ соломенныя крыши, садики, ветлы около греблей, все это вноситъ нѣкоторое разнообразіе, и даже въ области прозаичныхъ великорусскихъ селеній вы встрѣтите

...На холмѣ средь желтой нивы
Чету бѣлѣющихъ березъ.

Здѣсь селенія туземцевъ обыкновенно ютятся на буграхъ, менѣе заливаемыхъ наводненіями. Это группы тѣсно сближенныхъ земляныхъ кубиковъ, вылѣпленныхъ изъ той-же буро-черной египетской почвы. По архитектурѣ, издали, они поразительно напоминаютъ желтыя постройки нашихъ туркестанскихъ кишлаковъ, но ихъ цвѣтъ болѣе мраченъ, и они обыкновенно совершенно лишены деревьевъ, что придаетъ селенію скорѣе видъ покинутыхъ развалинъ, чѣмъ человѣческаго жилья. Они наводятъ уныніе. Тамъ и сямъ линію желѣзнодорожнаго пути пересѣкаетъ дорога, усаженная высокими, безлистными, съ длин-

ными и тонкими какъ проволоки вѣтвями казуариніями, или покажется сѣрый, запаленный тамарискъ *—не кустарникъ, какъ у насъ, а высокое, но уродливо искривленное дерево. Гдѣ-же знаменитыя финиковыя пальмы? спросите вы, читатель. Да, изрѣдка и очень изрѣдка вы встрѣтите и ихъ.

Представьте себѣ старую, обтрепавшуюся, запыленную метелку для смахиванія пыли, съ наполовину выщипанными перьями и на очень длинной палкѣ, — и вы получите представленіе объ этихъ пальмахъ, у которыхъ, въ довершеніе ихъ безобразія, вѣтеръ повернулъ оставшіяся ваи въ одну сторону. Таковъ ландшафтъ нижняго Египта весною. Лѣтомъ, говорятъ, сцена нѣсколько измѣняется.

Нилъ, какъ извѣстно, разливается осенью, а не весною, какъ наши рѣки. Первые признаки повышенія уровня наблюдаются 19 іюня (3 іюля). Это стремятся зеленыя и нездоровыя воды верхняго Нила. Онѣ смѣняются краснобурыми, и къ концу августа разливъ достигаетъ своей полной силы. Онъ длится до 7 октября, когда воды начинаютъ постепенно спадать и тогда въ концѣ упомянутаго мѣсяца начинается посѣвъ озимыхъ растеній, эта культура chetwi, какъ ее именуютъ египтяне.

Поэтому въ мартѣ вы уже видите въ Египтѣ картину поздняго лѣта, особенно на югѣ, гдѣ къ этому времени уже заканчиваютъ жатву. Къ апрѣлю сборъ хлѣбовъ кончаютъ и на сѣверѣ, и съ мая по октябрь вновь взрыхленная почва предназначается для культуръ, требующихъ большого жара, такъ сказать полутропическихъ. Это культуры séfi (сэфи), состоящія главнымъ образомъ изъ *хлопка*, сахарнаго тростника, сорго, кукурузы, сезама, кунжута, индиго, риса и нѣк. др. Но и это растенія мало эффектныя и, кромѣ сахарнаго тростника, существующія въ нашихъ русскихъ владѣніяхъ. Они не могутъ лѣтомъ особенно оживить и украсить плоскую

* Гребенщикъ.

дельту. Поддержаніе ихъ на египетской почвѣ стоитъ большихъ усилій. У насъ въ Туркестанѣ быстрая вода горныхъ рѣкъ, устремляясь по арыкамъ, орошаетъ поля земледѣльца безъ особенныхъ хлопотъ: ему стоитъ только открыть маленькую деревянную плотинку, отдѣляющую русло водоотводной канавки отъ главнаго арыка,—и вода зальетъ его поле. Не то здѣсь въ Египтѣ. Уже теперь, когда только-что начиналась садка хлопка, можно было наблюдать въ полномъ дѣйствіи тѣ поливныя орудія, на которыхъ держится все египетское земледѣліе.

Если что вноситъ нѣкоторое разнообразіе въ плоскій и однообразный пейзажъ египетской дельты, то это, конечно, безчисленные журавли колодцевъ,—весьма напоминающіе наши малороссійскіе,—надъ которыми неустанно работаютъ феллахи. Вмѣсто ведра они вытаскиваютъ воду кожанымъ черпакомъ, довольно плоскимъ, формою напоминающимъ наши плоскія корзины для фруктовъ. Сколько тысячъ разъ должны подняться и опуститься перекладины такого хадуфа, чтобы вычерпать и пустить по поверхности вѣтвящагося между грядами оросительнаго канала достаточное для роста хлопка количество воды! Высчитано, что въ минуту хадуфъ можетъ поднять 10 разъ черпакъ съ водою, вмѣщающій 10 литровъ. Такимъ образомъ въ минуту вычерпывается 100 литровъ. или 6 кубическихъ метровъ въ часъ. Но человѣкъ не можетъ работать на хадуфѣ безъ устали болѣе 2-хъ часовъ, и потому, чтобы 1 разъ полить полдесятины, надо, чтобы работало не менѣе 2-хъ человѣкъ. Если надо поднять воду на высоту большую, чѣмъ 3 метра, употребляютъ такъ-называемый *sakieh* (сакіэ) или водочерпательное колесо — родъ ворота, вращаемаго лошадью или воломъ, соединеннаго съ другимъ колесомъ, съ зачерпывающими изъ рѣки воду ведрами.

Вся египетская пойма усѣяна хадуфами и сакіэ. Изрѣдка начинаютъ попадаться локомобили. Все это неустанно работаетъ, чтобы утолить жажду растущихъ на

поляхъ растеній. И, несмотря на эту громадную затрату силъ, урожайность здѣшнихъ полей далеко не баснословная. Знатокъ здѣшняго земледѣлія, египетскій агрономъ Kamel Gali, утверждаетъ, что урожаи эти не больше чѣмъ въ окрестностяхъ Brai, въ Венгріи, или около Одессы. Въ среднемъ на гектарѣ здѣсь получаютъ 14 гектолитровъ пшеницы, только 10—ржи, 11—бобовъ, 12—маису и отъ 12 до 13—чечевицы. Поэтому въ южномъ Египтѣ, какъ подспорье къ 2-мъ предъидущимъ сборамъ, иногда, въ промежутокъ между августомъ и октябремъ, дѣлаютъ 3-й посѣвъ, *nili*, посѣвъ риса, маиса и проса.

По мѣрѣ приближенія къ Каиру, мы изъ дельты Египта вступаемъ въ его долину, въ его пойму въ тѣсномъ смыслѣ слова. Изъ оконъ вагона свободно можно видѣть оба берега рѣчной долины, но ихъ разсмотрѣть, конечно, еще гораздо лучше, если предпринять, какъ то сдѣлалъ я, поѣздку вверхъ по рѣкѣ до широты оазиса Фаюмъ. Тутъ вы легко замѣтите, что Нильская долина тѣмъ рѣзко отличается отъ долинъ нашихъ рѣкъ, что у нея оба берега высоки и круты, какъ высокъ и крутъ у насъ только правый берегъ нашихъ рѣкъ. Долина лежитъ какъ-бы въ корридорѣ, громадной ширины рвѣ, среди равнинъ окружающей пустыни. Въ этихъ берегахъ, особенно лѣвомъ, какъ и у насъ, многочисленные яры, вѣрнѣе—даже одинъ сплошной яръ, изрѣзанный вади, соотвѣтственно нашимъ оврагамъ. Лѣвый берегъ рѣчной долины, пустыня котораго болѣе песчаниста, въ большинствѣ пунктовъ занесенъ пескомъ. Эти пески проникаютъ и въ самую низину поймы, мѣстами покрывая ее барханами и дюнами, уничтожившими всякую культуру. Земледѣльцу приходится вести съ ними борьбу, нерѣдко безуспѣшную, и картины засыпанныхъ культуръ, аналогичныя съ тѣми, какія я видѣлъ въ низовьяхъ Зарявшана, въ Бухарѣ, я во множествѣ наблюдалъ около Helnan les bains, за Бедретейномъ и около Фаюма.

Какъ у насъ на возвышенныхъ пунктахъ правыхъ бе-

реговъ рѣкъ возвышаются группы кургановъ, такъ точно здѣсь вы видите группы пирамидъ, этихъ исполинскихъ кургановъ пустыни. Невольно хочешь ихъ уподобить другъ другу. И тѣ, и другіе расположены рядами, и тѣ, и другіе господствуютъ надъ мѣстностью. И курганы, и пирамиды окружены подземными склепами, для которыхъ они играютъ роль памятниковъ. И тѣ, и другіе возвышаются на высотахъ надъ рѣчными долинами. И тѣ, и другіе хранятъ таинственныя сокровища, оставленныя чуждыми современной культурѣ народами сѣдой старины. Какъ наши курганы, такъ и пирамиды еще не сказали послѣдняго слова. Посѣтите музей въ окрестностяхъ Каира, и вы найдете тамъ массу новаго—вы встрѣтите тамъ чудныя статуи, изваянныя въ то время, когда греки были дикарями, издѣлія, свидѣтельствующія о высокой культурѣ въ отдаленнѣйшіе періоды исторіи Египта. Какъ наши курганы наполовину смыты и распаханы, такъ облупились и разсыпаются пирамиды, кстати сказать, далеко не вездѣ по формѣ отвѣчающія геометрической фигурѣ того-же имени. Есть пирамиды ступенчатыя, продолговатыя, представляющія пирамиду на пирамидѣ... Издали онѣ производятъ величественное, единственное въ своемъ родѣ впечатлѣніе.

Проѣзжая по Нильской долинѣ, вы нѣсколько разъ подъѣзжаете къ самой рѣкѣ и можете видѣть ея ландшафты и жизнь. Подобно поймѣ, они мало соотвѣтствуютъ ожиданіямъ. Нилъ прозаиченъ и некрасивъ. Воспѣвать его могутъ только тѣ, кто, какъ египтяне, всецѣло обязаны своимъ существованіемъ его водамъ и ихъ плодотворному илу. Вода рѣки—мутная, сѣрая, берега—низменные, голые. Сѣро-коричневыя тѣла купающихся въ ней феллаховъ и черная какъ сапогъ кожа негритянскихъ мальчишекъ, быть можетъ, и могутъ довольствоваться омовеніемъ водами священной рѣки, но восхищаться ими такъ-же трудно, какъ чертами лица великаго, но очень некрасиваго человѣка.

Но благодѣянія Нила народу велики, и народъ за нихъ признателенъ. Исторія уничтожила всѣ слѣды древнихъ религіозныхъ культовъ Египта, сохранился только одинъ—поклоненіе Нилу. Его засталъ еще въ полномъ расцвѣтѣ великій магометанскій завоеватель страны Амру, несмотря на то, что въ это время христіанство было проповѣдано по всему Египту. Въ программу чествованія старика Нила входило, между прочимъ, принесеніе ему въ жертву красивѣйшей изъ дѣвушекъ, которую, одѣтую въ лучшія одежды, топили въ водахъ рѣки. Ужаснувшись варварскому обычаю, Амру заклялъ рѣку именемъ Единаго Бога, но чтобъ не лишить ее привычной жертвы, велѣлъ бросать въ воду, вмѣсто дѣвушки, разряженную куклу. Говорятъ, обычай этотъ совершается во время разлива рѣки и донынѣ, сопровождаемый катаніями на лодкахъ, состязаніями въ плаваніи и купаніи, причемъ идетъ разгулъ и вакханаліи, напоминающія времена фараоновъ; тутъ много дѣвушекъ приносится въ жертву, если не Нилу, то страстямъ разгулявшагося египтянина. Точно также и монеты, кидаемыя въ рѣку, попадаютъ чаще ловкимъ пловцамъ, чѣмъ старику Нилу.

Ландшафты береговъ, какъ сказано, монотонны. Не ищите здѣсь ни зарослей лотоса, ни папируса, ни грѣющихся на солнцѣ крокодиловъ. Они отошли въ исторію, какъ фараоны и жрецы Озириса. Ихъ надо искать въ ботаническихъ и зоологическихъ садахъ. Индиго и сахарный тростникъ, чужеземные кактусы и хлопокъ давно ихъ замѣнили. Вы видите засѣянныя поля и европейскихъ образцовъ сахарныя фабрики съ высокими кирпичными трубами. Онѣ способны были-бы нагнать на васъ уныніе, если-бы два предмета чисто африканскаго происхожденія не развлекали вашего вниманія—это феллуки и пальмы. Первыя—родъ большихъ лодокъ съ высокими мачтами и необыкновенно длинными, узкими, раздваивающимися внизу, какъ ласточкинъ хвостъ, парусами. Бѣлѣя на темной поверхности воды, они придаютъ Нилу, рѣдко

тревожимому пароходами, много живописности и первобытной прелести.

Что-же касается пальмъ, то, начиная съ Каира, онѣ уже оправдываютъ свое названіе. Онѣ становятся чаще, ихъ кроны гуще, онѣ образуютъ рощи около селеній, здѣсь—съ постройками болѣе высокими и богатыми. Нерѣдко онѣ сплачиваются въ живописныя рощи на берегу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поѣздъ проносится черезъ цѣлые лѣса (конечно, саженные) изъ этихъ деревьевъ. Есть отдаленное сходство между этими лѣсами и хорошими высокоствольными сосновыми борами. И тамъ, и здѣсь—песчаная почва, между стволами голая, непокрытая травою; и тамъ, и здѣсь гладкіе, прямые, лишенные вѣтвей коричневые стволы только высоко надъ головами одѣты темнозеленою блестящею зеленью, только здѣсь—это пышныя ваи, тамъ—кроны изъ колючихъ иглъ. Недаромъ сосну называютъ пальмою сѣвера. Эти рощи и группы финиковыхъ пальмъ придаютъ оригинальность и прелесть здѣшнимъ ландшафтамъ. Только здѣсь чувствуете вы себя въ настоящемъ Египтѣ. Наряду съ пальмами чаще начинаютъ попадаться и другія характерныя египетскія деревья—особенно сѣдо-сѣрая колючая acacia nilotica, съ необыкновенно нѣжными, какъ перышки, листочками и похожими на четки стручьями.

Здѣсь-же на дорогахъ видимъ, какъ на древнихъ картинахъ египетскихъ гробницъ, феллаховъ, ведущихъ лошадей и быковъ, совсѣмъ того-же тона, какой былъ тысячелѣтія назадъ, буйволовъ, купающихся въ лужахъ или управляемыхъ нагими мальчишками, вскарабкавшимися на спину неуклюжаго животнаго.

Чѣмъ южнѣе отъ Каира, тѣмъ сельская природа Египта становится характернѣе и привлекательнѣе. Хочется покинуть поѣздъ, ближе посмотрѣть, ощутить эту оригинальную, пахнущую сѣдою стариною жизнь, забившуюся въ щель между двумя ужасными пустынями, своимъ дыханіемъ постоянно напоминающими о своемъ существо-

ваніи. Потому на слѣдующій-же день послѣ посѣщенія пустыни, я покинулъ Каиръ, ради посѣщенія феллахской деревни, несмотря не предостереженія моего предшественника, французскаго путешественника, писавшаго, что даже запасшись замѣчательною храбростью нелегко бываетъ рѣшиться провести нѣсколько дней въ здѣшнихъ деревняхъ, что европеецъ, наименѣе избалованный, не въ состояніи будетъ испытать подобной пытки, и что не взявъ у туземцевъ нѣсколькихъ уроковъ охоты на насѣкомыхъ, обитающихъ въ складкахъ ихъ одеждъ, неблагоразумно входить въ ихъ жилища.

Все это могло быть очень страшно для француза, но можетъ-ли это, читатель, заставить задуматься того, кому приходилось останавливаться и жить въ русскихъ избахъ? Я отправился на поѣздѣ на станцію Бедретейнъ и оттуда, въ сопровожденіи плутоватаго переводчика-араба,—на ослахъ по направленію къ гробницамъ *Саккара*. Но вмѣсто того, чтобы сдѣлать это утромъ, какъ дѣлаютъ всѣ туристы, ѣздящіе въ Саккара осматривать подземные, разрисованные египетскими картинами склепы и галереи, съ гробами давно умершихъ, я выѣхалъ послѣ полудня, чтобы провести ночь и слѣдующее утро въ одной изъ промежуточныхъ деревень, возникшихъ на развалинахъ древняго Мемфиса, и наблюдать жизнь живыхъ, удѣливъ мертвецамъ лишь столько, сколько это подобаетъ обыкновенному globe-trotter'у. Вечернія картины природы вполнѣ вознаградили меня за мое рѣшеніе. Начиная съ Бедретейна, путь мой пошолъ по чудному лѣсу финиковыхъ пальмъ. Ихъ группы, окружавшія селенія, образовали какъ-бы острова среди болѣе низменныхъ волнующихся нивъ.

Черезъ перистыя ваи лѣса просвѣчивало позлащенное лучами заходящаго солнца небо. Внизу, между косматыми стволами, всюду были видны молодыя, еще не образовавшія стебли пальмы, образуя фонтаны темной блестящей листвы. Какая громадная разница между

этими пышными молодыми экземплярами и тѣми чахлыми, которые видимъ въ нашихъ оранжереяхъ! Во сколько разъ нужно-бы было увеличить размѣры всѣхъ частей ихъ, чтобы получить самый маленькій экземпляръ изъ здѣшней поросли! Почва лѣса, состоявшаго изъ этихъ деревьевъ, была болѣе или менѣе бугристая, неровная—и каково было мое изумленіе, когда въ одномъ мѣстѣ, гдѣ пальмы не расли и образовался обширный пустырь, я явственно сталъ различать выступавшія изъ земли стѣны полуразрушенныхъ землянокъ, когда-то сложенныхъ изъ земляныхъ кирпичей, битую посуду и другіе остатки когда-то бывшихъ построекъ. Первое, что мнѣ пришло въ голову—это что здѣсь когда-то была деревня египетская, родъ нашего покинутаго туркестанскаго кишлака, дома котораго, размытые водою, постепенно превращаются въ бугры изъ глины. Такихъ группъ я видѣлъ много въ долинѣ верхняго *Или*, гдѣ было нѣкогда вырѣзано китайцами густое таранчинское населеніе.

Каково-же было мое удивленіе, когда я узналъ отъ моего проводника, что я находился въ центрѣ древняго Мемфиса и что холмы, въ которыхъ коренились стволы пальмоваго лѣса, суть остатки знаменитаго въ исторіи Египта города. Развалины Петербурга, даже черезъ тысячелѣтіе, были-бы замѣтны по кирпичамъ и камнямъ разрушенныхъ зданій. Но постройки древнихъ египтянъ повидимому были столь-же первобытны, какъ и у ихъ нынѣ живущихъ потомковъ. Громадныя зданія воздвигались лишь правителямъ, или, вѣрнѣе, ихъ покойникамъ, народъ-же жилъ бѣдно и просто—фактъ, о которомъ свидѣтельствуютъ и выставленные въ музеяхъ остатки предметовъ домашняго обихода. Великій Мемфисъ, воспѣтый древними, по всему былъ не лучше большого туркестанскаго кишлака или глинянаго города вродѣ Бухары. Но какъ среди Бухары или Самарканда возвышаются дивные по величинѣ и архитектурной отдѣлкѣ мечети, гробницы и мэдресэ—такъ было повидимому и въ

Мемфисѣ. Живымъ напоминаніемъ о такихъ постройкахъ и о связанномъ съ ними культѣ усопшихъ являются господствующія на лѣвомъ берегу Нила громадныя пирамиды и могильники Саккара—и открытые въ этихъ-же пальмовыхъ лѣсахъ громадныя статуи фараоновъ. Ихъ двѣ; одна изъ нихъ, статуя Рамзеса Второго, и по величинѣ и по отдѣлкѣ своей, безспорно должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ между достопримѣчательностями Египта. О ней писалъ еще Геродотъ, но вновь она стала доступна взглядамъ любопытныхъ туристовъ только въ 1820 году, и можетъ быть, потому она еще осталась на мѣстѣ и не была похищена европейцами, подобно муміямъ и обелискамъ, любоваться которыми приходится въ туманной атмосферѣ Лондона и Нью-Іорка, далеко отъ родныхъ, залитыхъ солнечными лучами мѣстъ.

Я увидѣлъ въ сумракѣ вечера, на опушкѣ пальмоваго лѣса, лежащую исполинскую фигуру 13 метровъ длины. Этотъ выточенный изъ мелко-зернистаго гранита человѣкъ окруженъ помостками, взобравшись на которые вы можете, играя роль лиллипута въ приключеніяхъ съ Гулливеромъ, разсмотрѣть его громадное лицо, исполинскія руки и ноги. Лицо исполина артистично. Его слегка сгорбленный носъ, его расположеніе глазъ, его задумчивое выраженіе схвачены какъ портретъ и—что замѣчательно—поразительно схожи съ тѣмъ среднимъ типомъ египтянина, какой вы видите у вашихъ провожатыхъ, показывающихъ вамъ исполина, конечно за извѣстный бакшишъ. Кажется, что это измельчавшія, выродившіяся дѣти исполинскаго отца. Неподалеку отъ этой статуи, въ томъ-же лѣсу, лежитъ другая, подобная-же. Въ сгущавшемся сумракѣ вечера она казалась мнѣ чудовищной. Представляю, какъ должны были дѣйствовать на воображеніе народа эти статуи, когда онѣ стояли стоймя, на стражѣ многолюднаго Мемфиса.

Несмотря на всю громадность этихъ Рамзесовъ, глядя на нихъ я невольно вспомнилъ о каменныхъ бабахъ на-

шихъ степей. Не есть-ли и то, и другое—выраженіе тѣхъ-же идей, руководившихъ создававшими ихъ ваятелями? Къ этому вопросу мнѣ еще придется вернуться впослѣдствіи.

Продолжая нашъ путь на западъ отъ Бедретейна, миновавъ низменное, засѣянное пшеницей пространство, я, когда уже совершенно стемнѣло, достигъ деревушки Саккара и въѣхалъ въ ея узкія улицы, на которыхъ едва могли разъѣхаться мѣстами два осла. Изрѣдка—поразительное сходство съ Туркестаномъ. Улицы напоминали корридоръ; онѣ были образованы сѣрыми земляными стѣнами двухъ-этажныхъ домовъ безъ оконъ; двери, ведшія въ эти дома, были скорѣе ворота, причемъ портики ихъ были точною копіею тѣхъ, которые изображены на древне-египетскихъ картинахъ. Мы остановились передъ однѣми изъ такихъ дверей; смуглый египтянинъ,—какъ оказалось, бывшій шейхъ,—отворилъ намъ ворота-двери, и мы свободно въѣхали на ослахъ въ комнату. Ословъ провели черезъ эту комнату въ сосѣднее съ нею зало, ввели въ выходящее въ это зало, отдѣленное отъ него дверьми стойло, насъ-же пригласили сѣсть въ этой первой проходной или, если хотите, проѣзжей комнатѣ, на земляномъ полу, который ступенеобразно возвышался въ задней половинѣ комнаты, образуя родъ очень низкой эстрады — совершенно какъ полъ японскихъ комнатъ. Какъ гостю, мнѣ постлали на полъ соломенную циновку. Полъ, потолокъ и стѣны того помѣщенія, гдѣ я находился, равно какъ и всѣхъ остальныхъ комнатъ, состояли изъ смѣси земли съ соломой и были лишены всякихъ украшеній—онѣ были совершенно голыя. Грязная соломенная циновка, на которой я сидѣлъ, была единственною мебелью. Было поздно, и потому мнѣ предложили немедленно поужинать. Какъ у нашихъ татаръ и жителей Средней Азіи—явился круглый металлическій подносъ, на которомъ подали все, что было лучшаго—полоскательную чашку съ похлебкою изъ рису, горсть

слежавшихся финиковъ, (послѣдніе изъ продаваемыхъ у насъ были вкуснѣе и лучше), нѣсколько яицъ, 2 плоскихъ пшеничныхъ лепешки, что-то среднее между кавказскими лавашами и чуреками, и 2 луковицы. Это былъ лукулловскій ужинъ, который удалось достать для меня, какъ для гостя, и то по случаю рамазана, обыкновенно-же, какъ мнѣ говорили, феллахъ не знаетъ ни похлебокъ, ни рису, яйца ѣстъ рѣдко, и только пшеничныя лепешки, финики и зелень составляютъ его пищу, разнообразящуюся изрѣдка кашей изъ сорго.

Передъ сномъ я попросилъ моего хозяина показать его жилище. Онъ провелъ меня въ сосѣднее зало, не вполнѣ одѣтое крышею, въ которое выходили съ одной стороны двери конюшенъ и кухни, съ другой—комнатъ, повидимому предназначавшихся для женщинъ. Въ заложе выходила лѣстница, ведшая въ верхній этажъ, гдѣ были двѣ комнаты, одна—маленькая и темная, служившая спальней мужчинамъ, другая—полутемная, отчасти засыпанная зерномъ. Нигдѣ почти я не замѣтилъ домашней утвари. Ни столовъ, ни стульевъ. Нѣсколько металлическихъ сосудовъ и глиняныхъ горшковъ для варки пищи да 2—3 чашки,—вотъ все, что вы увидите въ цѣломъ большомъ домѣ. Я видѣлъ еще родъ ступки изъ дерева для размалыванія зерна.

Мнѣ приготовили постель въ одной изъ нижнихъ комнатъ на полу, постлавъ довольно толстыя ситцевыя одѣяла, вродѣ тѣхъ, которыя употребляютъ наши крестьяне. Хорошо знакомый со свойствами этихъ одѣялъ, я хотѣлъ-было отклонить эту любезность хозяевъ, но ночной холодъ заставилъ меня измѣнить мое рѣшеніе, за что я, конечно, и былъ строго наказанъ, проснувшись утромъ покрытый подобіемъ крапивной лихорадки,—такъ сильна была аттака египетской кавалеріи, въ противоположность другимъ, нападающей совершенно незамѣтно для спящаго.

Чудный видъ восходящаго надъ пустынею солнца,

лучи котораго пронизывали тѣнистую пальмовую рощу, вознаградилъ меня за неудобства ночлега. Хозяева мои уже встали и совершили свои омовенія, дѣлаемыя болѣе для проформы: насколько мало омываютъ они тѣло, читатель можетъ судить по тому, что за неимѣніемъ воды ихъ позволено совершать пескомъ. Я получилъ приглашеніе шейха, котораго я думалъ разспросить о путяхъ въ Фаюмъ, на чашку кофе, который здѣсь подаютъ въ маленькихъ чашкахъ по-турецки и который является такимъ-же необходимымъ спутникомъ при разговорахъ съ гостемъ, какъ чай въ Китаѣ и Японіи. По пути мнѣ пришлось огибать почти все селеніе и видѣть очаровательныя картины деревенской идилліи Египта.

Онѣ полны поэзіи. Опушки пальмовой рощи, чтобы защитить ее отъ наступленія пустыни, засажены кактусами—опунціями, ввезенными сюда изъ Мексики, и эти опунціи растутъ мѣстами и подъ сѣнью пальмъ, достигая значительнаго роста и давая мѣстности весьма оригинальный видъ. Между ними вы видите направляющихся къ расположенной у деревни заводи мужчинъ, съ обнаженными ногами или въ бѣлыхъ шароварахъ и длинныхъ синихъ рубахахъ и халатахъ, обязательно разстегнутыхъ на груди и дающихъ постоянный доступъ воздуха тѣлу. На головахъ у нихъ—бѣлыя кружевныя ермолки, вродѣ чепчика. Женщины направлялись къ колодцамъ, неся громадной величины глиняные кувшины на головѣ. Точь-въ-точь такіе кувшины изображаются на картинкахъ изъ библейской исторіи. Другіе несли ребятишекъ, посаженныхъ по египетскому обычаю верхомъ на плечо. Патріархальность картины довершалась пасшимися на покрытомъ зеленой травою откосѣ затона коровами. Впереди, передъ деревней, куда хватаетъ глазъ, разстилались зеленѣющія равнины цвѣтущаго клевера и только-что начинавшей наливаться пшеницы, среди которыхъ далеко раздавалась утренняя пѣсня жаворонка. Съ одной стороны—мирная сельская родная картина; съ другой — ландшафтъ изъ

библейской исторіи,—и все это въ первыхъ числахъ марта, когда не приведи Богъ что дѣлается на снѣжной равнинѣ Россіи! Эти картины, эта обстановка теплаго юга, мнѣ кажется, однѣ только и могутъ примирять здѣшнее человѣчество съ его существованіемъ. Зачѣмъ ему обстановка и мебель въ домѣ, когда круглый годъ небо служитъ лучшимъ покровомъ, земля и ея природа—обстановкой квартиры? Неудивительно, что и старшина угощаетъ меня кофеемъ на открытомъ воздухѣ въ тѣни своего дома. Крестьяне здѣсь зачастую недѣлями ночуютъ въ полѣ подъ стогами, такъ-какъ дожди здѣсь величайшая рѣдкость, а холода настоящаго нѣтъ. Здѣсь даже менѣе шансовъ засорить глаза пылью отъ разсыхающихся кирпичей дома и пометомъ изъ гнѣздъ въ изобиліи ютящихся въ потолкѣ птицъ. Участь Товія здѣсь постигаетъ многихъ, и глазныя болѣзни чуть-ли не самыя обычныя болѣзни въ краѣ.

Но сколько-бы ни было удобствъ и пріятностей въ природѣ, окружающей феллаха, я не назову его существованіе отраднымъ. Отсутствіе утвари, элементарныхъ украшеній и удобствъ обстановки лежитъ не въ одной ихъ ненадобности. Поговорите хотя немного со здѣшнимъ крестьяниномъ—и вы увидите, что это жертвы тяжелѣйшихъ налоговъ, причемъ тяжесть этихъ налоговъ лежитъ не столько въ самой платимой суммѣ, сколько въ неправильностяхъ ихъ сбора и хищеніяхъ, эти сборы сопровождающихъ. Недаромъ многіе здѣшніе правители любили уподоблять народъ сотамъ, которыя чѣмъ сильнѣе жмешь, тѣмъ больше изъ нихъ течетъ соку. Система выдавливанія соковъ изъ народа — это система здѣшняго управленія. Ей подражаютъ, соблюдая, при этомъ нетолько правительственные интересы, но и интересы собственнаго кармана, сами сборщики.

Терминъ «выбивать подати», выработанный въ моемъ любезномъ отечествѣ, вполнѣ приложимъ къ здѣшней системѣ. Народъ и не понимаетъ иного способа. Пріѣздъ

сборщика есть нашествіе врага. Услыхавъ о его приближеніи, феллахъ прячетъ все, что можно, какъ можно дальше. Онъ приготовляется къ блокадѣ, завершающейся взломомъ сундуковъ съ домашнимъ скарбомъ и истязаніемъ палочными ударами недоимщиковъ, отъ выносливости которыхъ зависитъ—удастся или не удастся скрыть то, что они могли-бы уплатить. Мнѣ разсказывали случай, когда истязуемый феллахъ, утверждая, что у него нѣтъ ни гроша, держалъ все время, пока его били, во-рту 20-франковую монету, составлявшую его недоимку, и выплюнулъ ее сборщику только подъ конецъ истязанія, когда у него не хватило терпѣнія его вынести.

Феллахъ долженъ бояться не однѣхъ только властей, но и сосѣдей. Горе ему, если у него замѣтятъ что-либо особенное въ домѣ,—объ этомъ сообщатъ старшинѣ, и сборщикъ съумѣетъ выколотить этотъ избытокъ. Поэтому все, кромѣ самаго необходимаго, давно исключено изъ его обстановки; онъ уже не заботится о внѣшнемъ комфортѣ, а живетъ изо-дня въ день, будучи если не chair à canon, то chair aux batons, играя роль Данаидъ, пополняющихъ бездонную бочку потребностей своего правительства, и опекаемый шейхомъ и чѣмъ-то вродѣ нашего урядника. Недовѣрчивость и лживость стали свойствомъ народа, а нищенство—его любимой профессіей. Если у насъ цѣлыя села отправляются нищенствовать по своимъ сосѣдямъ, то въ Египтѣ принято посюду просить «бакшишъ» съ богатаго, особенно съ европейца, котораго египтянинъ считаетъ чудакомъ, обладающимъ такими избытками, что, не зная куда дѣвать ихъ, онъ ѣздитъ по чужимъ странамъ ихъ разбрасывать. Врядъ-ли есть поэтому еще хотя одна страна, гдѣ слово *бакшишъ* слышалось-бы такъ часто, какъ здѣсь. Требованіе бакшиша здѣсь приняло просто циничныя формы. «Бакшишъ» вамъ говорятъ, вмѣсто «здравствуйте», дѣти и взрослые до 25 лѣтъ, независимо отъ своего состоянія. У болѣе пожилыхъ бакшишъ вы встрѣтите въ разговорѣ на третьемъ словѣ. За что, почему

должны вы дать бакшишъ египтянину—не спрашивайте: это должно, по его мнѣнію, быть прирожденнымъ свойствомъ европейца. Можете-ли вы заниматься такими пустяками, какъ утомлять себя лазаньемъ на пирамиды или спускаться въ склепы, платя за это деньги—между тѣмъ какъ иной египтянинъ и за деньги не согласился-бы этого сдѣлать? Естественнѣе-же дать бакшишъ нуждающемуся феллаху. Даже люди, занимающіе посты, въ нашихъ глазахъ несовмѣстимые съ понятіемъ «на чай», не посовѣстятся его взять. Но всего назойливѣе здѣсь все-таки дѣти. Цѣлыми стаями они бѣгаютъ за экипажемъ, не отставая отъ него часами,—преслѣдуя васъ на своихъ гибкихъ ногахъ цѣлыя версты и крича хоромъ: «бакшишъ, бакшишъ!» и, запыхавшись, наконецъ, отъ усталости: «шишъ, шишъ, шишъ!» Прекрасное упражненіе для будущихъ погонщиковъ, но невыносимое для туриста.

Древній Римъ возродился въ Италію, Испанія, Греція возродились вновь и живутъ сознательной жизнью. Одинъ египетскій народъ спитъ въ цѣпяхъ тяжелаго гнета. Но вспомнимъ, что земледѣлецъ нильской поймы, благодаря несчастному ея географическому положенію, всегда былъ на пути хищническихъ завоевателей. Его поочередно эксплоатировали гиксы, персы, греки, римляне, евреи, арабы, турки, французы и теперь англичане—опаснѣйшіе изъ всѣхъ хищниковъ. Врядъ-ли есть земледѣлецъ, котораго исторія многихъ тысячелѣтій пріучила-бы такъ хорошо работать на другихъ, отдавать другимъ все то, что могло-бы принадлежать ему, убила-бы въ самомъ зародышѣ всякое самолюбіе, чувство собственнаго достоинства, столь необходимыя для народнаго самосознанія и самозащиты. Здѣшній феллахъ забылъ, живя изо дня въ день, даже свое прошлое, свою исторію. Въ Саккара, у самаго подножія пирамидъ, мнѣ предлагали ихъ осматривать какъ antiquités romaines, а Мемфисъ называли развалинами древняго римскаго города. Развиться феллаху и теперь некогда. Египетская школа, если она гдѣ и суще-

ствуетъ, есть школа чтенія корана и гавтіака, подобно школамъ нашего Туркестана. Каирскій университетъ, о которомъ, можетъ быть, приходилось слышать читателю,— есть ничто иное, какъ огромная мечеть. Въ эту мечеть собираются молодые люди, живущіе по сосѣдству, сошедшіеся со всѣхъ концовъ магометанскаго міра, читать коранъ и слушать его толкованія, даваемыя мѣстными профессорами. Цензъ ихъ совсѣмъ особенный. Изъ круга студентовъ-слушателей одинъ или нѣсколько наиболѣе способныхъ и краснорѣчивыхъ, послѣ лекцій учителя, по просьбѣ товарищей, поясняютъ прочитанное. Если такія объясненія нравятся слушателямъ, около нихъ собирается толпа. Мало-по-малу толпа эта превращается въ постоянную аудиторію; наконецъ, молодому учителю говорятъ: «Почему-бы тебѣ не быть муллою—ты объясняешь такъ умно и толково»—и новый профессоръ открываетъ свой курсъ. Его значеніе и его аудиторія, а слѣдовательно и средства къ жизни—вполнѣ опредѣляются вкусами толпы, его воспитательное значеніе ограничивается сферою религіи. Вотъ почему Каиръ до сихъ поръ только разсадникъ фанатизма, а не знанія. Европейскія школы немногочисленны—и онѣ, особенно въ рукахъ англичанъ, преслѣдуютъ только внѣшнюю сторону воспитанія богатыхъ юношей, но не образованія народа. Онѣ никогда не создадутъ того народнаго учителя, который сдѣлалъ изъ германскаго народа то, чѣмъ онъ сталъ теперь. До сихъ поръ коптъ-христіанинъ и феллахъ-магометанинъ, тождественные по крови, чужды другъ другу, и Египетъ для египтянъ есть мечта немногихъ египетскихъ юношей, разбивающаяся ежедневно въ прахъ при видѣ красныхъ куртокъ англійскихъ солдатъ.

А между тѣмъ, какъ строенъ и красивъ египетскій народъ; сколько мужественности и силы въ египетскихъ солдатахъ, неоднократно показывавшихъ, какъ сильны и стойки они въ битвѣ; сколько патріархальной простоты въ обращеніи этихъ крестьянъ, возвращающихся съ поля,

вооруженныхъ еще тѣми широкими серпами, какими они жали пшеницу своимъ фараонамъ, на которыхъ они, несмотря на вліянія десятковъ завоевателей, еще такъ похожи и чертами лица, и тѣлосложеніемъ. И грустно становится видѣть, что нація, давшая такъ много для человѣческой цивилизаціи, создавшая столько произведеній искусства, открывшая столько научныхъ истинъ, пала такъ низко, что возрожденіе ея пока почти безнадежно. Какъ она строила пирамиды фараонамъ, мечети и минареты магометанскимъ властителямъ, такъ ей предстоитъ строить машины, работать на фабрикахъ и проливать свою кровь для корыстныхъ задачъ сыновъ туманнаго Альбіона или играть роль нищихъ передъ globe-trotter'омъ.

Я поспѣшилъ покончить разговоръ съ жителями, покинуть эти феллахскія деревни, гдѣ утромъ мнѣ все казалось преисполненнымъ идилліи, а послѣ бесѣды со старшиною—столь-же грустнымъ, какъ въ любой захудалой деревнѣ моего отечества. Меня не подкупали болѣе ни смѣхъ и крики качавшихся на качеляхъ между пальмами ребятишекъ, ни веселый видъ казавшихся праздными деревенскихъ парней. Хотя здѣсь трудъ длится цѣлый годъ, но онъ не такъ интенсивенъ, какъ на сѣверѣ, и народъ можетъ его вести съ передышкой: улыбающееся съ неба солнце заставляетъ улыбаться и его, не думая о завтрашнемъ днѣ. Мы, жители сѣвера, такъ жить не умѣемъ: насъ и въ часъ досуга точатъ тяжелыя мысли.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

На Хеопсову пирамиду.

Каиръ—рай для туристовъ. Среди бѣдныхъ деревень нильской поймы онъ поражаетъ своей величиною и великолѣпіемъ, какъ поражаетъ своею красотою пальма среди жалкой растительности пустыни. Есть что-то общее между явленіями человѣческой и растительной жизни въ пустыняхъ. И тамъ, и здѣсь, среди скудости и убожества вдругъ возникаютъ созданія, по величинѣ и пышности достойныя лучшихъ мѣстностей, и одиноко стоятъ среди своихъ обездоленныхъ сосѣдей. Что Бухара и Самаркандъ для нашихъ пустынь Туркестана, то Каиръ для Египта—этотъ Парижъ Нильскаго бассейна. Недѣлями можетъ здѣсь туристъ наблюдать уличную жизнь пестрой толпы, блистающей на яркомъ южномъ солнцѣ своими цвѣтистыми одеждами, особенно эффектными по праздникамъ: тогда арабы поверхъ своихъ длинныхъ бѣлыхъ рубахъ надѣваютъ шелковые полосатые, золотистые, яркихъ цвѣтовъ жилеты, и ихъ смуглыя красивыя лица въ чалмахъ всюду виднѣются между болѣе сѣрымъ европейскимъ людомъ, придавая необыкновенный эффектъ уличной толпѣ. Онъ можетъ, ходя по базарамъ и лавкамъ, жить жизнью Востока, входить въ глиняныя, кубическія, съ узкими окнами постройки туземнаго города, видѣть нищенскую обстановку туземцевъ бокъ-о-бокъ съ подавляющимъ великолѣпіемъ мечетей. Мечети константинополь-

скія не произведутъ впечатлѣнія послѣ каирскихъ. Только здѣсь оцѣниваете вы прелесть мавританскаго стиля, когда входите въ громадные вымощенные мраморомъ дворы, среди которыхъ красуются бѣлые мраморные кіоски и которые окружены мраморными галереями, имѣя сводомъ чудное голубое небо. Вы, стоя на этихъ дворахъ, видите передъ собою, какъ декорацію дворца «Тысячи и одной ночи», какъ-бы разрѣзъ храма съ поддерживаемыми колонками сводами, спускающимися съ нихъ люстрами, освѣщающими полумракъ магометанскаго храма.

Изъ этого міра шумныхъ улицъ и мечетей, переносящихъ васъ въ Азію и за нѣсколько столѣтій назадъ, вы въ удобной колясвѣ можете въ нѣсколько минутъ перенестись на широкія улицы, прекрасно мощеныя, на широкіе тротуары, площади съ чудными скверами, памятниками пашей (большею частью верхомъ на коняхъ), театрами и др. зданіями, по своей громадной стоимости и красотѣ точно желающими спорить съ этими старыми мечетями, стоившими труда тысячи людей, воздвигнувшихъ ихъ во времена халифовъ. Надоѣстъ вамъ эта столичная обстановка южной Европы и свойственная ей публика—вамъ стоитъ только по одной изъ главныхъ улицъ направиться къ берегамъ Нила, чтобы попасть опять въ новую обстановку. Высокіе заборы, отѣненные деревьями, будутъ наполовину закрывать отъ вашихъ взоровъ загородныя виллы пашей, и вы подумаете, что находитесь гдѣ-нибудь въ Италіи, въ окрестностяхъ Генуи. Лучше всего сдѣлать экскурсію въ болѣе отдаленныя окрестности, напримѣръ, по дорогѣ въ Маторіэ. Покинувъ болѣе людные и грязные кварталы европейскаго города, вы въѣзжаете на открытое мѣсто передъ старинными укрѣпленіями города, гдѣ растутъ высокіе тамариски, съ ихъ сѣрою отъ пыли зеленью и пушистыми кронами, издали напоминающими сосновыя. Это одно изъ немногихъ деревьевъ туземныхъ, свойственныхъ Египту и еще вмѣстѣ

съ нильской акаціей упоминаемыхъ Геродотомъ. Затѣмъ вы проѣзжаете среди зеленыхъ полей клевера и дачъ, окруженныхъ апельсинными деревьями, разливающими благоуханіе по всей окрестности. Эти виллы, среди которыхъ разбросаны группы финиковыхъ пальмъ и болѣе убогія постройки, стоятъ на почвѣ, каждая пядь которой связана съ различными историческими событіями, теперь являющимися поводомъ для требованія съ васъ бакшиша. Тутъ вамъ покажутъ *обелискъ*, единственный изъ трехъ, который уцѣлѣлъ отъ хищничества европейцевъ; увезшихъ одинъ въ Нью-Іоркъ, а другой въ Лондонъ, тутъ неподалеку вы можете отдохнуть подъ сѣнью смоковницы, пріютившей, по преданію, св. Дѣву Марію во время ея бѣгства въ Египетъ. Вамъ предлагаютъ, также, конечно, за бакшишъ,—кусокъ вѣтви этого священнаго дерева, которое пилигриммъ благоговѣйно повезетъ домой, не подозрѣвая, что везетъ кусокъ дерева, посаженнаго лишь въ XV столѣтіи послѣ Р. X. на мѣстѣ погибшаго стараго. Но новое дерево такъ развѣсисто, такъ старо, что можетъ ввести въ смущеніе хоть кого, а пилигриммовъ, видящихъ впервые индійскую смоковницу съ ея крупными котлетами-листьями и воздушными корнями,—и подавно. Вы промчитесь мимо загороднаго дворца хедива, буквально плѣненнаго англичанами, никуда не выпускающими его безъ конвоя, и можете закончить прогулку вашу посѣщеніемъ чрезвычайно любопытной фермы со страусами.

Крокодилы, лотосы и папирусы Египта исчезли, но на смѣну имъ явились новыя животныя и растенія, какъ кактусы-опунціи и казуариніи, а роль сказочнаго феникса теперь играетъ страусъ, привлекающій къ себѣ вниманіе туристовъ.

Компанія изъ нѣсколькихъ лицъ поставила своею задачею искусственное разведеніе страусовъ, которыхъ высиживаютъ изъ яицъ въ особыхъ печахъ, наподобіе того, какъ у насъ выводятъ цыплятъ,—и воспитываютъ въ го-

рячихъ пескахъ береговъ Нильской долины. Заведеніе, гдѣ вы можете наблюдать этихъ любопытныхъ птицъ, представляетъ кругъ, обнесенный высокимъ глинянымъ заборомъ. Въ центрѣ круга помѣщается домъ хозяина и зданіе, гдѣ хранятся яица и выводятся цыплята. Остальное пространство разбито на концентрическіе ряды квадратныхъ, отдѣленныхъ загородками, наподобіе ложъ въ циркѣ, помѣщеній, въ каждомъ изъ коихъ живутъ птицы различнаго возраста, маленькія — помногу, большія—по одной или, много, по двѣ. Весьма интересно, что молодыя птицы по окраскѣ совершенно не похожи на старыхъ птицъ: онѣ по цвѣту напоминаютъ почву пустыни, и ихъ трудно отличить отъ земли; онѣ такія-же буро-желтыя, такія-же крапчатыя. Природа разумно сохраняетъ ихъ, пока онѣ безсильны, отъ взоровъ хищниковъ. Взрослыя птицы очень красивы, особенно самцы съ ихъ малиновой голой шеею, чернымъ опереніемъ и бѣлыми пушистыми перьями крыльевъ: ради этихъ перьевъ ихъ здѣсь и разводятъ, такъ-какъ главный доходъ фермы идетъ отъ торговли перьями, которыя теперь, такъ-сказать, фабрикуются искусственно.

Здѣсь различаютъ двѣ разновидности страусовъ—обыкновенную и такъ-называемую сомалисскую. Яицо послѣдней меньше, бѣлѣе и почти круглое, тогда-какъ у первой оно желтое и продолговатое. Ими ферма также торгуетъ очень бойко, продавая нетолько простыя, но и украшенныя выгравированными на скорлупѣ рисунками. Скорлупа этихъ яицъ необыкновенно толста, и разбить ихъ трудно. Я не удивляюсь поэтому, что неумѣющіе дѣлать посуду первобытные народы южной Африки имѣли обыкновеніе носить въ этихъ яицахъ воду.

Не менѣе матерьяла для ученаго globe-trotter'а дастъ поѣздка на лѣвый берегъ Нила, на его острова, гдѣ еще хранится древній «нилометръ», которымъ измѣряли *прибыль воды*, и въ особенности музей Гизэ и чудный, окружающій его садъ, полный рѣдкихъ деревъ и кустарниковъ—

африканскихъ и индѣйскихъ. О музеѣ можно-бы было написать цѣлое сочиненіе, и чтобы получить о немъ понятіе, нужны недѣли и мѣсяцы,—а не часы, какіе я могъ ѐму посвятить.

Помимо безконечнаго разнообразія мумій, вы имѣете здѣсь прекрасныя коллекціи статуй, изваянныхъ еще въ ту эпоху, когда греки были въ состояніи полнаго варварства,—статуй, немного развѣ уступающихъ греческимъ,—массу надписей, предметы домашней утвари и, наконецъ, цѣлую доисторическую флору Египта. Я насчиталъ болѣе 40 различныхъ растеній,—еще донынѣ растущихъ на поляхъ нильской дельты,—въ этихъ коллекціяхъ, собранныхъ изъ могильниковъ. Сухая почва Египта удивительно хорошо сохранила ихъ формы. Впрочемъ, кто подобно мнѣ спускался въ могильники Саккара и видѣлъ сцены изъ египетской жизни, нарисованныя на ихъ стѣнахъ, тотъ знаетъ, что здѣсь даже краски, наложенныя нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, остаются еще столь-же яркими, какъ если-бы ихъ наложили нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Громадное количество камей, скарабей и бронзовыхъ вещицъ хранится въ витринахъ музея. Только здѣсь, вѣроятно, туристъ и видитъ настоящія древности. Тѣ-же древности, которыя тысячами продаются въ Каирѣ, почти всѣ фальшивыя. Цѣлыя фабрики существуютъ для ихъ изготовленія, и потому туристъ лучше сдѣлаетъ, если вмѣсто этихъ древностей обратитъ вниманіе на такъ-называемые суданскіе curio или вещи, вывезенныя изъ центральной Африки. Вы теперь найдете въ Каирѣ и щиты изъ гиппопотамовой кожи, и орѣхи «кола», и дротики людоѣдовъ ньямъ-ньямъ, и передники изъ бусъ, составляющія единственную одежду красавицъ Обонго. Словомъ, можете составить коллекцію, какой не привезетъ и самъ Стэнли или Ливингстонъ. Садъ, окружающій этотъ эрмитажъ Гизэ, послѣ пыльнаго города и окружающихъ его пустынь,—чисто волшебный садъ Черно-

мора. Усердно поливаемые кусты и деревья здѣсь зелены и свѣжи. Одни, какъ австралійскія акаціи, усыпаны желтыми, другіе красными цвѣтами. Искусственныя скалы и гроты островов небольшого озера залиты малиновою одеждою, точно брошенною мантіею, цвѣтущей Bougenvillea. Лавры, развѣсистыя темнолистыя смоковницы, гранаты, кипарисы, пальмы довершаютъ прелесть феерической обстановки сада—этого рая послѣ царства мертвыхъ мумій и покинутыхъ снѣжныхъ равнинъ Россіи. Ароматъ апельсинныхъ деревьевъ напояетъ воздухъ. Рѣдкія птицы и небольшой звѣринецъ оживляютъ садъ, давая развлеченіе тѣмъ, кто усталъ отъ археологіи. Если вмѣсто экипажа вы воспользуетесь поѣздомъ, то нѣсколько часовъ ѣзды—и вы въ склепахъ Саккара и воочію созерцаете тайны погребенныхъ тысячелѣтій. Вечеромъ вы смотрите вертящихся и воющихъ дервишей — теперь дѣлающихъ, впрочемъ, это больше для публики,—или отправляетесь подъ своды старинной коптской церкви, убогой и темной, славящейся только рѣзьбою иконостаса да своими 4-хъ-конечными крестами, но говорящей много христіанину — какъ древнее убѣжище египетскихъ христіанъ, связанное съ многочисленными, имѣющими глубокое значеніе для вѣрующаго человѣка преданіями.

Но все это многократно описывалось, такъ-что, не ходя далеко, по сочиненіямъ гг. Ухтомскаго, Андреевскаго и тысячамъ продажныхъ фотографій читатель, вѣроятно, уже составилъ обо всемъ правильное представленіе. Все это по-моему и составляетъ истинную приманку Каира. Но путешественникъ, располагающій малымъ временемъ, обыкновенно ихъ опускаетъ: онъ стремится на Хеопсову пирамиду, такъ-какъ быть въ Египтѣ и не посѣтить пирамидъ—въ настоящее время гораздо хуже, чѣмъ быть въ Римѣ и не видѣть папы.

Въ началѣ моихъ очерковъ я обѣщалъ читателю подѣлиться съ нимъ моими globe-trotter'скими впечатлѣніями. Но здѣсь я долженъ сдѣлать исключеніе, потому-что

пунктъ этотъ заслуживаетъ по-моему описанія съ нѣсколько иной точки зрѣнія, именно того, что могутъ сдѣлать изъ самой интересной мѣстности туристы,—тѣ самые туристы, которые, по утвержденію одного англійскаго радѣтеля на пользу египетскаго народа,—высшее благо и источникъ жизни египтянъ. Подобно другимъ globe-trotter'амъ я сдѣлалъ визитъ пирамидамъ и, не желая, чтобы 40 вѣковъ смотрѣли на меня свысока, самъ поднялся на вершину одного изъ высочайшихъ зданій древности. Вотъ краткій отчетъ объ этой поѣздкѣ.

Раннимъ утромъ, когда еще было темно и такъ прохладно, что приходилось кутаться въ плэдъ, я вмѣстѣ съ моими товарищами по путешествію выѣхалъ изъ отеля въ одномъ изъ тѣхъ удобныхъ ландо, которыя къ услугамъ туристовъ въ Каирѣ. Застоявшіяся лошади быстро помчали насъ по просыпающимся улицамъ европеизированнаго квартала города, прекрасно шоссированнымъ и окруженнымъ высокими заборами, за которыми виднѣлись кроны пальмъ, темная, глянцевитая зелень вѣчнозеленыхъ деревьевъ и зеленыя ставни высокихъ европейскаго стиля домовъ-виллъ. Мы переѣхали черезъ мостъ, перекинутый черезъ Нилъ и украшенный изящными фигурами львовъ. Съ перилъ этого моста открывался красивый видъ на рѣку съ пальмовыми рощами по берегамъ и длинными, какъ ласточкины хвосты, обращенными внизъ своимъ разрѣзомъ парусами феллукъ. Затѣмъ, мы помчались по длинной пыльной дорогѣ, усаженной акаціями Lubbok (деревомъ съ листьями болѣе крупными и темными, чѣмъ у нашей бѣлой лжеакаціи), покрытыми гроздьями прошлогоднихъ желтыхъ, сухихъ стручьевъ, рѣзко выдѣлявшихся на темномъ фонѣ листьевъ. Между ихъ стволами и кронами, какъ изъ рамокъ, выглядывали картины сельской природы Египта,—орошенныя и благоухающія поля клевера съ бѣлыми головками, желтѣющія и зеленѣющія нивы зрѣющей пшеницы, среди которыхъ тамъ и здѣсь виднѣются журавли-колодцы, съ группами осѣняющихъ ихъ сѣдо-сѣ-

рыхъ, съ мелкою нѣжною листвою и четковидными стручьями другой акаціи — acacia nilotica. На горизонтѣ рѣзко вырисовывались группы финиковыхъ пальмъ, и подъ ихъ сѣнью—кубическія постройки туземцевъ. Пѣніе жаворонковъ довершало прелесть утра. Экипажи быстро мчали насъ къ цѣли, и три желтыхъ пирамидальныхъ силуэта, которые сначала едва только обозначались на фонѣ блѣднаго неба, то исчезая, то опять выглядывая въ просвѣтахъ между деревьями, выдѣлялись все рѣзче и рѣзче. Египтяне не истребляли, подобно силезскимъ нѣмцамъ, насажденій Наполеона, и потому, его созданіе, длинная аллея акацій, приводитъ васъ, протягиваясь черезъ Нильскую пойму, къ противоположному ея берегу, почти къ самому подножію пирамидъ. Тамъ было раскинуто нѣсколько бедуинскихъ шатровъ. Я сначала думалъ, что это временныя палатки, но то, что я видѣлъ впослѣдствіи, показало, что это были въ дѣйствительности бедуинскіе шатры. На нѣсколькихъ жердяхъ были растянуты куски черной матеріи, затѣнявшіе землю отъ солнца и оставлявшіе одинъ бокъ открытымъ. Подобныя палатки разбиваютъ наши кочующіе цыгане. Кромѣ нѣсколькихъ горшковъ,—никакой посуды. 2 верблюда, очевидно предназначенные для туристовъ, стояли около. Эти шатры, ради которыхъ теперешній бедуинъ забылъ свои наѣзды *, были жалкимъ, несчастнымъ, первобытнымъ жильемъ кочевника, въ сравненіи съ юртами нашихъ киргизовъ: тѣ показались-бы бедуину дворцами. Но зато ихъ смуглые, красивые, длинноногіе и длиннорукіе жители худобою и стройностью своего тѣла выгодно отличались отъ киргизовъ.

Едва мы достигли этихъ шатровъ, какъ насъ окружила толпа арабовъ, галдѣвшихъ во всю глотку и буквально гипнотизировавшихъ путешественниковъ своимъ крикомъ. Такъ галдѣть, повидимому, могутъ только семитическіе

* Онъ ихъ только видоизмѣнилъ, какъ въ томъ мы убѣдимся вскорѣ.

народы. Другія племена, даже на ярмаркахъ или на мірскихъ сходахъ, несмотря на крикъ, ими поднимаемый, не способны такъ дѣйствовать на нервы посторонняго человѣка. Только имеретины и евреи могутъ производить нѣчто подобное, ошеломляя галдѣніемъ своимъ привозящихъ на базаръ товары крестьянъ и доводя ихъ до того, что они иногда безсознательно отдаютъ по невыгодной цѣнѣ товаръ, сами не понимая потомъ, какъ это вышло.

Такое-же точно дѣйствіе производитъ на туристовъ эта алчная толпа арабовъ.

Счастье ваше, если одновременно пріѣдетъ нѣсколько экипажей съ туристами и алчная стая раздѣлится на нѣсколько партій. Но если вы одни, она вся накидывается на васъ какъ на свою жертву, и врядъ-ли, попавшись въ плѣнъ къ настоящимъ бедуинскимъ разбойникамъ, вы будете себя чувствовать болѣе непріятно и безпомощно чѣмъ въ ихъ кругу. Сами по себѣ предложенія арабовъ этихъ самыя невинныя. Одинъ изъ нихъ хочетъ навязать вамъ за высокую цѣну фальшивыя древности, заготовляемыя тысячами экземпляровъ для наивныхъ globe-trotter'овъ. Нахальство продавцовъ доходитъ до того, что, собирая въ пустынѣ валяющіеся аммониты и просверливая въ нихъ дырки, они выдаютъ ихъ за египетскія лампы. Предметы эти навязываютъ вамъ чуть-ли не съ ножомъ у горла, крича и размахивая руками такъ, какъ-будто рѣчь идетъ о томъ, кому изъ этой толпы отдать васъ въ невольники. Къ этимъ продавцамъ присоединяются не менѣе крикливые проводники. Пирамида на откупу у шейховъ. Восхожденіе на нее, само по себѣ нетрудное для того, кто умѣетъ ходить по горамъ, туристу представляютъ чѣмъ-то опаснымъ, и потому онъ долженъ почему-то брать не менѣе 2-хъ проводниковъ. Для нихъ существуетъ такса, но горе въ томъ, что деньги эти идутъ не проводнику, а шейху, и работникамъ приходится смотрѣть только, какъ ваши деньги переходятъ въ карманъ послѣдняго. Такъ-какъ имъ вовсе не хочется примириться съ подоб-

ною ролью, то они прибѣгаютъ къ слѣдующему маневру. Давъ вамъ заплатить у подножія пирамиды, что слѣдуетъ, они всѣ накидываются на васъ, желая вамъ помочь при восхожденіи, вначалѣ весьма легкомъ, такъ-что вы совершенно недоумѣваете, къ чему вамъ услуги столькихъ людей. Коверкая всѣ языки земного шара, заставляя васъ думать, что вы не у подножія пирамиды, а около Вавилонской башни, они хватаютъ васъ за руки, подъ руки, поддерживаютъ ваши ноги, полы вашего платья, мѣшая вамъ карабкаться по крутымъ склонамъ пирамиды.

Внѣшняя обкладка пирамиды облуплена. Сохранились только громадные параллелепипеды известняка, которые нельзя было расхитить для построекъ и выворотить, и которые образуютъ ряды исполинскихъ ступеней. Еслибы камень былъ свѣжъ, карабкаться по нему было-бы весьма трудною работою. Но пустынный вѣтеръ въ немъ, какъ и въ природныхъ скалахъ пустыни, успѣлъ продуть многочисленныя дыры и ноздри, вставляя въ которыя ноги, вамъ можно карабкаться съ одной ступени на другую. Но мѣстами такихъ ноздрей выкрошившагося камня мало—и тогда путешественнику приходится поднимать невѣроятно высоко ногу, чтобы взойти на ступень, приличную для шага гиганта. Здѣсь арабы, васъ сопровождающіе, тянутъ васъ за руки, подпихиваютъ снизу, увеличивая въ воображеніи трудности. Они стремятся вверхъ необыкновенно быстро, лишая васъ возможности слѣдовать основному правилу при восхожденіи на высоты—подниматься не торопясь.

Результатомъ всего этого бываетъ, конечно, одышка—почему арабы, пользуясь первою болѣе широкою площадкою, предлагаютъ вамъ присѣсть и, обступивъ со всѣхъ сторонъ, поднимаютъ невѣроятное галдѣніе, требуя отъ васъ бакшиша за свои услуги.

Горе тому, кто дастъ имъ хоть одну копѣйку. Та-же исторія тогда начнетъ повторяться черезъ каждые двадцать шаговъ, и прежде чѣмъ вы успѣете подняться, васъ

такъ ошеломятъ, что вы потеряете способность сознавать окружающее. Невольно поэтому приходится продолжать путь, обливаясь потомъ какъ при восхожденіи на самую крутую и высокую гору. Къ счастью еще, что поднятіе продолжается недолго. Хорошій ходокъ взлѣзаетъ на гору въ четверть часа. Въ полчаса на пирамиду можно взойти безъ напряженія. Но невозможность располагать собою, постоянная роль жертвы, влекомой на закланіе, дѣлаетъ непріятнымъ, даже просто мучительнымъ этотъ подъемъ.

Но вотъ вы и на вершинѣ. Вы ждете грандіознаго вида—ничуть не бывало.

Вы видите сверху почти то-же, что видѣли и съ берега. Съ одной стороны—зеленая лента полей Нильской долины съ разсѣянными по ней жиденькими рощицами пальмъ, съ другой—буро-темная, волнистая равнина песчаной пустыни; около васъ—двѣ пирамиды, и сверху—не производящій того впечатлѣнія, что внизу, полузасыпанный, обезображенный остовъ сфинкса. И пустыня, и Нильская долина голы, ровны, безцвѣтны, какъ краски неоконченной топографической карты. Можетъ быть, если-бы раннимъ утромъ, при восходѣ солнца, сѣсть на эту площадку въ полномъ одиночествѣ и погрузиться въ созерцаніе мертвенной природы пустыни и сравненіе ея со слѣдами жизни въ зеленой долинѣ—можетъ быть, тогда, подъ вліяніемъ настроенія, картина эта получила-бы иное значеніе. Настроеніе, въ подобныхъ случаяхъ, великое дѣло: безобразная развалина какого-нибудь замка, сама по себѣ возбуждающая только отвращеніе, въ глазахъ многихъ получаетъ особую прелесть, если съ нею связано воспоминаніе о какомъ-либо событіи. То-же и здѣсь. Дайте вдуматься, всмотрѣться въ этотъ контрастъ желтой пустыни и зеленаго луга, вспомнить, что они тысячелѣтія остаются такими-же: пустыня — мертвою, низина—вѣчно борющеюся со смертью, вѣчно оживающею,—и созерцаніе ихъ дастъ удовлетвореніе. Но именно этого-то вамъ и не

позволятъ сдѣлать окружающіе васъ арабы. Какъ мухи на кусокъ мяса, лѣзутъ они опять со всѣхъ сторонъ.

Острая вершина пирамиды оказывается, когда вы ее достигнете, площадкою, которая легко умѣститъ на себѣ болѣе 25 человѣкъ, не заставляя ихъ тѣсниться. Вотъ здѣсь-то и собираются пустившіеся въ-догонку за вами арабы, поднимая нескончаемый гвалтъ. Одни настаиваютъ на увеличеніи бакшиша, другіе приносятъ древности, третьи хотятъ вамъ объяснить, что направо—это долина Нила, а налѣво—пустыня; кто-либо предложитъ вамъ посмотрѣть, какъ они въ 8 минутъ спустятся внизъ и взлѣзутъ на сосѣднюю, болѣе высокую и крутую пирамиду, пятые, вынувъ ножикъ, предлагаютъ за бакшишъ выцарапать ваше имя на камняхъ платформы.

Нигдѣ, кажется, человѣческая слабость писать свое имя тамъ, гдѣ его могутъ прочесть другіе, не достигаетъ такой степени, какъ здѣсь. Камни вершины Хеопсовой пирамиды буквально сплошь покрыты узоромъ изъ перекрещивающихся, одна черезъ другую переходящихъ надписей именъ globe-trotter'овъ всѣхъ племенъ и народовъ. Великіе и малые міра сего оставили здѣсь свои надписи. Какъ трупы переполняютъ кладбище многолюднаго города такъ и онѣ уже не умѣщаются больше на вершинѣ, и арабъ, съ хладнокровіемъ могильщика, соскабливаетъ болѣе старыя, чтобы начертить на этомъ мѣстѣ новыя, которыя ожидаетъ та-же участь. Ни на минуту не прекращается галдѣніе на этомъ кладбищѣ globe trotter'овъ, доводящее до полнаго одуренія, лишающее возможности видѣть что-либо вокругъ.

Не думайте, читатель, что я утрирую. Я знакомъ съ назойливостью и швейцарскихъ гидовъ, и итальянскихъ чичероне въ Неаполѣ, и сингалезскихъ мальчишекъ въ Коломбо, но ничего подобнаго этой арабской назойливости они не проявляютъ. До чего эти арабы могутъ довести человѣка, показываетъ маленькій эпизодъ, случившійся за нѣсколько дней до моего восхожденія. Арабъ, недоволь-

ный даннымъ ему бакшишемъ, увѣрялъ меня, что мой предшественникъ далъ ему нѣсколько золотыхъ. Не понимая причины такой его щедрости, я навелъ болѣе точныя справки. Оказалось, что нѣмецкій туристъ, подобно мнѣ, приведенный на закланіе на пирамиду, но вѣроятно, менѣе меня имѣвшій дѣло съ галдящими народами, не понимая языка, заключилъ изъ этого крика и жестовъ, что его намѣрены ограбить, если онъ не дастъ какъ бакшиша своихъ денегъ, и будучи одинъ, со страху отдалъ арабамъ свой кошелекъ, чтобы спасти хотя жизнь. Таковы ощущенія на вершинѣ Хеопсовой пирамиды. Что ощущенія эти сильны, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, но врядъли это тѣ, какихъ ожидаетъ поднимающійся туристъ.

Еще менѣе пріятно лазанье по скользкимъ и тѣснымъ корридорамъ внутри пирамиды. Я ограничился только тѣмъ, что велѣлъ этотъ спускъ освѣтить снизу магніемъ, чтобы видѣть его громадную длину. Скользить въ эту пропасть не было смысла, такъ-какъ всѣ муміи давно уже отсюда увезены. Доведенный до головокруженія, я поспѣшилъ спуститься внизъ и отдохнуть въ прекрасномъ, расположенномъ среди песковъ отелѣ и напоминающихъ рай садахъ музея Гизе. Пока я туда ѣхалъ, мнѣ попалось нѣсколько колясокъ съ ѣдущими на пирамиды. Солнце начинало припекать, за нами уже бѣжали мальчишки, а арабы, завидя новую добычу, оставили меня какъ обобранную старую.

Таково впечатлѣніе, остающееся отъ посѣщенія пирамидъ,—впечатлѣніе непріятное и гораздо болѣе слабое, чѣмъ то, какое производитъ описаніе ихъ, сдѣланное Геродотомъ. Его стоитъ прочесть. Забудьте то скверное чувство, какое оставили въ васъ, въ гимназіи, его аористы и оптативы, возьмите, если вы забыли греческій языкъ, одинъ изъ переводовъ,—и я увѣренъ, вы восхититесь тѣмъ самымъ произведеніемъ, изъ котораго классическіе педагоги умѣютъ дѣлать кошмаръ для юношества. Вотъ что онъ пишетъ, между прочимъ, о трехъ

знаменитыхъ пирамидахъ окрестностей теперешняго Каира.

«Преемникъ Рампсинита Хеопсъ, заперши всѣ храмы, запретилъ совершать въ нихъ жертвоприношенія, заставивъ вмѣсто того египтянъ работать на самого себя. Одни должны были тащить камни изъ каменоломень съ аравійской стороны (Нильской долины) къ Нилу, другіе—перевозить ихъ на судахъ черезъ рѣку, третьи тащить ихъ на возвышеніе ливійскаго берега. Работало до ста тысячъ человѣкъ, каждая партія по три мѣсяца. Они работали десять лѣтъ надъ дорогою, по которой возили камни,—работа по моему мнѣнію не меньшая, чѣмъ самая пирамида. Длина въ 5 стадій, ширина 10 оргій и высота въ самомъ высокомъ мѣстѣ 8 оргій. Она была сложена изъ полированнаго камня съ высѣченными на немъ фигурами. На эту дорогу истрачено было 10 лѣтъ, точно такъ-же, какъ на подземныя комнаты въ холмѣ, на которомъ стоитъ пирамида, которую онъ возвелъ для себя какъ погребальный памятникъ, на островѣ, образованномъ каналомъ, отведеннымъ отъ Нила. 20 лѣтъ было истрачено на постройку самой пирамиды, каждая сторона которой равняется 8 плэѳрамъ при таковой-же высотѣ. Она образована изъ полированныхъ камней, сложенныхъ съ необыкновенною аккуратностью. Нѣтъ ни одного камня меньше чѣмъ въ 30 футъ. Пирамида строилась такъ: въ формѣ ступеней, которыя одни зовутъ croae, другіе bomides. Построивъ одну изъ нихъ, они поднимали на нее камни машинами изъ короткихъ кусковъ дерева. Поднявъ ихъ на первую ступень, ихъ клали на такую-же машину, чтобы поднять на слѣдующую, и т. д., такъ-какъ машинъ стояло столько-же, сколько было выстроено ступеней, или они переносили ихъ со ступени на ступень, — говорятъ и то, и другое. Верхъ былъ законченъ первымъ, и завершительныя работы шли такъ, что низъ былъ законченъ послѣднимъ. На пирамидѣ показываютъ надпись египетскими буквами, сколько было истрачено рѣдьки, луку и пр. на рабочихъ.

Переводчикъ, читая надпись, я хорошо помню, говорилъ мнѣ, что стоимость ихъ доходила до 1600 талантовъ серебра. Если это такъ, то сколько-же стоили хлѣбъ и одежда для работниковъ все время, которое они работали, и, кромѣ того, не малое время, которое они тесали и таскали камни и выдалбливали подземныя комнаты. Нуждаясь въ деньгахъ, говорятъ, Хеопсъ дошолъ до такого униженія, что отправилъ собственную свою дочь въ домъ терпимости и приказалъ ей достать, не говорятъ сколько, денегъ, но во всякомъ случаѣ она достала частно ту сумму, которую ей приказалъ достать ея отецъ, и воздвигла притомъ и себѣ памятникъ, требуя отъ каждаго посѣтителя по камню. Изъ этихъ камней, говорятъ, выстроена пирамида средняя изъ трехъ, стоящая передъ большою; каждая сторона пирамиды этой имѣетъ въ длину полтора плэѳрона. Египтяне говорятъ, что Хеопсъ царствовалъ 50 лѣтъ; по его смерти Хефренъ ему наслѣдовалъ, онъ дѣлалъ то-же, что его братъ, и выстроилъ пирамиду, но она уступаетъ по величинѣ пирамидѣ брата, какъ я самъ убѣдился изъ личнаго измѣренія; въ ней нѣтъ подземныхъ камеръ и нѣтъ канала, проведеннаго изъ Нила...»

Такова исторія сооруженія пирамидъ. Она способна навести на многія размышленія. Вотъ на что устремлены были мысли правителей и использовались силы народа! И нетолько тогда,—но и въ послѣдующія времена, и во времена халифовъ, и во времена хедивовъ. Не суть-ли роскошныя зданія, памятники, мечети и посѣщаемые европейцами театры Каира результаты подобнаго-же использованія силъ и средствъ? И не есть-ли народный характеръ и бытъ египтянина естественное изъ того слѣдствіе? Но какъ-бы то ни было, ни при одной изъ достопримѣчательностей міра туристъ не страдаетъ до такой степени, не играетъ въ такой степени роль глупой жертвы, ведомой на закланіе, и нигдѣ не получаетъ онъ такъ мало за все это удовольствія, какъ на Хеопсовой пирамидѣ. А потому мой искренній совѣтъ вамъ, читатель: не лазайте на Хеопсову пирамиду!

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Города сѣверо-западной Индіи.

Вотъ уже больше недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Египетъ, уже нѣсколько тысячъ километровъ сдѣлала наша экспедиція въ другой части свѣта, а я не могу написать ни строчки, такъ-какъ писать рѣшительно не о чемъ. Красное море и Индѣйскій океанъ я уже описывалъ во многихъ предшествовавшихъ очеркахъ, по Индіи-же мы мчимся столь быстро, останавливаемся такъ мало, что буквально не хватаетъ рѣшимости излагать на бумагѣ эти мимолетно схваченныя впечатлѣнія. Кромѣ того, все, что я вижу, до такой степени не соотвѣтствуетъ нашему ходячему въ обществѣ представленію объ Индіи, что и не знаешь, съ какой стороны приступить къ описанію страны этой, чтобы не поразить, не вызвать недоумѣнія у читателя.

Мы считаемъ Индію страною тропическою. Намъ рисуются пальмовыя заросли, джунгли, тигры, змѣи, очаровательныя дебри изъ «Наль и Дамаянти»,—а тѣмъ, кто читалъ произведенія г-жи Блавацкой (Радда-бай), страна эта должна представляться прямо волшебнымъ міромъ чудесъ. Но все это непримѣнимо къ сѣверо-западной Индіи. Давно уже остался за нами Бомбей, Агра, Дели. Мы пересѣкли въ с.-в. направленіи Деканское плоскогорье, переѣхали обширную низменность, гдѣ Гангъ сливаетъ свои воды съ водами рѣки Джумны, направляемся къ подножію Гималаевъ, къ верховьямъ Индіи—и на всемъ

этомъ громадномъ протяженіи, — за исключеніемъ развѣ ближайшихъ окрестностей Бомбея, — ландшафтъ самый унылый, самый не тропическій. Около Бомбея, еслибы не вѣерная пальма — Borassus flabelliformis— высокоствольное дерево, заканчивающееся пучкомъ темныхъ вай,—мѣстность напомнила-бы Тифлисскую губернію. Бурожелтая почва всюду обнажена, травянистая растительность, какая на ней могла расти, выжжена лучами солнца такъ сильно, какъ она выгораетъ у насъ на сухихъ степяхъ далекаго Юго-Востока России, и разбита на квадратные участки. На межахъ виднѣются деревья, во время нашего посѣщенія по большей части голыя, кромѣ многочисленныхъ мангъ съ ихъ продолговатыми цѣльнокрайными, глянцевитыми, толстыми, вѣчно-зелеными листьями. Онѣ разбросаны здѣсь тамъ и сямъ, подобно тому, какъ темнолистые дубы или вязы въ окрестностяхъ Мцхета. Чаще поле, особенно около дороги, обсажено растеніями, на первый взглядъ напоминающими блѣдно-зеленые кактусы, столбчатой формы, колючими и вѣтвистыми. Это индѣйскій молочай—безлистое, поразительно похожее на мексиканскіе кактусы растеніе. Оно употребляется здѣсь и какъ живая изгородь въ хуторахъ и деревняхъ. Бѣленькіе кирпичные домики этихъ деревень, какъ въ упоминаемой нами части Закавказья, покрыты красною черепицею и тонутъ лѣтомъ въ зелени деревьевъ; теперь деревья эти стоятъ голыя, какъ наши позднею осенью. Тамъ и здѣсь подъ одинокимъ деревомъ, собравшись въ кучку, отдыхаетъ стадо коровъ съ рогами самой причудливой формы и величины. На горизонтѣ неправильными квадратными очертаніями — точно края какого-то раздѣленнаго оврагами и ярами исполинскаго нагорнаго берега рѣки—возвышаются горы западнаго Гата, начала Деканскаго плоскогорья.

Выѣзжаете вы на плоскогорье—и Индія превращается въ Россію. Куда хватаетъ глазъ, тянется равнина, лишенная растительности, представляющая даль сѣрой, взрытой, жаж-

дущей нивы,—равнина, не оживленная ни селеніями, ни присутствіемъ человѣка или какого другого одухотвореннаго существа. Какъ въ степяхъ Новороссіи, селенія прячутся въ рѣчныя долины. Ихъ не видно изъ поѣзда, такъ-какъ маловодныя, текущія по каменистому лавовому ложу рѣки рѣдко пересѣкаютъ дорогу. Кажется, что поѣздъ мчится по мертвенной, обобранной человѣкомъ пустынѣ. И онъ мчится по ней цѣлый день. Рѣже попадаются мѣстности съ раскиданными по нимъ группами деревьевъ,—чахлою, приземистою финиковою пальмою Phoenix sylvestris — здѣсь настоящею пародіею на свою африканскую родственницу, манго и Schorea robusta—мощнымъ раскидистымъ деревомъ съ распускающеюся красновато-бурою листвою. Эти деревья становятся многочисленнѣе по мѣрѣ того, какъ линія дороги приближается къ горамъ Bundis, т. е. къ сѣверной окраинѣ плоскогорья. Тутъ поѣздъ мчится среди невысокихъ горъ и холмовъ, подобныхъ горамъ сѣвернаго Кавказа за Новороссійскомъ,—но природа горъ этихъ совершенно особенная. Въ ней нѣтъ также ничего того, что мы сравниваемъ съ *тропиками*, съ *Индіею*, но она не лишена оригинальности.

Представьте себѣ нашъ южно-русскій байрачный лѣсъ—Харьковской, Екатеринославской губерніи или Войска Донского, во время поздняго, очень засушливаго лѣта или очень сухой осени, когда, отъ недостатка влаги и жары, а можетъ быть, и ночныхъ морозовъ, девять-десятыхъ деревьевъ потеряло свою листву. Лѣсъ болѣе высокій и густой, чѣмъ наши степные, но стоитъ совершенно голый; только тамъ и здѣсь возвышается деревцо, одѣтое полуосыпавшеюся желтою листвою, или изрѣдка проглянетъ болѣе стойкій въ борьбѣ съ засухою зеленый кустикъ или деревцо. Сухо и пыльно. Почва между стволами заросла такимъ-же безлистымъ кустарникомъ, она засыпана шуршащею подъ ногами сухою листвою, не оживляемою ни зеленью травъ, ни цвѣтами. Нѣтъ здѣсь ни нѣжной ваи папоротника, ни скромнаго лѣсного цвѣточка. Нѣтъ обви-

вающихъ древесные стволы ліанъ тропическаго лѣса, не видно сидящихъ на вѣтвяхъ эпифитовъ, ни пальмовыхъ кронъ, ни широкаго листа лѣсного банана или Scitamineae. Вы въ обстановкѣ нашего степного лѣса — осенью, но только, вмѣсто косыхъ лучей солнца, вмѣсто холоднаго вѣтра, здѣсь жарко, знойно, и вы задыхаетесь въ духотѣ и пыли вагона.

Среди деревьевъ лѣса, не угнетенныхъ, какъ у насъ, до степени полу-кустарника, иногда возвышаются настоящіе исполины, особенно бросаются въ глаза дикія смоковницы, съ пестрою какъ у нашихъ чинаровъ корою. На немногихъ деревьяхъ развертываются почки, чаще—явленіе рѣдкое у насъ—ихъ вѣтви сплошь усыпаны цвѣтами, не какими-нибудь скромными сережками, какъ у нашей ольхи, но крупными, красивыми цвѣтами—то въ видѣ огненно-красныхъ пятилучевыхъ звѣздъ, то кирпичнаго цвѣта мотыльковыхъ соцвѣтій, то бѣлыми, какъ у вишни, усыпающими дерево какъ снѣгъ, то лимонно-желтыми букетами.

Эти безлистыя, усыпанныя цвѣтами деревья — эффектное, невиданное зрѣлище — придаютъ совершенно особый характеръ лѣсу, и нельзя было не досадовать, проносясь среди такихъ зарослей, что поѣздъ не останавливается часто, что нѣтъ физической возможности за его быстротою распознать виды этого индійскаго лѣса. Деревья здѣсь перемѣшаны и необыкновенно разнообразны—и, при условіяхъ нашего движенія, самъ Гукеръ не взялъ-бы на себя смѣлости ихъ опредѣлять. Чаще другихъ, однако, здѣсь попадались Erythrina бобовая, съ огненно-красными цвѣтами и стручьями (coral tree англичанъ), исполинскіе Bombax (cotton tree), съ красными звѣздами, тэковое дерево съ громадными какъ у табака листьями, Schorea robusta, усыпанныя бѣлыми цвѣтами Bauhinia и желтая Cassia fistula съ длинными стручьями. Но между ними расли десятки другихъ.

Поѣздъ несетъ васъ нѣсколько часовъ этими лѣсистыми горами, гдѣ мало селеній и станціи рѣдки. Затѣмъ

горы кончаются. Равнина, сначала заросшая низкорослыми, корявыми coral trees, затѣмъ совершенно голая, говоритъ вамъ, что вы спустились на равнины Ганга, хотя тотъ, кто бывалъ въ Туркестанѣ, призналъ-бы эту мѣстность за одну изъ степныхъ областей этого края. Дѣйствительно, передъ вами природа средняя между природой туркестанскаго оазиса и Египта, но съ отпечаткомъ засухи, выжженности, оголенности, пустынности. Равнина разбита на безчисленные квадраты полей, но поля эти сухи и безжизненны, рѣдко гдѣ попадется квадратъ несжатой пшеницы. Мѣстами поля эти обсажены зеленѣющимъ деревомъ изъ семейства бобовыхъ Dalbergia sisoo, поразительно похожимъ издали на нашу осину. Въ другихъ мѣстахъ сѣдая, какъ и въ Египтѣ, Acacia nilotica, точно запыленная висящею въ воздухѣ пылью, и не менѣе сѣрый тамариксъ напоминаютъ вамъ нильскіе ландшафты, тогда какъ общій желтый фонъ пустыни, пучки безлистыхъ какъ саксаулъ кустарниковъ на бугристой голой почвѣ, кубическіе кишлаки—переносятъ васъ въ окрестности Ташкента.

Таковы картины природы, развертывающіяся изъ оконъ вагона передъ путешественникомъ, ѣдущимъ изъ Бомбея въ Агру и Дели въ маѣ мѣсяцѣ. Позднимъ лѣтомъ, когда подуетъ ю.-з. муссонъ и прольются благодѣтельные дожди, страна оживится, по оросительнымъ каналамъ польется животворная влага на изсохшія поля и они зазеленѣютъ посѣвами. Но теперь, когда мы ѣхали, страна носила почти всюду, кромѣ горъ, грустный, отталкивающій характеръ пустынности и оскудѣнія, и сравненіе ея съ туркестанскимъ оазисомъ было-бы для нея незаслуженнымъ комплиментомъ. Тотъ, кто рисуетъ себѣ Индію пышною тропическою страною, видя ландшафты эти, почувствуетъ горькое разочарованіе.

А между тѣмъ, вы мчитесь по странѣ этой окруженные комфортомъ, незнакомымъ европейцу. Вагоны, въ которыхъ вы ѣдете, раздѣлены каждый на 2 купэ съ 2 длин-

ными, расположенными вдоль стѣнки сидѣньями и 2 такими-же спускающимися на ночь сверху. Каждая скамья назначается одному пассажиру; такимъ образомъ, въ помѣщеніи, въ которое въ Европѣ помѣстили-бы по крайней мѣрѣ дюжину пассажировъ, ѣдутъ не болѣе 4 человѣкъ, и они могутъ свободно ходить между скамьями. Для освѣженія воздуха, въ каждой изъ стѣнокъ вагона вдѣлано плетеное колесо, захватывающее смачивающую его воду, вращая которое, вы всегда можете придавать воздуху влажность и смягчать сухость врывающагося въ вагонъ вѣтра, знойнаго и пыльнаго. Неевропейскую публику возятъ только въ 3-мъ классѣ, гдѣ ѣздятъ только туземцы и куда не сядетъ ни одинъ англичанинъ.

Станціи довольно часты; въ городахъ вы имѣете вокзалы не хуже нашихъ столичныхъ—если даже не лучше этихъ послѣднихъ; въ деревняхъ небогатая станція снабжена палисадникомъ изъ эффектно цвѣтущихъ деревъ и кустарниковъ: кипарисовъ, Painsiana pulcherrina, бигноній и особенно любимыхъ англичанами пестролистыхъ Coleus. На станціяхъ, какъ въ Россіи, васъ ожидаетъ или обѣденный столъ, или услужливые разносчики предлагаютъ мѣстные плоды—необыкновенно сладкіе и ароматные индійскіе апельсины, формою напоминающіе мандарины, но столь-же крупные, какъ наши яффскіе манги, сладкіе и не пахнущіе терпентиномъ, какъ ихъ яванскіе родичи, но чаще всего лимонадъ и содовую воду—эти фабрикаты химическихъ лабораторій, замѣняющіе здѣсь воду жаждущему путешественнику и въ необыкновенно скорое время приводящіе желудокъ его въ совершенно негодное состояніе. Всѣ эти продукты привезены сюда изъ большихъ городовъ, главнымъ образомъ изъ Бомбея.

Города Индіи, которымъ мы могли посвятить на нашемъ спѣшномъ пути самый бѣглый обзоръ, на мой взглядъ, можно разбить на два типа:—города, созданные дѣятельностью *европейцевъ*, и города индійскіе, которыхъ почти не тронула рука западной цивилизаціи, и главныя

достопримѣчательности коихъ—это постройки туземныхъ властителей, языческіе храмы, мечети и уличная народная жизнь.

Агра и Дели могутъ быть прекрасными представителями этихъ послѣднихъ. Подобно нашему Самарканду, оба эти города уже издали, на фонѣ желтой безжизненной равнины, обращаютъ на себя вниманіе куполами и минаретами возвышающихся среди нихъ мечетей. Форты обоихъ городовъ, расположенные на господствующей возвышенности, видны уже издали, и прямыя, пестрыя колонны минаретовъ, ихъ арки, вся ихъ архитектура производитъ то-же самое впечатлѣніе, что наши знаменитыя самаркандскія мэдрессэ и гробница Тамерлана. Тотъ-же духъ народа, та-же вдохновлявшая его обстановка природы создала здѣсь и тамъ эти зданія. Но разница громадная въ художественности и отдѣлкѣ. Пестрыя своею изразцовою мозаикою постройки Туркестана неуклюжи, имъ недостаетъ изящества, легкости, пестрота ихъ окраски чисто азіатская, рѣжущая глаза—или онѣ просто вылѣплены изъ желтой глины. Здѣсь матеріалъ — камень-песчаникъ или бѣлый мраморъ. Первый представляетъ особую разновидность, легко рѣжущуюся пилою, даже ножомъ, позволяющую изъ выпиленныхъ пластинокъ вырѣзать нѣжныя ажурныя работы. Нѣкоторые сорта этого краснаго индійскаго песчаника могутъ гнуться какъ куски резинки, обладая не меньшею эластичностью. Этотъ бѣлый и розовый строительный матеріалъ индійскіе архитекторы съумѣли сочетать необыкновенно изящно, придавая своимъ постройкамъ то полосатый, то клѣтчатый мозаичный характеръ, украшая колонны арокъ тонкою рѣзьбою, стѣны — изящными мавританскаго стиля горельефами, замѣняя окна тонкими, чисто кружевными пластинками изъ мрамора и песчаника. Ставъ на возвышенное мѣсто въ Агрѣ или Дели, вы увидите, что надъ массою невысокихъ и невидныхъ построекъ, какъ церкви въ Москвѣ со всѣхъ сторонъ возвышаются эти красивыя

пестрыя зданія мечетей, царскихъ усыпальницъ и дворцовъ, изъ которыхъ многіе по архитектурѣ своей смѣло могутъ затмить лучшія изъ архитектурныхъ построекъ Европы.

Мнѣ пришлось-бы написать цѣлую книгу, если-бы я сталъ описывать въ отдѣльности каждую изъ замѣчательныхъ построекъ этихъ двухъ городовъ; эта задача уже выполнена моими предшественниками. Пересмотрѣвъ иллюстраціи къ роскошно изданному путешествію Государя Императора, читатели могутъ составить себѣ понятіе, какъ изящны эти постройки. У всѣхъ у нихъ много общаго. Это особая, чисто тропическая архитектура, существованіе которой у насъ, въ нашемъ климатѣ, было-бы такъ-же невозможно, какъ не могутъ расти пальмы подъ открытымъ воздухомъ Петербурга.

Большинство построекъ—сквозныя зданія, состоящія изъ ряда арокъ. Это какъ-бы стѣнки волшебной декораціи, окружающія обширные, уложенные мраморными плитами дворы или садики усыпанныхъ яркими цвѣтами тропическихъ деревъ и кустарниковъ, снабженные водоемами и фонтанами. Эти дворы или сады съ трехъ или четырехъ сторонъ окружены крытымъ, поддерживаемымъ колоннами и арками корридоромъ, дающимъ тѣнь и служащимъ чѣмъ-то вродѣ веранды для небольшихъ, въ его задней стѣнѣ сдѣланныхъ каморокъ. Одна изъ стѣнокъ, окружающихъ дворъ или садъ, есть фасъ роскошной архитектуры зданія—дворца или мечети, снабженнаго минаретами, куполами, ажурными стѣнками, арками, окруженными мозаикой или тонко сдѣланными мозаичными надписями изъ корана. Уже на незначительномъ разстояніи такая постройка кажется тонкою ажурною и мозаичною вещицею, которую нетолько выстроить, но даже нарисовать кажется чудомъ терпѣнія и кропотливой работы. Розовато-коричневый и бѣлый цвѣтъ камня, рѣзко выдѣляясь на вѣчно-ясномъ голубомъ небѣ, дѣлаетъ эффектъ этой постройки-декораціи поразитель-

нымъ, и народъ на площади и растенія сада—усыпанныя пурпуромъ гранаты, какъ золотомъ увѣшанныя желтыми цвѣтами бигноніи, пирамидальные кипарисы и розы—переносятъ васъ въ обстановку волшебной фееріи. Часто противъ зданія-декораціи, служа какъ-бы воротами, ведущими во дворъ, выстроенъ снабженный минаретами и мавританскаго стиля арками такой-же ажурный павильонъ. Само зданіе, какъ я сказалъ, занимаетъ сравнительно небольшую часть пространства. Большая часть его приходится опять-таки на громадныя арки, служащія входомъ въ обширное, поддерживаемое колоннами, нерѣдко сквозное, увѣнчанное куполомъ помѣщеніе, занятое мечетью или парадною залою дворца. Въ первомъ случаѣ полъ выложенъ мраморными плитами особой формы—настолько широкими и длинными, чтобы стоящій на колѣнахъ и падающій ницъ молящійся магометанинъ могъ свободно помѣщаться на одной изъ плитъ. Колонны и своды изъ бѣлаго мрамора, небольшое мѣсто для муллы и родъ пюпитра для корана—обыкновенно единственная обстановка такого помѣщенія. Если это дворецъ, его мебель не много обильнѣе, но стѣны расписаны съ большею роскошью. До чего можетъ доходить послѣдняя, даетъ понятіе знаменитый Диванъ-и-Хазъ въ Дели, въ углахъ потолка котораго написано извѣстное изреченіе персидскаго поэта:

Если рай на землѣ есть помимо небесъ,
Это здѣсь, это здѣсь, безъ сомнѣнія здѣсь.

И дѣйствительно, трудно себѣ представить зданіе болѣе красивое и эффектное. Это громадной величины одноэтажный 4-угольный мраморный павильонъ, сквозной, поддерживаемый многочисленными колоннами. Потолокъ, стѣнки и 4-угольныя широкія колонны—всѣ, какъ наши стѣнные обои, расписаны изящными рисунками, изображающими различные цвѣты, листья и растенія. Листья, лепестки цвѣтовъ, ихъ тычинки—все это инкрустаціи рѣдкихъ дорогихъ и разноцвѣтныхъ камней, подобранныхъ подъ

естественные цвѣта растеній. Золото и серебро, чередуясь съ мраморомъ, украшаютъ потолокъ. Полъ—чистѣйшій, блестящій мраморный паркетъ. Такимъ образомъ, бѣлоснѣжный мраморъ, тонкая и нѣжная мозаика изъ малахита, сердолика, лаписъ-лазури и золота—составляютъ всю обстановку зданія. Кромѣ мраморнаго трона, здѣсь нѣтъ никакой мебели.

Диванъ-и-Хазъ и окружающія его зданія въ фортѣ Дели, несмотря на чудную ихъ архитектуру, далеко не такъ богаты затѣями, какъ такія-же постройки въ фортѣ гор. Агры. Здѣсь вы, ходя по запустѣлымъ дворамъ форта, живо переноситесь въ эпоху давно минувшей царской роскоши. Такъ, вы найдете здѣсь роскошную мраморную постройку—бани, гдѣ въ громадные бассейны проведена была вода р. Джумны. Она струилась здѣсь, въ этомъ помѣщеніи, стѣны котораго, въ тысячахъ вставленныхъ въ нихъ зеркалъ, отражали разноцвѣтныя брызги искусственныхъ каскадовъ, падавшихъ между разноцвѣтными фонарями. Эти зеркала, пестрой мозаикой вставленныя въ стѣны, до сихъ поръ еще не потеряли окончательно своего свойства, и можно представить себѣ, какъ они сверкали изумрудными и смарагдовыми камнями, когда купался здѣсь со своими женами властитель. Въ томъ-же фортѣ, въ особыхъ комнатахъ, за ажурными стѣнками, помѣщались гаремныя красавицы, а около пріемной залы отдѣльный дворъ вымощенъ черными и бѣлыми плитами, образуя громадную шахматную доску, на которой властитель ставилъ живыхъ людей, когда ему хотѣлось играть въ шахматы, — и они, одѣтые въ костюмы соотвѣтствующихъ фигуръ, двигались по мановенію его руки. Огромная мраморная пріемная зала дворца форта Агры, какъ и всѣ эти постройки, лишена мебели. Мраморный тронъ и нѣсколько мраморныхъ ложъ—единственная ея обстановка, и, выходя на веранду, съ которой открывается чудный видъ на р. Джум-

ну, городъ и Тэджъ, о которомъ будетъ сказано ниже, вы должны садиться на плетеныя табуретки.

Правда, теперь всѣ эти постройки заброшены. Многія дворцовыя зданія и кіоски фортовъ Агры и Дели превращены въ конюшни, склады и казарменныя зданія. Меркантильная, святотатственная рука завоевателей пощадила только перлы архитектурнаго искусства, которыя, надо отдать справедливость англичанамъ, поддерживаются въ извѣстномъ порядкѣ. Но отсутствіе той уютности, какая свойственна нашимъ комнатамъ и заламъ Сѣвера, повидимому составляетъ характерную особенность индійскаго дворца. Здѣсь, въ тепломъ климатѣ, искали только тѣни. Обстановку давало небо и стѣны; на роскошь архитектуры зданія да на пышную одежду и украшенія повидимому шли главные расходы—и потому съ именемъ почти каждаго изъ здѣшнихъ властелиновъ, особенно-же съ именемъ Шахъ-Джагана связано множество мечетей, дворцовъ и кіосковъ.

Но если чѣмъ себя обезмертилъ въ Агрѣ, на берегу Джумны, вышеназванный правитель, то это, безъ сомнѣнія, сооруженіемъ восхитительнаго *Тэджа*, громаднаго надгробнаго храма любимой женѣ своей,—передъ изяществомъ и величіемъ котораго блѣднѣютъ лучшія изъ мраморныхъ построекъ Европы, миланскій соборъ и храмъ Спасителя.

Черезъ изящной конструкціи ажурный павильонъ, сложенный изъ краснаго песчаника, играющій роль воротъ, вы входите въ большой паркъ изъ темныхъ, вѣчно-зеленыхъ тропическихъ деревьевъ, изъ которыхъ одни благоухаютъ душистыми, другіе усыпаны яркими пурпурными цвѣтами. Передъ вами, дѣля паркъ на двѣ половины, тянется прямой какъ струна, выложенный мраморомъ каналъ, отчасти заросшій лотосами. Съ каждой стороны его—рядъ пирамидальныхъ стройныхъ кипарисовъ, на фонѣ пестраго турецкаго ковра изъ цвѣтущихъ лѣтниковъ. Между темною зеленью парка и этими рядами кипарисовъ идутъ аллеи, ведущія васъ къ громадному бѣлому зданію,

эффектно выдѣляющемуся на темномъ фонѣ зелени и чудномъ голубомъ небѣ. На широкомъ мраморномъ, украшенномъ мраморными-же рѣзными перилами помостѣ возвышается не то храмъ, не то мечеть, бѣлая какъ снѣгъ, размѣрами не уступающая любому изъ большихъ соборовъ. Ее окружаютъ и съ ея стѣнъ поднимаются тонкіе какъ свѣчи, бѣлые, длинные минареты, стройностью и изяществомъ могущіе соперничать только съ оттѣняющими ихъ темными кипарисами. Громадная арка съ заостреннымъ кверху сводомъ, окруженная мозаичными изреченіями изъ Корана, занимаетъ фасъ этого кубическаго мраморнаго зданія, увѣнчаннаго чудомъ архитектурнаго искусства, мраморнымъ громадной величины куполомъ; къ нему примыкаютъ справа и слѣва меньшіе, увѣнчанные минаретами кубы съ такими-же арками спереди.

Эффектъ и красота архитектуры зданія не поддаются никакому описанію, никакой фотографіи. Я видѣлъ лучшія зданія Европы и Америки, храмы Японіи, но я не знаю ничего, что могло-бы быть поставлено въ параллель съ этимъ волшебнымъ храмомъ.

Внутренность Тэджа еще болѣе восхитительна, чѣмъ внѣшняя сторона. Войдя въ двери передней арки, стѣны которой, какъ и другихъ исполинскихъ арокъ, украшающихъ зданіе, состоятъ изъ ажурно-рѣзныхъ мраморныхъ досокъ, вы попадаете въ полумракъ увѣнчаннаго куполомъ, поддерживаемаго мраморными стѣнами и колоннами пространства храма, расписаннаго по бѣлоснѣжному фону мозаикой изъ разноцвѣтныхъ камней, изображающей цвѣты и растенія. На нѣкоторомъ возвышеніи, окруженный высокою рѣзною мраморною рѣшоткою, стоитъ расписанный такими-же инкрустаціями надгробный памятникъ — длинный бѣлый паралелепипедъ мрамора. Здѣсь только понимаешь, что такое мраморъ въ рукахъ ваятеля, насколько выше онъ, какъ строительный матеріалъ, всѣхъ другихъ камней. Но храмами, надгробными мавзолеями и дворцами, повидимому, и исчерпывается архитектурное

творчество жителей такихъ городовъ, какъ Агра, Дели и ближайшіе къ нимъ. Какъ отъ древнихъ городовъ Египта исторія не могла намъ оставить ничего, кромѣ заросшихъ пальмами бугровъ глины, среди которыхъ возвышаются исполинскія статуи, обелиски и пирамиды, такъ и въ Индіи разрушительная рука времени оставляетъ на память потомству только остатки храмовъ или мечетей.

Современный Дели, подобно Каиру, повидимому постоянно мѣнялъ свое мѣсто. Въ бытность мою въ этомъ городѣ я посѣтилъ расположенную въ 12 миляхъ отъ него высокую башню, воздвигнутую однимъ изъ правителей для жены своей, чтобы она могла оттуда видѣть воды священной Джумны. Башня эта, не особенно изящная, — представляющая какъ-бы пучки цилиндрическихъ трубокъ, поставленные одинъ на другой, имѣетъ 240 ф. 6 д. высоты, что въ тѣ времена, когда еще не было Эйфелевыхъ башенъ, было, особенно для Индіи, единственною въ своемъ родѣ высотою. Всѣ 12 миль, которыя я проѣхалъ въ сопровожденіи г. Berge, любезно мнѣ показавшаго достопримѣчательности этого любопытнаго города, мы ѣхали между нескончаемой серіей безформенныхъ, большею частью сравнявшихся съ землею развалинъ, среди которыхъ тамъ и сямъ возвышались изящной архитектуры мечети, большею частью покинутыя, ставшія жилищемъ птицъ, полуразрушенныя или еще сохранившіяся настолько, что онѣ могли служить убѣжищемъ нѣсколькимъ нищимъ святошамъ. Казалось, рука опустошенія пронеслась надъ громадной, густо населенной столицей, сравнявъ ее съ землею, покрывъ ее зарослями похожей на осину Dahlbergia sioo и оставивъ на память о бывшемъ величіи только эти мечети, эту башню и зарытую въ землю недалеко отъ нея громадную желѣзную колонну.

Народъ, который создалъ произведенія искусства единственныя въ мірѣ по своей величинѣ, числу и изяществу, и теперь, какъ во время стародавнія, отдавъ всѣ свои силы

и таланты Богу—и богамъ земнымъ, своимъ властелинамъ живымъ и умершимъ, не сдѣлалъ для самого себя ничего, не могъ развить въ себѣ самыхъ скромныхъ потребностей и живетъ въ тѣсныхъ, негигіеничныхъ, зловонныхъ постройкахъ, заставляющихъ европейца избѣгать сосѣдства туземцевъ и селиться гдѣ-нибудь на окраинѣ города, гдѣ обыкновенно и расположены всѣ европейскіе отели. Дома Агры, Дели, Сахарампура и вообще всѣхъ посѣщенныхъ мною городовъ сѣверо-западной Индіи—каменные, 2-хъ этажные,—нѣкоторые изъ нихъ украшены балкончиками съ перилами изъ того-же ажурно-вырѣзаннаго краснаго песчаника Агры, но все-таки эти кубическіе дома-ящики низки, комнаты ихъ тѣсны, лишены мебели и всякихъ удобствъ, представляя маленькія, душныя и темныя каморки, — которыя въ нижнемъ этажѣ обыкновенно заняты лавками, какъ и вездѣ на Востокѣ, совершенно открытыми на улицу и позволяющими прохожему видѣть, что въ нихъ продается и что дѣлается, хотя обыкновенно если вы хотите видѣть что-либо хорошее, надо войти во 2-ю внутреннюю комнату, гдѣ вамъ сдѣлаютъ выставку.

Улицы индійскихъ городовъ всегда оживлены, большею частью пѣшимъ босоногимъ народомъ всѣхъ оттѣнковъ кожи—отъ чисто бѣлаго до темнокоричневаго. Большинство носитъ бѣлые тюрбаны на головѣ и длинныя бѣлыя, необыкновенно легкія одежды съ рукавами. Но многіе ограничиваются однимъ широкимъ покрываломъ, обмотаннымъ вокругъ бедеръ, оставляющимъ верхнюю половину прекрасно сложеннаго тѣла совершенно голою. У многихъ черезъ шею перекинута веревка — тройной шнуръ, который носить имѣютъ право только брамины. У другихъ вы видите на лбу знаки, нарисованные красною и желтою краскою—также означающіе принадлежности къ высшей кастѣ. Смотря по тому, является-ли носитель этихъ знаковъ поклонникомъ Вишну или Сивы, и знаки эти не одинаковы. У однихъ это красная точка, у

другихъ—поперекъ лба проведенная линія или нѣсколько красныхъ или желтыхъ линій, иногда придающихъ физіономіи чисто дьявольскій видъ, хотя въ общемъ лица народа осмысленныя и очень красивыя. Изрѣдка попадется на улицѣ почти совершенно голый, увѣшанный четками и бусами, вымазанный золою, съ длинными всклоченными волосами факиръ. Эти факиры, про которыхъ пишутъ такъ много чудеснаго, въ громадномъ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ юродивыхъ. Какъ и къ нашимъ юродивымъ, народъ относится къ нимъ съ уваженіемъ, даетъ дорогу и подаетъ милостыню, не ожидая просьбы со стороны самого факира. Многіе производятъ впечатлѣніе идіотовъ или дармоѣдовъ, но зато другіе имѣютъ во взорѣ своемъ что-то невыразимое: это взглядъ генія, взглядъ человѣка, увлеченнаго идеею до помѣшательства. Одно выраженіе лица такого факира выдѣляетъ его изъ тысячъ окружающаго его народа, и смотря на него, понимаешь то мѣсто легенды о жизни Будды, гдѣ говорится, что даже предубѣжденные противъ него аскеты поклонились ему, видя необычайное выраженіе лица его. Эти глаза дѣйствительно могутъ гипнотизировать хоть кого — и что-же удивительнаго, что подобные факиры заставляютъ легковѣрную толпу видѣть то, что имъ прикажутъ. Впрочемъ, между факирами этого сорта попадаются самоистязатели, могущіе поразить и европейца и напоминающіе въ этомъ отношеніи аскетовъ древнихъ временъ: факиры, проращивающіе ногти согнутыхъ пальцевъ черезъ ладонь или держащіе руки поднятыми, пока онѣ не окоченѣютъ и не отсохнутъ,—не рѣдкость и теперь. Но, я полагаю, излишне говорить, что большинство чудесъ, имъ приписываемыхъ (кромѣ зарыванія себя въ землю на нѣсколько дней,—что дѣйствительно бываетъ), относится къ области выдумокъ и басенъ.

Улицы города большею частію узки, застроены маленькими лавчонками, представляющими мало привлекательности для европейца. Дешевые предметы первой необхо-

димости и съѣстные припасы и кушанья играютъ здѣсь главную роль. Вегетаріанцы-индусы питаются чрезвычайно легко, и здѣсь, на сѣверо-западѣ, въ области пшеницы, какіе-то крендельки, тѣсто изъ муки и творога и жареные на растительномъ маслѣ пирожки играютъ главную роль въ этихъ съѣстныхъ лавкахъ. Какъ дешевы эти продукты, читатель можетъ судить уже потому, что ихъ покупаютъ цѣною не денегъ, но раковинъ изъ рода сургаса, которыя здѣсь въ ходу и которыхъ даютъ около десятка на мѣдную монету, стоющую около копѣйки.

Другою характерною чертою здѣшней торговли является обиліе посудныхъ лавочекъ, продающихъ маленькіе глиняные горшечки, вмѣщающіе въ себѣ около $^3/_4$ стакана воды. Здѣсь, гдѣ населеніе состоитъ на-половину изъ магометанъ, на-половину изъ индусовъ и гдѣ эти послѣдніе раздѣляются на множество кастъ, причемъ высшая каста считаетъ для себя оскверненіемъ нетолько что пить изъ одной посуды, но даже соприкасаться съ человѣкомъ другой касты или религіи, такого рода посуда является прямою необходимостью. Попросите вы напиться— вамъ наполнятъ водою такой сосудъ, но утоливъ свою жажду, вы обязаны, бросивъ его объ землю, разбить сосудъ этотъ въ дребезги, такъ-какъ соприкосновеніе съ нимъ осквернитъ всякаго порядочнаго индуса, ибо изъ всѣхъ оскверняющихъ веществъ слюна человѣка и кожа животнаго считаются самыми погаными. Поэтому верхъ эмансипаціи индуса — когда онъ рѣшится надѣть ботинки. Улицы города тѣсны, узки и подобно русскимъ городамъ лишены растительности. Двухъ-этажные каменные дома не производятъ впечатлѣнія богатства. Европейскихъ зданій нѣтъ. И въ Агрѣ, и въ Дели они разбросаны въ видѣ коттэджей, тонущихъ въ зелени, въ сторонѣ отъ города, и для нихъ и для туристовъ только въ городѣ помѣщаются болѣе богатые магазины шалей, мѣдныхъ издѣлій причудливой индійской работы, и тонкихъ ажурныхъ и мозаичныхъ работъ изъ камня—искусство, остав-

шееся по наслѣдству отъ строителей Тэджа и другихъ замѣчательныхъ построекъ города. Оно не вырождается, и за грошовыя цѣны вы можете здѣсь пріобрѣсти работы, могущія привести въ восторгъ европейца.

Такимъ образомъ Агра и Дели сохраняютъ вполнѣ еще туземный нетронутый характеръ, — хотя характеръ этотъ все-таки не индусскій, а магометанскій. Въ то время какъ восхитительныя мечети даютъ тонъ панорамѣ города, храмы индусовъ почти не выдѣляются изъ частныхъ зданій, невзрачны и не заслуживаютъ вниманія. Оно и неудивительно. Пока страна, гдѣ были расположены эти два города, была населена индусами, Агра представляла ничтожное мѣстечко. Но, какъ извѣстно, послѣднія 11 столѣтій (съ 646 по 1761 г.), предшествовавшихъ захвату страны англичанами, магометанское населеніе Азіи, въ лицѣ ея тюркскихъ народовъ, дѣлало постоянные набѣги на Индію—и если имъ не удавалось завоевать страну вполнѣ и сдѣлать всю Индію магометанскою, имъ удавалось основывать государства на сѣверо-западѣ полуострова и утвердить тамъ свою вѣру. Дели и Агра были одними изъ центровъ этого магометанскаго владычества.

Агра оставалась такимъ центромъ вплоть до захвата англичанами, и въ 1857 году была однимъ изъ главныхъ мѣстъ возстанія противъ этихъ завоевателей. Что касается Дели, то хотя этотъ городъ повидимому происхожденія очень древняго и основанъ до Р. Х., но все, что относится до древнихъ эпохъ, лежитъ теперь въ развалинахъ, занимающихъ не менѣе 45 кв. верстъ. Эти развалины образованы, подобно развалинамъ Трои, остатками не менѣе 7 городовъ, основывавшихся и разрушавшихся втеченіе долгаго періода его исторіи. Такимъ образомъ, и здѣсь все чисто индусское совершенно стерто съ лица земли и уступило свое мѣсто созданіямъ магометанскаго зодчества, такъ-какъ, подобно Агрѣ, и Дели былъ резиденціею магометанскихъ правителей, съ именами кото-

7*

рыхъ связаны лучшія постройки города. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ лицѣ Агры и Дели мы видимъ средне-азіатскіе города съ ихъ культурою и строемъ жизни, расцвѣтшими и расросшимися въ пышныя формы на тропической почвѣ Индіи. Настоящей индусской культуры здѣсь не ищите: она подавлена магометанствомъ.

Еще менѣе бросается въ глаза эта индусская культура въ городахъ, облюбованныхъ англичанами, какъ напр. Сахарампуръ или даже Бомбей. Въ первомъ я былъ слишкомъ короткое время, чтобы дать здѣсь подробное описаніе этого любопытнаго города, но я могу сказать только, что въ обоихъ городахъ туриста привлекаетъ скорѣе европейская, чѣмъ туземная часть ихъ. Первая—это уголокъ благоустроеннаго англійскаго города, съ чистыми, прекрасно вымощенными улицами, элегантными экипажами, роскошными магазинами и скверами, блещущими чудными экземплярами тропической флоры. Громадная площадь обнесена здѣсь аллеей изъ исполинскихъ индійскихъ смоковницъ съ ихъ свѣшивающимися сверху пучками корней, придающими этому оригинальному дереву столько поэзіи и эффекта. Имѣя чудные строительные матеріалы подъ руками, дешевыхъ рабочихъ и великолѣпные образцы индійскаго зодчества, англичане создали совершенно особенную англо-индійскую архитектуру. Въ то время какъ магометанскіе властители Индіи направляли народныя силы и собранныя богатства на сооруженіе мавзолеевъ, мечетей и дворцовъ, англичане употребили ихъ на постройку зданій общественныхъ учрежденій и вокзаловъ. Эти зданія здѣсь отличаются такою величиною и изяществомъ, заимствовали такъ много мѣстныхъ чертъ архитектуры, что для англійскихъ кварталовъ города являются неменьшею достопримѣчательностью, чѣмъ храмы для туземныхъ. Они далеко оставили за собою всѣ лучшія зданія этого рода, видѣнные мною въ Европѣ и Америкѣ. Какъ въ своихъ родныхъ городахъ, и здѣсь англичанинъ не обошол-

ся безъ того, чтобы снабдить свой городъ хорошимъ паркомъ съ зоологическимъ садомъ изъ мѣстныхъ животныхъ. Такіе парки я видѣлъ во всѣхъ большихъ городахъ англійскихъ колоній, но въ Бомбеѣ, гдѣ растительность парка составляютъ пальма и пышныя тропическія деревья, создающія парку этому обстановку изъ «Тысячи одной ночи», его дополняютъ изящные кіоски и музей, и этотъ паркъ особенно великолѣпенъ. Надо отдать справедливость англичанамъ, какъ правителямъ, въ этомъ отношеніи они сдѣлали для народа гораздо больше, чѣмъ ихъ тюркскіе предшественники. Эти музеи, эти роскошные сады, гдѣ большинство растеній снабжено научными названіями, эти подобные дворцамъ зданія общественныхъ учрежденій доступны для всѣхъ, и по вечерамъ вы видите массы народа, пользующіяся этими благами культурной обстановки. Въ Бомбеѣ вы найдете роскошныя зданія университета, библіотеки, школы рисованія и ряда коллегій, госпитали и клубы, и наконецъ, весьма интересный музей общества испытателей природы, поддерживаемый однимъ частнымъ лицомъ, музей интересный для туристовъ тѣмъ, что тамъ, помимо научныхъ собраній, имѣются живые экземпляры всѣхъ рѣдкихъ ядовитыхъ животныхъ Индіи и ея гадовъ, дающіе полное понятіе о той опасности, которой подвергается жизнь путешествующаго по здѣшнимъ джунглямъ. Маленькія зеленыя смертоносныя змѣйки, по цвѣту совершенно не отличаемыя отъ окружающей ихъ листвы, скорпіоны и фаланги всевозможныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, громадныя кабри и другія ядовитыя крупныя змѣи и всевозможныя хищныя животныя хранятся здѣсь въ изящныхъ виваріяхъ.

Но если англійскій городъ носитъ на себѣ отпечатокъ болѣе демократическій, чѣмъ города, созданные магометанами, то этого нельзя сказать о его жителяхъ. Улицы англійскаго города, помимо образцоваго порядка и чистоты, на нихъ господствующихъ, отличаются отъ еги-

петскихъ и южно-европейскихъ полнымъ отсутствіемъ нищенства и попрошайничества, этихъ отвратительныхъ навязываній никому ненужныхъ услугъ и выпрашиваній бакшиша, которыя отравляютъ существованіе путешественника въ средиземно-морскихъ странахъ Южной Европы и особенно въ Египтѣ. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что въ Индіи пролетаріата — масса и голодовки населенія чуть не нормальное явленіе. Между тѣмъ, передъ балкономъ вашей гостинницы обыкновенно являются только жонглеры и фокусники, заклинатели змѣй, показывающіе за нѣсколько аппасовъ тѣ чудеса, которыя прославили Индію на всѣ концы образованнаго міра.

Англичане, расплождающіе попрошаекъ въ чужихъ государствахъ, повидимому не терпятъ ихъ въ своихъ владѣніяхъ. Зато здѣсь поражаетъ другая сторона ихъ жизни. На улицахъ англійской части Бомбея вы видите очень мало европейцевъ и чрезвычайно много туземцевъ, большею частью обнаженныхъ до пояса или одѣтыхъ въ бѣлыя, изъ тонкой какъ кисея матеріи, одежды, съ красными тюрбанами на головахъ. Громадный процентъ людей этихъ принадлежитъ къ многочисленному штату прислуги англичанина. 10 — 12 человѣкъ прислуги здѣсь не рѣдкость: это нормальное число въ порядочномъ домѣ. Даже англійскій рядовой солдатъ имѣетъ здѣсь своего лакея, который чиститъ ему лошадь и аммуницію. Въ виду того, что содержаніе человѣка обходится въ Индіи гроши, жалованье-же здѣсь ничтожное (3—5 р. красная цѣна лучшему слугѣ), тѣ обязанности, которыя у насъ легко выполняетъ одинъ человѣкъ, здѣсь распредѣляются на цѣлый штатъ прислуги. Прислуга эта большею частью ничего не дѣлаетъ и обсчитываетъ при удобномъ случаѣ своихъ господъ, но врядъ-ли какой вельможа въ современной Европѣ окруженъ каждую минуту такимъ штатомъ прислуживающихъ людей, какъ англичанинъ въ Индіи. Даже во время пу-

тешествія вы пользуетесь услугами по меньшей мѣрѣ 3—4 лицъ.

Трудно представить себѣ зрѣлище болѣе странное, чѣмъ, напримѣръ, обѣденное зало бомбейской гостинницы. Вы сидите въ громадной комнатѣ, гдѣ за длинными столами расположились обѣдающіе въ опредѣленные часы за табльдотомъ гости. За каждымъ изъ нихъ стоитъ въ неподвижной позѣ довольно безобразная, потная, черная фигура въ бѣломъ халатѣ и съ краснымъ тюрбаномъ на головѣ. Такое-же точно число столь-же черномазыхъ лакеевъ бѣгаетъ съ кушаньями, которыя однако даются не гостямъ, а ихъ лакеямъ, и тѣ уже ставятъ ихъ передъ господами. Наконецъ, около стѣнъ стоятъ или сидятъ столь-же многочисленные полунагіе пункамэны, т. е. индійцы, вся обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы дергать за шнурки, качающіе подвѣшенные къ потолку пунки или панкеры, дающіе вѣтеръ, безъ котораго можно-бы было буквально свариться въ душной и жаркой, наполненной массой ненужныхъ людей комнатѣ.

Идете вы спать въ вашъ номеръ—и вы опять не обходитесь безъ нѣсколькихъ людей. Является водоносъ, чтобы наполнить вашу ванну. Въ индійскихъ гостинницахъ каждый номеръ имѣетъ ванну: это необходимая принадлежность англо-индійскаго дома. Если вы хотя дважды въ день не примете ванны, вы будете чувствовать себя совершенно разслабленнымъ въ этой банной атмосферѣ, постоянно покрываясь испариной. Кромѣ водоноса, къ вашей комнатѣ, обыкновенно, ничего кромѣ бѣлыхъ стѣнъ и кровати не содержащей, приставленъ слуга для ея уборки. Но онъ убираетъ все, кромѣ постели, которую дѣлать долженъ вашъ собственный слуга, располагающійся спать на полу корридора, у дверей вашей комнаты. Безъ него вы въ гостинницѣ ничего не добьетесь, такъ-какъ звонковъ нѣтъ, а номерная прислуга большую часть дня невидима совершенно. Едва вы войдете въ комнату, вы почувствуете

необходимость еще въ одномъ человѣкѣ—номерномъ пункамэнѣ, сидящемъ также въ корридорѣ за стѣной, черезъ которую продернута веревка, ведущая къ вашему панкеру. Когда вы заберетесь подъ кисейный пологъ вашей постели, вы почувствуете полную невозможность заснуть въ духотѣ комнаты. Тогда вступаетъ въ свои права пункамэнъ; благодѣтельные размахи панкера даютъ прохладный вѣтерокъ, подъ вѣяніе котораго вы и засыпаете. Качаніе панкера—самая глупая работа. Часами, за грошовую плату, долженъ человѣкъ слегка дергать веревку, качающую панкеръ. Въ ночной тиши работа эта настолько скучна, что нерѣдко пункамэнъ успѣваетъ задремать ранѣе, чѣмъ его хозяинъ, и тогда тотъ, чтобы не страдать безсонницею, долженъ напоминать пункамэну объ его обязанностяхъ.

Dressing boy и travelling servant—обыкновенные спутники англичанина-путешественника. Они смотрятъ за его багажемъ, стелютъ ему постель въ вагонѣ, ожидаютъ его у дверей на каждой станціи для исполненія порученій. Дома-же, какъ сказано, его ждетъ цѣлый штатъ прислуги, часто совершенно ненужной. Такимъ образомъ, занявъ мѣсто магометанскихъ властителей, англичане, такъ сказать, распредѣлили между собою тотъ блескъ, который концентрировался въ рукахъ немногихъ владыкъ. Каждый изъ нихъ сдѣлался такимъ владыкою въ миніатюрѣ, со своимъ маленькимъ штатомъ придворныхъ, начиная отъ важнаго эконома, майордома—до ничтожной должности grasscutter'а, или рабочаго, занимающагося собираньемъ травы для корма лошадей. Общественнымъ постройкамъ англичанинъ старается придать обликъ дворцовъ, собственныя-же жилища, домики, расположенные за городомъ, онъ устраиваетъ какъ хорошенькія виллы, тонущія въ зелени.

Въ такихъ англо-индійскихъ городахъ, какъ Бомбей или Сахарампуръ, туземная часть отдѣлена отъ англійской. За исключеніемъ соблюденія общихъ правилъ порядка, требуемыхъ полиціей, эта часть города живетъ своею

жизнью, представляя характерное для Азіи кишѣніе пестрой толпы на улицахъ, узкихъ, застроенныхъ бѣлыми 2—3 этажными, каменными домами, пестро разукрашенными балкончиками и лѣпными украшеніями. Но характерныя черты народной индійской жизни здѣсь какъ-то менѣе выражены, чѣмъ въ чисто туземныхъ городахъ. Храмы, какъ и въ городахъ магометанскихъ, не выдѣляются изъ массы построекъ. Въ Бомбеѣ они даже не доступны для европейцевъ, и здѣсь обыкновенно только «башня молчанія» привлекаетъ вниманіе туриста.

Башня молчанія, занимающая вершину такъ-назваемой Malabar hill — вершину холма, занятаго виллами богатаго парсійскаго населенія города и кладбищемъ, которому эта башня или, вѣрнѣе сказать, эти три башни служатъ. Какъ извѣстно, парсы, наиболѣе интеллигентное и способное къ торговлѣ изъ туземнаго населенія Бомбея племя, суть потомки изгнанныхъ изъ Персіи послѣдователей религіи Ормузда и Аримана. Они поселились въ западной Индіи и сохраняютъ тамъ до настоящаго времени свою религію, несмотря на то, что быстро заимствуютъ отъ европейцевъ науку и европейскую цивилизацію. Въ Бомбеѣ даже женщины парсійскія получаютъ образованіе въ чемъ-то вродѣ института. У нихъ есть благотворительныя общества, рабочіе дома для бѣдныхъ. Подобно тому какъ нѣкогда на родинѣ, они носятъ длинныя, ниже колѣнъ, бѣлыя одежды, панталоны и сверху европейскаго покроя пальто. На голову они надѣваютъ шапочку изъ бархата, вышитую золотомъ, вродѣ тѣхъ, какія носятъ наши крымскіе татары. Какъ послѣдователи религіи Зороастра, парсы считаютъ за грѣхъ осквернять стихіи прикосновеніемъ мертвыхъ тѣлъ. Поэтому они не хоронятъ въ землю и не сожигаютъ своихъ мертвецовъ, но отдаютъ ихъ на съѣденіе птицамъ. Башни молчанія и являются для этого спеціально приспособленными погребальницами. Наибольшая изъ этихъ башенъ имѣетъ 25 футъ высоты и 267 футъ въ окружности.

На высотѣ 8 футъ отъ грунта есть отверстіе, около $5^1/_2$ квадр. футъ, по которому несущіе покойниковъ люди поднимаются внутрь зданія. Здѣсь устроены амфитеатромъ ряды продолговатыхъ ящиковъ, наибольшіе, по периферіи,—для мужчинъ, далѣе—для женщинъ и въ центрѣ—для дѣтей. Похоронная процессія поднимается по дорогѣ, ведущей къ вершинѣ Malabar hill, гдѣ она останавливается около особаго павильона, съ эспланады котораго открывается восхитительный видъ на Бомбей и его окрестности, тонущія въ зелени вѣерныхъ пальмъ. Процессія эта обыкновенно очень длинная. Впереди несутъ покойника бородатые люди; сзади идутъ родственники и знакомые попарно, въ бѣлыхъ одеждахъ. Они остаются у павильона. Только бородатые люди, въ перчаткахъ и съ крюками, относятъ покойника въ одну изъ тѣхъ башенъ и оставляютъ въ ней его совершенно нагимъ. Тогда туда немедленно слетаются коршуны, и черезъ 2 часа отъ труппа остаются только однѣ кости. Кости эти потомъ смываются дождями въ отверстіе въ центрѣ башни, гдѣ онѣ быстро распадаются въ прахъ. Дождевая вода, ихъ омывающая, проникаетъ сквозь толстый слой угля и дезинфекцирующихъ веществъ и уходитъ въ море. Къ башнямъ, кромѣ бородатыхъ могильщиковъ, никому не дозволено приближаться. Но вокругъ разбитъ восхитительный садъ, изобилующій цвѣтами и цвѣтущими деревьями, олеандрами и гарденіями, разливающими ароматъ, розами и стройными, возносящими къ небу свои вершины кипарисами. Это—очаровательное мѣсто для уединенія и размышленія или воспоминанія объ умершихъ.

Но кромѣ этого крайне оригинальнаго парсійскаго кладбища, Бомбей по жизни и народностямъ, кишащимъ на его улицахъ, представляетъ скорѣе какой-то конгломератъ изъ всевозможныхъ племенъ и народовъ Индіи, чѣмъ чисто индійскій городъ. Наблюдать жизнь здѣсь всего удобнѣе на базарахъ, роскошныхъ, громадныхъ крытыхъ желѣзомъ зданіяхъ, нелишенныхъ интереса даже

для натуралиста, такъ-какъ здѣсь собраны всевозможныя рыбы Индѣйскаго океана и овощи и фрукты тропической Индіи, цвѣты, употребляемые для жертвоприношеній, собранные въ оригинальныя гирлянды и букеты—все это содержится въ идеальномъ порядкѣ и чистотѣ. Здѣсь вы найдете отдѣльныя помѣщенія для продажи листьевъ бетеля—этого вида перца,—въ которые завертываютъ кусочки орѣховъ орѣховой пальмы и извести и жуютъ, пока слюна не сдѣлается кроваво-красной, зубы — черными, ротъ-же—какъ-будто окровавленнымъ. Манги, бананы, апельсины, виноградъ—здѣсь лучшіе въ мірѣ. Изъ рыбъ обращаютъ вниманіе: Palla—около 2-хъ футовъ длиною, вкусомъ напоминающая лососину и съ такимъ-же розоватымъ мясомъ, Sargatali surma, оригинальная Datah съ зеленымъ мясомъ и много другихъ. Здѣсь толпится разнообразное населеніе, не менѣе пестрое, чѣмъ на улицахъ туземнаго квартала. Индусы изъ Гузерата, въ бѣлыхъ длинныхъ одеждахъ и съ красными знаками кастъ на лбу, часто почти обнаженные, арабы изъ Муската, персіяне, афганцы въ высокихъ бѣлыхъ чалмахъ, негры изъ Занзибара, парсы въ европейскихъ пальто и бархатныхъ расшитыхъ золотомъ шапочкахъ, островитяне Мальдивскихъ островов, малайцы, даже китайцы, раутпуты, евреи, сипаи, европейцы перемѣшаны въ этой космополитической толпѣ, пестрой, разнообразной по костюмамъ, какъ всякая азіятская толпа, но слишкомъ разнохарактерной, чтобы дать цѣльное впечатлѣніе. Египетскія фески и арабскій покрой платья съ чалмою, индійскія легкія бѣлыя одежды и шапочки парсійцевъ пестрятъ въ глазахъ. Часто вы видите полуегипетскій, полуиндійскій костюмъ. Если не англичане, то прежніе жители, португальцы, оставили еще здѣсь по себѣ многочисленное смѣшанное населеніе. Населеніе это—фактъ достойный вниманія—гораздо чернѣе, чѣмъ тѣ туземцы, съ которыми вступали въ бракъ бѣлые португальцы. Они стремятся носить непремѣнно европейское

крахмальное бѣлье—хотя часто только рубашка и панталоны и составляютъ костюмъ такого португальца; при 41-градусной жарѣ и пыли трудно выдумать что-либо несообразнѣе этого костюма. Такъ-же пестры и перемѣшаны между собою обычаи бомбейцевъ, путающіеся и смѣшивающіеся и мало-по-малу входящіе въ рамки англійскаго строя жизни. Поэтому не здѣсь надо искать чистыхъ чертъ индійскаго быта. Въ Агрѣ и Дели онъ подавленъ магометанствомъ, здѣсь—новою англійскою культурою, столь-же безцеремонно нарушившею старые порядки и продавшею свой европейскій обликъ разростающемуся городу, желающему вопреки климату, какъ въ Англіи, засыпать въ 9 часовъ вечера и пробуждаться въ 8 утра.

Поэтому, чтобы изучать Индію и народъ ея на сѣверо-западѣ, надо удалиться отъ большихъ центровъ въ маленькіе городки ея, гдѣ нѣтъ европейцевъ, гдѣ мало магометанъ и гдѣ народъ живетъ еще своею старинною жизнью, переносящею васъ по крайней мѣрѣ на два тысячелѣтія назадъ. Потому и я воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отдѣлаться отъ товарищей и посмотрѣть священные города индусовъ Muttra и Vindrabon.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

По святымъ мѣстамъ Индіи.

Азія, какъ извѣстно, колыбель религіозныхъ и философскихъ ученій, возвышающихъ нравственность человѣчества, и Индія есть страна, гдѣ прежде и теперь ученія эти наиболѣе волнуютъ умы, наиболѣе интересуютъ мѣстное общество. Нигдѣ не встрѣтите вы въ одномъ и томъ-же государствѣ представителей столь различныхъ религій, лицъ, посвятившихъ себя проповѣди различныхъ нравственныхъ ученій. Нигдѣ нѣтъ столько аскетовъ, такого почета и власти у представителей той или другой церкви, какъ въ Индіи; нигдѣ мѣста, связанныя съ жизнью того или другого бога или святого, не привлекаютъ такихъ массъ народа, какъ здѣсь. Рядъ сочиненій, русскихъ и иностранныхъ, знакомитъ насъ съ этими религіозными ученіями Индіи, и важнѣйшія изъ ученій этихъ, особенно буддизмъ, болѣе или менѣе извѣстны нашей публикѣ. Но въ Индіи, гдѣ масса народа еще темная, безграмотная или вѣрнѣе малограмотная, какъ во всѣхъ подобнаго рода государствахъ, вѣра народа и проявленія вѣры этой не имѣютъ часто почти ничего общаго съ религіозными ученіями, исповѣдуемыми его руководителями. Эта народная вѣра, созданная исторіею и природою страны, представляетъ глубокій интересъ. Изучать ее можно не по книгамъ, но наблюдая самый народъ, особенно тамъ, гдѣ онъ стекается къ своимъ святынямъ на поклоненіе.

Одну изъ такихъ святынь Индіи и удалось посѣтить мнѣ на моемъ пути къ чайнымъ округамъ Гималаевъ—города Muttra и Vindraban, родину бога Кришны, одного изъ самыхъ популярныхъ божествъ сѣверо-западной Индіи. Масса индійскаго народа до сихъ поръ остается вѣрною браминской религіи. Религіозная революція, внесенная ученіемъ Будды, увлекшимъ за собою милліоны послѣдователей, пронеслась какъ буря надъ Индіей и, странно сказать, теперь почти не оставила по себѣ слѣда. Буддизмъ, распространившійся изъ Индіи въ Тибетъ, Китай, Японію, Сибирь и на острова Юго-Востока Азіи, насчитывающій теперь своими поклонниками 500 милліоновъ человѣкъ, или сорокъ процентовъ всего человѣчества, сохранился въ Индіи только на Цейлонѣ. Въ періодъ времени отъ 700 до 900 годовъ нашей эры браманизмъ одержалъ полную побѣду надъ буддизмомъ—и, если не считать магометанъ-завоевателей и немногихъ сектъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, теперь онъ вновь главная религія индійскаго народа. Это не та, конечно, вѣра, о которой говорятъ *Веды* и съ которой знакомо наше общество по трудамъ санскритологовъ. Подъ вліяніемъ времени, многіе боги древнихъ арійцевъ забыты, другіе отошли на второй планъ, уступивши свое мѣсто новымъ, теперь особенно почитаемымъ. Древніе боги арійцевъ почти неизвѣстны народу. Индійское Тримурти—Брама, Вишну и Сива — потеряло свое значеніе. Брама не имѣетъ ни храмовъ, ни поклонниковъ; въ лицѣ Вишну поклоняются только его разнообразнымъ воплощеніямъ. Только Сива еще извѣстенъ и популяренъ въ народѣ, и это ему, равно какъ связаннымъ съ его біографіей богамъ, стихіямъ, рѣкамъ и змѣямъ поклоняется современная народная масса.

Города Muttra и Vindraban, какъ расположенные на рѣкѣ Джумнѣ, священной для индусовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ родина *Кришны*, одного изъ воплощеній

Вишну, давали возможность наиболѣе удобно наблюдать проявленія этой народной религіи.

Чтобы читатель могъ понять значеніе для народа этихъ городовъ, позвольте мнѣ вкратцѣ сообщить біографію этого популярнѣйшаго изъ боговъ Индіи. Біографія эта можетъ служить типомъ тѣхъ сказаній о различныхъ индійскихъ богахъ, какія продаются какъ въ народныхъ книжныхъ торговляхъ, такъ и книгоношами около мѣстъ поклоненія, какъ продаются житія святыхъ около нашихъ монастырей. Внѣшность этихъ изданій, печать, все поразительно напоминаетъ наши житія. Не то можно сказать о содержаніи книжекъ. «Krischna purana», типическое и популярнѣйшее сказаніе этого рода, свидѣтельствуетъ объ этомъ какъ нельзя лучше. Вотъ краткое изложеніе его:

Во время оно Земля, отягощенная грѣхами, предстала передъ собраніемъ боговъ, жалуясь, что она не можетъ болѣе сносить воплощеній демоновъ, попирающихъ ея почвы. Боги, выслушавъ ея жалобы, обратились къ Вишну, говоря: «Ты покровитель міра, и все живущее живетъ въ тебѣ. Все что было или будетъ—ты еси. Ты—Ригведа, Яджурведа, Самаведа и Атарваведа. Ты — обрядъ, значеніе, мѣра, астрономія, исторія, преданіе, грамматика, теологія, логика и законъ — ты, непостижимый». Гари понравилось это обращеніе, и онъ сказалъ Брамѣ: «Скажи мнѣ, чего ты, Брама, и боги, чего вы желаете?» Брама простерся предъ нимъ и сказалъ: «Спаси, господинъ, эту Землю, угнетенную могущественными Азурами, прійди къ ней, чтобы спасти ее отъ этого бремени». Когда Брама окончилъ свою рѣчь, Всевышній вырвалъ два волоска, одинъ бѣлый, одинъ черный, и сказалъ богамъ: «Да снизойдутъ эти два моихъ волоса на землю и да избавятъ они ее отъ бремени нечестія. Этотъ черный волосъ да сдѣлается 8-мъ зачатіемъ жены Вазудевы, Деваки богоподобной, и да убьетъ онъ Кансу, который никто иной, какъ демонъ Каланеми». Сказавъ это, Гари

исчезъ. Канса былъ тиранномъ города Матуры, сыномъ Угрозены и двоюроднымъ братомъ Деваки, убившимъ ея отца. Кудесникъ Муни-Нарада сообщилъ ему, что Вишну возродится въ 8-мъ ребенкѣ Деваки и лишитъ его жизни. Канса поэтому рѣшается ее убить. Но Вазудева, мужъ ея, говоритъ ему: «Пощади ея жизнь, а я берусь отдать въ твои руки каждаго изъ дѣтей, которыхъ она родитъ». Канса согласился, и согласно обѣщанію Вазудева доставлялъ ему всѣхъ рождавшихся отъ Деваки дѣтей. Но Вишну сообщилъ Іоганидрѣ, что 7-е зачатіе составитъ частицу его самого, а самъ онъ воплотится въ 8-мъ ребенкѣ Деваки.

Въ день рожденія Кришны облака издавали пріятные звуки и на землю падалъ дождь изъ цвѣтовъ. Вазудева, взявъ на руки младенца, ушолъ изъ города, такъ-какъ Іоганидра усыпила стражей. Чтобы защитить ребенка отъ сильнаго дождя, лившаго ночью, Вегна, многоголовый змѣй, слѣдовалъ за Вазудевой, распростерши свои головы и широкія шеи надъ ихъ головами въ видѣ зонтика. Ночью, когда они переходили глубокую рѣку Ямуну, вода не смѣла подняться выше колѣнъ Вазудевы. Въ эту самую ночь Язода, жена нѣкоего Нандо, пастуха изъ Гакуля, родила дочь. Вазудева подмѣнилъ новорожденныхъ, взялъ дѣвочку и, положивъ своего мальчика къ матери, быстро возвратился домой. Язода, проснувшись, убѣдилась, что она разрѣшилась мальчикомъ столь-же темнымъ, какъ темные листья лотоса, и страшно обрадовалась этому обстоятельству. Вазудева-же, взявши дѣвочку, дочь Язоды, вернулся домой незамѣченнымъ и положилъ ребенка въ постель Деваки. Стражи, разбуженные крикомъ новорожденной, сообщили Кансѣ, что Деваки родила ребенка. Канса сейчасъ-же отправился къ Вазудевѣ и, взявши ребенка, размозжилъ его о камень. Но онъ поднялся до неба и разросся въ громадную восьмирукую фигуру. Чудовище обратилось къ Кансѣ со словами: «берегись, твой

совершаются празднества. Въ храмѣ Madan Mohan, говорятъ, находится одинъ изъ самыхъ крупныхъ аммонитовъ.

Нѣсколько болѣе удалось мнѣ видѣть на обратномъ пути около деревни Mohaban, мѣста рожденія Кришны, гдѣ показываютъ еще жалкую хижину на столбахъ, гдѣ въ стѣнѣ сдѣлана грубая голубовато-черная статуя ребенка Кришны; здѣсь-же хранится сосудъ, въ которомъ по преданію его мать сбивала масло,—длинное бамбуковое ведро, вставленное въ выдолбленный камень. Тысячи поклонниковъ Вишну, одѣтыхъ въ желтыя платья, посѣщаютъ это мѣсто и совершаютъ омовеніе. Около стоитъ полуразрушенная мечеть, воздвигнутая изъ развалинъ дворца Паади; многія колонны дворца этого еще носятъ изображенія, связанныя съ воспоминаніями о Кришнѣ, и обтерты руками пилиграмовъ. Съ вершины холма, на которомъ стоитъ зданіе, открывается видъ съ одной стороны на обширный прудъ съ роскошными каменными лѣстницами, къ нему ведущими. Теперь этотъ прудъ запущенъ и заросъ тиною, но во времена храмовыхъ праздниковъ сюда стекаются такія массы людей, что онъ весь какъ-бы наполненъ живыми тѣлами. Съ другой стороны открывается видъ на равнину рѣки Джумны, когда-то покрытую лѣсами, теперь усѣянную развалинами.

Матура — городъ громадной древности. Похожденія Кришны тонутъ въ дали вѣковъ. Около 400 годовъ китайскій пилигримъ Фа-Іенъ описываетъ этотъ городъ какъ центръ буддизма. Другой пилигримъ, черезъ 250 лѣтъ, говоритъ, что здѣсь было расположено 20 буддійскихъ монастырей и 5 браминскихъ храмовъ. Но султанъ Махмудъ Эль-Хазни, въ 1017 году, уничтожилъ все это съ невѣроятною жестокостью. Затѣмъ около 1500 г. султанъ Сикандаръ Лоди вновь разрушилъ всѣ капища, храмы и идоловъ, и въ 1636 г. Шахъ-Джаганъ, знаменитый строитель Тэджа, назначилъ сюда особаго губернатора для радикальнаго искорененія идолопоклонства. Въ 1669—70 годовъ Аурунгзебъ, посѣтивъ городъ, разру-

Будда 5[illegible] л. до Р. Хр.

шилъ вновь возникшія капища; наконецъ, въ 1756 году 25 000 афганскихъ всадниковъ подъ начальствомъ Ахмеда-Шаха-Авдали напали на Muttra, во время храмового праздника, сожгли дома съ ихъ жителями, убивая другихъ мечами и кинжалами, хватая въ плѣнъ дѣвушекъ и юношей, женщинъ и дѣтей. Коровы закалывались въ храмахъ, и ихъ оскверняющей кровью вымазывались идолы. И изъ праха развалинъ какъ головы гидры, возникаютъ здѣсь все болѣе и болѣе великолѣпные храмы, привлекая все большее и большее число пилигримовъ, какъ-бы смѣясь и надъ нетерпимымъ исламомъ, и надъ проповѣдями англійскихъ миссіонеровъ. Такова сила вѣры, основанной на невѣжествѣ! Такъ безсильны мечъ и власть разрушить то, что разсыпается въ прахъ отъ одного прикосновенія науки и знанія!

Вполнѣ разочарованный своею экскурсіей, я уже думалъ возвращаться домой, какъ мой проводникъ пригласилъ меня вновь вернуться въ Матуру, чтобы, дождавшись вечера, тамъ закусить тѣми индійскими блюдами, которыя приносятся въ жертву богамъ и магараджамъ. Дѣло въ томъ, что мы цѣлый день не ѣли. Европейцевъ здѣсь не было совсѣмъ, обыкновенный же индійскій столъ такъ мало вкусенъ и питателенъ, что подкрѣплять имъ свой желудокъ не стóило. Поэтому проводникъ мой предложилъ мнѣ лучше испробовать способъ питанія индійскихъ боговъ. Каждый вечеръ здѣсь совершаются богослуженія, и благочестивые обыватели приносятъ на нихъ своимъ идоламъ столь обильныя приношенія, что ихъ нетолько хватаетъ богамъ и браминамъ, съ которыми тѣ по-братски дѣлятся приношеніями, но остается еще такой избытокъ, что черезъ заднія двери, за приличное вознагражденіе, божественной амврозіи можетъ вкушать даже и нечистый mlechas—европеецъ. Я охотно согласился на предложеніе моего провожатаго, и въ ожиданіи вечера мы сѣли на лодку, чтобы, плавая по Джумнѣ, разсмотрѣть общую панораму причудливыхъ построекъ

города, ряды которыхъ постоянно прерывались широкими каменными лѣстницами, приводившими къ площадкамъ съ маленькими часовнями той-же пирамидальной архитектуры, съ массою выступовъ и фигуръ. Часто такія часовенки состояли изъ крыши описанной архитектуры, поддерживаемой 4-мя колоннами,—тогда онѣ необыкновенно напоминали наши, воздвигаемыя на берегахъ рѣкъ іордани. И вотъ передъ самымъ закатомъ, неожиданно для себя, я сдѣлался свидѣтелемъ интереснѣйшаго богослуженія и жертвоприношенія рѣкѣ Джумнѣ.

Какъ читатель уже могъ видѣть изъ всего вышесказаннаго, современная религія индійскаго народа потеряла почти черты арійскаго браманизма. Она приняла въ себя фетишизмъ и массу темныхъ вѣрованій чернокожихъ, покоренныхъ арійцами первобытныхъ жителей Индіи. Сюда относится, между прочимъ, и поклоненіе духамъ, покровителямъ горъ, рѣкъ и стихій—естественная религія первобытныхъ народовъ. Гангъ и Джумна, орошающія сухую равнину и кормящія милліоны народа, пользуются особымъ почетомъ у индусовъ и боготворятся ими наравнѣ съ великими богами. Ихъ духовъ изображаютъ въ видѣ идоловъ, имъ совершаютъ богослуженія и приносятся жертвы. И вотъ свидѣтелемъ такого богослуженія и жертвоприношенія и пришлось мнѣ быть. Незадолго до заката, когда солнце уже золотило только верхушки самыхъ высокихъ зданій города, на берегу около платформы съ часовенкой, завершавшей самую большую изъ лѣстницъ, стали собираться живописныя толпы народа. Высокіе, въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ и громадныхъ бѣлыхъ тюрбанахъ на смуглыхъ головахъ жители Пенджаба, черно-коричневые, до бедеръ обнаженные индусы южной Индіи, бенгальцы съ блестящими глазами и, наподобіе испанскаго плаща, перекинутой чрезъ смуглое тѣло бѣлою кисейной мантіей, женщины съ длинными шалями, обвивающими голову и грудь, собирались на берегу, въ благоговѣйномъ молчаніи бросая въ мут-

ныя воды рѣки какую-то кашу. Въ отвѣтъ рѣка, какъ-бы принимая жертву, ей приносимую, высылала для пріема ея свое населеніе—громадной величины, по крайней мѣрѣ полутора-аршиннаго діаметра черепахъ. Черепахи эти высоко подымали свои змѣиныя головы изъ воды, близко подплывали къ берегу, беря пищу чуть не изъ рукъ, но не выходя изъ воды. Вся поверхность воды буквально кишѣла ими, ихъ щитами и головами. Казалось, все населеніе рѣки вышло сюда, образовавъ изъ воды ея живую кашу.

И вотъ, по мѣрѣ того, какъ стали сгущаться вечернія тѣни, богомольцы, принеся жертву рѣкѣ, въ свою очередь стали обращаться къ ней съ мольбою. Брамины раздавали всѣмъ присутствующимъ вѣнки и гирлянды изъ благовонныхъ цвѣтовъ, особенно изъ чудно пахнущаго жертвеннаго дерева индусовъ и буддистовъ, такъ-называемаго Temple tree. Въ волнахъ этихъ благоуханій, загадывая свои желанія, они, какъ въ майскіе вечера пускаютъ по волнамъ рѣкъ вѣнки сѣверо-русскія дѣвушки, ставили на поверхности водъ маленькіе травяные плотики съ 6-ю свѣтильниками. Тысячи огоньковъ покрыли Джумну, сверкая надъ водами ея въ сгущающемся вечернемъ сумракѣ. Одни изъ нихъ гасли немедленно, опрокидываемые черепахами, другіе тонули, заливаясь водою; наконецъ, третьи далеко уносились внизъ по теченію, сверкая какъ свѣтляки въ темныхъ волнахъ рѣки, унося съ собою желанія богомольцевъ. Когда все вниманіе богомольцевъ было устремлено на эти огоньки, одинъ изъ браминовъ, повидимому жрецъ, почти обнаженный, взошолъ на пьедесталъ вродѣ жертвенника, стоявшаго подъ однимъ изъ навѣсовъ на 4-хъ столбахъ. Онъ держалъ въ рукѣ родъ канделябра со свѣчами, расположенными въ 5 ярусовъ. Вдругъ раздался рѣзкій звукъ колокола. Онъ не былъ похожъ на звукъ нашего церковнаго, призывающаго къ молитвѣ колокола. Онъ не былъ похожъ и на тѣ звуки колокола, какими подаютъ сигналы

для отхода поѣздовъ на нашихъ дорогахъ. Это былъ какой-то особенный, серебристый, глухой звукъ. За нимъ послѣдовала оригинальная музыка, въ которой преобладали звуки флейты. Завѣса, протянутая между столбами часовенки, за которой скрывался жрецъ, мгновенно раздернулась—и передъ глазами толпы явился обнаженный человѣкъ, держащій канделябру съ зажженными свѣтильниками. Онъ медленно поднималъ ихъ и опускалъ, а толпа при звонѣ колокола и при звукахъ музыки издавала торжественные и радостные крики. При этихъ крикахъ изъ толпы на жреца посыпался дождь изъ цвѣтовъ: бѣлыхъ, желтыхъ, красныхъ и голубыхъ, большею частью душистыхъ. Осыпаемый цвѣтами, браминъ спустился, поставилъ свѣтильникъ свой на алтарь, и толпа ринулась къ нему, простирая ладони рукъ къ огню и затѣмъ обтирая ими лицо и шею, какъ-бы совершая омовеніе горячимъ воздухомъ, согрѣтымъ огнями. Все слилось въ одну многоголовую толпу. Затѣмъ свѣтъ погасъ, площадь опустѣла, и только по усыпанной цвѣтами рѣкѣ плыли вѣнки и букеты, пущенные богомольцами, да тяжело плескались тщетно ожидавшія новыхъ подачекъ черепахи.

Теперь, въ темнотѣ вечера, невидимый для толпы вѣрующихъ, я долженъ былъ, наконецъ, пообѣдать. Мои ожиданія вкусить пищу боговъ, оставаясь простымъ смертнымъ, наконецъ, исполнились, но, увидя передъ собою этотъ олимпійскій столъ, я глубоко разочаровался. Во всякомъ случаѣ, я предпочту въ послѣдующее мое воплощеніе вселиться за грѣхи въ тѣло простѣйшаго изъ смертныхъ, чѣмъ согласно индійскому вѣрованію за добродѣтельную жизнь стать однимъ изъ боговъ. Мясо, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно отсутствуетъ въ индійскомъ обѣдѣ; единственнымъ напиткомъ была весьма сомнительнаго достоинства вода. Рисъ съ приправою изъ разваренныхъ и сильно наперченныхъ овощей — родъ первобытнаго кэрри, пшеничныя ле-

пешки вродѣ нашихъ кавказскихъ лавашей, какіе-то очень воздушные крендельки изъ сладкаго тѣста и два-три блюда изъ полужидкаго творога съ какими-то то сладкими, то солоноватыми на вкусъ, по правдѣ сказать, довольно-таки противными примѣсями. Все это было сервировано въ чашечкахъ, сшитыхъ изъ листьевъ, повидимому, тековыхъ и фиговыхъ деревьевъ. Оскверненныя прикосновеніемъ нашихъ рукъ, чашечки немедленно выбрасывались вонъ, такъ-какъ къ нимъ, какъ и къ глинянымъ сосудамъ для питья, никто, не рискуя оскверниться, не рѣшился-бы прикоснуться. Менѣе подверженными оскверненію считаются мѣдные сосуды, почему таковые для пищи и воды каждый индусъ имѣетъ свои собственные. Многочисленныя омовенія ихъ и чистка могутъ избавить такіе сосуды отъ оскверняющаго вліянія пальцевъ сосѣда. Смотря на эти обычаи, мнѣ невольно вспоминались наши алтайскіе старообрядцы. Какъ сейчасъ помню одну деревенскую пирушку и пьяную хозяйку, подносившую мнѣ подносъ со стаканами мѣстнаго крѣпкаго пива. Хотя у нея сильно шумѣло въ головѣ, она зорко слѣдила, чтобы я взялъ назначенный мнѣ стаканъ, не оскверняя сосѣднихъ, предназначенныхъ людямъ одного съ нею толка. Какъ здѣсь браминъ оскверняетъ себя прикосновеніемъ къ чашкѣ вайсія, но можетъ вступать въ связь съ его женою, такъ точно у насъ мужъ и жена—родители многочисленнаго семейства — ѣдятъ изъ различной посуды. О, люди, люди, черные и бѣлые, вездѣ вы тѣ-же въ темнотѣ вашихъ предразсудковъ!

Пока мы закусывали, на берегу собралась толпа магараджей, требовавшихъ подарковъ, какъ это требуютъ современные брамины отъ всѣхъ, не разбирая сословія, состоянія и націи. Узнавши, что я русскій, они мнѣ горько жаловались на англичанъ, своими налогами и поборами не пощадившихъ даже церквей, значительный процентъ доходовъ которыхъ идетъ теперь нечистымъ mlechas, причемъ обложенъ каждый посѣщающій мѣсто пилигримъ.

Здѣсь впервые услышалъ я часто поражавшій и компрометировавшій меня вопросъ: когда-же, наконецъ, русскіе придутъ брать Индію?

Вопросъ этотъ я слышалъ десятки разъ отъ простыхъ рабочихъ, кондукторовъ дорогъ, прикащиковъ, купцовъ, интеллигентныхъ лицъ, кончившихъ калькутскій университетъ и т. д. Меня онъ удивлялъ. На вопросъ, почему здѣсь такъ ждутъ русскихъ, одни говорили, что обложены непосильными поборами, другіе говорили, что всякое владычество для нихъ лучше англійскаго, или мотивировали желаніе свое фразой, аналогичной малороссійской пословицѣ: «хотя гирше да инше». Простой народъ былъ глубоко убѣжденъ въ нашемъ превосходствѣ надъ англичанами, слыша о величинѣ Россіи и судя, повидимому, по той чуткости, съ которой англо-индійскія газеты слѣдятъ за малѣйшими движеніями русскихъ въ Туркестанѣ, дѣлая изъ мухи слона, описывая чуть-ли не движенія каждаго солдата, разъ онъ пройдетъ хоть на версту ближе къ ихъ границѣ. Правы-ли индусы, желая избавленія своего отъ англійскаго владычества, я постараюсь показать въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ. Отъ этихъ-же браминовъ я узналъ, что могъ-бы присутствовать при интересной мистеріи въ честь бога Кришны, еслибы остался здѣсь еще на день: я увидалъ-бы всю жизнь этого бога въ картинахъ. Но увы, я могъ отлучиться отъ остальныхъ членовъ экспедиціи только на два дня, а кромѣ Muttra въ этотъ срокъ надо было еще посѣтить Дели и его окрестности. Единственно, что можно было успѣть до отхода поѣзда, это посмотрѣть танцы и послушать пѣнье жрицъ, прославляющихъ дѣянія Кришны. Подъ звуки оригинальной военной музыки, состоящей изъ флейтъ и струнныхъ инструментовъ, вродѣ гитаръ, три смуглыя женщины, разодѣтыя въ мишурнопестрые костюмы, блиставшіе золотомъ и перлами, и довольно подозрительной внѣшности, пропѣли нѣсколько стиховъ. Ихъ прелесть, за незнаніемъ индійскаго языка,

мнѣ осталась непонятной; что касается танцевъ, то они мнѣ напомнили описывавшіеся мною извѣстные «танцы живота» египетскихъ одалисокъ. Характеру этихъ священныхъ танцевъ нечего удивляться, если принять во вниманіе характеръ прославляемаго ими бога...

Въ 11 часовъ вечера поѣздъ уже мчалъ меня къ товарищамъ, послѣ того какъ я покинулъ родину Кришны, гдѣ можно было сдѣлать еще такъ много любопытныхъ наблюденій надъ религіозною жизнью индійскаго народа... Но время мое принадлежало не мнѣ, и отъ этого приходилось отказаться.

убійца родился» и исчезло. Испуганный Канса отпустилъ Вазудеву и Деваки.

Подобнымъ-же образомъ въ «Vischnu purana» разсказывается, какъ младенецъ Кришна высосалъ духъ кудесницы Путаны, которая имѣла обыкновеніе отравлять дѣтей, кормя ихъ своею грудью, какъ Кришна, разсерженный, что не идутъ на его зовъ, опрокинулъ телѣгу съ горшками, подъ которой его положили спать, какъ онъ кралъ масло у своей матери, чтобы ѣсть его со своими товарищами, и какъ онъ со своимъ братомъ Баларамою, подростая, вели пастушескую жизнь, дѣлая вѣнки и гирлянды изъ перьевъ павлиновъ и лѣтнихъ цвѣтовъ, музыкальные инструменты изъ листьевъ травъ, или учились играть на пастушьихъ флейтахъ, словомъ, какъ эти освободители міра вели мирную жизнь пастуховъ телятъ.

Юность Кришны знаменуется его побѣдою надъ страшнымъ змѣемъ, на которомъ онъ, почти задушивъ его, танцовалъ побѣдоносный танецъ—и когда тотъ призналъ свое безсиліе, Кришна ему позволилъ удалиться въ море. Юный пастухъ прославляется въ «Vischnu purana» и за шалости, за которыя въ наше время не похвалили-бы ни одного повѣсу. Такъ однажды, когда пастушки купались въ рѣкѣ, Кришна пасъ коровъ подъ сѣнью фиговаго дерева. Услыша пѣсни купающихся, онъ, осторожно подкравшись, похитилъ ихъ платья. Долго и тщетно розыскивая свои одежды, пастушки наконецъ замѣтили Кришну, спрятавшагося на дерево. Смущенныя дѣвушки, спрятавшись въ воду, стали умолять повѣсу возвратить имъ ихъ костюмы. Но Кришна потребовалъ, чтобы онѣ сами пришли за одеждою, и когда онѣ, прикрываясь руками, рѣшили выйти изъ воды, онъ потребовалъ, чтобы онѣ, взявшись за руки, подошли къ нему, и тогда сказалъ имъ: «Не негодуйте за то, что случилось: это вамъ урокъ. Вода жилище бога Варуны. Кто входитъ въ нее совершенно нагимъ, оскверняетъ его образъ. Идите теперь домой, въ мѣсяцъ-же Картика приходите вести со мною хороводы».

Кришна уже въ молодости является богомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ древніе боги арійцевъ. Онъ запрещаеть своимъ односельчанамъ приносить жертвы Индрѣ, говоря: «Индра нуженъ земледѣльцамъ, мы-же живемъ отъ скота и лѣсовъ. Скоту нашему и духамъ нашихъ горъ и лѣсовъ должны мы приносить жертвы и дѣлать празднества». Разгнѣванный Индра приказалъ облакамъ 7 дней и 7 ночей лить дождь на непокорное селеніе. Но Кришна, сорвавши гору Гавардинъ, поднялъ ее въ видѣ зонтика и, собравъ подъ ея защиту народъ свой, показалъ ему безсиліе Индры.

Чѣмъ болѣе мужалъ Кришна, тѣмъ болѣе высказывались въ немъ свойства того бога любви, какимъ онъ является для своего народа. Онъ по вечерамъ напѣвалъ, играя на флейтѣ, сладкія пѣсни, любимыя женщинами, и онѣ, заслыша ихъ, покидали дома и бѣжали на ихъ звуки, и Кришна склонялъ однѣхъ сладкими рѣчами, другихъ томными взглядами, нѣкоторыхъ бралъ за руки и танцовалъ подъ мѣрный звукъ, издаваемый ихъ браслетами, и дѣвы, увлеченныя танцами, простирали свои разукрашенныя руки, восхваляли избавителя, бросались въ его объятія. Онѣ всюду слѣдовали за нимъ, и каждое мгновеніе, проведенное безъ Кришны, имъ казалось миріадой лѣтъ. Между другими женщинами онъ плѣнилъ Радгу, жену Аянагоши. Мужъ ея, узнавши объ измѣнѣ, рѣшилъ въ ярости убить Кришну, но Кришна успокоилъ свою любовницу, сказавъ, что онъ приметъ обликъ богини Кали въ тотъ моментъ, когда къ нему явится разгнѣванный мужъ. Скоро затѣмъ явился и ея мужъ и, видя ее такою, какою она ему казалась, поклонился вмѣстѣ съ нею Кришнѣ подъ видомъ Кали. Имя Радги всегда сопровождаетъ въ гимнахъ имя Кришны, ее рисуютъ съ нимъ на картинахъ, произносятъ въ молитвахъ. Теперь забыты всѣ остальныя жены божества, одну Радгу почитаютъ вмѣстѣ съ ея любовникомъ.

Однажды вечеромъ, когда Кришна и Радга забавля-

лись танцами, демонъ Ариштa, принявъ видъ дикаго быка, бросился на нихъ, произведя всеобщее смятеніе. У него были громадные рога и глаза горѣли какъ два солнца, онъ взрывалъ землю своими копытами, его хвостъ былъ поднятъ. Наводя всеобщій ужасъ, демонъ приближался. Пастухи и жены ихъ, страшно испуганные, взывали къ Кришнѣ, который немедленно явился на помощь, стрѣляя и съ оружіемъ въ рукахъ. Демонъ, наставивъ рога на грудь Кришны, съ бѣшенствомъ на него устремился. Кришна же выжидалъ его съ улыбкою на устахъ и, схвативъ за рога, швырнулъ о землю какъ мокрую тряпку и, вырвавъ одинъ изъ роговъ, билъ имъ дикаго демона, пока тотъ не умеръ, изрыгая кровь изо рта.

Вскорѣ послѣ этого событія Риши Нарада сообщилъ Кансѣ о томъ, что Кришна живъ. Тогда Канса рѣшилъ пригласить Кришну и Баляраму въ Матуру на атлетическія игры и предложить имъ состязаніе съ двумя бойцами, которые, по мнѣнію Кансы, должны были убить Кришну. Приглашеніе долженъ былъ передать Акрура, одинъ изъ немногихъ хорошихъ людей въ царствѣ Кансы. По пути онъ долженъ былъ дать приказаніе демону Кисину, сторожившему лѣса Виндрабана, напасть на молодыхъ людей. Кисинъ явился немедленно. Пастухи бѣжали подъ защиту Кришны. Кришна-же сказалъ: «Иди ко мнѣ, негодяй!» Демонъ побѣжалъ съ разинутымъ ртомъ. Кришна-же всунулъ ему руку въ пасть, выломалъ зубы и, продолжая всовывать глубже и глубже, разорвалъ демона на-двое. Кришна все время безстрашно улыбался, глядя на гибель демона.

Затѣмъ явился Акрура съ приглашеніемъ, склонивши свою голову передъ Кришною. Кришна отвѣтилъ ему, что явится на приглашеніе въ Матуру и втеченіе трехъ дней убьетъ Кансу. Радга была безутѣшна, думая, что познакомившись съ прелестными дѣвушками Матуры, онъ больше къ ней не вернется. Оба брата въ колесницѣ, запряженной быстрыми конями, прибыли послѣ заката въ Матуру.

Они вошли въ городъ, одѣтые какъ крестьяне. Идя по улицѣ, они замѣтили человѣка, стирающаго и окрашивающаго платья, и смѣясь взяли у него нѣсколько одеждъ. Это былъ слуга Кансы, человѣкъ, благодаря расположенію къ нему его хозяина, очень дерзкій. Онъ сталъ громко ругать молодыхъ людей, пока Кришна не повалилъ и не убилъ его. Затѣмъ, взявъ платье и разодѣвшись въ желтыя и голубыя одежды, они пошли далѣе. Проходя мимо продавца цвѣтовъ, они получили отъ него лучшіе изъ цвѣтовъ, за что Кришна обѣщалъ ему и его потомству благополучіе. По пути они встрѣтили также горбатую дѣвушку, по имени Кубжа, которая несла горшокъ съ благовонными маслами во дворецъ. По ихъ требованію, она отдала имъ эти втиранія, и они натерли ими свое тѣло. Кришна, взявъ голову дѣвушки пальцами и придержавъ ступни ногъ ея своими ногами, выпрямилъ горбатую и сдѣлалъ ее женщиной чудной красоты. Въ благодарность, она пригласила юношей въ свой домъ.

Войдя въ комнату съ оружіемъ, Кришна попросилъ попробовать лукъ. Онъ натянулъ поданный ему лукъ такъ сильно, что лукъ переломился на-двое. Между тѣмъ Канса, узнавши, что Кришна и Балярама пришли, призвалъ къ нимъ Хануру и Пуштику, своихъ бойцовъ, и сказалъ имъ: «Два юноши, пастухи, пришли. Правдой или неправдой, но вы должны убить этихъ двухъ негодяевъ». Затѣмъ онъ послалъ за человѣкомъ, управлявшимъ его слонами, и велѣлъ ему поставить самаго большого слона у воротъ арены и напустить его на молодыхъ людей, когда они будутъ выходить. На слѣдующее утро граждане города собрались на поставленныя для нихъ платформы, а принцы съ министрами и придворными заняли царское мѣсто. Около центра круга Канса поставилъ судей для боя, а самъ сѣлъ около на пышномъ тронѣ. Особая платформа была поставлена для фрейлинъ, куртизанокъ и женъ гражданъ. Нандо и пастухи

стояли также на отведенныхъ для нихъ мѣстахъ, на концѣ которыхъ сидѣли Акрура и Вазудева. Между женами гражданъ виднѣлась Деваки, мать Кришны. Когда Кришна и Балярама пытались выйти на сцену, слонъ Каази бросился на нихъ Они стали съ нимъ бороться подобно тому, какъ они привыкли бороться въ дѣтствѣ съ телятами. Наконецъ, Кришнѣ удалось схватить слона за хвостъ, и, закрутивъ его, повалить на землю и убить ударомъ. Онъ вырвалъ у него клыкъ, и изо рта слона хлынула кровь и потекла рѣкою.

Когда загремѣла музыка, на арену прыгнулъ Ханура; народъ воскликнулъ «Увы!» и Муттика съ недоумѣніемъ всплеснулъ руками. Пастухи, всѣ въ слоновьей крови, вооруженные клыками слона, спокойно вышли передъ публикою. Восклицанія сожалѣнія смѣшались у зрителей съ криками удивленія. «Вотъ Кришна, говорилъ народъ.— Это тотъ, который убилъ Путану, кто въ дѣтствѣ опрокинулъ телѣгу, убилъ злого демона» и т. д. Женщины утверждали, что несправедливо, чтобы мальчиковъ заставляли бороться съ опытными бойцами, знаменитыми своею силою. Кришна, подвязавъ свою повязку, сталъ плясать, потрясая почву ногами. Балярама также танцовалъ, ударяя въ ладоши. Затѣмъ Кришна вступилъ въ бой съ Ханурою, ударяя другъ друга кулаками, руками, лбами, давя другъ друга колѣнами и толкая ногами. Наконецъ, Кришна опрокинулъ Хануру такъ, что тотъ перевернулся сто разъ и, ударившись о землю, разлетѣлся на сто кусковъ и увлажилъ землю сотнею брызгъ крови. Подобнымъ-же образомъ Балярама опрокинулъ Муттику и билъ его, пока тотъ не умеръ. Канса въ бѣшенствѣ вскричалъ къ народу: «Уведите этихъ двухъ пастуховъ, схватите Нанду, замучайте до смерти пытками Вазудеву!» Но тогда Кришна бросился къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ Канса, схватилъ его за волосы и умертвилъ его тяжестью своего тѣла. Затѣмъ онъ вытащилъ его на арену, при горестныхъ крикахъ всего собранія. Затѣмъ Кришна и Балярама обняли ноги

Вазудевы и Деваки, Кришна освободилъ Угрозену изъ заточенія и посадилъ его на тронъ. Глава ядавовъ, короновавшись, похоронилъ по обряду Кансу и другихъ убитыхъ. Послѣ вступленія на тронъ Угрозены, оба юноши отправились въ Аванти учиться подъ руководствомъ Сандипани. Втеченіе 64 дней они прошли всѣ элементы военной науки, съ трактатами объ употребленіи оружія и пѣніи молитвенныхъ пѣснопѣній, обезпечивающихъ помощь сверхъестественныхъ силъ. Сандипани, пораженный быстротою ихъ успѣховъ, полагалъ, что солнце и мѣсяцъ сдѣлались ихъ учениками...

Но я боюсь, что читателя уже утомило слѣдить за всѣми подвигами молодого Кришны и онъ броситъ мою статью, если я столь-же подробно буду ему разсказывать, переводя подстрочно слова «Vischnu Purana» и др. о томъ, какъ Кришна освобождалъ свой городъ Матуру отъ неоднократно нападавшихъ на него враговъ, какъ хитростью заставилъ вождя непріятельской арміи прикоснуться къ заклятому богами спящему великану, одно прикосновеніе къ которому сжигало всякаго смертнаго, какъ онъ похищалъ дочь знаменитаго царя Бишмака, котораго армію ему приходилось разбивать на-голову почти одному.

Не буду я разсказывать и того, какъ онъ пріобрѣлъ себѣ еще пять женъ, кромѣ уже извѣстной намъ Радги и похищенной Рукмини. Кромѣ этихъ женъ, у Кришны было еще 16 000, причемъ на этихъ послѣднихъ онъ женился сразу, получивъ руки ихъ въ одно мгновеніе. Чтобы исполнить обязанности мужа, Кришна умножался, принимая различныя формы, и каждая изъ невѣстъ думала, что она одна только имѣетъ женихомъ Кришну, пришедшаго въ ея отдѣльное жилище. По словамъ «Vischnu Purana», у него было 180 000 сыновей, по другимъ даннымъ у него ихъ было «сто сотенъ».

Кришна въ зрѣломъ возрастѣ не ограничивался побѣдами надъ людьми и демонами. Къ нему однажды обратился за помощью богъ Индра, явившись на своемъ

бѣломъ слонѣ, и жаловался на тираннію демона Нароки, который обижалъ людей и боговъ, который похитилъ зонтикъ у Варуны, серьги у Адити, матери Индры, и требовалъ знаменитаго бѣлаго слона Индры Айровати. Кришна побѣдилъ армію демоновъ, высланную ему Нарокою, и освободилъ, между прочимъ, тѣхъ 16 000 плѣнныхъ дѣвъ, которыя стали его женами. Но вскорѣ, желая похитить изъ сада Индры росшее тамъ любимое дерево его жены, дерево Паріяти, съ золотыми вѣтвями и душистыми цвѣтами, онъ вступилъ въ бой съ Индрою и остался его побѣдителемъ, пересадивъ на все время своего существованія на землѣ это дерево въ садъ любимой жены своей.

Затѣмъ, съ неменьшимъ успѣхомъ воевалъ онъ и съ великимъ богомъ Сивою, котораго онъ обратилъ въ бѣгство. Наконецъ, боги послали Кришнѣ посла, говоря: «Демоны всѣ перебиты и тягота ихъ снята съ земли, возвратись-же къ намъ на небо править безсмертными».

Смерти Кришны предшествовала гибель народа ядавовъ, поссорившихся и перебившихъ другъ друга на устроенномъ Кришною пиршествѣ, гдѣ онъ и боги плясали съ дѣвами и гдѣ Кришна руководилъ танцами, отплясывая со своими женами. Танцы завершились ужиномъ, гдѣ всѣ сидѣли по рангамъ. Чисто одѣтые повара подавали гостямъ жаренныхъ буйволиныхъ телятъ, мясо вареное съ перцемъ и соусами изъ тамариндовъ и гранатъ. Было тутъ не мало различныхъ напитковъ и закусокъ. Окруженные возлюбленными, гости пили майрейю, мáдвику, суру и áсову, закусывая жареной дичью съ ѣдкими соусами или душистыми печеніями. Но упоенный виномъ народъ сталъ ссориться и вступилъ въ бой, подъ конецъ котораго не осталось никого, кромѣ Кришны и Даруки.

Самъ Кришна нѣсколько позже палъ отъ руки охотника, нечаянно ранившаго его въ пятку, принявъ ее за часть оленя, въ то время, когда онъ, положивъ ногу

на ногу, сидѣлъ подъ деревомъ. Раненъ онъ былъ наконечникомъ, выкованнымъ изъ меча, заклятаго мудрецомъ Нарадою. Увидѣвъ свою ошибку, охотникъ Яра умолялъ Кришну о прощеніи. Кришна-же ему сказалъ: «Не бойся за послѣдствія, иди со мною на небо, въ жилище боговъ». Немедленно явилась небесная колесница, на которой охотникъ былъ взятъ на небо, Кришна-же оставилъ смертное тѣло. Арьюна, найдя тѣло Кришны и брата его, убитаго во время празднества, похоронилъ ихъ по обычаю. 8 королевъ Кришны, съ Рукмини во главѣ, обняли тѣло Гари и вошли въ погребальный огонь. Ревати также, обнявъ тѣло Баларамы, взошла на костеръ. Услышавъ объ этомъ, Угрозена и Вазудева съ Деваки и Рогини предали себя пламени. Арьюна управлялъ тысячами женъ Кришны и прочимъ народомъ Двораки съ нѣжностью и заботливостью. Дерево Паріати поднялось на небо, и съ того самаго момента, какъ Кришна удалился съ земли на небо, спустился на землю темный вѣкъ Кали. Океанъ затопилъ царство Двораки, кромѣ зданія богини рода Яду. Море и теперь не можетъ смыть этого храма и Кесава живетъ тамъ и до настоящаго времени. Кто посѣтитъ этотъ святой храмъ, мѣсто, гдѣ упражнялся Кришна, освобождается отъ всѣхъ грѣховъ.

Таково жизнеописаніе бога Кришны по даннымъ «Вишну Пурана». Читатель съ недоумѣніемъ спроситъ меня, къ чему я наполнилъ столько страницъ журнала, предназначеннаго для лицъ интеллигентныхъ, сказкою, недостойною даже для помѣщенія на-ряду со сказаніями о Бовѣ Королевичѣ и Еруслане Лазаревичѣ въ лубочныхъ изданіяхъ, разносимыхъ офенями? Но я думаю, онъ оправдаетъ меня, если приметъ въ соображеніе, что напечатанный переводъ есть типъ цѣлой богатой литературы, обращающейся въ рукахъ индійскаго народа, что образецъ этотъ есть образецъ похожденій весьма приличныхъ въ сравненіи съ тѣми, какія разсказываютъ, напр., о Брамѣ или Сивѣ, особенно въ

такъ-назыв. Lingu purana. Наконецъ, сказанiе это въ такой степени, по крайней мѣрѣ, на сѣверо-востокѣ Индiи проникло въ живопись и искусство, въ поэзiю и жизнь народа, что все, что мнѣ придется говорить ниже, не было-бы понятно безъ этого перевода.

Образованный читатель придетъ, конечно, въ ужасъ, если сравнитъ популярнѣйшаго изъ боговъ народныхъ Кришну—это 8-е воплощенiе Вишну—съ благороднымъ образомъ Будды—6-мъ воплощенiемъ того-же божества или даже съ предъидущимъ его воплощенiемъ, Рамою, воспѣтымъ въ Рамаянѣ. Но не слѣдуетъ забывать, что если буддизмъ былъ въ Индiи протестомъ и революцiей противъ гнета брамановъ, то появленiе Кришны, простого чернокожаго пастуха, освобождающаго народъ отъ его притѣснителей, изображенныхъ въ видѣ демоновъ и злодѣевъ, унижающаго арiйскихъ боговъ Индру и Сиву, есть протестъ нѣкогда покореннаго народа, составляющаго наибольшую и наиболѣе бѣдную крестьянскую и рабочую часть населенiя Индiи, противъ ослабѣвшихъ и въ свою очередь покоренныхъ арiйскихъ и скиѳскихъ завоевателей. Культъ Кришны и развился наиболѣе сильно здѣсь на сѣверо-западѣ, гдѣ гнетъ бѣлой рассы былъ наиболѣе силенъ. Кришна, богъ любви, богъ веселья и потворства страстямъ, богъ, желающiй поклоненiя духамъ-покровителямъ лѣсовъ и скота, всегда на первомъ мѣстѣ стоявшимъ у аборигеновъ Индiи, былъ протестомъ противъ аскетизма, самобичеванiя, доходившихъ у браминовъ до крайнихъ формъ, онъ былъ протестомъ противъ монашества и нищенскихъ орденовъ буддистовъ—онъ, такъ-сказать, основатель эпикуреизма, но эпикуреизма грубой народной массы, понимаемаго какъ потворство страстямъ и плотскимъ стремленiямъ. Онъ нашолъ отзывъ въ той части населенiя, которой опротивѣлъ аскетизмъ, — и сталъ популярнѣйшимъ народнымъ богомъ на сѣверо-западѣ Индiи. Въ городѣ и деревнѣ зайдите въ домъ индуса—и вы увидите, какъ ви-

дѣлъ я въ Агрѣ, Дели, Амрицарѣ, Vindraban'ѣ и другихъ мѣстахъ на выбѣленныхъ стѣнахъ комнатъ развѣшанныя картины, изображающія различныя событія изъ жизни Кришны: Кришну, танцующаго на змѣѣ, Кришну, похищающаго одежды дѣвицъ или ведущаго съ ними хороводъ, Кришну, держащаго надъ головою народа своего гору, защищающую его отъ дождя, посылаемаго Индрою. Старинныя картины нарисованы грубо, напоминая наши монастырскія изданія иконъ. Теперь онѣ становятся рѣдкостью, замѣняясь нѣмецкими лубочными изданіями. Та самая фабрика, которая тысячами экземпляровъ направляетъ въ польскія и малороссійскія деревни изображенія Дѣвы Маріи, младенца Христа и другія сцены изъ библейской исторіи, тѣми-же красками, въ томъ-же форматѣ и въ томъ-же родѣ печатаетъ сцены изъ безобразной индійской миѳологіи, и яркость красокъ этихъ европейскихъ изданій обезпечиваетъ имъ громадный сбытъ въ средѣ индійскаго населенія. Кришна пляшущій, Кришна-младенецъ, похищающій масло, и Кришна во многихъ другихъ видахъ изображается въ бронзовыхъ, мѣдныхъ и глиняныхъ статуэткахъ. Цѣна этимъ статуэткамъ грошовая, и туристъ въ лавкахъ, особенно въ лавкахъ священныхъ городовъ, можетъ составить цѣлую коллекцію ихъ. Но если такая статуэтка была снесена въ храмъ и полежала нѣкоторое время около священнаго идола, она пріобрѣтаетъ свойства этого послѣдняго; она становится домашнимъ богомъ, и ее уже ни за какія деньги индусъ не продастъ, въ особенности поганому mlechas—европейцу.

Но значеніе Кришны не ограничивается всѣмъ вышесказаннымъ. Vallabha, жившій въ Гакулѣ въ XVI-мъ столѣтіи, основалъ весьма распространенную теперь секту послѣдователей Кришны, почитающихъ бога этого путемъ свѣтскихъ увеселеній и плотскихъ наслажденій. Учителя секты этой, мнящіе себя потомствомъ и воплощеніемъ Кришны, всегда одѣты въ лучшія платья, пи-

таются лучшими мясами на счетъ своихъ поклонниковъ, принадлежащихъ часто къ самому богатому классу индійскаго купечества.

Эти потомки Vallabha, теперь называемые магараджами, съ самаго дѣтства окружаются обожаніемъ и воспитываются въ невѣжествѣ, дерзости и сладострастіи. Мужчины и женщины преклоняются передъ ними, приносятъ имъ благовонія, фрукты, цвѣты и свѣчи. Удовлетворяя плотскимъ удовольствіямъ магараджей, послѣдователи секты этой какъ-бы служатъ Кришнѣ. Тѣло, душа и собственность (tan, man, dhan)—все имъ предоставлено. Женщинъ учатъ, что величайшее благо—это если онѣ или ихъ семьи будутъ въ связи съ магараджей. Передъ ними поются обыкновенно эротическаго характера пѣсни дѣвицами на празднествахъ, и тогда магараджей считаютъ за единое съ Кришной и сладострастіе поощряется и воспѣвается во всѣхъ гимнахъ, связанныхъ съ Кришною.

Главный магараджа, по имени Гопинати, есть человѣкъ, истощенный до степени скелета излишествами всякаго рода за исключеніемъ пьянства. Но брамины магараджи не ограничиваются этой ролью. У нихъ еще бываютъ вечера плотской любви, гдѣ они пользуются женами другъ друга или гдѣ принадлежащіе къ различнымъ кастамъ люди, послѣ пиршества, предаются свальному грѣху. Это полное попраніе кастовыхъ правилъ, протестъ противъ невыносимыхъ узъ лицемѣрія, какими связанъ браминъ.

Главные магараджи имѣютъ весьма своеобразные источники доходовъ. Такъ, за счастіе посмотрѣть на него платятъ 5 рупій, за удовольствіе прикоснуться—20, за удовольствіе омыть ему ноги—35, за счастіе вытереть его благовонными маслами—60, за удовольствіе погостить у него или принять у себя 50—500, за пляску въ хороводѣ 100—200, за питье воды, въ которой выкупался магараджа или въ которой вымыли его бѣлье,—19 и т. д. Такъ чтится че-

ловѣкъ не за личныя его качества, а только за происхожденіе! Надо-ли говорить, что ни одинъ индусъ, найдя у входа въ домъ свой калоши магараджи или другого брамина, не смѣетъ войти въ него, если тотъ самъ его не позоветъ... Таково вліяніе распространяемой браминами легенды на умы темнаго народа!

Позвольте теперь подѣлиться личными впечатлѣніями, вынесенными изъ родины Кришны.

Оставивъ Агру, я покинулъ своихъ товарищей на 2 дня, чтобы, посѣтивъ Vindrab n и Дели, соединиться съ ними въ Сахарампурѣ. Меня сопровождалъ знакомый съ городомъ проводникъ и переводчикъ, магометанинъ изъ Агры, и мой слуга, индусъ Витль. Поѣздъ желѣзной дороги привезъ насъ къ станціи Mattura или Muttra, откуда нѣсколько шаговъ было до чего-то вродѣ большихъ каменныхъ воротъ, ведшихъ въ довольно многолюдный городъ, насчитывающій теперь до 60 000 жителей.

День былъ жаркій, и улицы кишѣли народомъ. Бѣлыя 2-хъ и 3-хъ этажныя зданія были всѣ покрыты вычурными горельефами, лишенными вкуса и изящества, и украшены балкончиками. Внизу помѣщались лавки съ обычными индійскими товарами: перцемъ, горшками для воды, съѣстными припасами, мѣдными издѣліями и т. п. Значительная часть населенія, одѣтая въ бѣлыя чалмы, ограничивала свою одежду одними исподниками, и перекинутый черезъ плечо тройной снуръ на смугломъ тѣлѣ показывалъ, что значительная часть людей этихъ были брамины, такъ-какъ только браминамъ дозволено носить это украшеніе, какъ дважды рожденнымъ.

Мы быстро прошли вдоль улицы и вышли на берега мутной Джумны, почитаемой за священную рѣку. Во многихъ мѣстахъ на берегу ея къ водѣ были сдѣланы каменныя лѣстницы, и на ступеняхъ ихъ сидѣло великое множество почти обнаженнаго народа. Еще больше сто-

яло его въ водѣ по-грудь и по-поясъ, совершая омовенія, очищающія отъ грѣховъ.

Врядъ-ли есть на свѣтѣ народъ, въ жизни котораго омовенія играли-бы такую роль, какъ у индуса, и въ особенности индуса высшей касты. Онъ купается не менѣе трехъ разъ въ день, натирая свое тѣло нерѣдко благовонными маслами. Такая чистоплотность въ жаркомъ климатѣ, гдѣ тѣло постоянно покрывается пылью или пóтомъ и гдѣ постоянно грозитъ опасность зараженія какою-либо накожною болѣзнью, имѣетъ глубокій смыслъ. Европейцы, живущіе въ Индіи, принуждены подражать индусамъ. Тѣла китайцевъ, не слѣдующихъ ихъ примѣру, лѣтомъ представляютъ отвратительное зрѣлище; напротивъ, индусы выглядятъ, благодаря своимъ омовеніямъ, прекрасно, и ихъ темная, глянцевитая, не боящаяся солнечныхъ лучей кожа производитъ самое пріятное впечатлѣніе.

На ступеняхъ сидѣло множество браминовъ, сушась на солнцѣ и держа въ рукахъ раковины съ разведенною краскою. Они старательно наводили на своемъ лбѣ рисунки, характеризующіе различныя касты. Наиболѣе обыкновенные изъ нихъ были: красная черта, идущая поперекъ лба, красная подковообразная линія, бѣлая или красная точка съ желтыми разводами вокругъ, горизонтальныя бѣлыя полосы и др.

Здѣсь-же по берегу и на смежныхъ улицахъ, не стѣсняясь прохожими, бѣгало множество обезьянъ. Еще больше этихъ животныхъ увидѣлъ я въ храмѣ изящной архитектуры, расположенномъ за городомъ по пути къ сосѣднему городку Vindraban.

Окрестности носили печальный выжженный характеръ. Трудно было-бы повѣрить, что здѣсь когда-то были лѣса, въ которыхъ пасъ свои стада Кришна и отъ которыхъ и всѣ названія селеній здѣсь получили окончаніе ban, что значитъ лѣсъ. Но со временъ Кришны здѣсь произошло много измѣненій; мѣстность населилась, разработалась; въ

періодъ процвѣтанія буддизма здѣсь были сотни монастырей, затѣмъ все это пришло въ упадокъ подъ магометанскимъ владычествомъ. Благодаря корыстному религіозному индифферентизму англичанъ, индуизмъ ожилъ вновь; на собранныя туземцами деньги лучшіе храмы реставрируются, строются новые. Къ числу таковыхъ надо отнести прекраснѣйшій, выстроенный изъ краснаго песчаника, крестообразный храмъ Gavind deva, внутренность котораго, украшенная роскошными тополями, представляетъ оригинальное сплетеніе вертикальныхъ и горизонтальныхъ линій, образующихъ оригинальные, украшенные внутренними выступами купола. Храмъ этотъ необитаемъ людьми, я видѣлъ тамъ только нѣсколько спавшихъ факировъ. Ни одинъ идолъ не безобразилъ чудной архитектуры увѣнчаннаго куполомъ зданія, стиль котораго охотно позаимствовалъ-бы любой архитекторъ для дворца или церкви. Но вмѣсто людей нѣсколько сотенъ обезьянъ ютилось въ верхнихъ его полутемныхъ сводахъ. Когда вы входите, вы не видите ни одной. Но купите немного корму у сосѣдняго продавца и бросьте его на полъ: нѣсколько десятковъ четверорукихъ, большихъ и маленькихъ, сбѣгутся Богъ знаетъ откуда и начнутъ подхватывать пищу. На людей они не обращаютъ вниманія. Вы можете подходить къ нимъ вплотную, фотографировать ихъ, какъ какъ это дѣлалъ я, и это не вызоветъ между ними никакого смятенія. Съѣвши все брошенное, они немедленно удаляются, оставивъ на мраморномъ полу многочисленные слѣды своего пребыванія.

Почти напротивъ этого храма, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, Кришна укралъ платья купавшихся пастушекъ и потомъ танцовалъ и боролся съ ними, устроенъ тремя жертвователями—Muttra Seth, Gavind Das и Radha Krischna—громадный храмъ, гдѣ ежегодно кормятъ до 100 человѣкъ богомольцевъ, и куда въ извѣстные дни стекаются сотни тысячъ пилигримовъ. Онъ окруженъ двойною стѣною и имѣетъ трое воротъ, изъ коихъ каж-

дыя имѣютъ видъ высокой, усѣченной пирамиды, масса которой состоитъ изъ безчисленнаго множества грубо и безобразно исполненныхъ статуэтокъ индійскихъ боговъ. Этотъ типъ архитектуры чисто индійскій. Онъ повторяется у великаго множества храмовъ Индіи, и нельзя не видѣть въ нихъ отголоски такихъ-же очертаній горъ, характеризующихъ выжженные лучами солнца ландшафты Декана. Войдя въ первыя ворота, я попалъ въ узкій корридоръ между двумя стѣнами. Подъ палящими лучами полуденнаго тропическаго солнца, валяясь на раскаленномъ пескѣ, здѣсь испускало послѣднее дыханіе нѣсколько больныхъ, пришедшихъ сюда нарочно, чтобы умереть въ священномъ мѣстѣ. Никто не обращалъ на нихъ никакого вниманія, и мы поспѣшили пройти мимо этого ужаснаго зрѣлища, чтобы войти во внутренній дворъ, представлявшій изъ себя два обложенныхъ чудными мраморными перилами четыреугольныхъ пруда, раздѣленныхъ роскошнымъ мраморнымъ проходомъ, по краямъ котораго стояли превосходной архитектуры мраморные кіоски. Передъ прудами, какъ громадныя горы, высились третьи, пирамидальныя ворота, въ которыя меня, какъ нечистаго иностранца, уже не впустили. Мнѣ позволили посмотрѣть и снять фотографически только то, что можно было видѣть въ проходѣ. Передъ моими глазами ослѣпительно блестѣла на солнцѣ стоящая на роскошномъ подножіи громадной толщины золотая колонна, немного менѣе чѣмъ на половину тоньше, чѣмъ Александровская колонна въ Петербургѣ. Конечно, она была не изъ чистаго золота, а только вызолоченная, мѣдная, но имѣя 60 футъ высоты и, какъ говорятъ, погруженная въ землю болѣе, чѣмъ на 24 фута, она все-же представляетъ стоимость не меньшую, чѣмъ 10 000 рупій. Колонна заслоняетъ отъ взоровъ нечестивыхъ идола, видѣть котораго могутъ только брамины.

Не болѣе удалось мнѣ видѣть и въ храмѣ Madan Mohan. Храмъ имѣетъ видъ невысокаго одноэтажнаго па-

вильона, расположеннаго въ восхитительномъ тропическомъ саду съ цвѣтущими гранатами, розами, бигоніями, олеандрами и кипарисами. За двумя громадными деревьями Ficus indica и Nanelea orientalis, возвышается веранда этого павильона, поддерживаемая колоннами изъ бѣлаго мрамора. Но колонны эти не прямыя, какъ того можно-бы было ожидать, но изображаютъ собою извилистыя тѣла змѣй. Эффектъ этого чуднаго бѣлаго зданія на темной тропической зелени храма поразительный. Въ храмъ насъ опять не пустили, и это было тѣмъ болѣе досадно, что въ этомъ храмѣ хранился одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ сальграммовъ Индіи. Какъ извѣстно, сальграммомъ называютъ родъ аммонита (окаменѣлой раковины), находимаго въ Гималаяхъ. Подобно почитанію обезьянъ, поклоненіе сальграммѣ не стоитъ въ прямой связи съ культомъ Кришны, но съ культомъ Вишну въ его другихъ воплощеніяхъ. Обезьяна пользуется почетомъ у индусовъ, потому-что царь обезьянъ, Гануманъ, помогалъ Рамѣ, герою Рамаяны (также одному изъ воплощеній Вишну), покорить Цейлонъ. Что-же касается сальграмма, то о немъ существуетъ слѣдующее преданіе: Вишну усиленно ухаживалъ за красавицей Тулази. Супруга Вишну, ревнуя мужа, превратила Тулази въ растеніе. Вишну однако, не желая разлучаться со своею возлюбленной, превратился въ этотъ находимый въ Непалѣ аммонитъ и скрылся въ землю, гдѣ были корни растенія.

Всякій изъ поклонниковъ Вишну обыковенно копитъ деньги, чтобы купить себѣ такой аммонитъ, или всячески страется воспитать у себя въ домѣ растеніе Tulasi. Сальграммы берегутся какъ драгоцѣнность, и къ нимъ относятся какъ къ живымъ существамъ. Въ жаркое время ихъ старательно купаютъ или даже подвѣшиваютъ сосудъ, изъ котораго на нихъ каплетъ вода, постоянно прохлаждая ихъ тѣло. Передъ растеніемъ Tulasi, за которымъ такъ-же усердно ухаживаютъ, ежедневно возносятся молитвы, и въ честь его богини нѣсколько разъ въ году

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Въ роли индійскаго паломника.

Я не былъ удовлетворенъ моимъ посѣщеніемъ Vindraban'а. Мнѣ не удалось въ немъ посѣтить ни одного храма; я не видалъ ни одного идола. Я даже не могъ добиться объясненія интересовавшихъ меня обрядовъ. Большая часть индусовъ, къ которымъ я обращался, принимала меня за миссіонера. Ко мнѣ обращались со словами «padri» и, само собою, это обстоятельство не могло способствовать особенному желанію посвящать меня во всѣ тайны религіозныхъ культовъ. Поэтому, несмотря на то, что въ моемъ распоряженіи было черезчуръ мало времени, я воспользовался первою остановкою моихъ товарищей въ Сахарампурѣ, чтобы отправиться посѣтить еще одно священное мѣсто—городъ Гардваръ.

Гардваръ расположенъ какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Гангъ вытекаетъ на равнину изъ предгорій Гималаевъ. Всякій, кто хотя что-либо слыхалъ объ Индіи, знаетъ, что Гангъ есть священнѣйшая изъ рѣкъ этой страны. Омовеніе въ ея водахъ избавляетъ отъ всѣхъ грѣховъ. Къ ея берегамъ сносятъ умирать безнадежно больныхъ, иногда топятъ ихъ въ ея волнахъ помимо ихъ желанія. Ея воду берутъ и, какъ святыню, несутъ во

всѣ концы Индіи. Однимъ изъ характерныхъ священныхъ подвиговъ считается пройти пѣшкомъ вдоль ея берега отъ верховьевъ до устьевъ, измѣривши шагами длину рѣки—опасное предпріятіе, связанное съ нападеніями хищныхъ звѣрей и разбойниковъ. Выходя изъ ущелья, рѣка разливается по равнинѣ, принимая тотъ характеръ, который она сохраняетъ до низинъ Зундербунда. Здѣсь она получаетъ полноправность, такъ-сказать—достигаетъ совершеннолѣтія. Здѣсь ея чистыя, голубоватыя воды еще не загрязнены мутными какъ Джумна рѣками-притоками. Здѣсь Гангъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо заслуживаетъ поклоненія—въ этомъ Hara dwara — врата Сивы или Hari dwara — врата Вишну, какъ зовутъ его поклонники обоихъ боговъ, одинаково боготворящіе священную рѣку.

Въ Гардварѣ, на его ступеняхъ, ведущихъ къ Гангу, ради омовенія въ его священныхъ водахъ, собираются во время ярмарки, которая бываетъ 23-го апрѣля нашего стиля, сотни тысячъ пилигримовъ. Масса людей, ввергающихъ себя въ воды, въ это время такъ велика, въ водѣ бываетъ такая давка, что, несмотря на всѣ мѣры полиціи, сотни людей тонутъ или погибаютъ задавленными. Такъ, напримѣръ, въ 1819 году такимъ образомъ погибло болѣе 430 человѣкъ—и много солдатъ въ томъ числѣ. Разъ въ 12 лѣтъ во время мѣстнаго праздника Kambhmela втеченіе одного дня въ Гангѣ купается болѣе милліона пилигримовъ, раджей и послѣднихъ бѣдняковъ, перемѣшанныхъ другъ съ другомъ.

Когда умираетъ знатный индусъ, послѣ того какъ сожгутъ его тѣло, какъ-бы далеко ни была его родина, его кости или частицы пепла привозятся въ Гардваръ, чтобы бросить ихъ въ воду съ этихъ купальныхъ ступеней, причемъ мѣстные брамины получаютъ цѣнные подарки вродѣ слоновъ и драгоцѣнныхъ камней, не считая денежныхъ приношеній.

Поклоненіе Гангу ведется здѣсь съ незапамятныхъ

временъ; оно ранѣе чѣмъ явились секты поклонниковъ Вишну и Сивы. Въ древности онъ носилъ имя Kapila. Китайскій путешественникъ Хьюенъ-Цзангъ описываетъ Гардваръ въ VII столѣтіи какъ цвѣтущій городъ, имѣющій 3½ мили въ окружности. Теперь это только длинная улица изъ гостинницъ, храмовъ и лавокъ, тянущаяся вдоль рѣки Ганга. Большая часть домовъ имѣетъ нижній этажъ каменный, верхній—изъ кирпича. Городъ соединенъ съ главною сѣтью сѣверо-западныхъ индійскихъ дорогъ узкоколейною вѣточкою. Но большинство пилигримовъ не пользуются ею,—они идутъ пѣшкомъ. Гардваръ ихъ главная цѣль. Достигая его, они радостно восклицаютъ: «Отнынѣ нѣтъ болѣе болѣзни и печали. Все въ будущемъ будетъ ладно, ganga-ji-ni-jai, Mahadeo Bomm!» И зачерпнувъ купленную здѣсь-же бутыль или бамбуковое колѣно священной водою, бодро и весело направляются домой. И несмотря на это, тысячи людей уноситъ здѣсь въ гробъ холера. Нашъ соотечественникъ д-ръ Хавкинъ, ведущій упорную борьбу съ этимъ бичемъ индійскаго населенія, часто принужденъ оставаться въ этомъ городѣ. Надѣясь встрѣтиться съ нимъ и получить интересовавшія меня объясненія, я направился въ этотъ ближайшій къ Сахарампуру городъ, взявши слугу, но не беря переводчика: мнѣ говорили, что его можетъ мнѣ доставить начальникъ станціи. Эти люди, значительная часть которыхъ туземцы, дѣйствительно очень любезные и общительные господа. Они всѣ говорятъ по-англійски, и путешественникъ всегда можетъ надѣяться на самое любезное содѣйствіе съ ихъ стороны.

Къ сожалѣнію, прибывъ на вокзалъ, я, несмотря на предупредительность начальника, не могъ получить себѣ говорящаго по-англійски провожатаго. Туземецъ, взявшійся меня вести, едва говорилъ нѣсколько словъ, моему-же слугѣ, индусу одной изъ низшихъ кастъ, я строго запретилъ говорить о моей религіи и происхожденіи. Не знаю, было-ли причиною то обстоятельство, что въ моихъ

рукахъ была индійская миѳологія съ изображеніемъ боговъ, съ которою я справлялся, желая узнать значеніе различныхъ идоловъ,—или мой плутоватый Лепорелло, деморализованный общеніемъ съ безбожными европейцами желалъ подшутить надъ своими единовѣрцами, но отношеніе ко мнѣ въ Гардварѣ было совершенно иное, чѣмъ въ Vindraban'ѣ. Мнѣ нетолько не отказывались давать всевозможныя разъясненія, но пустили во всѣ храмы, показали всѣ уголки этого замѣчательнаго города, и если мнѣ въ Vindraban'ѣ не удалось ближе присмотрѣться къ культу Вишну и его воплощенія Кришны, я могъ зато видѣть характеръ культа Сивы. Это было первое и послѣднее мѣсто, гдѣ я могъ свободно входить внутрь храмовъ, разсматривать идоловъ, не встрѣчая со стороны браминовъ оскорбительной фразы: «Паріямъ и христіанамъ здѣсь не мѣсто».

Я не буду описывать здѣсь тѣхъ сценъ, которыя я видѣлъ на улицахъ города и на берегу рѣки, сценъ, повторявшихъ уже то, что было въ Vindraban'ѣ. Тѣ-же стаи дерзкихъ обезьянъ и бычковъ, посвященныхъ богу Сивѣ, свободно разгуливаютъ между народомъ. Не буду описывать и живописныхъ группъ полунагихъ, сидящихъ на дорогахъ, ведущихъ къ берегу, темнокожихъ туземцевъ, только-что выкупавшихся въ священной рѣкѣ, въ водахъ которой уже не черепахи, а громадныя съ зеленоватою чешуею рыбы, плавая около берега, ожидали приношеній паломниковъ *.

Меня интересовали въ этомъ городѣ храмы и факиры.

* Рыбы эти и черепахи пользуются особою любовью индусовъ, потому-что формы этихъ животныхъ принималъ Вишну во время своихъ воплощеній. Всѣхъ такихъ воплощеній считаютъ 10: именно, въ видѣ рыбы, черепахи, буйвола, полу-человѣка, полульва, карликоваго брамина, бога Paraswarama, героя Рамы, Кришну, дерева Ravi или Tulasi и наконецъ коня. Это послѣднее воплощеніе еще не имѣло мѣста. Съ его началомъ кончится теперешній желѣзный вѣкъ и начнется вѣкъ счастья.

И то и другое заслуживаетъ подробнаго описанія. Храмы, мною посѣщенные,—а я ихъ посѣтилъ 8,—всѣ были значительно меньше и хуже описанныхъ въ предыдущемъ письмѣ, но они были типичнѣе. Большіе роскошные храмы не въ обычаяхъ современныхъ индусовъ. Они строются только въ немногихъ знаменитыхъ мѣстностяхъ для привлеченія пилигримовъ. Остальные храмы не велики, такъ-какъ большинство ихъ строится на частныя средства, большею частью ради искупленія грѣховъ, ради заслуги передъ богами. Большіе богачи, располагающіе значительными средствами, предпочтутъ лучше выстроить 7, 14, 21 или еще какое-нибудь кратное семи число храмовъ незначительной величины, чѣмъ воздвигнуть одинъ богатый. Поэтому изъ большого числа храмовъ, которые приходится видѣть въ святыхъ мѣстахъ, лишь въ одномъ или двухъ бываетъ богослуженіе. Остальные стоятъ запертыми, въ нихъ рѣдко входятъ, и они приходятъ въ упадокъ и разрушеніе. Ихъ не поддерживаютъ, такъ-какъ если-бы кто-либо изъ современниковъ вздумалъ возстановлять храмъ, выстроенный въ древности, то это зачтено было-бы въ заслугу не ему, а основателю храма. Точно также и внѣшность, и внутреннее устройство храма индійскаго мало соотвѣтствуютъ тому представленію, какое мы привыкли имѣть о церкви, судя по храмамъ христіанскимъ. Наши храмы разсчитаны на большія толпы молящихся, собирающихся присутствовать при богослуженіи, совершаемомъ духовенствомъ, при звукахъ пѣнія или, у католиковъ, органа, или для слушанія проповѣдей пастора; большинство ихъ построено на сборы пожертвованій, собранныхъ со многихъ лицъ. Храмы индійскіе, какъ я сказалъ, нетолько являются созданіемъ отдѣльныхъ лицъ, но и самое назначеніе ихъ иное. Здѣсь не собирается народъ, не совершается богослуженій въ нашемъ смыслѣ слова. Индусъ, приходящій въ храмъ, ограничивается тѣмъ, что онъ обойдетъ вокругъ зданія, сдѣлаетъ приношеніе жрецу, постарается взглянуть на

находящагося въ этомъ храмѣ идола и, простершись передъ нимъ, возвращается обыкновенно домой. Потому большинство храмовъ занимаютъ рѣдко болѣе 10—12 квадратныхъ футъ. Храмъ состоитъ изъ внѣшняго двора, обыкновенно четыреугольной формы, нерѣдко обнесеннаго верандами и маленькими каморками, гдѣ могутъ останавливаться на день или на два пилигримы. Число такихъ келій бываетъ иногда велико. Такихъ келій было до 40 въ большомъ храмѣ съ золотою колонною, который я посѣтилъ въ Vindraban'ѣ. Тамъ каждая келья была разсчитана на цѣлую семью, и въ ней можно было имѣть сосудъ для омовеній. Въ глубинѣ двора помѣщается капище. Оно въ свою очередь дѣлится на 2 части: такъ-называемую sabha, или пріемную, и garbhagriha или собственно капище, въ которомъ помѣщается идолъ. Это внутреннее отдѣленіе такъ тѣсно, что въ немъ едва можетъ помѣститься совершающій обрядъ жрецъ. При входѣ въ него виситъ колоколъ, и жрецъ, входя, его звономъ предупреждаетъ бога о томъ, что явился поклонникъ.

Во время большихъ праздниковъ, когда передъ идоломъ всегда толпится масса народу, говорятъ, бываетъ такая давка, что не можетъ быть и рѣчи о благоговѣйномъ отношеніи къ богу. Богослуженіе совершаетъ одинъ жрецъ. Народъ при немъ не присутствуетъ, такъ-какъ для него оно не представляетъ ничего интереснаго или привлекательнаго. Брамины бормочутъ непонятные санскритскіе тексты и подносятъ богамъ дары. Дѣло народа—поставлять дары эти въ достаточномъ количествѣ. Богослуженіе-же заключается въ сущности въ томъ, что съ богами обращаются какъ съ живыми существами—говоря иначе—жрецы съ ними играютъ какъ съ куклами. Лично мнѣ не приходилось оставаться нигдѣ настолько долго, чтобы видѣть весь ритуалъ, но то немногое, что я наблюдалъ, вполнѣ напоминало мнѣ описаніе богослуженія Кришнѣ, данное въ прекрасной книгѣ Вилькинса

о современномъ индуизмѣ. Въ день здѣсь совершается 8 требъ, о которыхъ иногда факиры извѣщаютъ, трубя въ своеобразной формы рога. Первая, mangala, совершается черезъ полчаса послѣ восхода солнца: бога поднимаютъ съ постели, гдѣ, предполагаютъ, онъ спалъ ночью, его моютъ, одѣваютъ и сажаютъ на свое мѣсто. Ему приносятъ легкую закуску изъ орѣховъ, банановъ и пряностей, до которыхъ индусы большіе охотники. Черезъ часъ съ небольшимъ служится sringara. Идола растираютъ камфорой, масломъ, сандальнымъ деревомъ и одѣваютъ въ пышныя платья. Черезъ три четверти часа слѣдуетъ givala. Идола посѣщаютъ въ память его отправленія въ эти часы въ поле. Въ полдень ему подаютъ baju bhoja—полдникъ, состоящій изъ изысканныхъ блюдъ, который затѣмъ съѣдаютъ брамины или разсылаютъ своимъ друзьямъ и знакомымъ. Затѣмъ слѣдуетъ uthapan, или пробужденіе бога отъ послѣобѣденнаго сна. Наконецъ, sandhya или вечернее раздѣваніе и омовеніе бога и sayan—укладываніе въ 9 часовъ спать—заканчиваютъ богослуженіе.

Такимъ образомъ индійскіе боги ведутъ очень регулярный образъ жизни, и въ этомъ отношеніи имъ могутъ позавидовать многіе изъ городскихъ обывателей моего отечества. Въ остальномъ жизнь такого бога незавидна. Его жилище напоминаетъ хлѣвъ—тѣсный и грязный.

Во многихъ изъ мною посѣщенныхъ храмовъ было нѣсколько капищъ съ богами-родственниками, представлявшими какъ-бы одну семью. Но размѣщенные въ своихъ будкахъ, они мнѣ скорѣе напомнили грязно содержимыхъ животныхъ звѣринца, которыхъ показываютъ праздному посѣтителю, чѣмъ предметы поклоненія милліоновъ народа. Темная каморка наполнена смрадомъ отъ кокосоваго масла, зажигаемаго въ свѣтильникахъ и идущаго на обтираніе боговъ. Костюмы, въ которые наряжены эти глиняные и каменные идолы, обыкновенно ростомъ не превосходящіе средней величины дѣтскихъ куколъ, напоминаютъ костюмы нашихъ маріонетокъ; не-

рѣдко-же они еще болѣе легкіе, чѣмъ у ихъ поклонниковъ, и передъ вами стоятъ обнаженные деревянные истуканы, грубо сдѣланные, грубо размалеванные красною, синею или черною краскою.

Даже тогда, когда внѣшняя сторона храма изящна и поражаетъ пышностью своей архитектуры, въ этихъ внутреннихъ капищахъ боги живутъ грязно, бѣдно и неряшливо. Цѣлыя груды божковъ, принесенныхъ для освященія, валяются у ногъ идоловъ. Я могъ видѣть почти весь индійскій пантеонъ въ этихъ храмахъ, такъ-какъ тутъ были и храмы Вишну съ его спутниками, и многочисленные храмы Сивы, которые сразу узнавались по стоящимъ во дворѣ изображеніямъ, большею частью каменнымъ, двухъ лежащихъ священныхъ быковъ этого бога и символическому изображенію производительной силы—разрисованному черному камню изъ р. Ганга, вставленному въ сосудъ съ пескомъ, украшенному вѣнкомъ изъ благовонныхъ цвѣтовъ и нерѣдко, въ случаѣ съ салиграммомъ, увлажняемому каплями воды, падающей изъ подвѣшаннаго надъ нимъ сосуда. *

Если вы спросите индуса, какому богу онъ поклоняется, онъ вамъ отвѣтитъ: я поклоняюсь всѣмъ богамъ— и будетъ правъ. Хотя современныхъ индусовъ и можно разбить на двѣ группы,—поклонниковъ *Вишну* и его воплощеній и поклонниковъ *Сивы*, однако, глубоко убѣжденный, что и другіе боги ему могутъ быть страшны, индусъ попутно приноситъ и имъ жертвы, считая толь-

* Преданіе говорятъ, что Сива разъ такъ возмутилъ своими циническими выходками окружавшихъ его аскетовъ, что они лишили его половой способности. Lingu purana описываетъ, какими средствами жена его Парвати утѣшала мужа. Сжалившіеся аскеты тогда возвратили Сивѣ потерянное; съ тѣхъ поръ эта эмблема производительной силы служитъ предметомъ поклоненія. Ея маленькія изображенія индусы носятъ какъ кресты на снуркѣ на шеѣ, спрятанные въ особую капсулю, или привязываютъ къ рукѣ выше локтя. Они обыкновенно привязываются юношѣ его домашнимъ наставникомъ—guru—по достиженіи извѣстнаго возраста.

ко двухъ вышеупомянутыхъ боговъ своимъ главнымъ прибѣжищемъ.

Въ посѣщенныхъ мною храмахъ поэтому я видѣлъ въ большинствѣ случаевъ по нѣсколько изображеній. Такъ, въ храмахъ Сивы я почти постоянно встрѣчалъ, изображеніе его жены, извѣстной подъ именами: Parvati Durga или Kali. Легенда говоритъ, что богиня эта была извѣстна ранѣе подъ именемъ Ита, дочери Dakscha. Во время ссоры Сивы съ его тестемъ, Ита добровольно предала себя пламени и возродилась вновь въ лицѣ Парвати. Сива тогда предался аскетизму, живя вмѣстѣ съ Парвати въ Гималаяхъ и истребляя тамъ демоновъ. Эта богиня изображена въ видѣ идола краснаго цвѣта съ змѣею вокругъ шеи и ожерельемъ изъ череповъ. Такое-же ожерелье часто видно на идолѣ Сивы—чернаго цвѣта уродѣ съ тремя глазами (изъ коихъ одинъ расположенъ на лбу), нерѣдко верхомъ на быкѣ и съ тигровой шкурой. Сива, какъ аскетъ и покровительствующій аскетамъ, носитъ еще названіе Магадео (великій богъ) и изображается въ видѣ аскета, предающагося размышленіямъ въ лѣсахъ. Говорятъ, что Сива въ борьбѣ съ Брамою отсѣкъ ему его пятую голову, которая приросла къ рукѣ Сивы. Брама послалъ преслѣдовать Сиву гигантовъ, но Сива спасся отъ нихъ въ Бенаресъ, гдѣ, выкупавшись въ Гангѣ, получилъ исцѣленіе отъ грѣховъ и освободился отъ головы Брамы. Потому-то Бенаресъ такъ и святъ въ глазахъ индусовъ. Такъ-какъ быкъ—излюбленное животное Сивы, то у индусовъ всегда стоитъ его изображеніе въ храмѣ и за подвигъ святости считается отпустить на волю молодого бычка, предоставляя ему дѣлать что угодно. Сива есть богъ разрушенія и возсозданія. Потому его идолы имѣютъ самую безобразную и страшную внѣшность, потому-же необходимымъ спутникомъ индійскаго храма Сивы—является его эмблема linga.

Parvati, извѣстная болѣе подъ именемъ Durga и Kali была здѣсь изображена двояко: какъ Durga—въ видѣ

золотистаго идола съ красивымъ сіяющимъ лицомъ, съ 10 руками, со львомъ у одной ноги и гигантомъ у другой; но гораздо чаще въ капищахъ торчалъ безобразный черный или красный уродъ, идолъ Кали—той-же Парвати, но такой, какою она является въ представленіи темной народной массы. Это она одержала побѣду надъ гигантами, преслѣдовавшими Сиву, и пила кровь изъ ихъ обезглавленныхъ туловищъ. Еще недавно ей приносили человѣческія жертвы, такъ-какъ одна такая жертва, говорило преданіе, способна доставить удовольствіе Кали на 10 000 лѣтъ. И теперь, если не человѣческія жертвы, то жертвы кровавыя принято давать этому идолу, изображеніе котораго въ Гардварѣ я видѣлъ нетолько въ храмѣ, но и въ нишахъ, высѣченныхъ въ скалахъ вдоль дороги, ведшей вверхъ по берегу Ганга. Кали есть преимущественно богиня женщинъ. Ея популярность видна уже изъ того, что многія представительницы прекраснаго пола въ Индіи, несмотря на то, что часто онѣ бываютъ поистинѣ прекрасны, носятъ имя этой отвратительной богини.

Въ храмахъ Сивы я видѣлъ также почти постоянно изображенія *Ganesa*—также довольно-таки отвратительное существо—сына Сивы и Парвати, бога мудрости и осторожности. Онъ представляетъ изъ себя человѣческое туловище съ головою слона, имѣющаго, подобно Сивѣ, три глаза. У него одинъ клыкъ и 4 руки. Это любимый домашній пенатъ индійскаго купечества, и во всѣхъ общественныхъ церемоніяхъ ему первому воздаются почести, ибо онъ есть также богъ препятствій, могущій, если его разгнѣваютъ, создавать ихъ въ жизни на каждомъ шагу. Его мать сдѣлала его своимъ стражемъ и привратникомъ. Богъ Кумари, давно уже не ладившій съ нимъ, въ одинъ прекрасный день, когда Ганеза стоялъ на своемъ посту, отсѣкъ ему голову. Сива былъ очень огорченъ, узнавши объ этомъ происшествіи, и, желая поправить бѣду, далъ обѣтъ, что отсѣчетъ голову первому живому существу, которое онъ

встрѣтитъ на своемъ пути къ сѣверу, и приставитъ къ трупу Ганезы. Такимъ животнымъ оказался слонъ, голову котораго онъ приставилъ къ Ганезѣ, возстановивши ему такимъ образомъ жизнь. Парвати пришла въ ужасъ, увидя своего сына съ такою головою, но вскорѣ помирилась съ его ужаснымъ обликомъ и задумала его женить. Но Ганеза заявилъ ей, что онъ не желаетъ имѣть другой жены, кромѣ ея самой. Парвати съ негодованіемъ сказала ему, что онъ не женится до тѣхъ поръ, пока не найдетъ жены, какъ двѣ капли воды на нее похожей. Съ тѣхъ поръ Ганеза посѣщаетъ усердно всѣ мѣста, гдѣ собираются женщины, но тщетно, такъ-какъ не можетъ себѣ подобрать невѣсты или, быть можетъ, никто не хочетъ выйти замужъ за такого урода.

У меня остались еще въ памяти изъ видѣнныхъ мною идоловъ изображенія Саети или богини родовъ и новорожденныхъ, изображаемой въ видѣ женщины съ двумя младенцами, стоящей на кошкѣ, громадная черная пятиликая голова бога Сивы, стоявшая въ одномъ храмѣ, увѣнчанномъ, какъ жилище Плутона, двузубцемъ, и многочисленныя разодѣтыя въ пестрыя тряпки куклы богини р. Ганга—Гангаджи.

Богъ Сива самъ былъ аскетомъ. Потому въ числѣ различныхъ сектъ, которыя образованы его послѣдователями, видное мѣсто занимаютъ секты Dandis и Jogis, предающіяся аскетизму и размышленіямъ въ уединеніи. Сектанты доводятъ себя до идіотизма обѣтомъ молчанія и увѣряютъ, что они способны творить чудеса, дѣлаться невидимыми, перелетать громадныя пространства. Во время праздниковъ сюда стекается масса этого рода факировъ, и мнѣ говорили, тогда нерѣдкость видѣть людей, ходящихъ съ поднятыми вверхъ, уже закоченѣвшими руками, зажатыми въ кулакъ, ногти пальцевъ котораго проросли сквозь ладонь и высовываются съ противоположной стороны руки, людей съ тяжелыми веригами, гвоздями, вбитыми въ тѣло, и другія формы религіознаго изувѣрства.

Большинство іогисовъ дышатъ особеннымъ образомъ, при каждомъ вдыханіи и выдыханіи произнося имя Сивы. Они могутъ надолго совершенно задерживать дыханіе, они сидятъ въ 42 различныхъ положеніяхъ, устремляя взоры на кончикъ своего носа, и въ такомъ положеніи углубляются въ мышленіе, соединяясь съ Сивою. Они утверждаютъ, что этимъ путемъ они достигаютъ возможности творить чудеса и носиться по воздуху. Лично я былъ слишкомъ короткое время въ этомъ городѣ, чтобы видѣть интересныхъ факировъ. Главные изъ нихъ, наиболѣе почитаемые народомъ, подобно древнимъ христіанскимъ отшельникамъ, живутъ вдали отъ людей, въ пещерахъ, расположенныхъ въ горахъ, изъ которыхъ вытекаетъ Гангъ. Туда требовалось много часовъ ѣзды. Я видѣлъ только одного на окраинѣ города. Подъ палящими лучами полуденнаго солнца стоялъ онъ на колѣняхъ съ завязанными глазами; съ четырехъ сторонъ отъ него, почти вплотную съ нимъ, были разложены костры пламени. Жара, которую долженъ былъ испытывать этотъ человѣкъ, повидимому, была нестерпимая. Потъ лилъ съ него буквально ручьями; такъ течетъ развѣ только жиръ съ жаримаго на вертелѣ гуся. Но аскетъ оставался недвижимъ, предаваясь самоистязанію...

Другой типъ факировъ—собственно въ нашемъ смыслѣ слова юродивыхъ, несравненно болѣе многочисленный, чѣмъ первые, во всѣ времена года попадается въ Гардварѣ. Совершенно случайно я могъ видѣть цѣлую коллекцію ихъ. Сопровождавшіе меня брамины, видя довольно щедрые бакшиши, оставляемые мною въ храмахъ,—меня въ этомъ отношеніи достаточно выдрессировали въ Египтѣ,—видя, что я интересуюсь біографіей каждаго изъ идоловъ, пришли къ заключенію, что я самъ индусъ по религіи и пришолъ сюда въ качествѣ паломника. Они сдѣлались очень любезны ко мнѣ, охотно все показывали и разъясняли, хотя говорить съ ними приходилось чуть не знаками. Наконецъ, въ полдень, когда звонъ коло-

кола въ одномъ изъ маленькихъ храмовъ возвѣстилъ обѣденное время, они мнѣ предложили принять участіе въ чемъ-то вродѣ монастырской трапезы, которую храмъ этотъ предлагалъ паломникамъ и факирамъ. Пиллигримовъ не было, но зато на звонъ колокола сюда собралось ни болѣе, ни менѣе какъ 13 человѣкъ факировъ. Мнѣ, въ сторонѣ отъ нихъ, постелили циновку, принесли, какъ и въ Виндрабанѣ, тарелки изъ листьевъ, на которыя положили тонкія, вродѣ блинчиковъ, пшеничныя лепешки, дали нѣчто вродѣ айрана изъ густого молока и комки рису, свареннаго съ сахаромъ и какой-то еще примѣсью, придававшей кушанью вкусъ, напоминающій кутью. Въ заключеніе дали рисъ съ перцемъ и пряностями, напоминающій англійское кэрри, и свѣжую сахарную воду, конечно, въ глиняномъ, предназначенномъ для разбитія горшкѣ. Факиры расположились въ рядъ подъ навѣсомъ. Это были все здоровые, рослые парни и, судя по тому количеству пищи, какая была предложена мнѣ, эти люди должны были обладать далеко не аскетическими аппетитами. Ѣду свою факиры сопровождали пѣніемъ духовнаго (?) содержанія протяжныхъ стиховъ. Пѣніе это продолжалось все время обѣда и придавало ему нѣкоторую торжественность. Представьте себѣ сидящихъ на верандѣ на полу, поджавъ ноги, 13 рослыхъ людей, со всклокоченными черными волосами, съ пшенично-смуглаго цвѣта тѣломъ, волосатою грудью, всѣхъ снизу до верху вымазанныхъ пепломъ, почти совершенно нагихъ, то съ дико-изступленными, то съ плотски-идіотическими взорами, увѣшанныхъ крупными четками на шеѣ и на рукахъ, то поющихъ протяжные гимны, то запихивающихъ себѣ въ ротъ лежащую передъ ними на сшитыхъ изъ листьевъ тарелкахъ пищу. Представьте себѣ все это на дворѣ, обнесенномъ оригинальной деревянной постройкой, размалеванной наподобіе нашихъ балагановъ, синей и бѣлой краской, гдѣ стоитъ уродливое изображеніе тельца бога Сивы—и вы получите понятіе

о томъ своеобразномъ обществѣ, въ которомъ, играя роль паломника, мнѣ приходилось обѣдать.

Разнообразныя трапезы приходилось мнѣ раздѣлять во время моихъ многочисленныхъ путешествій. Мнѣ знакомо и полное пиршество калмыка съ его вонючею водкою изъ молока, и уставленный сластями бухарскій достарханъ; я ѣдалъ за китайскимъ мандаринскимъ столомъ ласточкины гнѣзда и знавалъ подаваемый на киргизскихъ свадьбахъ бишибарманъ, любезно всовываемый въ ротъ гостю пятью пальцами гостепріимнаго хозяина; я принималъ участіе въ японскихъ ужинахъ съ изящными плясками гейшъ и играми, такія вечеринки сопровождающими; я знаю веселые пивные коммерши нѣмецкихъ студентовъ и парадные обѣды великихъ міра сего. Но никогда въ моей жизни я не принималъ участія въ столь оригинальной трапезѣ со столь своеобразнымъ обществомъ—и врядъ-ли придется его раздѣлять когда-либо.

Пока ѣла одна часть факировъ—пѣли другіе, покончившіе свою смѣну смѣняли пѣвшихъ, и хоръ духовныхъ стиховъ не прекращался во все время обѣда.

Читатель можетъ понять мою досаду, когда я долженъ былъ и здѣсь, какъ въ Muttra, прервать мои наблюденія на самомъ интересномъ мѣстѣ и поспѣшить на поѣздъ, отходившій въ Сахарампуръ, гдѣ я долженъ былъ соединиться съ товарищами и ѣхать въ чайные районы. Время мое принадлежало не мнѣ, и ради принципа приходилось постоянно играть роль зрителя, принужденнаго покидать представленіе на самомъ его интересномъ мѣстѣ. Досадно было все это тѣмъ болѣе, что въ сущности интересы дѣла не страдали-бы отъ другого распредѣленія времени. А между тѣмъ 2—3 дня, проведенные въ городѣ, подобномъ Гардвару, дали-бы мнѣ возможность познакомиться со всѣми почти сектами сиваитовъ, нетолько съ описанными аскетами и факирами различныхъ типовъ, но и сактисами, поклонниками бо-

гинь Дурга, Кали, Сарасвати и другихъ—сектами, въ которыхъ, несмотря на ихъ распространенность, можно видѣть самую послѣднюю степень разложенія индійскихъ религіозныхъ началъ. Трудно повѣрить, но это такъ: секты эти видятъ почитаніе боговъ въ формѣ удовлетворенія самыхъ грубыхъ инстинктовъ человѣка. Между прочимъ, одуреніе себя алкогольными напитками считается сактисами за одну изъ формъ почитанія божества. Потому гуру или домашніе учителя этой секты спеціально преподаютъ систему пьянства своимъ ученикамъ. Сактисы вѣрятъ, что путемъ углубленія въ священныя книги—Тантры, можно достигнуть предсказанія будущаго, привораживать къ себѣ людей, превращать растенія въ мясо, употребляемое въ пищу сактистами въ противоположность другимъ сиваитамъ, — словомъ, во всѣ тѣ нелѣпости, въ которыя вѣритъ легковѣрная темная масса индійскаго народа,—и, увы, своею вѣрою увлекаютъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, въ свою очередь морочащихъ своими очерками Индіи легковѣрныхъ читателей Европы.

Я боюсь, что краткія, набросанныя мною картинки современныхъ вѣрованій индійской народной массы повергнутъ въ недоумѣніе читателя—и вызовутъ у него глубокое отвращеніе къ бѣдному индійскому народу, къ которому, кромѣ состраданія, невозможно питать иного чувства. Поэтому несправедливо было-бы съ моей стороны оставить его подъ впечатлѣніемъ только-что описанныхъ картинъ и сообщенныхъ фактовъ.

Какъ въ средніе вѣка, такъ и въ настоящее время немалая часть индусовъ увлекается идеями, гораздо болѣе возвышенными и достойными человѣчества, чѣмъ всѣ описанные примѣры религіознаго изувѣрства. Въ Индіи, быть можетъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, играютъ роль великіе религіозные мыслители, и дѣятельность лучшей части общества направлена на выработку правилъ нравственности и соотвѣтствующаго высокимъ идеаламъ

ея міровоззрѣнія. Это до сихъ поръ арена упорной борьбы лучшихъ идеаловъ, лучшихъ людей съ мракомъ погруженнаго въ грѣховныя страсти невѣжества. Будда и его высокое ученіе, распространившееся на добрую четверть человѣчества, увлекающее даже теперь умы многихъ европейцевъ, — лучшій тому примѣръ. И если буддизмъ самъ исчезъ изъ Индіи, то вліяніе его не прошло безслѣдно. Религіозная секта джайновъ, возникшая почти въ одно съ нимъ время, до сихъ поръ проводитъ въ жизни эти идеи. Какъ буддисты, джайны даютъ обѣты не убивать, не лгать, не брать того, чего имъ не даютъ, вести непорочную жизнь, не гнаться за свѣтскими удовольствіями и благами. Джайны, подобно буддистамъ, вѣрятъ въ существованіе Нирваны, избавляющей въ концѣ концовъ душу отъ ея безконечныхъ переселеній и воплощеній. Стремящійся къ ней долженъ быть щедръ, мягокъ въ обращеніи, быть благочестивымъ, скорбѣть и каяться въ своихъ проступкахъ и быть милосердымъ нетолько къ животнымъ, но и къ растеніямъ. Они подобно буддистамъ основываютъ лѣчебницы для больныхъ животныхъ, избѣгаютъ даже ѣсть на открытомъ воздухѣ, чтобы не проглотить мухи или комара. Въ теоріи они не признаютъ ни Ведъ, ни многобожія, ни кастъ, хотя на практикѣ приносятъ жертвы идоламъ и между ними имѣются также аскеты. Храмы джайновъ я видѣлъ во всѣхъ мною посѣщенныхъ городахъ Индіи. Они архитектурою напоминаютъ браминскіе, доступъ въ нихъ такъ-же труденъ. Они содержатся чище и болѣе соотвѣтствуютъ нашимъ представленіямъ о храмѣ. *

* Идолы джайновъ суть однако-же не боги, а боготворимые смертные—святые джайнскаго пантеона. Ихъ всѣхъ 24 бывшихъ и 24 ожидаемыхъ. Ихъ изображенія дѣлаются изъ бѣлаго и чернаго мрамора и не имѣютъ безобразія браминскихъ идоловъ. Эти святые отличались спокойствіемъ и величіемъ. Джайны имѣютъ особое духовенство.

Болѣе интеллигентные индусы исповѣдуютъ такъ-называемый ведантизмъ. Онъ существовалъ уже за 500 лѣтъ до Р. Х. Веданта учитъ о единствѣ Бога. Она говоритъ о Немъ, какъ о Свѣтѣ, какъ о вѣчномъ, самобытномъ, неизмѣняющемся, непостижимомъ, всевѣдущемъ, всемогущемъ, не имѣющемъ формы, всеблаженномъ, поддерживающемъ жизнь всего міра существѣ. Это причина и слѣдствіе всякой вещи. Какъ молоко свертывается въ творогѣ или вода превращается въ ледъ, такъ и Брама можетъ измѣняться, проявляясь въ безчисленномъ множествѣ формъ. Брама производитъ все живущее, какъ паукъ производитъ нити изъ своего тѣла. Человѣкъ, по ученію Веданты, состоитъ изъ трехъ частей: духа, который есть существенная часть Высшаго существа, и двухъ тѣлъ—грубаго и утонченнаго. Когда умираетъ грубое, утонченное съ обитающимъ въ немъ духомъ остается. Въ немъ сохраняются индивидуальныя черты умершаго, и оно уничтожается лишь тогда, когда духъ сольется съ давшимъ ему начало Брамою.

Но со смертью духъ теряетъ воспоминаніе о прежней жизни, и при новомъ воплощеніи онъ ничего не знаетъ о старомъ. Міръ Веданты состоитъ изъ 3 отдѣленій: неба, земли и ада, которыя раздѣляются на различныя отдѣленія и области. Человѣкъ есть постоянная жертва Майя или самообмана, иллюзіи. Это благодаря иллюзіи онъ воображаетъ, что онъ обладаетъ свободою дѣйствія, что онъ способенъ дѣйствовать, говорить и думать такъ, какъ онъ желаетъ, тогда какъ на дѣлѣ его побуждаетъ такъ поступать божественная сила. Всякая радость или горе суть также лишь иллюзіи, и вся вселенная существуетъ лишь временно. Потомъ она также сольется съ Брамою, какъ создалась изъ него.

Спасеніе человѣчества заключается въ признаніи отношеній, существующихъ между Богомъ и человѣкомъ, и когда человѣкъ освобождается отъ самообмана—онъ сливается съ божествомъ. Добрыя дѣла этому содѣй-

ствуютъ, направляя его на небо; злыя дѣянія ведутъ его въ адъ, но пребываніе его тамъ временное, и онъ, искупивъ грѣхи, вновь воплощается на землѣ. Послѣдователямъ Веданты вмѣняется въ правило быть вѣрными и правдивыми, воздержными, заботливыми о всѣхъ формахъ жизни—и имъ запрещается воровать.

Веданта есть религія интеллигентнаго индуса. Но помимо ея многія секты послѣдователей Вишну или Сивы, несмотря на ихъ предразсудки, суть секты чистыя, нравственныя и съ болѣе философскимъ міровоззрѣніемъ. Такъ секта Ramanuja, послѣдователей которой легко узнать по знакамъ, рисуемымъ на лбу и представляющимъ 2 бѣлыя, поперекъ лба идущія къ носу линіи, соединенныя на переносицѣ такою-же поперечною, отъ которой вверхъ идетъ красная черта, эта секта также проповѣдуетъ деизмъ. Она учитъ, что Вишну есть Брама—Высшее Существо Онъ создалъ вселенную, исшедшую изъ него. Онъ проявляется во вселенной въ образахъ, ихъ воплощеніяхъ въ отдѣльныхъ существахъ, подобныхъ Кришнѣ, въ различныхъ качествахъ и въ человѣческой душѣ. Другая секта—Bamonandis—отрицаетъ касты, проповѣдуетъ о необходимости изученія священныхъ книгъ не одними только браминами, но всѣмъ народомъ. Секта Kabir Panthis также учитъ, что душа человѣка есть частица единаго верховнаго существа, что всякая жизнь священна, что человѣколюбіе есть главная добродѣтель и должно распространяться нетолько на человѣка, но и на животныхъ. Правда необходима, повиновеніе и почтеніе духовнымъ учителямъ также. Необходимо избѣгать всякаго насилія, любить правду, не убивать.

Основатели сектъ и ихъ пропагандисты почитаются ихъ послѣдователями какъ святые. О ихъ жизни сохранились легенды, преисполненныя всевозможныхъ невѣроятныхъ чудесъ, передаются изъ уста въ уста и печатно. Но наиболѣе высокія религіозныя ученія въ Индіи явились какъ слѣдствіе желанія согласить индійское міро-

воззрѣніе съ идеями магометанскихъ и христіанскихъ завоевателей. Въ XV столѣтіи около Лагора было проповѣдано ученіе такъ-называемыхъ Сикховъ, религія, не признававшая кастъ и идолопоклонства, вмѣнявшая послѣдователямъ ея, подобно магометанамъ, въ обязанность распространять ученіе свое огнемъ и мечомъ и имѣвшая свою библію, заключающую кодексъ нравственности, напоминающій магометанскій, но включающій въ себя многіе языческіе предразсудки, вродѣ, напр., почитанія коровъ.

Болѣе высокаго характера ученія развились подъ вліяніемъ христіанства. Самая замѣчательная изъ этихъ сектъ—это такъ-называемая Брамо-Сомай, основанная браминомъ Раммогунъ-Роемъ въ 1774 г. Уже шестнадцати лѣтъ отъ роду онъ, знакомый прекрасно съ литературой и языками персидскимъ, арабскимъ и санскритскимъ, написалъ трактатъ противъ идолопоклонства, вызвавшій такую оппозицію, что онъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ въ Тибетъ, гдѣ получилъ воможность близко ознакомиться съ буддизмомъ. Затѣмъ, изучивъ англійскій языкъ, онъ сдѣлался чиновникомъ и имѣлъ возможность бывать въ европейскомъ обществѣ. Изучивъ до тонкости литературу Ведъ, онъ выступилъ на основаніи изученія этихъ священныхъ книгъ явнымъ противникомъ индійскаго обычая сожженія вдовъ. Изучивъ затѣмъ христіанскіе догматы, онъ публиковалъ въ 1819 году книгу: «Наставленія Іисуса, или путь къ міру и счастію», гдѣ онъ высказывался за превосходство нравственныхъ доктринъ Христа надъ всѣми прочими. Но онъ упорно отказывался признать христіанское ученіе о Троицѣ. Вмѣсто того онъ предполагалъ выбрать все лучшее, касающееся нравственныхъ ученій всѣхъ религій, вѣря, что вдохновеніе свыше или откровеніе бывало даваемо безъ различія всѣмъ народамъ. Его сборная изъ всѣхъ священныхъ книгъ религія была установлена въ 1830 году, ради поклоненія вѣчному, непостижимому и неизмѣнному существу — Творцу и Покрови-

телю вселенной. Ни изображеній, ни жертвъ не было допущено въ этой церкви; говорить съ пренебреженіемъ о предметахъ, почитаемыхъ другими людьми, также было строжайше запрещено въ собраніяхъ, въ которыхъ читались Веды или другія нравственнаго содержанія религіозныя сочиненія. Въ 1831 году Раммогунъ-Рой посѣтилъ Англію, гдѣ его торжественно принимали, какъ новаго вѣроучителя, и гдѣ онъ въ 1833 году умеръ жертвою климата. Его преемникъ Девандра Патъ-Тагире организовалъ изъ кружка послѣдователей Брамо-Сомай настоящую церковь, члены которой должны были чтить великаго Бога Творца, Хранителя и Разрушителя, въ духѣ любви къ нему, добрыми дѣлами, чистою жизнью и искупленіемъ грѣховъ. Онъ доказалъ, что Веды не непогрѣшимы, и изъ нихъ было оставлено только то, что не противорѣчило теистическимъ воззрѣніямъ церкви. Ученіе о воплощеніяхъ Бога было отринуто и установлена вѣра въ Него, какъ въ Отца, вѣчно заботящагося о своихъ созданіяхъ и слышащаго ихъ молитвы. Единственными дѣлами, необходимыми для вѣрующаго, были признаны добрыя дѣла, созерцаніе, размышленіе и стремленіе къ знанію. Всякія самоистязанія и паломничества отринуты. Единственная жертва--самопожертвованіе, единственный храмъ—чистое сердце. Въ 1865 году Кесубъ-Хундеръ-Сенъ идетъ еще далѣе. Онъ нарушаетъ всѣ кастовые предразсудки, онъ допускаетъ въ собранія женщинъ наравнѣ съ мужчинами и измѣняетъ брачные обряды. До тѣхъ поръ женщина держалась, какъ низшее существо, въ сторонѣ отъ мужчинъ, она не смѣла появляться въ ихъ собраніяхъ, принимать участіе въ разговорахъ. Она вступала въ бракъ съ 12—14 лѣтняго возраста; ее выдавали замужъ сейчасъ послѣ рожденія, и если ея нареченный мужъ умиралъ, она никогда уже не могла выходить вновь замужъ и влачила самое жалкое существованіе. Теперь послѣдователи церкви, основанной Кесубъ Хундеръ-Сеномъ, отмѣнили и эти предразсудки.

Они составляютъ пока еще ничтожную горсть изъ 1 500 членовъ и 8 000 приверженцевъ. Но церковь эта съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ распространенія образованія, черезъ университеты и высшія учебныя заведенія находитъ себѣ все новыхъ и новыхъ приверженцевъ. Просвѣщенные свѣтомъ знанія индусы невольно нарушаютъ связывающіе ихъ жизнь и дѣятельность по рукамъ и по ногамъ кастовые и религіозные предразсудки. Родственники изгоняютъ ихъ изъ касты, порываютъ съ ними всякія сношенія. Имъ некуда дѣваться, какъ или принять христіанство или сдѣлаться послѣдователями всемірной вѣры — Universal Somai — какъ зовутъ себя члены этой новой церкви. Но принятіе христіанства есть измѣна принципамъ индуизма. Английское фарисейство, церкви, созданныя ненавистными притѣснителями и эксплоататорами, ему несимпатичны, и только элементы низшихъ кастъ обыкновенно вербуются миссіонерами въ свою паству, уже по этому одному мало популярную и не имѣющую успѣха въ Индіи. Самые догматы христіанства не удовлетворяютъ индуса. Онъ, воспитанный на идеяхъ переселенія душъ, ихъ прогрессивнаго совершенствованія и конечнаго слитія съ причиною всѣхъ причинъ, не можетъ помириться, что за грѣхи, содѣянные въ нашей короткой жизни, насъ ждетъ вѣчная мука. Вѣчное блаженство не привлекательно для него именно этою вѣчностью, этимъ пребываніемъ въ одномъ и томъ-же состояніи безъ прогресса и безъ нирваны. Поэтому всемірная вѣра ему симпатичнѣе, и ея послѣдователи быстро увеличиваются въ числѣ.

Кто знаетъ, быть можетъ современемъ эта вѣра соединитъ во-едино всю Индію, создастъ изъ индусовъ націю, способную противостоять англичанамъ и другимъ завоевателямъ, какъ цѣльное государство. Но это будетъ возможно лишь тогда, когда проповѣдники ея будутъ имѣть дѣло съ массою одинаково развитою, когда свѣтъ знанія осѣнитъ коснѣющія въ невѣжествѣ и дикости массы. Пока-же этого нѣтъ, судьба религіи Раммогунъ-

Роя и Кесубъ-Хундеръ-Сена будетъ не лучше, чѣмъ ихъ предшественниковъ, вродѣ Будды. Она будетъ забыта или выродится въ грубое идолопоклонство, и они сами превратятся въ гадкихъ идоловъ, вокругъ которыхъ будутъ совершаться тѣ самыя дѣянія, противъ которыхъ они такъ горячо ратовали въ своихъ проповѣдяхъ.

До настоящаго-же времени, какъ читатель могъ видѣть, Индія представляетъ хаосъ изъ сектъ, вѣроученій и религій, начиная отъ самыхъ возвышенныхъ до самаго дикаго изувѣрства и культа самыхъ низменныхъ и плотскихъ инстинктовъ. Несмотря, однако, на всю эту хаотичность, всей этой многомилліонной массѣ общи черты, отличающія ее отъ другихъ народовъ.

Фатализмъ общъ всѣмъ индусамъ. Ихъ судьба предопредѣлена богами, и борьба противъ этого предопредѣленія—напр. въ случаѣ болѣзни—по ихъ мнѣнію безполезна. Все зло, по общему мнѣнію, есть продуктъ Майя—самообмана, самообольщенія, заставляющаго человѣка забывать, что онъ и создавшее его божество *едино*. Всѣ безъ исключенія индусы вѣруютъ въ переселеніе душъ, въ многократныя возрожденія въ высшихъ и низшихъ степеняхъ, и во *временныя* наказанія въ различныхъ отдѣленіяхъ ада, причемъ описанія ихъ, данныя въ «Пуранахъ», весьма напоминаютъ тѣ, которые рисуются для нашего народа въ лубочныхъ картинкахъ.

Такъ, ябедниковъ помѣщаютъ въ кипящее масло, обидѣвшихъ лицо высшей касты будетъ грызть свинья, оскорбившаго религіозныхъ нищихъ воткнутъ головой внизъ въ жидкую грязь. За грѣхи тѣла, говоритъ законъ Ману, человѣкъ въ слѣдующую жизнь будетъ растеніемъ или минераломъ, за грѣхи словомъ—птицей или звѣремъ, за грѣхи помышленіемъ — человѣкомъ низшей касты. Убійца брамина будетъ собакою, осломъ, буйволомъ и т. п. Укравшій золото у священника тысячу разъ будетъ возрождаться въ видѣ пауковъ, змѣй и т. п. Agni Purana говоритъ, что существо, разъ потерявшее че-

ловѣческій обликъ, должно пройти черезъ 8 000 000 возрожденій, чтобы получить его вновь, проходя черезъ стадіи камней, растеній, водныхъ существъ, насѣкомыхъ, птицъ и животныхъ, людей низшихъ кастъ и браминовъ. Затѣмъ только оно сливается съ Брамой.

Потому обще всѣмъ индусамъ также и воззрѣніе на смерть, какъ на избавленіе отъ золъ этой жизни, связанное съ надеждой на возрожденіе въ лучшей будущей. Но духу передъ этимъ приходится совершать далекое странствіе, пока не достигнетъ онъ береговъ Ганга. Потому великимъ счастьемъ считается умереть или хотя быть сожженнымъ на берегахъ этой рѣки. Нѣтъ ничего удивительнаго, что по берегамъ Ганга, Джумны и другихъ его притоковъ путешественнику чаще, чѣмъ гдѣлибо, приходится видѣть сцены сожженія покойниковъ. Около Дели, на берегу Джумны, за городомъ, пройдя черезъ небольшую рощицу изъ Acacia Serossu, я увидѣлъ какъ-бы цѣлый покинутый лагерь догорающихъ костровъ. Подойдя ближе, я увидѣлъ, что каждый изъ нихъ содержалъ обуглившіеся трупы. Это было послѣ-полуденное время. Мѣстность была пустынна. Въ одномъ мѣстѣ лежали, фута въ полтора высотою, костры изъ дровъ, длиной съ желѣзно-дорожную шпалу. Въ другихъ такіе костры уже были объяты пламенемъ. Больше-же всего было костровъ догоравшихъ, состоявшихъ изъ 6—7 красныхъ головешекъ, и среди нихъ, представляя такую-же головешку, чернѣлъ запекшійся, на половину испепелившійся обгорѣлый трупъ. Почти нагой, темнокожій могильщикъ равнодушно ходилъ отъ одного догорающаго костра къ другому и длинною палкою помѣшивалъ ихъ—какъ помѣшиваетъ кочергою истопникъ догорающіе уголья камина. Гдѣ трупъ еще не испепелился, онъ бросалъ свѣжее полѣно и равнодушно переходилъ къ слѣдующему костру — будто здѣсь жарились не люди, а догорали обыкновенныя полѣнья. Такъ прозаиченъ этотъ обрядъ сожженія, обыкно-

венно такъ эффектно изображаемый на нашихъ иллюстраціяхъ.

Только передъ зажиганіемъ костра присутствуетъ болѣе народу. Тѣло, закутанное новымъ саваномъ, кладется на костеръ, между дровъ котораго помѣщается для отогнанія запаха сандальное дерево. Исключенный изъ касты браминъ бормочетъ молитву, и сынъ или ближайшій родственникъ, одѣтый въ новыя одежды, къ коцамъ которыхъ привязанъ желѣзный ключъ для удержанія злыхъ духовъ, зажигаетъ костеръ. Остатки пепла, по сожженіи, выбрасываются въ рѣку. Но обыкновенно отъ 2 до 4 дней тлѣетъ трупъ прежде чѣмъ превратиться въ пепелъ. Покончивъ погребеніе, сынъ омываетъ себя въ рѣкѣ и возвращается домой, гдѣ вопли женщинъ выражаютъ всеобщую скорбь. У индусовъ совершаются, такъ-же какъ и у насъ, поминки, а на 13-й день въ честь покойника приготовляется обѣдъ, въ которомъ принимаютъ участіе брамины.

Таковы общія всѣмъ индусамъ черты религіи. Если прибавить наслѣдіе буддизма—въ принципѣ признаваемое братство людей, милосердіе и состраданіе къ ближнему—снискавшіе даваемое индусу прозвище «кроткій индусъ», то мы и исчерпаемъ то немногое, что обще громадному населенію Индостана.

Англійскіе писатели находятъ, что индуизмъ наложилъ глубокую печать на народный характеръ. Онъ создалъ приниженное положеніе женщины. Кодексъ нашего Домостроя очень либеральный кодексъ по сравненію съ индійскимъ. Вотъ экстрактъ изъ наставленій прекрасному полу: «Мужъ есть религія жены, онъ долженъ быть единственнымъ предметомъ ея заботъ и занятій, онъ долженъ составлять для жены *все*. Она должна думать и размышлять о мужѣ своемъ какъ о Брамѣ. Всѣ паломничества ея должны ограничиваться ногами мужа. Его приказаніе для нея должно быть такъ-же свято, какъ наставленіе Ведъ. Мужъ жены долженъ быть ея богомъ. Когда онъ доволенъ, Брама доволенъ. Мужъ

есть духовникъ и наставникъ жены, ея гордость и честь, источникъ ея счастья, основатель ея благосостоянія, ея небо, ея освободитель отъ печали и грѣха». Потому женщина и ведетъ замкнутую жизнь, ея рожденіе есть несчастіе для нея и для семьи ея. Ея мечта—имѣть хорошаго мужа и сыновей, къ чему она стремится, совершая рядъ своеобразныхъ обрядовъ. Она въ полномъ смыслѣ рабыня мужа, и въ высшихъ классахъ общества ее могутъ посѣщать только въ присутствіи сестеръ мужа; она не смѣетъ разговаривать съ мужемъ днемъ, обѣдать съ нимъ за однимъ столомъ. Не стоитъ, я думаю, и говорить о томъ, что она является предметомъ тиранніи со стороны своей свекрови.

Но все-таки, говорятъ, эта жизнь есть рай по сравненію съ жизнью вдовы, не имѣюшей дѣтей. А такихъ вдовъ множество, такъ-какъ выдаютъ замужъ здѣсь чуть не грудныхъ дѣтей. Ея положеніе такъ тяжело, что чуть-ли не наилучшимъ исходомъ изъ него было-бы самосожженіе. И хотя этотъ варварскій обычай и запрещенъ англійскими законами еще въ 1830 году, послѣдній случай его былъ сравнительно недавно, въ 1880 г. Остающіяся въ живыхъ вдовы получаютъ не болѣе 1 обѣда въ день, причемъ 2 дня въ каждомъ мѣсяцѣ онѣ должны не ѣсть ничего. Онѣ не имѣютъ права носить никакого украшенія, лишены всякихъ удовольствій. Преслѣдованія родственниковъ доводятъ вдову иногда до самоубійства.

Неприличнаго характера религіозные культы развили въ массѣ народа воровство, безчестіе, ложь, неблагодарность, клятвопреступленія, жестокость, мстительность и безнравственность съ ранняго возраста. Если вы разозлите индуса, то вѣрность, честь, правда—все позабыто,—не оставляется мѣста другимъ чувствамъ, кромѣ желанія нанести вредъ врагу. Терминъ «кроткій индусъ» безъ сомнѣнія есть чистый сарказмъ. Индусы поддаются притѣсненію и переносятъ жестокости только потому, что они физически неспособны къ сопротивленію. Дайте имъ только случай от-

мстить за себя или оказать это сопротивленіе—и они окажутся болѣе мстительными, чѣмъ какая-либо другая раса земного шара. Правда, они не употребляютъ ножа или меча, но они прибѣгаютъ къ яду и, что еще хуже, къ яду собственнаго языка, полнаго лжи. Но въ индусѣ есть и достоинства: это братская любовь, милосердіе, выражающееся милостынею, большое терпѣніе, изобрѣтательность и трудолюбіе.

Таковъ отзывъ о народѣ этомъ близко знакомыхъ съ нимъ англичанъ.

Что въ немъ есть доля правды—это несомнѣнно. За мое кратковременное пребываніе въ Индіи, я имѣлъ случаи наталкиваться на многочисленные случаи лживости, желаніе обмануть, злословить и—въ прислугѣ—взваливать самые грязныя и гнусныя обвиненія на своихъ господъ, кромѣ добра ей ничего не дѣлавшихъ. Такъ, напр., слуга одного изъ моихъ товарищей, получавшій отъ него столь щедрое вознагражденіе, что слуга нашолъ выгоднымъ провожать его на все время нашего путешествія, уличенный имъ однажды въ куреніи опіума,—такъ разозлился на своего хозяина, что сталъ направо и налѣво разсказывать, что его увезли силою и не платятъ жалованья. Travelling servants считаютъ своимъ долгомъ, пользуясь незнаніемъ языка и мѣстныхъ условій, обманывать своихъ хозяевъ—и обсчитывать, гдѣ и какъ возможно. Наконецъ, почти всѣ безъ исключенія наши индійскіе слуги, разъ мы къ нимъ не примѣнили суроваго англійскаго обращенія, — въ самое короткое время дотого деморализировались, что ихъ невозможно бывало оставить даже на короткое время путешествія по Индіи.

Зато я никогда не забуду того вниманія и нѣжности, какія выказывали мнѣ эти и часто даже посторонніе люди, когда, упавши съ лошади и расшибшись, я нѣсколько дней лежалъ больной въ Гималайской деревнѣ. Такого вниманія, нѣжности и заботливости мнѣ не приходилось видѣть въ Россіи отъ людей, жившихъ со

мною годы и связанныхъ интересами, гораздо большими, чѣмъ эти, на нѣсколько дней съ улицы взятые люди. Но, мнѣ кажется, читатель не долженъ забывать, что приведенная выше характеристика есть характеристика англичанина, характеристика покоренныхъ, сдѣланная покорителями.

Кто знаетъ, какъ смотритъ средній англичанинъ на индуса, кто видѣлъ, что для него это не человѣкъ, а животное, съ которымъ и обращаться надо какъ съ таковымъ, тотъ пойметъ, что оскорбленное чувство самолюбія слабаго не можетъ выразиться къ сильному иначе, какъ въ формѣ мстительности, какъ въ видѣ мести злословіемъ, ложью, обманомъ и другими средствами безоружнаго слабаго. Но пользуйся индусы ядомъ въ такой степени, какъ ихъ обвиняютъ, они давно-бы устроили въ Индіи Варѳоломѣевскую ночь, такъ-какъ во всей имперіи нѣтъ ни одного бѣлаго повара и ни одинъ англичанинъ не заботится о томъ, что и какъ готовитъ ему его индусъ. Вѣрныхъ, честныхъ и преданныхъ слугъ въ Индіи не меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и если индусъ часто страдаетъ вышеуказанными недостатками, то причина тому не національный характеръ, а ненависть къ угнетающимъ чужеземцамъ и глубокое невѣжество, благодаря которому никакая религія не исправитъ индуса, пока свѣтъ знанія не просвѣтитъ его темный умъ.

Другая сторона описываемыхъ нами явленій еще напрашивается на разсмотрѣніе. Несмотря на все безобразіе многихъ толковъ и сектъ Индіи, невольно напрашиваются они на сравненіе съ толками нашихъ раскольниковъ. Въ суевѣріяхъ народа нашего вездѣ мы видимъ зародыши тѣхъ явленій, которыя на тропической нивѣ Индіи развились въ тѣ дѣвственные лѣса человѣческихъ предразсудковъ, нѣсколько образцовъ которыхъ я здѣсь привелъ, какъ результатъ собственныхъ наблюденій. И тутъ, и тамъ причина ихъ та-же. Индія не имѣетъ господствующей церкви, какъ не имѣютъ ее и многіе наши

раскольники. И вотъ ничѣмъ не сдерживаемая народная фантазія и дробитъ когда-то внесенныя арійцами вѣроученія на тысячи сектъ, особенности которыхъ вызываются міросозерцаніемъ погруженныхъ въ мракъ невѣжества сынов природы.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

На чайныхъ плантаціяхъ Кангры.

Невозможность въ остававшееся для экспедиціи короткое время осмотрѣть всѣмъ вмѣстѣ всѣ чайные округи западныхъ Гималаевъ вынудила насъ раздѣлиться въ Сахарампурѣ. Я вмѣстѣ съ г. Симонсономъ отправился изъ Сахарампура на крайній западъ, въ округъ Кангру, на границу Кашемира; остальные предпочли изучать болѣе доступные округа Кумаона. Пришлось около сутокъ двигаться по с.-з. желѣзнымъ дорогамъ, столь-же благоустроеннымъ, какъ и всѣ индійскія, но наиболѣе непріятнымъ для переѣздовъ. Здѣсь Индія дѣлается уже совершенно подобной Туркестану и на пути между Амрицаромъ и Сахарампуромъ мало-по-малу исчезаютъ и сѣрыя Acacia arabica, такъ похожія на Acacia nilotica Египта, и тамариски; поѣздъ мчится по солончаковымъ и глинистымъ пустынямъ, напоминающимъ окрестности Мерва и обработаннымъ лишь близъ береговъ рѣкъ, довольно часто пересѣкающихъ желѣзнодорожный путь. Воздухъ сухъ, его насыщеніе парами достигаетъ крайняго minimum'а, онъ жгучъ даже въ вагонѣ, и плетеныя увлажняющія колеса въ стѣнкахъ вагона мало содѣйствуютъ смягченію этого сухого, палящаго зноя и не устраняютъ врывающейся къ вамъ пыли. Русскій солдатъ, сдѣлавшій хи-

винскій походъ или ахалъ-текинскую экспедицію, будетъ здѣсь себя чувствовать въ знакомой обстановкѣ, совершенно чуждой солдату англійскому, изнѣженному въ обращенныхъ въ казармы индійскихъ дворцахъ, привыкшему къ регулярной діэтѣ и прислугѣ. Не это-ли причиною, что здѣсь индійскія власти отличаются особою бдительностью? Это было единственное мѣсто въ Индіи, гдѣ съ насъ спросили наши документы и притомъ такъ неожиданно и грубо, какъ этого никогда не случится въ Россіи, надъ паспортною системою которой такъ любятъ издѣваться сыны туманнаго Альбіона. Къ намъ въ вагонъ внезапно явился жандармъ и потребовалъ паспорта. На мое замѣчаніе, что, насколько мнѣ извѣстно, въ британскихъ владѣніяхъ, паспортной системы не существуетъ— онъ возразилъ, что безъ паспортовъ насъ дальше ѣхать не пустятъ. Между тѣмъ станція, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, была пограничная станція полунезависимаго, вродѣ нашей Бухары, государства Индіи, какихъ еще много имѣется на подробныхъ картахъ Индостана, но о существованіи коихъ извѣстно весьма немногимъ. Здѣсь, кажется, менѣе чѣмъ гдѣ-либо могли соваться въ дѣла проѣзжающихъ англійскіе блюстители порядка. Показанныя нами англійскія свидѣтельства отъ удѣльнаго вѣдомства заставили англичанина немедленно разсыпаться въ тысячахъ извиненій и выдумать какую-то ложь, по поводу необходимости давать свѣдѣнія русскому правительству о нашихъ передвиженіяхъ по Индіи. Мы, конечно, не стали опровергать наивной выдумки англичанина, тѣмъ болѣе, что раздался свистокъ и поѣздъ двинулся далѣе; но я считалъ нужнымъ привести здѣсь этотъ эпизодъ для того, чтобы соотечественники, желающіе путешествовать по Индіи, не вѣрили, что въ свободныхъ странахъ англійскаго владычества можно странствовать безъ документовъ, безъ риску нарваться на непріятность.

Въ Амрицарѣ поѣздъ стоитъ, ожидая поѣзда побочной вѣтви на Петанкотъ, болѣе 4-хъ часовъ. Вообще, чѣмъ

ближе къ Россіи, тѣмъ болѣе возростаетъ медленность движенія и продолжительность остановокъ индійскихъ дорогъ, и когда Закаспійская область будетъ соединена желѣзно-дорожной линіей съ дошедшими уже до Кабула дорогами англійскими, путешественникъ, проѣхавъ черезъ сѣверо-западныя провинціи Индостана, не будетъ слишкомъ пораженъ нашими единственными въ мірѣ порядками, позволяющими начальникамъ движенія и оберъ-кондукторамъ во время остановокъ на полустанкахъ нетолько обѣдать, но и повѣрять ихъ начальникамъ всѣ собранныя по пути новости.

Мы воспользовались остановкою въ Амрицарѣ, городѣ уже чисто туркестанскаго облика, но съ прекраснымъ, разбитымъ англичанами скверомъ, чтобы посѣтить знаменитый золотой храмъ сикховъ, лучшій изъ храмовъ послѣдователей религіи, съ сущностью которой я уже познакомилъ читателей въ одномъ изъ предшествовавшихъ писемъ. Это продолговатое зданіе съ золотымъ куполомъ, расположенное среди пруда, производитъ впечатлѣніе скорѣе какого-то громаднаго павильона, чѣмъ храма. Но оно очень изящно. Мы попали во время богослуженія, состоявшаго изъ пѣнія духовныхъ стиховъ и проповѣдей, причемъ часть молящихся обходила внутри храма, украшенная цвѣтами, образуя нѣто вродѣ сомкнутаго крестнаго хода или хоровода. При выходѣ насъ одаряли крупными друзами кристалловъ сахара; значеніе этихъ даровъ мнѣ осталось непонятнымъ.

Лавки Амрицара переполнены произведеніями Бухары, съ которою здѣшній край ведетъ торговыя сношенія. Населеніе здѣсь, какъ въ Бухарѣ, носитъ громадныя бѣлыя чалмы, но бѣлыя одежды отличаютъ костюмъ здѣшнихъ жителей отъ подданныхъ эмира. Они кромѣ того гораздо выше и прекрасно сложены. Вообще, здѣсь на сѣверозападѣ Индіи населеніе уже совершенно непохоже на то, что вы видите въ Бомбеѣ или Агрѣ. Черномазыхъ физіономій нѣтъ. Это красивая, благородная смѣсь арій-

скаго и тюркскаго племени. Вѣдь это былъ тотъ уголъ Индостана, куда одинъ за другимъ вторгались завоеватели съ запада. Здѣсь осѣла главная масса арійцевъ, прогнавъ въ горы аборигеновъ. Волны скиѳскихъ завоевателей остановились здѣсь-же. Позже, въ 1000-хъ годахъ нашей эры, сюда стремились тюркскіе, мугальскіе и наконецъ афганскіе завоеватели. Я не считаю уже эфемернаго появленія грековъ и арабовъ. Всѣ эти народности дали смѣсь чисто бѣлыхъ племенъ и, несмотря на загаръ, придающій смуглость красивымъ лицамъ здѣшнихъ индусовъ—вы въ нихъ видите вездѣ представителей родственнаго вамъ кавказскаго племени. Страны постоянныхъ войнъ, сѣверо-западныя провинціи воспитали рослыхъ и статныхъ воиновъ, мало похожихъ на субтильное и слабое населеніе другихъ частей Индіи. Мастера дѣлать самыя тонкія издѣлія изъ желѣза, мечи, копья и щиты, эти воинственные раджпуты, эти сикхи—истые магометанскіе фанатики по догматамъ своей гибридной религіи, несмотря на индійскій костюмъ свой, по духу культуры напоминаютъ вамъ нѣчто кавказское, хотя въ совершенно иномъ родѣ.

Пересѣвъ на побочную вѣтку, шедшую на станцію Петанкотъ, мы стали приближаться къ Гималаямъ. Горы эти въ сущности давно уже виднѣлись и съ равнины, но закутанныя въ облака въ описываемое время года онѣ не производили сильнаго впечатлѣнія. Приближеніе къ нимъ выражалось только увеличеніемъ влажности воздуха и почвы, появленіемъ давно не виданной зеленой муравы на откосахъ желѣзныхъ дорогъ и большого числа деревьевъ — обычныхъ, похожихъ на осину Dalbergia sisoo, Acacia arabica и тамарисковъ. Только станціи блистали убранствомъ тропической флоры. Ихъ хорошенькіе скверы поражали яркими, пестролистыми Croton, усыпанными желтыми цвѣтами Bignonia, развѣсистыми, перистыми Pride of India, китайскими розами и другими эффектными декоративными растеніями юга.

Выѣхавъ около 10 часовъ изъ Амрицара, мы къ 4 прибыли въ Петанкотъ, откуда далѣе намъ предстояло уже ѣхать на колесахъ, на туземныхъ экипажахъ, такъ-называемыхъ эккахъ. Экка—это миніатюрная двухколесная арба, въ которую впрягается лошадь. На нихъ нѣтъ отдѣльнаго сидѣнія для сѣдока или кучера: экка состоитъ изъ небольшого квадрата, на который сѣдокъ можетъ усѣсться только поджавши ноги по-турецки. Тогда для кучера останется небольшое мѣсто спереди, причемъ свои ноги онъ можетъ или свѣсить прямо подъ хвостъ лошади, который можетъ сгонять мухъ съ его лица, или положить ихъ на одну изъ оглоблей. Отродясь я еще не видѣлъ экипажа болѣе неудобнаго. Въ довершеніе всего, надъ этой маленькой площадкой, гдѣ тѣснятся сѣдокъ и кучеръ, устроенъ еще холщевой навѣсъ на 4-хъ рѣзныхъ столбикахъ, обнесенный такою-же рѣшеточкою, придающею эккѣ издали чрезвычайно красивый видъ, но горе пассажиру, когда такой экипажъ тронется въ путь. Обладая тряскостью обыкновенной арбы, не позволяя ни сѣсть, ни лечь, ни дѣть куда-либо свои ноги, онъ дозволяетъ одно—прислониться къ одному изъ столбиковъ его изящнаго навѣса. Но тутъ выступы столбиковъ острыми краями своими при каждомъ толчкѣ наносятъ вашей спинѣ и бокамъ такіе удары, послѣ которыхъ даже употребляемые теперь у насъ на югѣ колонистскіе фургоны—этотъ также своего рода инквизиціонный инструментъ—можно признать сноснымъ экипажемъ. Словомъ, всякій европеецъ, путешествовавшій на эккѣ, я думаю, согласится со мною, что экипажъ этотъ могъ-бы занять почетное мѣсто на выставкѣ орудій, изобрѣтенныхъ человѣчествомъ для пытки себѣ подобныхъ въ темные вѣка варварства.

Къ счастью, разстояніе, которое намъ приходилось проѣхать въ первый день, было невелико. До ближайшаго докъ-бунгалоу, какъ называютъ здѣсь станціи, было всего 18 верстъ, и хотя я прошолъ добрую половину этого пути

пѣшкомъ, не будучи въ состояніи выносить мученій, причиняемыхъ эккою, и хотя было уже темно, когда мы достигли станціи, мы не были особенно измучены. Тѣмъ не менѣе мы все-таки были слишкомъ утомлены, чтобы оцѣнивать по достоинству тѣ восхитительные ландшафты и картины растительности, которыя одна за другой развертывались передъ нашими глазами. Это была какая-то странная смѣсь ранней весны и поздней осени. Половина деревьевъ стояла голая, другая была одѣта густою темною листвою. Дорога сперва была обсажена густыми развѣсистыми темнолистыми шелковицами, темная зелень которыхъ смѣнялась мѣстами сизою зеленью акацій, мѣстами Dahlbergia sisoo. Тамъ и сямъ возвышались громадные, еще голые Bombax heptaphyllum со звѣздами пурпурныхъ цвѣтовъ, 5-ти-лучевыхъ, съ тарелку величиною, или также голые, снизу доверху усыпанные громадными бѣлыми какъ у магнолій цвѣтами Bauhinia. Поля стояли или желтыя отъ поспѣвшей пшеницы, или совершенно обнаженныя, съ сухимъ глинистымъ грунтомъ. Но на пустыряхъ возвышались всюду низенькіе кустики колючаго мелколистаго жасмина. Его маленькіе невзрачные звѣздочки-цвѣточки не обращали-бы на себя вниманія, еслибы не издавали необыкновенно сильнаго запаха, напоявшаго всю атмосферу. Этотъ запахъ доводилъ просто до одуренія, онъ силою своею превосходилъ запахи всѣхъ извѣстныхъ мнѣ жасминовъ, и чѣмъ сильнѣе сгущались надъ нами ночныя тѣни, тѣмъ болѣе и болѣе усиливался этотъ запахъ.

Упоенные имъ, уже во мракѣ ночи достигли мы до такъ-называемой докъ-бунгалоу.

Мы были въ предгоріяхъ Гималаевъ. Мѣсто, гдѣ было расположено селеніе, гдѣ была станція, лежало на первомъ увалѣ, стоявшемъ въ длинной грядѣ такихъ уваловъ, составляющихъ такъ-называемый Субгималайскій хребетъ. Мы были въ округѣ, гдѣ два дня пути не встрѣтишь ни одного европейца, среди чисто туземнаго

горскаго населенія, пограничнаго съ Кашмиромъ и другими близкими къ нашимъ среднеазіатскимъ странамъ владѣніями. Населеніе странъ этихъ, какъ мы видѣли, даже по крови было родственно имъ. Потому естественно было ожидать, что и обстановка путешествія будетъ напоминать нашу туркестанскую. Ничуть не бывало. Я не знаю ни одного мѣста въ Россіи, гдѣ были-бы такіе гладкіе, какъ скатерть шоссе, по какимъ намъ приходилось ѣхать этотъ и два послѣдующихъ дня. Я не знаю, гдѣ были-бы переброшены (кромѣ развѣ Крыма) такіе прекрасные каменные мосты черезъ рѣки и гдѣ наконецъ усталый путникъ могъ-бы переночевать съ такими удобствами, какъ въ этихъ докъ-бунгалоу.

На горѣ, пользуясь чуднымъ видомъ, стоитъ одноэтажный бѣленькій домикъ съ громадною верандою и креслами качалками. Минуя ее, вы входите въ прохладную комнату, гдѣ стоитъ столъ и нѣсколько стульевъ. Черный слуга спрашиваетъ васъ, что вамъ приготовить къ ужину и на-завтра. Четыре двери ведутъ въ 4 отдѣльныя комнаты, гдѣ есть кровати съ пологами и къ которымъ примыкаетъ ванная комната и клозетъ—эти необходимѣйшія изъ удобствъ каждаго англо-индійскаго ust haus'а. Какъ у себя въ Лондонѣ или Ливерпулѣ, проснувшись и вымывшись, англичанинъ имѣетъ на столѣ яичницу, горячія бараньи котлеты и чай, къ обѣду, помимо супу и жаркого, soda water или gonger ale—и все это за тысячи верстъ отъ ближайшаго города, гдѣ есть его соотечественники, Богъ знаетъ какъ далеко отъ метрополіи. Почему ничего подобнаго не найдетъ русскій путешественникъ хотя-бы на такомъ богатомъ трактѣ, какъ сибирскій, одно воспоминаніе о которомъ—одинъ извѣстный и бывалый американецъ уподобляетъ тяжелому кошмару, и на станціяхъ котораго, я это знаю по личному опыту, иногда расположенныхъ въ большихъ селеніяхъ, проѣзжій не можетъ надѣяться найти удобства, какихъ въ правѣ-бы была потребовать любая собака! Не лежитъ-ли

это въ томъ, что англичанинъ стремится заставить окружающее приспособиться къ себѣ, русскій-же приспособляется къ окружающему, хотя-бы приспособленіе это низводило его на самую низшую степень культуры.

Описаннаго типа докъ-бунгалоу съ самыми ничтожными варіаціями вы встрѣчаете повсюду въ Индіи и на Цейлонѣ, и потому какъ-бы тяжелы ни были условія передвиженія, вы всегда можете разсчитывать найти на станціи настоящій отдыхъ и возстановленіе силъ, чего, увы, нельзя сказать про грязныя, кишащія клопами, переполненныя проѣзжими станціи нашего отечества, одна мысль объ обстановкѣ которыхъ заставляетъ предпочесть остаться сидѣть, въ ожиданіи перепряжки лошадей, въ тарантасѣ.

Переночевавши на этой станціи (въ мѣстечкѣ Нурпуръ), на слѣдующій день мы отправились далѣе. Отказавшись на-отрѣзъ подвергать себя пыткамъ въ эккѣ, я потребовалъ верховыхъ лошадей, называемыхъ здѣсь почему-то poni. Названіе это, впрочемъ, подходило для роста тѣхъ несчастныхъ клячъ съ ужасными сѣдлами, какихъ намъ предоставили жители Нурпура. Даже донъ-кихотовскій Россинантъ поднялъ-бы высоко свою голову, взглянувши на этихъ животныхъ. Но все-же это было лучше экки. По восточному обычаю, за каждой лошадью бѣжалъ проводникъ, но увы, или ноги людей были неутомимѣе ногъ животныхъ — или, вѣрнѣе, и тѣ и другія были очень скоро *утомимы*, но мы весь день двигались почти шагомъ, чтобы сдѣлать какія-то несчастныя 40 верстъ, отдѣлявшія насъ отъ слѣдующаго крупнаго селенія Тахпура. Дорога становилась все холмистѣе и живописнѣе. Было меньше культуры и болѣе природы. Тамъ и сямъ дорога проходила сквозь рощи гималайскихъ сосенъ, роскошнаго высокаго дерева съ круглою кроною тонкихъ длинныхъ пышныхъ хвой, болѣе тонкихъ, чѣмъ хвои кедра и веймутовой сосны. Эта субтропическая сосна, Pinus langifolia, съ ея подлѣскомъ изъ душистыхъ

гималайскихъ жасминовъ, внезапно смѣнялась холмами или каменистыми долинами, заросшими исполинскими, по росту не уступавшими деревьямъ молочайниками. Это были подобія громадныхъ вѣтвистыхъ канделяброобразныхъ кактусовъ сѣро-зеленаго цвѣта, между которыми ютились, ростомъ съ наши кусты сирени, усыпанные бѣлыми и розовыми цвѣтами олеандры. Ландшафты сосноваго бора сѣвера смѣнялись пейзажемъ Мексики или испанской мезеты, чтобы опять уступить мѣсто лѣсамъ изъ лиственныхъ деревъ, теперь стоящимъ совершенно голыми, какъ раннею весною, или красными отъ развертывающихся листиковъ дерева Schorea robusta или развертывающихся на концахъ голыхъ колючихъ вѣтвей пурпурныхъ Erythrina. Только склоны рѣчныхъ долинъ, подъ которыми извивалась дорога, были одѣты зеленѣющими кустарниками съ яркихъ колеровъ тропическими цвѣтами, да одиноко гдѣ-нибудь на выдающемся холмѣ или перепутьи возвышала свою громадную, дающую тѣнь крону индійская смоковница, свѣшивая съ вѣтвей своихъ пучки воздушныхъ корней.

Постепенно поднимаясь, мы приблизились къ селенію Тахпуръ. Не задолго до того мнѣ повстрѣчались первыя чайныя плантаціи туземцевъ. Онѣ мнѣ живо напомнили наши ягодные огороды, разбитые подъ сѣнью фруктовыхъ деревьевъ. Ограды, сложенныя изъ камня, окружавшія такіе чайные огороды, были увиты вѣтвистой, полувьющейся розою, очень похожею на розы Мингреліи, но дающею на концахъ вѣтвей цѣлые букеты цвѣтовъ. Въ Тахпурѣ мы ночевали. Здѣсь уже всѣ окрестности были покрыты чайными кустами, хотя кусты эти плохого качества. Имъ сухо и многіе изъ нихъ прятались искусственно. Имѣя нѣсколько свѣтлыхъ часовъ до наступленія вечера, я сдѣлалъ съ В. О. Симонсономъ небольшую прогулку въ окрестностяхъ селенія, и тутъ совершенно неожиданно впервые увидѣлъ Гималаи—или вѣрнѣе, ту часть этой величественной цѣпи, которая но-

ситъ названіе Dhaoladhar'ской, во всемъ ея величіи. Мы шли по долинѣ, сухой, выжженной, но на которой около селеній зеленѣли шелковицы, высокіе эффектные букеты бамбука, темная зелень манговыхъ деревьевъ и, среди полей, одинокія группы индійской финиковой пальмы — здѣсь эффектнаго стройнаго дерева, только діаметромъ кроны своей немного уступающаго своимъ африканскимъ сестрамъ.

Къ югу отъ насъ горизонтъ загораживали темныя, одѣтыя лѣсомъ, увѣнчанныя облаками горы, по высотѣ производившія впечатлѣніе кавказскаго хребта, какимъ онъ выглядитъ изъ Владикавказа. Каково-же было наше изумленіе, когда вдругъ вѣтеръ, разорвавши густую завѣсу облаковъ, неожиданно открылъ передъ нами загораживавшую болѣе трети неба, усыпанную бѣлымъ снѣгомъ, скалистую, увѣнчанную бѣлоснѣжными пиками стѣну, передъ которою эти казавшіяся величественными передовыя темныя горы показались пигмеями. Я видѣлъ Кавказъ съ Латпарскаго перевала и ущелій Ингура, я созерцалъ Альпы съ Церметта и долины По, съ многихъ пунктовъ наблюдалъ я величественнѣйшія панорамы Тянь-Шаня въ области высочайшихъ частей Мусъ-Тага, но я не знаю ничего, что могло-бы сравниться съ грандіозностью этого царя хребтовъ. Буквально шапка валится съ головы, когда вы смотрите на эту каменную, усыпанную снѣгомъ стѣну, около которой, какъ духи, плаваютъ облака высоко надъ плѣшивыми вершинами грандіознаго Субгималайскаго хребта. И эти снѣга на фонѣ голубого неба представляютъ странный контрастъ съ колыхающимися вершинами финиковыхъ пальмъ и высокими бамбуками сухой и жаркой долины Тахпура.

Населеніе этой деревушки могло-бы служить типомъ жителей округа Кангры. Смѣсь изъ магометанъ и индусовъ, браминовъ и лицъ другихъ кастъ, оно въ сущности только по имени является исповѣдующимъ эти религіи. Въ сущности здѣсь, какъ и вездѣ въ западныхъ Гималаяхъ, народъ еще остается при вѣрованіяхъ своихъ пер-

вобытныхъ предковъ, въ которыхъ фигурируютъ невидимые духи—олицетворенія силъ природы и, главнымъ образомъ, культъ предковъ. Мало-мальски выдающіеся герои, люди, совершившіе добрыя или злыя дѣянія, по смерти дѣлаются добрыми или злыми демонами, такъ или иначе вліяющими на жизнь людей. Болѣзни здѣсь также считаются за дѣянія особыхъ духовъ, точно также какъ деревья и змѣи являются предметами поклоненія; послѣднимъ, вызывая ихъ звуками флейтъ, приносятъ иногда въ жертву молоко. Многочисленный пантеонъ этихъ мелкихъ, неимѣющихъ храмовъ божковъ является предметомъ народнаго культа; такъ-называемый-же браманизмъ съ его описанными нами выше культами есть здѣсь, такъ сказать, только оффиціальная религія.

Населеніе, живущее въ горахъ, состоитъ изъ погруженныхъ въ суевѣрія горцевъ, живущихъ въ шалашахъ, играющихъ роль дровосѣковъ и носильщиковъ тяжестей, сильнаго и мускулистаго народа, одѣтаго въ грубыя, изъ домашней шерстяной ткани одежды. Это они приносятъ изъ высокихъ загималайскихъ областей каменную соль громадными глыбами. Они рубятъ и поставляютъ дрова изъ высокихъ еловыхъ и дубовыхъ заоблачныхъ лѣсовъ. Остальные жители округа Кангры, и Тахпура въ томъ числѣ, обыкновенно живутъ небольшими поселками, разбросанными по живописнымъ предгоріямъ и долинамъ. Большихъ деревень здѣсь почти нѣтъ—зато много хуторовъ. Каждый человѣкъ живетъ на своемъ хуторѣ, занимая для него мѣсто по своему вкусу — обыкновенно расположенное на солнце и защищенное отъ вѣтра. Домики сложены изъ глиняныхъ, высушенныхъ на солнцѣ кирпичей, чаще всего 2-хъ-этажные. Въ нижнемъ этажѣ живетъ семья, верхній является кладовою для зерна. Въ дождливое время года тамъ-же помѣщаются и спальни. Домики содержатся въ чистотѣ; они окружены обыкновенно небольшими палисадниками съ деревьями; съ одной стороны дома загонъ для коровъ и быковъ, съ другой—

для козъ и барановъ. Зажиточный хозяинъ обладаетъ обыкновенно однимъ или двумя буйволами, которыхъ держитъ большею частью отдѣльно. Самое высокое мѣсто и самыя высокія постройки въ деревнѣ принадлежатъ браминамъ. Стѣны домовъ обыкновенно бѣлятся, какъ у нашихъ хатъ, и вымазываются глиною. Стропила и балки, соединяющія верхъ нижняго этажа и низъ верхняго, выступаютъ надъ нижнимъ и даютъ навѣсъ для веранды, окружающей постройку. Въ верхній этажъ, какъ сказано, играющій роль кладовой, ведетъ изъ одной, предназначенной для подобной-же цѣли комнаты нижняго этажа, родъ грубой лѣстницы. Родъ вымощенной площадки передъ домомъ играетъ роль тока, гдѣ молотятъ хлѣбъ, выжимаютъ масло, чистятъ рисъ и т. п.

Домикъ мелкаго землевладѣльца—или земиндара, какъ ихъ здѣсь называютъ, представляетъ весьма живописное зрѣлище. Въ округахъ Seoraj и Wezari такіе владѣльцы имѣютъ дома до 4 этажей высоты. Внутренность комнатъ не отличается, однако, особеннымъ убранствомъ. Собственно въ Кангрѣ, во время господства сикховъ, земледѣльческіе классы пользовались обыкновенно глиняными сосудами для варки или потому, что они были слишкомъ бѣдны, чтобы имѣть болѣе дорогую утварь, или потому, что просто боялись ее показывать. Теперь каждый домъ имѣетъ мѣдную посуду или оловянную—смотря по вкусу.

Спятъ обыкновенно на полу, на циновкахъ изъ рисовой соломы, иногда покрывая ихъ или постилая на нихъ старое платье.

Пищею служитъ главнымъ образомъ кукуруза и пшеничныя лепешки, напоминающія наши кавказскіе лавати. Въ предгоріяхъ, гдѣ можетъ расти рисъ, питаются и этимъ хлѣбомъ, продавая, впрочемъ, чистый—и оставляя отбросы для собственнаго употребленія. На высотахъ употребляютъ родъ грубаго ячменя. Но любимѣйшимъ хлѣбомъ здѣсь бываетъ кукуруза, и съ мая по сентябрь она въ постоянномъ употребленіи; остальное время года преобладаетъ пшеница.

Рыба изъ горныхъ рѣкъ составляетъ также любимую пищу здѣшнихъ жителей. Напротивъ, мясо сравнительно рѣдко и только зажиточные люди употребляютъ по праздникамъ козлятину. Заисключеніемъ бѣднѣйшихъ классовъ, всѣ пьютъ водку, такъ-называемую ghi, но ее пьютъ обыкновенно потихоньку и никто не признается въ ея употребленіи. Въ округахъ Spiti и Lahul варятъ родъ пива—такъ-называемаго luyri, котораго нѣсколько сортовъ, въ зависимости отъ того, варится-ли оно изъ меду, или изъ пшеницы. Его заставляютъ бродить дрожжами, привезенными изъ Ладака. Пища чернорабочихъ чрезвычайно неприхотлива. Нѣсколько разъ въ день рисъ съ приправою кое-какихъ кореньевъ и вода—ихъ единственная пища, соломенная циновка—единственная мебель, и мѣдная чашка—единственная утварь въ жильѣ, болѣе похожемъ на конуру или сторожку бахчевника и служащемъ для помѣщенія иногда цѣлой семьи.

Одежда народа состоитъ у бѣднѣйшихъ классовъ изъ маленькой шапочки для закрытія головы, куртки (безрукавки), длиною доходящей до бедеръ (kurti), или похожей на нее одежды, но болѣе длинной, достигающей колѣнъ (cholu), и пары короткихъ breeches. Вдобавокъ крестьяне носятъ еще кусокъ матеріи (pâtu), въ жаркое время свертываемый въ видѣ тюрбана для защиты головы отъ солнца, зимою-же—какъ плащъ. Башмаки (juta) заисключеніемъ сырого времени года, носятся всѣми.

Женскій костюмъ живописнѣе. Индійская женщина носитъ обыкновенно накидку для груди (choli), очень длинныя панталоны (sathan) и складчатую мантилью (dopata), которая, какъ платки нашихъ женщинъ, накидывается и на голову.

Обыкновенно цвѣта этихъ костюмовъ бѣлые или темные, но въ праздники, хотя покрой одежды и остается тѣмъ-же самымъ, края украшаются серебряною или золотою каемкою—или самая одежда дѣлается очень яркихъ цвѣтовъ, подобранныхъ съ большимъ вкусомъ. На

мѣсто простой бѣлой dopata или мантильи набрасывается пунцовая или желтая, надѣваются многочисленныя украшенія: серьги въ уши и носъ, различные браслеты и т. п. Только незамужнія дѣвушки и вдовы не носятъ носовыхъ серегъ. Вмѣсто металлическихъ, часто носятъ стеклянные браслеты. Не однѣ женщины, но и мужчины большіе охотники до яркихъ цвѣтовъ одежды, ушныхъ серегъ и золотыхъ и серебряныхъ колецъ и браслетовъ. Народъ имѣетъ открытое, веселое обращеніе, весьма послушенъ и почтителенъ, отзывчивъ на ласку и вспыльчивъ отъ дурного обращенія. Семейный строй здѣсь нѣсколько отличается отъ индійскаго. Хотя поліандріи, какъ у тибетцевъ, здѣсь и не наблюдается, но бываютъ случаи продажи женъ и полигамія довольно частое явленіе у всѣхъ кастъ. Но въ общемъ это та-же самая индійская семья, что и на равнинѣ и въ Бенгалѣ — семья по строю своему крайне напоминающая великорусскую крестьянскую семью. Все управленіе, вся власть, всѣ деньги находятся въ распоряженіи отца семейства или старѣйшаго члена семьи. Всѣ остальные находятся у него въ полномъ повиновеніи, играя роль дѣтей и батраковъ хозяйства—въ какомъ-бы возрастѣ они ни были. Отецъ самодержавно управляетъ семьею, представляя ея консервативный элементъ. Онъ придерживается старой религіи, старыхъ обычаевъ, противится прогрессивнымъ стремленіямъ дѣтей и врагъ новшествъ и непроизводительныхъ тратъ. Его жена—это хозяйка въ домѣ; она стряпаетъ кушанья, командуетъ женскимъ персоналомъ дома, и отъ нея достается молодымъ женамъ сыновей гораздо больше, чѣмъ нашимъ молодымъ крестьянскимъ женщинамъ отъ ихъ свекрови. Онѣ вмѣстѣ съ дочерьми и золовками живутъ въ женской половинѣ дома, не выходя днемъ къ мужчинамъ. Жена днемъ не смѣетъ разговаривать со своимъ мужемъ, сидѣть съ нимъ за однимъ столомъ и раздѣлять трапезу. Сыновья — работники въ семьѣ, дочери—источникъ расхода. Этимъ опредѣляется

отношеніе къ нимъ съ самаго рожденія — и если-бы не прирожденная мягкость индуса, положеніе женщины здѣсь было-бы ужасно. Сыновья распредѣляются отцомъ на работы въ хозяйствѣ или отправляются на заработки — отдавая заработанныя деньги отцу. Родители отдаютъ дочерей замужъ и женятъ сыновей. 12-лѣтняя дѣвушка — уже зрѣлая невѣста. Обыкновенно ее отдаютъ замужъ гораздо ранѣе, до наступленія половой зрѣлости — и она живетъ въ семьѣ нѣсколько лѣтъ прежде чѣмъ сдѣлается женою своего мужа. Положеніе вдовы до сихъ поръ плачевное. Если теперь и не сожигаютъ вдовъ, то онѣ принуждены вести остатокъ жизни аскетически, въ постѣ и молитвѣ и уходѣ за малолѣтними членами семьи.

Кромѣ этихъ естественныхъ членовъ семьи, въ каждомъ индійскомъ семействѣ видную роль играетъ браминъ и гуру или домашній учитель. Первый смотритъ за домашними пенатами. Онъ имъ молится, одѣваетъ и кормитъ ихъ. По его иниціативѣ отъ времени до времени индійскіе боги дѣлаютъ визиты въ крестьянскую семью. Лѣпится изъ глины идолъ и несется въ храмъ. Путемъ молитвъ просятъ бога войти въ сдѣланное изображеніе, которое съ торжествомъ несется въ домъ, гдѣ и остается 2—3 дня, посвященные празднествамъ и торжествамъ, въ которыхъ, конечно, участвуютъ брамины. Затѣмъ чучело относятъ обратно въ храмъ. Духъ покидаетъ идола и съ этой минуты идолъ этотъ есть опять кусокъ глины, который бросаютъ въ рѣку наподобіе того, какъ у насъ сжигаютъ чучело зимы на масляницѣ въ захолустныхъ деревняхъ сѣверной Россіи. Другимъ необходимымъ членомъ семьи является гуру или домашній учитель. Не нужно, однако, подъ этимъ именемъ разумѣть чего-либо подобнаго домашнему наставнику. Нѣтъ, это скорѣе духовникъ молодого поколѣнія. Но и духовное вліяніе его ничтожно. Въ лучшихъ случаяхъ въ день наступленія совершеннолѣтія такой гуру заставитъ ученика своего изучать какой-нибудь стихъ изъ Ведъ на

непонятномъ для обоихъ языкѣ и имѣющій значеніе заклинанія или даетъ амулетъ. Обыкновенно-же гуру, несмотря на глубокое почтеніе, какимъ его окружаютъ, является разъ или два въ году въ семью за подарками и роскошнымъ обѣдомъ, какимъ его угощаетъ семья, боясь чѣмъ-либо не угодить капризамъ человѣка, могущаго навлечь на нее немилость боговъ.

Другою характерною чертою населенія здѣшняго является его раздробленность на касты, въ практической жизни играющія чуть-ли не большую роль, чѣмъ даже секты.

Древнее, внесенное арійцами раздѣленіе на 4 касты— браминовъ, кшатріевъ, вайсіевъ и судръ—съ теченіемъ времени потеряло тотъ острый характеръ, который оно носило ранѣе. Но массы людей, выбрасываемыя изъ среды этихъ кастъ, мало-по-малу составили новыя касты съ новыми традиціями и узаконеніями, число которыхъ въ Индіи доходитъ теперь до многихъ сотенъ.

Каждая изъ этихъ кастъ обыкновенно имѣетъ свои традиціи, свои собранія, своего предводителя, напоминая въ этомъ отношеніи цехи.

Въ каждомъ поселкѣ непремѣнно есть хоть одинъ *браминъ*, играющій роль домового или храмового жреца или домашняго учителя, такъ-какъ преподаваніе здѣсь все въ рукахъ духовенства. *Раджпутъ* играетъ аналогичную последней изъ этихъ ролей, но подобно брамину можетъ заниматься и земледѣліемъ, и это изъ нихъ состоитъ большая часть земледѣльцевъ въ горахъ. Гдѣ есть хотя дюжина домиковъ, открываетъ свою лавочку баньянъ—или торговецъ. Безъ тели, или продавца масла, и barhi, или плотника, чинящаго плуги, строющаго дома и поставляющаго дрова для погребальныхъ костровъ, также не обойдется ни одна волость. Не менѣе необходимъ и кожевникъ—(chamar), снимающій шкуры со скота и играющій въ то-же время роль сапожиника. Прачка (dhabi) и брадобрѣй (nipit) для этого погруженнаго въ чистоту и опрятность народа также необходимы, какъ и dom и hari для удаленія

нечистотъ, какъ кузнецъ (lohar) и горшечникъ (kumhar). Хлѣбопекъ у народа этого, питающагося растительною пищею,—здѣсь необходимъ, такъ-какъ сдѣланные имъ лепешки берутся и въ поле, и въ дорогу, суари продаетъ вино, барни—орѣхи бетель, танти или юги ткетъ полотно, а лали раститъ цвѣта для храмовъ. Словомъ, то, чему у насъ обучаютъ ремесленныя школы, передаваясь изъ рода въ родъ, выработало касты, со своими традиціями, освященными преданіемъ, а главное—происхожденіемъ. Ни въ какой странѣ въ мірѣ не придаютъ такого значенія происхожденію, какъ здѣсь. Оно опредѣляетъ занятія, сковывающія людей извѣстнаго происхожденія въ кругъ одной спеціальности, въ свою очередь накладывающія извѣстныя черты характера, еще болѣе увеличивающія отличія. Какъ видно изъ приведеннаго, люди различныхъ кастъ, какъ члены извѣстной общины, здѣсь необходимы. Всѣ они играютъ вполнѣ опредѣленную роль, выработались въ такой-же рѣзко очерченный типъ, какимъ у насъ является лакей трактира, продавецъ сбитня, офеня, сапожный подмастерье, шинкарь и т. п. Но въ то время какъ у насъ еще есть возможность представителямъ всѣхъ этихъ и другихъ подобныхъ спеціальностей родниться между собою (хотя иногда и при гримасахъ родственниковъ), бывать другъ у друга, обѣдать, даже мѣнять одну спеціальность на другую, здѣсь это невозможно, и сосудъ, положимъ, плотника, изъ котораго напьется прачка, для него уже оскверненъ—и онъ не можетъ пить изъ него. Хижина рабочаго, если въ нее взойдетъ владѣлецъ плантаціи, будетъ также считаться оскверненной—и должна быть покинута. Только люди опредѣленныхъ кастъ могутъ служить у европейца прислугою, причемъ тотъ, кто ходитъ за лошадью и управляетъ ею, уже не станетъ чистить конюшни или рѣзать травы, тотъ, кто ходитъ за комнатой, не согласится стряпать или стирать и т. п. Вотъ почему необходимо бываетъ даже въ скромныхъ

хозяйствахъ держать до 10-ти человѣкъ прислуги, но и тѣ дѣлаютъ меньше и хуже, чѣмъ 1 или 2 европейца въ нашихъ странахъ, и только дешевизна рукъ позволяетъ мириться съ этими плохими работниками.

Таковы общественныя отношенія въ здѣшнихъ деревняхъ, какія можно было видѣть отчасти и въ Тахпурѣ. Краткость остановки не позволила мнѣ, къ сожалѣнію, вникнуть въ большія детали этихъ отношеній, выясненію которыхъ мѣшало еще то обстоятельство, что переводчики наши плохо владѣли какъ англійскимъ языкомъ, такъ и туземными нарѣчіями. Читателю, вѣроятно, извѣстно, что такъ-называемаго индійскаго языка не существуетъ. Здѣсь столько-же различныхъ языковъ, какъ и въ Европѣ: бенгали, тамили, гузерати, языкъ сингалезовъ и жителей Дарджилина такъ-же мало похожи другъ на друга, какъ русскій и испанскій. Два литературныхъ нарѣчія, однако, болѣе распространены и даютъ возможность различнымъ племенамъ объясняться другъ съ другомъ—это гаиди, болѣе древнее нарѣчіе съ санскритскими буквами словъ,—и гурду—сильно перемѣшанное съ тюркскими словами нарѣчіе сѣверо-запада съ арабскимъ алфавитомъ. На этихъ языкахъ печатается большинство книгъ и газетъ Индіи, ихъ изучаютъ въ школахъ. Но чѣмъ далѣе отъ большихъ городовъ, тѣмъ болѣе вступаютъ въ права свои мѣстные идіомы—и тѣмъ труднѣе становится роль переводчика...

Третій день пути мы надѣялись путешествовать лучше. Мы наотрѣзъ отказались ѣхать на пони. Намъ обѣщали дать настоящихъ big horses. Но, увы, эти big horses отнынѣ стали для насъ именемъ нарицательнымъ для самыхъ отчаянныхъ клячъ, и если мы когда тащились самымъ отчаяннымъ образомъ, предпочитая большую часть пути дѣлать пѣшкомъ по пыли и палящему индійскому зною, то именно этотъ послѣдній день.

Первую половину пути пейзажи мѣстности напоминали уже видѣнное, но подъ конецъ дня, когда мы по-

днялись на предгорія Субгималайскаго хребта, на высоту свыше 4000 ф., картина сразу измѣнилась. Мы вступили въ полосу хвойныхъ лѣсовъ, уже описанной мною Pinus longifolia, среди которыхъ на порубкахъ все чаще и чаще стали попадаться площади съ чайными плантаціями. Изъ другихъ деревьевъ попадались спорадически формы рѣдкаго намъ умѣреннаго пояса: гималайская береза, черешня, конскій каштанъ, верба и нѣкоторыя другія формы сѣвера; изъ кустарниковъ—барбарисъ и ежевика. Наконецъ, очевидно саженые, по окраинамъ плантацій, тамъ и здѣсь возвышались гималайскіе кедры, своею яркою зеленью напоминая лиственницу и, вмѣстѣ съ сосновыми лѣсами, перенося васъ въ обстановку южной Сибири. Иллюзія дополнялась еще верблюдами, навьюченными или впряженными въ громадной величины крытыя арбы-фургоны, и странно какъ-то было видѣть въ Индіи, вмѣсто слоновъ, этихъ кораблей пустыни Средней Азіи. Городокъ Палампуръ, центръ чайныхъ округовъ Кангры и конечная цѣль нашей поѣздки, состоялъ изъ одной длинной улицы лавокъ азіатскаго типа, съ одеждою и домашней утварью для туземцевъ. Онъ не представлялъ рѣшительно ничего интереснаго, и потому, отдохнувши въ расположенномъ въ сторонѣ, нѣсколько выше, dock bungalow, мы отправились къ одному изъ директоровъ чайныхъ компаній, m-r Cumpton'у. Его домикъ, равно какъ и дома другихъ здѣшнихъ, забравшихся въ нѣдра Гималаевъ плантаторовъ, представлялъ изъ себя чудный, изящной архитектуры каменный загородный котэджъ, съ паркетными полами и элегантно убранными комнатами. Мы встрѣтили со стороны хозяина самый любезный и обязательный пріемъ и за нѣсколько дней, проведенныхъ въ его пріятномъ обществѣ, мы познакомились довольно подробно съ положеніемъ чайнаго дѣла въ округѣ. Я подробно опишу результаты эти въ печатаемомъ мною по этому вопросу специальномъ сочиненіи, здѣсь-же позволю себѣ коснуться его въ общихъ чертахъ, дать только понятіе

о томъ, какъ поставлено чайное дѣло въ Индіи. Какъ извѣстно, главный толчокъ чайнымъ плантаціямъ Гималаевъ былъ данъ англійскимъ ботаникомъ Fortune, который, подобно намъ, былъ посланъ въ Китай для ознакомленія съ этимъ дѣломъ. Объѣздивши различныя провинціи Небесной имперіи съ большими трудами и лишеніями, собравши различныя лучшія разновидности чаевъ, онъ доставилъ ихъ саженцы въ особыхъ стеклянныхъ ящикахъ въ Индію, и округъ Кумаонъ, а затѣмъ и Кангра были однимъ изъ центровъ откуда изъ заложенныхъ по указаніямъ Fortune плантацій сталъ распространяться чай по Индіи. Въ то время какъ въ другихъ округахъ теперь разводятъ уже не китайскіе чаи, но такъ-называемые гибриды, т.-е. помѣси съ ассамскимъ кустомъ, дающіе тѣ высоко цѣнимые англичанами необыкновенно терпкіе чаи, отвѣчающіе англійскому способу заварки, но шокирующіе русскую гортань,—здѣсь еще попрежнему разводятъ традиціонный китайскій кустъ. Для Россіи, которая, надо думать, никогда не помирится съ перспективою пить настойку таннина вмѣсто чаю, округа эти, какъ ближайшій источникъ для полученія китайскихъ породъ чая, имѣютъ большую важность.

Всѣ склоны горъ въ окрестностяхъ Палампура обнажены. Только отдѣльными рощами раскиданы сосновыя деревья, остальное затянуто однообразною темною зеленью плантацій.

Плантаціи эти здѣсь содержатся въ образцовомъ порядкѣ. Кустики растенія подстрижены, такъ-что они рѣдко хватаютъ выше пояса; они разсажены на разстояніи приблизительно 2-хъ шаговъ одинъ отъ другого, на красно-бурой, песчано-глинистой, никогда не удобряемой почвѣ. Сѣмена ихъ поспѣваютъ здѣсь обыкновенно осенью и обыкновенно тогда-же или зимою садятся прямо въ грунтъ, причемъ ихъ зарываютъ на ½ дюйма и сажаютъ по 6—7 зеренъ въ яму. Весною (здѣсь наиболѣе сухое время), для защиты отъ солнца сѣянцы покрываются пуч-

ками соломы. Рѣже чай разсаживаютъ на плантацію изъ выращенныхъ въ питомникѣ саженцахъ. Четыре раза въ году земля между посаженными растеніями перекапывается и разрыхляется мотыгами, что необходимо для успѣшнаго роста и хорошаго качества чаю. Но главную роль въ качествѣ и, главное, тонкомъ вкусѣ и ароматѣ чая играетъ его положеніе. Чѣмъ выше расположена плантація, тѣмъ лучшаго качества чай съ нея получается, но зато тѣмъ меньше его собираютъ. Выше 5 000 ф. надъ уровнемъ моря чай разводить находятъ уже невыгоднымъ, на высотѣ-же 4 000 ф. съ акра плантанціи можно получать отъ 300 до 400 фунт. чаю или 1 200 фунт. свѣжихъ листьевъ, которые здѣсь собираютъ пять разъ, причемъ рабочіе обходятъ каждую плантацію по 4 раза. Первый сборъ листьевъ кусты даютъ на 4-мъ году своей жизни, и затѣмъ съ нихъ можно дѣлать сборъ неопредѣленно долгое время. Лучшими сборами считаются здѣсь не 1-й, какъ въ Китаѣ, а 2-й и 3-й, совпадающіе со временемъ лѣтнихъ дождей. Во время сбора рабочіе здѣсь работаютъ съ восхода до заката, имѣя среди дня лишь 1½ часа отдыха. Поденщикамъ здѣсь платятъ 2 апаеса—8 коп.—въ сутки, годовому рабочему—3—4 рупіи, т.-е. 1½—2 р. въ мѣсяцъ. Читателю, можетъ быть, покажется страннымъ прочитать такую плату какъ жалованье 2 р. въ мѣсяцъ на всемъ на своемъ. Но если онъ вспомнитъ, что индійскій кули живетъ въ соломенномъ шалашѣ не лучше тѣхъ, въ которыхъ сторожатъ арбузы наши бахчевники, что онъ имѣетъ въ этихъ помѣщеніяхъ единственною мебелью соломенную циновку, на которой онъ спитъ, что поясъ стыдливости часто составляетъ его единственное одѣяніе, что чашка изъ мѣди для питья и тарелка изъ листьевъ для ѣды—его единственная посуда, что онъ пьетъ только воду и что нѣсколько пшеничныхъ лепешекъ или приправленная перцемъ горсть рису его единственная пища,— онъ не удивится, что такой батракъ идетъ охотно ра-

ботать на плантацію даже не имѣя ни праздниковъ, ни воскресеній для отдыха.

По вычисленіямъ Cumpton'a, сборъ и выдѣлка фунта чаю обходится на мѣстѣ 6 пенсовъ, причемъ 2/3 этой суммы уходитъ на плату за сборъ; перевозка обходится 2 пенса. Въ продажу здѣсь чай пускается по 10 пенс. за 1 ф. Такимъ образомъ, плантаторы выручаютъ всего 2 пенса за фунтъ и находятъ при этихъ условіяхъ выгоднымъ свое дѣло.

Что касается выдѣлки чая, то она производится здѣсь слѣдующимъ образомъ. Срываются верхушки молодыхъ побѣговъ, которыя бросаются въ корзины рабочими, снимающими ихъ по утрамъ во всякую погоду. Въ дождь они работаютъ подъ особыми, сплетаемыми изъ листьевъ зонтиками. Собранные листья провяливаютъ на особыхъ круглыхъ циновкахъ, располагаемыхъ въ зданіяхъ на полкахъ, устроенныхъ въ видѣ громадныхъ этажерокъ. Листья вянутъ 5, 8 даже 12 часовъ. Затѣмъ ихъ скручиваютъ на особыхъ машинахъ, напоминающихъ жернова, но настолько слабо, что сокъ остается въ листьяхъ. Скрученные листья сортируютъ и подвергаютъ броженію, которое производится двояко. При такъ-называемомъ холодномъ броженіи листья кладутъ слоемъ въ 2—3 дюйма на особыя 4-угольныя сита, закрывая ихъ тряпками, обрызгиваемыми сверху водою и держа ихъ въ такомъ состояніи 7 часовъ. При броженіи тепломъ слой дѣлаютъ толще, покрываютъ болѣе теплыми покровами, не обрызгиваютъ водою и даютъ бродить отъ 4 до 5 ч. Есть еще способъ броженія, когда листья скатываютъ въ видѣ шаровъ, въ человѣческую голову величиною. При всѣхъ этихъ способахъ броженія листья становятся мѣдно-красными и начинаютъ издавать запахъ новорожденнаго ребенка. Тогда ихъ разсыпаютъ на 4-угольныхъ циновкахъ, сушатъ на солнцѣ и нагрѣваютъ въ сухомъ воздухѣ до 210° Фаренгейта въ особыхъ помѣщеніяхъ, называемыхъ sirocco dryer, рѣже по китайскому способу—надъ углями. Высушенный чай передъ

упаковкою нагрѣваютъ еще разъ, предварительно просѣявъ черезъ вращающееся сито, которое дѣлитъ чай на чаинки различной крупности, носящія названія pekae: dust-pekae, pekae-suchong и suchong. Англійскіе плантаторы готовятъ здѣсь почти исключительно черный чай и по описанному выше способу. Но туземцы, изъ коихъ болѣе зажиточные также позавели себѣ маленькія плантаціи, предпочитаютъ дѣлать болѣе простыми способами зеленый чай, который шелъ преимущественно въ наши Туркестанъ и Бухару, подъ именемъ такъ-называемаго накъ-чая, а теперь направляется въ Кашгаръ. Я посѣтилъ небольшой хуторъ одного туземца, гдѣ и имѣлъ случай наблюдать приготовленіе такого зеленаго чая. Отсылая за деталями и подробностями туземнаго чайнаго хозяйства къ спеціальному моему сочиненію, я скажу здѣсь только, что для этого чая срываются такіе-же побѣги, какъ и для чернаго. Свѣжій листъ въ количествѣ около 6 ф. всыпается въ желѣзный котелъ, вмазанный въ глиняную печь и подогрѣваемый слабымъ огнемъ. Рабочій быстро мѣшаетъ чайную массу 2 щепками, пока листъ не начнетъ подпариваться и слегка увядать. Продолжительность этой операціи не болѣе 10 минутъ. Тогда листъ высыпаютъ на продольно рифленый столъ, на которомъ листъ мнутъ руками, причемъ выдѣленный сокъ стекаетъ въ ложбинки; это пареніе и катаніе повторяютъ нѣсколько разъ, послѣ чего листъ сушится на солнцѣ—и чай готовъ. Для красоты и приданія блестящаго сѣраго цвѣта, передъ продажею его обсыпаютъ обыкновенно талькомъ. Фунтъ такого чаю на мѣстѣ стоитъ 5 апасовъ. Въ одной печи въ день выдѣлываютъ до 100 ф. такого чаю.

Мы пробыли нѣсколько дней въ Палампурѣ, пользуясь чрезвычайно любезнымъ гостепріимствомъ англичанъ, устроившихся здѣсь чрезвычайно комфортабельно. Не говоря о жилищахъ со всѣми европейскими удобствами, у нихъ здѣсь есть церковь, массонская ложа,

клубъ, прекрасное училище для туземцевъ. Послѣднихъ, если не считать нѣсколькихъ мелкихъ плантаторовъ и прикащиковъ, здѣсь намъ приходилось наблюдать мало. Трудно также судить и о ихъ отношеніяхъ къ англичанамъ. На видъ населеніе довольно. Но какъ объяснить такой фактъ: на второй день нашего пребыванія въ Палампурѣ ко мнѣ прибѣгаетъ одинъ мальчикъ лѣтъ 15 и умоляетъ меня взять его въ Россію, обѣщаясь служить мнѣ честью и правдою, соглашаясь ѣхать на какихъ угодно условіяхъ, лишь-бы избавиться отъ оскорбленій англичанъ. Онъ просилъ насъ такъ трогательно, что я чуть-чуть не поддался его просьбамъ, но перспектива тащить за собою вокругъ свѣта плохо даже по-англійски говорившаго, непривычнаго къ путешествіямъ бѣглеца,—кто знаетъ, въ будущемъ можетъ быть какого-нибудь капитана Nemo—остановила меня.

Несчастный случай съ лошадью, чуть-чуть не стоившій мнѣ жизни, заставилъ меня отказаться отъ экскурсіи въ горы. Получивъ, сброшенный на каменистую дорогу, сильные ушибы, я не могъ ходить цѣлый день, и такъ-какъ срокъ нашего пребыванія въ Кангрѣ былъ ограниченъ, я долженъ былъ удовольствоваться однимъ посѣщеніемъ лѣсовъ на высотѣ 6 000 ф. Они состояли изъ вѣчно зеленыхъ дубовъ и низкорослыхъ, усаженныхъ пурпуровыми цвѣтами рододендроновъ. Кусты черничника, плющъ и папоротники между ними напоминали Кавказъ, но почва ихъ была суха, не было на ней цвѣтовъ—и эта сухость напоминала сухія страны Средиземнаго моря. Выше виднѣлась темная лента еловыхъ лѣсовъ, но мнѣ они были недоступны.

Обратный путь нашъ въ Петанкотъ былъ совершенъ въ одинъ день. Мы достали готовый экипажъ—тонгу, родъ древней двухколесной колесницы, но съ рессорами XIX вѣка, съ крытымъ верхомъ. Черезъ каждыя 4 версты намъ мѣняли лошадей, и мы, выѣхавши въ 5 часовъ, еще засвѣтло достигли Петанкота и въ ту-же ночь направились къ назначенному для съѣзда съ товарищами пункту

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

У вратъ Тибета.

Еще четыре дня—и мы неслись опять въ поѣздѣ желѣзной дороги, покидая жаркую и душную Калькутту и приближаясь къ высочайшимъ изъ Гималайскихъ вершинъ, но на этотъ разъ Гималаевъ восточныхъ, а не западныхъ. Болѣзнь одного изъ насъ заставила сильно измѣнить первоначальный маршрутъ, и намъ приходилось опять спѣшить, чтобы воспользоваться нѣсколькими днями, представлявшимися намъ для осмотра Сиккима и его чайныхъ плантацій. Пока поѣздъ несся, приближаясь къ Гангу, передъ нами развертывалась уже знакомая картина выжженной индійской равнины; но когда мы, переѣхавъ черезъ Гангъ на комфортабельномъ пароходѣ, помчались далѣе къ сѣверу, къ горамъ, картина стала быстро измѣняться. Мы вступали въ область Тараи, жаркую и влажную часть бенгальской равнины—область, корая, быть можетъ, одна изъ всей Индіи соотвѣтствуетъ тому ходячему представленію объ индійской природѣ, какое господствуетъ въ нашемъ обществѣ.

Но области, по которымъ проносится поѣздъ, равно какъ и тѣ, которыя лежатъ далѣе къ востоку отъ такъназываемой Доабы, соединенныя теперь желѣзными дорогами съ главною линіею Дарджилингъ-Калькутта и посѣщенныя мною на обратномъ пути, слишкомъ культурны,

чтобы дать возможность во всей красѣ наблюдать покрывавшіе ихъ нѣкогда джунгли.

Вы видите по большей части только рисовыя поля, блѣднозеленыя, болотистыя, среди которыхъ здѣсь и тамъ, на буграхъ, какъ на островкахъ, пріютились индійскія деревушки съ выгнутыми соломенными кровлями хатъ и тощими кокосовыми пальмами. Долина Ганга, начиная съ Аллагабада, постепенно принимаетъ тропическій обликъ. Сперва являются вѣерныя пальмы — тѣ самыя Borassus flabelliformis, которыя, господствуя вокругъ Бомбея, отсутствуютъ во всей сѣверо-западной Индіи; затѣмъ, по мѣрѣ движенія на востокъ и увеличенія влажности, одно тропическое дерево за другимъ спѣшатъ присоединиться къ свитѣ, окружающей человѣческія постройки,—и здѣсь, на границѣ Бенгаліи, въ Тараяхъ, и манга, и высокій раскидистый бамбукъ, вѣрный спутникъ тропиковъ и широкій листъ банана, составляютъ необходимую обстановку деревни. Закрытые предгорьями, закутанные въ облака Гималаи отсюда не производятъ впечатлѣнія. Ихъ близость чувствуется только въ климатѣ. Воздухъ Бенгальскаго залива, жаркій и влажный во всѣ времена года, особенно-же лѣтомъ, во время муссона, несется къ этой высочайшей въ мірѣ стѣнѣ Гималайской и, встрѣчая на пути своемъ вѣчные снѣга и холодные склоны, постоянно сгущаетъ на нихъ пары свои въ непроницаемыя, густыя облака. Облака эти окутываютъ склоны, но и ниже, на равнинѣ, гдѣ слишкомъ жарко для образованія этого тумана, воздухъ пресыщенъ влагою. Это оранжерея—это тепличная атмосфера, вродѣ той, въ какой держатъ у насъ въ петербургскомъ ботаническомъ саду Victoria Regia. Малѣйшаго пониженія температуры въ верхнихъ слояхъ атмосферы достаточно, чтобы вызвать ливни, и эти ливни уже въ маѣ, какъ я въ томъ убѣдился при посѣщеніи Доабовъ на обратномъ пути изъ Дарджилинга, прямо достигаютъ страшной силы и обилія влаги. Уже не отъ разлива рѣкъ, но исключительно отъ дож-

девой воды здѣшнія поля покрываются на нѣсколько футъ водою. Рыбы покидаютъ рѣки, чтобы пастись на рисовыхъ поляхъ, и пахарь смѣняетъ здѣсь борону и плугъ на рыбачью сѣть, чтобы на пространствахъ, гдѣ такъ недавно еще гулялъ его серпъ, ловить проворныхъ жительницъ Ганга и его притоковъ.

Болотистыя равнины дышатъ лихорадкою.

Только зиму и раннюю весну рѣшаются жить здѣсь англичане, расчистившіе джунгли и разведшіе даже довольно значительныя чайныя плантаціи. Теперь, съ наступленіемъ дождей, они бѣгутъ вверхъ, въ горы, оставляя работать только туземцевъ. Но и изъ этихъ способными переносить тяжелыя климатическія условія оказываются, повидимому, только черные аборигены; повидимому, гибриды и помѣси съ бѣлыми завоевателями здѣсь вымираютъ. Почти нагіе, ограничивающіеся лишь поясомъ стыдливости, рабочіе плантацій по красотѣ стана и его темному цвѣту напоминаютъ изящныя отлитыя изъ чугуна статуи. Имъ нипочемъ тропическій полуденный зной края. Они работаютъ и движутся бодро въ самые жаркіе часы дня, нерѣдко лежа на самомъ солнцѣ, притѣняя свою голову, при этой 40° температурѣ, лишь тѣнью отъ распущеннаго зонтика,—единственной, кромѣ пояса стыдливости, принадлежности костюма.

Читатель не станетъ удивляться этой выносливости, если узнаетъ, что роженицу и новорожденнаго ребенка при этой жарѣ все-таки выставляютъ на солнце или держатъ въ комнатѣ съ горящими жаровнями, буквально закаляя отъ жару человѣка съ перваго момента появленія его на свѣтъ.

Я сравнилъ-бы иныя лишенныя пальмъ мѣста этой равнины предгорій восточныхъ Гималаевъ съ окрестностями Батума. Тотъ-же сырой, насыщенный парами воздухъ, болотистая почва съ блѣднозеленою муравою; тѣ-же ливни, лихорадки и джунгли.

Но джунгли Тараи не похожи на наши. Это лѣса

разнообразныхъ тропическихъ широколистыхъ деревъ, выросшіе на совершенно затопленныхъ водою зыбко-болотистыхъ грунтахъ. Конечно, и эти джунгли перевиты ліанами, но не столько эти ліаны, сколько подлѣсокъ исполинскихъ травъ играетъ главную роль въ этихъ болотистыхъ лѣсахъ.

Здѣсь изъ топкаго грунта до двухсаженной высоты воздымаются громадныя широколистыя дебри сунтаминей и столь-же высокіе пуки злаковъ, способные въ тѣни своей скрыть слона. Не рискуйте пускаться въ эти дебри: вы увязнете въ клейкомъ черномъ илѣ болотистой почвы, запутаетесь въ ліанахъ, висящихъ въ гниломъ, напитанномъ болотистыми испареніями и міазмами воздухѣ. Нѣкогда здѣсь кишѣли тигры и слоны. Послѣднихъ и доселѣ еще вы можете часто видѣть, какъ вьючныхъ животныхъ; что-же касается тигровъ, то ихъ давно истребили англійскіе охотники, и вы безъ оружія спокойно можете ходить по дорогамъ или вдоль полотна желѣзной дороги, во многихъ мѣстахъ пересѣкающей такой джунгль. Зато насѣкомыхъ здѣсь миріады. Вечеромъ тысячи цикадъ наполняютъ воздухъ своимъ оглушительнымъ стрекотаніемъ, состязаясь съ лягушками древесными и болотными, то звенящими какъ колокольчики, то ревущими какъ быки. Миріады свѣтляковъ какъ брилліантами усыпаютъ вѣтви деревьевъ и кустовъ. Я не говорю о комарахъ. Безъ полога здѣсь спать совершенно немыслимо, но на пологѣ этомъ громадные летающіе тараканы и другіе Orthoptera, массы различныхъ молей и другихъ ночныхъ бабочекъ будутъ биться и безпокоить васъ всю ночь. Чайныя плантаціи, послѣ рисовыхъ полей и джунглей наиболѣе часто попадающіяся на равнинѣ, также сильно страдаютъ отъ насѣкомыхъ. Не менѣе 20 различныхъ враговъ чайнаго куста размножились на болотныхъ равнинахъ Тараи. Различныхъ сортовъ тли, красный паучекъ, вродѣ того, что вредитъ нашимъ комнатнымъ растеніямъ, гусеницы, сверлящія стволы, гусеницы, свертывающія листья, гусе-

ницы, какъ наши Psyche, строющія домики, наконецъ, гусеницы, просто объѣдающія листья, предвосхищаютъ сборы у плантаторовъ и рабочихъ, соломенныя хижины которыхъ, обликомъ своимъ болѣе похожіе на свиные хлѣва, тамъ и сямъ раскиданы среди этихъ голыхъ, объѣденныхъ теперь, заброшенныхъ и заросшихъ травою плантацій. Зато въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти плантаціи не тронуты, онѣ даютъ баснословные урожаи. Сборъ чаю производится круглый почти годъ, приблизительно черезъ 2 недѣли. Листъ чая здѣсь громадный. Мы находимся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ родины чая, Ассама. Давно уже здѣсь забракованъ англичанами китайскій кустъ. Его замѣнили туземнымъ ассамскимъ и помѣсями съ китайскимъ, въ здѣшнемъ климатѣ переродившимся въ ассамскій во всемъ что касается облика листьевъ. Кромѣ того, стали разводить еще туземную форму Manipuri, листья которой немногимъ только не достигаютъ полуаршина длины. Это были-бы громадныя деревья, если-бы искусственною подрѣзкою плантаторы не низводили ихъ до низкихъ кустарниковъ. Тараи, являясь такимъ образомъ Эльдорадо урожайности чая, можетъ, однако, удовлетворять только вкусамъ невзыскательнаго англичанина. Листъ здѣсь приготовляется грубо и небрежно. Настой его черный, терпкій какъ чернила, съ какимъ-то шоколаднымъ налетомъ, видомъ напоминаетъ кофе, вкусомъ—чернила, такъ-что даже низшіе сорта цейлонскаго чая могутъ показаться нектаромъ по сравненію съ этимъ напиткомъ, могущимъ нравиться развѣ воспитанной на пикуляхъ и керри гортани англо-индійскаго потребителя.

Силигури—послѣдняя станція, гдѣ кончается вѣтвь желѣзной дороги, соединяющей восточные Гималаи съ Калькуттою. Начиная отсюда, вверхъ, до высоты семи тысячъ футъ, ведетъ желѣзная дорога, представляющая чудо инженернаго искусства. Въ то время какъ наши строители ломаютъ головы, какъ провести желѣзную дорогу черезъ Кавказскій хребетъ, а заграничные инженеры прибѣгаютъ

къ системѣ зубчатыхъ колесъ и фуникуляровъ, здѣсь по крутымъ гималайскимъ склонамъ пара сильныхъ локомотивовъ везетъ васъ безъ всякихъ приспособленій этого рода. Правда, эти спереди и сзади поѣзда прицѣпленные миніатюрные локомотивчики представляютъ своего рода Геркулесовъ, для которыхъ маленькіе пассажирскіе и товарные вагончики поѣзда не представляютъ затрудненій. Зигзагами идущая по склонамъ дорога имѣетъ громадные уклоны и, многократно возвращаясь почти къ тому-же самому мѣсту, образуетъ вензеля, пересѣкаетъ свой путь; повременамъ поѣздъ даетъ заднiй ходъ, чтобы потомъ подъ меньшимъ угломъ и съ большею силою бѣга взобраться на кручу. Словомъ, это въ полномъ смыслѣ слова карабканье поѣзда на гору, въ сравненіи съ которымъ С.-Готардская желѣзная дорога—дѣтская попытка. По мѣрѣ того какъ поѣздъ взбирается все выше и выше, подъ вашими ногами постепенно развертываются все бóльшіе и бóльшіе горизонты индійской равнины, которая, наконецъ, при приближеніи къ Kurseong'у (около 4800 ф.), развертывается подъ ногами какъ громадная желтозеленая карта, съ едва замѣтными серебристыми ниточками, означающими рѣки, и черными точками вмѣсто селеній.

Развѣ только воздухоплаватель, залетѣвшій въ надъоблачныя высоты, можетъ созерцать картину, подобную этой! Можетъ быть только на Кавказѣ, забравшись на какую-нибудь вершину одного изъ поднимающихся надъ Понто-Каспійскою равниною хребтовъ, можно увидѣть нѣчто аналогичное, напримѣръ, со Столовой горы надъ Владикавказомъ. Но сколькихъ усилій, какихъ ручьевъ поту должно стóить у насъ подобное восхожденіе! А здѣсь вы спокойно сидите въ вагонѣ и любуетесь этой дивной панорамою. Притомъ панорама вставлена въ рамки одной изъ самыхъ пышныхъ тропическихъ флоръ. Начиная съ Силигури, поѣздъ покидаетъ населенныя мѣста. Онъ вступаетъ въ область нетронутыхъ человѣкомъ

дѣвственныхъ лѣсовъ, среди которыхъ единственными оазисами являются желѣзно-дорожныя станціи. Притомъ лѣса эти не одинаковы. Оставаясь пышнымъ тропическимъ джунглемъ, они тѣмъ не менѣе измѣняютъ характеръ свой съ высотою, и потому взору ѣдущаго никогда не надоѣдаютъ эти картинки буйной зелени.

Характеръ болотистаго джунгля тотчасъ пропадаетъ, какъ только мы начнемъ подыматься на первыя предгорія. Здѣсь, по составу древесныхъ породъ, лѣсъ начинаетъ напоминать лѣса Зондскаго архипелага. Но это лѣсъ чистый; всходы ротанговыхъ пальмъ и тройной ярусъ кустарника и подлѣска не мѣшаютъ видѣть почвы, заросшей немногими травянистыми растеніями. Этимъ лѣса эти напоминаютъ наши лѣса сѣвера. Но породы деревъ чисто тропическія — громадныя смоковницы, исполинскіе бамбуки, ліаны, мыльное дерево, тикъ, салъ, различныя мимозы и кассіи.

Съ поднятіемъ на высоту отъ 1 000—4 000 футъ господствующія деревья становятся гигантами, число ліанъ изъ бобовыхъ увеличивается, и онѣ, какъ громадные канаты, обхватывая стволы, перебрасываются съ дерева на дерево. Ихъ стволы также увиты орхидными,—свѣшивающимися орхидеями (Pothus), перцами, дикою лозою и бигноніями. Особенно хороши Pothus'ы, напоминающіе наши филодендроны и укрывающіе своею темною, глянцевитою листвою самыя толстыя деревья, украшая ихъ стволы снизу доверху своими громадными листьями, наподобіе того какъ плющъ увиваетъ наши колонны.

Подъ сѣнью деревъ здѣсь развиваются дикіе бананы, громадными своими листьями представляющіе рѣзкій контрастъ съ мелкою листвою кустарниковъ, среди которыхъ они выростаютъ. Влажныя, затѣненныя ущелья—любимыя мѣста этихъ растеній. Не менѣе обращаютъ на себя вниманіе выростающіе по опушкамъ изящные прямоствольные панданусы съ ихъ пильчатыми фонтанами листьевъ, достигающихъ до 8 и даже 10 футовъ длины. Бамбуки

виднѣются повсюду, и здѣсь ихъ стволы при основаніи достигаютъ толщины въ человѣческую ногу и до 100 ф. вышины.

Папоротниковъ насчитываютъ отъ 20 до 30 видовъ, и между ними одинъ видъ древовидный—необыкновенной красоты и изящества. Изъ другихъ растеній Gordonia, салъ, Cedrela toona, апельсинныя и лимонныя деревья особенно часты.

Съ высоты 4 000 ф. внѣшность растительности опять мѣняется. Появляется похожая на англійскую—ежевика съ желтыми плодами. Она здѣсь извѣстна подъ именемъ yellow raspburry. Чаще начинаютъ попадаться дубы съ пластинчатыми плюсками и великолѣпною вѣчно-зеленою листвою, и на вершинѣ гребня, на которой расположенъ Kurseong (4 800 ф. надъ уровнемъ моря), измѣненіе во флорѣ становится полнымъ. Здѣсь являются уже березы и клены и цѣлый рядъ растеній, напоминающихъ нашу флору, какъ фіялки, Stellaria, Arum, Vacconium, дикая ежевика и Geranium. Но съ этими сѣверными видами все еще смѣшаны и даже преобладаютъ древовидные папоротники, Pothus'ы, бананы, пальмы ротанги, фиги и цѣлый рядъ эпифитныхъ орхидей. Влажность воздуха позволяетъ имъ здѣсь, подобно тому какъ въ Новой Зеландіи, Тасманіи и Чили, подниматься гораздо выше, чѣмъ въ другихъ областяхъ сѣвернаго полушарія, и мы встрѣчаемъ ихъ въ полномъ развитіи еще на 2 000 футъ выше Курзеонга. По мѣрѣ поднятія начинаютъ все болѣе и болѣе преобладать каштаны, орѣшники, дубы и лавры—все вѣчно-зеленыя формы. Луговая растительность пропадаетъ совершенно. Трудно себѣ представить болѣе величественную растительность. Прямые стволы строевого лѣса стройно поднимаются среди густой зелени, одни голые и чистые, съ сѣрою, палевою или коричневою корою, другіе буквально на футъ толщины обмотанные массой эпифитовъ, цвѣтовъ — особенно бѣлыхъ орхидей, иногда усыпающихъ стволы наподобіе снѣга. Отовсюду

торчатъ вѣтви, то голыя, то одѣтыя листвою, нерѣдко какъ канаты перебрасываясь съ дерева на дерево, раскачиваясь отъ вѣтра, отягощенныя пучками папоротниковъ и орхидей. Здѣсь всюду чувствуется влага и въ изобиліи появляются мхи и лишайники.

На высотѣ 7 500 футъ или, короче говоря, на высотѣ Дарджилинга, происходитъ смѣна чисто тропическаго облика растительности флорою иного облика. Еще въ паркѣ за городомъ можно любоваться эффектными ротангами, стволами, увитыми Pothus'ами и цѣлыми зарослями нѣжныхъ древовидныхъ папоротниковъ, ютящимися на опушкахъ лѣсовъ. Здѣсь являются благородные рододендроны съ громадными бѣлыми, обладающими тонкимъ лимоннымъ запахомъ цвѣтами. Лѣса состоятъ наполовину изъ дубовъ и каштановъ, на четверть изъ магнолій, остальную четверть составляютъ лавровыя, къ которымъ примѣшаны гималайскіе сорта березъ, вязовъ, кленовъ, вишни, черешни, черемухи, яблони. Въ этой зонѣ найдено болѣе 60 видовъ папоротниковъ умѣреннаго пояса. Замѣчательно наряду съ этимъ исчезновеніе бобовыхъ растеній—для тропическихъ здѣсь слишкомъ холодно, для альпійскихъ—темно и сыро. Отсутствуютъ и обыкновеннѣйшія изъ нашихъ семействъ Compositae, Cruciferae, Ranunculaceae и злаки. Вмѣсто нихъ преобладаютъ Rhododendron, Camelia, Magnolia, плющъ, Begonia hydronyca и эпифиты орхидные. Гортензіи образуютъ здѣсь много разъ превышающіе человѣческій ростъ кусты съ громадными листьями. Очень красивы громадныя деревья рододендроновъ съ ярко красными цвѣтами; затѣмъ Rh. argenteum съ листьями съ серебристой подкладкой, достигающій 40 ф. (эти листья имѣютъ до 15 дюймовъ длины; темнозеленые сверху, серебристые снизу, они отѣняютъ громадные букеты чудныхъ цвѣтовъ); наконецъ, Rh. dalhausiae, эпифитный кустарникъ, дающій на концѣ 3—5 бѣлыхъ душистыхъ цвѣтка 4½ футовъ длиною и столько-же въ поперечникѣ.

Эти влажные лѣса могутъ считаться типичными для

субтропической флоры, когда эта послѣдняя является во всей своей роскоши и могуществѣ. Блуждая въ густой зелени заросшихъ разнообразною растительностью пышныхъ лѣсовъ, мнишь себя среди настоящихъ тропиковъ, забываешь, что находишься на высотѣ 7 000 ф. И какъ во всѣхъ типичныхъ субтропическихъ областяхъ, водянистыя ягоды да жолуди являются продуктами такихъ лѣсовъ. Здѣсь не мѣсто фруктовымъ деревьямъ— они удаются плохо или даже не вызрѣваютъ вовсе. Не говоря о такихъ фруктахъ, какъ персики, виноградъ, сливы и фиги, даже обыкновенное яблоко почти не можетъ вызрѣвать въ Дарджилингѣ. Груши не удаются совершенно, абрикосы, гранаты не развиваются даже какъ деревья. Персиковыя деревья хотя и растутъ, но плоды ихъ сваливаются съ дерева зелеными и твердыми. Только ниже 4 000 футъ возможна культура тропическихъ плодовъ, плохихъ апельсиновъ и банановъ.

Кто-же, спрашивается, населяетъ эту лѣсную полосу, изъ оконъ вагона кажущуюся совершенно пустынною?

Еще недавно она представляла изъ себя почти совершенную пустыню. Это было необъятное царство дремучаго лѣса, непролазнаго нетолько по густотѣ и буйности его растительности, такъ-какъ ліаны изъ филодендроновъ и Pothus'овъ, заросли изъ древовидныхъ папоротниковъ и колючіе стволы пальмъ-ротанговъ дѣлали путь почти непроходимымъ, но и по свирѣпствовавшимъ здѣсь лихорадкамъ. Кромѣ того, эта зона лѣсовъ, расположенная неподалеку отъ Черранукти, представляетъ одинъ изъ самыхъ дождливыхъ пунктовъ земного шара. Здѣсь, по вычисленіямъ англійскихъ наблюдателей, выпадаетъ не менѣе *528 дюймовъ*, а иногда даже до 800, дождя или, выражаясь картинно, такое количество осадковъ, что, если-бы они не стекали внизъ по склонамъ въ видѣ ручьевъ и рѣкъ, количества ихъ было-бы достаточно, чтобы затопить 4 этажные дома или дать возможность плавать морскому военному судну.

Что-же удивительнаго, что въ этихъ погруженныхъ въ туманы и сырость лѣсахъ нетолько все гніетъ и свирѣпствуетъ лихорадка, но отсюда бѣжитъ все живое—и люди, и животныя. Яки тибетцевъ захварываютъ здѣсь чахоткою. Лошади и верблюды не находятъ подходящей для питанія травы, люди—мѣстъ для земледѣлія. Только выше, около Дарджилинга, вновь являются мѣста, годныя для поселенія, и здѣсь, какъ увидимъ ниже, и столпились народы вершинъ Гималаевъ, основывая свои поселенія въ надъоблачномъ мірѣ пастбищъ и лѣсовъ, незнакомыхъ съ ужасами тропическихъ ливней низинъ. Эти надъоблачные жители до постройки описанной нами желѣзной дороги сносились съ низомъ способомъ крайне оригинальнымъ. Убѣдившись въ непригодности зебу и слоновъ низа и яковъ, верблюдовъ и лошадей верха для сообщеній по лѣснымъ тропинкамъ, они остановились на овцѣ, какъ на единственномъ средствѣ сообщенія. Животныхъ этихъ, навьюченныхъ тибетскими товарами, сколько они только могли поднять, гнали по горнымъ переваламъ, по узкимъ и туманнымъ тропинкамъ дѣвственныхъ лѣсовъ внизъ, въ этотъ лихорадочный Тараи, чтобы продать здѣсь эти товары, затѣмъ шерсть и, наконецъ, самихъ овецъ на мясо. Но эти сообщенія были рѣдки. Насколько прохладные и сырые лѣса Сиккима были пагубны для здоровья привыкшихъ къ жару индусовъ, настолько-же эта теплая влага была пагубна для выше живущихъ монголовъ Желѣзная дорога—это чудо инженернаго искусства—въ какихъ-нибудь 2 часа времени теперь переноситъ васъ въ надъоблачный міръ Гималаевъ, въ Дарджилингъ, на высоту 8 000 футъ, переноситъ васъ въ совершенно новый міръ народностей, по костюму, по типу, по нравамъ и обычаямъ имѣющихъ весьма мало общаго съ индусами. Выдающіяся скулы, широкія лица съ плоскимъ носомъ, желтокоричневый цвѣтъ кожи, коса, азіятскіе халаты переносятъ васъ въ знакомую обстановку Азіи, въ калмыцкія степи, бурятскія ко-

чевья, къ кочевникамъ Алтая—какъ двѣ капли воды похожимъ на на этихъ лепгасовъ, лимбовъ, непальцевъ, бутеасовъ, тибетцевъ и месисовъ.

Послѣдніе начинаютъ попадаться уже въ Тараи и подраздѣляются на 2 рода Bodas и Dhimals. Это кроткій, безобидный народъ, живущій на лѣсныхъ прогалинахъ первобытнымъ земледѣліемъ или собирая для продажи произведенія джунгля — особенно плодъ такъ-называемаго мыльнаго дерева. Какъ кочевники, выходцы изъ Центральной Азіи, они рѣдко воздѣлываютъ одно и то-же поле долѣе года, и смѣняютъ обыкновенно его на новое, ради котораго они выжигаютъ части джунгля. Теперь значительная часть ихъ работаетъ на чайныхъ плантаціяхъ Тараи, такъ-какъ это единственная народность, которая могла приспособиться къ его страшнымъ лихорадкамъ. Но, замѣчательно, будучи устойчивыми къ этой болѣзни внизу, у себя дома, въ Тареи, они захварываютъ и быстро умираютъ отъ той-же лихорадки, попадая въ верхнія, болѣе здоровыя области. Теперь месиссы воздѣлываютъ хлопокъ, маслянистыя растенія—или разводятъ козъ, свиней, куръ и голубей. У нѣкоторыхъ есть не мало коровъ, но ни овца, ни буйволъ у нихъ не выживаетъ. У нихъ нѣтъ ни ремесленниковъ, ни торговцевъ. Каждая семья сама строитъ себѣ домъ, дѣлаетъ свои орудія и утварь, воздѣлываетъ землю и удовлетворяетъ всѣмъ своимъ нуждамъ. Ихъ жилища сдѣланы изъ травы джунглей и бамбука. Женщины ткутъ и прядутъ одежду для всей семьи; одежды эти состоятъ изъ куска ткани для бедеръ и рода шали—обыкновенно бѣлой. Они приготовляютъ родъ легкаго пива изъ проса—такъ-называемое murvah, которое они пьютъ въ громадныхъ количествахъ. Этотъ напитокъ пьютъ обыкновенно теплымъ, и тогда онъ освѣжаетъ, напоминая слабый хересъ. Принятый въ маломъ количествѣ, онъ почти не опьяняетъ. Женщины носятъ небольшія серебряныя кольца въ ушахъ и въ носахъ и тяжелые браслеты изъ разныхъ сплавовъ, ради которыхъ они и продаютъ выращенныя ими маслянистыя сѣмена на базарахъ Кочъ-Бегара. Ихъ

главная пища рисъ, который они варятъ съ масломъ, саго, перцемъ и т. п. Въ сущности-же это всеядная раса, которая не упускаетъ случая полакомиться и мясомъ дикаго буйвола, носорога. Они ѣдятъ также и рыбу, особенно любя ее тогда, когда она начнетъ разлагаться. Они очень гостепріимны, какъ къ соотечественникамъ, такъ и къ иностранцамъ, хотя еще очень робки.

Ихъ религія состоитъ въ почитаніи солнца, мѣсяца, звѣздъ и элементовъ. Въ особенности они почитаютъ рѣки. У нихъ есть нѣсколько домашнихъ божковъ, которымъ они приносятъ жертвы, состоящія изъ молока, меду, рису, яицъ, цвѣтовъ и плодовъ, а изрѣдка изъ свиньи, козы или домашней птицы. Они молятся имъ объ избавленіи отъ всякаго рода несчастій и благодарятъ въ случаѣ урожая. У нихъ есть родъ шамановъ. Ихъ браки заключаются поздно, когда мужчинѣ минетъ 20—25 лѣтъ, женщинѣ 15—20. За женщину платится калымъ въ размѣрѣ 15—45 рупій, или если женихъ бѣденъ, онъ отработываетъ эту сумму въ домѣ тестя. Въ брачномъ обрядѣ главную роль играетъ принесеніе въ жертву со стороны жениха и невѣсты пѣтуха и курицы. Однимъ ударомъ ножа отецъ срѣзываетъ головы обѣимъ птицамъ, и направленіе, въ которомъ потечетъ кровь этихъ птицъ, является предвѣстіемъ объ ихъ жизни. Месисы мягкіе мужья и добрые отцы. Они хоронятъ своихъ покойниковъ, устраивая надъ ихъ могилами памятники изъ камней и справляя по нимъ поминки.

Выше полосы сплошныхъ лѣсовъ, въ окрестностяхъ Дарджилинга живутъ лепгасы—также первоначальные обитатели Сиккима. Они имѣютъ уже чисто тибетскій обликъ; языкъ хотя нѣсколько и не похожъ на тибетскій, но сроденъ съ нимъ. У нихъ многіе обычаи одинаковы съ тибетскими, и какъ тибетцы они носятъ косы. Ихъ религія есть измѣненная форма буддизма. Это тихій, робкій народецъ, невысокаго роста, отъ 4½ до 5 ф. высоты, широкій въ плечахъ съ мускулистыми, но маленькими руками. Какъ у всѣхъ монголовъ, ихъ лица широкія, плоскія, съ плоскими носами и косыми гла-

зами, безъ бородъ и съ плохоразвитыми усами. Цвѣтъ кожи отъ желтаго до оливковаго. Волосы прямые, черные, женщины носятъ обыкновенно двѣ косы, мужщины—одну, признакъ, по которому ихъ обыкновенно различаютъ другъ отъ друга, такъ-какъ одежда и безбородыя лица часто до того похожи у обоихъ половъ, что могутъ ввести въ заблужденіе европейца. Ноги маленькія, но очень мускулистыя, съ сильно развитыми икрами, рѣзко отличающими этотъ народъ отъ индусовъ, почти ихъ не имѣющихъ. Лепгасы питаютъ отвращеніе къ холодной водѣ—и ни ихъ тѣло, ни ихъ одежда не могутъ похвалиться чистотою, хотя если имъ случится быть по сосѣдству съ рѣкою—они не прочь бываютъ искупаться. Въ обращеніи они любезны, обязательны, учтивы, не лишены юмора и честны. Они открыто свободны, и въ нихъ нѣтъ свойственной индусамъ рабской приниженности. Главный ихъ недостатокъ—страсть къ игрѣ. Лепгасы постоянно носятъ длинный, тяжелый прямой ножъ, называемый *ban*, употребляемый для самыхъ разнообразныхъ надобностей. Соотвѣтственно климату Сиккима, ихъ одежда не сложна: жилетъ съ красными и голубыми полосками, обернутый вокругъ тѣла и достигающій до колѣнъ, и халатъ съ широкими рукавами—въ холодное время года. У женщинъ надѣвается еще небольшая шерстяная безрукавка. Лепгасы рѣдко носятъ шляпы,—плоскія лепешки изъ бамбука съ кожанымъ верхомъ и широкими полями. Они устраиваютъ родъ зонтика или плаща изъ бамбуковыхъ плетенокъ, въ которыя они просовываютъ голову, оставляя руки свободными. Женщины носятъ массы украшеній, серебряныя серьги въ ушахъ, браслеты изъ янтаря и черепахи изъ Тибета, перлы и коралы съ юга, съ оригинальными серебряными и золотыми амулетами, привязанными къ шеѣ и рукамъ. Амулеты приготовляются въ Тибетѣ, часто очень красивы и содержатъ небольшихъ идоловъ, заклинанія или молитвы, кости или ногти ламъ. Женщина, одѣтая по праздничному, имѣетъ очень пестрое одѣяніе, вся увѣшана украшеніями.

Лепгасы большіе прожоры. Они ѣдятъ кажется рѣшительно все, не исключая гусеницъ, грибовъ и листьевъ. Грубый сухой листъ, сѣраго цвѣта и клейкій,—ихъ главная пища. Свинина ихъ любимая пища. Ихъ стряпня грубая и грязная. Масло, соль и перецъ—обычная приправа. Они пьютъ, какъ и наши калмыки, изъ маленькихъ деревянныхъ чашекъ, вытачиваемыхъ изъ корней и сердцевины кленовъ и другихъ деревьевъ; чашки эти бываютъ иногда очень красивы, часто отполированны и оправлены серебромъ. Опьяняющій напитокъ приготовляется изъ зеренъ *murwah*. Лепгасы очень любятъ чай и пьютъ его на англійскій манеръ съ молокомъ и сахаромъ—если только могутъ достать эти приправы. Обыкновенно, однако, еще до сихъ поръ они употребляютъ чай кирпичный, приготовляемый въ Китаѣ для тибетскихъ рынковъ, и пьютъ его, какъ и наши калмыки, съ масломъ, содою и солью. Единственный ихъ музыкальный инструментъ—это родъ флейты, издающій довольно негармоничные звуки. И лепгасы покупаютъ себѣ женъ, но ихъ браки заключаются въ раннемъ дѣтствѣ. Эти браки очень прочны. Домашнія и полевыя работы лежатъ здѣсь всецѣло на женщинѣ, и часто можно видѣть мужчинъ свободно курящихъ трубку въ то время какъ женщины пашутъ, жнутъ или производятъ другія тяжелыя работы.

Подобно нашимъ калмыкамъ, лепгасы страшно боятся оспы, производящей среди нихъ ужасныя опустошенія. Но вообще болѣзни рѣдки среди лепгасовъ, хотя они и подвержены ревматизмамъ и перемежающимся лихорадкамъ. Они своихъ покойниковъ или сожигаютъ, или хоронятъ, такъ-какъ ихъ религія есть какая-то смѣсь буддизма, индуизма и демонологіи. У нихъ есть шаманы—обыкновенно нищенствующіе или пляшущіе, поющіе, маскирующіеся и играющіе роль не то юродивыхъ, не то странствующихъ музыкантовъ. Болѣе просвѣщенные носятъ ламайскія молитвенныя мельницы, четки и амулеты. Лепгасовъ цѣнятъ за ихъ честность, за ихъ му-

скульную силу, какъ носильщиковъ-горцевъ, дровосѣковъ. Женщины даютъ прекрасныхъ нянекъ, мужчины—образцовую прислугу.

Похожіе во многихъ отношеніяхъ на лепгасовъ—такъ-называемые *лимбы*—имѣютъ, однако, нѣсколько характерныхъ отличій; они не сплетаютъ своихъ волосъ и не носятъ украшеній; вмѣсто прямого меча—ban—они носятъ особые широкіе и кривые непальскіе ножи—такъ-называемые *kukeri*, играющіе роль кинжаловъ. Носятъ также панталоны и короткую узкую куртку, поясъ и на головѣ маленькую шапочку. Цвѣтъ ихъ тѣла болѣе или менѣе желтый, глаза уже и расположены болѣе косо чѣмъ у лепгасовъ. Это народъ, жившій нѣкогда въ Непалѣ, но отодвинутый оттуда въ Сиккимъ гуркасами. Въ противоположность лепгасамъ это храбрый, воинственный народъ, говорятъ, очень жестокій, въ войнахъ убивающій одинаково слабыхъ женщинъ и дѣтей. Ихъ костюмъ похожъ на костюмъ лепгасовъ, съ которыми они вступаютъ въ браки. У нихъ существуетъ поліандрія, въ остальномъ ихъ обычаи сходны съ обычаями лепгасовъ Тараи.

Еще многочисленнѣе живущій около Дарджилинга народецъ бутеасы. Это дровосѣки и водоносы, швейцары и дворники европейцевъ. Не слѣдуетъ смѣшивать бутеасовъ съ бутанцами, ничего съ ними общаго не имѣющими, хотя нѣкоторые бутеасы также родомъ изъ Бутана, тогда какъ большинство пришлецы изъ Тибета, или уроженцы Сиккима, или помѣси тибетскихъ бутеасовъ и лепгасовъ. Сиккимскіе бутеасы безпокойный и плохой народъ. Ихъ единственный костюмъ—длинный шерстяной халатъ, подпоясываемый около бедеръ. Въ пазуху этого халата они суютъ все, что ни попадется, не исключая гнилого мяса или рыбы, считаемой за деликатесъ. Они носятъ за поясомъ длинные ножи. Мужчины и женщины носятъ серебряныя серьги съ черепахой, или изъ золота, настолько тяжелыя, что онѣ безобразно оттягиваютъ уши, и золотые 4-угольные амулеты на шеѣ и на рукахъ. Жен-

щины украшаютъ шеи нитками изъ коралловъ, янтаря, стекла и агата. Бутеасы, мужчины и женщины,—высокаго роста и очень сильны; ихъ способность переносить тяжести просто невѣроятная. Они ихъ таскаютъ прикрѣпляя веревкою черезъ лобъ. Женщины такіе-же носильщики, какъ и мужчины, но, кромѣ того, прядутъ пряжу и дѣлаютъ ткани для халатовъ. Бутеасы держатъ большія стада скота и поставляютъ въ Дарджилингъ молоко и масло. Многомужество у нихъ общепринятая форма брака. Они не знаютъ вѣжливости и скромности, ихъ браки непрочны. Они большіе пьяницы и приготовляютъ себѣ водку изъ рису, пшеницы и проса. По религіи они что-то среднее между ламаистами и шаманистами, употребляютъ молитвенное колесо, и надъ жилищами ихъ развѣваются бѣлые молитвенные флаги. Многіе бутеасы—кочевники и посредники въ торговлѣ между Тибетомъ и низиною, доставляя туда дерево, мускусъ, скотъ и соль. Они погребаютъ покойниковъ на вершинахъ горъ, возвышая надъ ними груды камней. Ихъ языкъ есть одно изъ нарѣчій тибетскаго языка. Деревни бутеасовъ поражаютъ своею грязью и вонью.

Въ послѣднее время въ большомъ числѣ въ Дарджилингѣ являются непальцы въ качествѣ работниковъ на чайныхъ плантаціяхъ. Теперь они составляютъ до 70 процентовъ населенія округа. Эта сильно размножающаяся нація способна къ колонизаціи. Они отличные земледѣльцы, плотники, кузнецы, портные и т. п. и охотно нанимаются прислугою. Переселяющіеся въ Дарджилингъ обыкновенно тамъ и остаются, такъ-какъ это лица, совершившія преступленія или залѣзшія по уши въ долги. Непальцы живутъ обыкновенно въ тѣхъ-же деревняхъ, что и лепгасы, но занимаютъ отдѣльные кварталы. Они подраздѣляются на безчисленные роды, неправильно называемые кастами. Они легки и подвижны, маленькаго роста, удивительно воинственны и храбры. Господствующій классъ ихъ—гуркасы — даютъ лучшихъ солдатъ

14*

британской арміи. Они охотники до споровъ, и страшные ножи, носимые ими за поясомъ, могутъ быть очень опасны. Ихъ религія есть странная смѣсь индуизма, браминизма и буддизма со слѣдами первобытнаго язычества.

Лепгасы, лимбы, бутеасы и непальцы не исчерпываютъ, однако, всѣхъ народностей Дарджилинга. Но остальныя мелкія народности не заслуживаютъ описанія по своей немногочисленности; можно упомянуть развѣ могровъ, мурмасовъ и тибетцевъ, являющихся въ холодное время года со своими лошадьми, яками, овцами, козами, каменною солью, мускусомъ и др., чтобы обмѣнять ихъ на табакъ, халаты. Они обыкновенно располагаются маленькими палатками на высотѣ около 100 футъ надъ Дарджилингомъ. У нихъ господствуетъ поліандрія, и у одной женщины часто бываетъ отъ 7 до 10 мужей. Ихъ обликъ наиболѣе приближается къ монгольскому. Мужчины мускулисты и сильны. Они не носятъ бородъ, бакенбардъ или усовъ и выдергиваютъ щипцами всякій выростающій на ихъ лицѣ волосокъ. Мужчины носятъ волосы или заплетенными въ косы или распущенными. Ихъ одежда состоитъ изъ холста, прикрѣпленнаго къ бедрамъ съ помощью кушака, за который они затыкаютъ свои желѣзныя трубки и длинные ножи, палочки для ѣды, кисетъ съ табакомъ, деревянную чашку и другіе предметы первой необходимости. Женщины, сверхъ того, носятъ короткую безрукавку сверхъ холста, затянутаго мѣднымъ кушакомъ. Ихъ волосы заплетаются на 2 косы. Во время путешествія они вымазываютъ себѣ лицо черной массой, въ составъ которой входитъ главнымъ образомъ уголь, для защиты отъ горнаго вѣтра. Оба пола носятъ серебряныя кольца и серги съ бирюзой и квадратные амулеты на шеѣ и рукахъ, представляющіе золотые, серебряные или мѣдные ящички съ маленькими идолами или реликвіями ламъ, вмѣстѣ съ бумажками, заключающими молитвы и заклинанія. Ихъ привѣтствіе заключается въ высовываніи языка, улыбкѣ и чесаніи уха, но такъ-какъ эта церемо-

нія обыкновенно вызываетъ хохотъ у постороннихъ, то они рѣдко производятъ ее въ присутствіи иностранцевъ.

Такимъ образомъ въ Дарджилингѣ господствуетъ полное смѣшеніе расъ и языковъ. Здѣсь говорятъ на языкѣ лепча, бутеа, непали, тибетскомъ, инди, бенгали и гиндустани; кромѣ того, на мѣстномъ нарѣчіи такъ-называемомъ pahori. Наконецъ лембы знакомы съ санскритскимъ и древне-тибетскимъ.

Вотъ среди этой-то разнообразной смѣси народностей, столь различныхъ по своему облику, костюму и обычаямъ, расположилась столица англійскаго горнаго округа Сиккима—Дарджилингъ, являясь центромъ сбыта сырыхъ продуктовъ и мѣстомъ заработка для всего пестраго его населенія. Дарджилингъ лежитъ по ту сторону перевала. Онъ не господствуетъ надъ индійскою равниною. Расположенный на крутыхъ уступахъ горъ, онъ представляетъ безконечно разбросанныя группы домиковъ. Вы не чувствуете, что находитесь въ надоблачныхъ высотахъ; напротивъ, въ ясные дни прямо передъ вами высится громадный увѣнчанный вѣчными снѣгами хребетъ, способный даже съ этой громадной высоты произвести впечатлѣніе нашего Кавказа. Его снѣга, однако, блещутъ въ отдаленіи, полузадернутые голубоватою дымкою, отдѣленные отъ васъ цѣлымъ міромъ зеленыхъ лѣсныхъ вершинъ передового хребта, отсюда сверху кажущихся зелеными холмами, и глубокими, заполненными голубымъ воздухомъ и плавающими облаками долинами. Только глядя въ долины эти, сознаешь, на какой громадной высотѣ находишься, насколько выше уровня облаковъ расположенъ Дарджилингъ.

Я не могу сравнивать Дарджилингъ, этотъ воздушный курортъ и лѣтнюю резиденцію калькутскихъ англичанъ, ни съ однимъ изъ нашихъ кавказскихъ курортовъ, настолько безгранично выше по комфорту и благоустройству стоитъ эта маленькая группа домиковъ, закинутая въ глубь Гималаевъ, на границу съ недоступнымъ ни одному европейцу Тибетомъ.

Здѣсь змѣеобразно по склонамъ горъ извиваются прекрасно шоссированныя дороги и аллеи, около которыхъ вытянуты сады и парки хорошенькихъ котэджей, которые такъ-же хорошо нашли-бы себѣ мѣсто въ какомъ-нибудь предмѣстьи большого города Британіи, какъ и здѣсь.

Ливанскіе и гималайскіе кедры, тиссы, туйи, кипарисы и другія хвойныя деревья чередуются съ вѣчно зелеными дубами, каштанами, кленами, магноліями и рододендронами и массою другихъ чудныхъ гималайскихъ украсительныхъ породъ. Лавокъ въ Дарджилингѣ немного, и онѣ носятъ универсальный характеръ; но въ нихъ вы найдете всѣ предметы европейскаго комфорта, о которыхъ могутъ только мечтать наши жители минеральныхъ водъ и даже Владикавказа. Между прочимъ, туристъ найдетъ здѣсь чудный выборъ фотографій, ландшафтовъ и типовъ Сиккима, коллекцію, подобія которой не имѣетъ еще нашъ Кавказъ. Въ нижней части города расположенъ базаръ, на которомъ толкутся туземцы, поражая пріѣзжаго разнообразіемъ лицъ и костюмовъ, пестрота которыхъ увеличивается примѣсью индійскихъ слугъ и прикащиковъ, въ ихъ національной одеждѣ, и солдатъ, вербованныхъ изъ непальцевъ, ростомъ и типомъ необыкновенно напоминающихъ японцевъ. На этомъ базарѣ вы найдете все, что нужно для культурной европейской кухни. Англичане научили туземцевъ разводить всѣ огородныя овощи. Тибетскія пастбища поставляютъ имъ сочные ростбифы и баранину, а поѣздъ гималайской желѣзной дороги ежедневно доставляетъ къ столу спѣлыя манги, бананы, ананасы и другія произведенія тропическаго міра.

Большая часть домовъ здѣсь выстроена изъ кирпича или камня и крыта желѣзомъ и, вмѣстѣ съ окружающими ихъ садами, въ которыхъ тамъ и сямъ виднѣется крона низкорослой пальмы Chamoerops или букетъ бамбука,— производитъ на пріѣзжаго чарующее впечатлѣніе. Городъ имѣетъ нѣсколько церквей изящной архитектуры, обсерваторію и ботаническій садъ. Здѣсь даже издается ма-

ленькая мѣстная газетка «Dargieling News» и существуетъ нѣсколько клубовъ, гдѣ устроены площадки для игроковъ въ крокетъ или lawn tennis и другихъ любителей.

Но главное значеніе Дарджилингъ имѣетъ какъ санаторія и школьный центръ, гдѣ англійская молодежь, недостигшая университетскаго возраста, можетъ внѣ разслабляющаго вліянія южнаго зноя заниматься самообразованіемъ. Не менѣе десятка учебныхъ заведеній для лицъ обоего пола устроено въ этомъ городкѣ. Приэтомъ не оставляются безъ вниманія и туземцы. Здѣсь не менѣе 46 школъ для туземцевъ, частныхъ и миссіонерскихъ, съ 1,610 мальчиками и 179 дѣвочками. Число грамотныхъ туземцевъ здѣсь не менѣе 5,686 мужчинъ и 269 женщинъ.

Но нестолько это благоустройство и прекрасные, но очень, впрочемъ, дорогіе (18 рупій въ сутки) отели привлёкаютъ сюда туриста. Главною приманкою для него являются дивныя окрестности города. Путешествуя по прекраснымъ дорогамъ, проложеннымъ среди непролазныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ, поднимаясь на высокіе пики до 11 тысячъ футъ высоты и созерцая дивныя разстилающіяся передъ глазами панорамы, постигаешь только отсюда все величіе, всю мощь Гималаевъ, безъ малѣйшихъ жертвъ въ смыслѣ усталости или лишенія комфорта. Я сдѣлалъ нѣсколько экскурсій въ окрестностяхъ города, на расположенныя вокругъ него чайныя плантаціи, и поднимался на нѣкоторыя изъ сосѣднихъ вершинъ, чтобы полюбоваться на панораму хребта съ высочайшею изъ вершинъ міра, горою Эверестомъ, какъ бѣлая снѣговая шапка высящеюся надъ снѣжною зубчатою стѣною Гималаевъ. Изъ Дарджилинга, впрочемъ, видна только Кинчинджина, не менѣе эффектная гора, окруженная со всѣхъ сторонъ ледниками. Чудный видъ на нее открывается изъ сосѣдняго съ городомъ Birch park'a, буквально висящаго надъ голубою бездною, въ которой ниже васъ, на различныхъ высотахъ, плаваютъ облака, а на горизонтѣ, въ

видѣ исполинской, закутанной въ голубую дымку стѣны, возвышается громада главнаго, увѣнчаннаго снѣгами хребта, передъ которымъ пигмеемъ показался-бы нашъ грандіозный Кавказъ, нѣсколько напоминающій Гималаи, если сравнить съ нимъ видъ съ Литпарскаго перевала. Но контуры Гималаевъ округлѣе, мягче, не такъ зубчаты, какъ у Кавказа.

Birch park—это не паркъ, а кусочекъ дѣвственнаго лѣса, оставленнаго на концѣ города. На этой высотѣ 6½ тысячъ футъ вы увидите еще и древовидные папоротники, и пальмы ротанги, и ліаны изъ Pothus, поразительно похожія на наши комнатные филодендроны, и громадные вѣчнозеленые Jlex'ы, и каштаны. Вы можете ходить въ настоящихъ дебряхъ дѣвственнаго лѣса, наблюдая, особенно въ вечерніе часы, когда здѣсь прохладно, когда умѣстно пальто и суконное платье—контрасты этой тропической природы и сонмы далеко подъ ногами въ долинахъ разлегшихся облаковъ и на уровнѣ съ вами въ голубой дымкѣ со всѣхъ сторонъ васъ окружающаго неба блестящія звѣзды и созвѣздія этого воздушнаго океана.

Гдѣ еще можно созерцать такія картины? На Альпахъ, на Кавказѣ, забравшись на ихъ недоступныя обыкновеннымъ смертнымъ вершины, вы будете видѣть нѣчто подобное, дрожа отъ холода въ палаткѣ или подъ защитою промокшей бурки. Здѣсь-же вы можете любоваться картинами этими съ чудныхъ аллей, съ балконовъ гостинницъ, гдѣ въ вашей комнатѣ трещатъ дрова въ каминѣ и васъ ждетъ сытный обѣдъ. Но самая лучшая картина наблюдается выше города, въ дѣвственныхъ лѣсахъ, на вершинахъ горъ Sandax tao и Phallat.

Поднимаясь выше Дарджилинга на высоту до 8 500 ф., мы вступаемъ въ полосу, гдѣ постоянно группируются облака. Уже самый Дарджилингъ находится на ихъ уровнѣ. Дѣлая прогулку въ коляскѣ по прекраснымъ дорогамъ, извивающимся вдоль карнизовъ и уступовъ

надъ глубокими долинами, и любуясь чудными видами снѣгового хребта съ Кинчинджингою во главѣ, житель Дарджилинга видитъ на одномъ уровнѣ съ собою, въ голубоватой дымкѣ воздуха, отдѣляющей его мѣстонахожденіе отъ удаленныхъ, какъ-бы плавающихъ въ небесной дали хребтовъ, причудливыя формы облаковъ, постоянно измѣняющихъ свои контуры, то тая, то разростаясь до цѣлыхъ тучъ. Особенно бываетъ это эффектно въ лунную ночь, когда, цѣлыми каскадами низвергаясь съ какого-нибудь перевала, они таютъ затѣмъ на вашихъ глазахъ, превращаясь въ десятки серебристо-бѣлыхъ, полупрозрачныхъ, самыхъ причудливыхъ формъ существъ, которыя, какъ сонмы духовъ, то принимая формы людей, то фантастическихъ чудовищъ, проносятся передъ вами въ небесномъ эфирѣ, заставляя забывать, что вы находитесь не въ царствѣ небожителей, не въ одной изъ тѣхъ небесныхъ сферъ, въ которыя по вѣрованіямъ индусовъ переходятъ души болѣе праведныхъ изъ ихъ соотечественниковъ.

Выше эти облака обыкновенно прилипаютъ къ горамъ, создавая на ихъ склонахъ и въ ихъ лѣсахъ то царство вѣчнаго тумана и сырости, которое мнѣ уже было хорошо знакомо по моимъ изслѣдованіямъ на высокихъ горныхъ вершинахъ Явы. Обликъ флоры этой зоны облаковъ и ея систематическій составъ мнѣ поразительно напомнилъ явайскій. Какъ тамъ, такъ и здѣсь это настоящее царство влажныхъ лѣсовъ изъ дубовъ и магнолій, смѣшанныхъ съ камфарниками и Cinamonium. Восхитительны здѣсь магноліи. Подобно рододендронамъ, онѣ цвѣтутъ въ апрѣлѣ и маѣ и иногда бываютъ такъ усыпаны цвѣтами, что цѣлые склоны кажутся одѣтыми снѣгомъ. Есть виды, подобные имъ, съ пурпурными цвѣтами, образующіе громадные, большею частію довольно безобразные стволы съ черною корою и неправильными вѣтвями, развивающими на концахъ пурпурно-розовые, усыпающіе почву своими лепестками цвѣты. На этихъ вѣт-

вяхъ, какъ-бы желая скрыть ихъ безобразіе, обыкновенно развивается описанной нами выше Rhododendron dalhausiae. Это все еще царство ліанъ, съ толстыми, толще человѣческой ноги стволами, увивающихъ всѣ деревья. Попадаются громадные клены со стволами до 18 футъ въ обхватѣ и прямая, усыпанная бѣлыми цвѣтами роза, но цвѣты эти лишены запаха. Кусты смородины здѣсь развиваются какъ эпифиты на стволахъ и вѣтвяхъ деревьевъ, свѣшивая оттуда свои ягоды. Почва лѣса заросла кустарниками выше человѣческаго роста, съ сочными вѣтвями и широкими блѣдно-зелеными листьями. Гортензіи играютъ здѣсь не послѣднюю роль.

Но самою главною и характерною чертою лѣсовъ этихъ является, какъ и на Явѣ, развитіе громаднаго количества эпифитно растущихъ мховъ и лишайниковъ. И почва, и стволы, и вѣтви, и даже листья деревьевъ, въ ущербъ развитію этихъ послѣднихъ, закутаны въ толстѣйшія покрывала изъ мховъ. Съ вѣтвей, какъ у елей дальняго сѣвера, свѣшиваются длинныя бороды лишайника, Usnaca barbata. Въ туманѣ лѣса эти толстые зелено-пушистые стволы, эти укутанныя мхами вѣтви создаютъ совершенно непривычное для глазъ фантастическое зрѣлище. И поразителенъ бываетъ эффектъ, когда изъ этой мшистой зелени косматыхъ, скрытыхъ во мхахъ, точно толстымъ слоемъ мховаго инея обросшихъ вѣтвей, брызжутъ пурпуромъ или снѣжною бѣлизною букеты цвѣтовъ рододендрона, снѣжно-бѣлыхъ орхидей или магнолій, обрамленные вѣнчиками выглядывающихъ изъ мховъ темно-зеленыхъ глянцевитыхъ листьевъ. Чудное, своеобразное зрѣлище! Это не тропики, это и не сѣверъ, это своеобразное лѣсное царство пояса облаковъ. Нѣчто подобное встрѣчается развѣ только на горахъ Зондскаго архипелага и въ субтропическихъ областяхъ южнаго полушарія; но тамъ почти нѣтъ цвѣтовъ. Тамъ, въ равномѣрно прохладной во всѣ времена года, пресыщенной влагою атмосферѣ развивается только листва съ бѣше-

ною силою. Здѣсь короткія мягкія зимы вызываютъ цвѣтеніе. И эффектные колеры цвѣтовъ примѣшиваются къ причудливымъ формамъ увитыхъ мхами уродливыхъ стволовъ, выглядывающихъ изъ толщъ зелени.

Выше 9 000 футъ мощность и оригинальность лѣсовъ убываетъ. Громадныя пространства ихъ заростаютъ тонкимъ, частымъ какъ тростникъ бамбукомъ, дѣлающимъ ихъ дебри совершенно непроходимыми. Съ высоты 10 000 ф. вліяніе зимы выражено уже отчетливо. Въ серединѣ мая стараго стиля половина деревъ и кустарниковъ стояли еще голыми или только-что развертывали листья. Бамбуки стояли не облиственные. Акониты, ревень, смородина, Potentilla, Rosa, Chrysosplenium, изящные меленькіе кустики клещевника—Daphne, словомъ знакомыя глазу формы являются на сцену, и обыкновенно на высотѣ въ 11 000 футовъ встрѣчаются серебристыя пихты, стройныя эффектныя гималайскія деревья, съ голыми до 35 футъ отъ земли стволами и широкораскидистыми, совершенно горизонтальными вѣтвями темной хвои. Онѣ чередуются съ темными, вѣчнозелеными рододендронами. Подъ ними раскиданы кусты розъ, карликоваго можжевельника, березы, ползучей ивы, барбариса, горнаго клена, меленькихъ андромедъ, и главное, 3 или 4 видовъ ярко-цвѣтущихъ кустарныхъ рододендроновъ, бѣлыхъ, ярко-красныхъ, розовыхъ, пятнистыхъ сплошь, какъ наши азалеи, усыпанныхъ цвѣтами. Это типичный ландшафтъ нашей кавказской, альпійской, субтропической области. Закутанная постоянно въ облака, эта мѣстность рѣдко даетъ возможность видѣть общую картину здѣшнихъ ландшафтовъ. Но если вдругъ разорвутся облака — чудныя и дикія картины откроются глазамъ: не скрытыя болѣе дѣвственными лѣсами глубокія пропасти, страшныя ущелья, съ безпорядочно навороченными громадными скалами, точно дьявольскою силою набросанные камни, среди которыхъ торчатъ изломанныя, придавленныя, оброcшія мхами, уродливыя деревья или ихъ сухіе трупы, фигурою своею и обликомъ напоминая ка-

кихъ-то адскихъ существъ. А надъ ними въ лазурной высотѣ, между стаями облаковъ, плавающихъ на уровнѣ съ вами или ниже васъ, какъ какой-то сонъ виднѣются вереницы снѣжныхъ пиковъ главнаго хребта, отдѣленнаго отъ васъ заполненными лазурнымъ эфиромъ долинами-пропастями!

Врядъ-ли можетъ найти художникъ лучшую картину для декораціи къ «Волшебному стрѣлку» и «Чортовой долинѣ». Врядъ-ли фантазія декоратора снабдитъ столь яркими красками эти группы уцѣлѣвшихъ на склонахъ стройныхъ елей—или усыпанные цвѣтами кусты рододендроновъ.

И здѣсь опять, среди дикой природы, у вратъ Тибета, путникъ найдетъ уютное dock bungalow съ нѣсколькими комнатами для пріѣзжихъ, съ чистою мягкою постелью и ужиномъ. Грустно становится за Россію, когда вспомнишь этотъ уютный ночлегъ на высотѣ 10 000 ф., покойный сонъ подъ звуки ливня, стучащаго по крышѣ bungalow и листьямъ окружающихъ его цвѣтущихъ деревъ пурпурнаго рододендрона, и сравнишь этотъ ночлегъ съ единственною существующею у насъ сторожкою у Девдоракскаго ледовика, тѣсною и грязною, безъ удобствъ, несмотря на близость ея отъ людной грузинской дороги, сторожкою, за которую все-таки приходится быть благодарнымъ, такъ-какъ она *единственная* во всемъ славящемся своими красивыми ледовиками Кавказѣ.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Ламаизмъ и ламайскiе храмы Сиккима.

Туристъ, задавшiйся цѣлью наслаждаться чудными видами Гималайскихъ горъ Сиккима, можетъ цѣлыми днями скакать по дорогамъ среди могучихъ дѣвственныхъ лѣсовъ, не встрѣчая ничего, кромѣ мшистыхъ стволовъ рододендроновъ и магнолiй или непролазныхъ дебрей густого, частаго бамбука. Только на большихъ разстоянiяхъ другъ отъ друга разбросанные dock bungalow, на самыхъ высокихъ пунктахъ зачастую даже лишенные обычнаго служителя, напоминаютъ вамъ о присутствiи живыхъ существъ въ этихъ мѣстностяхъ. Обыкновенно не закутанные въ сырую туманную мглу здѣшнie лѣса безмолвны. Вы не услышите птичьяго голоса или шелеста листвы отъ пробѣжавшаго звѣря—все безмолвствуетъ. Нѣчто вродѣ маленькаго медвѣдя (Ailums octracens), леопарды и мускусные олени встрѣчаются, говорятъ, въ этихъ дебряхъ, но развѣ только опытный охотникъ туземецъ выищетъ ихъ среди зелени лѣса. Зато пресмыкающiяся здѣсь очень многочисленны. Вы встрѣчаете громадный ассортиментъ древесныхъ лягушекъ и жабъ. Первыя громко издаютъ самые разнообразные тоны музыкальной гаммы. Другою особенностью здѣшнихъ лѣсовъ являются древесныя пiявки. Путешественнику, одѣтому въ башмаки, онѣ мало опасны, но сопровождающiе его

босоногіе туземцы на каждой почти остановкѣ должны заниматься вырываніемъ этихъ кровопійцъ, обыкновенно забирающихся въ ноги между пальцами, откуда ихъ туземцы выбираютъ цѣлыми пучками. Сидя на листьяхъ, онѣ подстерегаютъ свою жертву, ловко падаютъ на нее и, скользя по голымъ икрамъ ногъ, забираются между пальцевъ.

Но если безмолвны и лишены жизни дѣвственные лѣса Гималаевъ, тѣмъ болѣе интереса представляютъ ближайшія окрестности Дарджилинга, гдѣ сгруппировалось, какъ мы видѣли, разнообразное и пестрое населеніе восточныхъ Гималаевъ. Сюда стремятся жители Непала и Тибета—и здѣсь туземное населеніе Сиккима, несмотря на дѣятельную пропаганду англійскихъ миссіонеровъ, продолжаетъ придерживаться религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ, заимствованныхъ у тибетцевъ; я скажу болѣе, ламаизмъ имѣетъ здѣсь своихъ собственныхъ миссіонеровъ—и миссіонеры эти умѣютъ своею проповѣдью увлечь нетолько своихъ монгольскихъ единоплеменниковъ, но и многихъ малообразованныхъ европейцевъ. Я лично имѣлъ случай познакомиться съ такимъ ламою. Одѣтый въ длинный халатъ, съ развязными, но крайне вѣжливыми манерами и прекрасною, увлекательною англійскою рѣчью, онъ обликомъ своимъ скорѣе напоминалъ нашего молодого священника, чѣмъ ламайскаго бонзу, какими мы ихъ привыкли видѣть въ нашихъ калмыцкихъ степяхъ. Повидимому онъ далеко не ограничивался знакомствомъ со своими ламайскими книгами, но, употребляя argumente ad hominem, пускалъ въ ходъ и многія данныя сочиненій спиритовъ, вступая въ бесѣду съ европейцами,—или ламайскіе бонзы въ этомъ отношеніи далеко опередили нашихъ послѣдователей Юма и другихъ свѣтилъ столоверченія. Судите, читатель, сами по приведенному ниже отрывку моего разговора съ однимъ изъ такихъ интерес ныхъ пропагандистовъ ламаизма между европейцами.

— Вы, европейцы, изучаете природу преимущественно

съ практическою цѣлью. Вы ищете открыть тѣ законы ея, пониманіе которыхъ облегчитъ вамъ улучшеніе вашей теперешней обстановки и жизни, мало заботясь о тѣхъ явленіяхъ, которыя уясняютъ вамъ сущность *души*, ея прошлое и будущее.

— Да, но развѣ душа и ея свойства могутъ быть познаны путемъ наблюденія природы?

— Несомнѣнно. Только путемъ изученія ея мы, буддисты, пришли къ сознанію о неизбѣжности переселенія душъ, къ возможности предсказанія даже особенностей будущей жизни.

— Это очень интересно, какими-же путями пришли вы къ такому заключенію?

— О, на это есть сотни и сотни наблюденій.

— Приведите хотя нѣкоторыя, они очень любопытны.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Вдумайтесь, напримѣръ, почему многія лица,—а вы навѣрное найдете такихъ въ средѣ вашихъ знакомыхъ,—страшно боятся пауковъ, другіе не могутъ видѣть крысъ или мышей, третьи, никогда не плававши по морю, боятся всетаки сѣсть на пароходъ. Многіе, напротивъ, поражаютъ васъ любовью къ такимъ существамъ, которыя вамъ противны и отвратительны, напримѣръ, къ змѣямъ, червямъ и т. п. На всѣ эти вопросы ваша наука не даетъ отвѣта, для насъ-же онъ ясенъ: душа человѣка въ предъидущемъ своемъ воплощеніи была въ тѣлѣ одного изъ существъ, пострадавшихъ отъ паука, моря и т. п. Чувство страха или отвращенія, ее наполнившее, переносится съ нею и въ послѣдующую жизнь, выражаясь въ томъ инстинктивномъ чувствѣ, причину котораго теперь мы понять не можемъ. Чѣмъ объясните вы далѣе, что дѣти однихъ и тѣхъ-же родителей зачастую одарены бываютъ способностями и наклонностями совершенно различными: одинъ любитъ музыку и преуспѣваетъ въ ней, другой, не имѣя никакого слуха, прекрасный математикъ, еще въ юности безошибочно рѣшающій задачи, надъ которыми задумываются многіе взрос-

лые. Для насъ душа, усовершенствовавшая себя въ предъидущемъ воплощеніи, въ этомъ скорѣе стремится идти далѣе по намѣченной стезѣ, чѣмъ не подготовленная—и въ этомъ причина неодинаковости таланта. Развѣ не слыхали вы также случаевъ, что люди во снѣ видѣли городъ или мѣсто, несомнѣнно существующіе, видѣли до мельчайшихъ подробностей, хотя на дѣлѣ они никогда тамъ не были и подробностей этихъ никогда не могли знать изъ разсказовъ. Не пережитокъ-ли это прежняго состоянія? Не такимъ-же-ли пережиткомъ является и то обстоятельство, что два человѣка, не видавъ никогда другъ друга ранѣе и не зная ничего другъ о другѣ, сразу дѣлаются или непріятными другъ для друга или, наоборотъ, чувствуютъ другъ къ другу необыкновенную симпатію. Мы объясняемъ это тѣмъ, что ранѣе они были друзьями или врагами. Вотъ на такихъ и на сотняхъ другихъ подобныхъ наблюденій и основано наше ученіе о переселеніи душъ, на основаніи котораго мы можемъ утверждать, какъ абсурдно оно ни покажется на первый взглядъ вамъ, европейцамъ, что душа одного ламы, по смерти его, переходитъ въ другого. Если-же вамъ кажутся дикими и безразсудными тѣ обряды и тѣ ритуалы, которые вы видите у насъ въ храмахъ или которые совершаются въ домахъ, то нс забудьте, что они разсчитаны на уровень понятій дикой еще массы. Они дѣйствуютъ на ея воображеніе; наши демоническія пляски, которыя вы вѣроятно видѣли, устрашаютъ ее, заставляютъ задумываться о загробной жизни и подготовляютъ въ душѣ почву для воспринятія нравственныхъ наставленій Будды—возвышающихъ человѣка и улучшающихъ человѣческія отношенія.

Вотъ образецъ бесѣды такихъ пропагандистовъ буддизма, какъ извѣстно вымершаго въ Индіи, уступившаго тамъ мѣсто брамаизму и магометанству, здѣсь-же, во вратахъ Тибета, какъ по всей справедливости называютъ британскій Сиккимъ, еще находящагося въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Сиккимъ дѣйствительно врата Тибета. Врата эти еще за-

крыты; еще ни одинъ европейскій житель Дарджилинга не осмѣлился, перейдя черезъ высокій перевалъ, перешагнуть границу, ревностно охраняемую тибетскими стражами. Но жизнь за этой каменной стѣною уже не составляетъ секрета ни для кого, и вопросъ объ открытіи Тибета европейцамъ—вопросъ весьма короткаго времени. Мы будемъ свидѣтелями, когда туристы компаніи Кука будутъ посѣщать монастыри Хляссы съ такимъ-же удобствомъ, какъ они посѣщаютъ теперь Римъ и его достопримѣчательности. Ламайское духовенство Сиккима стоитъ въ постоянномъ общеніи съ духовенствомъ Тибета, весь ритуалъ, всѣ церемоніи, всѣ монастырскіе уставы можно наблюдать и здѣсь. Черезъ посредство знакомаго ламы вы можете достать все, что хотите, изъ Тибета, и тотъ, кто хочетъ изучать догматы и обряды этой крайне оригинальной религіи, можетъ это дѣлать въ Дарджилингѣ и его окрестныхъ селеніяхъ съ такимъ-же удобствомъ, какъ и за громадной стѣной Гималаевъ. Краткость моего пребыванія въ городѣ не позволила мнѣ вникнуть въ детали здѣшняго ламаизма. Однако доступность храмовъ и говорящаго по-англійски духовенства давали возможность видѣть всетаки весьма многое, съ чѣмъ я и намѣренъ познакомить на нижеслѣдующихъ страницахъ читателя.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ города, за такъ-называемымъ Birch hill, вы найдете небольшой ламайскій храмъ. Въ храмѣ этомъ можно видѣть всѣ характерныя черты ламайскихъ хуруловъ и ламайскаго идолослуженія. Обыкновенно издалека уже, прежде чѣмъ вы увидите самый храмъ, вамъ кидаются въ глаза длинные бамбуковые шесты, на которыхъ, наподобіе вымпеловъ, развѣваются или висятъ вертикально бѣлые флаги съ написанными черными буквами тибетскими заклинаніями. Такія-же предохраняющія отъ вліянія злыхъ духовъ знамена бываютъ разставлены тамъ и здѣсь по холмамъ, разбросаннымъ около могилъ ламъ. Но подойдемъ къ самому храму и разсмотримъ подробнѣе его особенности. Это небольшое де-

ревянное, обыкновенно 2-хъ-этажное зданіе, часто съ выгнутою крышею, имѣющее во 2-мъ этажѣ съ лицевой стороны небольшой балкончикъ. Оно не похоже на первый взглядъ на храмъ; это скорѣе обыкновенный частный домъ. Поднявшись на крыльцо, вы подходите къ деревяннымъ дверямъ, передъ которыми или сзади которыхъ стоитъ громадный вращающійся цилиндръ съ написанными на немъ молитвами. Молящійся вращаетъ его нѣсколько разъ, и его вращеніе замѣняетъ очистительную молитву, прочитанную столько-же разъ, сколько разъ оборотится такой цилиндръ. Ни въ одной, кажется, религіи не придается такого значенія многократному повторенію именъ божествъ и молитвъ, какъ здѣсь. Потому духовенство, а часто и простые смертные имѣютъ при себѣ маленькія молитвенныя мельнички, представляющія изъ себя маленькій, полый внутри цилиндръ на палкѣ. Внутри такого цилиндра написано популярнѣйшее изъ ламайскихъ изреченій: Om, mani padmi om. Это изреченіе не сходитъ съ устъ благочестиваго ламаита.

Но вернемся къ храму. На деревянныхъ створчатыхъ дверяхъ его, или, чаще, справа и слѣва отъ нихъ, изображены стражи 4 странъ свѣта—безобразныя чудовища — повидимому боги другого языческаго пантеона, включенные въ ламайское ученіе въ качествѣ защитниковъ вѣры, оригинальное явленіе, причины котораго нами будутъ разсмотрѣны ниже. На самыхъ дверяхъ обыкновенно рисуютъ такъ-называемое колесо жизни — или схему всего буддійскаго ученія. Вы видите передъ собою размалеванный масляными красками кругъ, въ центрѣ котораго кольцо, составленное изъ свиньи, пѣтуха и змѣи, держащихъ другъ друга за хвостъ. Кольцо это есть эмблема 3-хъ пороковъ, связанныхъ другъ съ другомъ и составляющихъ основу всѣхъ несчастій человѣческой жизни—глупости, гнѣва и сладострастія,—побѣждать которыя—главная задача всякаго буддиста. Этотъ

центральный кругъ заключенъ въ большій, раздѣленный на 6 сегментовъ; въ каждомъ изъ нихъ изображены различныя оригинальныя фигуры, цѣль которыхъ представить страданія живыхъ существъ въ различныхъ стадіяхъ воплощенія. Такихъ стадій ламайская религія признаетъ 6: состояніе человѣка, животнаго, такъ-называемыхъ претъ, адскихъ существъ, титановъ и боговъ. Ни въ одномъ изъ этихъ состояній душа не находитъ полнаго счастья, въ большей или меньшей степени страдаетъ, но страданія ея въ однихъ состояніяхъ утонченнѣе, въ другихъ грубѣе. Въ колесѣ жизни они представлены болѣе или менѣе наглядно.

Титаны суть высшія по сравненію съ людьми существа, обладающія въ высшей степени развитою гордостью, и титанами рождаются тѣ изъ людей, которые въ своей жизни стремятся быть болѣе благочестивыми, чѣмъ другіе. Они живутъ между небомъ и землею и подобно сатанѣ являются изгнанными съ неба за гордость. Продолжительность жизни ихъ гораздо больше, чѣмъ людская. Они живутъ въ роскоши и веселье. Но ихъ гордость и зависть счастью боговъ побуждаютъ ихъ воевать постоянно съ этими послѣдними, и оставаясь всегда побѣжденными, они не чувствуютъ себя счастливыми. На рисункахъ обыкновенно изображаются сперва ихъ рожденіе—изъ цвѣтовъ лотоса—и ихъ полная довольства жизнь, во время которой они пользуются плодами дерева и коровой, исполняющей всѣ ихъ желанія. Тутъ-же изображается и ихъ горе—безплодная борьба съ богами. Ихъ жены страдаютъ дома, видя въ озерахъ парковъ, окружающихъ ихъ замки, отраженія страданій мужей ихъ. Смерть титановъ подобна смерти людей. Немногіе изъ нихъ могутъ возродиться вновь въ качествѣ настоящихъ боговъ—этой высшей стадіи совершенства, которой только можетъ достигать человѣческая душа. Небо—мѣстожительство боговъ—дѣлится на нѣсколько этажей. Самый низкій и

ближайшій къ землѣ этажъ занимаютъ уже упомянутые нами 4 стража 4-хъ странъ свѣта, окрашенные, соотвѣтственно приписываемымъ буддистами цвѣтамъ странъ этихъ, въ цвѣта: зеленый, желтый, бѣлый и красный. Они охраняютъ небесное царство отъ нападеній демоновъ. Ихъ нужно отличать отъ боговъ хранителей 10 направленій свѣта, которые суть включенные въ ламайскій пантеонъ боги индійской религіи: Индра (востока), Агни (ю. в.), Яма (юга), Варуна (запада), Сона (сѣверо-востока), Брама (зенита), Bhupati (надира) и т. д. Самое небо дѣлится на области желаній, формъ, гдѣ формы лишены чувственности, и небо безформія—высшее изъ небесъ Брамы, сосѣднее съ Нирваною. Въ каждой изъ этихъ стадій душа пребываетъ громадныя въ сравненіи съ человѣческою жизнью періоды времени. Въ колесѣ жизни изображено картинно состояніе боговъ въ этихъ небесахъ, гдѣ они рождаются изъ цвѣтовъ лотоса въ блестящихъ сіяющихъ одеждахъ, имѣя божественныхъ подругъ жизни, исполняющихъ всѣ ихъ желанія, дерево, дающее изъ листьевъ чудную пищу, изъ сока—нектаръ, приносящее вмѣсто плодовъ драгоцѣнные камни, корову, дающую вмѣсто молока всевозможные напитки, летающихъ подобно Пегасу коней, могущихъ предсказывать будущее, переносящихъ ихъ изъ міра настоящаго въ міръ прошедшаго и будущаго, озера изъ душистаго нектара, играющаго роль жизненнаго эликсира. Они предаются чувственнымъ наслажденіямъ въ чудныхъ дворцахъ и садахъ, съ удивительными птицами, между коими любимыя птицы индусовъ — павлинъ, попугай и кукушка и птица, повторяющая мистическія слова: «Om mani padmi om»,—играютъ главную роль. Царь боговъ Индра живетъ въ центрѣ такого рая. Въ нижнемъ этажѣ живетъ самъ царь, средній этажъ занимаетъ Брама, а верхній—Маре, богъ желаній. Боги ведутъ войну съ титанами, оставаясь постоянно побѣдителями. Хотя боги живутъ громадные промежутки времени, но и они не вѣчны. Усыхаютъ постепенно озера нектара и умираютъ

ихъ чудныя коровы и пегасы; тѣла боговъ, не поддерживаемыя долѣе жизненнымъ эликсиромъ, ослабѣваютъ, блескъ ихъ пропадаетъ, они умираютъ, и если они жили не безъ грѣха, они возрождаются въ видѣ низшихъ существъ— людей, или даже попадаютъ въ адъ. Противоположностью блаженному состоянію душъ въ раю является ламайскій адъ. Онъ расположенъ подъ землею, и въ немъ царствуетъ богъ Яма, который, несмотря на свое высокое положеніе, самъ подвергается адскимъ мукамъ и ежедневно проглатываетъ изрядную порцію расплавленнаго металла. Адъ имѣетъ множество подраздѣленій. Насчитываютъ до 136 горячихъ отдѣленій, гдѣ въ черномъ воздухѣ облеченныя въ пламя чудовища, съ головами различныхъ животныхъ, подвергаютъ попавшихъ въ адъ различнымъ пыткамъ. Я не буду здѣсь описывать всѣхъ подробностей ихъ. Я уже разъ описывалъ такой буддійскій адъ на страницахъ этой книги. Онъ очень напоминаетъ по характеру своему наши народныя представленія объ адѣ съ лизаніемъ горячихъ сковородъ и кипяченіемъ въ котлахъ. Кромѣ горячихъ отдѣленій, существуютъ еще холодныя. Передъ входомъ въ адъ сидитъ, вмѣсто Цербера, исполинская женщина съ огненными глазами, отбирающая одежды у входящихъ и, въ видѣ платы за входъ, заставляющая ихъ таскать громадные камни вверхъ по теченію рѣки, обтекающей адъ,— прежде чѣмъ попавшее сюда существо получитъ дозволеніе, переѣхавъ черезъ рѣку, вступить въ чистилище и затѣмъ въ самый адъ.

Состояніе *претъ* немногимъ только лучше, чѣмъ состояніе адскихъ существъ. Это состояніе привидѣній и духовъ, вѣчно страдающихъ отъ жажды и голода. Это участь скупыхъ и жадныхъ. Они имѣютъ вокругъ себя въ изобиліи драгоцѣнности и пищу, но ихъ ротъ меньше игольныхъ ушей, и черезъ него они не могутъ удовлетворить голода, мучающаго ихъ огромное тѣло. Влага, не попадающая въ ихъ желудокъ, жжетъ ихъ хуже огня.

Горести жизни двухъ остальныхъ стадій или состоя-

ній души, именно въ тѣлѣ человѣка и животныхъ, также наглядно изображены въ колесѣ жизни. Животныя поѣдаютъ другъ друга, дѣлаются жертвою человѣка, разставившаго сѣти для птицъ и капканы для звѣрей, наваливающаго громадныя тяжести на домашнихъ животныхъ. Горести человѣческой жизни представлены въ видѣ цѣлаго ряда неудачъ на житейскомъ поприщѣ и неудовлетворенныхъ желаній, страданій отъ жара и холода, жажды и голода, потери близкихъ, болѣзней и т. п.

Вокругъ этихъ сценъ концентрически расположено изображеніе 12-ти данныхъ, сковывающихъ человѣка съ его земнымъ существованіемъ и образующихъ въ тѣсномъ смыслѣ колесо жизни. Эта цѣпь составляетъ, такъ сказать, основу, суть всего буддизма, заключающуюся въ слѣдующемъ: Старая и новая жизнь человѣка связаны одна съ другою. Онъ находится въ безъисходномъ кругѣ. Начиная съ состоянія смерти или отсутствія всякаго сознанія (на картинѣ изображаемаго въ видѣ слѣпой верблюдицы), существо постепенно переходитъ въ стадію *безсознательной воли* (на картинѣ изображенной въ видѣ горшечника, лѣпящаго горшки); безсознательная воля переходитъ въ сознательный опытъ (изображенный въ видѣ обезьяны), который наконецъ формируется въ самосознаніе (эмблема: врачъ, щупающій пульсъ). Дальнѣйшимъ продуктомъ развитія будетъ появленіе пониманія и чувства, затѣмъ стремленіе путемъ осязанія познать окружающее. Отъ этого осязанія является ощущеніе, рождающее въ свою очередь желаніе и стремленіе къ его *удовлетворенію*, и достиженіе этого удовлетворенія, за которымъ слѣдуетъ *зрѣлость* и затѣмъ смерть. Эта послѣдняя есть переходъ въ 1-е изъ состояній души, за которымъ слѣдуетъ второе и т. д. до безконечности. Кругъ, на которомъ эмблемами изображены всѣ эти состоянія человѣческой души, представляется разсѣченнымъ на части, такъ-какъ Будда своею жизнью и ученіемъ разсѣкъ его, давъ исходъ въ Нирвану—изъ этого circulus vitiosus.

Такимъ образомъ молящійся, вступая въ храмъ, такъ-сказать, проникается воспоминаніемъ объ основныхъ догматахъ ученія, послѣдователемъ котораго онъ является, ученія, какъ извѣстно, глубоко пессимистическаго, въ основу котораго положено воззрѣніе, что жизнь—рядъ несчастій и страданій, въ какой-бы формѣ эта жизнь ни являлась. Главная причина несчастій этихъ есть желаніе жить, интересъ и любовь ко всему земному. А потому, чтобы уничтожить страданія, надо убить въ себѣ все, что дѣлаетъ привлекательнымъ жизнь, убить любовь къ жизни. Для этого Буддою предложенъ путь, состоящій изъ восьми основныхъ правилъ: правая вѣра, правое чувство, правая рѣчь и поступки, образъ жизни и поведеніе, мысль и созерцаніе. Невѣжество (допускающее идеализацію жизни) есть источникъ несчастій; истинное познаніе ея, отрицаніе ея есть единственный исходъ отъ безконечныхъ возрожденій.

Десять заповѣдей буддійской вѣры, изъ коихъ только 5 обязательны для мірянъ, пять-же даны монахамъ, гласятъ слѣдующее:

1) Не убивай. 2) Не воруй. 3) Не прелюбодѣйствуй. 4) Не лги. 5) Не пей крѣпкихъ напитковъ. 6) Не ѣшь ничего внѣ установленныхъ сроковъ. 7) Не носи украшеній и духовъ. 8) Не садись на высокія сѣдалища. 9) Не танцуй, не пой, не играй и не ходи на зрѣлища. 10) Не давай въ долгъ и не бери ни золота, ни серебра.

Эти заповѣди были даны Буддою въ рѣчахъ или проповѣдяхъ. Вотъ образецъ одной изъ такихъ проповѣдей:

«Служить мудрымъ и не служить глупцамъ, отдавать честь тѣмъ, кои ея достойны—есть высшее блаженство.

«Жить въ хорошей странѣ, совершивъ и въ прежнемъ своемъ воплощеніи добрыя дѣла, имѣть душу исполненную правыхъ желаній—есть высшее блаженство.

«Много знанія и разума, дисциплинированный и надлежаще направленный умъ и хорошая рѣчь—есть высшее блаженство.

«Помогать отцу и матери, ласкать жену и дѣтей и слѣдовать мирному призванію—есть высшее блаженство.

«Давать милостыню, жить благочестиво, помогать ближнимъ, дѣлать дѣла недостойныя порицанія—есть высшее блаженство.

«Удерживаться отъ грѣха, не пить крѣпкихъ напитковъ, быть усерднымъ въ добрыхъ дѣлахъ—есть высшее блаженство.

«Почтеніе и любезность, довольство и благодарность, полученіе въ надлежащее время религіозныхъ наставленій—есть высшее блаженство.

«Быть долготерпѣливымъ, имѣть общество служителей Будды, бесѣдовать о религіозныхъ вопросахъ въ свое время—есть высшее блаженство.

«Умѣренность и цѣломудріе, разсужденіе о 4-хъ великихъ истинахъ и предвкушеніе Нирваны—есть высшее блаженство.

«Тѣ, кто такъ поступаетъ—непобѣдимы, всюду ходятъ они въ безопасности и пріобрѣтаютъ высшее блаженство».

А потому главными добродѣтелями буддистовъ считаются: милость, нравственность, терпѣніе, предпріимчивость, размышленіе, знаніе. Къ нимъ прибавляютъ обыкновенно еще: методъ, молитву, твердость, предвидѣніе.

Такова сущность ученія Будды. Но въ ламаизмѣ, даже въ томъ, который исповѣдуютъ жрецы, нравственныя доктрины великаго учителя сильно затемнѣны послѣдующими ученіями. Явилось ученіе о раѣ, въ которомъ царствуетъ Amitaba Budda, ученіе, заимствованное у браминистовъ, что путемъ уничтоженія мысли можно достигнуть 8 великихъ магическихъ свойствъ: становиться по желанію легче, тяжелѣе, меньше или больше любого предмета, достигать моментально любого мѣста, принимать любую форму и дѣлать что угодно. Затѣмъ явились культы разнообразныхъ, совершенно чуждыхъ буддизму божествъ; помпёзныя церемоніи, заклинанія, изъ коихъ наиболѣе популярное «Om mani padmi om» обра-

щено къ проявленію силы Будды—Padmapani, изображаемому, какъ Будда, сидящимъ или стоящимъ на лотосѣ; потому и приведенное выше заклинаніе обозначаетъ *Омъ* (Индійское Тримурти), драгоцѣнности на Лотосѣ, Омъ.

Обоснованіе всѣхъ этихъ обрядовъ, заклинаній и отступленій находится въ обширной и систематизированной ламайской литературѣ, въ книгахъ, считаемыхъ святынею, помѣщаемыхъ на высокія мѣста въ храмѣ; имъ воздаются почести въ формѣ возженія свѣтильниковъ, ѳиміама, лампадъ и т. п. Будда самъ поучалъ словесно. Его ученіе было записано только 400 лѣтъ спустя, по-санскритски, и переведено на китайскій языкъ. Ламайскія книги представляютъ уже переводъ съ тѣхъ и другихъ, сдѣланный въ VIII и даже IX и XIII вѣкахъ. Это собственно не книги: это отпечатки съ деревянныхъ клише, сдѣланные на необыкновенно прочной бумагѣ, приготовляемой изъ растенія Daphne cannabina, растущаго на Гималаяхъ, въ Непалѣ и пограничныхъ съ Китаемъ странахъ. Эта бумага представляетъ изъ себя узенькія и длинненькія полоски, формою напоминающія наши вексельные бланки, но нѣсколько меньшаго формата. Отпечатанные листы не переплетаются, но кладутся одинъ на другой и перевязываются между двумя продолговатыми дощечками. Религіозный кодексъ ламаитовъ состоитъ изъ двухъ большихъ собраній: 1) такъ-называемый Koh Gyur, или большой кодексъ—108 томовъ по 1,000 страницъ каждый, заключаетъ въ себѣ 1,083 различныхъ произведенія; каждый изъ томовъ вѣситъ около четверти пуда, образуя связку около 26 дюймовъ длины, 8 дюймовъ ширины и 8 дюймовъ высоты. Для перевозки его требуется не менѣе 12 яковъ, деревянныя-же клише, нужныя для его отпечатанія, занимаютъ рядъ домовъ, составляющій добрую деревню. Веддель утверждаетъ, что Koh Gyur отпечатанъ вполнѣ только въ двухъ мѣстахъ Тибета. 2) Малый кодексъ или Tan Gyur представляетъ рядъ позднѣйшихъ коментарій.

Кромѣ того, въ Тибетѣ имѣется рядъ позднѣйшихъ произведеній мѣстной литературы, конечно только духовнаго содержанія. Всѣ эти книги хранятся внутри храма. Ихъ можно легко пріобрѣтать отъ ламъ, и только въ одномъ Петербургѣ имѣется коллекція ихъ не менѣе чѣмъ въ 2,000 томовъ. Менѣе богатыя, но не менѣе интересныя собранія хранятся и въ другихъ городахъ Европы.

При входѣ въ храмъ вы обязательно встрѣтите кого-нибудь изъ духовенства, лицъ, одѣтыхъ въ длинные коричневые халаты, съ четками на рукахъ, въ небольшой шапочкѣ съ плоскимъ верхомъ и небольшой молитвенной мельничкой, содержащей уже извѣстное читателю изреченіе: *Om mani padmi om*. Это духовенство мало похоже на тѣхъ гемоновъ и гецюлей, какихъ мы видимъ въ калмыцкихъ хурулахъ. Но градаціи ихъ тѣ-же, именно: genen или manjik—низшее званіе, гецюль, затѣмъ гелюнъ и наконецъ, высшее званіе, кан-ра. Чтобы поступить въ разрядъ духовенства, обыкновенно еще ребенкомъ посвященный въ это сословіе ламаитъ до 8 лѣтъ отъ роду носитъ красную шапочку, послѣ чего его отправляютъ въ родъ монастырской школы съ пансіономъ, гдѣ онъ въ извѣстной послѣдовательности и получаетъ всѣ упсмянутыя духовныя степени. Отдаваемаго мальчика сначала свидѣтельствуютъ, отказывая всѣмъ калѣченнымъ, и отдаютъ подъ надзоръ одному изъ монаховъ, большею частью близкихъ или дальнихъ родственниковъ неофита. За мальчика родители ему платятъ деньгами, чаемъ или пищевыми продуктами. Его учатъ грамотѣ, читать и повторять наизустъ различныя мѣста священныхъ книгъ, буддійскія пословицы и наставленія, напр.:

«Не дѣлай другому того, что не нравится тебѣ самому. Все счастье, существующее на землѣ, произошло отъ желанія сдѣлать добро другимъ. Все горе имѣетъ источникомъ эгоизмъ.

«Царя почитаютъ въ его владѣніяхъ; талантливаго человѣка повсюду.

«Слишкомъ длинная рѣчь надоѣдаетъ, смыслъ черезчуръ короткой не ясенъ; если она груба, она оскорбляетъ чувство слушателя, черезчуръ мягкая не удовлетворяетъ. Рѣчь должна быть смѣла какъ левъ, мягка и элегантна какъ заяцъ, она должна поражать какъ змѣя, быть остра какъ стрѣла и уравновѣшена какъ мечъ, повѣшенный за середину.

«Сперва долженъ быть поставленъ вопросъ, затѣмъ дано правильное сочетаніе доводовъ. Существенныя части должны быть повторены — и мнѣніе автора иллюстрировано примѣрами. Рѣчь должна быть соотвѣтственнымъ образомъ закончена, иначе эффектъ ея пропадаетъ».

Или: «Главные 10 пороковъ: невѣріе въ книги, неуваженіе къ учителю, непріязненное отношеніе къ окружающимъ, болтливость, насмѣшка надъ чужимъ несчастьемъ, сквернословіе, гнѣвъ на стариковъ, заниманіе въ долгъ того, чего не можешь отдать, воровство, жадность. Люди низкаго происхожденія отличаются отъ другихъ тѣмъ, что они говорятъ грубо, невѣжливы, говорятъ съ гордостью, непредусмотрительны, имѣютъ скверныя манеры, нецѣломудренны и склонны къ воровству».

Въ изученіи такихъ и тому подобныхъ правилъ и наставленій проводитъ время поступившій въ монастырь монахъ. Онъ только одинъ разъ въ мѣсяцъ имѣетъ право видѣться съ родителями, приносящими его плату за ученіе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученія его приводятъ къ настоятелю монастыря; лама-учитель вноситъ за него плату—около 10 руб.—и заявляетъ, что желаетъ помѣстить его какъ монаха. Ему настоятель предлагаетъ вопросы: поступаетъ-ли онъ въ монастырь по своей доброй волѣ; кто онъ: рабъ, должникъ или солдатъ; соблюдалъ-ли онъ главныя заповѣди буддизма, не воровалъ-ли онъ, не бросалъ-ли яда въ воду или камней съ обрывовъ горъ съ цѣлью уничтоженія чьей-либо жизни, и проч. Затѣмъ мальчику дѣлается экзаменъ въ пройденныхъ предметахъ.

Если онъ выдержитъ экзаменъ, его одѣваютъ въ желтыя или красныя монашескія одѣянія. Если мальчика забраковываютъ, его исключаютъ изъ монастыря, воспитатель-же его получаетъ нѣсколько ударовъ палокъ и его штрафуютъ на нѣсколько фунтовъ масла для монастырскихъ лампадъ.

Процедура посвященія въ монахи заключается въ томъ, что въ собраніи монаховъ настоятель срѣзываетъ у бывшаго послушника послѣдній клокъ волосъ съ гладко выбритой головы, напоминаетъ ему главныя правила буддійскаго ученія и заставляетъ три раза повторить возможно внятнѣе фразу: «Отнынѣ ищу убѣжища въ Буддѣ, законѣ и ученіи». Монахъ получаетъ особую келью, подчиняется общемонастырскому уставу и продолжаетъ свое ученіе, при которомъ до сихъ поръ еще имѣютъ широкое примѣненіе тѣлесныя наказанія. Отъ времени до времени онъ держитъ экзаменъ въ присутствіи собранія духовенства. Если его срѣжутъ нѣсколько разъ подрядъ — его исключаютъ изъ монастыря. Въ монастыряхъ Тибета студенты - монахи помимо экзаменовъ должны еще имѣть нѣсколько публичныхъ диспутовъ, на которые стекается масса народу и которые здѣсь пользуются большою популярностью. Только черезъ 12 лѣтъ ученія, достигая обыкновенно, minimum, 20-лѣтняго возраста, монахъ дѣлается ламою, способнымъ занимать высшія настоятельскія должности. Должности эти даются соотвѣтственно достигнутымъ ученымъ степенямъ. Такихъ степеней здѣсь три: ge-se, соотвѣтствующая нашему кандидату; bab-jam-pa—доктору богословія и, наконецъ, наивысшая, ch'öje, даваемая лицамъ особой святости и благочестія. Степени эти даются только въ немногихъ ламайскихъ монастыряхъ, играющихъ роль нашихъ университетовъ. Мнѣ лично, какъ небывавшему внутри Тибета, организація такихъ монастырей неизвѣстна, но Ведделъ, знатокъ сиккимскаго ламаизма, пишетъ о нихъ слѣдующее:

Монастыри эти, содержащіе по нѣскольку тысячъ монаховъ, имѣютъ строгую организацію. Во главѣ монастыря стоитъ обыкновенно лама, играющій роль настоятеля, подъ начальствомъ котораго состоятъ: 1) профессоръ богословія, 2) главный казначей, 3) экономъ, 4) инспекторъ, 5) регентъ хора, 6) завѣдующій одѣяніями, 7) водочерпій, 8) чайные распорядители.

Къ этому-же штату относится низшая прислуга: повара, служителя, стражи, слуги гостинницы, носители разныхъ эмблемъ, врачи, художники и т. п., все конечно изъ монаховъ. Всѣ они содержатся въ строжайшей дисциплинѣ. За мелкіе проступки ограничиваются выговорами и увѣщаніями; за большіе слѣдуетъ наказаніе палкою или плетью, 100—150 ударовъ. Въ случаѣ неоднократнаго повторенія проступка—слѣдуетъ исключеніе изъ монастыря. Изъ проступковъ чаще всего бываетъ нарушеніе обѣта безбрачія и цѣломудрія. Въ самыхъ монастыряхъ монахи живутъ очень недурно, такъ-какъ обыкновенно монастыри имѣютъ обширныя земли и деревни, дающія имъ хорошіе доходы; кромѣ того, добровольныя пожертвованія прихожанъ еще болѣе увеличиваютъ ихъ средства. Цѣлыя арміи монаховъ отправляются во время жатвы собирать приношенія, и тогда зерно, кирпичный чай, масло, соль, мясо—стекаются рѣкою въ монастырь. Денегъ подаютъ мало, такъ-какъ Тибетъ вообще не богатъ монетою. Другими источниками доходовъ такихъ монастырей служатъ продажа заклинаній, составленіе гороскоповъ и т. п. Вотъ что разсказываютъ сами тибетскіе монахи о своей жизни. Вставши съ постели, какъ-бы это рано ни было, монахъ долженъ стать въ своей келіи на колѣни передъ домашними богами и прочесть молитву. Первое собраніе монаховъ бываетъ еще до восхода. Большимъ колоколомъ будятъ заспавшихся; вслѣдъ затѣмъ трубятъ въ раковину,—сигналъ, по которому монахи одѣваются и идутъ молиться. Они совершаютъ омовеніе при пѣніи молитвъ, послѣ чего, перебирая четки, бормочутъ

молитвы своимъ святымъ. По второму сигналу раковины, подаваемому минутъ черезъ 15, всѣ монахи становятся на колѣни передъ дверями храма, затѣмъ входятъ въ него, занимая тамъ мѣста, соотвѣтствующія ихъ положенію, причемъ самые младшіе члены располагаются около двери. Монахи садятся рядами, на циновкахъ, со скрещенными ногами, сохраняя полное молчаніе. Дается 3-й сигналъ раковиной, читаютъ молитвы и подаютъ чай. Послѣ чая начинается продолжительная служба, 2 или 3 раза прерываемая чаепитіемъ. По окончаніи ея дается монахамъ супъ и они расходятся по келіямъ.

Второе собраніе бываетъ въ 9 часовъ, третье въ полдень, послѣ чего монахи садятся у себя въ кельяхъ за обѣдъ, состоящій изъ чаю, мяса и ячменныхъ лепешекъ.

4-е собраніе монаховъ происходитъ въ 3 часа, послѣ чего монахи занимаются риторикой. 5-е собраніе въ 7 ч. вечера заканчиваетъ день. Между монахами есть отшельники, уединяющіеся отъ міра въ пещеры и проводящіе тамъ время въ полномъ одиночествѣ и постѣ. Въ монастыряхъ-же отъ мяса воздерживаются только престарѣлые, достигшіе высшихъ степеней монахи.

Вотъ эти-то учрежденія и поставляютъ духовенство въ города и села, играя въ одно и то-же время роль и монастырей, и семинарій. Ихъ воспитанники съ привѣтливою улыбкою встрѣчаютъ васъ при входѣ въ храмъ, предлагая показать и объяснить все въ немъ находящееся. Послѣдуемъ за такимъ священникомъ внутрь уже упомянутаго храма въ окрестностяхъ Дарджилинга. Храмъ (Lha-Kán, по-ламайски значитъ божій домъ) въ монастыряхъ—это обыкновенно весьма значительной величины постройка, снабженная нерѣдко позолоченными куполами, около нея располагаются «ступи» или надгробные мавзолеи,—каменныя постройки, большею частью изъ бѣлаго мрамора, формою своею однако болѣе напоминающія исполинскіе колпаки, съ очень длинною ручкою, представляющею шпиль. Но видѣнный мною храмъ,

какъ уже сказано, представлялъ, какъ и большинство сельскихъ храмовъ Сиккима, сравнительно невзрачную деревянную постройку, внутри которой помѣщались идолы. Въ этой постройкѣ и совершаются всѣ главныя служенія мѣстныхъ ламаитовъ. Они начинаются всегда тѣмъ, что жрецы благословляютъ другъ друга. Лама слегка касается пальцами лба, говоря «Om», затѣмъ груди, говоря «Ah», живота, говоря «Hum»—затѣмъ глазъ, со словами «Dan» и «Yam». Затѣмъ идетъ моленіе тому или другому божеству, состоящее изъ воззваній къ богу, упрашиваній его остаться въ храмѣ (сѣсть), преподнесенія ему жертвъ, состоящихъ изъ хлѣба, рису, воды и цвѣтовъ, возженій лампадъ, музыки, гимновъ хвалебнаго характера. Молятся не только за людей, но и за животныхъ, за землю, приносятъ покаянія въ грѣхахъ и жертвы демонамъ, угрожающимъ несчастьемъ людямъ. Особенно много мѣста занимаютъ гимны и пѣснопѣнія Тарѣ—богинѣ милосердія. Покаяніе въ грѣхахъ совершается ламами публично два раза въ мѣсяцъ. Это не есть настоящее покаяніе, но только стереотипная пѣсня, исполняемая хоромъ передъ идолами. Эти послѣдніе весьма разнообразны и неодинаковы въ каждомъ храмѣ. Обыкновенно, войдя въ храмъ, вы видите въ глубинѣ его возвышеніе, надъ которымъ изображенъ въ центрѣ Будда въ его обычной позѣ, сидящимъ поджавъ колѣна, Padma Sambhava — слѣва и Avalokiti справа. Передъ этими изображеніями, надъ которыми обыкновенно раскинутъ шелковый балдахинъ, разставлены различные предметы въ металлическихъ сосудахъ—вода, рисъ, хлѣбъ, цвѣты въ вазахъ и свѣтильники—маленькія плоскія мѣдныя чашечки, наполненныя масломъ, въ которыя вложены фитили. Выше находятся музыкальные инструменты, большая лампа, которая часто замѣняется многими маленькими, числомъ иногда до 1 000; священныя книги, мечъ для отогнанія дьяволовъ и колокольчикъ, ваза для воды, стрѣла для загадыванія, металлическое зеркало, двѣ пары цимбалъ, труба изъ раковинъ,

пара мѣдныхъ флажолетовъ, пара складныхъ громадныхъ трубъ до 6 ф. длиною, пара трубъ, сдѣланныхъ изъ костей человѣческихъ ногъ (онѣ приготовляются изъ труповъ преступниковъ, съ пѣніемъ различныхъ заклинаній, причемъ лама долженъ съѣсть кусокъ человѣческой кожи, покрывавшей эту ногу); наконецъ, нѣсколько тамъ-тамовъ и чашъ для возліяній. Въ храмѣ помѣщаются иногда аннектированные ламаизмомъ индійскіе боги, которымъ въ Индіи приносятъ кровавыя жертвы, несовмѣстимыя съ буддійскимъ ученіемъ. На стѣнахъ нарисованы или повѣшены написанныя на ткани изображенія боговъ.

Ламайскій пантеонъ состоитъ изъ ряда буддъ, управляющихъ различными царствами загробныхъ міровъ, и воплощающихся временно на землѣ. Вторую категорію божествъ составляютъ боддисатвы, или отраженія божественной силы буддъ, въ людяхъ, въ святыхъ и наконецъ въ ламахъ.

Въ женскихъ отраженіяхъ божественной силы буддъ наиболѣе замѣчательна Тара, обыкновенно воплощающаяся въ видѣ Далай-Ламы. Она вполнѣ по своей роли соотвѣтствуетъ богинѣ милосердія китайцевъ, Ихто. Затѣмъ идетъ безконечная серія боговъ покровителей, боговъ защитниковъ вѣры, демоновъ и божковъ, и наконецъ мѣстныхъ боговъ и духовъ, своего рода домовыхъ, которыхъ населеніе настолько боится, что отводитъ имъ въ домѣ постоянный уголъ, куда остерегается бросить какую-нибудь вещь, а обѣдая, дѣлаетъ имъ возліяніе. Прибавьте къ этому безконечную серію святыхъ, и вы получите для ламайской религіи такой громадный пантеонъ, какого не имѣетъ никакая другая—и для изученія котораго мало цѣлой жизни. Личность Будды — учителя человѣчества—исчезла въ этомъ пантеонѣ. Отъ него осталась только одна философія, мало понятная ламамъ, неизвѣстная народу. Онъ отождествился сначала съ причиною всѣхъ причинъ, Amitaba Budda, затѣмъ путемъ эманаціи явились будды низшаго качества, цари

загробныхъ міровъ. Ихъ мужское и женское начала, соединенныя въ нихъ воедино, стали давать воплощенія. Такими воплощеніями считались замѣчательныя въ исторіи буддизма лица. Они затѣмъ возводились въ боговъ — какъ напр. зеленая Тара, бывшая когда-то индійской принцессой, введшей буддизмъ въ Тибетѣ. Затѣмъ буддизмъ постепенно воспринималъ въ свое лоно въ качествѣ защитниковъ и покровителей религіи всѣхъ боговъ народовъ, принявшихъ буддизмъ, такъ-какъ это было выгодно для его духовенства, и въ заключеніе всего получился такой хаосъ многобожія, какой представляетъ ламаизмъ въ Сиккимѣ. Каждый изъ такихъ боговъ имѣетъ мѣдныя, иногда, по мнѣнію ламъ упавшія съ неба изображенія, и въ домашнихъ молельняхъ—маленькихъ копіяхъ съ только-что описанной — передъ ними ставятся такія-же жертвы. Большіе храмы имѣютъ обширный штатъ духовенства, состоящій, какъ и у насъ въ калмыцкихъ степяхъ, изъ монджаковъ, гецюлей и гелюновъ, т.-е пѣвчихъ, младшихъ и старшихъ жрецовъ. Ихъ моленія представляютъ длинный и сложный ритуалъ, со звономъ колокольчика, пѣснопѣніями, возгласами и чтеніемъ книгъ. Но они сопровождаются и адски-оглушительной музыкою. Однако, подобныя церемоніи бываютъ въ монастыряхъ, въ предѣлахъ Тибета. Въ Сиккимѣ-же вы видите гораздо болѣе шаманскихъ выходокъ, чѣмъ буддійскихъ богослуженій. Особенное впечатлѣніе на народъ производятъ довольно часто происходящіе передъ храмомъ танцы дьяволовъ, когда ламы, нарядившись въ безобразныя маски и размалевавши тѣло свое, представляютъ то скелеты, то злыхъ духовъ, мучающихъ тѣло грѣшника. Дѣлается чучело этого послѣдняго, которое, послѣ суда и признанія виновнымъ въ тѣхъ или другихъ прегрѣшеніяхъ, раздираютъ на части. Недалеко, однако-же, говорятъ, было то время, когда такъ раздирали людей, такъ-какъ людоѣдство, говорятъ, сравнительно недавно вывелось въ предѣлахъ Тибета, и слѣды его

еще и теперь остались у ламъ въ церемоніяхъ приготовленія флейтъ изъ костей и бубенъ изъ череповъ преступниковъ.

Если принять во вниманіе, что почти каждая тибетская семья имѣетъ одного изъ членовъ монахомъ—нельзя не видѣть громаднаго вліянія духовенства на край. Оно держитъ народъ въ постоянномъ страхѣ передъ демонами, поддерживая суевѣрія и выжимая громадный процентъ его доходовъ. Но съ другой стороны оно сдѣлало кроткимъ и миролюбивымъ, щадящимъ и жалѣющимъ даже животныхъ полудикій, нѣкогда преданный каннибализму народъ, обративъ его въ полуосѣдлыхъ земледѣльцевъ. Поэтому населеніе Сиккима представляетъ глубокій интересъ для этнографа. Здѣсь въ зачаточномъ состояніи и далѣе, во всѣхъ стадіяхъ развитія, можетъ онъ наблюдать ростъ той монгольской культуры, которая такъ пышно расцвѣла на дальнемъ Востокѣ, и здѣсь-же лучше чѣмъ гдѣ-либо можно видѣть, какимъ тормазомъ для дальнѣйшаго развитія народовъ Сиккима было его ламайское духовенство.

Въ то время какъ Китай и Японія развились въ культурныя и могущественныя государства, населеніе Сиккима и пограничнаго съ нимъ Тибета осталось на степени невѣжественныхъ и суевѣрныхъ хлѣборобовъ и пастуховъ, видящихъ спасеніе свое только въ заклинаніяхъ, амулетахъ и совѣтахъ шамана и указаніяхъ его на счастливые и несчастные дни. Прочтите прекрасное сочиненіе Эдвина Арнольда «Свѣтъ Азіи», переведенное на русскій языкъ. Изъ него можно себѣ составить ясное понятіе, что такое ученіе Будды, какимъ высокимъ проповѣдникомъ нравственности былъ этотъ человѣкъ для жителей Индіи. Обрывки ученія этого вы найдете въ приведенныхъ нами выше монастырскихъ правилахъ. Но для невѣжественной народной массы ученіе это оставалось и останется мертвою буквою. Когда оно исходило изъ устъ самого Будды, оно трогало сердца тысячъ народа, стекавшагося его слушать. То-же было, когда слова великаго

учителя передавались его учениками. Оно находило миллионы послѣдователей, и мы знаемъ, что буддизмъ широкою рѣкою разлился по Индіи, ставши тамъ господствующею, государственною религіею, почти изгнавши древніе языческіе культы. Потомъ, въ религіи этой явились различныя толкованія, которыя были причиною раздѣленія буддистовъ на двѣ отрасли, сѣверную и южную, ученія которыхъ и доселѣ дѣйствуютъ, одно въ Бирманѣ и на Цейлонѣ (Hinayana) и другое въ Китаѣ, Японіи и Тибетѣ (Mahayana). Уже эти толкованія буддійскаго ученія въ значительной степени измѣнили первоначальный его характеръ. Такъ напр., первоначальный буддизмъ обѣщалъ Нирвану немногимъ избраннымъ; Mahayana—обѣщаетъ его всей вселенной, замѣняя все болѣе и болѣе необходимыя для спасенія добрыя дѣла молитвами и обрядами и дѣлая такимъ образомъ религію все болѣе и болѣе доступною массѣ. Мало-помалу появляются новые элементы буддійскаго пантеона, небесные будды, боддисатвы, боготворимые результаты воплощеній различныхъ силъ, присущихъ высшему Буддѣ, вводятся самоистязанія и другія крайности индійскихъ сектъ іогасовъ, противъ которыхъ нѣкогда такъ ратовалъ Будда, и въ началѣ нашей эры еще въ самой Индіи буддизмъ дѣлается фетишистической религіей, мало отличной отъ той, противъ которой ратовалъ Будда.

Исторія индійскаго буддизма очень поучительна. Она показываетъ намъ наглядно, что самое высокое нравственное ученіе, если оно предлагается невѣжественной массѣ, подобно зерну, бросаемому въ терніе. Терніе это глушитъ его, искажая самыя лучшія доктрины въ грубое суевѣріе. И въ Индіи искаженіе это шло двумя совершенно своеобразными путями. На равнинѣ выродившійся буддизмъ оказался не въ силахъ бороться съ браминами. Эти послѣдніе, желая сохранить всѣ прерогативы своего кастоваго превосходства, опираясь на народные предразсудки и невѣжество, создали на мѣсто древней

арійской религіи хаосъ сектъ, увлекая въ которыя темную народную массу, они мало-по-малу отбили отъ буддизма всѣхъ его поклонниковъ. Нѣкогда почти вполнѣ буддійскій Индостанъ теперь не насчитываетъ и нѣсколькихъ тысячъ буддистовъ. Но, преслѣдуя свои кастовыя цѣли, брамины не создали цѣльной религіи, и мы видѣли, что современный индуизмъ есть смѣсь всевозможныхъ доктринъ и ученій, у которыхъ общимъ является только то, что обще всѣмъ невѣжественнымъ земледѣльческимъ массамъ, и то, что создали въ строѣ жизни Индіи ея климатъ и исторія.

Иной совершенно ходъ былъ въ горахъ. Сюда буддизмъ проникаетъ только въ VII столѣтіи послѣ Р. Х., встрѣчая дикарей горцевъ, не болѣе культурныхъ, чѣмъ тѣ черные аборигены юга и востока Индіи, которымъ въ то-же время на равнинѣ проповѣдывалось ученіе Шакья-Муни. До VII столѣтія Тибетъ бынъ недоступенъ даже для китайцевъ. Здѣсь жили хищные дикари-людоѣды, безъ письменности, вѣрившіе въ духовъ, почитавшіе духовъ умершихъ и имѣвшіе шамановъ, производившихъ заклинанія и дьявольскія пляски для усмиренія злыхъ духовъ. Въ VII столѣтіи воинственный князь Сронъ-Тсанъ-Гамбо соединилъ племена эти въ могущественное царство и расширилъ предѣлы его до границъ Китая. Онъ былъ женатъ на дочери непальскаго короля Амсувармана, и она, какъ набожная буддистка, постаралась обратить своего мужа въ эту вѣру. По ея иниціативѣ были посланы въ Индію люди за священными книгами и введенъ такъ-называемый ламайскій алфавитъ и грамматика. Народъ высоко цѣнитъ просвѣтительную дѣятельность этого царя, считая его за воплощеніе одного изъ небесныхъ боддисатвъ Avalokita. Такими-же воплощеніями Avalokita считаютъ и обѣихъ его женъ—сдѣлавъ ихъ Тарами-утѣшительницами, спасительницами, богинями милосердія. Это и есть «зеленая и бѣлая Тары» ламайскаго пантеона.

Но истымъ основателемъ видоизмѣненнаго въ Ти-

бетѣ буддизма—ламаизма собственно является индусъ-монахъ Padma Sambhava, жившій вѣкомъ позже, имя котораго милліоны разъ теперь повторяются во всѣхъ вращающихся молитвенныхъ мельничкахъ Тибета и Сиккима. Онъ былъ родомъ изъ Кашмира. Явившись въ Тибетъ, какъ говоритъ преданіе, онъ побѣдилъ всѣхъ его злыхъ духовъ и дьяволовъ, сдѣлавши ихъ защитниками буддизма, гарантировавши имъ за то ежедневныя молитвы и жертвоприношенія. Такимъ образомъ всѣ боги Тибета сдѣлались членами буддійскаго пантеона, преклонившись передъ до сихъ поръ употребляемой при ламайскихъ богослуженіяхъ эмблемою копья Индры—оружія, съ которымъ Padma явился въ Тибетъ. Онъ устроилъ здѣсь первый монастырь въ 749 г. и учредилъ монашескій орденъ ламъ: «ла-ма» есть тибетское слово, означающее—высшій. Оно по правилу можетъ примѣняться только къ настоятелю монастыря, хотя изъ вѣжливости имъ именуютъ и простыхъ монаховъ.

Ученіе, распространяемое въ этихъ монастыряхъ, уже съ самаго начала приняло характеръ смѣси туземнаго шаманства съ усвоеннымъ къ тому времени индійскимъ буддизмомъ, чернокнижіемъ и мистицизмомъ послѣдователей Сивы; такой характеръ ламаизмъ сохраняетъ и доселѣ. Только въ этой формѣ народная масса и могла при своемъ низкомъ уровнѣ развитія воспринять буддизмъ, такъ-какъ даже въ этой формѣ ему приходилось выдерживать сильную борьбу съ туземными шаманами. Падма имѣлъ 25 учениковъ, обладавшихъ свойствами творить самыя невѣроятныя чудеса. Его самого ламаиты считаютъ за воплощеніе Будды, и изображенія его находятся во всякомъ храмѣ.

Введенный такимъ образомъ и уже съ самаго начала искаженный ламаизмъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи въ Тибетѣ подвергался многократнымъ измѣненіямъ, прежде чѣмъ достигнуть современной формы. Онъ распался на нѣсколько враждующихъ другъ съ другомъ

сектъ, которыя, быть можетъ, такъ-же точно погубили-бы его, какъ и въ Индіи, если-бы онъ неожиданно не нашелъ себѣ поддержки въ великомъ азіатскомъ завоевателѣ Кублай-ханѣ. Тибетъ былъ покоренъ еще его предшественникомъ Чингисъ-ханомъ, около 1206 г., и Кублаю пришлось черезъ него познакомиться съ вѣрою ламайскою. Желая объединить свое обширное государство одною религіею, онъ созвалъ представителей религій магометанской, христіанской, послѣдователей Будды и Конфуція и заявилъ, что онъ признаетъ превосходство той изъ этихъ религій, послѣдователи которой могутъ совершить ему чудо. Когда послѣдователи другихъ религій отказались исполнить его желаніе, лама совершилъ чудо, заставивъ кубокъ съ виномъ, стоявшій передъ Кублаемъ, подняться къ его устамъ. Тогда императоръ принялъ буддизмъ. Кублай призналъ ламу изъ Jaskya главою ламаитовъ, сдѣлавъ его одновременно правителемъ Тибета и своимъ данникомъ. Кублай выстроилъ много монастырей и содѣйствовалъ переводу многихъ буддійскихъ книгъ. Въ 1640 г. главенство надъ ламаитами переходитъ къ послѣдователямъ секты Гелючъ-па, для главы которой монгольскій принцъ Гузри-ханъ завоевываетъ Тибетъ, добивается признанія его самостоятельнымъ у Китая и даетъ его главному ламѣ титулъ «Далай», т.-е. обширный какъ океанъ. Вотъ эти-то Далай-Ламы и воспользовались этимъ моментомъ, чтобы утвердить за собою положеніе свое, какъ жрецовъ-царей, подчинить своей власти монастыри другихъ сектъ и, изобрѣтя легенды, возвеличивающія Боддисатва-Avalokita, заявили, что они сами суть воплощеніе этого божества. Они выстроили себѣ громадный храмъ-дворецъ на холмѣ близъ Хляссы, гдѣ и пользуются почитаніемъ народа, гордаго тѣмъ, что онъ имѣетъ правителелей небеснаго, божественнаго происхожденія. По ученію ламаитовъ, душа одного ламы воплощается по его смерти въ другого, хотя этотъ другой можетъ быть не его сыномъ,

сыномъ даже бѣднѣйшаго изъ крестьянъ; но божественное происхожденіе его узнаютъ по особымъ примѣтамъ и гороскопу. Современное населеніе Тибета повидимому не болѣе 4 000 000, но къ поклонникамъ Далай-Ламы, какъ извѣстно, принадлежатъ нетолько тибетцы и описанные нами жители Сиккима и пограничныхъ съ нимъ областей, но и наши калмыки и буряты. Несмотря на признаніе высшаго главенства Далай-Ламы, играющаго роль папы, и теперешніе ламаиты раздѣляются на множество мелкихъ сектъ, основанныхъ на различныхъ тонкостяхъ толкованія ученія Будды. Но эти тонкости интересуютъ лишь монаховъ. Только этимъ послѣднимъ извѣстно правильное или искаженное ученіе Будды. Для народной-же массы современный ламаизмъ, по крайней мѣрѣ тотъ, который вы можете наблюдать въ Сиккимѣ и окрестностяхъ Дарджилинга—есть смѣсь темныхъ индійскихъ культовъ съ шарлатанствомъ и демонологіей. Составленіе гороскоповъ, моленія передъ истуканами боддисатвъ-цѣлителей и шаманскаго характера пляски въ случаѣ болѣзней, гаданія—мистеріи съ переодѣваніемъ, процессіи съ трубами и барабанами, продажа различныхъ божковъ—вотъ что составляетъ дѣятельность ламъ по отношенію къ народу, ламъ, ревностно слѣдящихъ за тѣмъ, чтобы не допустить къ нему свѣта знанія, и въ силу этихъ соображеній запирающихъ врата Тибета для европейцевъ. Народное невѣжество, на счетъ котораго кормятся ламы, создало здѣсь изъ буддизма религію въ сущности мало отличную отъ той, которую исповѣдуетъ народъ равнины Индіи. Но тамъ, на фонѣ предразсудковъ индуизма, развились тысячи уродливыхъ варіацій его и сектъ, такъ-какъ массы не имѣли никакой централизирующей власти; здѣсь предразсудки вылились въ религію съ стройнымъ ритуаломъ и ученіемъ,—но для народа остающуюся тою-же демонологіей, что и вѣра ихъ чернокожихъ собратовъ Индіи.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

Бенгалія и ея столица.

Пробужденіе Индіи. Англичане въ Индіи и русскіе на Кавказѣ.

Какъ и въ предшествующихъ экскурсіяхъ, и изъ Сиккима мнѣ пришлось преждевременно вернуться въ Калькутту, чтобы спѣшить на пароходъ, отправляющійся въ Коломбо, куда уѣхалъ больной И. П. Клингенъ. Съ большимъ сожалѣніемъ разстался я съ дебрями закутаннаго въ облака Дарджилинга и его погруженнымъ въ таинственные культы населеніемъ, чтобы вновь спуститься въ оранжерейную атмосферу Тераи и пріѣхать въ жаркую Калькутту. Теперь, въ маѣ мѣсяцѣ, Калькутта представляла настоящій адъ, и, проживъ въ ней нѣсколько дней, я понялъ, почему европейское населеніе бѣжитъ отсюда въ Дарджилингъ и другіе горные курорты Гималаевъ. Нигдѣ и никогда еще я не испытывалъ такой высокой температуры. На улицѣ воздухъ былъ такъ горячъ, что даже въ закрытой каретѣ оправа моихъ очковъ раскалялась до того, что прикосновеніе ея къ тѣлу вызывало боль.

Когда въ гостинницѣ я хотѣлъ взять холодную ванну, изъ крана побѣжалъ почти кипятокъ, такъ сильно была нагрѣта солнцемъ вода, протекавшая по трубѣ подъ кровлею зданія. Нечего было и думать заснуть въ постели безъ помощи панкера; это значило-бы задыхаться всю ночь, обливаясь пòтомъ. Поневолѣ приходится прибѣгать

къ помощи пункамэновъ. Эти послѣдніе по двое сидятъ за стѣной вашей комнаты въ коридорѣ. Тутъ-же на циновкахъ ложатся спать ваши слуги, и длинные полутемные корридоры Great Eastern Hôtel представляютъ такое скопленіе темныхъ потныхъ тѣлъ сидящихъ и лежащихъ, такую духоту, что вечеромъ, шагая черезъ нихъ, чтобы добраться до своего номера, я невольно вспоминалъ то мѣсто изъ жизнеописанія Будды, гдѣ этотъ вѣроучитель, возвращаясь ночью въ свои хоромы, видя разбросанныя тѣла спящихъ своихъ танцовщицъ, проникся къ нимъ отвращеніемъ.

Такой-же патріархальный видъ имѣютъ и улицы города. Обыкновенный костюмъ бенгальца очень красивъ. Правда, онъ состоитъ изъ одного куска матеріи, почти такой-же тонкой и прозрачной, какъ кисея. Но бенгалецъ умѣетъ въ нее драппироваться весьма эффектно. Онъ опоясываетъ кусокъ вокругъ бедеръ и пропускаетъ продолженіе куска между ногъ, такъ-что образуется родъ кисейныхъ панталонъ; остальной кусокъ, довольно еще длинный, перебрасывается въ видѣ плаща черезъ плечо. Темно-коричневый цвѣтъ тѣла слегка просвѣчиваетъ сквозь складки кисеи; ея бѣлый цвѣтъ представляетъ контрастъ съ темнымъ красивымъ лицомъ и шеею; грудь иногда прикрыта только однимъ этимъ кисейнымъ плащемъ, иногда-же на нее накидывается тоненькая, хватающая лишь до бедеръ кисейная рубашечка русскаго покроя—и въ этомъ костюмѣ бенгальскій джентльменъ—Bengali-babu, какъ ихъ здѣсь зовутъ, представляетъ изъ себя антично задраппированную фигуру, переносящую васъ во времена классической древности. Въ этихъ костюмахъ вы видите здѣсь студентовъ университета, ординаторовъ клиникъ, купцовъ и интеллигентовъ въ театрахъ и собраніяхъ. Но на улицахъ простонародье значительно упрощаетъ этотъ костюмъ,—до простого пояса стыдливости, и странно какъ-то на ступеняхъ присутственныхъ мѣстъ и на тротуарахъ улицъ, имѣющихъ обликъ улицъ европейскихъ городовъ, видѣть эти брон-

зово-коричневыя античныя фигуры съ перекинутыми черезъ плечи полотенцами, переносящія васъ нето въ античныя времена, нето въ баню или купальное заведеніе. Но невыносимая жара оправдываетъ эту патріархальность даже въ глазахъ англичанъ. Жара такъ нестерпима, что въ дверяхъ магазиновъ выстроены будки изъ соломы, которую обливаютъ водою черезъ каждый часъ, чтобы дать сырость и прохладу внутреннимъ помѣщеніямъ. Бутылки съ содовой водою, принесенной изъ ледника, нагрѣваются такъ быстро, что часто разрываются въ рукахъ раскупоривающихъ ихъ слугъ съ шумомъ, подобнымъ пушечному выстрѣлу.

Въ полуденные часы вы обыкновенно не видите бѣлыхъ на улицахъ города. Европейское населеніе прячется по домамъ, и только одни туземцы не боятся лучей родного солнца. Здѣсь, въ Бенгалѣ, вы уже въ черной Индіи. Бѣлые и желтые тона обнаженныхъ тѣлъ сравнительно рѣдки, и фигуры шоколадныя, темно-шоколадныя, коричневыя и черныя какъ сапогъ наполняютъ улицы. Болѣе темныхъ людей въ Британской Индіи вы увидите развѣ только въ Мадрасѣ или на южной оконечности полуострова въ Тутикоринѣ. Чѣмъ объяснить эту черную окраску людей, всѣ черты лица которыхъ такъ не похожи на негритянскія, высокая интеллигентность и красота которыхъ позволяетъ поставить ихъ наряду съ лучшими представителями арійской расы? Нѣтъ сомнѣнія, что бенгальцы—смѣсь арійцевъ съ аборигенами Индіи, чернокожими дравидами, смѣсь, въ которой повидимому культурныя условія жизни дали возможность арійскому типу получить первенство въ обликѣ лица и формъ, тогда-какъ климатъ оказалъ вліяніе на пигментъ. И, достойно вниманія, цвѣтъ кожи этого темнаго индійскаго населенія повидимому далеко не такъ устойчивъ, какъ у негровъ. Онъ, какъ и всякій загаръ, есть красящее вещество, образующееся подъ вліяніемъ солнца въ нашей кожѣ, имѣющее цѣлью предохранить

ее отъ сильнаго жара, такъ-какъ на этомъ черномъ фонѣ быстрѣе идетъ испареніе пота, что охлаждаетъ самую кожу и избавляетъ ее отъ болѣзней, связанныхъ съ черезчуръ сильнымъ потѣніемъ, отъ которыхъ такъ сильно страдаютъ европейцы подъ тропиками. Развитіе этого пигмента, хотя передающееся по наслѣдству, вызывается всетаки солнцемъ. Оно бываетъ нетолько у людей, но и у животныхъ. Рогатый скотъ Индіи, если его обрить, оказывается также чернокожимъ. Онъ можетъ, какъ и чернокожія индійскія лошади, переносить палящій зной индійскаго солнца безнаказанно, тогда-какъ бѣлый скотъ Англіи, попадая въ Индію, подвергается накожнымъ болѣзнямъ. Тутъ видна аналогія между людьми и животными. Проѣзжая по желѣзной дорогѣ, я всегда поражался, видя, что бѣлые и желтые индусы работаютъ всегда въ одеждѣ, тогда-какъ черные крестьяне трудятся, имѣя на себѣ лишь пояса стыдливости. Тутъ наглядно можно было видѣть, насколько черная кожа лучше приспособлена къ воздѣйствію солнца. И обратно, какъ на моихъ слугахъ въ Индіи, такъ въ еще большей степени на слугѣ моемъ, находящемся въ Россіи, я вижу, какъ быстро можетъ измѣняться этотъ пигментъ при устраненіи дѣйствія солнца. Въ противоположность неграмъ, индусы на сѣверѣ линяютъ, и если они не могутъ дѣлаться столь-же бѣлыми, какъ мы, то кожа ихъ при различныхъ условіяхъ жизни пробѣгаетъ всѣ оттѣнки цвѣтовой гаммы отъ темно-коричневаго до смуглаго цвѣта нашихъ кавказскихъ армянъ, болгаръ или крымскихъ татаръ. Что-же удивительнаго, что въ самой Индіи мы встрѣчаемъ такое поразительное разнообразіе цвѣтовыхъ оттѣнковъ кожи у бенгальцевъ различныхъ кастъ и общественныхъ положеній.

Другая особенность, которая бросается въ глаза на улицахъ Калькутты, это распространенность ужасной индіской болѣзни элефантіазиса. Эта болѣзнь, состоящая въ томъ, что нога наполняется лимфою и ступня раз-

дувается до громаднѣйшихъ размѣровъ, напоминая ногу слона, здѣсь попадается очень часто, и такіе больные, вмѣстѣ съ такъ-называемыми факирами, или попросту юродивыми, увѣшанными четками, вымазанными въ пепелъ, встрѣчаясь на улицѣ, дѣлаютъ прогулку въ туземныхъ кварталахъ Калькутты далеко не пріятнымъ развлеченіемъ.

Говоря вообще, Калькутта не представляетъ для туриста того интереса, какъ города сѣв.-западной и южной Индіи. Это уже скорѣе созданіе англичанъ, а не древней индійской исторіи. Калькутта бѣдна оригинальной конструкціи храмами и другими памятниками древности, она болѣе чѣмъ какой другой городъ проникнута англо-индійскимъ духомъ. Каждый народъ, основывая свою колонію въ чужихъ странахъ, стремится придать ей свой обликъ. Голландцы на Явѣ избрали болотистую и нездоровую низину, Батавію, потому-что она напоминала имъ родину и здѣсь они могли проводить свои каналы; за нѣсколько тысячъ верстъ отъ европейской Россіи, Владивостокъ переноситъ васъ въ обстановку родной неурядицы; точно такъ-же Калькутта обѣщаетъ вырости въ Лондонъ на индійской почвѣ. Быть можетъ, англичанинъ, прочтя эти строки, вытаращилъ-бы глаза отъ изумленія. Что общаго между жаркой и солнечной Калькуттой и туманнымъ, окруженнымъ фабричными трубами Лондономъ? Здѣсь можетъ быть рѣчь о контрастахъ, о противоположностяхъ, но не о чертахъ сходства. Но это скажетъ англичанинъ, для котораго Лондонъ есть свое, а Калькутта чуждое; точно такъ-же какъ и русскій человѣкъ будетъ видѣть между Новороссійскомъ и Владивостокомъ только разницу, не замѣчая сходства. Но когда приходится сравнивать Калькутту и Лондонъ—города намъ одинаково чужіе—нельзя не видѣть, что одинъ и тотъ-же духъ руководилъ организаціей обоихъ. Вокругъ Калькутты еще не успѣлъ, конечно, вырости лѣсъ фабричныхъ трубъ, такъ-какъ это невыгодно для Англіи, сбывающей свои мануфактуры въ Индію, и въ ея гавани нѣтъ такого лѣса мачтъ, какъ въ Лондонѣ, такъ-какъ

торговля ея менѣе значительна; точно такъ-же на лазурномъ небѣ сіяетъ здѣсь незнающее лондонскихъ тумановъ тропическое солнце; наконецъ, вмѣсто сѣраго англійскаго рабочаго люда на улицахъ толпится описаннаго выше характера полунагое населеніе. Но тутъ и кончаются черты различія. Гангъ играетъ для Калькутты ту-же самую роль, что Темза. Это артерія, по которой поднимаются пароходы пассажирскіе и грузовые для того, чтобы, приставъ къ шумнымъ и грязнымъ набережнымъ, выгружаться или нагружаться товарами, какъ то дѣлается и въ Лондонѣ. Эти берега рѣки такъ-же плоски и такъ-же застроены разными пристанями, складами и т. п. учрежденіями, шумными, грязными, заваленными тюками товаровъ и запруженными громоздкими экипажами, среди которыхъ по засореннымъ рельсамъ пробирается конно-желѣзная карета. Отсюда два шага—и вы въ европейскомъ городѣ, въ Сити, съ мощеными улицами, прекрасными широкими тротуарами, электричествомъ и магазинами съ зеркальными окнами, гдѣ вы встрѣтите всѣ издѣлія роскоши и домашняго комфорта, какія вы привыкли видѣть въ окнахъ магазиновъ Соединеннаго королевства. Какъ въ Лондонѣ, здѣсь раскиданы роскошныя, напоминающія дворцы, постройки присутственныхъ мѣстъ и небольшіе скверы, первыя—не закопченыя фабричною копотью, но блещущія красотами англо-индійскаго стиля, вторые—украшенные группами высокоствольныхъ пальмъ и залитыхъ золотомъ и пурпуромъ, красиво цвѣтущихъ тропическихъ деревьевъ. Кромѣ этихъ скверовъ, за городомъ, въ южной части его, расположенъ большой садъ-паркъ (Eden park), съ крайне оригинальной конструкціи бирманской бесѣдкой. Громадной величины площадь отдѣляетъ этотъ паркъ отъ расположенной къ югу отъ города крѣпости, и только здѣсь глазъ можетъ любоваться широкимъ просторомъ, не загроможденнымъ зданіями. Тутъ обыкновенно въ описываемое время, въ послѣобѣденный часъ туристъ можетъ любоваться чудной кар-

тиной приближенія тропической грозы, когда со стороны моря на бѣлесовато-голубомъ фонѣ неба начинаетъ, захватывая добрую половину небосклона, вырисовываться темная туча и на ней, какъ на громадномъ фіолетовомъ экранѣ, поминутно пробѣгаютъ разнообразныхъ формъ молніи. Это какъ-бы представленіе, даваемое богомъ Индрою, такъ-какъ туча рѣдко достигаетъ до города и еще рѣже разражается освѣжающимъ дождемъ. Къ востоку отъ площади расположены тонущіе въ зелени дома и котэджи англичанъ. Это аристократическій кварталъ, соединяющій удобства и комфортъ англійской жизни съ обстановкою пышной тропической природы, съ ея ліанами, орхидеями и кокосовыми пальмами въ садахъ. Какъ вездѣ на Востокѣ, европейцы живутъ отдѣльно отъ туземцевъ. Это аристократія края, масса-же населенія заполняетъ сѣверные громадные кварталы города. Сейчасъ за англійскимъ Сити вы вступаете въ узенькія, застроенныя бѣлыми домами улицы индійскаго города, улицы, изобилующія лавками со всевозможными товарами, которыми торгуютъ нетолько бенгальцы, но и китайцы, малайцы и жители Бирмана. Улицы постоянно оживлены и наполнены народомъ.

Въ этой части города и въ Сити, на границѣ съ нею, распололожены всѣ главныя учрежденія, созданныя англоиндійскою культурою. Здѣсь возвышается громадное зданіе калькуттскаго университета (ни одинъ россійскій университетъ не имѣетъ такого), медицинскія коллегіи, магометанское медрессэ, нѣсколько госпиталей и церквей различныхъ національностей. Университетское зданіе Калькутты имѣетъ нѣсколько иное назначеніе, чѣмъ наше. Вы здѣсь тщетно будете искать тѣхъ кабинетовъ и лабораторій, съ которыми связано у насъ представленіе объ университетѣ. Въ зданіи калькутскаго университета читаются только лекціи и происходятъ диспуты. Студенты-же натуралисты и медики занимаются практически или въ клиникахъ и лабораторіяхъ госпиталей, или, еще чаще, въ роскошныхъ му-

зеяхъ, организованныхъ на городскія средства. Въ этомъ отношеніи Калькутта — второй Лондонъ. Аналогично кенсингтонскому музею, здѣсь громаднѣйшее зданіе—индійскій музей (27 Chowrighee road)—посвящено собраніямъ по естественной исторіи. Громадная коллекція окаменѣлостей, горныхъ породъ и минераловъ, въ связи съ полною геологическою библіотекою, не менѣе богатое археологическое отдѣленіе, изобилующее остатками буддійскихъ и другихъ древностей, чудное собраніе ископаемыхъ животныхъ третичной эпохи съ Гималаевъ (сивалikская группа) и зоологическія коллекціи Индіи составляютъ гордость этого музея. Здѣсь среди этихъ собраній могутъ легко вырабатываться мѣстные ученые изслѣдователи, и въ этомъ учрежденіи обыкновенно помѣщаетъ и свои коллекціи дѣйствующее въ Калькуттѣ извѣстное всему міру азіатское общество.

Аналогично Cristall palace, въ Калькуттѣ имѣется также экономическій музей — особенно интересный для путешественника, такъ-какъ всѣ лучшія произведенія индійской работы и кустарныхъ издѣлій собраны здѣсь, давая понятіе о высокомъ вкусѣ и искусствѣ здѣшняго народа.

Для ботаниковъ, къ ихъ услугамъ коллекціи и гербаріи ботаническаго сада, этого сколка съ Kew Garden. Какъ этотъ послѣдній, онъ расположенъ въ отдаленіи отъ города, внизъ по рѣкѣ. Какъ въ Лондонѣ, чтобы достигнуть Кью, вы должны совершить длинную поѣздку по Темзѣ, такъ и здѣсь вы спускаетесь по мутному Гангу среди разныхъ складовъ, верфей, загородныхъ фабрикъ, дачъ и парковъ, пока, наконецъ, не достигнете громаднѣйшаго тропическаго парка, который по обширности и богатству представителей можетъ конкурировать развѣ только съ знаменитымъ садомъ въ Бейтензоргѣ на Явѣ. Деревья и кустарники расположены здѣсь по семействамъ, хотя собраны въ красивыя группы, изъ которыхъ особенное вниманіе обращаютъ на себя группы пальмъ и кол-

лекція бамбуковъ,—то пучковъ исполинскихъ колѣнчатыхъ стволовъ толще человѣческаго туловища въ обхватѣ и превышающихъ ростомъ своимъ самыя высокія деревья, образующихъ исполинскіе букеты раскидистыхъ вѣтвей, то низкихъ кустовъ со стволами колючими, угловатыми, черными, фіолетовыми, желтыми, то собранными букетами, то здѣсь и тамъ выбѣгающими изъ почвы. Интересны коллекціи тропическихъ плодовыхъ деревьевъ, наконецъ всеобщее вниманіе обращаетъ исполинскихъ размѣровъ индійская смоковница, подъ сѣнью которой могла-бы собраться тысячная толпа; многочисленныя, дающія воздушные корни и стволы вѣтви этой смоковницы, увѣшаны папоротниками и другими эпифитами, превращая ее саму въ маленькій ботаническій садъ. Нельзя не восхищаться этимъ чуднымъ научнымъ паркомъ, въ библіотекахъ и гербаріяхъ котораго пріѣхавшій въ Индію ученый найдетъ всѣ необходимыя пособія для изученія окружающей его пышной природы. Въ этомъ отношеніи англо-индійское правительство не скупится на средства. Въ каждой мѣстности Индіи, какъ и вообще въ каждой изъ своихъ колоній, англичане стараются имѣть ботаническіе и зоологическіе акклиматизаціонные сады. Эти сады собираютъ сначала представителей туземной флоры, а затѣмъ, путемъ обмѣна другъ съ другомъ, мало-по-малу заводятъ у себя большія собранія разнообразныхъ полезныхъ для края видовъ, которые отсюда распространяются среди мѣстнаго населенія. Этимъ путемъ индійское правительство получило уже не мало милліоновъ рублей, и цѣлый рядъ хозяйственныхъ растеній и украшающихъ деревьевъ сдѣлался достояніемъ имперіи. Хина, чай, цѣлый рядъ плодовыхъ и огородныхъ растеній распространились по краю изъ подобныхъ садовъ въ Альмарѣ, Дарджилингѣ, Сахарампурѣ и Калькуттѣ. Нѣчто подобное дѣлается и съ животными. Зоологическіе сады Бомбея и Мадраса, мною посѣщенные, заставляли меня краснѣть за учрежденія этого рода, имѣющіяся въ Россіи; даже

въ Сингапурѣ помѣщенный въ его ботаническомъ саду звѣринецъ съ его орангами, малайскими медвѣдями и небольшимъ собраніемъ другихъ звѣрей производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Я не имѣлъ времени посѣтить зоологическаго сада Калькутты, какъ говорятъ очень обширнаго, но если судить по благоустройству и богатству видами ботаническаго сада, надо думать, онъ долженъ представлять большой интересъ. Что-же касается ботаническаго сада, то мнѣ кажется, онъ долженъ привлекать къ себѣ не однихъ только индійскихъ студентовъ и англійскихъ туристовъ, но это мѣсто, гдѣ европейскіе ботаники, гораздо лучше чѣмъ въ оранжереяхъ своихъ садовъ, могли-бы изучать жизнь тропическихъ растеній. Для занимающагося тропическою флорою ботаническій садъ Калькутты представляетъ большія удобства; къ сожалѣнію, пріѣзжій не встрѣтитъ здѣсь и сотой доли той любезности и предупредительности, какія онъ находитъ у администраціи яванскаго сада, и нигдѣ, быть можетъ, чопорность англичанъ и любезность голландцевъ не представляютъ такихъ контрастовъ, какъ въ лицѣ завѣдующихъ этими двумя садами г-на Кинга и г-на Треуба.

Калькуттскій университетъ и связанныя съ нимъ учрежденія предназначаются исключительно для туземцевъ. Несмотря на то, что они представляютъ сколки съ такихъ-же точно учрежденій англійскихъ, сыны туманнаго Альбіона предпочитаютъ посылать дѣтей своихъ для полученія высшаго образованія въ Лондонъ, чтобы они не мѣшались съ презираемыми туземцами. По отзывамъ самихъ англичанъ, туземцы учатся и знаютъ много, даже слишкомъ много для того, чтобы конкуррировать съ бѣлыми, изъ которыхъ сюда идутъ, конечно, далеко не лучшія силы. Но англичане съумѣли устранить эту конкурренцію, оплачивая трудъ кончившихъ курсъ въ индійскихъ университетахъ чиновниковъ и докторовъ 1/10 жалованья, выдаваемаго кандидатамъ университетовъ европейскихъ, а такъ-какъ поѣздка въ Европу связана для индуса съ

большими неудобствами и расходами, то английскіе кандидаты и доселѣ безпрепятственно сохраняютъ свое привилегированное положеніе.

Подобно Лондону, Калькутта изобилуетъ театрами,— но почти всѣ они туземные. Индійскій театръ—это какъбы переходъ отъ европейскаго къ театру дальняго Востока. Вмѣсто стульевъ внизу помѣщается рядъ длинныхъ скамеекъ, на которыхъ босоногимъ посѣтителямъ, одѣтымъ въ описанные мною выше кисейные костюмы, не возбраняется и возлежать во время представленія. Въ антрактахъ разнощики разносятъ чай, крендели и другіе припасы. Часть ложъ, предназначаемыхъ для женщинъ,— закрытыя, другія напоминаютъ наши, только убранство ихъ много бѣднѣе и хуже. Есть индійскія оперы, драматическія представленія, комедіи и водевили. Я былъ въ Кальтуттѣ не въ театральный сезонъ и слишкомъ короткое время, потому могъ попасть только одинъ разъ въ такой театръ. Сюжетомъ видѣнной мною пьесы была одна изъ сказокъ «Тысячи и одной ночи». Характеръ самаго исполненія мнѣ напоминалъ наши малороссійскія пьесы г. Кропивницкаго. Разговоры здѣсь постоянно чередуются съ пѣніемъ подъ аккомпаниментъ оркестра. Эти индійскія мелодіи протяжны, имѣютъ чисто восточный, не поддающійся описанію характеръ, но не лишены музыкальности и могутъ съ удовольствіемъ слушаться европейскимъ ухомъ. Не зная языка, не могъ судить объ исполненіи актеровъ, дѣйствовавшихъ среди чисто европейскаго характера сцены. Въ антрактахъ музыка европейскаго оркестра играла вальсы и кадрили. Публика держала себя весьма тихо и чинно, и порядокъ нарушали только англичане-туристы, громко разговаривавшіе въ ложахъ, игнорируя все окружающее. Въ будуарахъ театра я съ изумленіемъ встрѣтилъ родъ маленькаго капища съ исполинскимъ изображеніемъ эмблемы производительной силы, увѣнчанной вѣнкомъ изъ благовонныхъ бѣлыхъ цвѣтовъ...

Болѣе удаленныя улицы Калькутты уже носятъ чисто

азіатскій характеръ, напоминая, конечно, весьма только отдаленно туземные кварталы. Та-же скученность маленькихъ лавочекъ съ разными разностями, та-же неряшливость обстановки. Но кварталы эти громадны, и какъ въ Лондонѣ, такъ и здѣсь можно жить годы, не зная всѣхъ перекрещивающихся и перепутывающихся улицъ Калькутты. Калькутта европейская гораздо богаче памятниками различныхъ англійскихъ губернаторовъ и дѣятелей и храмами различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, храмами нерѣдко очень изящной архитектуры, но обыкновенно теряющимися въ массѣ другихъ зданій и построекъ. Калькутта расцвѣла благодаря англійской торговлѣ, и эта торговля и чисто земные интересы стянули сюда 840 000 ея населенія. Потому склады, высшія и среднія учебныя заведенія, учрежденныя туземцами, а не храмы составляютъ достопримѣчательности города. Изъ послѣднихъ только расположенный къ югу отъ города Калигаты заслуживаетъ описанія. Храмъ этотъ построенъ въ честь богини Кали, жены Сивы, и расположенъ на берегу стараго русла Ганга, въ немногихъ миляхъ отъ Калькутты. Это мѣсто окружено ореоломъ святости на томъ основаніи, что когда, по приказу боговъ, тѣло жены Сивы было разрѣзано на кусочки и поднято на дискъ Вишну, одинъ изъ ея пальцевъ упалъ сюда. Храмъ выстроенъ лѣтъ триста тому назадъ. До сихъ поръ окрестная мѣстность принадлежитъ потомкамъ строителя, собравшимъ себѣ большія богатства отъ приношеній паломниковъ, стекающихся сюда массами во время праздника такъ-называемаго Dyrya pujes, установленнаго въ честь побѣды этой богини надъ Асурами, напавшими на богиню подъ видомъ буйволовъ.

Первая часть празднества состоитъ изъ церемоніи приглашенія богини войти въ громадный, сдѣланный изъ глины истуканъ и предшествующихъ этой церемоніи молитвъ, имѣющихъ цѣлью разбудить богиню, которая, какъ предполагается, спала передъ этимъ два мѣсяца. Затѣмъ

слѣдуетъ самое празднество Pran pratishta, длящееся 3 дня, во время котораго приносятся обильныя кровавыя жертвы. Въ Бенгалѣ каждое божество имѣетъ своихъ излюбленныхъ животныхъ, которыя ему и приносятся въ жертву. Ганезѣ приносится въ жертву овца, Кали—корова и буйволъ, причемъ возносятся мольбы о томъ, чтобы богиня даровала долгую жизнь, громкое имя, счастье, сыновей, богатство и исполненіе всякихъ желаній. Послѣ полудня, на четвертый день, духъ богини покидаетъ истукана, который и выбрасываютъ въ рѣку. Празднества сопровождаются оргіями и длинными процессіями. Во время ихъ совершается переносъ длинныхъ бамбуковыхъ шестовъ и различныхъ бумажныхъ изображеній, съ музыкою и пляскою. Другой праздникъ, установленный здѣсь въ честь Кали—это Chara pujes, когда поклонники ея подвергаютъ себя всевозможнымъ истязаніямъ, втыкаютъ себѣ въ тѣло ножи, куски желѣза, прожигаютъ тѣло раскаленнымъ металломъ или бросаются сверху на бамбуковую платформу, утыканную ножами, поставленными впрочемъ такъ, что они не втыкаются въ тѣло, но падаютъ подъ его тяжестью; все это происходитъ при громадномъ стеченіи народа.

Такимъ образомъ Калькутта съ ея многолюднымъ населеніемъ представляетъ странную смѣсь вліяній, съ одной стороны, европейской науки съ ея учеными профессорами и послѣдними открытіями, съ другой стороны—темнаго языческаго невѣжества. Нигдѣ, кажется, нельзя лучше наблюдать результаты вліянія англичанъ на индійскую массу, какъ именно въ этомъ центрѣ англійской дѣятельности. Я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на этихъ вліяніяхъ, такъ-какъ въ обществѣ нашемъ распространены по этому поводу самые разнорѣчивые слухи. Одни смотрятъ на англичанъ какъ на безжалостныхъ эксплуататоровъ индійскаго народа, высасывающихъ послѣдніе соки изъ этой богатой страны; другіе превозносятъ ихъ дѣятельность до небесъ, какъ цивилизаторовъ погруженной въ невѣжество массы, превратившихъ Индію

изъ дикой страны въ культурное государство. И то и другое мнѣніе—крайности. Что англичане сдѣлали для Индіи весьма много—это несомнѣнно, и это бросается въ глаза всякому, кто хоть самое короткое время пробудетъ въ этой странѣ. Взгляните на карту страны, и вы увидите, что она покрыта густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Ни одно азіатское государство, не исключая и Россіи, не имѣетъ сѣти такихъ прекрасныхъ, удобныхъ и дешевыхъ желѣзныхъ дорогъ и шоссе, какъ Индія. Англичане въ дѣлѣ устройства путей сообщенія явились достойными преемниками римлянъ. Индійское правительство затрачиваетъ на желѣзныя дороги ежегодно около 16 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ и на шоссе около $5^{1}/_{2}$ милліоновъ фунтовъ, не считая еще дорогъ, которыя строятъ мелкія вассальныя государства, считающія себя болѣе или менѣе независимыми. Около 2 350 000 фунтовъ тратится на искусственную ирригацію, и еще въ 1883 году сѣть каналовъ, вырытыхъ въ Индіи, представляла въ общей сложности 40 000 верстъ. 6 920 173 акра были ими орошаемы. Я уже не говорю о сѣти телеграфовъ и прекрасныхъ почтовыхъ сообщеніяхъ края; наконецъ, правительство организовало эмиграціонные комитеты, заботящіеся о томъ, чтобы изъ густо населенныхъ областей направлять переселенцевъ въ мѣста, гдѣ нуждаются въ рабочихъ и колонистахъ. Другою крайне важною и симпатичною мѣрою англійскаго правительства является полное невмѣшательство въ религіозныя вѣрованія туземцевъ. Ихъ храмы, какой-бы сектѣ они ни принадлежали, ихъ обычаи, къ какой-бы религіи они ни относились,— неприкосновенны и, какъ мы видѣли, въ городахъ, гдѣ много европейцевъ-христіанъ и магометанъ, со стороны которыхъ можно-бы было опасаться какихъ-нибудь грубыхъ и кощунственныхъ выходокъ,—для христіанъ и магометанъ недоступны. Такая терпимость, хотя и превозносится до небесъ многими поклонниками англійской политики, на мой взглядъ свидѣтельствуетъ скорѣе о ихъ дальновидности

и корыстолюбіи, чѣмъ о либерализмѣ. Индійскій народъ живетъ вѣрою, подобно, можетъ быть, еще только русскимъ. Онъ во имя своей религіи и религіозныхъ обычаевъ готовъ на всякія крайности и возстанія. Примѣръ предшественниковъ англійскаго владычества, магометанъ, истреблявшихъ идолопоклонство огнемъ и мечомъ и рѣшительно ничего не достигнувшихъ этимъ, показалъ, что единственное средство держать въ покоѣ милліонную массу населенія—это оставить въ покоѣ ея предразсудки. И англичане не тронули ничего изъ этихъ предразсудковъ, напротивъ, они содѣйствовали поднятію ненавистнаго для индійскихъ магометанъ индуизма. Они стараются сохранять въ извѣстномъ равновѣсіи эти двѣ враждебныя другъ другу религіи и, поддерживая огонь взаимной ненависти, дѣлаютъ послѣдователей той и другой слабыми и неспособными противостоять горсти англійскихъ солдатъ. Они устранили и преслѣдуютъ только несомнѣнно вредныя для общественнаго спокойствія изувѣрскія секты, какъ напримѣръ секту душителей, секты, приносившія человѣческія жертвы богинѣ Кали; но и тутъ надо отдать имъ справедливость, дѣйствовали болѣе увѣщаніями, чѣмъ репрессивными мѣрами. Религіозное невѣжество массъ на руку правительству—и оно съ своей стороны дѣлаетъ мало или даже ничего для его разсѣянія, предоставляя эту работу миссіонерамъ, работающимъ, впрочемъ, далеко не такъ успѣшно, какъ того можно-бы было ожидать. Ихъ дѣятельность сводится на открытіе миссіонерскихъ школъ, проповѣдь и созданіе общества христіанской литературы, играющаго для Индіи роль нашего комитета грамотности.

Какъ сказано, обращеніе въ христіанство идетъ туго. Въ 1863 году насчитывали 118893 индійскихъ христіанина, и ихъ число съ тѣхъ поръ почти удвоилось. Но число это ничтожно по сравненію съ громадною массою индійскаго народа, и тѣ округа съ сельскими школами, на которые разбили Индію миссіонерскія общества, хотя по отче-

тамъ 1894 года насчитываютъ болѣе 8 000 учащихся, составляютъ почти нуль въ массѣ другихъ школъ и научныхъ учрежденій страны. Дѣятельность издательскаго комитета очень оригинальна. Онъ издаетъ популярно изложенныя брошюры о различныхъ религіяхъ Индіи, ея храмахъ, ея религіозныхъ предразсудкахъ и обычаяхъ, большею частью скомпилированныя изъ хорошихъ научныхъ источниковъ,—книжки, которыя съ интересомъ прочтутся какъ европейцемъ, такъ и индусомъ. Къ этимъ компиляціямъ, однако, всегда присоединяются разсужденія и сравненія религій Индіи и ея обычаевъ съ христіанскими и критика философскихъ ученій индуизма. Не знаю, могутъ ли они производить впечатлѣніе на умы индійскихъ язычниковъ и магометанъ, когда въ то время какъ въ миссіонерскихъ книжкахъ говорится, что христіанство есть религія братства и любви, ни одинъ изъ бѣлыхъ христіанъ Индіи не сядетъ въ одинъ вагонъ съ чернокожимъ и англичанинъ не будетъ обѣдать за столомъ, гдѣ сидятъ индусы. Нѣтъ ничего удивительнаго, что разъ, показывая мнѣ достопримѣчательности Бомбея, магометанинъ-проводникъ, указывая на одну изъ церквей, сказалъ: «А вотъ это—христіанская церковь для низшихъ кастъ народа».

Зато если на поприщѣ распространенія христіанства англичане не имѣли здѣсь успѣха, они пользуются имъ въ гораздо большей степени въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. До англійскаго владычества источниками для просвѣщенія индійскаго народа были такъ-называемые tols, медрессе и махтаби. Въ первыхъ изучали санскритъ, въ двухъ послѣднихъ — арабскій языкъ. И тѣ и другія преслѣдовали исключительно религіозныя цѣли. Въ нихъ преподавали даромъ, и онѣ поддерживались исключительно приношеніями. Кромѣ нихъ, почти въ каждой деревнѣ существовали маленькія индусскія школы или pastalas, гдѣ учили читать, писать и считать. Англичане реформировали эти школы; они обложили населеніе

особымъ школьнымъ налогомъ и сдѣлали то, что теперь на полуостровѣ образованіе стало національнымъ дѣломъ. Индія имѣла въ 1877 году болѣе 66 202 учебныхъ заведеній, посѣщаемыхъ не менѣе чѣмъ 1 877 942 учениками, такъ-что приходился одинъ школьникъ на 100 человѣкъ и 1 школа на каждыя 14 кв. миль, а въ 1890—91 году число школъ возросло до 138 350, число учениковъ—до 3 698 301, и теперь уже приходится по 1 школѣ на каждыя 7 верстъ и по 1 ученику на 59 человѣкъ.

Учатся по преимуществу мальчики: въ школахъ ихъ приходится 3 382 048 на 316 313 дѣвочекъ. На народное образованіе Индія затрачиваетъ въ настоящее время 2 907 057 рупій. Кромѣ Калькутты, университеты имѣются еше въ Мадрасѣ и Бомбеѣ, устроенные по образцу лондонскаго — хотя ихъ задача скорѣе экзаменаторская, чѣмъ преподавательская. Заведенія болѣе подходящія къ нашему типу открыты въ Лагорѣ и Аллагабадѣ. Въ трехъ-же упомянутыхъ выше университетахъ производятся экзамены въ знаніяхъ, пріобрѣтаемыхъ въ связанныхъ съ ними коллегіяхъ. Втеченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, 5 этихъ университетовъ выпустили не менѣе 41 467 студентовъ и дали 538 лицамъ высшія ученыя степени (magister artium) Университеты, если не считать немногихъ публичныхъ лекцій, читаемыхъ въ нихъ, какъ я сказалъ, — скорѣе экзаменаціонныя залы, чѣмъ мѣста для ученія. Преподаваніе ведется въ коллегіяхъ, которыя обыкновенно дѣлятся на два класса — съ чисто университетскими и съ прикладными науками. Только часть ихъ поддерживается правительствомъ — остальныя содержатся населеніемъ. Въ 1890—91 г. число такихъ коллегій, считая медицинскія и инженерныя, равно какъ и высшія магометанскія медрессе, доходило до 139, съ 15 958 студентами и 80 студентками, и онѣ стоили около 277 866 рупій. Что касается школъ среднихъ, подобно нашимъ классическимъ гимназіямъ,

подготовляющихъ къ университетамъ, то ихъ число доходитъ до 600, онѣ имѣются въ каждомъ округѣ и въ нихъ обучается болѣе 68 434 мальчиковъ и 1 165 дѣвочекъ. Кромѣ нихъ, существуетъ еще значительное число среднихъ школъ, разбросанныхъ по маленькимъ городкамъ и крупнымъ селеніямъ; ихъ дѣло—дать образованіе, необходимое для среднихъ классовъ населенія. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ учатъ англійскому, въ другихъ только мѣстному языку. Число ихъ доходитъ до 5 000, считая мужскія и женскія. Наконецъ этотъ списокъ училищъ мы должны закончить начальными школами, гдѣ учатъ только туземнымъ языкамъ. Въ одномъ Бенгалѣ число ихъ болѣе 60 342. Въ число поименованныхъ училищъ не входятъ, однако, школы техническія и ремесленныя, число которыхъ доходитъ до 155, и учрежденныя въ Бомбеѣ и Калькуттѣ школы художествъ.

Эта широкая струя просвѣщенія, вливаемая въ массу индійскаго народа, уже принесла свои плоды. Первое, что она вызвала, это появленіе мѣстной литературы. Соотвѣтственно меркантильному и практическому духу учителей своихъ, она выразилась главнымъ образомъ въ періодической прессѣ. Еще въ 1818 году явилась первая туземная газета на бенгальскомъ нарѣчіи, поддерживаемая миссіонерами и носившая чисто религіозный характеръ, посвященная обсужденію религіозныхъ вопросовъ. Вплоть до 1850 года разроставшаяся изъ этого зародыша туземная пресса сохраняла этотъ характеръ, но втеченіе послѣднихъ 45 лѣтъ это направленіе радикально измѣнилось и пресса получила чисто политическій оттѣнокъ. Теперь на туземныхъ языкахъ въ Индіи издается не менѣе 463 газетъ, въ количествѣ 250 000 оттисковъ, не считая англійскихъ, изъ которыхъ многія также живутъ почти исключительно произведеніями туземныхъ писателей. Значительная часть этихъ изданій печатается на языкѣ гурду, меньшее количество на нарѣчіяхъ тамиловъ, гузерати и морати. Пер-

выя—почти исключительно религіознаго характера. Литература гузерати находится почти всецѣло въ рукахъ парсовъ.

Какъ много пишется и читается теперь въ Индіи, читатель можетъ судить изъ того, что въ одномъ только 1890 году здѣсь было выпущено 668 англійскихъ, 5 566 туземныхъ сочиненій, а всевозможныхъ изданій до 7 825, изъ коихъ на долю оригинальныхъ произведеній на туземныхъ языкахъ приходится не менѣе 5 507.

Большинство произведеній этихъ написано на языкѣ *индостани*, терминъ, подъ которымъ мы соединяемъ два главныя и въ сущности мало другъ отъ друга отличающіяся нарѣчія Индіи—гинди и гурду; первый—языкъ по-преимуществу индусовъ, второй—магометанъ. Оба нарѣчія очень мало похожи на санскритъ, и было-бы большою ошибкою думать, что они произошли изъ него. Индостани развился изъ такъ-называемаго пракрита, или языка простонародья, еще во времена Ѳедъ, когда высшіе классы говорили на санскритскомъ языкѣ, — отличнаго отъ послѣдняго: въ лучшемъ случаѣ это братъ санскрита. Уже издавна измѣненный нарѣчіями покоренныхъ чернокожихъ племенъ, гинди подвергся послѣдующимъ измѣненіямъ, воспринимая слова и обороты отъ всѣхъ вторгавшихся въ Индію и завоевывавшихъ ее народовъ. Масса арабскихъ словъ и выраженій, совершенно чуждыхъ языку, стали его достояніемъ. Завоеванія Чингизъ-Хана и Тамерлана, шедшія черезъ Персію, внесли затѣмъ массу персидскихъ вліяній, и эти вліянія и были причиною отличія діалекта гурду отъ гинди. Лагоръ, Дели и Агра поочередно дѣлались столицами магометанскихъ властителей. Хотя они и восприняли гинди, но насытили его въ такой степени культурными персидскими и арабскими выраженіями, что получилось особое нарѣчіе гурду — слово одного корня со словомъ Орда—т.-е. языкъ лагеря, языкъ орды завоевателей, языкъ военный и придворный. Эта разница выра-

зилась и въ алфавитѣ. Гинди сохранилъ санскритскія литеры или во всей ихъ неприкосновенности, или въ ихъ сокращенныхъ и скорописныхъ формахъ—kayasthi и sarrafi. Гурду, напротивъ, имѣетъ алфавитъ арабскій, нѣсколько измѣненный персидской транскрипціей. Хотя оба нарѣчія отличаются не сильно и говорящій на одномъ изъ нихъ легко будетъ понятъ, въ какой-бы уголокъ британской Индіи онъ ни попалъ, не исключая и Бенгаліи, гдѣ, несмотря на господство совершенно отличнаго отъ него бенгальскаго языка, почти всѣ туземцы знакомы съ индостани, однако они находятся другъ съ другомъ въ такомъ-же антагонизмѣ, какъ и говорящіе на нихъ магометане и индусы, и энергично оспариваютъ въ литературѣ пальму первенства, оттѣснивъ третье нарѣчіе, съ нимъ схожее, dakni—до степени народнаго и идіома южной Индіи.

Вотъ на этихъ-то двухъ сходныхъ нарѣчіяхъ, столь несходными между собою буквами, какъ арабскія и санскритскія, и печатается масса перечисленныхъ выше сочиненій. Каждый большой городъ имѣетъ нѣсколько газетъ, каждый научный центръ выпускаетъ ученыя сочиненія вродѣ лѣчебниковъ (Tilbi i Rahim) (родъ домашней медицины), медицинской ботаники Индіи (Kitabi nabatat-i-Hind), различные этюды по исторіи и географіи, между прочимъ очень интересныя путешествія принцессы Бопальской въ Аравію и по самостоятельнымъ государствамъ Индіи, съ критикою ихъ устройства. Это не единственный примѣръ авторства со стороны женщины въ Индіи. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія Doulilon Bégam, жена одного правителя, была выдающеюся поэтессою. Громадная масса книгъ посвящена вопросамъ религіознымъ, борьбѣ магометанства съ индуизмомъ, филологическимъ изысканіямъ въ области санскрита, для изученія котораго существуетъ цѣлое общество санскритологовъ, издающее и печатающее на этомъ языкѣ, помимо текстовъ религіознаго содержанія, и современныя произведенія. Словомъ, пробужденная

европейскимъ вліяніемъ мысль народа заработала, и работа ея отражается въ печати. Къ сожалѣнію, я не настолько долго пробылъ въ странѣ, чтобы имѣть возможность хорошо ознакомиться съ ея языкомъ и литературою. Я могъ имѣть доступъ только къ тѣмъ произведеніямъ беллетристики, которыя, какъ наилучшія, были переведены на англійскій языкъ или даже были написаны на этомъ языкѣ. Къ числу послѣднихъ относились, напримѣръ, любопытные очерки путешествія по Европѣ, главнымъ образомъ по Англіи, одного парса, Benramji Malabari, подъ заглавіемъ «The indian eye on englisch life», гдѣ читатель можетъ встрѣтить нелишенное сарказма описаніе и критику обычаевъ и образа жизни обитателей туманнаго Альбіона по сравненію съ индійскими. Тотъ совершенно новый уголъ зрѣнія, подъ которымъ описываются извѣстныя европейцамъ мѣстности и обычаи, та мѣткая и вѣрная характеристика англичанъ, которую дѣлаетъ авторъ, дѣлаютъ книгу его очень интересною и для русскаго читателя—и я надѣюсь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ болѣе подробно познакомить съ ея содержаніемъ(*)

Но наиболѣе интересна литература, написанная на индійскомъ языкѣ. Эта литература является продуктомъ воздѣйствія на молодые индійскіе умы двухъ такихъ противоположныхъ по духу цивилизацій, какъ англійская и древне-индійская, а потому и самая эта литература носитъ какой-то гибридный, смѣшанный характеръ. По стилю, по манерѣ изложенія, по сюжетамъ, наконецъ, вы видите стремленіе подражать знаменитымъ англійскимъ писателямъ, Диккенсу, Тэккерею, Вальтеръ-Скотту; между тѣмъ фабула, приключенія еще дышатъ фантастичностью и яркими красками пылкаго индійскаго воображенія. Вы чувствуете, что индійскій романъ здѣсь еще экзотическое тепличное растеніе, развивающееся ненормально.

(*) См. нѣкоторыя подробности объ этой книгѣ въ мартовской «Книжкѣ Недѣли» за 1894 годъ, «Изъ иностранн. изданій». *Ред.*

Посреди этихъ гибридныхъ произведеній, созданныхъ пробующими свои силы посредственностями, выдѣляются сочиненія, обнаруживающія несомнѣнный талантъ, и авторы ихъ уже стяжали себѣ въ имперіи настолько большую извѣстность, что возбудили интересъ и у самихъ англичанъ, и въ англійскихъ книжныхъ магазинахъ вы найдете и ихъ переводныя англійскія изданія. Таковы имена Peary Chand Mitter, Bunkim Chandra Chatterji, Romes Chandra Datt и Tarak Nath Ganguli

Лучшее произведеніе Bunkim Chandra Chatterji называется «Durgesa Nandini». Оно содержитъ рядъ картинъ домашней жизни бенгальцевъ, написанныхъ элегантнымъ и вдохновеннымъ стилемъ, лишеннымъ напыщенности, поражавшей непріятно въ произведеніяхъ его предшественниковъ. Romes Chandra Datt можетъ быть названъ бенгальскимъ Вальтеръ-Скоттомъ. Его произведенія описываютъ періодъ войнъ Maharatta и воспѣваютъ героизмъ Sivaji. Стиль этого языка совершенный. Онъ отдѣланъ, его фразы звучатъ музыкально, онъ даетъ понятіе о богатствѣ языка и его фразъ. Законченностью и закругленностью фразъ онъ напоминаетъ Маколея. Tarak Nath Ganguli въ своемъ единственномъ романѣ Jorna Lata описываетъ повседневную жизнь, приключенія, заботы, ссоры въ индійскомъ семействѣ—и эти описанія сдѣланы съ непосредственностью и живостью, напоминающею «Дѣтство и отрочество» Толстого.

Но наиболѣе интересное произведеніе въ этомъ родѣ принадлежитъ перу Peary Chand Mitter'a, родившагося въ 1814 году и принадлежавшаго къ хорошему бенгальскому семейству старыхъ понятій. Ему принадлежитъ масса произведеній — романовъ и критическихъ статей, имѣвшихъ цѣлью осмѣять недостатки современнаго индійскаго общества. Одинъ изъ его лучшихъ романовъ—«Испорченное дитя»—переведенъ на англійскій языкъ. Изложеніе отличается спокойнымъ юморомъ и своимъ стилемъ напоминаетъ произведенія Гольдсмита.

Этотъ романъ открываетъ вамъ полную картину жизни индійской семьи въ Бенгалѣ, осторожно осмѣивая ея недостатки въ рядѣ сценъ и происшествій. Здѣсь вы познакомитесь нетолько съ общими недостатками, вродѣ пьянства и дебошей, но и съ характерными явленіями, вродѣ кулинизма, или распространеннаго у бенгальскихъ браминовъ, секты кулинъ, обычая жениться на дюжинахъ дѣвушекъ, родители которыхъ считаютъ за честь выдать своихъ дочерей за столь почетныхъ жениховъ, которые, пользуясь этимъ, живутъ на средства родителей своихъ невѣстъ, дѣлая ихъ несчастными затворницами. Авторъ осмѣиваетъ эти обычаи въ рядѣ эпизодовъ, которые съ живымъ интересомъ прочтутся европейскою публикою. Peary Chand Mitter—это типъ индійскаго юмориста. Вы у него найдете трогательныя сцены зависимости бѣдняка отъ каприза богатаго, поденщика отъ землевладѣльца, живыя картины въ Zenara и на ступеняхъ, ведущихъ къ Гангу, гдѣ собирается народъ для омовенія. Полныя увлеченія описанія даютъ вамъ представленіе о мысляхъ, проникающихъ старика, проводящаго закатъ дней своихъ въ Бенаресѣ. Остроумно осмѣиваетъ онъ общую намъ и индійцамъ боязнь передъ мнѣніемъ свѣта, заставляющую влѣзать въ долги и тратиться на пріемы и пышныя церемоніи. Описанія живы и вѣрны. Сюжетъ романа—жизнь избалованнаго воспитаніемъ браминскаго сына, его школьные года, его юношескіе дебоши, доведшіе до полнаго разоренія, изъ котораго онъ выходитъ путемъ выгодныхъ браковъ, какъ браминъ секты кулинъ. Наконецъ, наказанный судьбою за свою безнравственную жизнь, онъ въ Бенаресѣ, на закатѣ дней, находитъ нравственное успокоеніе.

Нельзя не пожелать, чтобы хотя нѣкоторые изъ подобныхъ романовъ появились въ русской литературѣ. Индія не сегодня—завтра будетъ сосѣднимъ съ нами государствомъ. Англичане, зная это, уже стараются познакомиться съ нами. Почти каждый годъ въ Харьковъ и

другіе города внутренней Россіи пріѣзжаютъ англійскіе офицеры для изученія русскаго языка. Они стараются познакомить даже индійцевъ съ Россіею, выпуская народныя изданія, въ которыхъ возможно сгущенными красками рисуются всѣ темныя стороны русской жизни и русскаго строя. У насъ-же на русскомъ языкѣ объ Индіи самое ничтожное количество сочиненій — и то большинство изъ нихъ носитъ настолько спеціальный характеръ, что почти не распространяется въ обществѣ, которое принуждено составлять себѣ понятіе объ Индіи по сказкамъ Радда-бай и тому подобнымъ далекимъ отъ истины разсказнямъ. Между тѣмъ, эти живые разсказы изъ современнаго быта, написанные самими индійцами, лучше всякихъ очерковъ путешественниковъ познакомили-бы насъ съ бытомъ того народа, съ которымъ рано или поздно намъ придется стать въ болѣе близкія отношенія.

Уже изъ всего сказаннаго читатель можетъ видѣть, какъ много сдѣлало англійское правительство для Индіи и какіе плоды принесла его дѣятельность. Развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ дѣлаетъ теперь почти невозможными тѣ голодовки, отъ которыхъ такими массами и еще такъ недавно вымирало индійское населеніе. Бытъ бѣднаго сословія несомнѣнно постоянно улучшается, появляются каменныя постройки среди лачугъ, роются новые каналы и пруды, разводятся фруктовые сады тамъ, гдѣ ихъ не было, на мѣсто глиняной посуды является доступная прежде только богатымъ металлическая. Тамъ, гдѣ прежде были только циновки, являются деревянныя кровати, столы и стулья, увеличивается число скота и экипажей, населеніе одѣвается лучше чѣмъ прежде, его поденный заработокъ увеличился — что уже наглядно видно по тому, что женщины начали носить серебряныя украшенія вмѣсто мѣдныхъ. Конечно, повсюду индійское населеніе производитъ впечатлѣніе послѣдняго пролетаріата по сравненію съ европейскимъ, но оно терпитъ

отъ бѣдности своей гораздо менѣе, чѣмъ мы, такъ-какъ его жилища, одежда и пища дешевле и нужна въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ у насъ. Англичане оставили туземцамъ ихъ судопроизводство и ихъ законы, и только въ случаяхъ столкновенія съ европейцами они судятся европейскимъ порядкомъ. Хотя владычество англійское есть владычество иностранное, но индійцами оно не чувствуется въ такой степени, въ какой оно могло-бы чувствоваться любымъ изъ европейскихъ народовъ. Индійскаго народа въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ народъ французскій или нѣмецкій, нѣтъ, того національнаго самосознанія, какое присуще всѣмъ народамъ Европы, здѣсь не существуетъ. Индія всегда состояла изъ поработителей и порабощенныхъ, имѣвшихъ между собою весьма мало общаго; только расы ихъ мѣнялись. Индусы и магометане, брамины и простонародье, жители Деккана и Гималаевъ такъ-же чужды другъ другу, какъ и англичанамъ. Каждая изъ составныхъ частей населенія Индіи привыкла, что надъ нею властвуетъ кто-нибудь посторонній. Но разница вся въ томъ, что прежде, въ эпоху магаратовъ и магометанскихъ властителей, господствовалъ гораздо большій произволъ, было гораздо больше насилія и безпорядка, чѣмъ въ настоящее время, и поверхностный наблюдатель, прокатившійся по Индіи, или кабинетный ученый, прочитавшій статистическіе или другіе отчеты Индіи, не можетъ не назвать англичанъ благодѣтелями страны, внесшими сюда цивилизацію и культуру, уничтожившими звѣрскіе обычаи и давшими порядокъ, спокойствіе и благоденствіе милліонамъ индійскаго населенія. А между тѣмъ нигдѣ вы не встрѣтите благодарности къ этимъ благодѣтелямъ, всюду слишкомъ явно сквозитъ къ нимъ скрытая ненависть, которая не смѣетъ высказываться ни въ прессѣ, ни въ рѣчахъ только въ силу сознанія своего безсилія и привычки смиряться и покоряться. Несмотря на антагонизмъ между магометанами и индусами, усилен-

но поддерживаемый англичанами, это чувство одинаково обще и тѣмъ и другимъ, и браминамъ и простонародью. Само собою разумѣется, ни одинъ покоренный народъ не любитъ своихъ покорителей, какими-бы благодѣяніями они ихъ ни осыпали, но въ чувствѣ, питаемомъ индусомъ къ англичанину, есть нѣчто бóльшее, чѣмъ то, которое питаетъ побѣжденный, благодѣтельствуемый побѣдителемъ. Непопулярность англичанъ въ Индіи имѣетъ основою своею самый характеръ отношенія этихъ послѣднихъ къ народу. У англо-саксонской расы есть особое прирожденное самомнѣніе и высокомѣріе, за которое ее не любятъ даже ея европейскіе сосѣди. Но свойство это становится невыносимымъ, когда оно распространяется на покоренныя ими черно или темнокожіе элементы. Для вылинявшаго въ туманной и мозглой атмосферѣ Великобританіи всякій человѣкъ, въ кожѣ котораго южное солнце разовьетъ хоть немного болѣе пигмента, чѣмъ то положено въ кодексѣ англійскихъ приличій,—уже не человѣкъ, а особая порода животныхъ, которая можетъ даже превосходить англичанъ способностями, развитіемъ и образованіемъ—какъ они то открыто признаютъ по отношенію къ нѣкоторымъ индусамъ—и все-таки представлять нѣчто меньшее, чѣмъ человѣкъ. Это сквозитъ въ ихъ отношеніяхъ къ нему, въ обращеніи и даже въ томъ употребленіи, какое они дѣлаютъ изъ туземца. Англичанинъ не сядетъ въ вагонъ, гдѣ сидитъ туземецъ. Онъ не поѣдетъ по конкѣ, потому что въ ней ѣздятъ туземцы. Въ гостинницѣ онъ не будетъ обѣдать за однимъ столомъ съ индусомъ.

Англичанинъ, говоря вообще, какъ на родинѣ, такъ и здѣсь, ставитъ свою прислугу въ гораздо лучшія условія, давая ей гораздо болѣе самостоятельности и свободы, чѣмъ русскій баринъ, деспотическія наклонности котораго сильнѣе всего чувствуетъ его прислуга. Но зато взглядъ русскаго барина на своего слугу гораздо человѣчнѣе. Для него это человѣкъ, для англичанина это машина или строго выдрессированное животное, которое

должно беззвучно, но тихо и машинально выполнять свои обязанности, помимо которыхъ у прислуги нѣтъ съ ея бариномъ ничего общаго. Такое-же отношеніе у англичанина и къ туземному чиновнику.

Подобно тому какъ въ Россіи, и въ Индіи истинное назначеніе высшаго, и въ особенности университетскаго образованія не сознается массою. Спросите любого индійскаго студента, зачѣмъ онъ поступаетъ въ университетъ, или вообще, стремится получить образованіе—и вы получите одинъ отвѣтъ: чтобы получить какую-либо должность. Но тутъ индійцу приходится встрѣчать конкурренцію англичанина, для котораго Индія является дойною коровою. Исходя изъ того воззрѣнія, что туземецъ имѣетъ гораздо меньшія потребности, чѣмъ англичанинъ, на мѣстахъ совершенно одинаковыхъ туземецъ получаетъ одну пятую, иногда даже, какъ я уже говорилъ, одну десятую того жалованья, какое получаетъ англичанинъ. Индіецъ образованный, съ университетскимъ дипломомъ, съ трудомъ получаетъ мѣсто, на которое легко назначаютъ пропойцу, признаннаго никуда не годнымъ въ метрополіи субъекта, и этотъ послѣдній, со всею грубостью англосаксонскаго пролетарія, не стѣсняется показывать пренебреженіе свое къ туземцамъ и ихъ обычаямъ, не различая кастъ и сословій.

Индусы привыкли преклоняться предъ браминами и подвергаться ихъ эксплуатаціи. Но брамины тысячелѣтіями, съ пеленокъ воспитывали народъ въ этомъ чувствѣ; эта эксплуатація имѣла религіозную подкладку, она стояла въ связи съ самою вѣрою народа. Пренебреженіе-же, оказываемое англичаниномъ, не оправдывается ничѣмъ, ибо для индуса, особенно индуса образованнаго, созданные другимъ климатомъ и другою исторіею обычаи англичанина антипатичны,—а для простолюдина противорѣчатъ даже основнымъ представленіямъ о порядочности. Англичане своими плантаціями, дорогами и промышленностью, правда, усилили заработокъ бѣдняка, правда, они наложили по-

дати не особенно тяжелыя съ англійской точки зрѣнія (около 4% валового дохода), а налоги косвенные идутъ лишь на покрытіе расходовъ самой страны, метрополія-же довольствуется лишь доходами отъ торговли. Но оклады жалованья англійскихъ чиновниковъ вовсе не соотвѣтствуютъ средствамъ казны, и для привыкшихъ жить на гроши индусовъ это—тяжелое бремя. Кромѣ того, источникомъ обогащенія здѣсь является не народъ, но систематическое разореніе князей и крупныхъ владѣльцевъ и систематическое выжиманіе подъ различными предлогами соковъ изъ богачей и кулаковъ. Въ гораздо большей степени, чѣмъ Россія, Индія есть страна кулачества. Какъ и въ Россіи, здѣсь подати сбираются тогда, когда хлѣбъ наиболѣе дешевъ, и его продаютъ за безцѣнокъ кулакамъ, дающимъ деньги подъ громадные проценты. Англичанинъ жметъ такого кулака, а тотъ пополняетъ убытки съ народа, мѣшая ему, съ одной стороны, поправиться, съ другой — ругая поработителей.

Вмѣсто банковъ—въ каждой индійской деревнѣ сидитъ такой заимодавецъ, и хотя повидимому доходы съ народа не велики, черезъ его посредство громадныя суммы сбираются администраціей.

У насъ часто любятъ сравнивать наши колоніи съ англійскими и сопоставлять роли двухъ великихъ націй въ Азіи. Мнѣ кажется, роли эти діаметрально противоположны, по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ приходится дѣйствовать не среди дикарей Сибири или номадовъ Средней Азіи, а такого-же культурнаго и густого населенія, какъ въ Индіи,—напримѣръ, на Кавказѣ или точнѣе въ Закавказьѣ. И здѣсь, и тамъ масса населенія—туземцы, русскіе и англичане составляютъ меньшинство. Но какая разница въ отношеніяхъ! Англія сѣетъ и распространяетъ образованіе на мѣстѣ, не давая затѣмъ ходу получившимъ таковое. Россія заставляетъ кавказцевъ учиться въ городахъ сѣвера, сводя до minimum'а число такихъ учащихся, но зато давая имъ право властвовать нетолько у себя

дома, но и по всей Россіи. Англичане не заботятся о распространеніи своего языка въ Индіи; вопреки своему общему правилу, они сами изучають индійскій языкъ, и безъ переводчика вамъ не понять извощика въ Калькуттѣ. Туземцы сами стремятся изучать англійскій языкъ. Мы боимся туземныхъ школъ на Кавказѣ и, заботясь о распространеніи русскаго языка и русскихъ обычаевъ, не дѣлаемъ ничего, чтобы поставить самого русскаго человѣка тамъ настоящимъ образомъ. Врядъ-ли можно себѣ представить двѣ крайности болѣе противоположныя, чѣмъ положеніе русскаго на Кавказѣ и англичанина въ Индіи.

Англичанинъ, кто-бы онъ ни былъ, если онъ только не совершаетъ преступленія, или не оскорбляетъ религіозныхъ святынь, господинъ среди индійскаго народа даже въ тѣхъ мѣстахъ Индіи, которыя никогда не покорялись, а стоять въ номинальной зависимости отъ британской короны. Къ нему относятся съ почтеніемъ и страхомъ— и даже послѣдній британскій солдатъ пользуется услугами индійскаго лакея или деньщика.

Въ Закавказьѣ русскій человѣкъ, если только это не офицеръ, не чиновникъ, или говоря вообще не персона съ кокардою,—это пасынокъ края. Пойдите когда-нибудь на солдатскій базаръ въ Тифлисѣ и посмотрите, какою руганью и какимъ градомъ оскорбительныхъ насмѣшекъ осыпаютъ туземцы русскаго солдата; вы зададите себѣ вопросъ, не попали-ли вы въ страну, гдѣ побѣдители издѣваются надъ военноплѣнными. И солдатъ нашъ безпомощенъ. Онъ не можетъ оказать вооруженнаго сопротивленія; если онъ попробуетъ отвѣчать одинъ—толпа его исколотитъ, если-же съ товарищами — всегда туземцы останутся правы. Крестьянское населеніе, составленное изъ сектантовъ, никогда не пользовалось привилегированнымъ положеніемъ на Кавказѣ. Посмотрите на Сухумъ, Тифлисъ и другіе тому подобные пункты— вездѣ вы встрѣтите латышскія, нѣмецкія колоніи; рус-

скія если и есть—то гдѣ-нибудь за 40 верстъ, на мѣстахъ наиболѣе неудобныхъ и невыгодныхъ. Какой престижъ, какое уваженіе въ глазахъ мѣстнаго населенія можетъ имѣть русскій человѣкъ, какое, наконецъ, желаніе *быть русскимъ* можетъ у него явиться, когда населеніе это видитъ, сколь непривилегированное положеніе занимаютъ сами русскіе въ сравненіи съ другими элементами имперіи. Невѣжественность русскаго населенія здѣсь не можетъ быть оправданіемъ, такъ-какъ въ сравненіи съ туземцами они все-же стоятъ выше, чѣмъ жалкіе отбросы Англіи, являющіеся въ Индію. Мы не можемъ пожаловаться на отношеніе къ Россіи нашихъ закавказскихъ народностей,—но отношенія ихъ къ русскому человѣку не могутъ быть надлежащими при такомъ порядкѣ вещей. Тѣмъ болѣе послѣ всего сказаннаго выше мнѣ кажутся странными мечты нѣкоторыхъ о завоеваніи Индіи. Англичанъ въ Индіи не любятъ, но ихъ уважаютъ. Я не сомнѣваюсь, что появленіе русскихъ полковъ на с.-з. вызоветъ возстаніе и, можетъ быть, даже изгнаніе съ Деккана ненавистныхъ поработителей. Но что выиграетъ отъ этого Россія? Жители Бенгаліи, въ лицѣ своей интеллигенціи, не меньшіе политиканы, не менѣе энергичные торговцы и не менѣе горячія головы, чѣмъ наши армяне, а хотя масса народная въ Индіи и невѣжественна и темна— среди нея найдется достаточно интеллигенціи, чтобы мы, находясь за тридевять земель, не съумѣли сдѣлать то, чего мы не съумѣли сдѣлать въ находящемся подъ бокомъ Кавказѣ, т.-е. чувствовать себя тамъ дома.

Двенадцатое

ПИСЬМО ~~ОДИННАДЦАТОЕ~~.

Въ дѣвственныхъ лѣсахъ Цейлона.

Я опять на Цейлонѣ, но опять на нѣсколько минутъ. Жемчужина Индійскаго океана мнѣ не дается, и я обреченъ лишь украдкою видѣть тайны ея райской природы. Г. Клингенъ, благодаря отъѣзду котораго и болѣзни мы такъ сильно сократили пребываніе въ Гималаяхъ, теперь поправился, но онъ спѣшитъ зачѣмъ-то въ Китай, и вотъ мы, едва только ступившіе на почву «Taprobane» древнихъ, должны уже ее покидать. Я протестую. Мнѣ въ видѣ уступки даютъ 12 дней съ условіемъ нагнать экспедицію въ Китаѣ, въ Ханькоу, и уѣзжаютъ. Но что такое двѣнадцать дней для Цейлона! Двѣнадцать дней для осмотра его плантацій, собиранія образцовъ почвъ, растеній и т. п., посѣщенія горныхъ областей и столь различныхъ по климату восточныхъ и западныхъ склоновъ... Это звучитъ какой-то насмѣшкой. Но приходится по одежкѣ протягивать ножки—покидать уже извѣстное читателямъ по моимъ предшествовавшимъ очеркамъ Коломбо и летѣть въ горы, въ чайные районы, пересѣкать островъ на почтовыхъ, въ-попыхахъ набирать факты и свѣдѣнія, чтобы разбираться съ ними ужь на кораблѣ, варясь въ парномъ воздухѣ муссона. Еслибы я попробовалъ день за днемъ описать, что я дѣлалъ на островѣ, у читателя закружилась-бы голова. Поэтому я не буду говорить здѣсь ни о посѣщенныхъ плантаціяхъ, ни

о чудномъ садѣ Пьюриліа, расположенномъ на громадной высотѣ, ни о чудномъ курортѣ этого городка, гдѣ мнѣ суждено было переночевать двѣ ночи. Изъ этого 12-дневнаго пребыванія среди чая и чайныхъ людей я опишу только два дня, когда мнѣ можно было, хотя цѣною страшнаго напряженія силъ, временно отвлечься отъ плантаторскихъ интересовъ и, какъ натуралисту и этнографу, провести время среди природы и населенія острова. Вотъ впечатлѣніями этихъ-то дней и попутно, между чайными экскурсіями, собранными наблюденіями, я-бы и хотѣлъ здѣсь подѣлиться. Наблюденія эти сдѣланы на восточной сторонѣ острова. Сюда рѣдко попадаютъ наши русскіе globe-trotter'ы. Потому и всѣ описанія Цейлона, какія мнѣ приходилось читать на русскомъ языкѣ, всецѣло относятся къ его западной, обращенной къ муссону сторонѣ. Между тѣмъ западный и восточный Цейлонъ—это два міра, ничего между собою общаго не имѣющіе. Одинъ—это влажные культурные тропики, другой—царство сухихъ дѣвственныхъ лѣсовъ жаркой Индіи.

Большинство русскихъ путешественниковъ знакомо съ западною частью острова. Обыкновенно они высаживаются въ Коломбо, пользуясь остановками нашихъ судовъ, и ограничиваются экскурсіями въ ближайшихъ окрестностяхъ города, причемъ посѣщаютъ знаменитую гостинницу Mount Lavinia, расположенную на берегу океана, на скалѣ, подъ сѣнью кокосовъ и другихъ тропическихъ деревьевъ. Насладившись здѣсь мягкою картиною солнечнаго заката, налюбовавшись на то, какъ бѣгаютъ краббы по песчаному побережью, они возвращаются въ Коломбо и на корабль, сопровождаемые толпами хорошенькихъ какъ амуры, но назойливыхъ нагихъ коричневыхъ сингалезскихъ ребятишекъ, бѣгущихъ за экипажемъ и просящихъ: «Give something, very good papa!»—просьба, быть можетъ, далеко не безсмысленная для часто посѣщающихъ Коломбо моряковъ.

Другіе, располагающіе большимъ временемъ, ѣздятъ въ

г. Кэнди. Но въ томъ и другомъ случаѣ—они видятъ западныя стороны острова, густо населенныя. Здѣсь, какъ и въ ландшафтахъ Китая или Японіи, глазъ видитъ клѣтки рисовыхъ полей, занимающія всѣ низины, клѣтки, представляющія то зеркальную поверхность водъ, то яркую изумрудную зелень молодыхъ всходовъ, то желтѣющую ниву; все-же, что возвышается надъ уровнемъ этихъ низинъ, равно какъ и все побережье вплоть до полосы *галечника*, омываемаго прибоемъ пѣнистыхъ валовъ океана,—есть плотный и густой лѣсъ прямыхъ, наклонныхъ или причудливо изогнутыхъ кокосовыхъ пальмъ съ ихъ темными рубчато-морщинистыми стволами и пышными кронами раскидистыхъ блѣдно-зеленыхъ вай, прикрывающихъ гроздья желтоватыхъ, въ человѣческую голову орѣховъ.

Если вы углубитесь подъ сѣнь этого лѣса, вы увидите массу другихъ высокихъ, вѣчно-зеленыхъ тропическихъ породъ. Эффектные, покрытые похожими на липовыя, но болѣе крупными листьями и сходными съ цвѣтами нашихъ мальвъ Porotium tiliaceum, исполинскіе бамбуки, эффектные, съ темною, узкою глянцевитою листвою *манги*, тонкія, какъ «стрѣлы упавшія съ неба», арековыя пальмы, Areca catechu, съ пучками листьевъ, увѣнчивающихъ прямой гибкій стволъ, распадистые, похожіе на нашъ комнатный фикусъ, но съ мелкими листьями и выростающими изъ ствола плодами громадные Djak fruit или Artocarpus inteyrifolia и настоящіе хлѣбоплодники, Artocarpus incisa, съ листьями болѣе аршина длиною, образуютъ высокія тѣнистыя деревья, а подъ сѣнью ихъ громадная нѣжная листва исполинскихъ банановъ, растущихъ, какъ кукуруза мингрельскаго жителя, вокругъ хижины, высокія какъ пальма, съ лапчатыми какъ у арелли листьями *дынныя* деревья, Carica papaya, и гуявы и, наконецъ, Painsiana pulcherrima, дерево съ перистыми, какъ у мимозы, листьями, все залитое пурпурными, какъ красная кумачевая рубаха, цвѣтами—довершаютъ волшеб-

ную декорацію тропическаго лѣса, въ который по широкимъ аллеямъ въѣзжаетъ путешественникъ, съ изумленіемъ видя, что въ лѣсу этомъ чуть не подъ каждымъ деревомъ виднѣется небольшая бѣленькая мазанка съ соломенной, или точнѣе, пальмовыми листьями покрытой кровлей, и суетится молодое поколѣніе красивыхъ, смуглыхъ полунагихъ сингалезскихъ ребятишекъ. Скоро путешественникъ оріентируется. Онъ убѣждается, что онъ ѣдетъ не въ лѣсу, но въ густо населенной мѣстности, если хотите сплошной деревнѣ, прикрытой деревьями—и это не жилыя мѣста, это только рисовыя поля. Чѣмъ дальше будетъ онъ ѣхать такимъ кокосовымъ лѣсомъ, тѣмъ больше будетъ убѣждаться, что эта чудная растительность насажена руками человѣка, что, несмотря на свою роскошь и пышность, она очень однообразна— и безконечное чередованіе банановъ, хлѣбоплодниковъ, бамбуковъ и другихъ деревьевъ, составляя чудную декорацію для жилья, надоѣдаетъ какъ ландшафтъ путешественнику.

И онъ спѣшитъ взять билетъ въ вагонъ желѣзной дороги, чтобы покинуть эту западную низину острова, въѣхавъ въ его менѣе культурную холмистую часть. Тутъ кокосовъ и рису становится меньше, они ограничиваются низами широкихъ рѣчныхъ долинъ. На кирпично-красныхъ склонахъ появляются чайныя плантаціи, или они покрыты бурьянами изъ цѣпкаго кустарника, усыпаннаго кирпично-красными цвѣтами Lantana communis и темно-синими колосками Verbena. Около селенія группируются все тѣ-же деревья, но тамъ и сямъ вынырнетъ изъ густой зелени крона вѣерной пальмы, Borassus flabelliformis, или еще болѣе пышной пальмиры, Corypha ombraculifera, на листьяхъ которой еще теперь, сшивая ихъ въ видѣ длинныхъ узкихъ тетрадокъ, пишутъ свои Sutra, на священномъ языкѣ пали, буддійскіе монахи и которая, разъ въ 50 лѣтъ выкинувъ пышную крону пушистыхъ бѣлыхъ цвѣтовъ, кончаетъ свое существованіе, отдавъ имъ

всѣ свои соки... Настоящихъ лѣсовъ и здѣсь нѣтъ: они расхищены густымъ населеніемъ. Деревья, которыя уцѣлѣли, тонутъ въ густомъ, непролазномъ кустарникѣ, въ свою очередь задушенномъ сотнями различныхъ цѣпкихъ и нерѣдко красиво цвѣтущихъ, вьющихся, ліанообразныхъ растеній. Чѣмъ выше будете вы подниматься, тѣмъ чаще и чаще такой джунгль будетъ уступать свое мѣсто плантаціямъ чая, и въ высокихъ горныхъ округахъ, особенно близъ Dikaya, они совершенно завладѣваютъ пейзажемъ. Красота природы принесена здѣсь въ жертву культурѣ. Склоны обнажены. Куда хватаетъ взоръ, вы не видите ничего, кромѣ низкихъ, аккуратно подстриженныхъ кустарниковъ и терассъ изъ красно-бурой почвы. Долины и крутые каменистые обрывы, пологіе склоны и кручи безразлично одѣты ими, придавая ландшафтамъ, несмотря на разнообразіе рельефа, холодный уныло-монотонный обликъ. Какъ змѣи только вьются здѣсь по склонамъ дороги, нерѣдко обсаженныя красивыми, съ перистою листвою Grevillea robusta, да тамъ и сямъ укоренилась на скалѣ переселившаяся сюда изъ Мексики green Agave, Furcroya gigantea, наподобіе настоящихъ Agave banemobus,—громадныя соцвѣтія, но не изъ цвѣтовъ, которымъ равномѣрное тепло и влага не позволяютъ развиться у этого ксерофила, а маленькихъ растеньицъ, которыя, какъ луковички, отваливаются отъ развѣтвленій соцвѣтія и падаютъ, чтобы прорости по сосѣдству.

Тамъ и сямъ еще уцѣлѣли по краямъ дороги широколистыя, похожія издали на нашу ольху, хинныя деревья—Cinchona succirubra, да группы чахлыхъ, уцѣлѣвшихъ отъ опустошенія Hemileya vastatrix кофейныхъ кустарниковъ, безпомощно распростершихъ свои горизонтальныя жиденькія вѣточки съ красными ягодками и поникшими листьями. Все здѣсь приносится въ жертву чаю, и чай завладѣваетъ всей территоріей. Только острыя маковки горъ пощажены рукою плантатора. Здѣсь впервые вы видите дѣвственный лѣсъ, но уже лѣсъ не жар-

кихъ тропиковъ, но лѣсъ царства туманной зеленой зимы. Тонкіе бамбуки представляютъ его подлѣсокъ. Рододендроны, Smilax, различныя Engenna, Melastoma, Cinamonium, миртовыя и лавровыя съ необыкновенно темною, почти черною кожистою зеленью составляютъ главные элементы такого джунгля, густого и трудно проходимаго. По опушкамъ и въ подлѣскѣ вы встрѣтите Pteris, древовидные папоротники fesaphila, кустики Hypericum и Sutamineae, различные Rubus, Elacaynus и Berberis.

Другая опять картина представится путешественнику, если онъ переѣдетъ на восточную сторону острова. Тотъ, кто привыкъ представлять себѣ Цейлонъ по его западнымъ берегамъ между Коломбо и самою южною оконечностью острова, Pt. de Galle, не признаетъ въ немъ Цейлона, а скажетъ, что попалъ въ какой-нибудь сухой уголокъ Индостана. Сухая гнейсовая, близко къ поверхности лежащая подпочва сверху разсыпалась на грубый красноватый, мало вывѣтрѣлый гравій. Такую почву даютъ граниты пустынь, но не жаркихъ и влажныхъ субтропическихъ странъ. На этой сухой, жаждущей почвѣ развилась пышная, но совершенно особенная флора. Заросли культурныхъ тропическихъ деревьевъ, чайныя плантаціи и вообще слѣды человѣческой культуры исчезаютъ по мѣрѣ того, какъ вы спускаетесь къ холмамъ, обрамляющимъ восточныя предгорія главныхъ горъ центра острова. Вы попадаете въ царство дремучаго дѣвственнаго лѣса, на громадныя протяженія совершенно непроходимаго, занимающаго большую часть равнинъ и уваловъ востока. Это не тотъ дѣвственный лѣсъ тропиковъ, который мы привыкли представлять себѣ по описаніямъ лѣсовъ Бразиліи или Явы,— съ эпифитами, во много ярусовъ растущими деревьями, промежутки между которыми заполнены травянистыми малолѣтниками, папоротниками, бананами и т. п. Нѣтъ, этотъ лѣсъ я уподобилъ-бы сухому байрачному лѣсу нашего Юга—если-бы только деревья не были гораздо выше и гораздо равномѣрнѣе развиты. Здѣсь я не

видѣлъ особенно толстыхъ стволовъ, но деревья растутъ необыкновенно густо, тѣсно сплетаясь другъ съ другомъ своими вѣтвями. Какъ осенью въ байрачномъ лѣсу, гдѣ гулялъ скотъ, здѣсь на землѣ все голо и сухо. Нѣтъ ни цвѣтовъ, ни травъ, ни нѣжно-зеленыхъ кустарниковъ, земля и стволы совершенно голы, сухи, но они спутаны другъ съ другомъ безчисленнымъ множествомъ ліанъ. Это не тонкія, одѣтыя листьями ліанообразныя растенія, вродѣ сарсапарили или ежевики, которыя опутываютъ кустарники субтропическихъ странъ. Нѣтъ, это совершенно голые древесные стволы, въ руку или даже человѣческую ногу толщиною, заполняющіе всѣ промежутки между стволами деревьевъ такого лѣса. Перепутанные узлами, перевитые точно стволъ сикомора, перебрасывающіеся гирляндами, переплетаясь и развѣтвляясь, они своею деревянистою массою занимаютъ всѣ просвѣты, дѣлая внутренность этого сверху сильно затѣненнаго лѣса мрачною, сѣро-коричневою, не позволяя видѣть дальше чѣмъ на 10 шаговъ и не позволяя двигаться далѣе какъ на 2—3 шага отъ дороги. Вы запутаетесь, заблудитесь и не выпутаетесь изъ этого лабиринта причудливо искрученныхъ стволовъ.

И все это покрыто шапкою изъ зелени, зелени мелкой, темной, кожистой. Большинство листьевъ колеблется по формѣ и величинѣ между листомъ камеліи и листомъ мирты. Здѣсь нѣтъ хвойныхъ; преобладаютъ одни лиственныя деревья, то вѣчно зеленыя, то съ временно опадающею листвою, желтѣющею отъ жары; и тамъ и здѣсь на-половину опавшіе листья придаютъ лѣсу видъ дубравы нашего сѣвера въ моментъ, когда послѣ лѣтней засухи ее только-что начинаетъ касаться дыханіе осени. Различныя Myrtaceae, изъ коихъ многія общи съ лѣсами Австраліи, Laurineae, Banhinia съ мелкимъ листомъ, Acacia, Ablozzoa, составляютъ главные элементы лѣса, ближайшее опредѣленіе которыхъ за отсутствіемъ цвѣтовъ было затруднительно.

Мѣстами лѣса рѣдѣютъ. На голой каменистой почвѣ выступающихъ холмовъ, на гнейсовыхъ плитахъ не растутъ деревья. Вы видите желтую выгорѣлую траву или изолированно разбросанныя громадныя деревья безлистной эвфорбіи—этото азіатскаго кактуса по своимъ формамъ—вѣтвистаго, съ канделяброобразно растопыренными колючими вѣтвями, которыя представляютъ поразительное сходство съ вѣтвями настоящихъ Cireus. Если вы подниметесь здѣсь на холмъ, вы увидите сухую, выжженную, чисто степную поверхность; подъ вами безграничное море деревьевъ, вы-же попираете выжженную поверхность степного холма; пахнетъ тѣмъ-же степнымъ сѣномъ, стрекочутъ кузнечики, и въ лунную ночь вы мните себя дома, на далекой родинѣ. Кто скажетъ, что это Цейлонъ, царство кокосовыхъ пальмъ и тропическихъ плантацій!

Вотъ въ эти-то дебри я и приглашаю васъ, читатели, послѣдовать за мною, чтобы хотя бѣглымъ окомъ взглянуть на собранныя въ нихъ чудеса. Вмѣстѣ съ горнымъ инженеромъ г. Ивановымъ я покинулъ Кэнди и, доѣхавъ по желѣзной дорогѣ до станціи Matale, пересѣлъ въ экипажъ, родъ шарабана, который долженъ былъ доставить насъ до мѣстечка Dumbul, лежащаго уже на восточной сторонѣ острова. На пути между Matale и Dumbul и исчезаютъ послѣдніе слѣды культуры кокосовъ, арековыхъ пальмъ и чайныхъ плантацій и вы постепенно въѣзжаете въ дикія дебри описанныхъ выше дѣвственныхъ лѣсовъ острова. Было уже темно, когда мы достигли Dumbul, гдѣ остановились въ извѣстнаго уже читателямъ характера dock bungalow, или, какъ ихъ здѣсь на Цейлонѣ называютъ, rest house. Здѣсь, уже поздно вечеромъ, мы имѣли возможность посѣтить одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ храмовъ Цейлона. Громадный пластъ сѣраго гнейса, сползши съ высокаго холма, образовалъ родъ искусственнаго навѣса, который и послужилъ мѣстомъ для устройства пещернаго капища, одного изъ многихъ храмовъ этого типа, какими изобилуютъ южная

Индія и Цейлонъ. По крутой тропинкѣ, извивающейся между озаренными трепетнымъ свѣтомъ луны кустарниками, взобрались мы на довольно высокую площадку передъ нависшею скалою. Ничто не свидѣтельствовало о томъ, что здѣсь устроенъ замѣчательный храмъ. Только толпа пилигримовъ, стоявшая передъ стѣною, которою какъ-бы подпиралась скала, говорила о томъ, что здѣсь должно находиться что-либо, кромѣ дикой природы. Провожатый нашъ зажегъ свѣчи и пригласилъ насъ послѣдовать за нимъ въ маленькую дверь. Черезъ нѣсколько минутъ мы очутились подъ темными сводами, и въ полумракѣ, при трепетномъ свѣтѣ свѣчей, я увидалъ зрѣлище, воспоминаніе о которомъ никогда не изгладится въ моей памяти. Передо мною на каменномъ ложѣ лежалъ погруженный въ сонъ исполинъ, по сравненію съ которымъ мы всѣ были не больше чѣмъ лилипуты передъ Гулливеромъ. Достаточно сказать, что одна ступня исполина равнялась сажени, въ соотвѣтствующей пропорціи были и всѣ остальные его члены. Онъ лежалъ, погруженный въ задумчивость, и казалось, что изъ полуоткрытыхъ вѣкъ онъ бросилъ взглядъ на вошедшихъ нарушить покой его посѣтителей. Будь все это при дневномъ свѣтѣ, вы-бы легко увидѣли, что статуя цѣликомъ высѣчена изъ камня, что она обтянута матеріей, раскрашенной яркими желтыми и красными красками, и что отдѣлка фигуры не отличается особою тщательностью. По ночамъ, при свѣтѣ свѣчей, въ воздухѣ, напоенномъ запахомъ принесенныхъ пилигримами цвѣтовъ, эффектъ, производимый истуканомъ, поразителенъ. Онъ производитъ глубокое впечатлѣніе на культурнаго человѣка, и потому легко себѣ представить, какое значеніе должны имѣть эти пещерные храмы для суевѣрнаго туземца. Этихъ исполиновъ можно сравнить развѣ только съ громадными статуями египетскихъ фараоновъ. Будда, говорятъ монахи, оставилъ на вершинѣ Адамова пика отпечатокъ ноги своей—саженной длины ступни; потому и фигура его должна быть дѣ-

лаема соотвѣтствующей величины. Какъ во всѣхъ буддійскихъ храмахъ Цейлона, и здѣсь справа изображенъ богъ Вишну, слѣва—боги счастья, обыкновенные спутники Будды. Но въ сравненіи съ самимъ исполиномъ они не производятъ впечатлѣнія. Потолокъ и стѣны пещеры расписаны лубочными изображеніями демоновъ и другихъ фигуръ. Другое отдѣленіе храма, имѣющее особый входъ, не менѣе интересно. Тутъ вы видите какъ-бы засѣданіе изъ сидящихъ поджавъ подъ себя ноги буддъ. Эти будды всѣ похожи другъ на друга, всѣ сидятъ въ одинаковомъ положеніи погруженнаго въ созерцаніе аскета—и это собраніе исполинскихъ истукановъ, бесѣдующихъ въ полумракѣ пещеры, также не лишено эффекта. И около нихъ лежитъ другой исполинскій Будда, 47 ф. длины. Украшеній, обыкновенно ставящихся на алтаряхъ буддійскихъ храмовъ, здѣсь нѣтъ. Вообще обстановка цейлонскихъ буддійскихъ храмовъ отличается замѣчательною простотою, чего нельзя сказать ни о храмахъ малайскихъ, ни о буддійскихъ храмахъ дальняго востока Азіи. Но зато здѣсь принадлежностью каждаго храма является такъ-называемая ступа, или особаго рода постройка изъ бѣлаго камня, напоминающая крышку отъ нашихъ масляницъ, съ очень длинной ручкою въ видѣ шпиля. Эти ступы ставятся обыкновенно надъ различными реликвіями Будды. Въ пещерномъ храмѣ Dumbul такая ступа помѣщалась внутри, своею оригинальною формою еще болѣе увеличивая фантастичность обстановки. Сопровождавшіе насъ монахи только-что кончили богослуженіе. Часть ихъ, неся свѣтильники въ рукахъ, уже спускались внизъ при звукахъ пѣснопѣній и музыкальныхъ инструментовъ—и этотъ хоръ среди мрака и тонкихъ силуэтовъ пальмъ и другихъ тропическихъ деревьевъ былъ преисполненъ глубокой поэзіи. Сами монахи, съ гладко бритыми головами и одѣтые въ желтые халаты на голое тѣло, не производили на меня впечатлѣнія лицъ особенно свѣдущихъ

въ своемъ ученіи. Въ Коломбо, подъ вліяніемъ съ одной стороны соперничества съ христіанствомъ, съ другой стороны—того интереса, который вызвалъ буддизмъ у европейцевъ, особенно послѣ появленія въ свѣтъ популярнаго его изложенія въ прекрасной книгѣ Эдвина Арнольда «Свѣтъ Азіи»—явился типъ ученыхъ буддистовъ. Такого рода монахи предложатъ вамъ и буддійскій катехизисъ, составленный на-манеръ нашего и представляющій очищенное отъ суевѣрій ученіе Будды. Они поведутъ васъ въ школы, устроенныя по образцу миссіонерскихъ. Подражая англійскимъ проповѣдникамъ, они издаютъ духовный журналъ «The Buddist», гдѣ вы найдете отчеты о буддійскихъ засѣданіяхъ, обращеніяхъ, подпискахъ и полемику съ христіанствомъ. Они устраиваютъ въ день рожденія Будды пышныя процессіи со свѣтильниками и хорами. Вы встрѣтите здѣсь монаха, посѣщающаго больныхъ въ госпиталѣ, поучающаго преступниковъ въ тюрьмѣ или проповѣдующаго на перекресткахъ на-манеръ дѣятелей арміи спасенія. Но это все только въ такомъ центрѣ, какъ Коломбо. Внутри-же острова, какъ въ Dumbul, такъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ приходилось встрѣчаться съ монахами, они поражали своимъ невѣжествомъ. Вездѣ вы встрѣчаете у такихъ монаховъ радушный пріемъ, вездѣ они предложатъ вамъ для утоленія жажды кокосовый орѣхъ, который они ловко вамъ вскроютъ своею бритвою, покажутъ вамъ хранящіяся въ храмѣ 2—3 книжки, написанныя, на непонятномъ для нихъ самихъ языкѣ, на листьяхъ пальмы. Они не имѣютъ никакого вліянія на окрестное населеніе, продолжающее жить своею прежнею вѣрою въ злыхъ демоновъ и почитать змѣй. Жизнь двухъ третей этого духовенства порочна и бѣдна. Несмотря на обѣты безбрачія, немногіе изъ монаховъ цѣломудренны. Они посѣщаютъ женщинъ сосѣднихъ деревень или преданы еще худшимъ порокамъ и далеко не всѣ отличаются образцовою честностью.

Переночевавши въ Dumbul'ѣ, я разстался съ г. Ивановымъ и направился одинъ черезъ дѣвственные лѣса по направленію къ тропикамъ. Здѣсь, на обширной равнинѣ, заросшей теперь сплошнымъ и непроходимымъ джунглемъ описаннаго уже характера, расположены были нѣкогда главныя столицы острова: Palonarua и Anurodapura. Болѣе современная изъ нихъ Pal narua существовала какъ цвѣтущая столица въ 1500 г. нашей эры, тогда, когда уже приходила въ разрушеніе ея болѣе древняя соперница Anuradapura. Обѣ онѣ, брошенныя и заросшія дѣвственными лѣсами, совершенно исчезли изъ памяти людей, и лѣтъ сто тому назадъ врядъ-ли кто-либо даже подозрѣвалъ, что въ дебряхъ населенныхъ дикарями дубравъ расположены были города, по величинѣ не уступавшіе Парижу, съ архитектурными памятниками не меньшаго значенія, чѣмъ памятники Рима или древняго Египта. Чтобы достигнуть этихъ интересныхъ городовъ, лежащихъ нѣсколько въ сторонѣ отъ большой дороги, требуется не менѣе сутокъ ѣзды на почтовыхъ. Да не подумаетъ читатель, что подъ почтовыми на Цейлонѣ разумѣютъ что-либо вродѣ нашихъ запряженныхъ тройкою, хотя и измученныхъ, но подъ ударами кнута всетаки рѣзво бѣгающихъ лошадей, телѣжекъ. Нѣтъ, почтовыя сообщенія Цейлона совершаются на *волахъ*. Тутъ медлительностью движенія туземцы перещеголяли даже малороссовъ. Англичане пересѣкли пустынныя области острова чудными, гладкими какъ паркетъ шоссе, но по шоссе этому никто не ѣздитъ. Оно пересѣкаетъ лѣсную пустыню, и въ ночные часы развѣ только цейлонскій медвѣдь или робкій мускусный олень пробѣжитъ черезъ дорогу, или вздумаетъ прогуляться по ней дикій слонъ. Мѣстность настолько пустынна, что звѣрь не боится человѣка, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ экипажа, на пути въ Dumbull, мнѣ дорогу переползла громадная очковая змѣя. Рѣдко-рѣдко когда проѣдетъ экипажъ, громадная двухколесная арба съ крытымъ пальмовыми листьями верхомъ—подобіе

двухколесной фуры, запряженная парою воловъ, влекущихъ ее съ чисто малороссійскою медленностью. Но это большая рѣдкость. Ждутъ обыкновенно почтоваго экипажа—такой-же точно фуры,—но для которой подставляютъ черезъ каждыя 3 версты свѣжихъ воловъ, что позволяетъ ямщику, нещадно ихъ погоняя, заставлять ихъ бѣжать рысью. Здѣшніе волы гораздо мельче нашихъ. Это собственно не волы, а зебу—родъ быка съ горбомъ на шеѣ и черною кожею. Почтовый экипажъ отправляется изъ Dumbull'а при закатѣ солнца и, проѣхавши всю ночь, достигаетъ на слѣдующій день къ полудню Анурадапура. Трудно себѣ представить что-либо поэтичнѣе теплой лунной ночи среди дѣвственнаго лѣса съ его перепутанными между собою, причудливо изогнутыми и перевитыми ліанами дебрями. Одно стрекотаніе цикадъ да покрикиваніе погонщика нарушаетъ торжественное молчаніе тропической ночи—и вы можете забыть, что вы только-что покинули уголокъ густо населенной Азіи, а не находитесь въ глухихъ дебряхъ своего отечества.

На мѣстѣ, гдѣ англичане расчистили развалины, выросла цѣлая деревушка. Ее населяетъ около 2 000 душъ; здѣсь имѣется клубъ и базаръ и наконецъ хорошо устроенный rest house. Уже съ веранды этого rest house'а видны куполы громадныхъ дагобъ или «ступъ» погребеннаго города. Смѣшно сказать, эти колоссальныя зданія, величиною съ иной соборъ нашего города, воздвигнуты надъ какимъ-нибудь очень сомнительнаго происхожденія волоскомъ изъ бровей или рѣсницъ Будды, или деревянной чашкой, бывшей въ употребленіи у очень святого монаха.

Эти дагобы, еще хорошо сохранившіяся, расположены среди безчисленныхъ руинъ зданій съ колоннами и безъ колоннъ, залъ, дворцовъ и монастырей, теряющихся въ дикомъ джунглѣ уже описаннаго нами характера. Они окружены грандіозными ирригаціонными сооруженіями, окружавшими городъ и дававшими возможность куль-

тивировать рисъ въ этой сухой и жаркой части Цейлона. Уничтоженіе этихъ сооруженій имѣло слѣдствіемъ прекращеніе человѣческой жизни и культуры, запустѣніе восточнаго Цейлона. Изъ руинъ этихъ первымъ дѣломъ обращаетъ на себя вниманіе такъ-называемый «Brazen palace»—это цѣлый лѣсъ колоннъ, число коихъ насчитываютъ до 1 600. Говорятъ, это остатки 9-ти-этажнаго дворца, возвышавшагося здѣсь во второмъ столѣтіи до Р. X. Эта колонна расположена правильными линіями. Названіе дворца къ этому зданію, несмотря на его золотую крышу, однако, не примѣнимо. Сингалезскія лѣтописи говорятъ, что это былъ монастырь, населенный не менѣе, чѣмъ 1 000 монахами, которыхъ содержалъ и одѣвалъ король. Развалины некрасивы, такъ-какъ колонны не высоки и не отдѣланы, но ихъ обликъ крайне оригиналенъ. Онѣ интересны только для того, кто читалъ исторію Цейлона, гдѣ подробно описано торжество открытія этой залы царемъ, возсѣдавшимъ на тронѣ изъ слоновой кости и золота, съ котораго онъ держалъ свою рѣчь. Монахи были размѣщены затѣмъ по этажамъ. Старѣйшіе и болѣе святые помѣщались наверху, въ 9-мъ этажѣ, молодые-же жили внизу. Какъ ни странно покажется читателю это обыкновеніе—оно станетъ понятно, коль-скоро онъ вспомнитъ обще-азіатскій взглядъ на то, что старшіе по положенію нигдѣ не должны сидѣть ниже младшихъ. Пройдя нѣкоторое разстояніе по дорогѣ, ведущей отъ этихъ развалинъ, вы приходите къ каменной загородкѣ съ помостомъ, наполненнымъ деревьями, которыя точно стремятся разорвать ее на куски своими искрученными корнями. Нѣсколько ступеней ведутъ къ этой замкнутой поросли. У подножія ея находится такъ-называемый лунный камень. Онъ весь состоитъ изъ высѣченныхъ изображеній, обходящихъ его справа налѣво. Внѣшній край представляетъ процессію слоновъ, львовъ, лошадей и буйволовъ, внутри расположенъ рядъ изъ цвѣтковъ лотоса, а затѣмъ вереница гу-

сей, заключенная изнутри опять рядомъ лотосовъ. По обѣимъ сторонамъ лѣстницы изображено по каменному истукану—стражу капища. Войдя подъ сѣнь деревьевъ, вы видите большое каменное изображеніе сидящаго Будды и около него другія, сильно поврежденныя статуи. Заросль деревьевъ состоитъ изъ смоковницъ—Ficus religiosa, перемѣшанныхъ съ пальмами. Одна изъ этихъ смоковницъ имѣетъ 10 фут. въ діаметрѣ на высотѣ 6-ти футовъ отъ земли, причемъ стволъ ея совершенно обросъ пальмиру, нисколько не повредивши послѣдней. Среди заросли находится другая платформа, съ лѣстницею, на нее ведущею; надъ этой платформой подымается третья, обнесенная желѣзною рѣшоткою. На ней и возвышается священная смоковница буддистовъ, знаменитое дерево Бо, по величинѣ своей много уступающее окружающимъ его, ниже растущимъ особямъ того-же вида. Его вѣтви раскинулись далеко за предѣлы загородки и кора ихъ сильно потерлась отъ многочисленныхъ поцѣлуевъ. Но ни одинъ смертный не смѣетъ сорвать листика съ этихъ вѣтвей. Онѣ, какъ вѣтви нашей осокори, съ которою этотъ видъ смоковницъ имѣетъ большое сходство, постоянно колышатся вѣтромъ, листья постоянно шелестятъ въ знакъ своей симпатіи великому Буддѣ, который, какъ говоритъ преданіе, подъ сѣнью дерева этого—или вѣрнѣе, подъ сѣнью его родителя, росшаго въ Гайѣ, въ Индіи, одержалъ побѣду надъ искушеніями, надъ плотью, надъ міромъ и искушавшими его діаволами. Дереву воздаются здѣсь знаки почтенія. Пораненныя части ствола покрываются золочеными листочками или гирляндами изъ цвѣтовъ.

Это дерево есть одно изъ древнѣйшихъ деревьевъ въ мірѣ, время посадки которыхъ помнитъ человѣчество. Оно было принесено изъ мѣстечка Гайа, близъ Патны, въ Индіи, принцессою Сангамита, сестрою миссіонера Магиндо, въ 245 году до Р. Х., въ царствованіе царя Тиссы. По совѣту упомянутаго миссіонера, было послано посоль-

ство въ Патну тамошнему королю съ просьбою разрѣшить провезти на Цейлонъ вѣточку священнаго дерева, подъ которымъ происходило искушеніе Будды. Просьба эта привела дворъ въ большое смущеніе, такъ-какъ дерево Будды тогда уже боготворилось и его вѣтви и листья считались неприкосновенными. Созванъ былъ цѣлый консиліумъ монаховъ, и они, наконецъ, послѣ долгихъ преній, разрѣшили срѣзать вѣтку *Бо*. Изготовленъ былъ золотой горшокъ, въ 4 ф. въ діаметрѣ, и, говорятъ, при громадномъ стеченіи народа, при звукахъ музыки, на украшенномъ знаменами и драгоцѣнностями деревѣ произошло чудо. Вѣтка, предназначенная для черенка, была обведена золотою кистью, красною краской, со словами: «Если этой вѣткѣ дерева Бо предопредѣлено отправиться въ страну Лаика, да пересадится она сама собою въ этотъ золотой горшокъ». И вѣтка это исполнила. И король намѣтилъ на ней мѣсто, откуда должны были пойти главный и побочный корни, и они выросли при громкихъ крикахъ «Sadhu» изумленнаго народа. Дерево, сопровождаемое многими фанатиками и вызывавшее на пути чудеса, было отправлено внизъ по р. Гангу, помѣщено на корабль и благополучно прибыло на Цейлонъ, гдѣ его торжественно встрѣтилъ король, сторожившій дерево все время, пока оно не было посажено. Золотые и серебряные сосуды съ священною водою Ганга были присланы для его поливки. Дерево съ почестью было перенесено на мѣсто, гдѣ оно теперь находится. Преданіе говоритъ, что оно быстро само пустило корни и вогнало въ землю ту громадную золотую вазу, въ которую оно было посажено. Боги послали обильные дожди для его орошенія, и оно быстро стало давать плоды, отъ которыхъ распространили его около храмовъ по всему острову. Древнѣйшее изъ такихъ деревъ растетъ теперь въ Кэнди. Но нѣтъ буддійскаго храма на Цейлонѣ, гдѣ-бы вы не увидѣли хотя-бы молодой Ficus religiosa.

Масса другихъ развалинъ и памятниковъ древности

останавливаютъ вниманіе туриста. Громадныя бани, фундаменты дворцовъ, камни, на которыхъ высѣчены семиглавыя змѣи, алтари для цвѣтовъ, конюшни для слоновъ, развалины монастырей, сидячія статуи Будды и безчисленныя дагобы. Статуи и дагобы производятъ особенно сильное впечатлѣніе. Бродя среди дѣвственныхъ дебрей, вы то тамъ, то здѣсь наталкиваетесь на сидящаго и погруженнаго въ размышленіе гранитнаго исполина. Его статуи, несмотря на громадную ихъ древность, кажутся точно живыми—и ихъ размѣры гармонируютъ съ грандіозною обстановкою изъ тропическихъ деревъ. Наконецъ, 2 громадныя дагобы, одна, воздвигнутая надъ ребромъ Будды, сохранившимся чудеснымъ образомъ отъ испепеленія, которому по индійскому обычаю былъ подвергнутъ этотъ вѣроучитель, и другая, воздвигнутая надъ могилою одного узурпатора, павшаго въ поединкѣ съ законнымъ правителемъ, довершаютъ достопримѣчательности, показываемыя туристу. Глядя на всѣ эти руины, въ которыхъ такая львиная доля выпадаетъ памятникамъ буддизма, невольно сравниваешь роль, какую религія эта съиграла въ народной архитектурѣ, съ ролью христіанства.

Древніе готы, древніе славяне строили только грубыя и безобразныя крѣпости. Воспринявъ христіанство, они покрыли большую часть Европы тѣми роскошными произведеніями готическаго и византійскаго зодчества, которыя являются лучшими и красивѣйшими изъ памятниковъ средневѣковой древности. Не такова-ли была и роль буддизма. Мы не знаемъ памятниковъ древнеиндійскаго зодчества, которые могли-бы сравниться съ тѣми, которые создалъ буддизмъ. Анурадапура представляла изъ себя до введенія этой религіи скопленіе жалкихъ глиняныхъ мазанокъ. И всѣ эти грандіозныя развалины и ихъ оригинальный стиль—есть созданіе этой проповѣданной цейлонцамъ религіи. До сихъ поръ въ мѣстечкѣ Mihintale показываютъ мѣсто на высокой горѣ, гдѣ

среди развалинъ келій монастыря открывается панорама на погребенный городъ, мѣсто, гдѣ жилъ первый проповѣдникъ буддизма на Цейлонѣ Mahinda, обратившій въ эту вѣру своею горячею проповѣдью царя и народъ.

Мой обратный путь въ Dumbooll я совершилъ пѣшкомъ—и это былъ одинъ изъ самыхъ утомительныхъ переходовъ. Почта ходитъ не ежедневно, а потому мнѣ пришлось нанять вольный экипажъ. Но мое 9-ти-лѣтнее пребываніе въ Малороссіи не научило меня мириться съ медленностью движенія воловъ—и, не вытерпѣвши пытки, какую представляло это черепашье движеніе, я предпочелъ идти впередъ пѣшкомъ, рискуя подвергнуться опасности получить солнечный ударъ. Солнце палило немилосердно, вся трава была выжжена. Она стояла желтая, какъ у насъ въ концѣ іюля, и по стеблямъ ея ползали, вмѣсто нашихъ кузнечиковъ, фазмы—насѣкомое, представляющее одинъ изъ интереснѣйшихъ примѣровъ миметизма на Цейлонѣ. Его тѣло, тонкое какъ соломина, представляетъ длинную трубочку дюйма въ 3 или 4 длиною. Его лапки, тонкія какъ волоски, чуть-ли не длиннѣе тѣла; вытянувши ихъ, такая фазма становится до такой степени похожею на сухое соцвѣтіе злака или, вѣрнѣе, его сухой скрученный листокъ, что только замѣтивъ движеніе его, отрѣшаешься отъ иллюзіи. Какъ опасно здѣсь солнце, можетъ показать слѣдующій случай. Уйдя довольно далеко впередъ отъ моего знакомаго, я повстрѣчался съ фурою, въ которой ѣхалъ какой-то англійскій рабочій, который разговорился со мною и предложилъ мнѣ, расположившись бивуакомъ, выпить чаю. Я изнемогалъ отъ жары и усталости и потому принялъ его предложеніе. Англичанинъ везъ въ своей фурѣ 2 пары куръ, связанныхъ по туземному обычаю за ноги. Захлопотавши у костра, онъ не замѣтилъ, что положилъ ихъ на солнце—не прошло и 5 минутъ какъ всѣ куры уже были мертвы.

Погонщиками его фуры, точно также какъ и моей,

. . . .
были сингалезы. Народъ этотъ составляетъ уже болѣе позднее населеніе здѣшнихъ лѣсовъ, аборигены которыхъ, —веда или ведасы,—до сихъ поръ еще скрываются въ ихъ дебряхъ, избѣгая попадаться на глаза культурнымъ людямъ. Эти ведасы представляютъ для этнографа большой интересъ.

Въ то время какъ сингалезы представляютъ изъ себя народъ арійскаго племени—переселенцевъ съ с.-з. Азіи, ведасы—это аборигены Индостана, племя родственное съ австралійцами, чернокожее, съ длинными, черными волнистыми волосами. Ѳто дикари въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова, и врядъ-ли теперь можно насчитать на земной поверхности много племенъ, которыя стояли-бы на такомъ низкомъ уровнѣ культуры, какъ эти ведасы. Имъ подобны только уже почти истребленные бушмены и нѣкоторыя племена Австраліи. Живя въ дебряхъ лѣсовъ, не подпуская къ себѣ культурныхъ людей, ведасы считались долгое время расою какъ-бы переходною отъ человѣка къ обезьянѣ. Думали, что этотъ первобытный, живущій на деревьяхъ народъ лишенъ способности смѣяться, не имѣетъ понятія о религіи, о семейныхъ узахъ и многихъ другихъ, свойственныхъ самымъ низшимъ племенамъ человѣчества культурныхъ началъ. Это люди, не имѣющіе жилищъ, но ночующіе наподобіе первобытныхъ людей каменнаго вѣка—троглодитовъ—въ пещерахъ, или прямо подъ сѣнью густыхъ деревъ, обкладывая себя сухими вѣтвями, чтобы по шелесту ихъ узнать о приближеніи дикаго звѣря. Далѣе умѣнія добыть себѣ огонь путемъ тренія кусковъ дерева и приготовить изъ гибкаго прута лукъ, тетивою котораго служитъ кора ліаны, изобрѣтенія ведасовъ не пошли, и тамъ, гдѣ имъ не удается путемъ обмѣна съ сингалезами достать желѣзныхъ наконечниковъ для стрѣлъ—они стрѣляютъ заостренными палочками, какъ наши дѣти. Впрочемъ, имъ рѣдко приходится употреблять въ дѣло свое оружіе въ густыхъ и непролазныхъ дебряхъ дѣвственнаго лѣса. Они питаются

обыкновенно плодами дикихъ деревъ и медомъ пчелъ, служащимъ лакомствомъ, мало отличаясь въ этомъ отношенiи отъ обезьянъ.

Этотъ дикiй народъ, отогнанный нѣкогда въ глубь горъ, послѣ гибели такихъ высоко культурныхъ городовъ, какъ Анурадапура и Palanarua, вмѣстѣ съ дѣвственными лѣсами, вновь размножился въ восточной части острова. Дикiя дебри и варварскiя племена смѣнили высокую цивилизацiю, для того, чтобы теперь исчезнуть вновь передъ культурными начинанiями англичанъ, рубящихъ дѣвственные лѣса и проводящихъ новые оросительные каналы, возстановляя старые резервуары сингалезскихъ царей. Ведасы не поддаются этой культурѣ. Ихъ осталось не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ на всемъ островѣ. Они быстро угасаютъ, дѣлаясь жертвою заразныхъ болѣзней или смѣшиваясь съ сингалезами. Только въ немногихъ пунктахъ ихъ заставили жить осѣдло, и только тамъ можетъ наблюдать ихъ европеецъ. Мнѣ, какъ географу, естественно, было крайне любопытно бросить взглядъ на это чуть-ли не наиболѣе низко стоящее въ культурномъ отношенiи человѣческое племя. Вотъ почему, какъ только я покончилъ съ ознакомленiемъ съ чайными плантацiями высокихъ горныхъ округовъ и лучшаго по плодородiю округа Uva, я поспѣшилъ опять въ область этихъ дикихъ цейлонскихъ дебрей и углубился на разстоянiе дня пути въ необитаемый дѣвственный лѣсъ по пустынной, почти не посѣщаемой экипажами, но прекрасно содержимой почтовой дорогѣ, къ порту Bottocalaa. Лѣсъ здѣсь имѣлъ такой-же характеръ, какой былъ мною описанъ ранѣе; посреди него, тамъ, гдѣ камень выходилъ на поверхность, вмѣсто деревьевъ изрѣдка бывали раскиданы полянки, поросшiя въ описываемое время сухою, выжженною травою. Лѣса эти въ общемъ были молчаливы, но не слѣдовало забывать, что стояло сухое время года. Хотя засухи Цейлона не настолько значительны, чтобы заставлять деревья ронять листья

какъ въ сѣверной Индіи, но зато они сильно отражаются на животной жизни, замолкающей на это время, для того, чтобы проснуться съ удвоенной энергіей послѣ дождей. Особенно поражаютъ здѣшнія рыбы. Пруды и озера въ сухое время года нерѣдко совершенно лишаются воды и дно ихъ затвердѣваетъ какъ камень. Но начинаются ливни, наполняющіе ихъ водою, — и о, чудо,—вмѣстѣ съ водою въ резервуарахъ появляются и рыбы, и не маленькія, только-что вылупившіяся изъ икры, но крупныя, составляющія предметъ ловли туземцевъ. Откуда являются въ прудахъ эти рыбы—долгое время было загадкою, пока болѣе точныя наблюденія не показали, что цейлонскія рыбы могутъ долгое время странствовать по сушѣ отъ одного резервуара до другого и подвергаться продолжительной спячкѣ. Если дикіе слоны, въ послѣднее время, стали большою рѣдкостью даже въ этихъ дебряхъ, то для зоолога все-таки страна ведасовъ можетъ дать много интереснаго. Однѣ летучія мыши чего здѣсь стоятъ. Мѣстами вѣтви деревьевъ ломятся отъ массъ ночующихъ здѣсь экземпляровъ съ собаку величиною, за оригинальную свою морду получившихъ названіе летающихъ лисицъ. Леопардъ, становящійся все болѣе и болѣе рѣдкимъ, еще живетъ въ этихъ дебряхъ, гдѣ бѣлки-летяги составляютъ компанію летучимъ мышамъ своими смѣлыми сальтомортале. Вы встрѣтите здѣсь оригинальное, одѣтое чешуею животное, извѣстное у англичанъ подъ именемъ pengolin, хорошенькихъ мускусныхъ оленей и шакаловъ. Если здѣсь нѣтъ колибри, то ихъ замѣняютъ похожія на нихъ солнечныя птички, а американскаго тукана замѣняетъ обладающая громаднымъ и безобразнымъ клювомъ птица-носорогъ, шишка на клювѣ которой такъ велика, что кажется, будто птица эта имѣетъ двѣ головы; орлы, совы, птицы-портные, хорошенькіе зеленые попугаи, а по берегамъ болотъ изящные фламинго могутъ прельстить охотника, тогда-какъ туриста увлекутъ хамелеоны, игу-

аны до 5 футъ длиною и еще болѣе гигантскія ящерицы Kabaragaya—Monitor exanthematicus и съ поразительно длинными пальцами и хвостомъ, хорошенькія зеленыя ящерицы Calotes versicolor, исполинскія черепахи, кобры и змѣи-анаконды. Я уже не буду говорить о громадныхъ эффектныхъ бабочкахъ и прямокрылыхъ.

Но все-таки безпорно самое интересное въ этихъ лѣсахъ—это человѣкъ. Мнѣ пришлось проѣхать около 60 верстъ отъ ближайшаго селенія по совершенно пустынному лѣсу въ описанной уже двухколесной, запряженной зебу, арбѣ и пройти около 20 верстъ пѣшкомъ въ сопровожденіи проводника сингалеза, прежде чѣмъ я достигъ тропинки, сворачивавшей въ сторону отъ дороги въ дѣвственный лѣсъ. Никогда еще въ моей жизни мнѣ не приходилось ходить по такимъ тропинкамъ. Дѣвственные лѣса Явы, дѣвственные лѣса сѣвера—это царство зелени, царство листвы. Не то здѣсь. Здѣсь листва прячется далеко наверху, давая лѣсу тѣнь. На уровнѣ-же съ вами вы видите густую, непролазную стѣну стволовъ, прямыхъ, сучковатыхъ, искривленныхъ, изогнутыхъ, скрученныхъ въ видѣ пробочниковъ, перекрученныхъ и перевитыхъ другъ около друга, сѣрыхъ, коричневыхъ, дѣлающихъ дебри лѣса непроглядными на разстояніи немногихъ шаговъ. Вотъ по такой тропинкѣ мы шли версты три, пока неожиданно передъ нами не открылась небольшая прогалина, на которой возвышалось нѣчто вродѣ первобытнаго шалаша. Это и было жилище ведасовъ. Услышавъ приближеніе наше, все мужское населеніе разбѣжалось, оставивъ лишь двухъ женщинъ съ малолѣтними дѣтьми подъ сѣнью шалаша, который при ближайшемъ разсмотрѣніи оказался нѣсколькими грубыми соломенными циновками, привязанными вокругъ вбитыхъ въ землю кольевъ. Вокругъ этого жилья расла цѣлая коллекція культурныхъ растеній. Это была картина поля той доисторической эпохи, когда человѣкъ впервые познакомился съ полезными растеніями, но не изобрѣлъ

еще орудій для воздѣлыванія земли. Наподобіе бурьяновъ на лѣсномъ пожарищѣ, между обгорѣлыхъ стволовъ возвышались здѣсь стебли кукурузы, маніока, сарго, краснаго перцу, вилась тыква, бобы въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, борясь за обладаніе почвою съ туземными лѣсными растеніями. Хижина дѣлилась на двѣ части. Одна ея половина, совершенно пустая, была занята женщинами, другая играла роль кладовой и въ ней на полкахъ стояло нѣсколько половинокъ бутылочной тыквы, наполненныхъ зернами или медомъ дикихъ пчелъ,— очевидно запасы семьи. Больше никакой утвари или орудій въ жилищѣ не было. Вскорѣ недовѣрчиво и робко стали къ намъ подходить нѣсколько юношей, совершенно нагихъ, великолѣпно сложенныхъ и совершенно черныхъ. Ихъ единственное одѣяніе состояло изъ пояса стыдливости, представленнаго веревочкой, опоясанной вокругъ бедеръ, за которую спереди и сзади были привязаны концы носового платка, очевидно кѣмъ-то потеряннаго, служившаго уже много лѣтъ. Еслибы не нѣсколько плоскій носъ, черты лица этихъ юношей я назвалъ-бы очень красивыми, и роскошные черные волосы придавали имъ еще болѣе привлекательности. Ничего обезьяно-подобнаго, ничего нечеловѣческаго въ нихъ не было; напротивъ, ихъ можно-бы было поставить въ разрядъ красивѣйшихъ типовъ двуногихъ. Видя, что мы не дѣлаемъ имъ вреда, они вошли въ хижину и усѣлись вокругъ меня. Черезъ нѣсколько минутъ явился и самъ отецъ этой многочисленной семьи, въ которой я насчиталъ не менѣе 8 человѣкъ, изъ коихъ одни были совершенно черны и могли считаться за типичныхъ представителей дравидскаго племени, другіе имѣли коричневый оттѣнокъ и въ чертахъ ихъ лица и даже сложеніи замѣтно было что-то сингалезское. Отецъ семейства былъ высокій и очень сухопарый старый дикарь, который могъ-бы служить прекраснымъ образцомъ *лѣшаго* для какой-нибудь русской сказки. Онъ, если хотите, дѣйствительно

соотвѣтствовалъ тому представленію о дикарѣ, какое у насъ составилось въ обществѣ по описаніямъ старыхъ путешественниковъ. Всклокоченные сѣдые волосы, громадныя орбиты дикихъ, выпяченныхъ впередъ глазъ, впалыя щеки, обезображенныя сѣдыми клочьями бороды, длинныя, сухія какъ палки конечности, выпяченный животъ и сухая впалая грудь какого-то желтаго цвѣта—все это придавало наружности старика ведаса что-то дикое и отталкивающее. Онъ былъ вооруженъ громаднымъ лукомъ. Въ его рукахъ было еще 2 стрѣлы съ желѣзными наконечниками и на плечѣ родъ топора, сдѣланнаго правда изъ желѣза, но формою своею чрезвычайно еще напоминавшаго каменные топоры вѣка шлифованнаго камня. Онъ кричалъ дикимъ голосомъ и энергично размахивалъ руками, имѣя крайне недружелюбный видъ, очевидно, будучи недоволенъ нарушившимъ его покой моимъ вызовомъ. Но, видя мирное настроеніе его сыновей и внуковъ, расположившихся вокругъ меня, онъ смягчился и вступилъ со мною въ разговоръ знаками, значеніе которыхъ обѣ стороны, повидимому, понимали весьма смутно. Тѣмъ не менѣе, разультатомъ разговоровъ этихъ было появленіе передо мною порціи меду дикихъ пчелъ — и воды, единственнаго лакомства и богатства этихъ бѣдняковъ,—угощеніе, свидѣтельствовавшее, что даже и на этой, самой низкой ступени своего развитія человѣчество не чуждо правилъ гостепріимства. Впрочемъ, посѣщенные мною ведасы были уже ведасы такъ-сказать цивилизованные. У нихъ были жилища, чего нѣтъ, какъ мы знаемъ, у ведасовъ дикихъ; у нихъ начинается подобіе земледѣлія и они не бѣгутъ отъ лица культурныхъ сингалезовъ. Отъ этихъ послѣднихъ они выучились цѣнить значеніе денегъ, и это обстоятельство было причиною, что мнѣ удалось купить у старика его оружіе, которое онъ уступилъ мнѣ съ большою неохотою и которое, какъ трофеи этого длиннаго и говоря вообще утомительнаго и скучнаго путешествія по дѣвственному лѣсу, я и привезъ съ собою съ Цейлона.

Все, что я видѣлъ у дикарей этихъ, свидѣтельствовало, что они только *культурно* отличаются отъ другихъ народовъ Индіи. На дѣлѣ эти люди ничѣмъ не отличаются отъ другихъ. Ихъ сложеніе прекрасно, и если на нѣкоторыхъ фотографіяхъ они кажутся безобразными и исхудалыми, какъ и мой знакомый старикъ-лѣшій, то виною тому ихъ жизнь и питаніе, а не особенности организаціи. И мнѣ кажется, что если-бы англійское правительство хотя сколько-нибудь гуманнѣе относилось къ своимъ дикарямъ, ведасы вошли-бы точно такъ-же въ составъ населенія Цейлона, какъ другіе темнокожіе народы юга Индіи вошли въ составъ ея теперешняго населенія тамиловъ.

Послѣ ведасовъ наиболѣе древнимъ населеніемъ острова являются *сингалезы*. Крѣпкій, умный и способкъ прогрессу народъ этотъ, численность котораго доходитъ до 2.000 000, принадлежитъ къ арійскому племени и представляетъ повидимому выходцевъ изъ сѣверной Индіи. Отдѣленный отъ единоплеменниковъ и закинутый на островъ, онъ болѣе чѣмъ 2 000 лѣтъ сохранялъ безъ перемѣны свой языкъ, свою вѣру и игралъ въ исторіи южной Азіи видную роль, такъ-какъ короли ихъ имѣли могущественные арміи и флоты, побѣждавшіе народы южной Индіи, Сіама и Камбоджи.

Въ высокихъ горныхъ областяхъ острова сингалезы представляютъ изъ себя рослое, мужественное племя, умѣвшее долго сохранять свою независимость. Напротивъ, въ низинахъ побережья они подверглись полной эффаминаціи, и многіе путешественники не безъ основанія называютъ ихъ самымъ женоподобнымъ изъ народовъ земного шара. Все—обликъ, костюмъ, прическа, характеръ, поведеніе—производятъ такое впечатлѣніе. Молодого сингалеза, если онъ носитъ національный костюмъ, такъ легко принять за женщину, что въ гостинницахъ, гдѣ, какъ вездѣ на Востокѣ, принята только мужская прислуга, многіе пріѣзжіе бываютъ совершенно мистифи-

цированы. Длинные черные волосы зачесываются назадъ въ видѣ шиньона и сдерживаются черепаховою гребенкою, какъ у нашихъ дѣвушекъ; коротенькая бѣлая кофточка, не спукающаяся ниже реберъ, и большой кусокъ матеріи, завернутый вокругъ бедеръ, какъ малороссійская плахта, и поддерживаемый кушакомъ, составляютъ костюмъ сингалеза, безбородое лицо котораго съ женственными чертами его довершаетъ иллюзію. Храбрость, доблесть имъ незнакомы, и солдатъ трудно было даже научить стрѣлять не отворачиваясь. Они недовѣрчивы, лживы и обладаютъ страстью къ мелкому торгашеству и попрошайничеству. Изъ всѣхъ англійскихъ колоній, Коломбо единственная, гдѣ пріѣзжаго, какъ гдѣ-нибудь въ Неаполѣ, аттакуютъ просьбами, навязываніемъ ненужныхъ бездѣлокъ, и ребятишки, хотя и хорошенькіе какъ ангелы, назойливы какъ дьяволы. Сингалезы женятся рано, но семьи ихъ немногочисленны. Въ нравахъ сингалезовъ остались отпечатки вліянія цѣлаго ряда завоевателей острова тамиловъ: португальцевъ, явившихся сюда въ 1505 г., и державшихъ островъ въ рукахъ своихъ 150 лѣтъ, голландцевъ, изгнавшихъ португальцевъ въ 1656 г., и наконецъ англичанъ—съ 1797 г. Ихъ вліянію обязано широкое распространеніе христіанскихъ взглядовъ. Въ массѣ населенія, нетолько принявшаго католичество, но и буддистовъ, теперь англійскій языкъ распространенъ широко. Въ массахъ народа его понимаетъ почти каждый, и вмѣстѣ съ языкомъ этимъ и начатки другихъ знаній распространяются черезъ посредство многочисленныхъ народныхъ школъ. Какъ индусамъ по крови, сингалезамъ не чужды кастовые предразсудки, но они далеко не такъ суровы, какъ въ Индіи, и обыкновенно къ ѣдѣ и характеру занятій сингалезы относятся довольно безразлично. Только въ вопросахъ о бракѣ кастовое различіе выступаетъ на сцену, и даже разница въ состояніяхъ не можетъ побудить бѣдную дѣвушку высшей касты выйти за богача низшей. Точно также, въ про-

тивоположность другимъ буддистамъ, сингалезы допускаютъ въ священники только представителей касты Vellole.

Сингалезская хижина есть верхъ простоты и неуютности. Жаркая и постоянно одинаковая тропическая природа сдѣлала здѣсь домъ только временнымъ убѣжищемъ отъ дождя и мѣстомъ для сна, хотя обыкновенно, проѣзжая раннимъ утромъ черезъ сингалезскую деревню, вы видите добрую половину населенія ея спящею передъ входомъ на открытомъ воздухѣ. Хижина эта—глино-битный сарай безъ оконъ, съ землянымъ поломъ и крытою пальмовыми листьями крышею. Соломенная циновка на полу, нѣсколько чашекъ—вотъ вся утварь и обстановка хижины бѣдняка, обыкновенно не имѣющей оконъ и получающей свѣтъ черезъ двери.

Только у достаточныхъ являются деревянныя кресла и, по мѣрѣ проникновенія образованія, и другіе предметы англо-португальскаго комфорта. Но здѣсь вы уже не имѣете ничего характернаго туземнаго—все заимствованное. Кромѣ того, эта обстановка свойственна горожанамъ, пригороднымъ жителямъ и мелкимъ плантаторамъ. Земледѣльческое-же населеніе обыкновенно лишено всѣхъ названныхъ предметовъ комфорта. Вареный рисъ съ перцомъ и другими ѣдкими кореньями, а главнымъ образомъ бананы и плоды кокосовой пальмы—составляютъ главную и основную пищу сингалеза. Небольшая жаровня замѣняетъ здѣсь кухню. Кофе, а въ послѣднее время чай постепенно лишь входятъ въ употребленіе. Только тропическій климатъ можетъ заставлять человѣка довольствоваться своей скудной обстановкой и подобной пищей. Toddy—родъ водки, выгоняемой изъ сока, полученнаго изъ стержней, на которыхъ развиваются орѣхи у кокосовой пальмы,—обычный опьяняющій напитокъ, къ которому присоединяется все болѣе и болѣе ввозимое сюда виски. Наконецъ, ни одинъ сингалезъ не обходится обыкновенно безъ бетеля—этихъ листьевъ Piper

betel, въ которыхъ завернутъ кусочекъ пальмы Areca и табаку, которые, пережевывая, туземецъ постоянно держитъ во рту, выплевывая ежеминутно отдѣляющуюся кровавокрасную слюну.

Сингалезы живутъ по большей части деревнями, въ высокихъ горныхъ областяхъ. Такія деревни представляютъ изъ себя прямую улицу описаннаго выше характера домиковъ, около которыхъ разбросаны чахлые бананы и т. п. растенія невысокаго роста. Напротивъ, иные дома утопаютъ въ зелени растеній, главнымъ образомъ кокосовыхъ пальмъ, такъ-что обликъ селенія совершенно скрывается отъ взоровъ и вы видите лишь изолированные домики, разбросанные въ пальмовомъ лѣсу, гдѣ заросли банановъ чередуются съ стволами Pontium, увитыми вьющимся перцемъ, дающимъ тотъ бетель, безъ котораго не обходится ни одинъ сингалезскій или малайскій крестьянинъ. Въ большихъ деревняхъ и городкахъ вы увидите непремѣнно буддійскій храмъ, выстроенный изъ бѣлаго камня, и подлѣ исполинскую ступу, надгробный памятникъ надъ какою-нибудь реликвіею Будды, которымъ нѣтъ числа на Цейлонѣ и изъ коихъ самая замѣчательная—зубъ его (или точнѣе, зубъ диллювіальнаго слона) — заключена въ золотую обложку и хранится, какъ величайшая святыня острова, въ Кэнди, въ одномъ изъ красивѣйшихъ по архитектурѣ храмовъ Цейлона. Обыкновенно stupa имѣетъ видъ колокола, какимъ у насъ предохраняютъ отъ мухъ сыръ или тартинки, но съ очень длинной и фигурной рукояткой—шпилемъ. Представьте себѣ такой колоколъ, сдѣланный изъ бѣлаго камня—иногда исполинскихъ размѣровъ—и поставленный на пьедесталъ, къ которому, наподобіе церковныхъ папертей, ведетъ рядъ ступеней, и вы получите представленіе о такой ступѣ. Сами храмы сильно отличаются отъ буддійскихъ храмовъ Востока. Они не переполнены идолами, но обыкновенно имѣютъ только исполинскаго роста истукана Будды, сидящаго въ созер-

цательномъ положеніи, Вишну и, рѣже, богини милосердія. Нерѣдко имѣются сверхъ того истуканы Будды, стоящаго въ благословляющей позѣ, и Будды лежащаго.

Какъ извѣстно, буддизмъ Цейлона по духу ученія своего нѣсколько отличенъ отъ восточно-азіатскаго, а тѣмъ болѣе отъ ламаизма. По догматамъ своимъ они отличаются сильнѣе, чѣмъ католичество отъ православія. Этотъ южный буддизмъ, догматы котораго были установлены еще при царѣ Асокѣ (и отдѣленіе отъ котораго буддизма сѣвернаго было при царѣ Канишкѣ, послѣ завоеванія сѣверной Индіи скиѳами), по духу ученія своего гораздо ближе къ истинному ученію Будды, чѣмъ восточный. Здѣсь — безбрачное духовенство и обширные монашескіе ордена, представителей которыхъ вы отличите по бритымъ головамъ и длинной желтой одеждѣ. Ордена монаховъ—нищенствующіе и они живутъ подаяніемъ; священники совершаютъ требы на непонятномъ для нихъ языкѣ *пали*. Какъ уже было замѣчено, они мало освѣдомлены о своей религіи и хотя покажутъ туристу хранящіеся у нихъ sutre, написанныя на длинныхъ листьяхъ пальмиры, но рѣдкій изъ нихъ можетъ что-либо сказать о ихъ содержаніи. Буддизмъ Цейлона приходилъ уже въ полное разложеніе подъ вліяніемъ христіанства и христіанской цивилизаціи, но, странная вещь, англичане дали ему новый толчокъ къ возрожденію. Интересъ европейцевъ къ ученію Будды, прекрасное поэтическое изложеніе его, сдѣланное Эдвиномъ Арнольдомъ (Light of Asia) пробудило желаніе въ болѣе интеллигентныхъ представителяхъ духовенства къ новой и болѣе осмысленной пропагандѣ ученія Будды въ народѣ. Но пока такого рода пропаганда идетъ въ городахъ—въ деревнѣ народъ еще коснѣетъ въ суевѣріи.

Прекрасной иллюстраціей того, какъ низокъ еще здѣсь уровень культуры, служитъ тотъ фактъ, что послѣдняя перепись обнаружила существованіе на островѣ не менѣе 1532 человѣкъ, профессія которыхъ со-

стояла въ пляскѣ для отогнанія дьяволовъ, 240 астрологовъ и предсказателей будущаго, 5 000 факировъ и 9 598 буддійскихъ священниковъ. Другой элементъ туземнаго населенія острова—тамилы, завоеватели, вторгшіеся съ материка, живутъ большею частью на востокѣ острова и отличаются по типу довольно сильно отъ сингалезъ. Это народъ, въ которомъ полное преобладаніе имѣютъ дравидскіе элементы крови. Ихъ цвѣтъ кожи—отъ темно-коричневаго до совершенно чернаго, какъ у негровъ. Еслибы не тонкія, почти лишенныя икръ ноги, я назвалъ-бы тамиловъ однимъ изъ наилучше сложенныхъ племенъ—и рабочіе, ограничивающіеся на плантаціяхъ однимъ только поясомъ стыдливости, представляютъ живыя модели для статуй. Только нѣсколько широкій носъ портитъ профиль ихъ прекрасныхъ лицъ. Тамилы менѣе одарены способностями, чѣмъ сингалезы, но это мужественный, честный и работящій народъ. Число ихъ быстро возростаетъ путемъ эмиграціи изъ Индіи.

Еще недавно, несмотря на свою скромную обстановку, сингалезы были настолько обезпечены, что не желали наниматься въ рабочіе на плантаціи, и англичане должны были выписывать изъ Индіи тамиловъ, что продолжается и по настоящее время. Чайныя плантаціи острова обрабатываются здѣсь привозными рабочими, и только въ самое послѣднее время увеличивающаяся дороговизна жизни и усиливающіеся налоги и повинности, путемъ которыхъ высосаны средства большей части населенія, заставляютъ его искать заработка,—и сингалезы появились въ рядахъ рабочихъ у плантаторовъ. Обстановка тамиловъ мало отличается отъ сингалезской. У рабочихъ она еще бѣднѣе, и одежда ихъ сводится почти къ нулю, если не считать грязной тряпки вокругъ бедеръ. По религіи часть тамиловъ магометане—ихъ зовутъ тогда почему-то маврами, moormen, другіе буддисты, но большая часть изъ нихъ сиваиты. Но замѣчательно, и браминизмъ выродился здѣсь подъ вліяніемъ

сосѣдства съ христіанствомъ въ особыя формы. Внутренность храмовъ во многомъ напоминаетъ католическіе костелы. Идолы окружены рамами наподобіе иконъ, передъ ними висятъ лампадки. Ритуалъ — своеобразный. Молящіеся становятся на колѣни. Только жертвоприношеніе изъ кокосовыхъ орѣховъ, тутъ-же въ храмѣ разбиваемыхъ, носитъ еще нѣсколько дикій характеръ

Въ городахъ, кромѣ этихъ народностей, вы встрѣтите массу другихъ: магометанъ-купцовъ изъ Бомбея, торговцевъ драгоцѣнными камнями и издѣліями изъ слоновой кости, малайцевъ и европейцевъ различныхъ національностей. Главное занятіе жителей Цейлона— земледѣліе, и оно считается наиболѣе уважаемымъ занятіемъ. Главнымъ культурнымъ растеніемъ ихъ является рисъ, несмотря на то, что культура его считается знатоками здѣшняго края самою невыгодною изъ всѣхъ цейлонскихъ культуръ. Возстановленіе древнихъ прудовъ и усовершенствованіе системы ирригаціи, введенныя англичанами, сильно расширили область рисовыхъ культуръ, и въ настоящую минуту не менѣе 710 000 акровъ покрыто на Цейлонѣ рисомъ, тогда-какъ на долю другихъ хлѣбовъ—кукурузы и пшеницы—приходится не болѣе 150 000 акровъ. Несмотря на это, рису не хватаетъ на населеніе острова и онъ вывозится изъ Индіи.

Остальныя культуры Цейлона я могу назвать скорѣе первобытнымъ садоводствомъ, чѣмъ земледѣліемъ. Небольшое количество корицы воздѣлывается здѣсь и тамъ, давая въ общей сложности до 3 000 000 ф. Гораздо большее значеніе имѣетъ кокосовая пальма, особенно въ приморскихъ областяхъ, но и во внутреннихъ провинціяхъ она играетъ значительную роль. Около одной только Anuradapura насчитываютъ не менѣе 100 000 пальмъ. На восточномъ берегу, соотвѣтственно болѣе индійскому облику его природы, предпочитаютъ разводить пальмиру. Рисъ, эти пальмы и кусокъ матеріи, чтобы обернуть бедра, совершенно достаточны для обезпече-

нія жизни здѣшняго бѣднаго крестьянина. Пищу, питье, домашнюю утварь, матеріалъ для построекъ, вино, сахаръ, масло даютъ эти величественныя деревья. Фергюссонъ разсказываетъ, что въ началѣ этого столѣтія, когда были еще затруднительны сообщенія съ Мальдивскими островами, оттуда пришолъ корабль, выстроенный, оснащенный и нагруженный продуктами кокосовой пальмы, экипажъ котораго втеченіе долгаго плаванія его питался исключительно только этими продуктами. Продукты кокосовой пальмы обыкновенно всѣ потребляются на мѣстѣ и, кромѣ копры, идущей между прочимъ и къ намъ на судахъ добровольнаго флота, почти не экспортируются.

Орѣховъ и всѣхъ вообще, считая и копру, продуктовъ кокосовой пальмы вывозится съ Цейлона на сумму не менѣе 720 000 ф. стерлинговъ, тогда-какъ потребляемые на мѣстѣ орѣхи оцѣниваются не менѣе чѣмъ въ 12 милліоновъ. Кокосъ требуетъ 12 лѣтъ, чтобы достигнуть зрѣлости и давать плоды, т. е. приблизительно столько-же, сколько и соперница его пальмира, замѣняющая кокосъ въ болѣе сухихъ областяхъ Индіи и Цейлона. Но затѣмъ пальма непрерывно даетъ уже плоды 150—300 лѣтъ. На Цейлонѣ насчитываютъ не менѣе 8 милліоновъ пальмиръ, плоды которыхъ составляютъ ¼ пищи 300 000 тамильскаго населенія. Тамильскіе поэты описываютъ 800 различныхъ назначеній, которыя можно дать продуктамъ пальмиры, а пословица говоритъ, что она живетъ 100 000 лѣтъ, а по смерти сохраняется столько-же. Особенно любятъ употреблять стволы ея на постройку домовъ. Ея плодъ мельче, чѣмъ у кокоса; изъ сока ея плодоножекъ дѣлаютъ сахаръ.

Въ то время какъ кокосовая пальма господствуетъ на западныхъ влажныхъ берегахъ, а пальмира на сухихъ восточныхъ, — высокія горныя области питаютъ третій видъ цейлонской пальмы—Caryota urens. Изъ черешковъ ея громадныхъ плодоносовъ добываютъ сахаръ и вино. Хорошія деревья даютъ до 100 пинтъ соку въ 24 часа. Изъ

ея сердцевины добываютъ саго, а волокна идутъ на веревки, столь прочныя, что ими ловятъ слоновъ. Ихъ вывозятъ на сумму не менѣе 7 000 ф., хотя наибольшее количество потребляется на мѣстѣ. Часто одно дерево оплачиваетъ здѣсь жизнь цѣлой семьи. Areca catechu также разводится массами. Она требуетъ для своего развитія 6 лѣтъ, поднимается до уровня въ 3 000 ф. и даетъ въ общей сложности Цейлону не менѣе 150 000 центн. орѣховъ, а въ совокупности площадь, занятая этими пальмами, не менѣе 65 000 акровъ. Я уже перечислялъ при общемъ описаніи ландшафта острова другія полезныя его деревья, общая площадь которыхъ не менѣе 800 000 акровъ, не считая огородовъ съ простымъ и сладкимъ картофелемъ, кассавой и другими тропическими овощами.

Изъ другихъ продуктовъ, разводимыхъ здѣшними крестьянами, надо назвать табакъ, сахарный тростникъ, бетель, хлопокъ обыкновенный и дерево Bombax malabaricum, дающее также вату. Но площадь, занятая растеніями этими, не велика.

Культура перечисленныхъ видовъ и составляетъ главное занятіе сингалезовъ и тамиловъ, промышленность-же, хотя-бы и кустарная, мало развита среди населенія Цейлона. Сингалезы хорошіе плотники и кузнецы. Прядильное искусство теперь убито англійскими мануфактурами, зато отдѣлка драгоцѣнныхъ камней настоящихъ и еще болѣе фальшивыхъ и работы изъ слоновой кости и черепахи, не особенно впрочемъ тонкія, находятъ многихъ любителей.

Горшечное искусство не чуждо сингалезамъ, тогдакакъ тамилы являются хорошими каменьщиками. Въ противоположность туземцамъ, европейцы занимаются преимущественно плантаціями, поднявшись высоко въ горы и расчищая подъ плантаціи дѣвственные джунгли. Какъ извѣстно, нѣкогда кофе было главнымъ растеніемъ Цейлона. Оно было ввезено сюда голландцами еще въ 1690 году, но первая попытка систематической культуры его была сдѣлана лишь въ 1740 г.; съ тѣхъ поръ и

европейцы и туземцы принялись энергично за его воздѣлываніе, туземцы даже энергичнѣе европейцевъ, такъ-что въ 1849—69 годахъ около трети всего вывозимаго изъ Цейлона кофе принадлежало туземцамъ. Въ 1896 году площадь, культивируемая подъ кофе, равнялась 176 000 акровъ, давая чистаго дохода до 10 ф. на акръ.

Но сильное распространеніе одного и того-же растенія вызвало и столь-же сильное размноженіе его враговъ. Такимъ врагомъ былъ маленькій лиственный грибокъ Hemileya vastatrix. Онъ съигралъ на Цейлонѣ ту-же роль, что филоксера во многихъ виноградныхъ странахъ. Въ 1878 году на Цейлонѣ было 275 000 акровъ кофейныхъ плантацій, въ 1893 ихъ, благодаря этому грибку, осталось не болѣе 35 000 акровъ. Къ грибку теперь присоединился родъ coccus (green bay) и эти два врага, работая совмѣстно, продолжаютъ уничтожать кофе, все-болѣе и болѣе сокращая занятую имъ площадь. Плантаторы, которымъ грозило разореніе, обратились къ новымъ культурамъ, и изъ этихъ культуръ наиболѣе прибыльною оказалась культура чая. Еще въ періодъ между 1839 и 1842 годами дѣлались на Цейлонѣ опыты съ ассамскимъ чаемъ въ ботаническихъ садахъ Peradenya и Nawara Elya, но безъ особенно интересныхъ результатовъ. Нѣсколько позже гг. Worms, двоюродными братьями Ротшильда, былъ введенъ сюда китайскій кустъ и посаженъ въ мѣстности Bamboda Pass, гдѣ онъ принялся отлично, давъ самые блестящіе результаты. Но на это растеніе, равно какъ и на хину, при тогдашнихъ высокихъ цѣнахъ на кофе, никто не хотѣлъ обращать никакого вниманія. Но по мѣрѣ того какъ плантаціи кофейныя одна за другою стали дѣлаться жертвою Hemileya vastatrix, сначала хина и какао, а затѣмъ и чай стали привлекать на себя всеобщее вниманіе. Сперва взялись за хинное дерево, давно уже введенное въ здѣшнемъ ботаническомъ саду. Культура его сильно стала возростать, и уже въ 1883 году не менѣе 60 000 акровъ

было покрыто этимъ растеніемъ, и эта масса хины нетолько понизила ея стоимость въ Европѣ, но и сдѣлала невыгодною эксплуатацію хинныхъ лѣсовъ Америки. До сихъ поръ еще Цейлонъ можетъ вывозить не менѣе 5 000 000 ф. хинной корки. Эти хинные лѣса разводятся на значительныхъ высотахъ, близъ горныхъ вершинъ, гдѣ много влаги и средняя температура низка. Cinchona saccicobia главная форма этихъ плантацій. Но теперь число ихъ все болѣе и болѣе сокращается, такъ-какъ чай является болѣе выгоднымъ продуктомъ, и не Цейлонъ, а Ява—въ настоящее время главный источникъ хины для Европы. Напротивъ, нижнія влажныя и жаркія зоны Цейлона заняты какао, здѣсь дѣлаются попытки разведенія кардамона, каучука, африканской масляной пальмы, не боящейся Hemileya Coffea liberica.

Въ распространеніи этихъ живыхъ культуръ важную роль съигралъ ботаническій садъ Цейлона, состоящій изъ 2-хъ отдѣленій: въ Кэнди, гдѣ разводятся чисто тропическія растенія, и Nouwara Elya, занимающійся акклиматизаціей формъ нагорныхъ и субтропическихъ. Эти ботаническіе сады въ культурѣ англійскихъ колоній съиграли видную роль и дали Соединенному королевству въ общей сложности нѣсколько милліардовъ рублей. Въ противоположность Россіи, имѣющей хорошо организованный ботаническій садъ въ гипперборейскомъ Петербургѣ и лишь маленькіе садики на югѣ, а въ Туркестанѣ и Закавказьи не имѣющей ни одного, каждая англійская колонія имѣетъ таковой въ каждомъ пунктѣ, чѣмъ-нибудь отличномъ по климату отъ другихъ. Благодаря дѣятельности директоровъ садовъ этихъ, Цейлонъ имѣлъ всегда подъ руками новыя и новыя растенія запаса сѣмянъ ихъ, разъ старыя культуры оказывались несостоятельными. Профессоръ Тихоміровъ далъ нашей публикѣ прекрасныя описанія сада Пераденіа около Кэнди. Этотъ пышный паркъ съ чудными, живописно разбросанными группами разнообразныхъ пальмъ и другихъ интересныхъ тропиче-

скихъ растеній, привлекаетъ всеобщее вниманіе, и мало найдется проѣзжихъ туристовъ, которые не посѣтили-бы этого сада. Но для насъ онъ не представляетъ того интереса, какъ филіальное отдѣленіе его въ Nouwara Elya, расположенное на большой высотѣ, гдѣ холодно и гдѣ климатъ уже напоминаетъ климатъ субтропическихъ странъ. Поддержка сношеній съ нимъ для нашихъ садовъ черноморскаго Закавказья могла-бы представить громадный интересъ, такъ-какъ тутъ производятся опыты нетолько съ растеніями цейлонскихъ высотъ, но и высокихъ горныхъ областей южнаго полушарія, которыя, быть можетъ, могли-бы быть введены и у насъ.

Такъ, напр., я видѣлъ здѣсь очень интересные экземпляры нагорной формы дыннаго дерева съ Андовъ, вкусные плоды котораго не уступали плодамъ настоящаго Carica papaya; самое дерево не менѣе эффектно и нисколько не боится низкихъ зимнихъ температуръ.

Не менѣе интересно здѣсь такъ-называемое Tree tomato, громадное растущее деревомъ Sulancae, дающее вкусные, похожіе на помидоры, плоды, гораздо болѣе нѣжные и менѣе приторные, чѣмъ японскія кики. Оно было послано отсюда въ Дарджилингъ и успѣшно переносило морозы Сиккима. Не менѣе интересна Grenadilla passiflora edulis, вьющееся, декоративное растеніе съ яйцевидными, величиною съ грушу, плодами, содержащее прохладительныя чуднаго аромата слизистыя зерна. Высоко поднимающіеся сорта Caryota, Calamus, громадныя коллекціи австралійскихъ акацій, эвкалиптовъ и другихъ растеній южнаго полушарія, получаемыя изъ первыхъ рукъ, и испытанія ихъ выносливости къ холоду для насъ очень интересны. Я не беру, конечно, смѣлости утверждать, что всѣ эти растенія будутъ переносить хорошо нашу зиму, но сдѣлать опыты съ нѣкоторыми изъ нихъ, не исключая даже хиннаго дерева, нѣкоторыя формы котораго оказываются вовсе не такъ нѣжны, чтобы гибнуть отъ температуры—0°, и выдержи-

ваютъ легкіе морозы, если только хорошо будутъ предохранены отъ нихъ въ первые годы своей жизни, былобы большимъ благодѣяніемъ для нашего края.

Изъ всѣхъ культуръ, рекомендованныхъ цейлонцамъ, ни одна, однако, не имѣла такого успѣха, какъ культура чая. Начавшись въ 1873 г., когда чай покрывалъ скромную площадь въ 250 акровъ, въ 10 лѣтъ растеніе это покрыло 35 000 акровъ. Въ 1886 году площадь эта была уже 150 000 акровъ, и наконецъ, въ 1893 г. она стала равна 255 000 акровъ, грозя истребить всѣ горные лѣса, уничтожить всѣ естественныя красоты острова, превративъ его въ одну сплошную плантацію. Экспортъ чая въ настоящую минуту равенъ 100 000 000 ф. и плантаціи его простираются почти отъ уровня моря и до высоты въ 7 000 ф.

Я уже описывалъ на страницахъ этого журнала чайныя плантаціи Цейлона, а потому не буду возвращаться къ нимъ вновь, отсылая интересующихся къ печатаемому удѣльнымъ вѣдомствомъ моему отчету объ осмотрѣ этихъ плантацій. Скажу только одно: англичане въ своихъ маленькихъ и хорошенькихъ котэджахъ устроились здѣсь очень мило, и у плантаторовъ этихъ вы можете разсчитывать на самое радушное гостепріимство. Англичане на Цейлонѣ поставили себя нѣсколько иначе, чѣмъ въ Индіи. Я уже нѣсколько разъ писалъ, что нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ считать различныя провинціи Индійской имперіи, закрашиваемыя одною и тою-же краскою на нашихъ атласахъ, за такія-же части одного государства, какъ различныя провинціи или области имперій Россійской или Китайской. Провинціи эти имѣютъ каждая свой особенный характеръ управленія, свои обычаи и даже свою монету. Ничто такъ не поражаетъ пріѣзжаго въ Индію, какъ, напримѣръ, то обстоятельство, что размѣнявши свои деньги на мѣстную монету—рупію и получивъ, напримѣръ, въ Бомбеѣ пачку ассигнацій, пріѣхавъ въ Калькутту или куда-нибудь на востокъ Индіи, онъ бы-

ваетъ лишонъ возможности ими расплачиваться, не размѣнявъ бомбейскія кредитки на мѣстныя, часто съ довольно значительною потерею.

Въ Индіи англичане изучаютъ мѣстныя нарѣчія, чтобы говорить съ туземцами. На Цейлонѣ всѣ туземцы говорятъ по-англійски. Въ Индіи европеецъ стремится жить на-манеръ индійскаго раджи, окружая себя штатомъ прислуги. На Цейлонѣ хотя также держатъ массу прислуги, но туземцы уже стремятся заимствовать европейскій режимъ. Англичане, конечно, нелюбимы и здѣсь, такъ-какъ на Цейлонѣ они еще болѣе чѣмъ въ Индіи эксплуатируютъ туземца, болѣе мягкаго и беззащитнаго, чѣмъ уже показавшій въ недавнемъ возстаніи способность сопротивляться индусъ. Но здѣсь вы уже не найдете стремленія и тяготѣнія къ русскимъ. Насъ знаютъ только въ Коломбо, куда заходятъ суда добровольнаго флота. Но его каторжники, его нищіе и вонючіе, разопрѣвшіе въ тропическомъ жарѣ переселенцы могутъ произвести на чистенькихъ и видѣвшихъ на другихъ судахъ лучшую обстановку туземцевъ самое отталкивающее впечатлѣніе, усиливающееся еще разсказомъ англичанъ о гипперборейскихъ холодахъ и варварскихъ нравахъ и порядкахъ у ненавистной сосѣдки Индіи. Поэтому вы не найдете между сингалезами охотниковъ ѣхать въ Россію, хотя торговцы фальшивыми камнями и любятъ при случаѣ блеснуть, вставивъ въ разговоръ съ вами заученную отъ какого-нибудь матроса русскую фразу.

Англичане составляютъ незначительное меньшинство на Цейлонѣ. На горныхъ курортахъ, уже создавшихъ чисто-англійскую дороговизну жизни, вы встрѣтите англійскія семьи съ ихъ лондонскимъ режимомъ жизни. Сюда въ Nouwara Elya и Nano Oya—уже начинаютъ пріѣзжать какъ на дачу нетолько жители низко расположенныхъ жаркихъ плантацій, но и жители Лондона и Ливерпуля, которымъ надоѣли посѣщенія швейцарскихъ горныхъ отелей и пансіоновъ. Но удалитесь изъ этихъ курортовъ—

и вы вновь погрузитесь въ обстановку идиллической жизни сингалеза, среди волшебной декораціи пальмъ и тропическихъ деревьевъ. Плантаціи съ прозою фабричной жизни чернорабочаго вы можете оставить наверху, въ горахъ; въ дебряхъ-же равнинъ Цейлона, несмотря на меркантильный духъ англійской культуры, вы можете жить близкой къ природѣ поэтической жизнью тропическаго жителя, гораздо лучше чѣмъ даже на изолированныхъ повидимому отъ жизни остального человѣчества, заброшенныхъ среди моря островахъ Океаніи, вродѣ Сандвичевыхъ. Объ этой идилліи цейлонской жизни можетъ имѣть понятіе только тотъ, кто пожилъ въ тихомъ уединеніи его деревень. Русскій туристъ, посѣтившій съ корабля добровольнаго флота Коломбо, врядъ-ли можетъ имѣть о ней даже смутное понятіе, такъ-какъ Коломбо становится однимъ изъ важнѣйшихъ портовъ Индійскаго океана. Я уже описывалъ въ «Книжкахъ Недѣли» обликъ этого города, но я не давалъ характеристики его жизни, такъ-какъ жизнь Коломбо есть жизнь портоваго тропическаго города вообще. А города эти съ теченіемъ времени принимаютъ все болѣе и болѣе одинаковый характеръ,—мѣстъ скопленія складовъ и жилищъ работающихъ на нихъ погрузчиковъ съ одной стороны и мѣстъ разгула и разврата съ другой. Коломбо стоитъ на перепутьи всѣхъ судовъ, идущихъ въ Индію, Китай, Зондскій архипелагъ и Австралію. Ежедневно нѣсколько громадныхъ морскихъ судовъ бросаютъ свой якорь на его рейдѣ, выбрасывая на берегъ толпу, иногда мѣсяцы не видавшаго ничего, кромѣ моря и неба, грубаго, воспитаннаго въ европейскихъ вертепахъ народу. Вина и женщинъ—единственный лозунгъ, единственное желаніе этой разнузданной толпы, долгое время сдерживавшейся желѣзною морскою дисциплиною. Читатель можетъ понять, какое вліяніе оказываетъ она на наивныхъ и кроткихъ туземцевъ. Исторія тропическихъ странъ показываетъ намъ, какъ цѣлый рядъ дикихъ племенъ вымеръ, стерся съ лица земли

отъ одного только соприкосновенія съ такими элементами. Но жители такихъ портовъ, какъ Коломбо, Сингапуръ, Гонгъ-Конгъ и т. п., были слишкомъ культурны, чтобы погибнуть. Зараженные и развращенные, они выжили и приспособились къ новымъ требованіямъ и теперь сами стали извлекать изъ нихъ выгоды. Пріученные къ обману со стороны иностранцевъ, они стремятся ихъ надуть сами. Начиная съ момента когда вы садитесь въ лодку, везущую васъ на берегъ, вы должны приготовиться держать ухо востро. Васъ надуютъ, обсчитаютъ или даже прямо заставятъ заплатить лишнее за перевозъ; вы будете жертвою самаго наглаго обмана при первой попыткѣ купить себѣ что-либо; пользуясь вашимъ незнаніемъ, васъ обманетъ вашъ извозчикъ. Вино и женщины—вотъ единственныя потребности и желанія, которыя признаетъ въ васъ вашъ чичероне, вашъ джинрикша или извозчикъ. Проводники навязываютъ вамъ свои услуги именно въ этомъ направленіи, и всякое данное вами туземцу порученіе онъ закончитъ предложеніемъ—вина или женщинъ.

И то и другое, конечно, будетъ не безъ обмана. И счастье тому изъ моряковъ, кто вернется домой только съ сильно облегченнымъ или, вѣрнѣе, даже съ вывороченнымъ карманомъ, а не оставитъ, помимо воспоминанія объ идилліи лунной ночи подъ сѣнью кокосовыхъ пальмъ, воспоминаній болѣе горькихъ и сувенировъ болѣе постоянныхъ, чѣмъ тѣ бездѣлки, за которыя десятерную цѣну платятъ бомбейскимъ купцамъ, являющимся на бортъ парохода, неопытные, ѣдущіе изъ Европы пассажиры.

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Отъ Индіи до дебрей китайскаго захолустья.

Срокъ моего пребыванія на Цейлонѣ пролетѣлъ для меня незамѣтно. Надо было садиться на корабль, догонять товарищей. Да было и пора. Начиналъ дуть юго-западный вѣтеръ, тотъ муссонъ Индійскаго океана, который несетъ дождь на побережье Индіи и разгоняетъ волны океана до такой громадной вышины, что онѣ нетолько дѣлаютъ плаваніе непріятнымъ, но даже опаснымъ. Это та пора, когда наши крейсеры добровольнаго флота избѣгаютъ заходить въ Коломбо, когда они уходятъ на югъ, къ экватору, въ тѣ воды, которыя лежатъ внѣ сферы вліянія Азіи, своимъ нагрѣваніемъ вызывающей этотъ токъ воздуха. Юго-западный муссонъ нетолько создаетъ громадныя правильныя волны, но онъ измѣняетъ теченія: воды океана устремляются на востокъ, и ихъ теченіе вмѣстѣ съ волнами создаетъ на западныхъ берегахъ Цейлона одну изъ величественнѣйшихъ картинъ морского прибоя. Наступленіе муссона, Bursting of Mousoon, уже за нѣсколько дней знаменуется появленіемъ густыхъ тучъ на западномъ горизонтѣ. Вотъ онѣ съ громомъ и молніей достигаютъ берега, разряжаются страшными тропическими ливнями, которые затѣмъ регулярно, въ извѣстные часы, все болѣе и болѣе запаздывая началомъ, повторяются каждый день. Это

скверное время для западнаго берега. Теперь солнце и свѣтъ царствуютъ лишь на восточной сторонѣ, но Коломбо мало ими пользуется—и не манитъ къ себѣ болѣе путешественника. Я сѣлъ-было на прекрасный пароходъ «Messageries maritimes». Китайское посольство, пріятная компанія соотечественниковъ—все обѣщало интересное плаваніе, но, увы, въ моментъ отхода пароходъ запуталъ свой винтъ въ якорныхъ цѣпяхъ, протянутыхъ подъ водою, и былъ обреченъ еще недѣлю стоять въ виду Коломбо. Я не имѣлъ права задерживать товарищей и потому долженъ былъ разстаться съ интересными новыми знакомыми и пріятнымъ французскимъ обществомъ и уѣхалъ на первомъ нагнавшемъ французовъ англійскомъ пароходѣ «Peninsular and Oriental company». Пароходы «Peninsular» почему-то пользуются славою роскошно убранныхъ, комфортабельныхъ пароходовъ. Я не могу сказать того-же о томъ, на который я попалъ. Здѣсь было слишкомъ мало сдѣлано для удобства пассажировъ—и чопорные и утомительно-скучные англичане дѣлали полный контрастъ любезнымъ и предупредительнымъ болтливымъ французамъ. За всю мою жизнь я не имѣлъ болѣе скучнаго плаванія! Остановки были непродолжительны, жара и влага тропиковъ разслабляли нервы въ конецъ. Остановки были крайне краткія. Нѣсколько часовъ въ Пеннингѣ, нѣсколько часовъ въ Сингапурѣ—и опять длинное и скучное плаваніе по морю. Болѣе долгая стоянка была въ Гонгъ-Конгѣ, этомъ оригинальномъ англо-китайскомъ городкѣ, выросшемъ на пустынномъ скалистомъ островѣ, благодаря позорной торговлѣ опіумомъ, навязанной англичанами китайцамъ. Наши моряки и туристы, попадая въ Гонгъ-Конгъ, обыкновенно приходятъ въ восторгъ отъ дѣятельности сыновъ туманнаго Альбіона—и удивляются, какъ это въ короткое время на мертвенной скалѣ они съумѣли создать цвѣтущій европейскій городъ. Дѣйствительно, первое впечатлѣніе, производимое Гонгъ-Конгомъ, поразительно. Вы въѣзжаете

въ прекрасную, длинную и узкую гавань, окруженную невысокими малиново-красными холмами. Это точно залитая моремъ долина холмистой страны. Холмы эти голы или зеленѣютъ немногими огородами, разведенными китайцами на этомъ характерномъ малиново-красномъ латеритѣ. Въ глубинѣ порта, наполненнаго пароходами, военными кораблями, барками и китайскими джонками, виднѣется прекрасная набережная съ каменными многоэтажными домами, очень оригинальной архитектуры. Передніе фасады домовъ состоятъ изъ ряда арокъ, напоминающихъ арки нашихъ гостиныхъ дворовъ. Они покрываютъ собою общія веранды, за которыми помѣщаются полутемныя комнаты жильцовъ. Такой характеръ имѣютъ дома какъ въ чистенькомъ европейскомъ, такъ и въ болѣе грязномъ, примыкающемъ къ нему, китайскомъ кварталѣ города. Этотъ послѣдній такъ набитъ населеніемъ, что дома кажутся громадными сотами или муравейниками, кишащими желтолицымъ народомъ. Вообще говоря, европейцы здѣсь теряются въ массѣ китайцевъ. Послѣдніе видны вездѣ—какъ чернорабочіе, торговцы, лакеи, купцы. Въ европейской части ихъ не менѣе, чѣмъ въ туземной. Въ магазинахъ европейскихъ товаровъ, въ фотографіяхъ, мастерскихъ и гостинницахъ, вездѣ бѣлыя кофты, бритыя физіономіи, косы. Даже городовые здѣсь китайцы, въ кофтахъ, въ оригинальныхъ конусообразныхъ соломенныхъ шляпахъ, и съ палкою, какъ у полисмэновъ Лондона. Хотя вездѣ виднѣются англійскія надписи, но въ узкихъ улицахъ преобладаютъ китайскіе іероглифы вывѣсокъ. Что-же касается товаровъ, то только въ аристократической части города вы чувствуете себя въ Европѣ; въ остальныхъ улицахъ вездѣ господствуютъ китайскіе продукты или хаотическая смѣсь товаровъ англійскихъ и китайскихъ, въ которой послѣдніе играютъ преобладающую роль.

Вообще въ Гонгъ-Конгѣ численно и культурно Китай господствуетъ надъ Европой. Правда, англичане вы-

строили хорошіе каменные дома, завели электрическое освѣщеніе, мостовыя, но все это тонетъ среди кишащихъ китайцами англо-китайскихъ домовъ-муравейниковъ, китайскихъ запаховъ, китайскихъ костюмовъ. Даже консерватизмъ англичанъ не устоялъ передъ китайскимъ консерватизмомъ. Утромъ они уже надѣваютъ широкія блузы китайскаго покроя, уже живутъ въ англо-китайскихъ муравейникахъ и уже volens nolens должны коверкать свой языкъ на китайскій манеръ, такъ-какъ иное нарѣчіе кромѣ pidgin english китаецъ отказывается понимать. Вѣдь уже самый англійскій языкъ есть какая-то исковерканная произношеніемъ, проглатываніемъ и шепелявымъ цѣженіемъ сквозь зубы смѣсь изуродованныхъ корней кельтскихъ, германскихъ и романскихъ, лишившихся характерныхъ для языковъ этихъ фиксій. Китайцы, какъ извѣстно, говорящіе на языкахъ односложныхъ, моносиллабическихъ, уже никакихъ склоненій и спряженій не имѣющихъ, еще болѣе упростили эти англійскіе обломки человѣческой рѣчи. Англійскій языкъ, который по всей справедливости можно разсматривать какъ продуктъ разложенія нашихъ фиксирующихъ языковъ, въ лицѣ pidgin english окончательно распался до того первобытнаго языка односложныхъ криковъ птичьяго характера, какимъ остался китайскій. Трудныя англійскія слова замѣнены китайскими, обороты рѣчи китайскіе, буква r замѣнена l, произношеніе упрощено путемъ выбрасыванія трудныхъ буквъ и слоговъ, и, наконецъ, сокращенъ и словарь, такъ-какъ одному слову стараются придать возможно больше значеній. Такъ, напр., chow chow значитъ и обѣдъ, и обѣдать, и кушанье, и пища. Не сразу пойметъ даже англичанинъ фразы вродѣ: «Boy, J wantchee you chopchop go top side catchee my one pieccy book, supposey no can find that side, maskee», т.-е. «Человѣкъ, сходи скорѣе наверхъ, принеси мнѣ книгу, если не найдешь ее здѣсь, понимаешь?» И безъ того трудно различимыя по произношенію слова англійскія здѣсь дѣ-

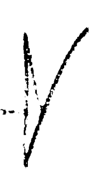
лаются одинаково звучащими, а многія другія такъ коверкаются, что дѣлаются неузнаваемыми. Такъ, если вы спросите у китайца one pilcly ham-o, то вы рискуете, что вмѣсто разумѣемой вами ветчины онъ вамъ подастъ молотокъ. «All light, leady cloth, J sabe what you wanchee», сказалъ мнѣ торговецъ платья, у котораго я хотѣлъ купить себѣ пиджакъ, и заставилъ меня долго убѣждать его, что мнѣ нужно мужское, а не женское платье, прежде чѣмъ я понялъ, что онъ мнѣ и предлагалъ первое, готовое — ready, что я въ его произношеніи принялъ за lady cloth. Такія недоразумѣнія съ китайцами здѣсь еще болѣе увеличиваются ихъ излишнею пунктуальностью, доходящею до того, что когда у того-же портного мой знакомый заказалъ панталоны и далъ ему для мѣрки старыя, съ небольшою дыркою назади, то китаецъ, сшивши прекрасно новые, не задумался на томъ-же мѣстѣ прорѣзать дырку точно такихъ-же размѣровъ.

Если правъ Жюль Симонъ, въ своихъ очеркахъ китайской цивилизаціи утверждавшій, что завоевать китайца невозможно, такъ-какъ завоеванный Китай ассимилируетъ завоевателя, то это вполнѣ наглядно можно видѣть на Гонгъ-Конгѣ.

Но все-же англичанамъ удается держать свою колонію въ чистотѣ и порядкѣ. Построенный на крутыхъ гранитныхъ скалахъ Гонгъ-Конгъ имѣетъ мало прямыхъ улицъ. Большая часть ихъ круто поднимается въ горы, почему, какъ въ Китаѣ, вы не встрѣтите здѣсь экипажей, но только паланкины и носильщиковъ. Поднимаясь по одной изъ такихъ улицъ, вы попадаете въ чудный маленькій ботаническій садъ. Англичане и здѣсь съумѣли отыскать рѣдкія эндемичныя для острова формы и, воспитавъ ихъ, дать на разсмотрѣніе публикѣ въ видѣ прекрасно выращенныхъ формъ. Гонгъ-Конгъ имѣетъ чисто тропическую флору. Не менѣе 9 видовъ пальмъ развивается на островѣ: два вида Livistona — L. chinensis и

australis, Oreodoxa regia и oleracea, Phoenix dactylifera, Cocos nucifera, Arengo sacharifera и др., конечно посаженные, украшаютъ здѣшніе сады, богатые филодендронами, арумами и эпифитами. Конечно, это все не здѣшнія формы. За городомъ и садомъ фуникулярная дорога, поднимающая васъ на вершину горы, идетъ черезъ сосновый лѣсъ, чтобы дать возможность затѣмъ съ высоты обозрѣть расположенный подъ ногами портъ съ его кораблями и джонками и пріютившимся на берегахъ залива городомъ. Несмотря на незначительную высоту горы, она часто закутывается туманами.

Осмотрѣвъ чудныя санаторіи, прекрасныя укрѣпленія и постройки города, туристъ обыкновенно проникается восторгомъ передъ дѣятельностью англичанъ. Но восторгъ этотъ у многихъ въ значительной степени охладѣетъ, когда они познакомятся ближе съ исторіей Гонгъ-Конга. Напомню ее въ нѣсколькихъ словахъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія торговыя сношенія европейцевъ съ Китаемъ шли исключительно черезъ Кантонъ. Англичане до 1833 года вели торговлю эту исключительно черезъ посредство остъ-индской компаніи; затѣмъ правительство назначило сюда резидентомъ лорда Нэпира, и съ этихъ поръ начались болѣе оживленныя торговыя сношенія. Но, къ сожалѣнію, однимъ изъ главныхъ предметовъ ввоза со стороны англичанъ былъ опіумъ, и чѣмъ оживленнѣе становились сношенія, тѣмъ большимъ количествомъ этой отравы англичане снабжали китайцевъ. Никакія строгія мѣры, предпринимавшіяся со стороны китайскаго правительства, не помогали. Тогда въ январѣ 1839 года былъ изданъ указъ, по которому всѣ иностранныя суда должны были быть выведены вонъ изъ форта, всѣ постройки, служившія для склада и продажи опіума, захвачены, а всѣ торговцы опіумомъ арестованы, какъ преступники. 26-го февраля китаецъ, уличенный въ торговлѣ опіумомъ, былъ схваченъ и казненъ предъ лицомъ европейцевъ. Подъ страхомъ смерти торговцамъ

было приказано выдать весь опіумъ, и подъ давленіемъ этихъ требованій, тогдашній англійскій резидентъ капитанъ Элліотъ собралъ весь бывшій въ рукахъ англійскихъ торговцевъ опіумъ и передалъ его китайцамъ. Количество его было такъ велико, что его оцѣнивали на сумму въ 6 милліоновъ долларовъ. Китайскій комиссаръ присутствовалъ самолично при истребленіи опіума, который заставляли разлагаться подъ дѣйствіемъ воды и извести, и пока послѣдній ящикъ яда не былъ истребленъ, онъ не покидалъ Кантона.

Такой серьезный поворотъ дѣла былъ крайне непріятенъ для англичанъ, и съ этого момента они искали перваго удобнаго случая, чтобы вызвать китайцевъ на столкновеніе. Они собрали въ водахъ Гонгъ-Конга флотилію не менѣе чѣмъ въ 50 судовъ; высаживавшіеся на берегъ матросы задирали туземцевъ, затѣвали стычки и побоища, въ одномъ изъ которыхъ былъ убитъ туземецъ. Китайцы требовали удовлетворенія, и хотя англичане и оштрафовали виновниковъ безпорядка небольшою денежною пенею, но это не могло удовлетворить китайцевъ. Посланный отъ китайскаго правительства комиссаръ Линь отрѣзалъ Макао отъ сообщенія съ европейцами. Англичане придвинули свой флотъ, и когда въ отвѣтъ появилась китайская флотилія, между ними завязалось сраженіе, кончившееся тѣмъ, что китайцы были отброшены. Англичане, видя, что начинается серьезное дѣло, вызвали изъ Индіи подмогу изъ 15 военныхъ судовъ, 4-хъ пароходовъ, 25 транспортныхъ судовъ и около 4000 сухопутной арміи подъ начальствомъ Бремера. Они блокировали Кантонъ для того, чтобы «заставить богдыхана признать англійскую королеву независимой правительницей цивилизованной страны», чтобы получить возмѣщеніе за потери, проистекшія отъ застоя въ торговлѣ, и, какъ пишутъ англичане, для обезпеченія дальнѣйшей безопасности—ввоза опіума, прибавимъ мы отъ себя. Пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, англичане

блокировали весь китайскій берегъ, ворвались въ Янтсекіангъ и высадились на островъ Гонгъ-Конгъ, который былъ ради перемирія уступленъ губернаторомъ Кантона—поступокъ, стоившій жизни этому послѣднему. Китайскій императоръ не желалъ, однако, уступать варварамъ. Военныя дѣйствія возобновились, кантонскія укрѣпленія были разрушены, былъ взятъ городъ Чинкіатъ-фу на Янтсекіангѣ, и англичане стали угрожать Нанкину. Тогда китайцы заключили миръ. Англичане добились разрѣшенія жить и безпрепятственно торговать всѣмъ чѣмъ угодно (а слѣдовательно и опіумомъ) въ городахъ Кантонѣ, Амоѣ, Фучау, Нингпо и Шанхаѣ, и принудили китайскаго императора заплатить 6 милліоновъ долларовъ за истребленный въ Кантонѣ опіумъ и въ возмездіе за оскорбленіе британскихъ чиновниковъ. Кромѣ того, императоръ долженъ былъ уплатить британскому правительству три милліона за потери торговцевъ при войнѣ и 12 милліоновъ долларовъ за издержки экспедиціи. Наконецъ, англичане получили Гонгъ-Конгъ. Vae victis. Китаю приходилось платиться за оружіе, поднятое во имя самозащиты, притомъ отъ самыхъ несправедливыхъ посягательствъ. Съ тѣхъ поръ англійскій опіумъ широкою рѣкою льется въ Небесную имперію, расшатывая здоровье милліоновъ населенія, развращая его и разоряя. Правительство безсильно противъ подкупныхъ чиновниковъ, и ему не осталось теперь ничего, какъ выдѣлывать свой собственный опіумъ, чтобы сохранить въ странѣ хотя часть денегъ, утекающихъ въ карманы цивилизованныхъ развратителей народа. Послѣ торговли рабами это пожалуй самая позорная торговля въ мірѣ, которая лежитъ пятномъ на англо-саксонской націи.

Вотъ эта-то торговля и создала Гонгъ-Конгъ. Прекрасная гавань его сдѣлалась станціею для всѣхъ судовъ, и число ихъ, еще въ 1861 году не превышавшее 1259, теперь уже превосходитъ 27 000. Отсюда выходятъ уже суда нетолько въ Англію и Китай, но въ Японію, Аме-

рику, Австралію и Океанію. Это такой-же узелъ пароходныхъ сообщеній Тихаго океана, какимъ Коломбо является для Индійскаго.

Но, какъ мы видѣли, населеніе города, хотя и созданнаго англичанами, попреимуществу китайское. На 10 съ небольшимъ тысячъ европейцевъ здѣсь не менѣе 210 тысячъ туземцевъ, принимая общую сумму населенія, по переписи 1891 года, въ 221 471 человѣкъ, т.-е. нѣсколько большую чѣмъ у Харькова. Получая изъ переполненнаго милліоннымъ населеніемъ Кантона въ изобиліи рабочія руки и умирающихъ съ голода рабочихъ кули, англичанамъ нетрудно было съ ихъ помощью голую скалу превратить въ цвѣтущій городъ Викторію. Это превращеніе кажется чѣмъ-то чудеснымъ для мореплавателя, въѣзжающаго сюда съ открытаго моря и видѣвшаго Кантонъ съ его плавучимъ густымъ населеніемъ. Но городъ, этотъ скрытый отъ глазъ моремъ, городъ, до котораго всего нѣсколько часовъ ѣзды, и является разгадкою чудесъ, творимыхъ «на голой скалѣ» англичанами. Пользованіе этой рабочей силой, какъ извѣстно, вначалѣ было самое гнусное. Тысячи бѣдныхъ кули, являвшихся въ Гонгъ-Конгъ, подъ видомъ найма на работу сажались на суда и отвозились въ качествѣ невольниковъ въ Перу и другія части Америки, и работорговля, едва кончившаяся на берегахъ Африки, грозила развиться на водахъ Тихаго океана. По счастью, ей скоро былъ положенъ конецъ. Она сослужила только пользу желтолицей націи. Теперь отъ Ванкувера и до Вальпарайзо китайская физіономія играетъ видную роль среди населенія Тихоокеанскаго побережья Америки. Почти вся команда судовъ-пассажирскихъ и товарныхъ, пересѣкающихъ Великій океанъ, состоитъ изъ китайцевъ. Это матросы, боцмана, кочегары, вѣстовые, а съ развитіемъ японскаго флота въ скоромъ времени будутъ вѣроятно и офицеры, и капитаны. Тихій океанъ, владычество надъ которымъ улыбалось англичанамъ, американ-

цамъ и даже русскимъ въ эпоху ихъ болѣе дальновидной и удачной внѣшней политики, теперь становится все болѣе и болѣе mare nostrum для желтаго человѣка. Японскія компаніи уже пробуютъ конкуррировать съ европейскими. Многочисленное китайское населеніе вы встрѣчаете начиная отъ Зондскаго и Филиппинскаго архипелаговъ до заброшенныхъ въ глубь океана Сандвичевыхъ острововъ—и родившійся на Гонгъ-Конгѣ pidgin english широкою волною распространяется по Океаніи. Самый Гонгъ-Конгъ грозилъ сдѣлаться китайскимъ вертепомъ. Сюда шли всѣ тѣ элементы, которымъ было плохо въ Китаѣ. Пираты разбойничали въ сосѣднихъ водахъ, а въ городѣ даже среди дня безопасность прохожаго не была гарантирована. Вертепы и игорные дома служили мѣстомъ стеченія переполнявшей городъ бунтливой китайской вольницы. Справиться съ этими элементами было не легко, и всякая иная администрація, кромѣ англійской, потеряла-бы здѣсь голову.

Китайцы, помимо характеризующаго ихъ общество патріархальнаго строя семьи, отличаются необыкновенною наклонностью формировать изъ себя тайныя общества и землячества. Въ самомъ Китаѣ такихъ тайныхъ обществъ масса, и нерѣдко они вызывали весьма опасныя для господствующей власти возстанія. Китаецъ у себя дома, если только онъ живетъ не въ родной губерніи, формируетъ сейчасъ-же изъ земляковъ своихъ клубъ или землячество, въ которомъ они находятъ взаимную помощь и поддержку, а вмѣстѣ и взаимное шпіонство, не позволяющее отступать отъ обычаевъ родной страны. Это въ полномъ смыслѣ китайскій кагалъ.

Само собою разумѣется, что когда въ Гонгъ-Конгѣ стали составляться тайныя общества изъ отбросовъ кантонскаго населенія, было очень трудно что-либо сдѣлать противъ взаимнаго укрывательства преступленій. Англичане, однако, со свойственною имъ жестокостью, отыскали лѣкарство. Если совершался грабежъ и убійство, они

хватали соотвѣтственное число ни въ чемъ неповинныхъ китайцевъ и приговаривали ихъ къ смертной казни, которая и исполнялась черезъ день, если втеченіе этого срока не представлялись ихъ родственниками дѣйствительные виновники преступленія. Масса невинныхъ, конечно, дѣлалась жертвою такой жестокой мѣры, но съ другой стороны взаимное соглядатайство китайцевъ и терроризація ихъ сдѣлали то, что въ настоящее время безопасность европейца на улицахъ Гонгъ-Конга чуть-ли не большая, чѣмъ на улицахъ Харькова.

Если Гонгъ-Конгъ есть центръ, въ которомъ китайцы усвояютъ европейскій языкъ и идеи, то онъ начинаетъ, въ свою очередь, дѣлаться мѣстомъ, гдѣ европейцу удобно изучать китайскую жизнь и обычаи. Здѣсь масса китайцевъ, говорящихъ по-англійски, но живущихъ по-китайски. Вы можете завести съ ними знакомство, посѣщать ихъ дома, наблюдать ихъ обычаи, обѣдая ѣсть супъ изъ птичьихъ гнѣздъ или акульихъ перьевъ. Они англійскіе подданные, но, наподобіе нѣмцевъ-колонистовъ въ Россіи, остаются во многомъ чуть-ли не большими китайцами, чѣмъ подданные богдыхана, такъ-какъ не принадлежность къ той или другой коронѣ, а единство культуры объединяетъ отдѣльныхъ представителей этихъ народовъ.

Если въ Гонгъ-Конгѣ печатаются книги на pidgin englisch, то еще болѣе издается здѣсь книгъ о Китаѣ, и окна книжныхъ магазиновъ способны повергнуть русскаго человѣка въ ужасъ передъ тѣмъ полнымъ незнаніемъ нашихъ сосѣдей, какое господствуетъ въ нашемъ обществѣ. Число сочиненій о Китаѣ, имѣющихся на русскомъ языкѣ, ничтожно. Мы почти не знаемъ этого народа или знаемъ его по забавнымъ анекдотамъ и немногимъ спеціальнымъ сочиненіямъ. Англійская литература о немъ громадна. Она къ намъ почти не попадаетъ, такъ-какъ многія цѣнныя сочиненія изданы не въ Лондонѣ, а въ Шанхаѣ и Гонгъ-Конгѣ. Тутъ нетолько изслѣдованія

края и обычаевъ, но масса переводовъ съ оригинальныхъ китайскихъ сочиненій—беллетристическихъ, стиховъ, романовъ, научныхъ изслѣдованій, вводящихъ васъ въ совершенно новый міръ понятій и идей. Я не могу отказать себѣ въ удовольствіи подѣлиться нѣкоторыми изъ нихъ въ моихъ дальнѣйшихъ письмахъ къ читателямъ. Но мнѣ кажется, большое благо сдѣлалъ-бы тотъ, кто далъ-бы хотя часть этихъ изданій въ русскомъ переводѣ.

Мой путь отъ Гонгъ-Конга до Ханькоу не ознаменовался ничѣмъ интереснымъ. Шанхай, пейзажи и пароходы Янгтсекіанга уже были описаны мною на страницахъ этого журнала. Поэтому я, воизбѣжаніе повтореній, позволю себѣ пропустить описаніе этой части моего пути. Я не буду также ничего говорить о моемъ пребываніи въ Ханькоу, гдѣ я опять засталъ П. П. Клингена въ постели, а прочихъ товарищей въ хлопотахъ по снаряженію въ путь, въ которыхъ дѣятельную помощь имъ оказывалъ нашъ консулъ и всегда радушные и гостепріимные къ своимъ соотечественникамъ наши негоціанты гг. Молчановъ, Печатновъ, Малыгинъ и др. (о пріятномъ времени, проведенномъ въ ихъ обществѣ, я всегда буду вспоминать какъ о лучшихъ минутахъ путешествія). Мнѣ приходилось спѣшить на мѣсто, на чайныя плантаціи горъ провинціи Хубэ.

Цѣлью моего и двухъ моихъ оставшихся здоровыми товарищей путешествія была деревня Янъ-Лоу-Дунъ, въ провинціи Хубэ, и ея чайныя плантаціи, откуда доставляется главная масса кирпичныхъ и черныхъ чаевъ, идущихъ на русскіе рынки. Я хотѣлъ, исполняя возложенное на меня удѣльнымъ вѣдомствомъ порученіе, лично познакомиться съ условіями культуры этого растенія и бытомъ того населенія, которое приготовляетъ намъ чай. Для этого нужно было изъ Ханькоу, этого главнаго центра нашей русской торговли чаями, проѣхать болѣе 100 верстъ внутрь страны, пользуясь уже чисто-китайскими способа-

ми сообщенія. Самый Ханькоу, какъ извѣстно, лежитъ на разстояніи 100 миль отъ моря или трехъ съ лишнимъ дней пароходной ѣзды вверхъ по Янтсекіангу, или Яницзи, какъ, слѣдуя китайскому произношенію, мы будемъ называть эту рѣку. До Ханькоу, равно какъ и въ самомъ городѣ вы почти не чувствуете китайскихъ условій жизни. Вы можете доѣхать до самаго города, несмотря на громадное разстояніе его отъ моря, на томъ-же самомъ кораблѣ (напр., на крейсерѣ добровольнаго флота), на которомъ вы плыли по морю въ Китай, или, если въ Шанхаѣ вы пересядете на рѣчной пароходъ, вы всетаки, если не захотите, не будете чувствовать себя въ Китаѣ. Громадные рѣчные пароходы американской системы принадлежатъ здѣсь тремъ обществамъ—двумъ англійскимъ и одному китайскому,—но на всѣхъ на нихъ капитаны и старшіе офицеры англичане или американцы; въ каютахъ перваго класса чисто англійская обстановка, столъ и образъ жизни,—и только спустившись въ 3-й классъ, вы увидите сыновъ Небесной имперіи. Даже какъ исключеніе, вы не увидите ихъ въ первомъ классѣ англійскихъ компаній. Панорамы малонаселенныхъ, большею частью плоскихъ береговъ, какъ картины волшебнаго фонаря, одна за другою пробѣгаютъ передъ вами, позволяя вамъ познакомиться съ условіями жизни китайской не болѣе, чѣмъ съ жизнью русской это позволяютъ виды Волги съ волжскихъ пароходовъ. Короткія остановки на пристаняхъ у европейскихъ кварталовъ, самая остановка въ Ханькоу всетаки мало знакомитъ васъ съ Китаемъ. Въ Ханькоу вы попадаете въ хорошенькій и довольно благоустроенный кварталъ англійскаго колоніальнаго города. Значительная часть построекъ этого города и его капиталовъ принадлежитъ, впрочемъ, русскимъ купцамъ, хотя въ администраціи города они принимаютъ мало участія. Въ ихъ средѣ вы чувствуете себя опять-таки въ европейской, скажу болѣе, въ русской обстановкѣ, такъ-какъ такое радушіе и сердечное гостепріимство, какое встрѣ-

чаетъ русскій путешественникъ у земляковъ своихъ въ Ханькоу, онъ врядъ-ли. можетъ встрѣтить еще гдѣ-либо на дальнемъ Востокѣ. Правда, европейскій Ханькоу, такъ сказать, искусственно приклеенъ къ Ханькоу китайскому, а этотъ послѣдній составляетъ какъ-бы пригородъ городовъ — Ханьянга, отдѣленнаго небольшою рѣчкою Гинъ отъ Ханькоу, и Вучанга, лежащаго на противоположномъ берегу рѣки. Эти три города, вмѣстѣ взятые, представляютъ одно изъ громаднѣйшихъ въ мірѣ скопленій домовъ, которые можно уподобить развѣ лондонскому, безъ его копоти и дыму, но зато съ несравненно болѣе зараженной атмосферою и скученностью неселенія. Но имѣя жительство въ Ханькоу, европеецъ является въ городахъ этихъ лишь посѣтителемъ ихъ на короткое время, причемъ обстановка этого муравейника до такой степени ошеломляетъ его, что полуодурманенный онъ спѣшитъ черезъ нѣсколько часовъ поскорѣе покинуть эту клоаку. Надо пожить и долго пожить въ Китаѣ прежде чѣмъ освоишься и привыкнешь къ обстановкѣ китайскаго народа. Что это такое, читатель можетъ судить изъ нижеслѣдующаго описанія моего перваго впечатлѣнія отъ прогулки по улицамъ Ханьянга.

Вы входите черезъ громадныя желѣзныя ворота за каменную стѣну—наподобіе кремлевской стѣны въ Москвѣ, но сложенную изъ старыхъ, разваливающихся сѣрыхъ кирпичей, и попадаете сейчасъ-же въ тѣсную, узкую улицу, съ обѣихъ сторонъ застроенную лавками. Можно сказать, всѣ улицы китайскихъ городовъ заняты лавками, если не считать храмовъ, общественныхъ зданій и жилищъ чиновниковъ. Городской житель eo ipso торговецъ или ремесленникъ. Онъ и живетъ тамъ, гдѣ торгуетъ. Его семья помѣщается въ задней части дома, лавка-же или мастерская выходитъ на улицу, торговля и работа происходятъ на виду у прохожихъ. Эти лавки составляютъ, такъ-сказать, часть самой улицы, принимая участіе въ ея жизни, такъ-какъ китайскую улицу, въ противоположность нашей,

оживляютъ нетолько прохожіе, но и жизнь обитателей ея домовъ. Лавки китайскія не похожи на наши лавки съ ихъ витринами, вывѣсками у дверей и выставленными предметами. Комната, занимаемая лавкою, не отдѣлена отъ улицы ничѣмъ, кромѣ низкаго порога да небольшихъ перилъ или прилавка. Надъ нею часто вывѣшены, наподобіе большихъ кусковъ туши, вертикально удлиненныя вывѣски; обыкновенно-же находящіеся внутри предметы или производящіяся на глазахъ у публики работы сами свидѣтельствуютъ о томъ, чѣмъ торгуютъ хозяева лавки. Лавки эти не сгруппированы по характеру товаровъ, какъ въ городахъ нашего Туркестана, но перемѣшаны въ безпорядкѣ. Рядомъ съ торговлею шолковыми товарами, торгуютъ зеленью, далѣе идетъ украшенная золотою рѣзьбою аптека, распространяя запахи китайскихъ медикаментовъ, соединяющихся въ одно съ запахомъ лука и сельдерея. Потомъ идетъ лавка мѣдника, отъ которой слышится шумъ ударовъ молотковъ, дальше—сапожникъ, тачающій сапоги изъ свиной кожи, и запахи его кожъ опять смѣшиваются съ запахомъ сырого мяса, неэстетично развѣшаннаго передъ лавкою мясника. Тутъ-же рядомъ вышиваютъ шолкомъ на глазахъ у публики туфли, а въ котлахъ расположенной у входа кухни готовятъ, распространяя смрадъ, блюда для проходящихъ кули. Далѣе стучитъ столяръ и помѣщается лавка съ громадными готовыми лакированными гробами—обычный подарокъ почтительныхъ дѣтей въ день именинъ престарѣлымъ родителямъ... Всѣ эти заведенія и учрежденія не имѣютъ вентиляціи. Они пользуются воздухомъ узкой улицы-коридора, по которой вы идете, а улица эта не шире коридора иного учебнаго заведенія. Отъ дождя и отъ солнца она сверху обыкновенно прикрыта циновками, положенными на палки, перекинутыя отъ одной стороны улицы къ другой. Улица обыкновенно вымощена, какъ въ городахъ южной Италіи, каменными плитами, но эти плиты заброшены всевозможными остат-

ками и отбросами, кидаемыми на улицу и еще болѣе увеличивающими духоту ея воздуха. Въ узкихъ канавахъ около пороговъ жилья постоянно струится бурая жидкость, смѣсь всевозможныхъ гніющихъ отбросовъ. Въ нѣкоторыхъ богоспасаемыхъ городахъ моего отечества обыватели по ночамъ имѣютъ обыкновеніе выпускать нечистоты своихъ дворовъ на улицы—и кому, напр., весною, ночью приходилось гулять по инымъ улицамъ Харькова, тотъ знаетъ, что ихъ воздухъ бываетъ далеко не всегда пріятенъ для обонянія. Не болѣе пріятенъ онъ бываетъ и въ Петербургѣ, когда тамъ работаетъ товарищество ассенизаціи. Въ Китаѣ и то и другое производится днемъ. Въ то время, когда описываемая жидкость, распространяя зловоніе, струится подъ вашими ногами, вы постоянно видите китайцевъ съ коромыслами на плечахъ, таскающихъ такую-же жидкость по улицамъ. Къ духотѣ и зловонію, распространяемому лавками, присоединяется зловоніе этихъ нечистотъ, и тотъ воздухъ, струя котораго въ городѣ русскомъ заставляетъ васъ зажимать носъ, здѣсь составляетъ ту постоянную атмосферу, въ какой вы находитесь. Прибавьте къ этому, что улица постоянно переполнена народомъ. Въ каждой лавкѣ-мастерской не менѣе 6—7 человѣкъ. На улицѣ толпится столько народу, что приходится протискиваться какъ на ярмаркѣ. Все это лѣтомъ—полуголое, въ однихъ панталонахъ, потное, покрытое лишаями и другими накожными болѣзнями, зловонное. Вы чужестранецъ. Ваше появленіе вызываетъ крикъ: «Ян-чу-дзи», т.-е. заморскій чортъ. Все стремится глядѣть на васъ. Изо всѣхъ узкихъ, проходимыхъ для одного только человѣка переулковъ, ведущихъ во внутреннія комнаты, какъ тараканы изъ щелей высыпаетъ народъ. Стоитъ вамъ остановиться около лавки, и улица мигомъ запруживается многоголовою толпою, образующею вокругъ васъ тѣсную стѣну. Она васъ не трогаетъ, она глазѣетъ на васъ съ нѣмымъ и тупымъ любопытствомъ, но при жарѣ въ 38—40° Ц. въ тѣни, въ смрадной атмосферѣ, она дѣ-

лаетъ ваше существованіе просто невозможнымъ. У васъ кружится голова. Купецъ неохотно показываетъ товары, опасаясь воровъ. Вы, переплачивая, спѣшите купить, что хотѣли, и идете далѣе, сопровождаемые насмѣшливыми замѣчаніями. Въ городахъ нѣтъ ни публичныхъ площадей, ни садовъ. Сжатые городскою стѣною дома тѣснятся другъ на другѣ, достигая высоты 2-хъ этажей, надъ которыми иногда еще строятся вышки, куда на ночь спасаются отъ жары нѣкоторые обыватели. Передъ храмами и клубами есть часто небольшія площадки и крошечные садики, величиною меньше самаго скромнаго палисадника петербургскаго дачника. Менѣе десятка деревьевъ растетъ въ такомъ саду, стѣсненномъ стѣнами, и самые храмы, закрытые постройками, не выдѣляются изъ-за окрестныхъ зданій. Въ каждомъ уголкѣ дома набито столько народу, сколько только онъ можетъ вмѣстить, и городъ болѣе всего походитъ на улей, гдѣ дома играютъ роль сотъ. Два, три часа пребыванія въ атмосферѣ подобнаго города способны довести до обморока непривычнаго человѣка, и онъ спѣшитъ удалиться за предѣлы его стѣнъ. Такое впечатлѣніе производятъ всѣ богатые города по Янтсекіангу и въ особенности одно изъ громаднѣйшихъ скопленій зданій даже въ Китаѣ—столица Хубэ—Ву-Шань, съ ея сосѣдями Ханькоу и Ханьянгомъ. На многія мили кругомъ этихъ городовъ озера и пруды пропитаны нечистотами. Запахъ болота и отхожаго мѣста несется отъ полей, удобренныхъ и переудобренныхъ городскими отбросами. Стоячія воды заросли лотосами, но цвѣты ихъ безъ цвѣта и запаха, листья ненормально велики. Поэтическій цвѣтокъ индійской религіи лишенъ поэзіи въ жирной зловонной средѣ, въ которой онъ здѣсь выросъ. Все кругомъ обнажено отъ деревьевъ и культивировано, но все загажено и зловонно. Если кто можетъ запакостить природу, это—китаецъ, и гдѣ ихъ много—не ищите природы. Жажда наживы и культъ экскрементовъ, обезобразивъ и обобравъ что можно, загадитъ

остальное до такой степени, что нужно будетъ имѣть китайскіе нервы, чтобы находить удовольствіе въ прогулкѣ среди такой мѣстности.

Читатель пойметъ поэтому мое удовольствіе, когда, послѣ недѣльнаго пребыванія въ Ханькоу и постоянныхъ визитовъ въ Ханьянгъ, я, наконецъ, получилъ возможность выѣхать изъ этого города на мѣсто моего назначенія—въ деревню Янъ-Лоу-Дунъ, куда меня и моихъ двухъ товарищей направила на чайную факторію фирма Молчанова и Печатнова, любезности и заботливости которыхъ мы были обязаны удачею нашей поѣздки въ такой-же степени, какъ и русскому консулу, обставившему насъ съ оффиціальной стороны и выхлопотавшему, чтобы намъ дали въ сопровожденіе мандарина и эскортъ изъ 12 солдатъ, безъ коихъ поѣздка внутрь страны считается здѣсь не безопасною. Въ такомъ составѣ мы выѣхали въ первыхъ числахъ іюня изъ Ханькоу на комфортабельномъ пароходѣ англійской компаніи «Butterfield'»а, направляясь вверхъ по рѣкѣ. Пароходы эти ходятъ до самаго Schang'a, гдѣ начинаются пороги, далѣе котораго Срединное царство посѣщалось уже лишь немногими европейскими путешественниками. Теченіе Яницзи выше Ханькоу чрезвычайно быстро и даже сильные пароходы при поворотѣ относитъ далеко внизъ. Цвѣтъ ея водъ—это цвѣтъ кофе со сливками, и она гораздо справедливѣе могла-бы быть названъ Желтою, а не Голубою рѣкою. Ея заросшіе камышемъ или ивнякомъ берега пустынны, плоски и монотонны, но постоянно, то справа, то слѣва, вы встрѣчаете впадающія въ нее рѣки и рѣчки еще болѣе мутныя и грязныя, чѣмъ сама великая рѣка, и въ ихъ устьяхъ, наподобіе рыбъ, собирающихся метать икру, набито великое множество лодокъ большихъ и малыхъ размѣровъ, изъ которыхъ только немногія, распустивъ свои сшитые изъ полосокъ циновокъ коричневые паруса, дерзаютъ выступить въ мутную и бурливую Голубую рѣку. Эти

китайскія лодки служатъ мѣстомъ жительства владѣющимъ ими семействамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ средствомъ сообщенія по странѣ. Китай — это Венеція въ громадномъ масштабѣ. Вся торговля, всѣ сообщенія на китайской низменности и въ долинахъ рѣкъ Китая совершаются по рѣчкамъ и каналамъ, и эти лодки поэтому въ жизни Небесной имперіи играютъ очень большую роль.

Въ 5 часовъ утра на слѣдующій день нашъ пароходъ остановился у устья одной изъ такихъ рѣчекъ, и намъ самимъ пришлось прибѣгнуть для дальнѣйшаго путешествія къ такимъ лодкамъ. Намъ предстояло подняться вверхъ по теченію маленькой рѣчки, чтобы достигнуть селенія Синь-Дзянь и оттуда продолжать путешествіе сухимъ путемъ. Лодка, въ которую мы пересѣли, не была похожа на наши. Это была очень большая плоскодонная посудина, съ тупымъ, почти столь-же широкимъ, какъ ея средняя часть, носомъ и такою-же кормою. Она имѣла мачту со складнымъ, изъ нѣсколькихъ полосокъ, парусомъ и веслами и могла тянуться бичевою. Она была выкрашена въ ярко-желтую краску и, повидимому, промаслена масломъ, получаемымъ изъ сѣмянъ особой породы дерева, извѣстнаго въ Китаѣ подъ именемъ тонгъ-тю или тынзы-ту. На кормовой части лодки помѣщалась семья хозяина. Здѣсь устроенъ былъ маленькій домашній очагъ, съ небольшимъ котломъ для варки рису, за которымъ, на самомъ носу, находился маленькій домашній божокъ— этотъ соглядатай загробнаго міра, которому поручено слушать всѣ разговоры семьи, всѣ женскія сплетни и всѣ ссоры. Наканунѣ Новаго года онъ отправляется на небо съ докладомъ, и тогда, чтобы его задобрить, предусмотрительная семья залѣпляетъ ему ротъ сладкой кашей. Подкупленный божокъ ограничиваетъ свой отчетъ небесной канцеляріи самыми оффиціальными свѣдѣніями, и на третій день Новаго года счастливая семья съ тріумфомъ встрѣчаетъ своего пената богатыми жертвами. Но

въ обыкновенное время въ пепельницѣ, поставленной передъ идоломъ или замѣняющей его табличкой, въ лучшемъ случаѣ курятся три курительныя свѣчи—палочки съ нашу спичку толщиною и вязальную спицу длиною, сдѣланныя изъ порошка коры деревца Illicium religiosum, дымящагося весьма медленно и дающаго довольно пріятнаго запаха курево. Центральная часть лодки была занята каютою, настолько низенькою, что въ ней можно было только или сидѣть, или лежать. Она занимала большую часть лодки, и ея крыша составляла родъ палубы, на которой и проводили большую часть времени пассажиры. Лодки содержатся въ безукоризненной чистотѣ, и врядъ-ли даже на военныхъ судахъ тратится такая масса времени на подмываніе половъ, стѣнъ и подметаніе судна. Эта голландская чистоплотность составляетъ странную противоположность съ общею неряшливостью и неопрятностью китайцевъ, съ которою намъ пришлось сейчасъ-же столкнуться, какъ только мы сѣли на нашу лодку. Мы не могли ограничиться одною, такъ-какъ кромѣ насъ троихъ, какъ сказано, были мандаринъ и солдаты. Насъ ожидали, и на берегу у устья нашей рѣчки около селенія Доу-Коу, состоявшаго изъ нѣсколькихъ жалкихъ фанзъ, пріютившихся на небольшомъ бугрѣ среди заливныхъ луговъ и болотъ побережья, стояло немало подобныхъ-же лодокъ и, среди нихъ, нѣсколько большихъ, крайне элегантныхъ, съ просторными каютами, представлявшими стеклянныя галлереи, изяществу и чистотѣ которыхъ позавидовала-бы каюта иного изъ европейскихъ пароходовъ; но вопросъ о снаряженіи намъ второй лодки отнялъ у насъ добрыхъ два часа. Если въ Россіи не умѣютъ цѣнить время и тратятъ часы на то, что въ Европѣ дѣлается въ минуты, то правило это въ еще большей степени примѣнимо къ Китаю, патріархальный строй котораго не имѣетъ понятія о дороговизнѣ времени. Сидя на своей лодкѣ, поставленной среди цѣлой флотиліи другихъ, ей подобныхъ, намъ не оставалось ни-

чего другого, какъ наблюдать жизнь этого плавучаго населенія. И здѣсь уже, какъ затѣмъ на каждомъ шагу далѣе, намъ пришлось видѣть, сколь различны представленія о чистомъ и нечистомъ у насъ и у сынов Небесной имперіи. На однѣхъ лодкахъ семьи варили себѣ завтракъ, состоявшій изъ грубыхъ, какихъ-то толстыхъ и кругловатыхъ зеренъ рису, напоминавшихъ болѣе перловую крупу, чѣмъ рисъ, и затѣмъ ѣли, приправляя немногими разваренными овощами; на другихъ, нисколько не стѣсняясь окружающими, прямо въ воду, пассажиры заканчивали актъ пищеваренія, и—о ужасъ—это нисколько не удерживало жителей тутъ-же стоявшихъ лодокъ, на нѣсколько саженей ниже, зачерпывать мутную желтую воду и готовить изъ нея чай. Положимъ, что вода у Доу-Коу и безъ того такъ загрязнена, что никакое прибавленіе къ ней не могло значительно ухудшить ея качества, и что вездѣ почти китайцы пьютъ воду не лучшую, что они никогда не пьютъ сырой воды, а пьютъ ее въ видѣ чая, но всетаки перспектива пить такой чай не можетъ не преисполнить васъ омерзенія. Между тѣмъ кругомъ шло спокойнѣйшимъ образомъ это чаепитіе.

Чай, который пьетъ здѣшняя масса населенія, мало похожъ на тотъ напитокъ, который у насъ принято называть этимъ именемъ. Это просто горячая вода, въ которую опущено нѣсколько чайныхъ листочковъ, свѣжихъ или засушенныхъ на солнцѣ, придающихъ водѣ свѣтло-лимонный цвѣтъ и легкій запахъ нето сѣна, нето травы. Вкуса такой чай почти не имѣетъ, и для вкуса туда кидаютъ немножко перцу или какихъ-нибудь ѣдкихъ и дешевыхъ сѣмянъ огородныхъ зонтичныхъ растеній—и такимъ напиткомъ утоляетъ жажду населеніе экспортирующее въ Россію и Англію тысячи пудовъ зеленаго и чернаго чая.

Наконецъ, мои лодочники были готовы. Вѣтеръ былъ противный и пришлось тянуться на бичевѣ, т. е. подниматься по узкой и извилистой рѣчкѣ тѣмъ-же способомъ,

какимъ поднимаются волжскіе бурлаки. Первую часть пути мы не видѣли ничего интереснаго. Лодка шла по извилинамъ рѣки, протекавшей по плоской и болотистой поймѣ Яницзи—или поросшей камышами, или покрытой полями кунжута (Sesamum indicum), изъ котораго китайцы добываютъ масло. Мѣстами оставшіяся отъ водополья лужи зеленѣли ряскою, которую китайцы собирали для откармливанія своихъ свиней. Ландшафтъ этотъ былъ мало интересенъ для насъ; тѣмъ болѣе имъ не могли интересоваться китайцы. Неудивительно поэтому, что сопровождавшій насъ мандаринъ немедленно погрузился въ нирвану, созданную парами опіума, отъ которой онъ очнулся лишь по прибытіи нашемъ въ конечный пунктъ плаванья; солдаты-же предались игрѣ вродѣ домино изъ деревяшекъ. Такимъ образомъ, съ перваго-же момента два основные порока, господствующіе въ массѣ китайскаго населенія, дали себя видѣть. Особенно развито въ Хубэ куреніе опіума. Впослѣдствіи, куда-бы я ни заѣзжалъ, всюду я видѣлъ въ домахъ диванчики съ небольшими лампочками вродѣ ночниковъ, надъ которыми, держа короткій чубукъ съ глинянымъ шаромъ сбоку и пуская клубы бѣлаго дыма, возлежали курильщики. Теперь опіумъ производится и въ самомъ Китаѣ, онъ дешевле привознаго, и населеніе безпрепятственно предается куренію.

Плаваніе наше по узкой рѣчкѣ продолжалось недолго; вскорѣ мы вошли въ широкое озеро, обрамленное съ юга красивыми, поросшими соснами горами и холмами. У самаго входа въ озеро мы встрѣтились съ плотами, сплошь усаженными черными бакланами. Эти бакланы и ихъ хозяева занимались рыболовствомъ. Китайцы, владѣвшіе птицами, въ сущности только пожинали плоды послѣднихъ: на долю баклановъ выпадала обязанность выслѣдить на поверхности водъ неосторожную рыбку, подхватить ее и принести своимъ хозяевамъ. Я нигдѣ, кромѣ Китая, не видѣлъ, чтобы

практиковалась такого рода ловля рыбы съ помощью птицъ, и объясняю это тѣмъ, что въ мутныхъ водахъ здѣшнихъ рѣкъ ея необыкновенное изобиліе. Озеро, по которому мы плыли, было одно изъ многихъ, характеризующихъ провинцію Хубэ и долину средняго Янтсекіанга. Эти озера, черезъ которыя, передъ впаденіемъ своимъ, протекаютъ многіе изъ его притоковъ, напоминаютъ подобныя-же озера въ нижнемъ теченіи Дуная и повидимому вызваны сходными причинами—наносами рѣки, запруженіемъ широкихъ устьевъ ея, нѣкогда лежавшихъ въ низменности равнины, по которой течетъ Яницзи, у подножія горъ, ее обрамляющихъ. И дѣйствительно, сейчасъ за озеромъ ландшафтъ измѣняется—вы вступаете въ иной, горный міръ Китая. Эти горы собственнаго Китая хотя и не похожи по облику своему на тѣ, которыя рисуютъ ихъ жители на своихъ вазахъ и каканоно, однако всетаки имѣютъ очертанія крайне оригинальныя, мало похожія на тѣ, какія мы видимъ въ большинствѣ нашихъ горныхъ странъ. Камни, скалы рѣдко фигурируютъ въ этомъ горномъ ландшафтѣ. Очертанія здѣсь мягки. Это большіе и маленькіе, причудливыхъ формъ холмы, то изолированно разбросанные, то собранные рядами. У долины Яницзи они начинаются незначительной высоты холмиками, но, по мѣрѣ удаленія внутрь страны, холмики эти становятся выше и выше, принимая видъ настоящихъ каменистыхъ хребтовъ.

Породы, изъ которыхъ сложены горы посѣщенныхъ мною частей провинціи Хубэ, вездѣ состояли изъ песчаниковъ и конгломератовъ каменноугольной системы. Но въ громадномъ большинствѣ случаевъ породы эти были скрыти подъ образовавшимися изъ нихъ на мѣстѣ путемъ вывѣтриванія почвъ. Здѣсь вывѣтриваніе, какъ и во всѣхъ субтропическихъ странахъ, идетъ чрезвычайно быстро, и отъ породы обыкновенно остается глинистая масса, окрашивающаяся солями желѣза въ необыкновенно яркій красный цвѣтъ. Еще съ береговъ Янтсе-

кіанга, плывя по направленію къ Ханькоу, можно наблюдать оригинальныя картины малиновыхъ и кирпично-красныхъ холмовъ, одѣтыхъ ярко-зеленою муравою. Нѣчто подобное можно видѣть и всюду, гдѣ холмы не высоки и гдѣ склоны ихъ не настолько круты, чтобы дождевыя воды могли смывать съ нихъ образующіяся почвы, но гдѣ эти послѣднія могутъ спокойно образовываться in situ. Анализъ показалъ въ такихъ почвахъ отъ 15 до 25% желѣза, такъ-что по богатству своему этотъ характерный китайскій краснозёмъ стоитъ весьма близко къ индійскимъ латеритамъ. На такихъ красныхъ холмахъ изящными группами раскинулись по берегамъ озера сосновыя рощи. Здѣсь впервые, какъ и неоднократно впослѣдствіи, мнѣ пришлось воочію убѣдиться, что даже провинціи собственнаго Китая вовсе не представляютъ того переполненнаго людьми муравейника, какимъ обыкновенно рисуется край этотъ при мысли о его 400-милліономъ населеніи или при воспоминаніи о скученности жителей въ его городахъ. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, въ гористыхъ мѣстахъ Китая вы можете любоваться настоящею природою съ ея лѣсами красивыхъ высокоствольныхъ деревьевъ, съ зарослями кустарниковъ и красиво цвѣтущихъ травянистыхъ растеній между ними.

Въ описываемый моментъ я не имѣлъ возможности выходить на берегъ и дѣлать ботаническія экскурсіи. Но достигнувъ Янъ-Лоу-Дуна и поселившись тамъ, я почти ежедневно ходилъ въ горы и собиралъ въ нихъ растенія. Во время этихъ экскурсій и болѣе продолжительныхъ поѣздокъ въ сосѣдніе округа, я могъ убѣдиться, что дикая флора здѣшнихъ горъ довольно однообразна и представляетъ болѣе и менѣе типично развитыми двѣ растительныя формаціи — хвойный лѣсъ и лѣсъ лиственный. Хвойныя породы представлены здѣсь красивыми раскидистыми соснами Pinus massoniana, къ которымъ въ ущельяхъ болѣе высокихъ горъ присоединяется оригинальное китайское хвойное Cunninghamia

sinensis, обликомъ своимъ и характеромъ своей хвои весьма напоминающее наши араукаріи, разводимыя въ комнатахъ, именно Araucaria brasiliensis или imbricata. Не всегда сосновый лѣсъ является чистымъ: часто среди сосенъ, соревнуя съ ними по высотѣ, пробиваются высокіе свѣтлозеленые бамбуки—Bambusa arundinacea, издали яркою листвою своею на фонѣ темной сосновой хвои напоминая наши, раннею весною одѣвающіяся листвою березки, выросшія среди краснолѣсья. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи между тѣми и другими нѣтъ, конечно, и тѣни сходства: желтые колѣнчатые стволы, изящныя вѣтви, убранныя пучками длинныхъ, параллельнонервныхъ, свойственныхъ однодольнымъ только растеніямъ листьевъ, все это придаетъ бамбуковому растенію совершенно своеобразный обликъ.

Говоря вообще, растительность Китая не производитъ хорошаго впечатлѣнія послѣ Японіи. Подобно русскимъ, китайцы самые безжалостные истребители лѣса— а лѣсъ вѣдь и былъ здѣсь господствующею и естественною формаціею края. Въ то время какъ въ Японіи вы встрѣчаете на каждомъ шагу священную рощу или негодный для культуры откосъ, гдѣ высятся стройныя строевыя деревья,—въ Китаѣ большинство горъ стоятъ обобранныя и обглоданныя, поросшія кустарникомъ, травою или даже совершенно размываемыя дождями и обнажившія камень и щебенку. Надо забраться внутрь гористыхъ мѣстностей, чтобы видѣть настоящіе лѣса и любоваться красотами природы, не изгаженной человѣчествомъ, природы, по моему мнѣнію, здѣсь неуступающей лучшимъ уголкамъ Японіи. Тѣмъ не менѣе, нѣтъ ничего неправильнѣе того представленія, какое сложилось въ обществѣ о густотѣ населенія въ провинціяхъ собственнаго Китая. Рисуютъ себѣ обыкновенно страну, гдѣ каждая пядь земли обработана,—и каково-же бываетъ изумленіе пріѣзжаго, когда, попавши, напр., въ Хубэ, онъ видитъ передъ собою горы и равнины, въ

сравненіи съ которыми даже нашъ Крымъ можетъ показаться черезчуръ культурнымъ. Большая часть горныхъ склоновъ представляютъ изъ себя или цѣлину, остающуюся подъ лѣсами, или поросшіе бамбукомъ и соснами перелоги,—да даже далеко не всѣ и равнины обработаны достаточно. Вовсе не малоземелье вызываетъ эмиграцію китайскаго населенія въ Америку. Какъ и въ Европейской Россіи, въ Небесной имперіи есть еще много и очень много земли, чтобы кормить ея милліоны народа, и она прокормила-бы его при иной культурѣ и порядкахъ.

Другая растительная формація, наблюдавшаяся мною въ Хубэ, была—лиственные лѣса. Большинство ихъ, если не считать немногихъ рощъ въ ущельяхъ, было однако сведено, и, вмѣсто высокоствольныхъ деревьевъ, обыкновенно низкорослый кустарникъ, вродѣ того, который одѣваетъ окрестности Кутаиса, покрывалъ холмы. Кустарникъ этотъ, какъ и у насъ, состоитъ изъ породъ съ опадающею листвою: дубовъ—Quercus mongholica и serratifolia, буковъ, каштановъ—Castanea и Castonopsis, грабовъ, очень мелколистаго китайскаго береста—Ulmus parvifolia, нѣсколькихъ видовъ Plonera и Celtis. Кусты эти бывали перевиты дикимъ виноградомъ и Glycine sinensis. Какъ у насъ въ Закавказьи, нерѣдки папоротники, на заброшенныхъ поляхъ и вершинахъ—маленькіе кустики Bhomorus, Pteris aquilina rubus и Smilax. Словомъ, обликомъ своимъ эта флора поразительно напоминала нашу флору влажнаго черноморскаго берега Кавказа, и нужно было глазъ ботаника, чтобы выдѣлить на этомъ коврѣ родныхъ травъ и кустарниковъ такія характерныя формы дальняго Востока, какъ Lespideza bicolor, желтые щитки цвѣтовъ Polisnotu или, по межинкамъ, одичалыя Indigofera tinctoria, Camelia, Bachmeria nivea и Bocconia, или отдѣльныя группы вѣчнозеленыхъ дубовъ — Quercus glabra и acuta, интересныя, съ вѣтвями, густо усаженными колючками, Fatsia horrida, или всюду у дорогъ, какъ наша осина,

растущее и похожее на нее Stillingia sebifera—восковое, или, какъ его предпочитаютъ называть наши агрономы, сальное дерево—интересное тѣмъ, что его мелкіе какъ перецъ плодики покрыты толстымъ слоемъ растительнаго воска, идущаго на тѣ-же самыя подѣлки, на какія у насъ идетъ настоящій желтый воскъ.

Вотъ среди такихъ растительныхъ ландшафтовъ мы уже при наступленіи сумерокъ вошли изъ озера въ болѣе узкую рѣчку, которая привела насъ къ селенію Синь-Дзянь.

Было уже совершенно темно, когда, окруженная флотиліей другихъ лодокъ, наша лодка причалила къ берегу и тамъ появились какія-то темныя тѣни съ громадными китайскими фонарями. Намъ предлагали выйти на берегъ, но мы предпочли остаться ночевать въ нашихъ лодкахъ, слѣдуя совѣтамъ мандарина. Въ этомъ намъ пришлось сильно раскаяться. Миріады комаровъ окружили нашъ ночлегъ, и намъ пришлось выдержать столь сильную аттаку, какую мнѣ пришлось въ моей жизни выдержать только одинъ разъ—на Сахалинѣ. Болотистыя заливныя побережья китайскихъ рѣкъ изобилуютъ комарами. Это истинный бичъ населенія. Но гдѣ болѣзнь, говоритъ древняя пословица,—тамъ и лекарство. По берегамъ Яницзи растетъ сложноцвѣтное растеніе, вродѣ нашей Ptarmica. Изъ его сѣмянъ китайцы приготовляютъ порошокъ, которымъ начиняютъ длинныя бумажныя кишки, поджигаемыя съ одного конца: онѣ даютъ дымъ, мало замѣтный для находящихся въ комнатѣ, но котораго боится комаръ и не летитъ къ людямъ. Къ сожалѣнію, такихъ кишекъ у насъ въ то время не было, и поневолѣ пришлось провести непріятную безсонную ночь.

На другое утро рано мы перешли въ небольшой домъ, который сейчасъ-же былъ биткомъ набитъ любопытною толпою. Намъ предложили завтракъ, изготовленный на половину по-европейски, но безсонная ночь и присутствіе толпы настолько лишили насъ аппетита, что мы

ограничились однимъ чаемъ. Между тѣмъ за это время приготовлены были носильщики и паланкины, солдаты наши надѣли свою форму—и экспедиція готова была выступить въ путь. Да, читатель, экспедиція! У насъ въ Россіи, чтобы съѣздить 3 человѣкамъ на какую-нибудь загородную фабрику, отстоящую верстъ за 30, достаточно взять телѣжку, положить въ карманъ нѣсколько красненькихъ бумажекъ и въ крайнемъ случаѣ захватить для ночевки запасъ бѣлья. Но въ Китаѣ для иностранца это будетъ дѣйствительно экспедиція. Вамъ даютъ не менѣе дюжины солдатъ для охраны. Если вы берете деньги, то для каждыхъ десяти рублей вамъ потребуется носильщикъ, такъ-какъ единственная ходячая въ Китаѣ монета, такъ-называемая cash — продыравленная четырехъугольнымъ отверстіемъ, круглая мѣдная монетка, равная 1/10 нашей копѣйки. Ихъ на гривенникъ даютъ связку болѣе вершка длиною; на рубль вы ихъ не удержите въ рукахъ, а для 10 р. потребуется носильщикъ. Въ Китаѣ жизнь дешева: на 4 копѣйки или на 40 cash вы можете прокормить семью — и нѣтъ ничего удивительнаго, что китайцу рѣдко приходится возить съ собою крупныя суммы—серебряные слитки—ланы, считаемые на вѣсъ и размѣнъ которыхъ связанъ всегда съ большими затрудненіями. Точно такъ-же какъ для денегъ, и для вещей вамъ нужны бываютъ носильщики—такъ-какъ дорогъ и экипажей въ Китаѣ нѣтъ. Здѣшнія дороги—это узенькія пѣшеходныя тропинки, большею частью совсѣмъ немощеныя, рѣже выложенныя каменными плитами, по которымъ невозможно проѣхать даже самому узенькому экипажу. Тяжелые грузы китайцы перевозятъ на ручныхъ одноколесныхъ тачкахъ очень оригинальной конструкціи. Колесо такихъ тачекъ помѣщается посерединѣ платформы, отъ которой отходятъ 2 оглобли; спереди платформы, въ одну линію съ большимъ колесомъ, помѣщается еще маленькое колесо. Но обыкновенно тяжести переносятся людьми, которые при узости тропинокъ, про-

ложенныхъ среди затопленныхъ водою рисовыхъ полей, принуждены идти гуськомъ, и потому даже небольшая партія людей вытягивается въ видѣ длиннаго, нерѣдко очень живописнаго каравана.

Для насъ, нашего мандарина, двухъ переводчиковъ и прислуги, состоявшей изъ повара и слуги мандарина, приготовлены были паланкины —попросту деревянныя коробки съ небольшимъ деревяннымъ сидѣніемъ, двумя окошечками по бокамъ и снабженною маленькимъ стеклышкомъ сторкою спереди, которою сидящій задергивается отъ взоровъ любопытныхъ. Эти коробки прикрѣплены къ 2-мъ длиннымъ бамбуковымъ палкамъ. 4 китайца—два впереди, два сзади—несутъ ихъ, отъ времени до времени останавливаясь, чтобы поправить ношу, натирающую имъ на плечахъ порядочныя мозоли. Вообще путешествіе въ паланкинѣ принадлежитъ къ числу весьма непріятныхъ. Въ немъ жарко и душно. Упругія бамбуковыя палки вызываютъ мѣрное покачиваніе, усыпляющее и разстраивающее нервы, что въ концѣ концовъ дѣлаетъ наблюденіе окружающаго крайне затруднительнымъ. Впрочемъ, въ селеніяхъ, говоря по правдѣ, вы нестолько наблюдаете, сколько сами становитесь предметомъ наблюденія. Едва мы выступили на улицы Синь-Дзяня, какъ густая толпа народу повалила за нами. Въ узкое окошечко паланкина, забѣгая впередъ, китайцы старались заглянуть на диковинныхъ заморскихъ чертей—и Боже, что за разнообразные типы удивленія и любопытства представляли эти косоглазыя монгольскія физіономіи! Какая чудная коллекція для художника, желающаго изобразить, какъ отпечатлѣваются на лицахъ людей эти чувства! Тутъ вы видите восторгъ ребенка, въ первый разъ въ жизни увидавшаго предметъ «чудной», о которомъ онъ много слышалъ, пока вотъ наконецъ ему удалось его увидѣть. Рядомъ, на лицѣ пожилой женщины написано гадливое чувство, изобразившееся при видѣ того дьявола, противъ котораго такъ настроена народная масса. Тутъ напряженное

вниманіе пытливыхъ черныхъ глазъ, пытающихся схватить въ тѣ двѣ секунды, на которыя имъ удастся заглянуть въ отверстіе паланкина, всѣ детали новаго существа, чтобы разсказать потомъ своимъ домашнимъ, какіе у заморскаго чорта сапоги, какое у него платье, правда-ли, что у него такая громадная борода и усы, какихъ никогда не выростаетъ ни у одного китайца. И что-же удивительнаго, если тотъ или другой изъ толпы протянетъ руку, чтобы пощупать, какая кожа на вашихъ сапогахъ или изъ какой матеріи ваши панталоны. Обыкновенно такой любопытный получалъ ловкій ударъ по рукѣ со стороны одного изъ сопровождавшихъ насъ солдатъ. Населеніе тогда нѣсколько разступалось, и мы могли свободнѣе двигаться впередъ. Но далеко не всегда и не вездѣ населеніе относилось столь добродушно къ подобнымъ мѣропріятіямъ. Сплошь и рядомъ, въ послѣдующихъ моихъ разъѣздахъ, на подобныя продѣлки оно отвѣчало громкимъ изъявленіемъ неудовольствія, выражавшимся крикомъ: «Я-га-га-га-гао,» выкрикивавшимся такимъ нечеловѣческимъ, а, какъ справедливо называетъ слыхавшій его также въ Китаѣ проф. Тихоміровъ, дьявольскимъ тономъ, что невольно морозъ подиралъ по кожѣ. Впрочемъ, если удовлетворять требованіямъ этой толпы, она успокоивается очень скоро. Но часто требованія эти бываютъ очень оригинальны. Такъ, отъ одного изъ моихъ знакомыхъ, служившаго въ фирмѣ Молчанова и Печатнова, потребовали, чтобы онъ раздѣлся и сталъ на столъ передъ толпою, дабы всѣ могли убѣдиться, что онъ такой-же человѣкъ, какъ и всѣ, и когда онъ это исполнилъ—толпа разошлась вполнѣ удовлетворенная.

Когда мы вышли изъ населенія, оказалось, что экспедиція наша представила довольно-таки длинный и живописный караванъ, гуськомъ чуть-ли не на полверсты вытянувшійся по узенькой тропинкѣ, извивавшейся среди зеленѣвшихъ рисовыхъ полей и тамъ и сямъ разбросан-

ныхъ живописныхъ холмиковъ. Между колыхавшимися на плечахъ носильщиковъ паланкинами эффектно выдѣлялись мундиры и оружіе сопровождавшихъ насъ китайскихъ солдатъ. Мундиры и оружіе! Можно-ли называть этимъ именемъ то, во что были одѣты и чѣмъ вооружены эти люди? Представьте себѣ обыкновеннаго китайца, съ косою и бритыми усами, босоногаго, въ невѣроятной ширины шароварахъ на-выпускъ, сдѣланныхъ изъ какой-то непромокаемой матеріи, въ малиноваго цвѣта, съ зеленой оторочкой, широкой и короткой кофтѣ, надѣтой на голое тѣло. Этотъ далеко не воинственнаго вида костюмъ довершался соломенной шляпою съ полями невѣроятной ширины, которую, если ее держать подъ-мышкою, можно-бы было принять за исполинской величины щитъ. Оружіемъ этихъ солдатъ были вѣера, которыми они обмахивались въ часы отдыха, и длинныя палки, заканчивавшіяся двузубцами и напоминавшія нето атрибутъ бога Плутона или Сивы, нето тѣ ухваты, которыми бабы сажаютъ въ печь горшки. Процессія такихъ солдатъ, имѣющихъ на своемъ мундирѣ спереди и сзади по большому кругу бѣлаго цвѣта, съ іероглифомъ имени полка, точно намѣченный кругъ для цѣли, напоминаетъ скорѣе процессію изъ какой-нибудь оперетки, чѣмъ военное шествіе. Только урядникъ или фельдфебель,—зовите этого китайца какъ хотите, — рослый и сильный монголъ, имѣлъ въ рукахъ стрѣлу съ именемъ императора, прикосновеніемъ которой онъ могъ арестовать всякаго обывателя. Этого урядника остальные солдаты всегда просили меня брать съ собою, полагаясь, впрочемъ, не на его магическую стрѣлу, а на то, что изъ 12-ти онъ былъ кажется единственнымъ сильнымъ и дѣйствительно храбрымъ человѣкомъ.

Путешествіе отъ Синь-Дзяня до Янъ-Лоу-Дуна было не продолжительно. Это не мѣшало, однако, намъ разъ или два останавливаться по дорогѣ у чайныхъ домовъ, чтобы дать передохнуть нашимъ носильщикамъ. Насколь-

ко пріятны бываютъ такія остановки при переѣздахъ на джинрикшахъ въ Японіи, настолько они тягостны въ Китаѣ. Въ небольшой деревушкѣ, среди загаженной свиными и человѣческими изверженіями грязной улицы, въ вонючей грязной лавчонкѣ, вамъ предлагаютъ сѣсть и подносятъ въ фарфоровой чашкѣ весьма сомнительной чистоты ту уже описанную мною жидкость, которую здѣсь называютъ чаемъ. Едва вы успѣете сѣсть, какъ васъ вплотную обступаетъ толпа обнаженныхъ до пояса крестьянъ, тѣснясь, чтобы разсмотрѣть невиданное чудовище.

Для любителя античныхъ фигуръ полунагая толпа сингалезовъ, тамиловъ и многихъ другихъ жителей Индіи можетъ доставить своими блестящими изящными формами большое эстетическое наслажденіе. Толпа китайцевъ можетъ вызвать только ощущеніе обратнаго характера. Во всякомъ случаѣ лѣтній костюмъ китайца даетъ возможность видѣть всѣ дефекты вырожденія этого народа подъ вліяніемъ вѣковой культуры. Какія-то худосочныя, рахитическія тѣла, покрытыя потницею, сморщенныя подъ вліяніемъ неумѣреннаго куренія опіума и половыхъ излишествъ, съ многочисленными слѣдами очень распространеннаго здѣсь сифилиса, съ опаршивѣвшими отъ нечистоплотности головами, толпа потная и нахальная, вплотную стоя вокругъ васъ, является декораціей мѣста вашего чаепитія, замѣняя восхитительные ландшафты Японіи, открывающіеся изъ ея чайныхъ домовъ. Что-жь удивительнаго, что путникъ поневолѣ торопитъ усталыхъ носильщиковъ скорѣе продолжать путь, оставляя недопитою предложенную ему чашку.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

Шесть недѣль въ китайской деревнѣ.

Деревня Янъ-Лау-Дунъ, въ которой я прожилъ около шести недѣль, дѣлая побочныя экскурсіи въ сосѣдніе села и города, расположена въ живописной гористой мѣстности, среди широкой, зеленѣющей рисовыми полями равнины и покрытыхъ чайными плантаціями холмовъ. Наше представленіе о деревнѣ плохо подходитъ къ тому, что называется деревнею въ Китаѣ. Если на русскаго человѣка деревня нѣмецкая уже можетъ произвести впечатлѣніе маленькаго городка, то деревня китайская прямо производитъ впечатлѣніе кусочка китайскаго города: недостаетъ только пояса каменныхъ, средневѣкового облика стѣнъ, тѣсной зоной сжимающихъ дома и дающихъ доступъ внутрь города только черезъ высокія желѣзныя ворота. Въ остальномъ китайская деревня—это маленькій городокъ. Такіе-же, другъ около друга прижатые, одноэтажные, каменные—точнѣе, изъ крупнаго прочнаго сѣраго кирпича выстроенные одноэтажные дома, съ такого-же фасона черными фарфоровыми черепичатыми крышами. Тѣ-же ряды лавокъ въ тѣсныхъ вонючихъ улицахъ центральной части селенія. Разница только въ томъ, что лавки занимаютъ здѣсь не всѣ улицы: многія остаются незанятыми. Такія

улицы шире городскихъ, но производятъ нѣсколько унылое впечатлѣніе. Это длинные ряды сѣрыхъ кирпичныхъ стѣнъ, безъ оконъ, но только съ одною выходящею на улицу дверью. Число дверей этихъ такое-же, какъ число семей, живущихъ на улицѣ. Надъ каждою дверью обыкновенно на красномъ полѣ написанъ крупный китайскій іероглифъ. Это не имя домохозяина, какъ можно было-бы предположить на первый взглядъ, нѣтъ,—это заклинаніе противъ злого духа.

По вѣрованіямъ китайцевъ, злые духи эти наполняютъ всюду воздухъ; они могутъ причинить немало зла людямъ, которые не примутъ противъ нихъ надлежащихъ мѣръ, изложенныхъ въ особой наукѣ, такъ-называемой гео-мантіи или фенгъ-шуѣ.

По наукѣ этой, для каждаго дѣла существуютъ счастливые и несчастные дни, и въ зависимости отъ того, какъ расположены холмы, рѣки и деревья въ той или другой мѣстности, эта послѣдняя будетъ приносить счастье или несчастье для ея жителей. Благополучіе семьи поэтому зависитъ въ значительной степени отъ того, выстроенъ-ли ея домъ согласно правиламъ гео-мантіи или нѣтъ, и отъ выбора мѣста для дома въ значительной степени зависитъ счастье его обитателей.

Фенгъ-шуй, однако, наука настолько сложная, что выстроить домъ, согласно ея правиламъ, чрезвычайно трудно. Потому приходится часто ихъ обходить съ помощью заклинаній жрецовъ черной магіи, какими въ большинствѣ случаевъ и являются священники религіи *Тао*. Выстроивъ домъ, владѣльцы его приглашаютъ такого жреца, онъ служитъ родъ молебна, кропитъ водою, въ которой растворенъ пепелъ сожженнаго заклинанія, всѣ углы дома, изгоняя бѣсовъ, и, въ заключеніе, даетъ написанное слово чародѣйственнаго свойства, которое торжественно и прикрѣпляется къ стѣнѣ. Не всегда, однако, этихъ заклинаній достаточно—и бывали случаи, что во имя фенгъ-шуя разрушались дорого стоющія постройки.

Какъ внѣшній видъ здѣшней деревни мало напоминаетъ нашу, такъ-же мало соотвѣтствуютъ нашему представленію домъ и жилище китайской семьи.

Черезъ двери, обыкновенно настолько широкія, что въ нихъ смѣло носильщики могутъ внести большой паланкинъ, вы попадаете въ корридоръ, въ который иногда выходятъ двери изъ маленькихъ полутемныхъ каморокъ, предназначенныхъ у богатыхъ людей для прислуги.

Этотъ корридоръ, иногда узкій, иногда очень широкій, напоминающій сарай, выводитъ васъ въ большой внутренній, выложенный плитами дворъ, открытый сверху. Въ этотъ дворъ справа и слѣва выходятъ окна маленькихъ, темныхъ, плохо вентилируемыхъ каморокъ—спаленъ. Двери въ эти комнаты выходятъ обыкновенно не прямо во дворъ, но въ узкіе корридоры, между каморками расположенные. Въ глубинѣ-же двора, отдѣленное отъ него только столбами, помѣщается большое зало; въ глубинѣ его стоитъ обыкновенно столъ, надъ которымъ, на громадномъ, длинномъ и широкомъ листѣ бумаги, виситъ изображеніе какого-нибудь бога, покровителя дома—домашняго пената, а подъ нимъ нерѣдко свѣчи, курильницы и другіе изящные предметы, такъ-что этотъ алтарь такъ-же украшаетъ это открытое во дворъ зало, какъ у насъ камины украшаютъ хорошія гостиныя. По стѣнамъ комнаты стоятъ нѣсколько деревянныхъ столовъ и стульевъ съ деревянными сидѣньями. Спинки такихъ стульевъ часто довольно изящныя, рѣзныя, но тяжелая четырехъугольная форма ихъ деревянныхъ сидѣній дѣлаетъ ихъ немного болѣе удобными для сидѣнья, чѣмъ наши табуреты или крестьянскія скамьи. Справа и слѣва къ описаннаго характера дому примыкаютъ или такіе-же дома, или домашнія пристройки вродѣ кухонь, кладовыхъ, или, какъ то было особенно часто въ Янъ-Лау-Дунѣ, обширныя помѣщенія для склада чайныхъ листьевъ или фабрики для ихъ обработки. Но какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ характеръ построекъ, ихъ распланировка оставались одни и

тѣ-же, мѣнялось только внутреннее убранство дома, иногда размѣръ, и въ рѣдкихъ случаяхъ къ дому примыкалъ небольшой садикъ съ узенькими дорожками, среди которыхъ обыкновенно бывалъ вырытъ прудъ, разбросаны скамьи и посажены деревья.

Здѣсь впервые и затѣмъ неоднократно въ богатыхъ домахъ Ханьяна и Ханькоу я имѣлъ случай убѣждаться, до какой степени китайцы падки до всего уродливаго, неестественнаго. Въ комнатахъ богачей хранятся причудливо изогнутые и изящно отдѣланные коренья деревьевъ, камни съ особыми разводами и жилками. Въ прудахъ плаваютъ золотыя рыбки съ двумя или пятью хвостами, выпяченными, какъ шары, глазами или какъ-нибудь особенно искривленнымъ туловищемъ. Особымъ шикомъ здѣсь считается у богатыхъ людей носить длинные ногти, длина коихъ часто превосходитъ длину пальцевъ, производя отвратительное зрѣлище какихъ-то клешней и дѣлая руку, конечно, неспособной къ какой-бы то ни было работѣ. Объ обычаѣ уродовать ноги у женщинъ слыхалъ каждый. Обычай этотъ распространенъ вплоть до самыхъ низшихъ слоевъ крестьянскаго класса. Наконецъ, что для насъ, европейцевъ, особенно отвратительно, ходящіе большую часть лѣта обнаженными до пояса китайцы, столь бѣдные волосянымъ покровомъ тѣла, считаютъ за особый шикъ отпустить длинный пучокъ волосъ на какой-нибудь бородавкѣ, на груди или гдѣ-нибудь подъ подбородкомъ, и лелеютъ ихъ и носятся какъ съ какой-то особенною драгоцѣнностью. Но вернемся къ селенію.

Единственная черта, сближающая его съ нашими деревнями, это огороды, примыкающіе непосредственно къ задворкамъ домовъ и переносящіе васъ въ ту сельскую мирную обстановку, какой вы такъ жаждете послѣ городовъ и затхлаго воздуха грязныхъ конуръ, служащихъ спальнями въ китайскихъ домахъ.

Деревня и находящіеся тамъ-и-сямъ на равнинѣ ху-

тора большею частью расположены на низменной, покрытой рисовыми полями низинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ огородами. Этимъ ландшафтъ китайскій отличается отъ японскаго, приближаясь къ нашему. Самая жирная, переудобренная почва идетъ подъ такой огородъ. Здѣсь господствующими овощами являются тыква, громадные арбузы съ ярко-желтою мякотью, но гораздо болѣе безвкусною и водянистою, чѣмъ даже у японскихъ; два сорта огурцовъ — одни очень длинные и тонкіе, съ плодами болѣе аршина длиною, и другіе также очень длинные, но по толщинѣ не уступающіе нашимъ,—такъ-называемый гоангъ-гуа или желтый огурецъ. Въ большомъ количествѣ разводится Amarantus, дающій молодые побѣги, употребляемые какъ салатъ, высоковьющіеся огурцовые Trichosanthes nuditlira и Momordica charantia. Бобовыхъ, какъ и въ Японіи, здѣсь великое разнообразіе: нау-доу, родъ сои, фанъ-доу—повидимому Dolichus, хунъ-доу, или красная вьющаяся фасоль съ фіолетовыми цвѣтами, и наконецъ длинные, тонкіе, болѣе аршина длиною бобы Dolichus umbellatus.

За кольцомъ огородовъ, окружающихъ селеніе, слѣдуетъ заливающее всѣ низины море рисовыхъ полей. Здѣсь, гдѣ силы текучей воды недостаточны, чтобы затопить поля водою, они орошаются съ помощью деревянныхъ черпательныхъ машинъ, легко приводимыхъ въ движеніе человѣкомъ. Здѣсь разводятся два сорта риса: цау-гу и цанъ-гу—ранній и поздній *. Мнѣ говорили, что рисъ этотъ посѣянъ въ маѣ. Въ другихъ мѣстахъ его садятъ въ мартѣ и разсаживаютъ въ апрѣлѣ; во всякомъ случаѣ, въ августѣ уже наступаетъ жатва раннихъ сортовъ. Зрѣлый рисъ снимается и молотится на мѣстѣ; затѣмъ онъ перевозится домой, гдѣ освобождается отъ шелухи съ помощью прибора, напоминающаго нашу про-

* Въ то время какъ первый наливаетъ колосъ, второй только что собирается его выметывать.

сорушку, и провѣвается на вѣялкѣ особаго устройства. Какъ и въ Японіи, во время роста рисъ не удобряется. Характеръ посадки его вполнѣ напоминаетъ японскій. Какъ и въ Японіи, посѣвъ растенія производится сперва отдѣльно, и какъ тамъ, сѣмена вымачиваются передъ посѣвомъ. Искусные работники умудряются здѣсь посадить до 20 пучковъ въ минуту. Обыкновенно работаютъ обнаженными, защищая спину отъ солнечныхъ лучей циновками, придающими работающимъ китайцамъ видъ черепахъ. Пучки садятся параллельными рядами. Сильные дожди, выпадающіе въ періодъ посадки риса, совершенно затопляютъ поля водою, и только въ періодъ засухъ приходится прибѣгать въ водочерпательнымъ снарядамъ. Поля тщательно очищаютъ отъ сорныхъ травъ и червей, послѣдніе собираются и употребляются въ пищу. Самая обработка рисоваго поля передъ посѣвомъ совершается съ помощью первобытнаго плуга, въ который обыкновенно впрягаютъ буйвола. Здѣсь, въ противоположность Японіи, помощь животныхъ уже въ гораздо большемъ употребленіи. Вы можете даже видѣть пасущіяся стада на мѣстахъ свободныхъ отъ культуры; но обыкновенно этихъ послѣднихъ такъ мало, что животныхъ нельзя оставлять безъ призора. При нихъ находятся малолѣтки и обыкновенно пасутъ животныхъ на веревкѣ *. Плугъ деревянный, за исключеніемъ желѣзнаго наконечника. Онъ не хватаетъ глубже 5 дюймовъ въ почву. Онъ такъ простъ, что нельзя не согласиться съ предположеніемъ Вильямса, что земледѣлецъ, который, уставъ копать почву лопатою, воспользовался силою быка и, привязавъ къ одному концу дышла быка, къ другому—лопату, создалъ такой плугъ и остался имъ настолько доволенъ, что не нашолъ нужнымъ дѣлать дальнѣйшихъ усовершенствованій. Глуже 6—7 дюймовъ никогда не пашутъ, и подъ

* Замѣчательно, что буйволы эти раздѣляютъ нелюбовь туземцевъ къ иностранцамъ и, мирные и кроткіе среди китайцевъ, часто бросаются на европейца.

слоемъ жидкой грязи рисоваго поля земледѣлецъ всегда находитъ твердую почву Послѣ пахоты поля проходятъ тяжелою треугольною бороною съ короткими зубьями. Пахарь обыкновенно становится на такую борону, чтобы ея зубья глубже входили въ почву. Главная задача подобнаго боронения — это размѣшиваніе элементовъ почвы и находящагося въ ней удобренія. Кромѣ того, съ помощью этой бороны поле выглаживается и дѣлается пригоднымъ для посадки риса. 6 человѣкъ могутъ засадить 2 акра въ день при условіи, если двое изъ нихъ будутъ передавать саженцы, а четверо сѣять.

Урожай здѣсь обыкновенно самъ-10 или $37^{1}/_{2}$ кетти съ акра. Рисъ поспѣваетъ здѣсь среднимъ числомъ черезъ 100 дней послѣ посѣва. Жатва производится серпами, очень похожими на наши, хотя иногда предпочитаютъ срѣзывать только метелки, солому-же оставляютъ стоять на корнѣ. Края рисовыхъ полей часто обсаживаются бобовыми, какъ и въ Японіи. Эти бобовыя составляютъ красивый бордюръ къ яркой зелени злака. Въ узкихъ долинахъ я часто видѣлъ, что по такимъ краевымъ дамбамъ садятъ вьющіяся растенія. Ставятъ рядъ шестовъ, соединенныхъ нитями, и по нимъ гирляндами вьется фасоль или вьющіеся; длинные, увѣшанные плодами огурцы или Trichosanthus. На одномъ уровнѣ съ рисовыми полями вы встрѣчаете, какъ и въ Японіи, лотосъ или, на сухихъ поляхъ, Alocasia anticuorum. Несмотря на то, что рисовыя поля занимаютъ равнины, вы здѣсь не встрѣтите между ними дорогъ или проселковъ. Въ посѣщенныхъ мною частяхъ Хубэ вовсе не было дорогъ. Экипажи въ нашемъ смыслѣ слова здѣсь неизвѣстны. Обычный способъ передвиженія—это пѣшкомъ. На плечахъ своихъ сноситъ себѣ въ домъ крестьянинъ продукты своего поля. Поэтому, здѣшнія дороги—это узенькія пѣшеходныя тропинки, на которыхъ едва разойдутся два человѣка, немощеныя и послѣ дождей дѣлающіяся скользкими и непроходимыми. Тѣ изъ нихъ, которыя посѣ-

щаются сотнями носильщиковъ, отправляющихъ чай, рисъ и другіе продукты въ большіе города, выложены продолговатыми каменными плитами, аршина 2 длиною и около полуаршина шириной. Черезъ рѣки перекинуты, однако, сводные мосты, круглыя арки которыхъ сдѣлали-бы честь любому архитектору. Нѣкоторые мосты состоятъ изъ перекинутыхъ громадныхъ каменныхъ плитъ. Плиты дорогъ, должно быть, служатъ очень давно, такъ-какъ въ нихъ прорѣзаны глубокія колеи отъ колесъ единственнаго видѣннаго мною въ этой части Китая экипажа—маленькой тачки. Замѣчательно также, что и дороги китайскія ведутъ не прямо, но приблизительно, какъ идутъ межники. Повидимому, эти дороги образовались здѣсь изъ тропинокъ—и обычай освятилъ ихъ направленіе. Но, кромѣ того, прямыя дороги были-бы нарушеніемъ правилъ фенгъ-шуя. Прямая линія—это путь злыхъ духовъ. Ея нужно избѣгатьповозможности, а потому дороги, ведущія зигзагами, суть наилучшія.

Дорога обыкновенно скоро выводитъ васъ изъ области изумрудно-зеленой скатерти рисовыхъ полей къ холмамъ, одѣтымъ другими культурами. Культуры эти могутъ быть совершенно различны въ двухъ сосѣднихъ волостяхъ, въ зависимости отъ того, какъ онѣ расположены. Около деревни Янъ-Лау-Дунъ, напр., склоны одѣты попреимуществу, а около Чунь-Яни даже почти исключительно чаемъ; напротивъ, около города Пу-Ки-Сена, расположеннаго часахъ въ 7 ходьбы, вы не увидите ни одного чайнаго куста, несмотря на то, что почва тамъ совершенно такая-же. Причина тому та, что отъ Янъ-Лау-Дуна близко судоходная рѣчка, по которой легко сплавлять чай къ Ханькоу; напротивъ, отъ Пуки далеко, а потому предпочитаютъ культивировать рами, легкія волокна которыхъ не дорого переносить и на людяхъ. Трудно поэтому, посѣтивъ немногія волости и уѣзды, составить полную картину культуры Китая. Общее впечатлѣніе, однако, вынесенное изъ тѣхъ мѣстностей, ко-

торыя мнѣ хорошо извѣстны, слѣдующее. Какъ и въ Японіи, съ полей снимаютъ двѣ жатвы: зимнюю и лѣтнюю. Мои личныя наблюденія касались только этой послѣдней. Главнымъ растеніемъ, покрывавшимъ въ это время года холмы окрестностей Янъ-Лау-Дуна была соя—хоангъ-доу китайцевъ. Ею были покрыты наиболѣе высокія и сухія мѣста. Въ іюлѣ она стоитъ уже зрѣлая, и тогда ее собираютъ и на смѣну ей разсаживаютъ черенки сладкаго картофеля—Convubvulus batatas. По словамъ китайцевъ, его сажаютъ въ землю въ февралѣ (китайскомъ), а затѣмъ отводки размножаютъ въ іюнѣ и іюлѣ, тогда онъ здѣсь поспѣваетъ въ сентябрѣ. Нѣсколько видовъ Dolichos—Fan-dou и перецъ также высоко поднимаются на сухихъ щебневатыхъ почвахъ горъ. Другого сорта бобы (преимущественно нау-доу) садятъ на краяхъ поля. Въ большинствѣ случаевъ, какъ то мы покажемъ ниже, растенія эти садятъ не на отдѣльныя поля, но разсаживаютъ между чайными кустами плантацій. Эти послѣдніе и составляли главную массу растительности холмовъ.

Таковы были растенія, господствовавшія на поляхъ лѣтомъ. Зимнія культуры описываемыхъ нами частей Китая представляютъ еще большее сходство съ японскими. Это рапсъ, пшеница, ячмень, горохъ и бѣлые бобы. Растенія эти разсаживаются какъ на почвѣ склоновъ, такъ и на низинахъ, на почвахъ, бывшихъ лѣтомъ подъ рисомъ или хлопкомъ. Въ мѣстахъ, гдѣ воздѣлываютъ хлопокъ, посѣвъ этихъ озимыхъ растеній производится еще ранѣе, чѣмъ произведутъ сборъ хлопка. Пшеницу и ячмень сажаютъ также часто между чайными кустами, и они поспѣваютъ обыкновенно къ серединѣ мая. Китайскіе бобы и горохъ, равно какъ и японскіе, рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ нашихъ. Разводится также много капусты, изъ сѣмянъ которой, какъ и изъ рапсовыхъ, добываютъ масло. Эта зимняя капуста никогда не даетъ такихъ кочней, какъ наша, и бѣлая кочанная капуста, разводимая около Пекина, по словамъ Fertune, мас-

сами ввозится въ южный Китай. Фруктовыхъ садовъ при домахъ нѣтъ. Деревья раскиданы на склонахъ горъ и между другими культурами. Яблоки и груши, какъ и въ Японіи,—отвратительны: это пропитанныя водою деревяшки — особенно груши. Рекомендовать ихъ для Европы невозможно. Гранатовыя деревья и шелковица здѣсь разводятся весьма охотно; напротивъ, лаковыхъ и восковыхъ деревьевъ, разводимыхъ, какъ я слышалъ, въ изобиліи въ приморскихъ провинціяхъ Китая,—я не видалъ. Точно также мало апельсиновъ. Бумага здѣсь дѣлается изъ Brussonetia papyrifera. Сахарный тростникъ, играющій видную роль въ болѣе южныхъ губерніяхъ, здѣсь не попадается. Изъ оригинальныхъ деревьевъ обращаютъ на себя вниманіе сальное и масляное.

Сальное дерево, Stillingia sebifera, растетъ повсюду въ одичаломъ состояніи. Принадлежа къ семьѣ Euphorbiaceae, оно образуетъ высокія деревья, обликомъ напоминающія осокорь. Его плоды похожи формою на плоды плюща и поспѣваютъ въ ноябрѣ. При созрѣваніи, коробочки, представляющія плоды, лопаются и оттуда выпадаютъ зерна, окруженныя бѣлымъ саломъ. Для добычи послѣдняго ихъ бросаютъ въ деревянный цилиндръ съ продыравленнымъ дномъ, гдѣ ихъ варятъ, или вѣрнѣе, парятъ надъ кипящей водой. Черезъ пять или десять минутъ сало, или точнѣе, воскъ размягчается. Тогда зерна бросаются въ ступку и слегка бьются пестикомъ, чтобы освободить зерна отъ воску. Послѣднія тогда подогрѣваются, воскъ-же, содержащій скорлупки и еще грязный, кладется въ цилиндръ изъ соломы или между слоями этой послѣдней и сильно прессуется. Изъ такого пресса онъ выходитъ полужидкимъ и собирается въ лепешки. Воскъ Stillingia идетъ, такъ-же какъ и воскъ настоящихъ восковыхъ деревьевъ, на свѣчи, но онъ легче плавится и такія свѣчи дѣлаются мягкими въ жаркую погоду.

Другое дерево—это Dryandra или Elacococca cordata, тонгъ-тіо или тунзи-тіо. Дерево это принадлежитъ так-

же къ семейству Euphorbiaceae и даетъ плоды, заключающіеся въ оболочкахъ зерна, очень напоминающіе плоды клещевины. Подобно этой послѣдней, плоды эти идутъ на приготовленіе масла, употребляемаго однако не въ пищу, какъ масло касторовое, на которомъ готовятся здѣшнія кушанья, но для покрытія лодокъ, промасливанія бумаги и т. п. Для той-же цѣли здѣсь пользуются сѣменами Camellia sansaqua, сѣменами чайнаго дерева, хлопка, кунжута, бобовъ и гороха.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, выдѣлка масла изъ сѣмянъ маслянаго дерева производится слѣдующимъ образомъ. Сѣмена разогрѣваются въ печи въ котлѣ, пока не пожелтѣютъ; тогда ихъ, размельчивъ и помѣстивъ въ бадью, родъ мельницы, приводимой въ движеніе быками, кипятятъ и прессуютъ. Прессъ, для этого употребляемый, чрезвычайно первобытенъ. Это два толстыхъ куска дерева, положенныхъ полостями одинъ на другой, или даже просто одна колода, открытая сверху; въ нее кладутъ измельченныя зерна, закрываютъ деревянными кружками и забиваютъ между ними клинья дерева или втискиваютъ утолщающійся при основаніи большой клинъ, вызывая тѣмъ большее и большее давленіе, заставляющее вытекать масло въ отверстіе на днѣ колоды. Такимъ способомъ въ одинъ день 11 человѣкъ приготовляли на посѣщенной мною фабрикѣ 120 кетти масла.

Домашнія животныя въ чайныхъ областяхъ Китая, какъ и во всѣхъ субтропическихъ областяхъ, мало типичны. Имъ всѣмъ чувствуется какъ-то не по себѣ въ тропически-влажномъ воздухѣ и на загаженной человѣкомъ почвѣ. Кошки, пріученныя здѣсь питаться рисомъ, сѣрыя и бѣлыя,—съ взлохмаченною шерстью и нерѣдко безхвостыя. Собаки выглядятъ опаршивѣвшими и облѣзлыми, постоянно страдаютъ отъ паразитовъ. Онѣ свѣтло-желтаго и чернаго цвѣтовъ и по типу напоминаютъ породы нашихъ гипперборейцевъ и эскимосовъ. Ихъ уши—острыя и торчащія кверху. Онѣ нестолько

лаютъ, сколько воютъ. Повидимому, даже этому космополиту трудно ужиться въ китайской грязи и на китайской пищѣ. Грязныя, исхудалыя, облѣзлыя, рыскаютъ онѣ по пустырямъ и мусорнымъ ямамъ, довольныя, если найдутъ хотя какіе-нибудь отбросы растительной пищи.

Скотъ въ посѣщенныхъ мною частяхъ Китая носилъ на себѣ также всѣ слѣды вырожденія. Быки здѣсь мѣстами были не крупнѣе нашихъ ословъ и, какъ индійская порода, имѣли часто горбъ на шеѣ.

Буйволы также не крупны. Овецъ я совершенно не видѣлъ въ Хубэ, точно такъ-же какъ и козъ. Лошади, мелкія, со взъерошенною шерстью, производили впечатлѣніе пони, и даже наша крестьянская «тосканская» порода могла-бы быть названа породистою въ сравненіи съ ними. Ихъ вы увидите здѣсь какъ рѣдкое исключеніе. Зато въ этомъ царствѣ грязи и нечистотъ свинья множится и благоденствуетъ. Безъ свиньи нельзя себѣ представить улицы китайской деревни, и свинина является главнымъ, если не исключительнымъ мясомъ, употребляемымъ въ пищу значительной частью населенія Китая. Типичная китайская свинья характеризуется короткими ногами, круглымъ туловищемъ и необыкновеннымъ обиліемъ жиру. Она крайне неповоротлива и, роясь въ китайской зловонной грязи, представляетъ самое отвратительное по внѣшности животное, которое можетъ вызвать отвращеніе къ свининѣ не у одного только магометанина или еврея. Тѣмъ не менѣе, ея мясо считается лучшимъ въ мірѣ, и это путемъ скрещиванія съ китайскими породами получены были лучшіе сорта англійской породы. Разъѣвшаяся китайская свинья такъ неповоротлива на своихъ короткихъ тоненькихъ ножкахъ, что китайцы, вмѣсто того, чтобы гнать ихъ передъ собою, предпочитаютъ переносить ихъ въ особыхъ плетенкахъ на палкѣ, наподобіе того, какъ они носятъ паланкины.

Человѣкъ въ Китаѣ представляетъ гораздо болѣе

разнообразія, чѣмъ то принято обыкновенно думать. Достаточно только вспомнить исторію Китая, чтобы видѣть, что сами китайцы народъ пришлый, явившійся сюда съ далекаго Запада и отодвинувшій аборигеновъ страны, стоявшихъ уже на такой высокой ступени цивилизаціи, что имъ были знакомы письменность и земледѣліе. Ассимиляція этихъ аборигеновъ и оттѣсненіе ихъ внутрь неприступныхъ горъ, несмотря на глубокую древность Китайской имперіи, не окончились и теперь. Еще теперь много такихъ аборигеновъ въ провинціи Кванъ-Туинъ, обычаями и одеждою отличающихся отъ китайцевъ, и что замѣчательно, еще не знаюшихъ употребленія домашнихъ животныхъ при обработкѣ поля и пашущихъ впрягая въ плуги мужчинъ и женщинъ. Эти такъ-называемые міаозze постепенно оттѣсняются, истребляются или ассимилируются коренными китайцами. Очень можетъ быть, что гораздо болѣе чистоплотное, живущее на лодкахъ и не имѣющее земли, презираемое земледѣльцами населеніе—также не чисто китайское, но смѣсь съ вытѣсненными аборигенами. Въ сосѣдней съ Хубэ провинціи Хунань также еще есть аборигены, и съ ними китайцы не окончили своей борьбы.

Послѣдовавшія затѣмъ завоеванія монголовъ и манджуровъ внесли также много чуждой крови, которую еще болѣе усложнилъ обычай поселять внутри страны многія завоеванныя племена—какъ то намъ извѣстно изъ исторіи таранчей и дунганъ.

Только благодаря китайской культурѣ, создавшей на пространствѣ 18-ти провинцій одинаковый образъ жизни, одинаковыя одежду и прическу, китайцы кажутся намъ столь однородной по типу и облику народной массой. Эти бритыя физіономіи безъ усовъ и бороды, наполовину выбритыя головы длинныя косы, кофты—все это придаетъ что-то отталкивающее внѣшности китайца. Постоянная жизнь въ тѣснотѣ и смрадномъ, затхломъ воздухѣ тѣсныхъ, сырыхъ помѣщеній большихъ городовъ

дѣлаетъ организмъ китайца какимъ-то худосочнымъ, лимфатическимъ *.

Длинныя, тонкія, безъ выдающихся мускуловъ конечности, цилиндрическая форма туловища безъ таліи, точно вырубленнаго изъ одного куска дерева, длинные, тонкіе пальцы рукъ, приплюснутый носъ, нѣсколько косо поставленные глаза съ двойной вѣкой, значительная вогнутость спины, по которой обнаженнаго китайца издалека узнаете между людьми другихъ національностей,— вотъ господствующія отличительныя черты китайскаго типа, къ которымъ надо прибавить полное отсутствіе волосъ на тѣлѣ. Но часть этихъ признаковъ есть признаки общіе всѣмъ народностямъ монгольскаго племени, другіе созданы условіями жизни. Тѣ-же китайцы на Сандвичевыхъ островахъ, гдѣ имъ приходится жить среди чистаго и сухого воздуха, въ гигіеническихъ помѣщеніяхъ, становятся неузнаваемыми. Худосочіе пропадаетъ, и отпустившій усы и волосы, надѣвшій европейскій костюмъ, здѣшній китаецъ гораздо болѣе походитъ на жителя южной Европы, чѣмъ европеизированный японецъ. Присмотрѣвшись ближе къ китайскимъ физіономіямъ, на первый взглядъ кажущимся одинаковыми вы увидите въ нихъ великое разнообразіе. Среди плоскихъ носовъ вы найдете и орлиные, среди косыхъ глазъ круглые, часто европейскіе, среди безбородыхъ субъектовъ—бородачей. Если-же мы теперь вспомнимъ, что Китай не имѣетъ даже общаго языка, но что въ предѣлахъ 18-ти провинцій существуетъ не менѣе 8-ми нарѣчій, менѣе похожихъ другъ на друга, чѣмъ англійскій языкъ на румынскій, такъ-что изучивъ въ со-

* Неправильно стоящіе, скоро портящіеся зубы, нерѣдко выступающіе клыки, хрупкость и тонкость скелета, дряблость тѣла, при хорошемъ питаніи переходящая въ безобразное ожиреніе, все производитъ впечатлѣніе, что раса эта наслѣдственно болѣзненная быть можетъ выродившаяся подъ вліяніемъ свирѣпствовавшаго здѣсь вѣка и теперь еще очень распространеннаго сифилиса. Какъ исключеніе, впрочемъ, попадаются и здѣсь напоминающіе нашихъ калмыковъ сильные и рослые индивиды.

вершенствѣ языкъ одной провинціи, вы рискуете быть совершенно непонятымъ въ другой, станетъ яснымъ, что китайцевъ дѣлаетъ китайцами коса, обычай, костюмъ и образъ жизни, въ такой-же точно степени, въ какой турокъ дѣлаетъ турками исламъ и красная феска.

Мнѣ неоднократно приходилось слышать мнѣніе о китайской крови, будто-бы дѣлающей помѣси съ китайцами похожими только на китайцевъ. Я сильно въ этомъ сомнѣваюсь. Не надо забывать, что обще-монгольскія черты всегда будутъ сказываться въ помѣсяхъ и, какъ-бы слабы онѣ ни были, всегда придавать ребенку китайскій или, какъ говорятъ наши донцы, калмыковскій обликъ. Но что въ свою очередь и европейское вліяніе бываетъ сильно въ этихъ помѣсяхъ—можетъ легко убѣдиться всякій, прогулявшись по улицамъ Гонгконга, гдѣ англо-саксонская кровь дала не малый процентъ бѣлокурыхъ и сѣроглазыхъ сыновъ неба, съ чисто европейскими чертами лица.

Иное дѣло характеръ націи, который создала его вѣковая и своеобразная культура. Характеръ этотъ выступаетъ рельефно при ближайшемъ знакомствѣ съ народомъ и рѣзко отличается какъ отъ японскаго, такъ и отъ другихъ народностей.

Деревня Янъ-Лоу-Дунъ, какъ и большинство китайскихъ деревень, представляетъ изъ себя поселокъ, образовавшійся путемъ постепеннаго размноженія 4-хъ семей, когда-то здѣсь поселившихся и теперь породнившихся между собою. Только 4 фамиліи и существуютъ у ея многолюднаго, доходящаго до нѣсколькихъ тысячъ населенія, которому принадлежатъ и всѣ окрестъ разбросанныя земли и хутора. Самая многочисленная изъ этихъ фамилій Ли. Не все это потомство 4-хъ патріарховъ живетъ здѣсь. Есть здѣсь люди, выдержавшіе экзамены на ученыя степени и занимающіе должности въ отдаленныхъ провинціяхъ. Есть купцы, торгующіе въ городахъ. Но главная масса живетъ здѣсь, продолжая, какъ отцы

и дѣды, заниматься земледѣліемъ. Различная судьба, постигавшая членовъ этихъ четырехъ клановъ, давно уже вызвала неравенство состояній, и семейныя ссоры сдѣлали то, что селеніе распалось на нѣкоторое число владѣльцевъ-собственниковъ, или точнѣе, семей владѣльцевъ различной степени достаточности, обладающихъ соотвѣтственно состоянію большимъ или меньшимъ количествомъ земли. Земля считается здѣсь до тѣхъ поръ собственностью, пока за нее платятъ ренту—$^1/_{10}$ производительности ея; въ доказательство способности своей платить эту сумму владѣлецъ долженъ ежегодно расписываться въ особой книгѣ. Земля и имущество переходитъ по наслѣдству къ старшему сыну; младшіе сыновья по договору могутъ, однако, пользоваться частью отцовскихъ наслѣдственныхъ земель, если онѣ достаточно велики, и передавать своимъ дѣтямъ эти обрабатываемые участки; но обыкновенно, какъ и при отцѣ, семья живетъ нераздѣльно; старшій ведетъ всѣ расходы и распоряженія, младшіе-же вносятъ свой трудъ или заработки, работая на сторонѣ, пользуясь пищей, кровомъ и одеждою. Дочери не наслѣдуютъ никогда, точно такъ-же, какъ и пріемные сыновья изъ другого клана. Нерадивые земледѣльцы наказываются закономъ, тѣ-же, которые вовсе не обрабатываютъ своихъ участковъ, лишаются ихъ совсѣмъ. Земельные налоги уплачиваютъ уѣзднымъ начальникамъ, объѣзжающимъ въ извѣстное время свой округъ. Землевладѣльцы получаютъ отъ нихъ росписки, которыя они обязаны предъявлять на слѣдующій годъ. Безъ предъявленія этихъ росписокъ они считаются недоимщиками. Въ случаѣ неурожая или другого бѣдствія, налоги не взимаются вовсе, хотя часто случается, что чиновники взыскиваютъ ихъ тогда въ свою пользу. Въ случаѣ особеннаго бѣдствія, правительство даже снабжаетъ населеніе пищевыми средствами изъ особыхъ общественныхъ складовъ. Все имущество каждаго семейства, или точнѣе, вся его недвижимая собственность зареги-

стрована и безъ согласія семейнаго совѣта на сторону продана быть не можетъ. Такая продажа совершается также только съ вѣдома администраціи, отъ которой купившій и получаетъ узаконяющій его документъ.

Въ виду крайней неточности китайскихъ мѣръ, весьма затруднительно опредѣлить величину участковъ, приходящихся на семьи въ Янъ-Лау-Дунѣ. Но они, во всякомъ случаѣ, очень не велики. По моимъ распроснымъ свѣдѣніямъ получается слѣдующее. Семья въ 5 человѣкъ свободно прокармливается съ 4 пиклей поля, изъ коихъ каждое даетъ 30 пиклей риса. Среднее количество земли, годной подъ рисъ, равняется 10 пиклямъ, и только самые крупные землевладѣльцы имѣютъ до 50 пиклей.

Въ самыхъ древнихъ книгахъ Китая семейство разсматривается какъ основаніе общества. Это центръ, вокругъ котораго собрались и откуда произошли всѣ элементы общественной жизни Китая. При основаніи древнѣйшихъ сельскихъ обществъ Китая группы изъ 8 семействъ основывали столько-же хозяйствъ, каждое въ 200 акровъ. Въ центрѣ квадрата, образованнаго такими поселками, находились другіе 100 акровъ, изъ коихъ 80 считались общественною землею, а 20 отдѣлялись для каждаго изъ 8 дворовъ. Эти 80 акровъ были нѣкогда пастбищемъ для скота, но теперь, съ разростаніемъ населенія, они уничтожены. Такого рода общины назывались Ching или Lin—сосѣдство. Три такихъ сосѣдства составляли Peng или ассоціацію, три peng составляли Li или деревню; когда сходились вмѣстѣ пять Li—образовывался Si или мѣстечко и, наконецъ, 10 Li превращались въ Fu или городъ. Дѣла каждаго Ching въ древности зависѣли отъ главъ каждаго изъ 8 семействъ, ихъ составлявшихъ, а въ большихъ обществахъ—отъ собранія старѣйшинъ. Способы хозяйства, способы веденія дѣлъ, даже всѣ общественныя отношенія каждаго крестьянина находились и находятся подъ наблюденіемъ такого старѣйшины, и въ этомъ отчасти лежитъ консерватизмъ китайца, такъ-какъ

безъ согласія стариковъ онъ не можетъ ступить ни шагу. Глава этихъ старѣйшинъ, tipao, отвѣчаетъ за миръ и благосостояніе своего сосѣдства, и его ассистентами являются остальные старики. Эта должность старшины нерѣдко наслѣдственна и переходитъ отъ отца къ сыну. Хотя положеніе подобнаго tipao само по себѣ очень почетное, однако, онъ является отвѣтственнымъ за миръ и спокойствіе въ деревнѣ, равно какъ и за порядокъ въ ея хозяйствѣ. Въ противномъ случаѣ, жалобы на него начальству со стороны односельчанъ влекутъ за собою его смѣну, или еще чаще, порку,—мѣру, которую китайскіе мандарины любятъ примѣнять къ своимъ старшинамъ больше даже, чѣмъ многіе изъ нашихъ крѣпостниковъ. Задачею tipao поэтому является повозможности устраивать дѣла и недоразумѣнія своихъ односельчанъ такимъ образомъ, чтобы они не доходили до начальства, въ чемъ они находятъ поддержку у стариковъ, такъ-какъ ихъ общее желаніе,—чтобы у нихъ не было никакихъ исторій. Это, впрочемъ, и желаніе самого начальства, такъ-какъ тотъ мандаринъ считается здѣсь наилучшимъ, объ области управленія котораго не слышно. Какъ-же управляются эти области, до этого не касается высшая администрація, пока ее не тревожатъ жалобой.

Таковы населеніе Янъ-Лау-Дуна и его земельные порядки. Я хотѣлъ-бы предостеречь читателя отъ того, чтобы онъ не распространилъ этого описанія на весь Китай, не обобщилъ-бы его. Дѣло въ томъ, что страна эта крайне разнообразна по своимъ порядкамъ и обычаямъ, и чтобы дать полное описаніе ея необходимо прожить въ ней цѣлую жизнь, нѣсколько жизней, разъѣзжая и сравнивая между собою обычаи различныхъ ея провинцій.

Неговоря о трудности получить свѣдѣнія отъ населенія, не склоннаго говорить иностранцамъ правду, даже въ томъ случаѣ, когда вы имѣете данныя отъ человѣка, долго жившаго на мѣстѣ, пользовавшагося довѣріемъ и любовью туземцевъ, вы можете примѣнять ихъ только къ

тому уѣзду, той деревнѣ, гдѣ эти данныя собраны. Какъ можете вы ихъ распространять даже на сосѣдній округъ, когда даже такія общепринятыя понятія, какъ единицы длины, мѣры, вѣса, номинальная стоимость монеты, отношеніе къ религіи мѣняются на самомъ небольшомъ протяженіи. Вы спрашиваете, сколько верстъ отъ мѣста, гдѣ вы находитесь, до сосѣдняго города. Вамъ говорятъ: 18 верстъ. При ближайшемъ распросѣ оказывается ихъ всего 9, но въ данной мѣстности принято считать разстоянія туда и обратно. Въ другомъ пунктѣ вы узнаете, что отъ деревни А до В—18 верстъ, а отъ В до А всего только 9, но такъ-какъ В лежитъ на горѣ, а подъемъ труднѣе и оплачивается носильщикамъ дороже, чѣмъ спускъ, то въ гористой странѣ этой принято разстоянія измѣрять по трудности или по времени его прохожденія, и терминъ «ли», единица длины, здѣсь получаетъ особое значеніе. Китай—страна, гдѣ есть длинныя и короткія версты, длинные и короткіе часы, тяжелые и легкіе фунты. Деньги считаютъ въ Китаѣ связками, содержащими по сотнѣ мѣдныхъ монетъ casch, но эта сотня въ нѣкоторыхъ провинціяхъ равняется 99, 98, 83 и даже 33 монетамъ. Китайскій фунтъ въ различныхъ провинціяхъ имѣетъ различное число золотниковъ, десятины—различное число квадратныхъ саженъ. Какую цѣнность будетъ при такихъ условіяхъ имѣть сборъ свѣдѣній о стоимости урожая съ десятины, или о величинѣ этого послѣдняго, если въ каждомъ данномъ случаѣ не будетъ выяснено, что зовутъ туземцы десятиною, чему равняется ихъ фунтъ и сколько копѣекъ въ ихъ рублѣ? Деревня считается имѣющею длину 3 ли, если дома расположены по одной сторонѣ улицы, и 6, если они по обѣ стороны. Въ одномъ мѣстѣ въ вѣсѣ быка считается одно мясо безъ костей, въ другомъ его взвѣшиваютъ цѣликомъ. Кромѣ того, точность опредѣленія не въ характерѣ китайца. Нѣсколько десятковъ, около сотни, порядочно, мало,—вотъ обычныя опредѣленія, которыя вы услышите.

Поэтому всѣ мои приключенія, которыя будутъ мною описаны въ этомъ и въ послѣдующихъ письмахъ, характеризуютъ только югъ провинціи Хубэ — этого царства чая, поставляющаго большую часть той массы продукта, которую пьетъ наше русское населеніе.

Прибывши въ селеніе, мы остановились въ домѣ одного изъ крупныхъ чайныхъ фабрикантовъ, у котораго обыкновенно покупаетъ чаи фирма Молчановъ, Печатновъ и Комп.

Было-бы крайне ошибочно думать, что чай, который продаютъ намъ наши купцы, получается съ ихъ собственныхъ плантацій. Если таковыя и существуютъ, то процентъ ихъ такъ ничтожно малъ, что о немъ не стóитъ и разговаривать. Точно также и у китайскихъ поставщиковъ нѣтъ большихъ плантацій, мелкость землевладѣнія Китая не позволяетъ этого. Китайскій чай—это продуктъ мелкаго крестьянскаго хозяйства, точно такъ-же скупаемый, чуть не фунтами, какъ скупаютъ шерстъ у нашихъ крестьянъ скупщики. Выдѣлка и сборъ этого чая первобытно просты. Обработка табака, льна, пеньки и т. п. продуктовъ нашего хозяйства—это сложное, запутанное искусство въ сравненіи съ выдѣлкою чая. Одна изъ самыхъ нелѣпыхъ мистификацій нетолько нашего, но и значительной части европейскаго общества—мнѣніе, будто приготовленіе чая сложное искусство, требующее китайскаго терпѣнія, массы труда, аккуратности и чистоты. Болѣе простое и грязное ремесло, какъ увидитъ читатель изъ одного изъ послѣдующихъ писемъ, трудно выдумать — и я не знаю такого глупаго и грязнаго русскаго чернорабочаго, который, посмотрѣвши разъ на то, какъ готовятъ тотъ черный чай, который мы пьемъ, не смогъ-бы немедленно приготовить точно такой-же безъ всякаго труда и не прилагая большей доли вниманія и опрятности, чѣмъ при любой изъ своихъ обычныхъ работъ.

Въ то время какъ наши скупщики ѣздятъ по селамъ покупать шерсть, китайскіе крестьяне сами сносятъ свой

чай къ такимъ скупщикамъ, имѣющимъ обширные склады, гдѣ, смотря по характеру приносимыхъ имъ листьевъ, они превращаютъ ихъ или въ продажный черный чай, поджаривая, просѣивая и придавая однородный красивый характеръ купленной смѣси, или, подвергнувъ иной обработкѣ, создаютъ тотъ матеріалъ, изъ котораго затѣмъ прессуютъ кирпичные чаи. Весною и первую половину лѣта скупается черный, вторую половину—кирпичный чай.

Мы поселились на чайномъ складѣ, если хотите на фабрикѣ (хотя терминъ «фабрика» мало подходитъ къ подобному учрежденію) одного изъ такихъ скупщиковъ чая. Это былъ уже описаннаго мною характера китайскій домъ, въ непосредственномъ соединеніи съ которымъ стоялъ рядъ складовъ съ чайными листьями и каменныхъ полутемныхъ сараевъ, гдѣ нѣсколько сотъ рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, занимались окончательной сортировкой, просѣиваніемъ и провѣиваніемъ чая.

Намъ отвели двѣ комнаты въ наше распоряженіе. Это были очень хорошія комнаты съ китайской точки зрѣнія, но каждый изъ насъ охотнѣе предпочелъ-бы самую грязную крестьянскую русскую избу этому помѣщенію. Одна изъ этихъ комнатъ была почти темная, сырая каморка, съ каменнымъ, повидимому, никогда немывшимся поломъ и затхлымъ воздухомъ. Столъ, нѣсколько стульевъ и доски, вмѣсто кровати, составляли ея меблировку. Постелей не было. Въ Китаѣ принято, что путешественникъ возитъ свое постельное бѣлье съ собою, и по степени богатства этой постели судятъ о его общественномъ значеніи. Снаряжая въ мое отсутствіе экспедицію, товарищи мои не приняли этого обстоятельства во вниманіе, почему къ грязи и затхлому воздуху обстановки нашей, которая ближе всего напоминала обстановку арестанта, запираемаго въ «холодную» для высидки, присоединялась еще перспектива спать на голыхъ доскахъ, подстилая подъ себя тонень-

кую, изъ соломы ситника сплетенную циновку и подкладывая подъ голову китайскую подушку—жосткій цилиндръ изъ деревяшки, обтянутой соломою изъ риса. Всѣ эти приспособленія имѣли въ Китаѣ для лѣтняго времени смыслъ. Въ іюлѣ и августѣ воздухъ здѣсь пресыщенъ влагою. При жарѣ, колеблющейся отъ 35—40° Цельсія, къ вечеру воздухъ такъ тепелъ и сыръ, что тѣло покрывается постоянной испариною. Неговоря уже о томъ, что при малѣйшемъ движеніи потъ градомъ выступаетъ по всей поверхности вашего тѣла, даже процессъ мышленія заставляетъ васъ дѣлаться совершенно мокрымъ. Если вы вздумаете взяться за письмо, то вамъ удастся исписать только верхнюю половину листка бумаги, нижняя будетъ уже мокрая, такъ-какъ вездѣ, гдѣ тѣло ваше, въ данномъ случаѣ рука, соприкасалось съ бумагою, оно выдѣляетъ столько влаги, что бумага становится совершенно сырою. То-же можно сказать и объ одеждѣ. Здѣшній климатъ дѣлаетъ совершенно абсурднымъ ношеніе европейскаго покроя платья, и тутъ только вы убѣждаетесь, что смѣшной на первый взглядъ китайскій костюмъ есть идеалъ одежды, выработанный здѣшними климатическими условіями. Короткая кофта, неимѣющая воротника, застегивающаяся на бокъ и имѣющая широчайшіе рукава, образуетъ вокругъ вашего тѣла родъ колокола, только на одной линіи вокругъ шеи прикасающагося къ тѣлу. Она затѣняетъ ваше тѣло отъ солнца, допуская полную циркуляцію воздуха, полную вентиляцію туловища и рукъ. Къ бедрамъ прикрѣпляются широчайшія панталоны, передъ которыми показались-бы узкими даже шаровары малороссійскаго казачества. Эти панталоны, однако, носятся на-выпускъ, на голую ногу. Онѣ дѣлаются изъ непромокаемой матеріи, что нетолько гарантируетъ ихъ отъ смачиванія потомъ, но даже позволяетъ при ихъ ширинѣ владѣльцамъ справлять въ нихъ мелкія потребности, не рискуя причинить себѣ неудобства. Такимъ образомъ всѣ приспособленія китайскаго костю-

ма созданы для борьбы съ потомъ. Да въ самое жаркое время китаецъ обыкновенно и не надѣваетъ своей кофты, ограничиваясь одними панталонами. Но вечеромъ, когда приходится спать, и эта одежда является стѣснительной. Тотъ бокъ, на которовъ вы лежите, всегда будетъ мокрымъ. Тѣ части тѣла, которыя соприкасаются, будутъ прѣть, и крайне непріятная красная сыпь-потница явится необходимымъ слѣдствіемъ такого спанья. Китайцы страдаютъ отъ нея не менѣе, чѣмъ европейцы. Чтобы избавиться отъ нея, они и спятъ на деревянныхъ или соломенныхъ подушкахъ, на спинѣ, и совершенно голые, обхватывая ногами длинный плетеный цилиндръ изъ бамбука, обусловливающій вентиляцію ногъ, спасающій ихъ отъ подопрѣванія.

Но спать такимъ образомъ нашему брату, привыкшему и къ подушкѣ, и къ одѣялу, было болѣе чѣмъ непривычно. Я знаю ночлеги въ палаткахъ, съ сѣдломъ подъ головою и буркою или войлокомъ вмѣсто постели. Эти ночлеги въ палаткѣ или юртѣ можно уподобить сну въ царской опочивальнѣ въ сравненіи съ этимъ сномъ въ клоачной атмосферѣ, подъ кисейнымъ пологомъ, вокругъ котораго жужжатъ милліоны комаровъ, готовыхъ ворваться къ вамъ черезъ малѣйшее отверстіе, въ непривычномъ положеніи на спинѣ, когда виски и черепъ ломитъ отъ затекшей крови при надавливаніи твердой деревяшкой. Тысячу разъ обливаясь потомъ, переворачиваетесь вы и просыпаетесь отъ неудобнаго положенія, боли и не можете покинуть кисейной тюрьмы вашего полога, не рискуя впустить туда миріады кровопійцъ.

Сравнивая во время моихъ многочисленныхъ путешествій англичанъ и русскихъ, я всегда поражался, какъ много придаютъ значенія комфорту и обстановкѣ своего путешествія первые—и какъ мало цѣнятъ ихъ мои соотечественники. Англичанинъ въ Китаѣ, и въ центральной Африкѣ, и на Шпицбергенѣ хочетъ жить такъ, какъ

у себя въ Лондонѣ, не жалѣя на это средствъ и энергіи. Русскій всегда стремится самъ приспособиться къ условіямъ, его окружающимъ. Онъ не повезетъ за собою кухни въ селеніе, но постарается питаться чѣмъ Богъ пошлетъ; на бивуакѣ помѣшаетъ свой чай палочкой тамъ, гдѣ англичанинъ повезетъ цѣлый погребецъ; съ удовольствіемъ ляжетъ на полъ тамъ, гдѣ англичанинъ его общественнаго положенія признаетъ немыслимымъ поѣхать иначе какъ со своею походною постелью. На первый взглядъ это стремленіе къ комфорту можетъ быть почти излишнимъ и дорого стоющимъ, можетъ показаться какою-то изнѣженностью, ненужною роскошью. Но я глубоко убѣжденъ, что успѣхъ англійскихъ экспедицій въ значительной степени обусловливается этимъ комфортомъ. Нервы англичанина не тратятся на это приспособленіе, на борьбу съ усталостью, неправильною пищею, необычными ночлегами, и онъ сохраняетъ болѣе энергіи и наблюдательности для настоящей цѣли экспедиціи.

Послѣ всего описаннаго, читатель, я думаю, не удивится, что послѣ 6-недѣльнаго пребыванія въ Янъ-Лоу-Дунѣ, энергія наша въ значительной степени упала, мы чувствовали себя нервно-раздраженными и переутомленными до крайности. Оно и неудивительно. Къ тюремной обстановкѣ нашей присоединялся, если хотите, и тюремный образъ жизни. Моя комната была въ смыслѣ чистоты воздуха нѣсколько лучше, чѣмъ у двухъ моихъ товарищей, такъ-какъ она помѣщалась на чердакѣ зданія и окно ея выходило на улицу. Съ китайской точки зрѣнія это было худшее помѣщеніе, но я его предпочелъ затхлой конурѣ внизу. Окно было, однако, отдѣлено рѣшеткою и проволочною сѣткою для защиты отъ камней, которыми, мнѣ говорили, деревенскіе жители не прочь бываютъ пустить въ заморскаго чорта. Въ нашъ пріѣздъ населеніе Янъ-Лоу-Дуна было однако очень спокойно, и его отношеніе къ намъ ограничивалось развѣ тѣмъ, что подъ моимъ окномъ, особенно по вечерамъ, собиралась

толпа зѣвакъ. Тѣмъ не менѣе мы не могли, по распоряженію властей, выйти на дворъ или за двери дома безъ сопровожденія по меньшей мѣрѣ 4 или 6 солдатъ. Мы гуляли и дѣлали осмотры, отдавали визиты подъ конвоемъ, мы не могли сдѣлать шагу безъ тѣлохранителей и соглядатаевъ. Впрочемъ, этотъ конвой былъ очень добродушный. Какъ всѣ жандармы, они даже черезчуръ усердствовали въ нашей охранѣ и нерѣдко заводили совершенно напрасныя стычки съ невиннымъ вполнѣ населеніемъ.

Ни одна моя прогулка за городъ не обходилась безъ сопровожденія любопытныхъ. Можно сказать, до самого того момента, когда я укладывался спать, а можетъ быть и во время сна, я былъ наблюдаемъ десятками глазъ. Всякое движеніе было для нихъ интересно. Ни одно дѣйствіе, какого-бы характера оно ни было, не оставалось безъ наблюдателя, и врядъ-ли тѣ звѣри, которыхъ показываютъ въ звѣринцахъ, или тѣ уроды, которыхъ выставляютъ на-показъ, находились въ положеніи болѣе непріятномъ, чѣмъ я. Если гдѣ можно выучиться жить и дѣйствовать не обращая вниманіе на людей, на толпу, то это въ Китаѣ.

Но это любопытство толпы не мѣшало ей относиться къ намъ весьма добродушно и вѣжливо, и за все время моего пребыванія въ Китаѣ я не имѣлъ случая какого-нибудь столкновенія враждебнаго характера. Правда, мы были рекомендованы какъ важные русскіе чиновники, и о пріѣздѣ нашемъ были увѣдомлены власти. Поэтому, по правиламъ китайскаго этикета, они первые, еще до въѣзда нашего въ селеніе, выслали намъ свои визитныя карточки—продолговатой формы полоски тонкой красной бумаги, на которой черными чернилами были написаны іероглифы именъ этихъ чиновниковъ.

Такъ-какъ рангъ ихъ былъ не больше чѣмъ у нашихъ становыхъ, то мы могли не отдавать имъ визиты лично, но черезъ нѣсколько дней послать имъ свои кар-

точки, заказавши ихъ на китайскій образецъ и изобразивши слоги нашихъ фамилій такими-же іероглифами. Авторъ этой статьи въ китайской транскрипціи превратился въ Ля-но-фу, г-нъ Снѣжковъ—въ Ни-ко-фу, г-нъ Сименсонъ—въ Си-мо-суна. Мы также написали свои имена на красной бумагѣ, такъ-какъ бѣлыя визитныя карточки съ синими іероглифами подаются только лицами, носящимъ глубокій трауръ. Покончивши, какъ видите, легко и просто съ оффиціальными церемоніями, мы должны были отобѣдать у нашего хозяина—любезнаго кантонскаго негоціанта г-на Ли, говорившаго свободно на pidgin englisch и настолько знакомаго съ правилами европейскаго этикета, что съ нимъ можно было говорить безъ стѣсненія и безъ вычурныхъ оборотовъ, налагаемыхъ правилами китайскаго этикета. Иначе, какъ это мнѣ приходилось впослѣдствіи, разговоръ получалъ бы такой каррикатурный характеръ:

— Кушали-ли вы сегодня рисъ? Здравствуйте.

— Благодарю васъ, вашъ глупый и безтолковый младшій братъ уже набилъ имъ свое брюхо.

— Мой высокочтимый старшій братъ обѣдаетъ очень рано—я съ моими 4-мя поросятами поспѣваю только къ 12 часамъ.

— Это понятно, вашъ пышный дворецъ находится такъ далеко отъ плантаціи, гдѣ вы работаете.

— О нѣтъ, мой высокочтимый старшій братъ ошибается, моя жалкая грязная лачуга отстоитъ уже не такъ далеко, но слабость ногъ моихъ не позволяетъ мнѣ ходить такъ скоро, какъ другіе... И т. д., и т. д.

Эти пышные эпитеты, которые даются гостю, эти уничижительныя имена, на которыя не скупятся по своему адресу, дѣлаютъ разговоръ неестественнымъ до смѣшного и затягиваютъ его долѣе чѣмъ нужно, но такъ-какъ въ Китаѣ, какъ и въ Россіи, время не деньги, то формулы эти практикуются почти всюду. Къ счастію для насъ, у хозяина нашего мы были отъ нихъ избавлены.

Этотъ послѣдній на первыхъ-же дняхъ нашего пріѣзда устроилъ намъ обѣдъ, обычай, распространенный въ Китаѣ еще болѣе, чѣмъ у насъ. Впослѣдствіи, при въѣздѣ въ каждый городъ или селеніе, которые мнѣ приходилось посѣщать, мѣстныя власти угощали меня обѣдомъ, причемъ, если они были рангомъ ниже, я могъ свободно не обѣдать съ ними, но обѣдъ мой носили мнѣ на домъ. Таковъ китайскій обычай. Эта и другія мелкія церемоніи для путешественника внутри страны имѣютъ большое значеніе. Несоблюденіе мѣстныхъ церемоній и обычаевъ, иногда очень обременительныхъ и смѣшныхъ, сильно раздражаетъ мѣстныя мелкія власти, незнакомыя съ иностранными порядками и видящія въ нарушеніи этикета оскорбленіе для себя. Въ этомъ лежитъ, мнѣ кажется, главная причина тѣхъ препятствій и недоразумѣній, на которыя жаловались многіе изслѣдователи. Между тѣмъ, имѣя оффиціальныя бумаги и соблюдая законы страны, вы можете путешествовать по Китаю вполнѣ свободно повсюду.

Но возвращаюсь къ китайскому званому обѣду. Какъ обѣды въ средніе вѣка, онъ длился необыкновенно долго. На круглый столъ, за которымъ, облачась въ длинные бѣлые халаты, сидѣли наши хозяева и мы, подавались смѣна за смѣною. Я насчиталъ такихъ смѣнъ до 6. Каждая смѣна состояла изъ нѣсколькихъ (5—6) блюдъ, которыя подавались въ фарфоровыхъ глубокихъ чашкахъ. Передъ каждымъ гостемъ ставилось маленькое фарфоровое блюдце, въ которое коротенькими ложечками и накладывали кушанье. И въ то время какъ смѣна блюда убиралась, эта тарелка на все время обѣда оставалась передъ гостемъ безъ перемѣны. Смѣна ихъ принесла-бы несчастіе—по законамъ китайскихъ суевѣрій. Впрочемъ, ими и не пользовались, какъ тарелками въ нашемъ смыслѣ слова. Кушанье ѣли или ложками или палочками прямо изъ чашекъ — наподобіе того, какъ наши крестьяне ѣдятъ своими ложками щи изъ общей чашки. Составъ

блюдъ былъ очень разнообразенъ. Свинина во всевозможныхъ видахъ, супы, компоты изъ лотосовъ, супъ изъ акульихъ перьевъ, грибы, приготовленные на всевозможные лады, были главными составными частями обѣда. Несмотря на то, что мы находились внутри страны, было много чисто морскихъ блюдъ. Поражаетъ въ китайскомъ столѣ обиліе блюдъ слизистыхъ, напоминающихъ консистенціею наши *грузди*. Это характерно для китайскаго вкуса. Несмотря на нѣсколько неэстетичный видъ, многія кушанья вкусны и питательны, хотя при обиліи блюдъ ихъ приходится ѣсть понемногу. Кушанья запиваются изъ маленькихъ рюмочекъ горькимъ ликеромъ или водкою, выгоняемою изъ риса. Хозяинъ угощаетъ и предупредительно самъ накладываетъ вамъ на тарелку, если вы не ѣдите. Остальные дни мы обѣдали сами по-европейски. Впрочемъ, это болѣе относилось къ моимъ товарищамъ. Самъ я, будучи въ постоянныхъ разъѣздахъ, жилъ столько-же на китайскихъ харчахъ, сколько и на нашихъ, а китайскій столъ для непривыкшаго желудка, пожалуй, еще хуже китайской постели. Но интересъ окружающаго искупалъ все. Приходилось жить среди совсѣмъ новой обстановки, среди совсѣмъ особыхъ нравовъ. Ихъ оригинальность кидалась въ глаза при первомъ выходѣ на деревенскую улицу.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Учрежденія китайской деревни.

Китайская деревня нетолько по своему внѣшнему облику и строю жизни не похожа на нашу, но и по своимъ учрежденіямъ она представляетъ большое несходство. Едва вы выйдете за ворота вашего дома, сейчасъ-же сталкиваетесь съ новыми и непривычными для васъ явленіями. Узкія, отчасти, какъ и въ городахъ, заполненныя лавчонками улицы грязны; какъ и тамъ, по нимъ хрюкая бродятъ облѣзлыя свиньи, роясь своимъ рыломъ въ этой вонючей грязи; какъ и въ городѣ, всюду пахнетъ отхожими мѣстами, устроенными подъ окнами каждаго дома, являющимися складочными, запасными магазинами семейства, изъ которыхъ въ извѣстное время года перебродившіе запасы выносятъ въ ведеркахъ на поля и поливаютъ маленькими черпачками, такъ-сказать, откармливаютъ различные виды растеній; тощая почва страны безъ этого корма вѣроятно давно отказалась-бы ихъ производить. Даже въ такомъ сравнительно незначительномъ поселкѣ, какъ Янъ-Лоу-Дунъ, вы можете, однако, встрѣтить на каждой улицѣ людей, которыхъ я уподобилъ-бы тряпичникамъ. Ихъ задача выбирать изъ мусора длинными, снабженными крючками палками писанную или печатную бумагу и собирать ее въ

особыя корзины. Бумага эта не идетъ ни на какое употребленіе. Ее просто сжигаютъ, такъ-какъ со стародавнихъ временъ здѣсь установилось такое уваженіе къ писанному или печатному слову, что за грѣхъ считается попирать его ногами или топтать въ грязи. Ниже мы увидимъ, что уваженіе это не лишено основанія, такъ-какъ китайская грамота дается далеко не такъ легко и просто, какъ грамота другихъ народовъ. Другое, что поражаетъ васъ, — это тамъ и сямъ разставленныя капища боговъ околотка, небольшія каменныя будочки, содержащія табличку или идола, передъ которымъ курятся въ курильницѣ три тонкія спички, дающія синеватый, мало-ароматичный дымъ. Эти маленькія невзрачныя капища крайне характерны. Они показываютъ совершенно иное отношеніе къ смерти у здѣшняго крестьянства, чѣмъ у нашего. Много разъ вѣроятно вамъ, читатель, приходилось слышать о томъ равнодушіи къ смерти, какое характеризуетъ китайца, о томъ, какъ хладнокровно идутъ люди на самоубійство, или о случаяхъ когда китаецъ, желая отомстить врагу своему за обиду, не находилъ ничего лучшаго, какъ повѣситься на воротахъ его дома. Всѣ эти, съ нашей точки зрѣнія непонятныя отношенія къ жизни легко объясняются тѣмъ глубоко вкоренившимся въ народной массѣ убѣжденіемъ, что жизнь не кончается смертью, что душа, покинувъ послѣ смерти тѣло, не отправляется въ адъ или въ рай (хотя въ существованіе таковыхъ и вѣрятъ китайцы), чтобы такъ мучиться или блаженствовать вѣчныя времена, но, если только покойника похоронили надлежащимъ образомъ, его сейчасъ-же судятъ, и послѣ краткаго, хотя можетъ быть и жестокаго наказанія въ аду у демоновъ, онъ поступаетъ на службу въ небесную канцелярію. Есть толстая книга, изданная священниками религіи Тао, о которой намъ неоднократно придется говорить ниже, гдѣ перечислены всѣ добродѣтели и пороки и наказанія за нихъ слѣдующія—по кодексу этой

небесной канцеляріи. Тутъ вы найдете нетолько тѣ правила общечеловѣческой нравственности, которыя общи всѣмъ религіямъ міра, но и цѣлый рядъ болѣе спеціальныхъ постановленій, вродѣ заповѣди: «Не желай смерти своему заимодавцу».

Въ сущности за проступки свои, по вѣрованіямъ народа, человѣкъ получаетъ возмездіе уже при жизни. Постигающія его несчастія являются наказаніемъ за его собственные проступки или проступки его предковъ. Такъ-какъ жизнь и китайцами признается за высшее благо человѣка, то часто наказаніе за грѣхи заключается въ томъ, что въ небесной канцеляріи сокращаютъ года жизни, которые, однако, могутъ быть и продолжены за личныя добродѣтели этого лица или его предка. Если грѣхи превзойдутъ всякую мѣру, человѣкъ умираетъ, и за избытокъ грѣховъ отвѣчаетъ его потомство. Потому-то всякій человѣкъ находится, такъ сказать, подъ постояннымъ контролемъ невидимыхъ духовъ. Я уже приводилъ примѣръ одного изъ нихъ—бога кухни. Но, помимо этого домашняго пената и личныхъ шпіоновъ, есть полиція высшаго порядка, такъ-сказать, боги околоточные и становые. Они наблюдаютъ за жизнью цѣлаго участка или округа. Всѣ эти dii minores вербуются изъ простыхъ смертныхъ. И міръ невидимыхъ духовъ есть въ сущности тотъ-же Китай съ его чиновниками и мандаринами, обладающими тѣми-же слабостями, что и ихъ обладающіе плотью и кровью родственники. Ихъ можно такъ-же подкупить и задобрить, такъ-же разгнѣвать непочтительностью.

Лишившись жизни на этомъ свѣтѣ, можно получить выгодное назначеніе на томъ—и наоборотъ, послуживши въ роли становаго или урядника у одного изъ загробныхъ боговъ—имъ-же имя легіонъ,—можно вновь воплотиться въ тѣло одного изъ потомковъ или въ семьѣ, къ которой питаешь симпатію, и продолжать свое существованіе въ предѣлахъ Китая. Такимъ образомъ, міръ живущихъ и міръ усопшихъ составляютъ одно цѣлое, нахо-

дятся въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ — и о случаяхъ общенія этого существуетъ обширная литература. Въ романахъ, философскихъ сочиненіяхъ и научныхъ трактатахъ—вездѣ вы встрѣтитесь съ этими случаями. Это общепризнанный фактъ, это основа вѣрованій народа.

Только въ томъ случаѣ, если китаецъ умретъ не на родинѣ и тѣло его не будетъ возвращено китайской почвѣ, духъ его не успокаивается. Лишенный попеченій, голодный будетъ онъ рыскать въ невѣдомыхъ странахъ, пылая местью къ безпечнымъ потомкамъ. Потому-то китайцы такъ и заботятся, чтобы трупы ихъ умершихъ соотечественниковъ, хотя-бы цѣною большихъ расходовъ, все-таки возвращались на родину. Міръ умершихъ и міръ живыхъ здѣсь одно цѣлое. И души умершихъ должны имѣть свои мѣста собранія среди живущихъ. Боги околоточные, домашніе пенаты—это все-таки боги. Это, такъ сказать, духи-чиновники, духи высшаго порядка. Не всякій усопшій членъ семьи можетъ разсчитывать достигнуть столь высокаго ранга; но для семьи живущихъ дóроги именно эти простыя души усопшихъ отцовъ и дѣдовъ — и это они и представляютъ предметъ особаго культа. Храмики боговъ околоточныхъ—это незначительныя часовни. Для душъ-же предковъ семьи воздвигаютъ настоящіе храмы, и эти храмы предковъ для жителей деревни имѣютъ значеніе церквей христіанскихъ народовъ.

Могилы, кладбища китайцевъ, если не считать немногихъ усыпальницъ крупныхъ богачей, представляютъ картину, пожалуй, еще болѣе печальную чѣмъ сельское кладбище русскаго крестьянина. Гдѣ-нибудь на склонѣ холма, надъ рѣкою, группируются заросшіе высокою травою маленькіе надгробные камешки. Скотъ бродитъ между ними, и не видно, чтобы кто-либо посѣщалъ съ благочестивыми мыслями это жилище мертвыхъ. Такой грустный видъ имѣло кладбище Янъ-Лоу-Дуна. Такого

рода кладбища встрѣчалъ я и въ другихъ мѣстахъ посѣщенныхъ мною пунктовъ Китая.

Китаецъ заботится нестолько о поддержаніи порядка у могилы, сколько о надлежащемъ мѣстѣ для нея. Еще при жизни онъ старается пріобрѣсти себѣ хорошій гробъ. Развѣ только у самыхъ дорогихъ гробовщиковъ Европы вы найдете столь просторные и тяжелые, столь изящно лакированные и отдѣланные гроба, какъ въ Китаѣ. Это дорогой именинный подарокъ родителямъ, это предметъ, на который одинокіе копятъ деньги десятки лѣтъ. Пріобрѣтеніемъ гроба, однако, не ограничиваются заботы о покойникѣ. Умираетъ человѣкъ—ему надобно выбрать мѣсто для могилы. Это не легко. Тутъ требуется цѣлый рядъ благопріятныхъ условій, отвѣчающихъ правиламъ геомантіи, и жрецы ея, особенно при похоронахъ богатыхъ, цѣлыми днями бродятъ по кладбищамъ съ компасами въ рукахъ, выбирая мѣсто. Одного китайскаго императора не могли похоронить цѣлые полгода. Поэтому покойника засыпаютъ известью и тщательно замуровываютъ въ гробу, который иногда цѣлыми недѣлями стоитъ въ домѣ. Наконецъ, составляется похоронная процессія съ духовенствомъ, съ носилками для гроба, надъ которымъ несутъ эмблему безсмертія — феникса. Родственники, одѣтые въ бѣлыя одежды — это цвѣтъ глубокаго траура, — слѣдуютъ за нимъ. Но вотъ похороны кончены и могила забрасывается навсегда. Духъ покойника витаетъ не здѣсь. Онъ невидимо присутствуетъ при небольшой деревянной, вертикально прикрѣпленной къ подставкѣ, дощечкѣ, на которой написано имя умершаго китайскими іероглифами. Дощечку эту ставятъ въ храмъ предковъ рода, наряду со многими сотнями такихъ дощечекъ, тамъ хранящихся. Я уже говорилъ, что большія китайскія деревни суть ничто иное, какъ размножившіяся семьи немногихъ ихъ основателей. Въ Янъ-Лоу-Дунѣ такихъ основателей родовъ было 4 —

и для каждаго рода былъ особый храмъ предковъ. Эти храмы возвышались не въ селеніи, но въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, среди изумрудно-зеленой равнины окружавшихъ деревню рисовыхъ полей. Это были высокія каменныя зданія съ золотыми черепичатыми кровлями, выбѣленныя и расписанныя узорами. Архитектурой они мало отличались отъ обыкновеннаго китайскаго дома. Точно такъ-же черезъ ворота и длинныя сѣни вы входите въ открытый сверху, мощеный плитами дворъ, въ глубинѣ котораго, прямо противъ входа, помѣщается просторный залъ. Въ концѣ этого зала, тамъ, гдѣ въ обыкновенныхъ домахъ возвышается алтарь и виситъ изображеніе бога-покровителя дома, стоитъ длинный столъ, на которомъ расположены таблички съ именами усопшихъ предковъ. Иногда онѣ укрѣплены прямо на стѣнѣ. Въ серединѣ, на большой черной доскѣ, золотыми буквами написано имя патріарха, основателя рода; вправо и влѣво расположены таблички съ именами предковъ въ нисходящемъ порядкѣ. По табличкамъ этимъ всякій китаецъ можетъ сосчитать всѣхъ своихъ предковъ съ гораздо большею легкостью, чѣмъ любой изъ нашихъ представителей древнихъ аристократическихъ родовъ, хотя вереницы предковъ, зарегистрованныхъ въ храмѣ у китайскаго крестьянина, навѣрное длиннѣе, чѣмъ у самыхъ аристократическихъ родовъ нашего отечества. Передъ этимъ собраніемъ предковъ въ важныя минуты собираются для совѣта члены того или другого семейства. Тутъ хотя разъ въ годъ собирается весь кланъ. По столамъ и стульямъ, которые я видѣлъ въ безпорядкѣ сваленными въ углу, на громадное родовое пиршество разсаживаются эти близкіе и дальніе родственники. Многочисленныя яства становятся передъ предками. Они невидимо вкушаютъ ихъ, вдыхая ароматъ блюдъ, которыя затѣмъ отправляются въ желудки смертныхъ. По стѣнамъ зданія написаны изреченія философовъ. Другая характерная осо-

бенность постройки — это большія каменныя доски, вдѣланныя въ стѣны, на которыхъ выгравированы безчисленные іероглифы именъ жертвователей на постройку храма. Такія доски существуютъ рѣшительно у всѣхъ сооруженныхъ на общественный счетъ зданій. Въ этомъ отношеніи китайцы гораздо справедливѣе нашихъ соотечественниковъ, пишущихъ на мраморныхъ доскахъ зданій имена крупныхъ денежныхъ тузовъ, основавшихъ зданія, имена-же милліоновъ, вносившихъ скромныя лепты, остаются у насъ позабытыми. Здѣсь-же всякое даяніе благо, и потому китаецъ, разсматривая какое-нибудь древнее зданіе, можетъ смѣло искать на немъ подписи одного изъ своихъ предковъ, принимавшаго участіе въ его постройкѣ.

Узкая, извилистая тропинка вела отъ посѣщеннаго мною храма предковъ къ другому, не менѣе выдающемуся зданію, построенному въ окрестностяхъ деревни— къ экзаменаціонному залу. Это зданіе архитектурою нѣсколько напоминало только-что описанный храмъ предковъ, но въ немъ былъ цѣлый рядъ маленькихъ комнатъ. Блѣдные юноши что-то зубрили въ этихъ комнаткахъ, въ противоположность другимъ мало обращая вниманія на заморскихъ чертей. Это была временно помѣстившаяся въ зданіи школа одного изъ клановъ.

Въ Китаѣ, собственно говоря, нѣтъ учебныхъ заведеній, какъ у насъ, нѣтъ сельскихъ школъ, какъ въ Японіи, если не считать дешевыхъ уроковъ, которые берутъ дѣти бѣдныхъ родителей при учрежденіи, которое я не могу назвать иначе, какъ залъ для экзаменаціонныхъ коммиссій. Дѣти учатся дома и разъ въ годъ отправляются въ такой залъ для конкурснаго испытанія. Это часто громадныя зданія, вмѣщающія въ себѣ храмъ богу народнаго просвѣщенія, залъ для совѣщаній, ночлегъ для экзаменаціонной комиссіи и массу маленькихъ комнатокъ для испытуемыхъ.

Испытанія эти различны. Въ селеніяхъ, вродѣ Янъ-Лоу-Дуна, ограничиваются выдачею премій за лучшія сочиненія, показывающія элементарную грамотность ученика; болѣе ученые, затѣмъ, отправляются въ ближайшій городъ, гдѣ производятся испытанія болѣе строгія, требующія большихъ знаній и дающія право на занятіе низшихъ государственныхъ должностей. Выдержавшій ихъ китаецъ можетъ ѣхать въ губернскій городъ для полученія степени еще высшей, и т. д. вплоть до старости.

Школьный періодъ начинается въ Китаѣ съ шести лѣтъ; отъ элементарныхъ учебниковъ, о которыхъ мы скажемъ ниже, молодой китаецъ переходитъ къ классикамъ и изученію исторіи своей страны. Число классиковъ девять, именно: 1) «Бесѣды Конфуція», гдѣ наставленія философа собраны въ видѣ бесѣдъ, 2) «Великое ученіе» и 3) «Ученіе о срединѣ», обнимающія всѣ ученія Конфуція; 4) «Менцій»; 5) «Книга перемѣнъ», древнѣйшее изъ сочиненій Конфуція; 6) «Книга одъ», состоящая изъ собранія древнихъ народныхъ балладъ; 7) «Книга исторіи», 8) «Анналы весны и осени, или исторія Лу, родного города Конфуція», и 9) «Книга обрядовъ», касающаяся обрядовъ и церемоній китайскаго народа. Содержаніе этихъ книгъ не велико: всѣ девять классиковъ занимаютъ только 7 тоненькихъ томиковъ in octavo. Но къ каждому изъ этихъ томовъ имѣются цѣлые томы комментарій, объемомъ своимъ не уступающихъ Талмуду. Когда ученикъ считаетъ себя достаточно подготовленнымъ, онъ идетъ на экзаменъ, и имена выдержавшихъ пишутся на воротахъ ямуна. Эти выдержавшіе должны пять разъ приходить къ экзаменатору, получая задачу въ видѣ литературной темы или поэмы. Лица, выдержавшія экзаменъ въ губернскомъ городѣ въ присутствіи комиссіи изъ префекта и канцлера литературы, получаютъ ученую степень siuts'ai, соотвѣтствующую по значенію нашему аттестату зрѣлости, даваемому гимназіей. Этой степени присвоено голубое шелковое платье, обши-

тое чернымъ и опоясанное поясомъ съ серебряными навѣсками, и шапка съ серебрянымъ шарикомъ. Въ этомъ костюмѣ выдержавшіе служатъ родъ молебна, представляются префекту и затѣмъ ѣдутъ домой принимать поздравленія отъ своихъ друзей. Но это только начало мытарствъ. Чрезъ каждые три года въ губернскомъ городѣ засѣдаетъ экзаменаціонная комиссія съ предсѣдателемъ, присланнымъ самимъ императоромъ. Комиссія эта, содержаніе которой идетъ на счетъ города, засѣдаетъ въ описанныхъ выше экзаменаціонныхъ зданіяхъ, оживляющихся только на это время, остальное-же время стоящихъ пустыми. Предсѣдатель такой комиссіи отъ управы города получаетъ крупную сумму денегъ и отъ каждаго экзаменующагося 50 руб., не считая постоянныхъ пышныхъ обѣдовъ. Теперь экзамены производятся уже въ маленькихъ каморкахъ, которыя нумеруются, и каждый изъ экзаменующихся получаетъ листъ съ № своей комнаты. Измѣренная мною въ городѣ Пу-ки-сенѣ камера была не болѣе 5 квадратныхъ футъ. Въ ней не было ни дверей, ни оконъ, и вся мебель ея состояла изъ стола и скамьи, которая должна была служить постелью, и маленькой печки для варки пищи. Экзаменующійся беретъ съ собой запасъ пищи на два дня, причемъ его тщательно осматриваютъ и обыскиваютъ, нѣтъ-ли у него шпаргалокъ. Затѣмъ двери запираютъ и запечатываютъ, взявъ съ экзаменующагося клятву, что онъ будетъ работать честно. По данному сигналу двери раскрываются, и написавшіе работу выходятъ при звукахъ трехъ пушечныхъ выстрѣловъ и удара гонга. Тѣмъ, кто не кончилъ, даютъ три льготныхъ часа. Лучшимъ кандидатамъ присваивается степень chiyen или «преуспѣвающихъ»; они получаютъ приглашеніе къ губернатору на обѣдъ. Слѣдующій экзаменъ держатъ въ Пекинѣ, въ присутствіи одного изъ лицъ царской фамиліи, министра и нѣскольскихъ высшихъ сановниковъ. Онъ даетъ степень thin schih, или преуспѣвшаго ученаго. Изъ шести

тысячъ экзаменующихся степень получаютъ обыкновенно не болѣе 5%. Лучшихъ изъ нихъ уже экзаменуетъ самъ императоръ, и они получаютъ высшія изъ государственныхъ должностей. Само собою разумѣется, что зачастую здѣсь дѣло не обходится безъ подкупа и взятки, о чемъ какъ иностранная, такъ и китайская литература свидѣтельствовала много разъ. Темами для всѣхъ этихъ экзаменовъ являются изреченія и мѣста изъ философскихъ книгъ, которыя и служатъ матеріаломъ для диссертаціи, состоящей изъ слѣдующихъ частей: 1) тема, 2) анализъ темы, 3) распространеніе темы, 4) расчлененіе ея, 5) послѣдующее объясненіе, 6) аргументы первой категоріи, 7) связь ихъ съ темой, 8) аргументы второй категоріи, 9) аргументы третьей категоріи и заключеніе. Рѣдко даютъ темы по исторіи, и какъ исключительный случай—по математикѣ. Экзамены на военныя должности гораздо легче: требуется только поверхностное знаніе классиковъ, остальное—это ловкость въ стрѣльбѣ и другихъ военныхъ упражненіяхъ. Китаецъ, желающій получить высшую степень, долженъ экзаменоваться чуть не всю жизнь. Неудивительно, конечно, увидѣть 70-лѣтнихъ старцевъ экзаменующихся. Какъ на всѣхъ конкурсныхъ экзаменахъ, предложеній больше чѣмъ вакансій, и одинъ человѣкъ выдержавшій приходится иногда на нѣсколько сотенъ и даже тысячъ экзаменующихся. Чтобы сдѣлаться китайскимъ чиновникомъ, надо пройти черезъ нелегкій фильтръ.

За исключеніемъ времени экзаменовъ, зданіе стоитъ совершенно пустымъ. Дворъ заростаетъ травами, а деревянныя его части гніютъ и покрываются плѣсенью. Въ нихъ, какъ я уже говорилъ, не учатся. Ученье происходитъ въ домашнихъ школахъ, въ школахъ клана, гдѣ совмѣстно учатся дѣти близкихъ и дальнихъ родственниковъ, приглашая къ себѣ хорошаго учителя, въ педагогическія обязанности котораго входитъ битье учениковъ по пальцамъ и другія средневѣковыя наказанія учащихся, вытекающія

изъ поговорки, что за битаго двухъ небитыхъ даютъ. Обыкновенно украшенный громадными хрустальными очками, учитель имѣетъ, однако, очень добродушный видъ, а пока онъ имѣетъ дѣло съ дѣтьми, его роль ограничивается наблюденіемъ за порядкомъ въ классѣ и задаваніемъ уроковъ, выдалбливаемыхъ наизусть «отсюда и досюда».

Преподавателями являются обыкновенно лица, державшія экзамены на высшія степени, но почему-либо не выдержавшія ихъ или случайно не получившія соотвѣтственныхъ должностей. Такой домашній наставникъ пользуется уваженіемъ и почетомъ и занимается постоянно съ дѣтьми. Имѣется около 9-ти книгъ, обнимающихъ циклъ первоначальнаго обученія. Такъ-какъ китайскій языкъ не имѣетъ ни азбуки, ни грамматики, то начинаютъ прямо съ чтенія легкихъ изреченій, причемъ и буквы, и составляемыя ими изреченія заучиваются наизусть. Учебникъ считается пройденнымъ, когда ученикъ можетъ сказать его и написать наизусть отъ доски до доски. Первою книгою для чтенія являются такъ-называемыя классическія трехстишія, sam-tsz-king. Въ этихъ трехстишіяхъ, запоминаемыхъ наизусть, китаецъ одновременно знакомится съ главнѣйшими іероглифами и элементарными познаніями китайской науки. Книга эта начинается словами:

«Природа человѣка сама по себѣ прекрасна
И люди по природѣ своей братья (стоятъ близко другъ къ другу),
Но на дѣлѣ они разъединены,—
Если не дать имъ воспитанья,
Ихъ природа развратится...»

Далѣе слѣдуетъ опредѣленіе воспитанія и оцѣнка значенія его, между прочимъ, такими словами:

«Если въ юности вы не будете учиться,
Что станете дѣлать въ старости?
Ибо алмазъ, если онъ не подвергнутъ шлифовкѣ,

Не цѣнится какъ драгоцѣнный камень,
И если въ зрѣломъ возрастѣ вы не будете учиться,
Вы никогда не поймете элементарныхъ правилъ жизни».

Затѣмъ преподаются основы китайской нравственности, состоящей въ уваженіи родителей и старшихъ, и намѣчаются основанія китайской науки: сообщаются свѣдѣнія изъ ариѳметики, упоминаются главныя свѣтила неба, времена года, страны свѣта, стихіи, добродѣтели, домашнія животныя и растенія, ощущенія, инструменты, дающіе звуки, имена родственниковъ, священныя книги Конфуція и ихъ содержаніе, и, такъ сказать, намѣчается программа будущаго чтенія. Затѣмъ слѣдуетъ конспектъ исторіи Китая, которая заканчивается опять совѣтомъ учиться, причемъ даются примѣры изъ жизни ученыхъ. Вотъ дословный переводъ заключенія этой книжки:

«Первоначально Чунгъ-не имѣлъ своимъ наставникомъ молодого Геангто.
Даже они, мудрецы древности, учились съ прилежаніемъ;
Чогу, государственный министръ, читалъ діалоги Конфуція,
И онъ, хотя человѣкъ высокопоставленный, занимался усидчиво.
Первый изъ нихъ писалъ на корѣ бамбука,
И оба они, хотя лишенные книгъ, все-таки ревностно искали знанія.
Чтобы избѣжать сна, одинъ привязывалъ себя за волосы къ дышлу,
А другой прокалывалъ свои бедра шиломъ.
Хотя лишенные воспитанія, они были трудолюбивы:
Одинъ читалъ при свѣтѣ свѣтляка, другой—при отблескѣ снѣга.
И они, несмотря на бѣдность родителей, не забывали ученья,
Одинъ, возя телѣги, другой привязывая книгу къ рогамъ.

Такимъ образомъ погруженные въ трудъ, они продолжали учиться.
Сао-Лаутсеунъ, имѣя 27 лѣтъ отъ роду,
Началъ прилежно заниматься и обратилъ разумъ свой къ книгѣ;
Этотъ человѣкъ въ своемъ возрастѣ жалѣлъ, что началъ такъ поздно.
Вы-же, пока молоды, можете думать объ этихъ вещахъ.
Какъ Менгъ-Тау, въ возрастѣ 82 лѣтъ,
Онъ занялъ первое мѣсто во дворцѣ между учеными.
Такъ онъ закончилъ, и всѣ смотрѣли на него какъ на чудо.
Вы-же, молодые читатели, не переставайте быть прилежными.
Юнгъ еще 8-ми лѣтъ могъ читать оды,
А Пэ 7-ми лѣтъ понималъ игру въ шахматы.
Они были способны и почитались людьми высоко.
И вы, молодые ученики, подражайте имъ.
Тсае-Ваике умѣла играть на струнныхъ инструментахъ,
Зену Таованъ точно также могла пѣть и играть;
Обѣ онѣ, хотя и дѣвочки, были понятливы и толковы.
И вы, мои дѣти, конечно, должны быть столь-же прилежны.
Лью-Танъ изъ Танга семи лѣтъ отъ роду
Былъ приглашенъ исправлять написанное:
Несмотря на свою молодость, онъ былъ такъ свѣдущъ.
И вы, молодые читатели, подражайте его примѣру,
И тотъ, кто этого достигнетъ, достигнетъ такой-же почести.
Собаки сторожатъ ночью, пѣтухъ возвѣщаетъ утро,
Если-же кто откажется учиться, какъ могутъ его уважать люди?
Шелковичный червь прядетъ шелкъ, пчела собираетъ медъ,
Человѣкъ-же, если онъ пренебрегаетъ ученьемъ—онъ ниже скота.

Кто учится въ молодости и трудится въ зрѣломъ возрастѣ,
Простираетъ свое вліяніе на правителя и дѣлаетъ благодѣяніе народу.
Онъ дѣлаетъ свое имя славнымъ, дѣлаетъ знаменитыми своихъ родителей,
Отбрасываетъ свѣтъ славы на своихъ предковъ и обогащаетъ потомство.
Нѣкоторые оставляютъ потомкамъ ящики съ золотомъ,
Я-же, чтобы научить дѣтей, оставилъ только маленькую книгу.
Трудолюбіе имѣетъ заслугу—отъ игры нѣтъ пищи;
Будьте всегда насторожѣ! Трудитесь изъ всѣхъ силъ!»

Съ этихъ трехстишій начинаетъ ученье свое вся 400 милліонная нація. Ихъ знаетъ всякій грамотный китаецъ. Вторая книга, даваемая въ руки учащейся молодежи, это классики, содержащіе 1000 буквъ, изъ коихъ нѣтъ двухъ одинаковыхъ. Она также состоитъ изъ стиховъ, содержащихъ правила нравственности, и какъ-бы въ болѣе расширенномъ размѣрѣ повторяетъ содержаніе первой книги. Такой-же нравоучительный характеръ имѣютъ и другія дѣтскія книги, напр. «24 образца сыновней любви». Здѣсь есть трогательные разсказы о томъ, какъ дѣти продавали себя въ рабство, чтобы должнымъ образомъ похоронить умершаго отца, или какъ мальчикъ, чтобы удовлетворить любовь своей матери къ свѣжей рыбѣ зимою, когда ее нельзя было достать, несмотря на вѣтеръ и морозъ, ходилъ къ проруби, и рыба шла къ нему на зовъ. Въ числѣ образцовъ сыновнаго благочестія приводится примѣръ нѣкоего Лай, который ради того, чтобы родители его забыли о своемъ престарѣломъ возрастѣ, самъ будучи далеко не молодъ, одѣвался въ дѣтское платье и рѣзвился передъ ними для ихъ развлеченія; или говорится о бѣднякѣ, который, не имѣя возможности прокормить свою мать и

своего сына, рѣшился похоронить послѣдняго живымъ, ибо, говорилъ онъ, другой ребенокъ можетъ у насъ родиться, но если мы потеряемъ мать—ее намъ не вернуть. Получивъ согласіе жены своей, онъ началъ рыть яму, но, о чудо, онъ наткнулся на горшокъ съ золотомъ со слѣдующей надписью: «Небо назначаетъ награду эту исполнившему долгъ сыну. Ни власти, ни сосѣди да не смѣютъ его трогать».

Параллельно съ чтеніемъ книгъ и заучиваніемъ безчисленныхъ іероглифовъ идетъ писанье кистью этихъ іероглифовъ на бумагѣ. Недостаточно умѣть ихъ написать: ихъ надо написать изящно и четко. Это—трудное рисовальное искусство, но на экзаменахъ оно строго требуется. Какъ велика трудность изученія іероглифовъ этихъ, читатель можетъ видѣть изъ того, что всѣхъ буквъ, старыхъ и современныхъ, въ китайскомъ языкѣ до 260 000, и изъ нихъ въ постоянномъ употребленіи не менѣе 10 000. 9 томовъ китайскихъ классиковъ содержатъ ихъ 4 610. Но въ диссертаціяхъ, какъ сказано, употребляютъ самыя рѣдкія и древнія и рвеніе ученыхъ въ этомъ направленіи доходитъ до того, что въ то время какъ они пишутъ книги, которыя не могутъ быть понимаемы простыми смертными, въ правописаніи общепринятомъ они допускаютъ грубыя ошибки. Не надо, впрочемъ, думать, чтобы изученіе этого громаднаго алфавита, гдѣ каждому слову отвѣчаетъ особая буква, представляло такія страшныя трудности, какъ то кажется на первый взглядъ. Въ этихъ іероглифахъ выразился самый способъ мышленія и взглядъ на вещи у китайца. Первоначально эти іероглифы были изображеніями тѣхъ предметовъ, которые они означали; въ этихъ изображеніяхъ, однако, въ видахъ сокращенія, выброшено такъ много существенныхъ частей, что надо объясненіе учителя, чтобы въ знакѣ ⋀ видѣть, напр., человѣка, или овцу въ рядѣ черточекъ, долженствующихъ изображать рога и ноги животнаго. Комбинаціями этихъ изображеній пред-

метовъ выражаются идеи. Такъ, 2 дерева изображаютъ лѣсъ, три—чащу. Солнце вмѣстѣ съ мѣсяцемъ—блескъ. Плѣнникъ—человѣкъ въ ящикѣ, женщина у окна—ревность, женщина и щетка—жена, 2 женщины вмѣстѣ означаютъ ссору, а три—злостную интригу.

Пройдя элементарныя книги, переходятъ къ философскимъ. Ученія ихъ, какъ извѣстно, высоко нравственны. Вы можете отъ доски до доски прочитать всѣ 5 главныхъ священныхъ книгъ Китая: 4 книги Конфуція и книгу Менція или любое произведеніе другого философа — и, въ противоположность священнымъ книгамъ другихъ народовъ, въ нихъ вы не найдете ни одного примѣра, ни одной фразы, которую вы не могли-бы прочитать въ самой чистой семьѣ. Кромѣ примѣровъ и наставленій самой высокой нравственности, вы не найдете въ нихъ ничего. Поученія даются или въ видѣ діалоговъ, или въ видѣ отдѣльныхъ изреченій. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ такихъ книгъ.

Менцій сказалъ: «Совершенный человѣкъ имѣетъ три источника наслажденій, и быть правителемъ имперіи не принадлежитъ къ числу ихъ. Источники эти суть: Если его отецъ и мать живы и положеніе братьевъ не является источникомъ безпокойства — это одно изъ наслажденій. Когда онъ, смотря наверхъ, не имѣетъ причинъ стыдится Неба, а глядя внизъ, краснѣть передъ людьми — это второе. Когда онъ можетъ выбрать изъ всей имперіи себѣ самыхъ талантливыхъ людей и учить и кормить ихъ—это третье удовольствіе».

Или вотъ изъ Конфуція: «Да избѣгаетъ человѣкъ въ своемъ обращеніи съ низшими того, что ему не нравится въ высшихъ, и чего онъ не любитъ въ низшихъ, того пусть не дѣлаетъ высшимъ. Когда принцъ любитъ то, что любитъ народъ его—его можно назвать отцомъ народа. Фанъ-Че спросилъ, что есть знаніе? Философъ отвѣтилъ: отдаться исполненію обязанностей по отношенію къ людямъ и, уважая духовъ, держаться отъ нихъ въ

сторонѣ—это знаніе. Я вамъ еще скажу, что есть знаніе. Когда вы знаете что-либо — сознавать, что вы это знаете, и если вы не знаете—допускать, что вы этого не знаете, это есть знаніе».

Или вотъ другое (Конфуцій): Ке-Лу спросилъ о служеніи духамъ смертныхъ. Учитель отвѣтилъ. «Если вы не можете служить людямъ, какъ можете служить ихъ духамъ?» Ке-Лу замѣтилъ: «Я осмѣлюсь спросить о смерти». Ему былъ отвѣтъ: «Если вы не знаете жизни, какъ можете вы знать о смерти!»

Тѣхъ, кто пожелалъ-бы познакомиться ближе съ прекраснымъ ученіемъ Конфуція,—отсылаю къ небольшому изложенію его, сдѣланному Дугласомъ, которое я считаю наилучшимъ изъ имѣющихся въ нашей литературѣ. Здѣсь-же я принужденъ ограничиться лишь краткой характеристикой этой философіи. Особенностью религіи Конфуція является то, что она не говоритъ ничего о духахъ, о невидимыхъ силахъ. Она обращена исключительно къ человѣку. Человѣкъ, по ученію Конфуція, есть хозяинъ своей судьбы; онъ самъ можетъ вліять на законы природы. Полная искренность въ словахъ и поступкахъ одна можетъ дать возможность развиться вполнѣ его природѣ, и, развивая самого себя, онъ можетъ вліять и на развитіе другихъ людей; сдѣлавъ это, онъ оказываетъ вліяніе на судьбы животныхъ и явленія природы и явится такимъ образомъ участникомъ въ дѣйствіи кормящихъ, измѣняющихъ силъ неба и земли и составитъ съ ними двумя тройственный союзъ (Chungyang, XXII). Онъ будетъ равнымъ съ небомъ и землею, и его вліяніе можетъ создавать міровой порядокъ, улучшеніе и благоденствіе всего земного (Schooking, XI). Природа у всѣхъ людей, по ученію Конфуція, приблизительно одинакова, и только жизнь дѣлаетъ ихъ различными. Природа эта сама по себѣ прекрасна, а потому уваженіе ко всему, что есть лучшаго: человѣчности, правдѣ, праву собственности и знанію—прирождено человѣку. Но какъ воды источни-

ковъ, текущія по землѣ, не могутъ сохраниться чистыми, такъ и природа человѣка не останется не запятнанною; какъ вода, такъ и качества и взгляды человѣка постоянно мѣняются, и изъ всего человѣчества только 2 разряда людей—мудрецы и идіоты—не знаютъ измѣненія. Наивысшаго своего развитія природа человѣка достигаетъ въ мудрецѣ. Онъ одинъ обладаетъ знаніемъ и совершенной чистотою. Онъ подобенъ Небу, онъ всецѣло слѣдуетъ побужденіямъ прекрасной природы своей, быстро все понимаетъ, правильно и ясно разсуждаетъ, все знаетъ; онъ великодушенъ, щедръ, мягокъ въ обращеніи, энергиченъ, твердъ. Его нельзя не замѣтить, и народъ чтитъ его, ему вѣрятъ и его слушаютъ. Мудрецъ знаетъ, не путешествуя, описываетъ вещи, не видѣвши ихъ. Его ученіе дѣйствуетъ примѣромъ, и т. д. Такихъ мудрецовъ немного, большинство ихъ относится еще къ легендарному времени. Всего ихъ около 14.

За мудрецами, по лѣстницѣ классификаціи Конфуція, стоятъ высшіе люди. Поступки этихъ людей не безошибочны, какъ у мудрецовъ, но, какъ у солнца и луны, у нихъ бываютъ временныя затменія, невидимыя для всѣхъ людей. Они не одарены, подобно мудрецамъ, особенными даяніями природы, но старательно совершенствуютъ прирожденную имъ добрую природу, они становятся въ единеніе съ небомъ и землею во всѣхъ дѣлахъ. Девяти вещей стремится достигнуть такой человѣкъ: смотря—видѣть ясно, слушая—слышать отчетливо, въ выраженіяхъ быть благосклоннымъ, въ своемъ обращеніи быть благопристойнымъ, въ разговорѣ быть искреннимъ, въ обязанностяхъ—уважаемымъ, въ случаяхъ сомнѣнія—пытливымъ, при предпріятіяхъ думать о ихъ трудностяхъ и, при случаѣ, получивъ выгоду, думать, справедлива-ли она. Это рыцарь безъ страха и упрека; глубоко ученый, онъ чуждъ сомнѣній. Онъ не заботится о пищѣ тлѣнной и объ обстановкѣ, такъ-какъ мысли его направлены на небесный путь. Онъ смѣется надъ нуждою, и его не собьютъ красивыя рѣчи.

Но совершенный человѣкъ постоянно стремится къ высшему самого себя, подымаясь, подобно путнику, со ступени на ступень, ведущую къ мѣсту его назначенія. Онъ воспитываетъ самого себя, чтобы дать отдыхъ народу, ибо благо послѣдняго—его главная задача. Онъ скроменъ въ своемъ поведеніи, исполненъ уваженія къ высшимъ, милостивъ и щедръ къ народу и справедливъ, управляя имъ. Онъ никогда не споритъ, или если дѣлаетъ это, то выдерживая характеръ; онъ ненавидитъ тѣхъ, которые кричатъ о недостаткахъ другихъ, тѣхъ, кто, будучи ниже по положенію, поноситъ высшихъ, кто обладаетъ неправильно нажитымъ, и тѣхъ, кто толкуетъ и опредѣляетъ, будучи самъ ограниченнаго пониманія. Ученіе есть путь, ведущій къ тому, чтобы стать высшей категоріи человѣкомъ. Безъ ученія нельзя достигнуть никакого результата и добродѣтели. Но ученіе безъ мысли, по словамъ Конфуція, есть потерянный трудъ, мысль-же безъ ученія (безъ знанія) опасна, такъ-какъ приводитъ къ заблужденію. «Я не ѣлъ цѣлый день и не спалъ цѣлую ночь, думая,—сказалъ разъ Конфуцій,—но изъ этого ничего не вышло—лучше учиться». Главная цѣль ученія—это истина, самосовершенствованіе и познаніе собственныхъ ошибокъ. Все это наилучшимъ образомъ достигается путемъ изученія жизни святыхъ людей древности. Изученіе исторіи, по Конфуцію, есть одинъ изъ важныхъ источниковъ знанія.

Но одного знанія недостаточно, надо воспитывать самого себя. Человѣкъ долженъ строго наблюдать за своими словами и поступками. Красивыя слова и прельщающая наружность рѣдко дружатъ съ добродѣтелью. Потому это позоръ для высшаго человѣка, когда слова его не соотвѣтствуютъ поступкамъ. Истинная добродѣтель, по Конфуцію, должна всегда сопровождаться благоволеніемъ и справедливостью. Благоволеніемъ-же Конфуцій зоветъ любовь ко всему человѣчеству. Это послѣднее присуще человѣку, и ему остается только воспитывать,

не дать заглохнуть этому чувству. Онъ тогда достигнетъ взаимности, законности, почтенія и вѣры. Подъ законностью Конфуцій разумѣетъ всецѣлое посвященіе себя исполненію своихъ обязанностей. Еще болѣе необходима вѣрность.

«Невозможно, говоритъ далѣе Конфуцій, учить другихъ тому, кто не умѣетъ научить своего семейства, внушить къ себѣ уваженіе сыновей своихъ». Это сыновнее почтеніе, по его мнѣнію, должно состоять изъ послушанія отцу при жизни, погребенія его и почтенія памяти его послѣ смерти. При жизни родителей сынъ не долженъ покидать ихъ или, по крайней мѣрѣ, долженъ давать знать, гдѣ онъ. Оставаясь дома, онъ долженъ вставать съ пѣтухами и, одѣвшись, быть готовымъ къ услугамъ отца. Онъ не долженъ смѣть входить въ комнату отца безъ зова и говорить, пока его не спросятъ.

Мы уже нѣсколько разъ описывали, до какихъ крайнихъ предѣловъ доходитъ это сыновнее почтеніе. Точно такъ-же какъ дѣти служатъ отцу, такъ чиновники должны служить своему князю, такъ друзья должны быть вѣрны друзьямъ, солдаты храбры на войнѣ. Этотъ принципъ проводится еще далѣе. Каждое дерево, говоритъ Ли-ки, имѣетъ назначенное время для погибели и каждое животное—время для смерти, и тотъ, кто срубаетъ дерево или убиваетъ животное ранѣе времени, поступаетъ неправильно. Сыновнимъ почтеніемъ, говоритъ Конфуцій, начинается добродѣтель—и братская любовь есть слѣдствіе ея. Ни одинъ шагъ въ жизни не долженъ быть начатъ младшимъ братомъ, не посовѣтовавшись съ отцомъ или старшимъ братомъ, а обязанность старшихъ—подавать хорошій примѣръ младшимъ. Но въ самомъ корнѣ семейнаго строя должна быть гармонія отношеній мужа и жены. Это самая трудная задача, ибо нѣтъ ничего сложнѣе, какъ управлять женами и прислугой. Если вы съ ними фамильярны, они дѣлаются наглы, если вы держите ихъ на разстояніи, они вами недовольны. Отъ им-

ператора и до послѣдняго нищаго всѣ должны имѣть друзей. Дружба есть первое изъ общественныхъ отношеній, и ее не нужно оставлять ни на одинъ день. Никто не долженъ избирать себѣ друзей хуже себя, и лучшіе изъ друзей тѣ, которыхъ мы наслѣдуемъ отъ отцовъ. Человѣкъ, сумѣвшій выработать свой характеръ и умѣющій управлять своею семьею, можетъ управлять и другими. Благо народа есть главная задача управленія. Нѣтъ большей добродѣтели, сказалъ еще императоръ Ку (2435 л. до Р. Х.), какъ любить человѣчество, и нѣтъ для правительства высшей задачи, какъ приносить пользу людямъ. Когда Конфуція спросили, что надо дѣлать для народа, онъ сказалъ--дѣлать его богатымъ и учить его. Это ученіе должно имѣть въ основѣ примѣръ самого правителя и надлежащій выборъ помощниковъ. Справедливость и соблюденіе обрядовъ—есть сила правительства. Наконецъ, не надо забывать, что за 5 вѣковъ до Р. Х. Конфуціемъ высказано изреченіе: «не дѣлай своему ближнему того, чего не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ».

Изреченія другихъ философовъ болѣе туманны. Они требуютъ толкованій, познаній исторіи, которыя изучаются по книгамъ или даются преподавателемъ. Эти толкованія, знаніе исторіи, изящный литературный стиль, знаніе возможно большаго числа іероглифовъ и умѣніе писать ихъ четко и изящно и составляютъ трудность экзаменовъ. Кромѣ того, на экзаменахъ требуется умѣніе написать хорошіе стихи, такъ-какъ поэзія, какъ и въ древности, и теперь процвѣтаетъ въ Китаѣ. Такимъ образомъ, знанія, требуемыя на экзаменахъ, почти исключительно литературно-богословскія. Необходимость конкуррировать на ничтожное количество вакансій дѣлаетъ экзамены эти тяжелою пыткою. Тратится масса времени на изученіе безчисленныхъ іероглифовъ, еще болѣе безполезныхъ для жизни, чѣмъ греческія и латинскія исключенія нашихъ классиковъ. Вызубривается масса текстовъ различныхъ философовъ, усваивается ихъ старый стиль,

тысячи примѣровъ изъ исторіи заучиваются, чтобы показать глубокую эрудицію. Въ концѣ-концовъ въ сочиненіяхъ употребляются такіе рѣдкіе іероглифы, которые могутъ понимать только ученѣйшіе изъ ученыхъ экзаменаторовъ комиссій, и диссертаціи китайскихъ докторовъ и магистровъ совершенно неудобочитаемы для простыхъ смертныхъ. Я знавалъ многихъ образованныхъ и начитанныхъ китайскихъ купцовъ, которые не могли прочесть ни строчки въ диссертаціи, одобренной для напечатанія и презентованной мнѣ однимъ знакомымъ ученымъ человѣкомъ въ Ханькоу. Эта конкурренція вызываетъ въ Китаѣ весьма печальныя явленія. Главная задача правительства—имѣть лучшихъ, просвѣщенныхъ нравственными правилами людей своими помощниками—сводится на отборъ людей, побѣдившихъ искусственныя преграды для достиженія казеннаго пирога. Мы уже говорили, что взглядъ китайскаго правительства на мандариновъ таковъ, что оно предоставляетъ имъ предаваться порокамъ и пополнять свои карманы какими угодно средствами, вымогательствомъ и продажею правосудія, лишь-бы только все было спокойно и на нихъ не было жалобъ. Обыкновенно жалованье, получаемое мандариномъ, весьма не велико, и потому сторонними доходами онъ старается пополнить свою кассу. Послѣ долгаго періода зубренія и голодовокъ, получивъ наконецъ назначеніе, ученый китаецъ старается съ лихвою возвратить потерянное. Онъ предается разврату и лихоимству и быстро увеличиваетъ свои доходы. Они иногда въ тридцать разъ превосходятъ размѣръ жалованья, но и эта сумма не велика и едва достаточна для поддержанія прихвостней мандарина. Такъ, напр., вице-король получаетъ въ годъ всего 60 000 р., куда входятъ, однакожъ, и суммы на содержаніе прикащиковъ, секретарей и другихъ мелкихъ чиновниковъ, наполняющихъ ямунъ. Потому обыкновенно народъ уравновѣшиваетъ разницу между жалованьемъ и тѣмъ, что необходимо для

жизни чиновника—и народъ настолько привыкъ къ этому, что не ропщетъ, пока чиновникъ «беретъ по чину». Результатомъ этого, конечно, масса злоупотребленій, остающихся безъ наказанія преступленій и арестъ невинныхъ людей. Ямуны часто бываютъ настоящими клоаками притѣсненій и грабежа. Обыкновенно на одномъ мѣстѣ чиновникъ не остается болѣе 3-хъ лѣтъ, и эта краткость пребыванія тѣмъ болѣе побуждаетъ его выжимать сколь можно болѣе выгодъ изъ своего мѣста.

Главныя должностныя лица въ губерніи, послѣ начальника ея,—казначей, судья, канцлеръ и комиссіонеръ. Затѣмъ идутъ уѣздные начальники, префекты и уѣздные судьи. Чиновники китайскіе дѣлятся на 9 классовъ, различающихся цвѣтомъ пуговицъ на шапкахъ. Государственныя должности доступны всѣмъ сословіямъ и состояніямъ и получаются путемъ экзаменовъ. Поэтому даже въ нынѣшнее царствованіе нерѣдки примѣры, что дѣти самыхъ бѣдныхъ и простыхъ людей занимаютъ высшія государственныя должности. Дворянство, какъ мы его понимаемъ, въ Китаѣ существуетъ только личное. Тутъ есть князья, графы и т. п., но дѣти ихъ становятся уже титуломъ ниже—и черезъ нѣсколько поколѣній даже принцы крови дѣлаются простыми крестьянами или чернорабочими, если ихъ личныя достоинства не позволяютъ имъ удерживать свое положеніе. Здѣсь есть только два потомственныхъ дворянскихъ рода: потомки Конфуція и одного изъ полководцевъ, подавившаго возстаніе Формозы—Koxinga. Самъ Императоръ, несмотря на его самодержавіе, есть лишь отецъ народа и его посредникъ передъ небомъ и землею. Онъ обязанъ публично каяться передъ народомъ за всѣ бѣдствія, его постигающія,—и онъ преемникомъ своимъ назначаетъ не старшаго, но достойнѣйшаго изъ сыновей своихъ — нерѣдко даже одного изъ побочныхъ.

Въ обыкновенное время обращеніе съ чиновниками фамильярно, и въ этомъ отношеніи вообще въ Китаѣ

царствуетъ патріархальная простота нравовъ. Прислуга садится въ присутствіи хозяевъ, нерѣдко принимая участіе въ разговорахъ. Обѣдаютъ часто всѣ вмѣстѣ. Уровень развитія и демократизмъ происхожденія играютъ здѣсь такую-же роль, какъ и то обстоятельство, что бѣдный и забитый китаецъ надѣется въ будущей жизни возродиться богатымъ и знатнымъ, а такъ-какъ міръ земной и міръ загробный въ Китаѣ нераздѣльны, то отсюда и эта патріархальность. Только женщина стоитъ здѣсь *ниже*, но и то не въ крестьянской семьѣ, гдѣ она, какъ помощница, живетъ одною жизнью съ мужемъ.

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ.

Религіозныя воззрѣнія китайскаго крестьянства.

Въ деревнѣ Янъ-Лоу-Дунъ и въ окрестныхъ, посѣщавшихся мною позже городахъ и селеніяхъ Хубейской провинціи я не видѣлъ ни одного купола, ни одного возвышающагося надъ строеніями зданія, которое напоминало-бы намъ о необходимой принадлежности каждаго крупнаго селенія другихъ народовъ—церкви. Изъ этого, однако, было-бы крайне неправильно заключить, чтобы религіозность отсутствовала въ массахъ китайскаго населенія и чтобы, кромѣ душъ предковъ, у нихъ не было другихъ предметовъ поклоненія. Правда, китаецъ обращается иногда со своими богами за панибрата: у него существуетъ даже поговорка: «держи себя такъ, какъ-будто боги постоянно около тебя, но знай, что имъ безразлично, будешь ты обращать на нихъ свое вниманіе или нѣтъ». И этой поговоркѣ китайцу часто приходится слѣдовать, такъ-какъ угодить милліонамъ боговъ своихъ онъ не имѣетъ возможности. Эти боги чтятся, пока они нужны, а затѣмъ алтари ихъ также скоро и позабываются. Покинувъ только-что Индію, эту классическую страну религій, гдѣ храмы и ихъ культы представляютъ чуть-ли не главный интересъ для новоприбывшаго, я, подъ этимъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, еще поднимаясь по Янтсекіангу, во время пароходныхъ остано-

вокъ, стремился осматривать и въ китайскихъ городахъ капища и храмы. И каково-же было мое разочарованіе, когда, высадившись въ Кіо-Кіангѣ, окрестности котораго особенно изобиловали различнаго рода капищами, я былъ пораженъ тою мерзостью запустѣнія, которая представилась моимъ глазамъ.

Заброшенныя, не имѣя даже привратника, стояли большія, очевидно уже давно не ремонтировавшіяся постройки съ сонмами идоловъ внутри. Алтари передъ ними покрыты были пылью, и цѣлая свора лохматыхъ собакъ съ жалобнымъ воемъ разбѣжалась при моемъ появленіи, очевидно не привыкнувъ видѣть въ запустѣломъ храмѣ двуногихъ посѣтителей. Можно было думать, глядя на эти храмы, что въ Китаѣ религія въ полномъ забросѣ и народъ преданъ однимъ матеріальнымъ интересамъ. На дѣлѣ это, однако, не такъ. Одинъ англійскій писатель справедливо сравниваетъ религіозное настроеніе китайскаго народа съ вулканическою дѣятельностью на Тихомъ океанѣ, которая, создавъ въ одномъ мѣстѣ пылающій кратеръ, черезъ нѣкоторое время утихаетъ, чтобы затѣмъ вспыхнуть съ неменьшей силою въ другомъ. Такъ и здѣсь. Въ то время какъ въ Кіо-Кіангѣ мерзость запустѣнія бросалась въ глаза въ храмахъ, въ Ханьянѣ, наоборотъ, храмы блестѣли позолотою, въ каждомъ изъ нихъ, одѣтые въ бѣлыя, напоминающія японскіе керимоны, одѣянія, съ бритыми головами бонзы, или съ завязанною въ видѣ шиньона косою жрецы религіи Тао наполняли заднія помѣщенія, капища были наполнены дымомъ курительныхъ свѣчей, а въ переднемъ дворѣ храма виднѣлась толпа народа, приходившаго вопрошать оракула или принести жертву, состоящую изъ сожигаемыхъ пучковъ бумажныхъ, посеребренныхъ изображеній серебряныхъ слитковъ или горсти уже извѣстныхъ читателю китайскихъ мѣдныхъ монетъ. По облику своему всѣ эти китайскіе храмы, какъ Тао, такъ и буддійскіе, довольно похожи другъ на друга, и чтобы при дальнѣйшемъ изло-

женіи не повторять одного и того-же, я дамъ имъ здѣсь ту общую характеристику, которую можно сдѣлать на основаніи всего видѣннаго мною въ Хубейской провинціи.

Обыкновенный храмъ мало отличается отъ дома. Онъ только выше, массивнѣе, крыша иногда золотая и стѣны иногда снабжены рельефными украшеніями. Какъ и въ китайскомъ домѣ, двѣ пары воротъ ведутъ къ двумъ дворамъ, посрединѣ коихъ выстроены павильоны, содержащіе идоловъ.

Входя въ широкія ворота буддійскаго храма, вы видите обыкновенно передъ собою громадную фигуру въ сидячемъ положеніи; лицо ея выражаетъ презрительную улыбку. Этотъ идолъ зовется обыкновенно Ми-ле-фу, и его обязанность—охранять входъ въ храмъ. За нимъ, смотря въ противоположныя двери двора (эти идолы стоятъ среди двора подъ особою постройкою), стоитъ другая фигура, съ мечомъ, Вей-топуса—также хранитель храма отъ воровъ и злыхъ духовъ. Если этихъ фигуръ нѣтъ, то обязательно въ проходѣ стоятъ четыре громадныхъ, страшныхъ и безобразныхъ идола, стражи четырехъ странъ свѣта. Ихъ зовутъ Сеи-кинъ-кангъ или четыре золотыхъ князя. Одинъ изображается съ большимъ зонтикомъ и зовется То-венъ-тьянъ-хуангъ, или всеслышащій король неба. Другой, съ большою гитарою, зовется Теангъ-чангъ-тьенъ-хуангъ, или продляющій король неба. Третій, съ мечомъ, зовется Ти-кво-тьенъ-хуангъ, и четвертый, топчущій змѣю, имѣя въ рукахъ дракона, зовется Кванъ-му-тьянъ-квангъ, или яснокій король неба. Пройдя дворъ, вы попадаете ко второму павильону, большей величины, чѣмъ первый. Онъ зовется великимъ и славнымъ драгоцѣннымъ храмомъ. Тутъ стоятъ три изображенія будды—настоящій, прошедшій и будущій, такъ называемая драгоцѣнная троица. Сзади обыкновенно стоитъ изображеніе дѣвствующей богини милосердія, увѣшанной всевозможными приношеніями, изображающими обувь, одежду или исцѣленные по молитвѣ

ея члены; сзади ея стоитъ часто многорукая Кванъ-инъ, изображающая разнообразіе дѣйствій этой богини. Beal, поражаясь сходствомъ культа и молитвъ этой богинѣ милосердія съ тѣми, которыя возносятся католиками Мадоннѣ, и исходя изъ того, что культъ Кванъ-инъ не имѣетъ ничего общаго съ буддизмомъ, думаетъ, что культъ этотъ заимствованъ изъ христіанства и только искаженъ до неузнаваемости.

Буддійскіе бонзы обыкновенно живутъ въ задней части храма, за главнымъ капищемъ, и тамъ стоятъ снабженные пологами ихъ постели. Китайскія секты буддизма точно такъ-же далеко ушли отъ догматовъ своего основателя, какъ и японскія, и ученіе о раѣ и адѣ загробной жизни здѣсь играетъ выдающуюся роль. Буддисты имѣютъ въ Китаѣ множество мужскихъ и женскихъ монастырей, расположенныхъ въ живописныхъ мѣстностяхъ. Монастыри эти имѣютъ сложные уставы и настоятелей, но ихъ населеніе не отличается чистотою нравовъ, и говоря вообще, буддійскій священникъ въ глазахъ народной массы далеко не представляетъ идеала нравственной жизни.

Внѣшній обликъ храмовъ религіи Тао сходенъ съ описаннымъ—не присмотрѣвшійся ихъ отличитъ только по костюму и прическѣ волосъ у жрецовъ. Но идолы, внутри стоящіе, здѣсь другіе. Главный идолъ таоистовъ—Лу-тсу—соотвѣтствуетъ богинѣ милосердія буддистовъ. Она, какъ и Кванъ-инъ, по молитвѣ ей исцѣляетъ всѣ болѣзни и недуги, утишая скорби жизни. Затѣмъ идетъ Lue-kony, Lue-po—богъ грома и его жена, съ молоткомъ и наковальней, которыми онъ, по мнѣнію народа, производитъ громъ. Богъ этотъ почитается народомъ не менѣе чѣмъ Кванъ-инъ. Луэ-по снабжена зеркаломъ, которымъ она производитъ молнію. Изъ другихъ боговъ поклонниковъ Тао, надо назвать нѣкоторыя созвѣздія, духовъ моря и приливовъ, бога народнаго образованія Wan-ch'ang te ceun, изображеніе котораго стоитъ во вся-

комъ экзаменаціонномъ залѣ и которому служатъ молебенъ новые кандидаты. По преданію, этотъ богъ есть духъ одного изъ чиновниковъ, жившихъ въ царствованіе Тоу, воплощавшійся потомъ въ видѣ разныхъ ученыхъ и литераторовъ. Не менѣе часто встрѣчаете вы въ этихъ храмахъ идола Тоу-му—женщины, продолжающей жизнь, Санъ-Тсингъ, бога войны, бога богатства, Ю-Хуангъ-Ти-Ти или начальника боговъ и др. И здѣсь, въ храмахъ Тао, обыкновенно вы имѣете два одинъ за другимъ слѣдующіе павильона съ раззолоченными крышами, подъ которыми и стоятъ капища съ идолами. Идолы тутъ деревянные и размалеваны яркими маслянными красками наподобіе дѣтскихъ лубочныхъ игрушекъ. Они обыкновенно въ человѣческій ростъ, хотя для домашнихъ божницъ дѣлаютъ ихъ гораздо меньше. Передъ ними всегда стоитъ столъ съ богатою урною, въ которую воткнуты курительныя свѣчи *; подлѣ стола свѣчи восковыя и вода съ букетами искусственныхъ цвѣтовъ, большею частью золоченыхъ лотосовъ. Чашки съ рисомъ и другія приношенія, колчанъ со стрѣлами, оракулъ, о которомъ рѣчь будетъ впереди, и разрѣзанные на два куска бамбуки—также необходимыя принадлежности храма. Въ храмѣ вы не увидите толпы молящихся. Рѣдко одинъ или два человѣка, придя спросить оракула, простираются ницъ передъ идоломъ. Иностранцевъ пускаютъ, позволяя трогать всѣ принадлежности храма безъ всякихъ стѣсненій. Многіе храмы, поддерживаемые молящимися, богаты и благоустроены. Но большинство въ упадкѣ, и въ грязныхъ алтаряхъ бродятъ свиньи и собаки.

Само собою разумѣется, что въ различныхъ капищахъ вы встрѣтите мѣстныя особенности, иногда связан-

* Свѣчи эти дѣлаются изъ прессованнаго порошка душистой коры нѣкоторыхъ деревъ, чаще всего illicium religiosum. Эти курительныя свѣчи ставятся передъ идолами. Кромѣ того, богамъ часто приносятъ въ жертву бумажныя изображенія денегъ, сжигаемыя въ храмахъ.

ныя съ преданіемъ о томъ или другомъ богѣ, иногда-же пріуроченныя къ тому или другому храму. Такъ въ Ханьянѣ я видѣлъ при одномъ изъ храмовъ цѣлую коллекцію уродливыхъ птицъ, пятипалыхъ свиней, овецъ, утокъ и куръ, содержавшихся здѣсь насчетъ подаяній и размножавшихся: въ нихъ прихожане видѣли воплощеніе душъ людей, наказанныхъ за грѣхи. Во многихъ буддійскихъ храмахъ виситъ большое деревянное изображеніе рыбы— этой эмблемы бдѣнія. Рыба никогда не закрываетъ глазъ своихъ, такъ не долженъ ихъ закрывать и предающійся бдѣнію буддійскій монахъ. Оракулъ необходимо связанъ съ храмомъ. Его вопрощаютъ вѣрующіе. Сперва кидаютъ разрѣзанный ростокъ бамбука и смотрятъ, упадетъ-ли онъ на выпуклыя или на плоскія стороны. Затѣмъ изъ особаго колчана вынимается стрѣла съ № предсказанія, которое изъ особаго ящика вынимаетъ жрецъ. Предсказаніе это темно, какъ изреченія дельфійской пифіи, но большинство китайцевъ не предприметъ ни одного дѣйствія, не посовѣтовавшись съ подобнымъ оракуломъ.

Немалый доходъ буддійскому духовенству доставляетъ также продажа различнаго рода принадлежностей для покойниковъ, лѣкарствъ и особенно кредитокъ для загробнаго путешествія, которыя массами покупаютъ легковѣрныя китайскія женщины.

Ученіе Будды въ томъ видѣ, какъ оно было проповѣдано въ Индіи, или даже въ той формѣ, какая ему была придана при царяхъ Асокѣ и Каниткѣ, можно сказать, почти неизвѣстно въ Китаѣ. Подобно тому какъ въ Тибетѣ, включивъ въ свою церковь весь пантеонъ туземныхъ боговъ, китайскій буддизмъ распался на рядъ сектъ совершенно своеобразнаго характера. Добрыя дѣла и праведная жизнь отошли на второй планъ, уступивъ свое мѣсто обрядности. Вѣрѣ стало придаваться больше значенія, чѣмъ дѣламъ, въ особенности вѣрѣ въ такъ-называемаго Amitaba Budda, Будду, царствующаго въ загробномъ мірѣ. Подобно тому какъ средневѣковые географы

переносили христіанскій рай на дальній Востокъ, буддійскіе бонзы помѣщаютъ его на дальній Западъ. Душа должна совершить путешествіе туда, гдѣ за перевозъ черезъ рѣки и горы приходится платить высокія пошлины или отрабатывать тяжкимъ трудомъ. Вотъ тутъ-то и нужны бываютъ даваемыя бонзами кредитки. Только въ царствѣ Amitaba душа можетъ надѣяться очиститься настолько, чтобы достигнуть Нирваны.

Точно также и буддійскій адъ у китайцевъ картинностью описанія и ужасами ожидающихъ грѣшника мученій не уступаетъ средневѣковому представленію. Онъ помѣщенъ на днѣ океана и имѣетъ множество отдѣленій, въ которыхъ расположены души грѣшниковъ. Я уже неоднократно описывалъ это буддійское представленіе объ адѣ на страницахъ этого журнала, чтобы возвращаться къ нему вновь; скажу лишь одно—въ китайской литературѣ и картинахъ оно играетъ немаловажную роль. Кромѣ того, души въ такомъ аду пребываютъ лишь временно; по истеченіи извѣстнаго срока, онѣ вновь воплощаются на землѣ—и если въ этомъ слѣдующемъ воплощеніи человѣкъ ведетъ правильную жизнь, онъ можетъ воплотиться въ царствѣ Amitabu Budda.

Въ то время какъ сущность ученія Будды, благодаря многимъ популярнымъ сочиненіямъ, теперь хорошо извѣстна нашей читающей публикѣ, источникъ другой, не менѣе популярной вѣры китайцевъ, таоизма, сравнительно мало знакомъ. Проповѣданный почти одновременно съ конфуціонизмомъ, въ V вѣкѣ до Рождества Христова, философомъ Лао-Цзе, таоизмъ остался совершенно непонятымъ народною массою. Туманное изложеніе книги Тао или Тао-Те-Кингъ давало возможность толковать ее самымъ произвольнымъ образомъ. Легенда о личности самого Лао-Цзе, якобы обладавшаго безсмертіемъ, такъ-какъ о днѣ кончины его у китайцевъ не сохранилось ничего, кромѣ преданія, что онъ ушолъ въ далекія западныя страны,—все это было причиною вырожденія тао-

изма въ мистическое ученіе, въ которомъ вѣра въ спиритизмъ, вызываніе духовъ, предсказаніе будущаго играетъ самую видную роль.

Теперь таоизмъ заимствовалъ почти весь внѣшній ритуалъ, культы, легенды и вѣроученія отъ буддизма. Обѣ религіи почти слились въ одно цѣлое. Каждая въ своемъ пантеонѣ создала боговъ викарныхъ, исполняющихъ функціи боговъ сосѣдней религіи,—и простолюдинъ развѣ только по костюмамъ бонзъ отличитъ одну религію отъ другой: бонзы религіи Тао носятъ волосы и пестрые халаты, буддисты брѣютъ головы и носятъ бѣлые халаты. А между тѣмъ забытое ученіе Лао-Цзе было-бы достойно лучшей участи. Позволю себѣ напомнить его въ обшихъ чертахъ.

Суть его философіи заключается въ выясненіи соотношеній между вселенною и тѣмъ, что онъ называетъ Тао, невидимою и непостижимою сущностью всего, неимѣющею имени, міровымъ разумомъ, подстрочно—«Словомъ»; Тао неощутимо. Вы на него смотрите и не видите его, вы его слушаете, но не слышите, вы пытаетесь коснуться его, но не можете захватить. Вы имъ пользуетесь и не исчерпываете его. Его нельзя выразить словами, оно неизмѣнно, оно бездѣйствуетъ, а между тѣмъ вездѣ видны результаты его работы. Не имѣя формы, оно—причина всѣхъ формъ. Оно входитъ въ природу хорошаго человѣка и принципы его дѣйствій. Оно есть сущность всего одушевленнаго и неодушевленнаго, причина порядка вещей, эстетическая сторона человѣческой природы—и въ іероглифахъ, выражающихъ его: I Hi Wei нѣкоторые видятъ намекъ на древне-еврейское правописаніе слова Іегова. Самоотреченіе лежитъ въ основѣ философіи Лао-Цзе. Его любимое сравненіе человѣка—съ текучею водою. Какъ воды текутъ къ мѣсту назначенія, оплодотворяя, очищая и освѣжая, такъ и мудрый правитель, если хочетъ стоять выше своихъ подчиненныхъ, долженъ какъ вода ставить себя ниже всѣхъ и всѣмъ

благодѣтельствовать. И если онъ хочетъ быть впереди народа, онъ долженъ ставить свою личность позади его. Тогда, вліяя на него, онъ не дастъ почувствовать своей тяжести, и отъ того, что онъ выше всѣхъ, никому не будетъ неудобства. Поэтому тотъ, кто беретъ на себя упрекъ за страну свою, назовется господиномъ ея, тотъ-же, кто несетъ на себѣ ея бѣдствія—княземъ міра. Обращаясь къ чиновникамъ-конфуціанцамъ, онъ говоритъ имъ: «Оставьте вашу мудрость—и народъ вашъ будетъ въ тысячу разъ счастливѣе; бросьте вашу филантропію и судъ, и народъ вернется къ сыновнему почтенію и отеческому состраданію. Явитесь въ вашей неукрашенной простотѣ, сохраните чистоту вашу, согните ваше самолюбіе и принизьте ваши честолюбивыя желанія». Послѣдователи Тао должны заботиться не о томъ, чтобы дѣлать народъ воинственнымъ, но дѣлать его простымъ, не поощрять въ немъ обманъ и ханжество, но учить его смиренію, честности и истинной добродѣтели. «Я ставлю выше всего слѣдующія три драгоцѣнныя качества, говорилъ Лао-Цзе: состраданіе, бережливость и смиреніе. Будучи сострадательнымъ, я могу быть храбрымъ, будучи бережливымъ, я могу быть щедръ, и будучи смиреннымъ, я могу стать главою людей». Лао-Цзе порицалъ обрядность Конфуція и очищеніе одной внѣшности сосуда и говорилъ: «возносящій себя будетъ униженъ, а унижающій себя возвысится». Онъ сходился съ Конфуціемъ въ томъ, что природа человѣка сама по себѣ хороша и что тотъ кто будетъ поступать сообразно съ нею, будетъ имѣть въ себѣ Тао и всегда къ нему будетъ прибѣгать. Только когда естественное Тао будетъ потеряно, вступаетъ въ права добродѣтель; когда потеряна будетъ добродѣтель, ея мѣсто занимаетъ благоволеніе; будетъ потеряно оно—является справедливость, и уже когда потеряютъ и послѣднюю, то возникаетъ вопросъ о собственности. Ибо право собственности есть уже одинъ скелетъ вѣрности и довѣрія и предвѣстникъ недоразумѣній. Все

и вся для народа—вотъ долженъ быть принципъ таоистическаго правительства, и мудрый правитель долженъ понимать, что нація есть нѣчто живое, а не сдѣланное, не продуктъ мануфактуры. Удерживать народъ отъ зла, узнать и держать въ повиновеніи вкусившихъ отъ древа познанія добра и зла,—вотъ задача таоистовъ. Запретительныя мѣры и постоянныя вмѣшательства со стороны правительства въ область политическихъ и общественныхъ вопросовъ ведутъ гораздо чаще къ злу, чѣмъ предотвращаютъ его. Если правитель любитъ спокойствіе, избѣгаетъ писанія законовъ и свободенъ отъ похоти, все само собою подчинится ему: земля и небо пошлютъ ему освѣжающую росу, и народъ будетъ жить въ согласіи. Мѣшать-же свободѣ его — это значитъ отрицать присутствіе въ немъ Тао и дѣлать его рабомъ законовъ, а не свободно, согласно принципамъ поступающими людьми. Такъ было въ древнія славныя времена Яо и Шуна, когда управленіе князей было такъ легко, что народъ только зналъ по имени о существованіи правителей. Лао-Цзе даетъ, какъ и Конфуцій, характеристику высшаго человѣка. Миръ долженъ быть его главною цѣлью, а жизнь его товарищей—главнымъ предметомъ его заботы. Оружіе онъ можетъ брать только въ случаѣ самой послѣдней крайности. Истинно великій генералъ не долженъ любить войны, онъ не долженъ быть мстительнымъ и страстнымъ. Онъ назначаетъ сраженія, но предпочитаетъ не имѣть ихъ. Онъ лучше выждетъ нападенія, чѣмъ самъ начнетъ его. Если-бы всѣ поступали такъ, не было-бы этого стремленія къ чинамъ, не было-бы этой любви къ дракѣ и этихъ опустошеній, создаваемыхъ войною. Лао-Цзе идетъ и далѣе, онъ порицаетъ всякое насиліе и смертную казнь и даже вообще наказанія. Въ хорошо управляемомъ государствѣ, говоритъ онъ, нѣтъ надобности въ наказаніяхъ. Если воспитывать народъ въ любви къ простотѣ и чистотѣ—преступленія исчезнутъ. Стремленіе къ богатству, уче-

ности (схоластической, какая существуетъ въ Китаѣ и даетъ громадныя права) и положенію вноситъ несогласіе въ человѣческіе умы, будитъ людскія страсти и заставляетъ людей относиться легкомысленно къ смерти. Жизнь никогда не можетъ цѣниться народомъ, преданнымъ удовольствіямъ и удовлетворенію своихъ страстей. Она получаетъ истинную цѣнность только у тѣхъ, кто видитъ въ ней серьезную задачу и кто имѣетъ твердую вѣру въ будущее существованіе. Люди, живущіе только для наслажденій и удовлетворенія своихъ эгоистическихъ капризовъ, не могутъ быть остановлены отъ преступленія никакими наказаніями. А потому, если народъ не боится смерти, какой смыслъ тогда угрожать ему смертью? Если кто достоинъ смерти, то это безъ сомнѣнія самъ палачъ, который приговариваетъ къ смерти.

Лао-Цзе училъ не судить своего ближняго. Довольствуйтесь познаніемъ самого себя, говорилъ онъ: истинно хорошій человѣкъ любитъ всѣхъ, не отрицая никого. Онъ ищетъ сообщества хорошихъ людей—дурные-же для него благодарный объектъ, чтобы заставить ихъ обратно вернуться къ Тао. Воздавайте-же добромъ за зло, училъ подобно Христу Лао-Цзе. Люди уважаютъ сильныхъ и презираютъ слабыхъ, но изъ слабости часто возникаетъ сила, и нѣжныя вещи дѣйствуютъ не хуже твердыхъ. Изъ всѣхъ мягкихъ вещей въ свѣтѣ самая мягкая—вода, но она сильнѣе чѣмъ что-либо при разрушеніи твердыхъ камней. Все трудное возникаетъ изъ легкаго и все великое—изъ малаго. Мудрецъ никогда не начинаетъ съ труднаго и исполняетъ самое трудное. Кто легко соглашается, рѣдко держитъ свое слово; и кто беретъ много легкихъ вещей заразъ, встрѣтитъ много трудностей. Мудрецъ относится ко всему серьезно и потому не встрѣчаетъ нигдѣ трудностей. Онъ старается искоренить зло въ зародышѣ, не давая ему разростаться. Ученость и ученье не пользуются любовью у Лао-Цзе. Онъ другъ простоты, и невиность, по его уче-

нію,—лучшее украшенія націи. Люди должны слѣдовать влеченію сердца, и лучше всего поэтому управлять царствомъ безъ науки. Таково ученье Тао-Те-Кингъ. Оно не было понятно современникамъ. Поэтому Тао-Те-Кингъ теперь вы не увидите въ рукахъ таоистовъ.

Главная масса ихъ духовенства давно уже истолковала религію Тао въ совершенно другомъ смыслѣ. Таоисты открыли у Лао-Цзе намеки на возможность найти безсмертіе—и, какъ алхимики среднихъ вѣковъ, они направили всю свою дѣятельность на отысканіе философскаго камня, обращающаго металлы въ золото, и жизненнаго эликсира. Часто они овладѣвали умами императоровъ и заставляли ихъ снаряжать экспедиціи для отысканія острововъ, гдѣ живутъ посредники между небомъ и землею, такимъ эликсиромъ обладающіе. Но теперь таоисты не преслѣдуютъ даже и этой цѣли. Это просто шарлатаны. Жрецы храмовъ Тао заняты исключительно составленіемъ гороскоповъ новорожденнымъ, вымышленіями дней счастливыхъ и несчастныхъ для браковъ или начинанія какого-нибудь важнаго дѣла. Они вынимаютъ бумажку съ предсказаніемъ, написаннымъ витіеватымъ языкомъ и двусмысленностью рѣчи неуступающимъ предсказаніямъ дельфійской пиѳіи. Они считаются знатоками геомантіи или такъ-называемаго фенгъшуя—науки о томъ, какъ располагать постройки соображаясь съ рельефомъ мѣстности и свойствами почвы такимъ образомъ, чтобы онѣ не были доступны вліяніямъ злыхъ духовъ, или какія заклинанія и мѣры слѣдуетъ принять для огражденія отъ послѣднихъ, въ томъ случаѣ, если необходимость заставляетъ строиться на ненадлежащемъ мѣстѣ. Особенное значеніе китайцы придаютъ мѣсту. Китайскіе геомантики, подобно нашимъ топографамъ, снабжены бываютъ компасами для точнѣйшаго опредѣленія мѣста. Если почва суха и темна—условіе считается хорошимъ. Если она камениста или сыра—она бракуется. Особенно хорошими считаются мѣста, смотря-

щія на рѣку или окруженныя ею, или съ которыхъ открываются обширные виды. На такихъ мѣстахъ ставятся пагоды, и одинъ изъ самыхъ восхитительныхъ пейзажей въ мірѣ я видѣлъ изъ круглаго окна такой пагоды въ окрестностяхъ Пуки-сени. Отгадываніе сновъ входитъ также въ область знанія таоистовъ.

Заклинаніями таоисты лѣчатъ больныхъ или помогаютъ несчастнымъ. Таоисты-жрецы приглашаются для освященія колодцевъ и домовъ, закладки зданій. Въ мѣсяцы засухи, партіи жрецовъ, сопровождаемыхъ народомъ, отправляются на поле и здѣсь совершаютъ молебны о ниспосланіи дождей. Надъ домами, которые починяются, нерѣдко виситъ изображеніе бога построекъ Гонгъ, Вонгъ-Яэ. Передъ отправленіемъ въ путь читается молитва богу Ю-Вонгу. Чтобы сохранить себя отъ золъ, въ домахъ обыкновенно вѣшается изображеніе Чи-ми, китайскаго ангела-хранителя. Его изображаютъ верхомъ на львѣ. Для этой-же цѣли на вышку домовъ ставится изображеніе пѣтуха или трезубецъ. Также среди рисовыхъ полей часто вы встрѣчаете прилѣпленныя къ столбамъ бумажки съ заклинаніями. Владѣлецъ поля боленъ, за полемъ некому смотрѣть, и задача этихъ бумажекъ— отвратить вредное вліяніе духовъ отъ оставленныхъ безъ присмотра полей.

Такимъ образомъ крестьянская масса въ китайскихъ деревняхъ остается, несмотря на систему общедоступныхъ экзаменовъ и прекрасныя религіозныя ученія философовъ, погруженною въ грубое невѣжество.

Праздники въ жизни китайскаго народа играютъ роль не меньшую, чѣмъ въ жизни нашего крестьянства, но рѣдко носятъ характеръ религіозный, чаще національный. Не всѣ, однако, праздники чествуются съ прекращеніемъ работъ. Главными праздниками считаются: первые три дня новаго года, одинъ или два дня весною, когда почитаютъ могилы предковъ, оба дня солнцестояній и праздникъ дракона. Ничего подобнаго нашимъ воскресеньямъ въ Китаѣ нѣтъ.

Я уже говорилъ о томъ, что многіе изъ китайскихъ боговъ имѣютъ мѣстное значеніе, и празднества въ ихъ честь не выходятъ изъ предѣловъ одного округа. Отъ власти императора, однако, зависитъ увеличить или уменьшить ихъ значеніе. Эти боги, болѣе чѣмъ обоготворенные смертные, сохраняютъ всѣ слабости смертныхъ, и легенды о нихъ напоминаютъ легенды древнихъ римлянъ, хотя онѣ много прозаичнѣе, такъ-какъ загробный міръ есть лишь продолженіе земного. Въ прекрасномъ собраніи китайскихъ фантастическихъ легендъ, переведенныхъ г. Giles подъ заглавіемъ «Stranges stories from a chinese studio», можно найти любопытные примѣры китайскихъ воззрѣній на оборотней, лисицъ и крысъ, принимающихъ обликъ людей, на подкупы боговъ, ихъ любовныя продѣлки и т. п. Привожу для примѣра двѣ такихъ легенды, изъ коихъ первую излагаю по необходимости въ сокращенномъ видѣ.

Судья Лу.

Въ Линь-Янгѣ проживалъ нѣкто Чу-Эртанъ; литературное имя его было Хзіао-Мингъ. Это былъ красивый мужчина, но большой пьяница, хотя прилежный въ ученіи. Однажды онъ бражничалъ въ компаніи сотоварищей по ученію, и одинъ изъ его пріятелей въ шутку сказалъ: «Найдутся-ли изъ васъ храбрецы, которые рѣшились-бы сегодня въ полночь отправиться въ «камеру ужасовъ» и привести сюда изъ лѣваго портика главнаго судью ада, чтобы поужинать съ нами?» Въ Линь-Янгѣ было въ храмѣ изображеніе десяти отдѣленій чистилища, съ деревянными идолами боговъ и дьяволовъ, сдѣланныхъ какъ живые. Въ восточномъ портикѣ стояло изображеніе судьи во весь его ростъ, съ зеленымъ лицомъ и красною бородою и ужасающимъ выраженіемъ. Иногда изъ храма ночью слышались страшные звуки пытки, и тогда у проходившихъ волосы становились дыбомъ. То-

варищи, услыхавшіе это предложеніе, рѣшили, что такого рода продѣлка можетъ быть прекраснымъ испытаніемъ храбрости г-на Чу. Чу улыбнулся и, поднявшись съ мѣста, направился къ храму. Черезъ нѣсколько минутъ гуляки услышали его голосъ: «Его превосходительство явился!» Всѣ вскочили и увидѣли, что Чу входитъ съ идоломъ на спинѣ, котораго онъ поставилъ на столъ и сдѣлалъ передъ нимъ тройное возліяніе въ его честь. Его товарищамъ, однако, отъ этой продѣлки было настолько жутко, что они не рѣшались сѣсть и стали упрашивать унести идола обратно. Но прежде чѣмъ исполнить ихъ просьбу, Чу вылилъ нѣсколько вина на землю, говоря: «Я, безумный, безграмотный парень, умоляю васъ, ваше превосходительство, извините меня. Я живу по сосѣдству; если вашему превосходительству вздумается когда-нибудь выпить за компанію рюмку вина, я буду крайне осчастливленъ вашимъ посѣщеніемъ». Затѣмъ онъ отнесъ идола обратно, и на слѣдующій день друзья его устроили ему обѣщанный обѣдъ, съ котораго онъ вернулся домой вечеромъ въ полупьяномъ состояніи. Но не насытясь достаточно виномъ, онъ зажегъ лампу и выпилъ еще стаканъ, какъ вдругъ бамбуковая занавѣска его комнаты раздвинулась, и въ нее вошолъ судья. Чу всталъ и промолвилъ: «Ваше превосходительство, вы являетесь отсѣчь мнѣ голову за мое поведеніе прошлою ночью». Судья потрепалъ свою густую бороду и отвѣтилъ улыбаясь: «Ничего подобнаго. Вы пригласили меня такъ любезно прошлую ночь, и такъ-какъ сегодня я свободенъ, то я и явился». Чу пришолъ въ восторгъ, попросилъ своего гостя сѣсть, вымылъ чашечки для вина и зажегъ огонь для его согрѣванія. Чу освѣдомился объ имени своего гостя. «Меня зовутъ Лу, отвѣтилъ судья,—и другого имени у меня нѣтъ». Они повели затѣмъ бесѣду о литературныхъ вопросахъ, причемъ мнѣнія одного, оказалось, въ такой-же степени соотвѣтствовали мыслямъ другого, какъ эхо отвѣчало звуку. Судья затѣмъ спро-

силъ Чу, знакомъ-ли онъ съ творчествомъ, на что этотъ послѣднiй сказалъ ему, что онъ кое-что понимаетъ и въ этомъ дѣлѣ. Тогда судья продекламировалъ ему нѣсколько адскихъ стихотворенiй, которыя оказались весьма сходными съ нашими земными.

Съ этого дня судья началъ часто посѣщать его домъ, и между ними завязалась тѣсная дружба. Часто судья просиживалъ у него цѣлую ночь, и Чу ему показывалъ свои сочиненiя, которыя судья строго критиковалъ и признавалъ ни къ чему негодными. Одну ночь Чу напился настолько, что отправился спать, оставивъ гостя допивать вино одного. Въ полусонномъ состоянiи онъ почувствовалъ сильную боль въ животѣ и, согнувшись, замѣтилъ, что судья стоитъ около него и, раскрывши у него животъ, старательно перекладываетъ внутренности. «Что такое я вамъ сдѣлалъ, вскричалъ Чу,—что вы хотите меня погубить?»—«Не бойтесь, сказалъ въ отвѣтъ, смѣясь, судья,— я только снабжаю васъ болѣе толковымъ сердцемъ». Затѣмъ онъ спокойно вложилъ обратно внутренности Чу и плотно перевязалъ его поясомъ. Въ постели не было и слѣдовъ крови, и единственно, что онъ чувствовалъ—это легкую пустоту внутри. Онъ замѣтилъ на столѣ около судьи кусокъ мяса и спросилъ, что это такое. «Это ваше сердце, сказалъ онъ.—Оно далеко не въ порядкѣ, такъ-какъ главное отверстiе его закупорилось. Я досталъ вамъ другое изъ ада, получше, а это помѣщу на мѣсто взятаго». Сказавши это, онъ отворилъ двери и вышелъ. Рязвязавши поутру повязку, Чу увидѣлъ, что все уже зажило и осталось только красноватое пятно на мѣстѣ порѣза. Съ этого момента онъ сдѣлался талантливымъ ученымъ и память его значительно улучшилась.

Черезъ нѣсколько дней онъ написалъ работу, которою судья остался вполнѣ доволенъ. «Тѣмъ не менѣе, врядъ-ли вамъ удастся достигнуть степени высшей, чѣмъ степень магистра, сказалъ онъ.—Дальше вы не пойде-

те».—«Но когда я ее получу?» спросилъ Чу.—«Въ нынѣшнемъ году», отвѣтилъ судья.

Такъ оно и случилось. Чу выдержалъ экзаменъ первымъ въ спискѣ лицъ, получившихъ атестатъ зрѣлости, и однимъ изъ перваго пятка, получившихъ степень кандидата.

Подобнымъ-же образомъ загробный пріятель Чу приставилъ его женѣ другую голову отъ недавно убитой, болѣе красивой женщины. Пріятельскія отношенія Чу съ судьею загробнаго міра продолжались около 30 лѣтъ, пока наконецъ судья не объявилъ ему, что ему пора умереть и что это желаніе Неба, противъ котораго ничего нельзя сдѣлать.

По китайскому обычаю, Чу заказалъ себѣ роскошный гробъ и саванъ и дѣйствительно скончался на 5 й день. Когда его жена безутѣшно плакала надъ гробомъ, онъ явился къ ней въ видѣ тѣни и сказалъ ей: «Не плачь. Я буду попрежнему заботиться о судьбѣ семейства. Судья Лу далъ мнѣ мѣсто регистратора въ загробномъ мірѣ, мѣсто съ прекраснымъ окладомъ, обезпечивающее мнѣ тамъ безбѣдное существованіе». Такимъ образомъ дружба и собутыльничество съ богомъ въ этой жизни оказались не безполезными и въ загробной.

Свадьба богини дѣвствующей.

Въ Квей-Чи былъ храмъ, посвященный богинѣ Сливъ-дѣвѣ, бывшей когда-то дѣвицей Ма и жившей въ Тунгъ-ванѣ. Ея нареченный супругъ умеръ до свадьбы, и она поклялась, что не выйдетъ замужъ, и умерла на 30-мъ году своей жизни. Ея родные построили ей часовню и дали ей прозвище дѣвицы сливъ. Нѣсколько лѣтъ спустя нѣкто г-нъ Чинъ по дорогѣ на экзаменъ проходилъ мимо храма, вошелъ въ него и, ходя взадъ и впередъ, думалъ о судьбѣ дѣвицы, въ честь которой этотъ храмъ былъ воздвигнутъ. Въ ту-же ночь онъ увидѣлъ во снѣ, что

пришолъ слуга пригласить его къ богинѣ. Послушавши его, онъ вышелъ и нашелъ ее около храма. «Я вамъ очень благодарна, сударь, сказала богиня,—что вы удѣлили мнѣ такъ много думъ, и я хотѣла-бы отблагодарить васъ за это, предложивъ вамъ свои услуги». Затѣмъ богиня проводила его обратно, говоря: «Когда вы получите мѣсто, я приду за вами». Проснувшись, г-нъ Чинъ не былъ особенно доволенъ своимъ сномъ, но въ ту-же ночь всѣ односельчане видѣли во снѣ, что богиня являлась имъ и говорила, что выходитъ замужъ за г-на Чина и просила изготовить и ему истукана. Старѣйшины деревни, негодуя на богиню, рѣшили отказать ей въ этомъ, но тогда мало-по-малу всѣ они стали хворать, пока не вынуждены были сдѣлать глинянаго изображенія Чина и помѣстить его слѣва отъ богини. Тогда Чинъ сообщилъ женѣ, что богиня опять приходила за нимъ, и, надѣвши свое чиновничье платье, онъ умеръ скоро послѣ того. Жена его страшно была этимъ разсержена. Она отправилась въ храмъ и, вскочивши на алтарь, наградила богиню оплеухами. Съ тѣхъ поръ богиню сливъ стали называть дѣвственною супругою г-на Чина.

Я могъ-бы привести сотни такихъ легендъ, но мнѣ кажется, этихъ двухъ примѣровъ достаточно, чтобы дать понятіе объ отношеніяхъ между людьми и ихъ богами въ Китаѣ.

Пантеонъ Янъ-Лоу-Дуна не былъ разнообразенъ. Небольшой храмъ совмѣщалъ въ себѣ и присутственное мѣсто или ямунъ мѣстнаго маленькаго чиновника. Это послѣднее и сельскій ломбардъ были учрежденіями, соотвѣтствовавшими нашему волостному правленію и лавочкѣ еврея-ростовщика. Но разница между тѣми и другими громадная. Ломбардъ здѣсь былъ прекрасное трехъэтажное зданіе; въ немъ, въ особыхъ отдѣленіяхъ, въ идеальномъ порядкѣ хранилась грубая кре-

стьянская одежда, рубахи, кофты, башмаки и домашняя утварь. Для вещей каждаго закладчика было отдѣльное нумерованное помѣщеніе, и хотя здѣсь и хранилась самая обыкновенная грошовая крестьянская утварь, чистота и порядокъ производили впечатлѣніе какого-то музея рѣдкостей.

Столь-же хорошее впечатлѣніе производилъ и ямунъ, но объ этомъ учрежденіи, а также и о крестьянскомъ сельскомъ театрѣ, какъ крайне характерныхъ сельскихъ учрежденіяхъ, я подробно поговорю въ слѣдующемъ письмѣ.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Среди чайныхъ плантацій Китая.

Въ предыдущихъ моихъ письмахъ я пытался охарактеризовать ту степень культуры, на которой находится крестьянское населеніе Янъ-Лоу-Дуна, и описать тѣ учрежденія деревни, которыя для нея столь-же необходимы, какъ необходимы для нашего села волостное правленіе, школа и т. п. Въ данномъ мною перечнѣ я только вскользь упомянулъ о томъ, что въ каждомъ селѣ имѣется *ямунъ* и очень часто сельскій театръ. Въ отношеніи увеселеній народная масса Китая стоитъ безгранично выше нетолько нашей, но и европейской. Нашъ сельскій житель, можно сказать, лишенъ развлеченій. Если не считать церковныхъ богослуженій, рѣдкихъ ярмарокъ и свадебъ, почти ничто не нарушаетъ однообразія деревенской повседневной жизни, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что крестьянинъ стремится хоть временно забыть это удручающее его однообразіе сѣрой, полной нуждъ и заботъ жизни, за водкою. Хотя китайцевъ въ такой-же точно мѣрѣ можно бываетъ укорить за употребленіе опіума, однако, въ общемъ здѣсь одурманиваютъ себя въ свободное время меньше, чѣмъ у насъ. Причиною тому большее количество культурныхъ развлеченій—и между ними театръ занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Въ деревняхъ рѣдко имѣются постоянныя труппы актеровъ. Они наѣзжаютъ сюда тогда, когда здѣсь бываютъ большія

скопленія народу; въ Янъ-Лоу-Дунѣ это бываетъ во время перваго сбора чая—и тогда такой пріѣздъ актеровъ составляетъ цѣлое событіе. Тогда всѣ праздники и свободные часы населеніе проводитъ въ театрѣ, гдѣ оно передъ нехитро сколоченной сценою и обѣдаетъ, и завтракаетъ и чуть даже не спитъ, такъ-какъ представленія длятся не часами, а цѣлыми днями. Это скорѣе духовныя мистеріи, чѣмъ настоящія представленія, хотя обыкновенно подъ вечеръ представленія заканчиваются водевилями, нерѣдко не лишенными игривости и даже значительной доли цинизма.

Мнѣ приходилось уже на страницахъ этого журнала описывать впечатлѣніе, вынесенное во время моего перваго путешествія на дальній Востокъ при посѣщеніи такого китайскаго театра въ Шанхаѣ. Поэтому я не буду подробно останавливаться на характеристикѣ китайскихъ театровъ здѣсь, такъ-какъ все описанное мною въ Шанхаѣ одинаково примѣнимо и ко всѣмъ другимъ театрамъ Китая. Вездѣ дѣйствіе происходитъ при одной и той-же декораціи, и зритель долженъ уже воображеніемъ своимъ дополнить то, чего онъ не можетъ видѣть собственными глазами. Актеръ, прежде чѣмъ приступить къ дѣйствію, разсказываетъ въ длинной рѣчи біографію лица, которое онъ представляетъ.

Судилище или ямунъ замѣняетъ волостное правленіе нашихъ селъ. Въ Янъ-Лоу-Дунѣ, какъ въ маленькомъ мѣстечкѣ, ямунъ помѣщался въ томъ-же зданіи, гдѣ и храмъ. Въ послѣднемъ изображеніе бога войны играло почему-то первое мѣсто.

Я уже имѣлъ случай говорить, что законы китайской имперіи, по признанію даже американцевъ, несмотря на нѣкоторыя странности, необыкновенно принаровлены къ строю жизни страны и способствуютъ сохраненію порядка среди ея многомилліоннаго населенія. Я указывалъ, что большая часть дѣлъ рѣшается судомъ старшинъ, стариками-патріархами семей. Имъ

лучше всего извѣстны и имущественныя условія тяжущихся, и ихъ нравственный уровень, и обстановка преступленій. Поэтому здѣсь невозможны случаи, обыкновенные въ нашихъ судахъ, когда мальчика, сломавшаго игрушечный замокъ въ ящикѣ, чтобы украсть горсть подсолнуховъ, судятъ уголовнымъ судомъ за кражу со взломомъ, — или присяжные принуждены бываютъ оправдывать завѣдомо воровъ и грабителей или понедоказанности преступленія, или боясь, чтобы за мелкое преступленіе ихъ не подвергли черезчуръ жестокой карѣ, и стоятъ передъ дилеммою—что хуже, развращать-ли населеніе путемъ оправдыванія виновныхъ и потакая преступленію, или губить людей еще не настолько испорченныхъ, чтобы не было надежды на ихъ исправленіе.

Въ Китаѣ этихъ недоразумѣній нѣтъ, такъ-какъ судъ этотъ семейное дѣло. Къ судьѣ, къ чиновнику идутъ только тогда, когда родъ не можетъ разрѣшить вопроса— и тогда, конечно, какъ истецъ, такъ и подсудимый, подвергаются всѣмъ ужасамъ китайскаго оффиціальнаго судопроизводства.

Если поэтому системою предоставленія домашнему суду старѣйшинъ большинства мелкихъ сельскихъ преступленій китайцы далеко выше насъ, то по своимъ уголовнымъ законамъ они еще совершенно средневѣковые варвары.

Сознаніе культурнаго человѣка XIX вѣка говоритъ, что въ девяти случаяхъ изъ десяти въ лицѣ подсудимаго мы имѣемъ передъ собою морально-больного человѣка. Идеаломъ судебной дѣятельности было-бы излѣчить такого человѣка. Заставивъ искупить свою вину передъ обществомъ, судъ долженъ-бы былъ поставить подсудимаго въ такое положеніе, чтобы онъ могъ не совершать преступленія впредь, изолировать его отъ соблазна, если это человѣкъ со слабою волею, создать ему дѣятельность, не позволяющую дѣлать того рода преступленія, въ которомъ онъ попался, и т. п. Идеалъ этотъ, къ сожалѣнію, кажется нигдѣ не достигнутъ. Но наша система на-

казаній всетаки шагъ впередъ по сравненію съ китайской. Мы стараемся всетаки не столько наказать преступника, сколько, устранивъ изъ общества, заставить искупить трудомъ и лишеніями вину свою. Китайцы, какъ и наши средневѣковые предки, налегаютъ больше на тѣло, предоставляя о душѣ заботиться судьямъ загробнаго міра. Поэтому пытки и наказанія чисто физическаго характера, не исключающія, впрочемъ, и ссылки, преобладаютъ въ судѣ китайскомъ.

Мѣсто, гдѣ производится судъ—ямунъ—представляетъ обширную открытую спереди залу, похожую на обыкновенную пріемную залу въ китайскихъ домахъ. Здѣсь судья снимаетъ допросъ съ подсудимаго и свидѣтелей, причемъ всѣ стороны—и правая, и виноватая, и даже истцы—должны стоять передъ судьею на колѣняхъ или падать ницъ. Около судьи сидитъ обыкновенно одинъ или нѣсколько письмоводителей, которые точно записываютъ ходъ дѣла. Въ случаѣ смертной казни, виновнаго не казнятъ немедленно, но отправляютъ въ тюрьму. Списки осужденныхъ на смерть посылаются императору, и онъ разъ въ годъ, просматривая ихъ, отмѣчаетъ нѣкоторое число изъ нихъ красною кистью. Этихъ виновныхъ милуютъ. Такимъ образомъ императоръ играетъ роль рока, случайно избавляющаго отъ смерти нѣсколько жертвъ.

Чиновникъ, исправляющій обязанности судьи, когда онъ шествуетъ по городу или возсѣдаетъ въ залѣ суда, обыкновенно бываетъ окруженъ особыми знаками на шестахъ, обозначающими его чинъ и значеніе. Передъ нимъ несутъ гонгъ, удары въ который издалека предваряютъ народъ о томъ, что идетъ чиновникъ. Впрочемъ, пѣшкомъ чиновные люди, особенно если они въ формѣ, здѣсь и не ходятъ, а обыкновенно ихъ переносятъ въ паланкинахъ. Всѣ эти знаки отличія хранятся въ ямунѣ. Здѣсь стоятъ колчаны съ пучками стрѣлъ, прикосновеніемъ коихъ арестовывается подсудимый, и нерѣдко

орудія пытки *. Здѣсь во время суда, окруженный знаками на шестахъ, возсѣдаетъ чиновникъ, подобно нашему земскому начальнику, совмѣщающій въ себѣ судебную и исполнительную власть. Страшное взяточничество и вымогательства чиновниковъ обыкновенно заставляютъ народъ по возможности избѣгать ихъ вмѣшательства въ его жизнь, и въ ямунъ идутъ судиться только въ крайности. Тѣмъ не менѣе народъ умѣетъ отличать честныхъ и любимыхъ имъ чиновниковъ. Такому чиновнику дѣлается всенародный зонтикъ. Это громадный зонтъ съ бахромою изъ шелковыхъ ленточекъ; на каждой изъ такихъ ленточекъ вышиты имена семей его округа, принимавшихъ участіе въ сооруженіи такого зонтика. Зонтикъ этотъ подносится обыкновенно, когда чиновникъ покидаетъ ихъ округъ или переводится въ другое мѣсто **. При оффиціальномъ шествіи такіе зонтики несутся за чиновниками, и они являются лучшимъ атестатомъ его службы, такъ-какъ ни путемъ вымогательства, ни путемъ интригъ или низкопоклонствомъ такого зонтика нелюбимое народомъ лицо получить не можетъ.

Но въ жизни Янъ-Лоу-Дуна и обликѣ его улицъ главную роль играютъ не упомянутыя выше обществен-

* Китайскій судъ до сихъ поръ еще считаетъ пытку средствомъ узнать истину и физическія страданія—средствомъ искупить вину. Поэтому даже за мелкія преступленія выставляютъ въ клѣткахъ около ямуна на позорище, втискиваютъ голову и руки въ тяжелую доску, называемую «кангъ», и, написавъ вину, выставляютъ на площади. Битье бамбуковыми палками и гоняніе по улицамъ съ украденной вещью—обычное наказаніе вора. За болѣе тяжелыя преступленія часто практикуется смертная казнь, различныхъ системъ. За отцеубійство и измѣну отечеству полагаются самыя тяжелыя наказанія, а именно, разрѣзаніе на куски, причемъ одинъ кусокъ отсѣкается за другимъ; такъ рѣжутъ на 32, 64 и болѣе кусковъ. Отъ мелкихъ наказаній однако можно откупиться, точно такъ-же, какъ и брать на поруки посаженныхъ въ тюрьму—грязную, зловонную яму, долгое пребываніе въ которой грозитъ неминуемой смертью.

** Такое перемѣщеніе чиновниковъ совершается черезъ каждые три года.

ныя учрежденія. Главное, что кидается въ глаза — это громадныя чайныя факторіи—въ сущности такія-же зданія, какъ и жилые дома китайцевъ, но только съ большими пристройками сараевъ для храненія листа и его обработки. Въ лѣтнее время тысячи рабочихъ бываютъ заняты выдѣлкою чая на такихъ факторіяхъ.

Въ моей книгѣ «Чайные округи субтропическихъ областей Азіи» я подробно описываю чайное дѣло въ Хубэ. Но мнѣ кажется не лишнимъ дать читателю нѣкоторое понятіе и на страницахъ этого журнала, какъ поставлено это дѣло въ Янъ-Лоу-Дунѣ, тѣмъ болѣе, что за исключеніемъ краткаго описанія, даннаго профессоромъ Тихомировымъ, наша русская литература по этому вопросу грѣшитъ большими ошибками.

Какъ я уже писалъ, крупныхъ плантацій около Янъ-Лоу-Дуна нѣтъ. Это рядъ участковъ мелкихъ владѣльцевъ-крестьянъ, продающихъ листъ свой на фабрики скупщикамъ. Чайные кусты, принадлежащіе крестьянамъ, съ ихъ стороны, можно сказать, не пользуются почти никакимъ уходомъ. Здѣсь нѣтъ и помину о необыкновенной правильности разсадки, о чистотѣ содержанія и регулярной подрѣзкѣ, какъ наблюдается на чайныхъ плантаціяхъ Индіи или даже Японіи.

Въ большинствѣ случаевъ на чай смотрятъ какъ на побочное растеніе, особенно на низинахъ, гдѣ цѣна ему не высокая и качество его низкое. Вообще я замѣтилъ, что о культурѣ чая здѣсь нѣтъ и помину, а онъ растетъ какъ придется.

Здѣсь я наблюдалъ три типа плантацій. На невысокихъ и болѣе ровныхъ мѣстахъ чайный кустъ садится здѣсь преимущественно на межахъ полей, засѣянныхъ другими растеніями. Его ряды напоминаютъ ряды ивняка на межахъ полей петербургскихъ крестьянъ; въ такихъ межахъ сидятъ въ два ряда кусты чая. Иногда кусты сажаются и на самомъ полѣ, и тогда между двумя рядами чая оставляется пространство сажени въ 2 ши-

риною, на которомъ почва для другихъ растеній можетъ взрыхляться нетолько ручными орудіями, но и плугами съ впряженными въ нихъ животными.

Другой типъ, попреимуществу наблюдающійся въ окрестностяхъ Янъ-Лоу-Дуна, это безпорядочно разбросанные по взрыхленнымъ склонамъ горъ кустики. Это плантація и вмѣстѣ съ тѣмъ поле, засѣянное другимъ растеніемъ, поле, независимо отъ чая, имѣющее свой сѣвооборотъ. Кусты, посаженные первоначально можетъ быть и правильно, содержатся небрежно, не подсаживаются, и въ концѣ концевъ на плантаціи образуются плѣшины отъ погибшихъ кустовъ. Вычислить, сколько кустовъ приходится на десятину, поэтому невозможно, да этого и самъ китаецъ не знаетъ.

Третій типъ, встрѣчавшійся мнѣ около Чуньяна, представляетъ горы, разбитыя на узенькія террасы. На каждой террасѣ посажены, на растояніи 3—4 футовъ другъ отъ друга, кусты болѣе культурнаго облика. Между ними не видно другихъ растеній. И плантація, повидимому, имѣетъ одно только назначеніе—воспитывать чай. Изъ этихъ трехъ видовъ характернѣйшій и господствующій—второй.

Кусты всѣхъ этихъ трехъ типовъ плантацій были гораздо ниже японскихъ, обыкновенно немного выше колѣна, и никогда не имѣли того густого и пышнаго вида, какимъ отличаются послѣдніе; напротивъ, они кажутся жалкими и общипанными. Только на плантаціяхъ 3-го типа чай удобряется, обыкновенно-же ему приходится довольствоваться удобреніемъ, перепадающимъ отъ разводимыхъ между нимъ растеній. Въ октябрѣ (китайскаго стиля) здѣсь сѣется пшеница; она поспѣваетъ въ мартѣ, и въ іюнѣ на плантаціи вновь сажаютъ сладкій картофель, Convolvulus Batatas, или еще раньше садится соя. Но такъ-какъ навозъ льется только въ ямки около этихъ растеній, то на долю чая приходится немного.

Кусты, какъ мнѣ говорили, здѣсь достигаютъ 20-ти-лѣт-

няго возраста, послѣ чего сборъ съ нихъ настолько уменьшается, что ихъ надо замѣнять. Но нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ растущихъ здѣсь кустовъ старѣе. Во всякомъ случаѣ утвержденіе, что чай ростетъ въ Китаѣ только 12 лѣтъ и затѣмъ замѣняется,—утвержденіе, которое вы найдете во всякой книгѣ, трактующей о чаѣ, ни на чемъ не основано. Кусты, какъ я говорилъ, сажаютъ въ мелкой дресвѣ или въ рыхломъ суглинкѣ. Повидимому, это излюбленный грунтъ чая, потому-что и въ другихъ чайныхъ округахъ Китая ему даютъ такую-же почву. Это вездѣ почвы, состоящія изъ глинистыхъ сланцевъ и гранитовъ съ умѣренною примѣсью органическихъ веществъ: около 84% песка, нѣкоторое количество углекислаго желѣза и глинозема и только 1% органическаго вещества.

Посадка чая производится слѣдующимъ образомъ. Сѣмена сохраняются въ не-солнечномъ мѣстѣ до февраля, когда ихъ бросаютъ для размачиванія на одинъ день въ воду. Затѣмъ ихъ ссыпаютъ въ мѣшки и, помѣстивъ въ умѣренно теплую комнату, даютъ просохнуть. Затѣмъ опять смачиваютъ и опять просушиваютъ, повторяя эту процедуру до тѣхъ поръ, пока они не начнутъ проростать. Тогда ихъ зарываютъ на ½ дюйма въ землю, разсыпанную на циновкахъ. Каждый день ихъ поливаютъ и выносятъ на солнце, а на ночь убираютъ въ комнаты, поступая такъ дней пять, послѣ чего ихъ оставляютъ на ночь на воздухѣ, тщательно уберегая отъ дождя. Когда ростки достигнутъ высоты 4-хъ дюймовъ, ихъ высаживаютъ на плантацію. Сборъ чая производится черезъ 3 года послѣ посадки.

Для выдѣлки чая здѣсь собираютъ верхушки побѣговъ о 3—4-хъ листикахъ; самый верхній изъ этихъ листиковъ, одѣтый серебристыми волосками, такъ-называемый байхао, самъ взятый отдѣльно даетъ такъ-называемый *цвѣточный чай*, если его высушатъ на солнцѣ, или *желтый*, если его высушатъ въ тѣни. Но въ описываемой мѣстности чайный кустъ идетъ почти исключительно

на приготовленіе *чернаго чая.* Я уже говорилъ, что характерною особенностью китайскаго чая является строгое различіе въ величинѣ молодыхъ листиковъ, особенно у чая перваго сбора. Какъ велико количество чая, здѣсь собираемаго, опредѣлить весьма трудно.

Здѣсь нѣтъ крупныхъ плантацій. Плантаціи, правда, занимаютъ иногда цѣлыя горы, но онѣ состоятъ изъ небольшихъ кусковъ, величиною съ площадь пола комнаты или квартиры въ хорошемъ городскомъ домѣ, въ рѣдкихъ случаяхъ достигая до половины десятины. Куски эти принадлежатъ разнымъ владѣльцамъ, и хозяину одного куска нѣтъ дѣла до доходовъ другого. Кромѣ того, трудно оцѣнивать количество собраннаго чая по доходамъ съ плантацій, потому-что, чѣмъ выше мѣстность, тѣмъ дороже чай цѣнится. Разсыпчатыя, щебеноватыя почвы считаются лучше вязкой глины, хотя горы съ твердымъ камнемъ вмѣсто подпочвы не считаются хорошимъ мѣстомъ для плантацій. Около Янъ-Лоу-Дуна бо́льшая часть плантацій была расположена на продуктахъ вывѣтриванія песчаника, мѣстами рыхлаго, слоистаго, преимущественно сланцеватаго характера, мѣстами болѣе плотнаго, переходящаго въ кварцитъ и издали придающаго обнаженіямъ видъ выходовъ изверженныхъ породъ, не разъ вводившихъ меня въ заблужденіе. Ближе къ Чуньяну эти песчаники переходятъ въ грубые конгломераты того-же состава. Гдѣ породы остались плотными, горы остаются безъ культуры и покрыты лѣсомъ или кустарникомъ; гдѣ онѣ рыхлы—тамъ лучшія чайныя плантаціи, несмотря на то, что почвою служитъ чистый, на первый взглядъ безплодный щебень. Предгорія, какъ я сказалъ, покрыты краснымъ латеритомъ. Чай съ нихъ дешевле. Листья его тоньше, онъ легче, но настой изъ него крѣпче. Напротивъ, чай, взятый съ горъ, высушенный тяжелъ, мелокъ, душистъ и распаренный въ водѣ красенъ съ нижней стороны листа. Время, потребное для сбора, довольно велико. Корзинку чая, въ 1 футъ вы-

соты на 0,5 фута въ діаметрѣ, рабочій наполнитъ работая съ ранняго утра до часу пополудни и выручаетъ за нее 160—200 чоховъ, т.-е. 16—20 копѣекъ. По другимъ даннымъ, четыре человѣка въ 2 часа съ 200 кустовъ соберутъ 2 корзины, вмѣщающихъ до 7 кэти. То количество чая, какое получаютъ со 100 кустовъ при 2-мъ сборѣ, при 1-мъ получаютъ съ 60 кустовъ.

Обыкновенно считаютъ, что плантація даетъ 3—4 сбора чая *. Въ Янъ-Лоу-Дунѣ первый сборъ производится 21-го марта, второй 21-го мая, третій около 23-го іюля. Проф. Тихомировъ пишетъ, что въ Линднасоу 1-й сборъ производится въ апрѣлѣ, 2-й въ концѣ мая, 3-й въ концѣ іюня и 4-й въ концѣ іюля. Но такой характеръ сборовъ можетъ, повидимому, производиться въ Линднасоу, гдѣ главною культурою жителей является чай. Обыкновенно-же, какъ я замѣтилъ въ посѣщенной мною мѣстности, ограничиваются только двумя, а иногда даже однимъ сборомъ настоящаго чая, употребляя чаи позднѣйшихъ сборовъ для такъ-называемаго мао-ча; особенно это практикуется тамъ, гдѣ качество чая невысоко, гдѣ дорогъ трудъ рабочихъ, или гдѣ 2-й и 3-й сборы не велики.

Обработка чаевъ 1-го сбора была описана проф. Тихомировымъ въ Линднасоу. Сравнивая мои замѣтки съ его данными, я не нахожу большой разницы между тѣмъ, что мнѣ приходилось наблюдать лѣтомъ въ Янъ-Лоу-Дунѣ и ему въ Линднасоу весною. Такъ-какъ при мнѣ чай дѣлали нѣсколько разъ по лучшимъ изъ принятыхъ при обработкѣ чая перваго сбора способамъ, то я и позволю себѣ привести здѣсь дословно данныя моей записной книжки.

Вотъ какъ приготовляютъ владѣльцы плантацій черный чай у себя дома: чай, принесенный въ корзинкахъ,

* Въ другихъ мѣстахъ 1-й сборъ—въ началѣ апрѣля, 2-й—въ 20-хъ числахъ мая, третій—въ первыхъ числахъ іюня и послѣдній—въ августѣ.

разсыпается на циновкахъ приблизительно въ шесть шаговъ длиною и 3,5 шаговъ шириною; ему даютъ подвянуть на солнцѣ. Затѣмъ чай собираютъ въ кучи и, слѣпивъ комья въ голову ребенка величиною, начинаютъ ихъ мять ногами въ плоскихъ корзинкахъ или просто на доскѣ, къ которой на двухъ перекладинахъ прикрѣплены шесты для поддержки рукъ рабочаго. Обыкновенно двое рабочихъ становятся вмѣстѣ и мнутъ чай ногами изо всѣхъ силъ, такъ-что изъ него течетъ зеленый липкій сокъ, смачивающій всю массу и текущій ручьемъ въ сторону. Трудно представить себѣ картину болѣе неэстетичную. Грязные китайцы, обнаженные до пояса, въ панталонахъ, поднятыхъ выше колѣнъ, мокрые отъ пота, покрытые сыпями, лишаями или другими накожными, нерѣдко сифилитическаго характера, болѣзнями,—грязными ногами, какими они ходили по улицамъ, со свойствами которыхъ читатель уже знакомъ,—около получаса мнутъ эту неэстетичную, зеленую, мокрую, сочную массу, чтобы затѣмъ опять разсыпать ее на цыновкахъ и сушить на солнцѣ. При такой сушкѣ чай чернѣетъ и пріобрѣтаетъ запахъ сѣна. Зеленоватыми остаются только самыя крупные, грубые листья. Затѣмъ листья опять собираютъ въ кучу и, всунувши въ плетеный изъ бамбуковыхъ листьевъ совочекъ, покрываютъ тряпкой, оставивъ на солнцѣ для *броженія*; послѣ чего чай становится уже совершенно чернымъ. Еслибы въ чаѣ остались теперь еще зеленые листья, то это значило-бы, что чай не поребродилъ. По окончаніи броженія, листья еще разъ разстилаются на солнцѣ, пока не сдѣлаются совершенно сухими. Тогда «мао-ча» готовъ. Вотъ и всѣ пресловутыя манипуляціи приготовленія чая. Я думаю, что въ Россіи,—и со мною, навѣрное, согласится читатель,—нѣтъ рабочаго, который не сумѣлъ-бы приготовить чая по этому рецепту, и для этой цѣли нѣтъ надобности выписывать китайцевъ—если только не окажется любителей грязи именно съ китайскихъ, а не съ какихъ-нибудь иныхъ ногъ.

Главная масса плантацій, какъ сказано, принадлежитъ мелкимъ собственникамъ. Полученный описаннымъ выше способомъ мао-ча, болѣе легкій и удобный для переноски, отправляютъ на фабрики, гдѣ уже скупщики его перерабатываютъ, придавая тотъ видъ, который необходимъ для *приманки внѣшностью* покупателя. Качества и свойства чая одна обработка эта уже не измѣняетъ — и мао-ча опредѣляетъ стоимость чая, колеблющуюся въ Янъ-Лоу-Дунѣ для перваго сбора отъ 64 до 20 коп., второго сбора 25—16 коп. и третьяго 18—14 коп. за гинъ. Кэтти имѣетъ восемь гинъ.

Обработка чернаго чая (мао-ча) начинается съ того, что его еще разъ надлежащимъ образомъ *просушиваютъ*. Просушка эта производится въ особыхъ корзинахъ, называемыхъ бейдзами. Бейдзы напоминаютъ формою корсетъ, то-есть цилиндръ, перетянутый посерединѣ. Бейдзы ставятъ надъ ямами въ глиняномъ полу, въ которыя кладутъ уголья, опять тщательно избѣгая дровъ и углей ароматичныхъ и хвойныхъ древесныхъ породъ. Яма съ углями—около 1½ фута въ діаметрѣ и около фута въ глубину. Уголь берется преимущественно дубовый или отъ породъ, долго держащихъ жаръ. Чай подогрѣваютъ два раза. Мао-ча, который при покупкѣ былъ гибокъ, какъ резина, теперь дѣлается чернымъ и ломкимъ. Ароматъ сѣна постепенно пропадаетъ.

Такой сухой чай поступаетъ затѣмъ къ просѣву черезъ 13 ситъ различной крупности. Сита эти круглыя, плоскія, всегда одинаковыхъ размѣровъ, носятъ особыя названія и приготовляются на югѣ Китая, въ Кантонѣ. Просѣянный черезъ первое сито, чай идетъ на второе, со второго на третье и такъ далѣе. Затѣмъ продукты просѣва провѣиваютъ, сѣютъ опять и т. д., что на первый разъ кажется очень сложно.

Вотъ эти-то манипуляціи и операціи просѣва и создали репутацію выдѣлки китайскихъ чаевъ, какъ чего-то головоломнаго и труднаго. Дѣйствительно, когда вы ви-

дите сотни рабочихъ, передающихъ другъ другу чай, когда вы, спрашивая, получаете въ отвѣтъ безчисленныя названія продуктовъ просѣва, когда незамѣтно исчезаетъ отъ васъ чай, за ходомъ обработки котораго вы слѣдите, являясь подъ совершенно другими названіями,—вы поражаетесь запутанностью всѣхъ этихъ манипуляцій. Но на дѣлѣ суть очень проста. Путемъ просѣвки и провѣиванья чая черезъ эти сита китайцы стремятся: 1) раздѣлить чай по возможноси на чаинки одинаковой величины; 2) провѣявши чаинки одинаковой величины, отбросить отъ нихъ все то, что было примѣшано къ нимъ лишняго при грязномъ и неаккуратномъ крестьянскомъ методѣ приготовленія; 3) разбить чаинки на чаинки одного вѣса; 4) размолоть ихъ такъ, чтобы чай состоялъ приблизительно изъ кусочковъ одинаковой величины; 5) отдѣлить крупныя, сырыя части (ца-ви), высушить ихъ отдѣльно и, напротивъ, сдѣлать одинаковыми по свойствамъ съ остальнымъ чаемъ и 6) облегчить изъ однороднаго матеріала отборку палочекъ.

Въ сущности при болѣе тщательномъ приготовленіи мао-ча, всѣ эти процедуры были-бы излишни и простое просѣиванье машиной замѣняетъ ихъ всѣ. Это и дѣлается на англо-индійскихъ фабрикахъ. Даже въ самомъ Китаѣ пріемы не одинаковы на различныхъ фабрикахъ: они измѣняются въ зависимости отъ количества чая и количества рабочихъ.

Во всякомъ случаѣ, работа заканчивается тѣмъ, что всѣ продукты, кромѣ палочекъ, камушковъ и т. д. (послѣдніе примѣшиваются послѣ продавцами для вѣсу) и другихъ отбросовъ, *смѣшиваются* вновь въ общую смѣсь чунъ-дуй, и эта смѣсь идетъ въ Ханькоу, гдѣ ее оцѣниваютъ и сортируютъ уже русскіе продавцы для отправки къ намъ. Но уже на мѣстѣ, напримѣръ въ Чуньянѣ, на фабрикѣ Цонгъ-хеми-чина, я видѣлъ запасы грушевыхъ листьевъ, какихъ-то губоцвѣтныхъ и другихъ растеній, заготовленныхъ для подмѣси въ этотъ чай.

Сорта низшихъ №№ (ниже 10-го) извѣстны подъ общимъ именемъ хоасана. Онъ идетъ на плиточный чай. Когда производится покупка мао-ча 1-го сбора, на хорошихъ фабрикахъ, какъ, напримѣръ, у нашего хозяина г. Ли, работаютъ не менѣе 500 женщинъ и 650 мужчинъ; при обработкѣ чая второго сбора—460 женщинъ и 500 мужчинъ. Каждая женщина получаетъ на наши деньги 20—30 коп. за корзинку въ 15 кетти чая. Мужчинѣ при вѣялкѣ платятъ 14 коп. Женщина въ день кончаетъ часто двѣ корзинки—это даетъ ей, по сравненію съ повседневнымъ здѣшнимъ заработкомъ 10 к. въ день, достаточныхъ для прокормленія всей семьи,—громадный барышъ. А поэтому время сбора чая—горячее и радостное время.

Хоасанъ идетъ на заводы кирпичнаго чая, куда онъ отвозится въ мѣшкахъ. Заводы эти группируются около Ханькоу и Кіо-Кіанга. Лучшій хоасанъ даетъ плиточный чай. Его отсѣиваютъ отъ остального, пуская черезъ 7-е сито, отбивая его и вѣя. Затѣмъ слегка подогрѣтую массу прессуютъ въ особыхъ формахъ паровою машиною. Остальное идетъ на выдѣлку чернаго кирпичнаго чая. Система прессовки его та-же, что и зеленыхъ кирпичей. И здѣсь чай предварительно просѣивается и провѣивается

Такъ готовится обыкновенный черный чай; отъ него надо отличать такъ-называемый *бай-хао* или *цвѣточный* чай. Этотъ чай приготовляется изъ самыхъ крошечныхъ молодыхъ листочковъ, еще не потерявшихъ на оборотной сторонѣ серебристый пушокъ. Бай-хао и называется по-китайски—бѣлые волоски. Бай-хао продается прямо на фабрики, и на нихъ уже выдѣлываютъ чай сами фабриканты. Сборъ листьевъ начинается съ ранняго утра и продолжается до 3—4 часовъ пополудни.

Кирпичный чай также выдѣлывается въ Янъ-Лоу-Дунѣ въ большомъ количествѣ. Его производство чуть-ли не выгоднѣе, чѣмъ чернаго, и гораздо проще. Все это, какъ мы видѣли, совершенно не соотвѣтствуетъ суще-

ствующему въ книгахъ представленію о выдѣлкѣ кирпичнаго чая, для прессовки котораго будто-бы употребляютъ бычачью кровь и клей. Ничего подобнаго здѣсь и нѣтъ. Это просто грубый прессованный знакомый чай, какъ читатель легко убѣдится изъ нижеслѣдующаго описанія.

Приготовленіе кирпичнаго чая начинается съ покупки у крестьянъ изготовленнаго ими на дому лао-ча.

Лао-ча есть побѣги чая, срѣзанные съ кустовъ самымъ грубымъ и безпощаднымъ образомъ. Сборъ лао-ча для китайскихъ кустовъ замѣняетъ одновременно и подрѣзку, и 3-й сборъ. Держа въ рукахъ довольно тупой ножъ, китаецъ рветъ имъ къ себѣ вѣтку, угрожая вырвать съ корнемъ крѣпко сидящій кустъ. Корзины съ листьями несутъ домой, чтобы сейчасъ-же изъ него готовить лао-ча. Одинъ человѣкъ можетъ наготовить его до 100 кетти.

Вѣтки бросаютъ въ чугунный котелъ, вмазанный въ 4-хъ-угольную маленькую, высотою по поясъ печь и подогрѣваемый снизу огнемъ; котелъ имѣетъ температуру въ 30—40°. Листья скоро отъ жару становятся мягкими и гибкими. Затѣмъ два китайца становятся на доску, огороженную съ 4-хъ сторонъ перилами на столбахъ, высотою по плечи, и начинаютъ мять теплый листъ, скатывая его ногами. Работа длится около 5 минутъ. Смятый, теплый чай разстилается на циновкахъ тонкимъ слоемъ и сушится на солнцѣ, гдѣ его ворошатъ особыми кривыми граблями, называемыми падзъ, сдѣланными изъ бамбука. Высохшій такимъ образомъ лао-ча готовъ къ продажѣ. Впрочемъ, есть и варьяціи въ способѣ приготовленія лао-ча. Иногда лао-ча вялятъ на печи, смочивъ его водою. За 100 гинъ лао-ча платятъ около 2-хъ ланъ. Обыкновенно, однако, лао-ча раздѣляютъ на 3 сорта: ти-дзи—болѣе грубый, помѣщаемый внутри кирпича, и-мянъ или эр-мянъ, составляющій его низъ, и са-мянъ, идущій на верхнюю обкладку.

Ти-дзи состоитъ изъ грубыхъ, уже переросшихъ листьевъ, отчасти даже прошлогоднихъ, съ кусками перезимовавшихъ вѣтокъ.

И-мянъ и *са-мянъ*—болѣе нѣжные побѣги этого года, съ верхушечными листьями. Онъ можетъ быть собираемъ и позднею осенью, но обыкновенно его берутъ вмѣсто 2-го и 3-го сборовъ. Это болѣе нѣжный и гибкій лао-ча; онъ цѣнится дороже, и 100 гинъ его доходятъ до стоимости 3-хъ ланъ.

Мѣшки взвѣшиваются и осматриваются особымъ знатокомъ-спеціалистомъ, умѣющимъ по внѣшнему только виду сразу оцѣнить качество чая, отличить подгнившіе сорта отъ хорошихъ—и, запустивши въ мѣшокъ руку, ощупать подмѣси песку и камней, охотно прибавляемыхъ для вѣса. Впрочемъ, при входѣ на фабрику, на красныхъ афишахъ обыкновенно написано предостереженіе, что у лицъ, позволяющихъ себѣ подобныя продѣлки, чаю покупать не будутъ.

Теперь лао-ча ссыпаютъ въ каменные сараи, высотою въ наши 2-хъ-этажные дома, и здѣсь чай бродитъ около недѣли, разогрѣтый до температуры 40—50°. Тогда, чтобы охладить смѣсь, въ ней продѣлываютъ вертикальные ходы и горизонтально идущіе корридоры, гдѣ стоитъ всетаки такая высокая температура, что рабочіе тамъ могутъ ходить только нагіе. Скоро, однако, установившаяся тяга воздуха охлаждаетъ смѣсь. Охлажденіе длится около 10-ти дней, послѣ чего чай выгребается и идетъ въ дѣло. Полъ сараевъ, гдѣ производится броженіе, устилается циновками.

Охладившійся чай несутъ на большія квадратныя сита съ отверстіями больше дюйма. Просѣвъ идетъ на слѣдующее такой-же квадратной формы сито, но съ дырочками меньшаго діаметра.

Число ситъ, черезъ которыя просѣивается кирпичный чай, бываетъ различно. Для ти-дзи оно колеблется отъ 5 до 9, для са-мяна 6, для эр-мяна 5. Производство кир-

пичнаго чаю я видѣлъ въ мѣстечкѣ Янъ-Лоу-Си на большой фабрикѣ.

Готовый лао-ча отвѣшивался опредѣленными порціями, и-мянъ, са-мянъ и ти-дзи отдѣльно, маленькими мальчиками, на вѣсахъ или на китайскомъ безмѣнѣ. Отвѣшенныя порціи насыпались въ тряпки, разостланныя надъ котломъ въ большой печи, изъ котораго шолъ паръ, такъ-какъ котлы эти подогрѣвались снизу. Разогрѣтый такимъ образомъ листъ направлялся въ формы, сдѣланныя изъ дерева. Кирпичи сильно прессуются и, полежавъ нѣкоторое время въ особыхъ формахъ, вынимаются изъ формъ, обрѣзываются и сушатся нѣсколько дней. Затѣмъ ихъ укладываютъ, предварительно завернувши въ бумагу, въ корзинки изъ бамбука, по 27—36 кирпичей въ каждую, и отправляютъ въ продажу. Необходимо, однако-же, осматривать, какъ слѣдуетъ, каждый кирпичъ, такъ-какъ, если обкладка почему-нибудь гдѣ-либо отстала или въ ней образовались выбоины, кирпичъ бракуется, ибо онъ можетъ загнить въ пути.

У русскихъ въ Ханькоу на чайныхъ фирмахъ имѣются болѣе усовершенствованные заводы съ паровымъ отопленіемъ и лучшими приспособленіями, но такъ-какъ описаніе техническихъ приспособленій не входитъ въ задачу этой статьи, то я и ограничиваюсь сказаннымъ.

Но я боюсь, читатель, что я слишкомъ долго остаюсь съ вами въ Янъ-Лоу-Дунѣ и что вамъ уже надоѣло сидѣть со мною въ этой грязной китайской деревнѣ. Поэтому позвольте, въ заключеніе моихъ очерковъ жизни и обстановки китайской деревни, сдѣлать съ вами прогулку по уѣзду. Мнѣ приходилось для цѣлей моего дѣла производить нѣсколько экскурсій по губерніи. Я посѣтилъ уѣздный городъ Пукисенъ, селенія Чуньянъ и Янъ-Лоу-Си. Всѣ эти три экскурсіи носили совершенно одинаковый характеръ, и потому описанія одной изъ нихъ будетъ достаточно для того, чтобы дать понятіе и объ остальныхъ.

Экскурсіи эти приходилось совершать, какъ и небольшія прогулки вокругъ деревни, подъ конвоемъ. Кому изъ васъ, читатели, приходилось быть присяжными засѣдателями и оставаться по нѣскольку дней въ судѣ, находясь подъ постояннымъ конвоемъ, тотъ хорошо знакомъ со всѣми неудобствами подобнаго рода прогулокъ. Но непріятность постояннаго надзора китайскихъ солдатъ—гораздо большая, такъ-какъ китайская толпа очень назойлива и надоѣдлива, солдаты-же китайскіе безцеремонностью обращенія превосходятъ нашихъ городовыхъ, а потому нерѣдко случаются непріятныя столкновенія, вызванныя вашею охраною. Въ окрестностяхъ Янъ-Лоу-Дуна населеніе, освоившись съ нами, относилось къ намъ прекрасно. Мы свободно входили въ жилища крестьянъ, и вездѣ насъ любезно угощали чаемъ. Намъ охотно давали всевозможныя разъясненія насчетъ различныхъ земледѣльческихъ работъ, пріемовъ приготовленія и уборки чая, пахоты и т. п. Когда одинъ изъ насъ никакъ не могъ понять какой-то манипуляціи съ плугомъ, крестьянинъ хозяинъ даже послалъ въ поле за воломъ, чтобы его запречь и показать на дѣлѣ этотъ пріемъ. Словомъ, мы не могли пожаловаться на отношеніе жителей Янъ-Лоу-Дуна. Между тѣмъ наша стража нѣсколько разъ, разгоняя любопытныхъ, становилась и къ намъ, и къ хозяевамъ нашимъ въ непріятныя отношенія, которыя при незнаніи языка могли осложниться даже въ столкновеніе и рукопашную. Поэтому китайская стража—орудіе обоюдоострое: она постольку-же полезна при путешествіи, поскольку и опасна.

Хотя мои экскурсіи и не требовали переходовъ болѣе чѣмъ въ одинъ или два дня, тѣмъ не менѣе онѣ, какъ и самая наша поѣздка въ Янъ-Лоу-Дунъ, напоминали настоящую экспедицію.

Четыре паланкина составляли центръ отряда. Въ одномъ изъ нихъ несли мандарина, посланнаго отъ китайскаго правительства для сопровожденія насъ и оффи-

ціальныхъ переговоровъ, затѣмъ въ такомъ-же паланкинѣ на 4-хъ носильщикахъ слѣдовалъ вашъ покорнѣйшій слуга. За нимъ несли въ 2-хъ паланкинахъ моего переводчика и слугу мандарина. Спереди и сзади кортежа шли гуськомъ солдаты съ двузубцами-алебардами, пригодными для солдатъ оперетки изъ средневѣковой жизни, и носильщики, несшіе по-двое, на длинныхъ жердяхъ, бѣлые китайскіе сундуки съ вещами.

Отсюда уже видно, какъ неудобно было, колыхаясь подъ убаюкивающую качку паланкина, выглядывать изъ его маленькаго окошечка, наблюдать окружающую природу, собирать насѣкомыхъ, растенія.

Неосторожное движеніе—и равновѣсіе нарушается: вы черезчуръ сильно надавливаете на плечо одного изъ носильщиковъ—онъ грозитъ поскользнуться по узкой тропинкѣ-межникѣ и вывалить васъ вмѣстѣ съ паланкиномъ въ воду и илистый грунтъ одного изъ рисовыхъ полей. Опасность эта грозитъ особенно часто, когда вамъ приходится давать дорогу встрѣчнымъ. Тогда такія кувырканія нѣсколько разъ совершались на моихъ глазахъ съ моими спутниками. Еще хуже, если вамъ нужно остановиться, чтобы собрать какія-либо растенія или свѣдѣнія. Вся процессія должна остановиться. Задніе не могутъ по узкой дорогѣ перегнать переднихъ. Всѣ останавливаются. Солдаты толпятся вокругъ, мѣшая дѣлать наблюденія. Работавшіе на окрестныхъ поляхъ крестьяне сбѣгаются смотрѣть на заморскаго чорта. Толпа топчетъ посѣвы—и вы поневолѣ въ концѣ концовъ, скрываясь въ паланкинъ, отдаете приказаніе нести васъ дальше.

Я не удивляюсь теперь, почему до сихъ поръ естественно-историческія свѣдѣнія о Китаѣ собираются такъ туго и неполно, такая еще обширная арена остается для трудовъ натуралиста.

Остановки на пути, равно какъ и пейзажи, напоминали уже описанные мною выше. Характеръ Хубэ въ

посѣщенномъ мною районѣ былъ довольно однороденъ и однообразенъ. Это нѣсколько облегчало трудности изслѣдованія.

Изъ трехъ поѣздокъ моихъ, носившихъ, какъ сказано, весьма сходный характеръ, я опишу здѣсь мое посѣщеніе уѣзднаго городка Пукисена, такъ-какъ оно было наиболѣе богато впечатлѣніями, рисующими жизнь и характеръ китайскаго народа. Какъ всякій китайскій городъ, Пукисенъ окруженъ зубчатою каменною стѣною съ четырьмя воротами, расположенными на всѣ 4 стороны свѣта. Эти ворота вели въ узкія, запруженныя народомъ улицы, столь-же зловонныя и съ тѣмъ-же общимъ характеромъ, что и въ остальныхъ городахъ Небесной имперіи. Какъ вездѣ, толпа народу хлынула за носилками, и нужна была помощь солдатъ, чтобы имѣть возможность двинуться впередъ. По счастію, урядникъ имѣлъ въ рукахъ своихъ стрѣлу съ именемъ императора. Одного прикосновенія этою стрѣлою было достаточно, чтобы арестовать виновнаго какъ нарушителя тишины, и дѣйствіе этой стрѣлы было настолько магическое, что съ ея помощью можно было кое-какъ раздвигать толпу. Меня быстро пронесли черезъ главныя улицы города и помѣстили для ночлега въ расположенномъ на окраинѣ экзаменаціонномъ домѣ, въ комнатѣ, гдѣ останавливается экзаменаціонная комиссія. Это была порядочно-таки грязная и зловонная конура съ затхлымъ воздухомъ, и я не позавидовалъ членамъ китайской экзаменаціонной комиссіи, которой приходится сидѣть здѣсь по-долгу. Но впослѣдствіи я съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ объ этомъ ночлегѣ, сравнивая его съ тѣми, которыя выпадали мнѣ на долю напр. въ Чуньянѣ, гдѣ я былъ запертъ въ тѣсную каморку съ маленькимъ, затянутымъ рѣшоткою окошкомъ, къ которому, становясь другъ другу на плечи, подлѣзали праздные зрители, дразнившіе меня, какъ звѣря, палками и съ визгомъ сваливавшіеся внизъ при громкомъ хохотѣ толпы, какъ только

я обращался въ ихъ сторону. Здѣсь-же, напротивъ, было тихо. Я былъ изолированъ отъ уличной толпы въ зданіи, которое и было расположено такъ, чтобы никто не нарушалъ тишины вокругъ экзаменующихся. Я уже описывалъ обликъ зданія при характеристикѣ народнаго образованія Китая. Зданіе, гдѣ я ночевалъ, ничѣмъ не отличалось отъ другихъ, кромѣ развѣ того, что во дворѣ его росли двѣ Stuculia platanifolia громадныхъ размѣровъ.

Мнѣ уже съ вечера прислалъ свою визитную карточку городничій. Я, какъ высшій его по чину, могъ не отдавать ему визита и не обѣдать у него, хотя я всетаки долженъ былъ съѣсть присланный имъ на квартиру довольно недурной (съ китайской точки зрѣнія) обѣдъ и на другой день принять этого мандарина у себя.

Послѣднее обстоятельство меня очень смущало. Въ области тонкихъ китайскихъ церемоній я былъ совершенно профанъ и, думая экскурсировать вокругъ китайской деревни, никакъ не могъ думать, что мнѣ придется принимать оффиціальные визиты китайскихъ мандариновъ. Меня объ этомъ не предупреждалъ и консулъ, который, повидимому, и самъ, въ виду неожиданнаго измѣненія маршрута, упустилъ это изъ виду.

Это было тѣмъ болѣе непріятно, что китайскій чиновникъ, меня сопровождавшій, не говорилъ ни на какомъ языкѣ, кромѣ китайскаго, мой-же китаецъ, слуга и переводчикъ, христіанинъ, ученикъ миссіонеровъ, былъ плохимъ переводчикомъ и еще худшимъ знатокомъ этикета.

Какъ и слѣдовало ожидать, вышло курьезное qui pro quo, къ счастію не представлявшее съ китайской точки зрѣнія ничего неприличнаго.

Въ часъ, когда я долженъ былъ ожидать пріѣзда городничаго, какъ нарочно и мой мандаринъ, и мой слуга куда-то запропастились. Со мной въ комнатѣ осталось только нѣсколько человѣкъ солдатъ, меня, какъ поднадзорнаго, никогда не оставлявшихъ одного.

Вдругъ ко мнѣ съ таинственнымъ видомъ вбѣгаетъ одинъ изъ солдатъ и, показывая палецъ руки, знаками даетъ мнѣ понять, что ко мнѣ идетъ 1-е лицо или важная персона, занимающая 1-е мѣсто. Я даю знать, чтобы мнѣ прислали или мандарина или переводчика, но, какъ на зло, ни тотъ, ни другой не являются. Между тѣмъ ко мнѣ въ комнату, улыбаясь пріятною китайскою улыбкою, вошолъ высокаго роста пожилой мужчина и привѣтствовалъ меня по китайскому обычаю, потрясая двумя кулаками, сложенными передъ грудью. Солдаты еще разъ знаками мнѣ показали, что это было 1-е лицо. Я, недоумѣвая, что съ нимъ дѣлать, и полагая, что это былъ городничій, приглашаю его сѣсть, что тотъ и дѣлаетъ, довольно развязно садясь къ моему столу. Спрашивается, что-же мнѣ съ нимъ дѣлать? Ни самъ, ни черезъ солдатъ я не могу съ нимъ объясняться. Истративъ небольшой запасъ привѣтственныхъ словъ, заученныхъ мною во время пути, я почувствовалъ себя въ глупѣйшемъ положеніи. Посланный за мандариномъ не являлся, а китаецъ продолжалъ сидѣть за моимъ столомъ и смотрѣть на меня. Такое положеніе вещей дѣйствовало на нервы. Я вспомнилъ, что у меня была бутылка хорошаго краснаго вина и галеты, и думая хоть чѣмъ-нибудь занять знатнаго гостя, я велѣлъ откупорить бутылку и, наливши въ чашки вина, преподнесъ его китайцу. Онъ, повидимому, остался очень доволенъ предложеніемъ. Солдатъ пояснилъ ему, что красную жидкость, которую мои солдаты пробовали неоднократно, могутъ пить не одни только заморскіе черти, и китаецъ, выпивъ одну чашку, не отказался и отъ слѣдующей. Вообще, наслушавшись о китайскихъ церемоніяхъ, я никакъ не ожидалъ, чтобы чиновники здѣшніе держали себя настолько непринужденно.

Пока мы такимъ образомъ распивали въ центрѣ Китая французское бордо, ко мнѣ въ комнату вдругъ вбѣжалъ мой переводчикъ, говоря, что мандаринъ проситъ меня въ главную залу, куда сейчасъ явится начальникъ

города. Тутъ я совсѣмъ потерялъ голову, недоумѣвая, съ кѣмъ-же только-что передъ этимъ я разговаривалъ. Я поспѣшилъ въ залу. Туда черезъ нѣсколько минутъ вошелъ старичокъ въ расшитой золотомъ длинной кофтѣ, бусахъ и круглой шляпѣ съ султаномъ. Если обыкновенные китайцы по одеждѣ своей весьма мало походятъ на тѣхъ, какихъ рисуютъ на вывѣскахъ нашихъ чайныхъ магазиновъ, то этотъ мандаринъ зато оправдывалъ эти рисунки,—такъ пестро и оригинально было его одѣяніе. Онъ мнѣ поклонился низко. Я привѣтствовалъ его какъ могъ по-китайски, предоставивъ затѣмъ дальнѣйшій обмѣнъ любезностей моему переводчику и мандарину, которые, надо думать, придавали разговору нашему достаточно витіеватую форму. Мандаринъ по крайней мѣрѣ улыбался очень сладко, и послѣ 10-минутной аудіенціи начальникъ города, какъ и слѣдовало по этикету, удалился, повидимому, очень довольный визитомъ. Но кто-же былъ таинственный незнакомецъ, опередившій начальника города?

Это былъ его старшій лакей!

Съ нашей европейской точки зрѣнія смѣшать лакея съ начальникомъ города мудрено. Это невозможно и въ Китаѣ, когда одинъ одѣтъ въ форму, а другой въ простомъ одѣяніи. Но сдѣлать это, когда и тотъ, и другой носятъ партикулярное платье, не представляетъ ничего мудренаго. Весь китайскій народъ, какъ народъ не имѣющій сословій, носитъ болѣе или менѣе одинаковую одежду—грубую и дешовую во время работы, цвѣтную шелковую—когда идетъ гулять. Но всѣ безъ исключенія носятъ одежду одного и того-же покроя. Ученые, изъ которыхъ вербуются чиновники, зачастую происходятъ изъ простыхъ и бѣдныхъ семействъ. Поэтому ни манерами, ни воспитаніемъ они не отличаются существенно отъ простолюдина, и если оффиціальная жизнь ихъ связана тысячами церемоній, то того-же самаго нельзя сказать о жизни частной. Обращеніе господъ съ прислугой

и этой послѣдней съ господами въ Китаѣ поражаетъ патріархальностью. Обѣдаютъ зачастую вмѣстѣ; прислуга спокойно садится въ присутствіи господъ, и англичанамъ приходится потратить немало хлопотъ, чтобы выдрессировать по-европейски поступающихъ къ нимъ въ услуженіе китайцевъ.

Эта одинаковость манеръ и костюма является великимъ консервативнымъ факторомъ во внѣшней жизни китайца. Китаецъ, какъ мы видѣли, выработалъ типъ одежды наиболѣе подходящей къ климату его страны. Мѣнять его было-бы абсурдно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ костюмъ этотъ кажется смѣшнымъ въ другихъ государствахъ. Раздѣленная на сословія Японія стоитъ на пути къ ликвидаціи своихъ керимоновъ. Тамъ стоящая въ сношеніяхъ съ европейцами интеллигенція надѣла пиджаки и, какъ у насъ, народъ стремится изъ мелкаго честолюбія, чтобы въ городѣ его принимали *за барина*, и пожившій нѣкоторое время въ городѣ крестьянинъ начинаетъ стыдиться своего происхожденія. Въ Китаѣ считаться земледѣльцемъ никому не стыдно. Отъ императора и до послѣдняго нищаго всѣ уважаютъ свой національный костюмъ, а потому, несмотря на его странность, носители его не имѣютъ причинъ стыдиться его и заграницею.

Мое пребываніе въ Пукисенѣ стоило довольно дорого городничему. Послѣ обѣда, интересуясь окрестностями, я отправился въ сопровожденіи конвоя за городъ. Осматривалъ плантаціи рами и, между прочимъ, любовался однимъ изъ самыхъ очаровательныхъ ландшафтовъ, какіе только мнѣ приходилось видѣть во время моихъ многочисленныхъ путешествій. За городомъ, на высокомъ берегу рѣки возвышалась высокая пагода; это была башня съ десятками этажеобразно расположенныхъ крышъ, какія обыкновенно у насъ представляютъ какъ характерный архитектурный типъ Китая. Но на дѣлѣ такія пагоды почти никогда не строятся въ городахъ. Онѣ не возвышаются,

какъ наши церковныя колокольни, надъ моремъ крышъ городскихъ построекъ,—нѣтъ, онѣ ставятся по законамъ фенгъ-шуя въ нѣкоторомъ отдаленіи, на холмѣ, надъ рѣкою, господствуя надъ мѣстностью. Пагода Пукисена ясно показывала, что и китайцы, несмотря на ихъ страсть ко всему уродливому и неестественному, на ихъ умѣнье запакостить природу въ окрестностяхъ своего жилья— всетаки могутъ быть прекрасными цѣнителями природы.

Съ холма, на которомъ стояла пагода, открывался восхитительный видъ. Трудно было выбрать пунктъ болѣе подходящій. Поднявшись на верхъ пагоды, вы прямо передъ собою, подъ крутымъ зеленымъ берегомъ, видите живописно извивающуюся рѣку. За рѣкою открывается обширная панорама изумрудно-зеленыхъ рисовыхъ полей— этотъ газонъ, о свѣжести и яркости цвѣта котораго не могутъ дать понятія никакіе самые чистые и яркіе газоны нашихъ парковъ. На этомъ газонѣ, по мѣрѣ удаленія отъ береговъ, все чаще и чаще начинаютъ подниматься малиноваго цвѣта холмики, на которыхъ живописными группами возвышаются развѣсистыя сосны. Холмики эти становятся на горизонтѣ чаще и чаще, и даль кажется обрамленной голубоватымъ фономъ сосноваго бора. Надъ этимъ моремъ зеленыхъ и красныхъ оттѣнковъ, среди котораго какъ рѣдкое исключеніе бѣлѣютъ стѣны какого-нибудь изолированнаго, одѣтаго сѣрою черепичатою кровлею храма предковъ, слѣдуя извивамъ рѣки возвышается крутой нагорный берегъ, густо одѣтый вѣчно зеленымъ, темнымъ и глянцевитымъ, какъ камеліи и мирты, кустарникомъ. Главный фонъ картины, создаваемой этою береговою частью, дѣлалъ самый Пукисенъ, небольшой городокъ, расположенный на склонахъ, обнесенный высокою сѣрою зубчатою стѣною съ желѣзными воротами и башнями. Эта живая руина дикаго средневѣковаго быта какъ нельзя больше шла къ этой блещущей яркими оттѣнками зелени очаровательной природѣ холмовъ,— которые, становясь все выше и выше, превращались на

горизонтѣ зарѣчной части ландшафта въ голубые контуры отдаленныхъ горъ. Въ стѣнахъ пагоды, верхній этажъ которой былъ занятъ небольшою кумирнею, съ каждой стороны были прорѣзаны круглыя окна; эти окна служили какъ-бы рамкою для чудныхъ, открывающихся изъ нихъ картинъ, и трудно было сказать, какая изъ этихъ четырехъ картинъ была очаровательнѣе.

Вообще южный Китай не можетъ пожаловаться на недостатокъ красивыхъ панорамъ. Съ вершины холмовъ, окружающихъ Янъ-Лоу-Дунъ и Янъ-Лоу-Си, неоднократно любовался я хотя менѣе красивыми, но всетаки очаровательными ландшафтами, гдѣ округлыхъ очертаній лѣсистые холмы возвышались надъ ровными, какъ поверхность озеръ, изумрудными скатертями рисовыхъ полей и раскиданными среди нихъ деревеньками или отдѣльными, блещущими золотыми черепицами кровлями храмовъ предковъ.

Недаромъ китаецъ любитъ родину, хочетъ умереть въ своемъ «царствѣ цвѣтовъ», какъ зоветъ житель Небесной имперіи страну свою...

На обратномъ пути со мною случился небольшой инцидентъ. Осматривая одинъ изъ маленькихъ храмовъ, я собралъ около себя толпу любопытныхъ. Одинъ изъ толпы, очевидно какая-то фанатически настроенная личность, началъ меня громко и неприлично ругать. Одинъ изъ солдатъ, подойдя къ нему, прикоснулся описанной уже мною стрѣлою съ именемъ императора къ кричащему. Моментально онъ былъ выданъ намъ и какъ овечка послѣдовалъ за нами подъ арестъ. Я приказалъ его отпустить, какъ только мы дошли до дому, къ великому удовольствію толпы. Но не такъ, какъ я узналъ только впослѣдствіи, отнесся къ этому дѣлу мандаринъ. Онъ угрожалъ донести обо всемъ бывшемъ въ разукрашенномъ видѣ губернатору—и смѣнилъ гнѣвъ на милость только тогда, когда городничій преподнесъ ему сумму около 50 руб. Уже въ Ханькоу мнѣ разсказали, что онъ бралъ

такіе-же подарки со всѣхъ начальствующихъ лицъ другихъ городовъ, гдѣ мы останавливались, и былъ очень огорченъ, когда пришлось въ виду разныхъ обстоятельствъ сократить маршруты по уѣзду. Но въ виду того, что мы должны были въ августѣ соединиться съ И. Н. Клингеномъ, чтобы ѣхать въ Фу-Чау, надо было экономничать временемъ. Поэтому, осмотрѣвши перечисленные пункты и вернувшись къ товарищамъ въ Янъ-Лоу-Дунъ, гдѣ я посвятилъ послѣдніе дни чайному дѣлу, я сталъ приготовляться къ обратному пути въ Ханькоу.

Капуа
Capua г. и крепость въ Италіи
въ провинціи Казерти (Кампанія)
на рѣкѣ Вольтурно.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ

Іокогама и Токіо.

Японія—это современная Капуа, сказалъ кто-то изъ globe-trotter'овъ—и я не могу не согласиться со справедливостью его изреченія. Всякій разъ когда я попадаю въ Японію,—а теперь я въ ней уже третій разъ,—я отдыхаю и тѣломъ, и душою. Очаровательная природа, чудныя формы горъ и растеній, прелестные воспитанные люди,—все здѣсь создаетъ обстановку для отдохновенія, для безконечнаго ряда эстетическихъ наслажденій. И мы, а въ особенности я, достигши этой чудной страны, болѣе чѣмъ когда-либо нуждались въ благотворномъ вліяніи ея успокаивающей нервы обстановки. Послѣднія недѣли пребыванія въ Китаѣ были ужасны. Жара достигла 40 градусовъ, температура на ночь падала на какихъ-нибудь полтора градуса. Воздухъ стоялъ насыщенный парами, разслабляя духъ и тѣло постоянной испариной. Ночевки на описанныхъ уже мною постеляхъ въ душныхъ комнатахъ, постоянная жизнь подъ конвоемъ, на виду у глазѣющей толпы, сдѣлали пребываніе въ Янъ-Лоу-Дунѣ въ концѣ концовъ настолько непріятнымъ, что я съ удовольствіемъ сталъ думать о днѣ нашего отъѣзда. Этотъ послѣдній былъ обставленъ всѣми правилами китайскаго этикета. Нашъ хозяинъ устроилъ намъ пышные проводы, заключавшіеся въ томъ, что въ моментъ нашего выступленія было сожжено такое количество кракеровъ и шу-

тихъ, что можно было подумать, что происходило большое кровопролитное сраженіе двухъ армій—такъ великъ былъ трескъ и дымъ этого фейерверка. Начальникъ Синдзяня прислалъ намъ, въ знакъ своего вниманія, китайскихъ конфектъ—и также въ такомъ количествѣ, что имъ можно было накормить цѣлую свиту. Интересенъ этотъ обычай посылать на дорогу конфекты. Въ Китаѣ онъ существуетъ искони вѣковъ; но неужели отсюда, съ Востока, распространился онъ къ намъ—или, какъ визиты, визитныя карточки и другія правила свѣтской жизни, одновременно и самостоятельно возникъ на двухъ противоположныхъ концахъ европейско-азіатскаго континента?

Въ Ханькоу насъ ожидали ужасы гораздо худшіе, чѣмъ въ деревнѣ. Единственная гостинница, содержавшаяся пьянымъ англичаниномъ, расположена была на границѣ европейскаго и китайскаго города. Къ жарѣ и влагѣ здѣсь присоединялась атмосфера помойной ямы, господствовавшая въ китайскомъ городѣ; въ обстановкѣ-же господствовало сочетаніе грязи китайской съ грязью европейскаго вертепа, такъ-что даже послѣ обстановки китайской деревни она казалась отвратительною. Въ такой обстановкѣ могли проводить ночи подвыпившіе послѣ гулянки матросы, но не жаждавшіе отдыха путешественники. Ко всему этому присоединялись еще милліоны комаровъ. Несмотря на всю мою привычку къ жарѣ и лишеніямъ, я чувствовалъ, что силы мои подламываются и не сегодня—завтра я долженъ слечь въ постель. Мои товарищи чувствовали себя лучше. Они посѣщали фабрики кирпичнаго чая, осматривали мѣста производства его. Мои-же экскурсіи въ туземный городъ для осмотра общественныхъ учрежденій, клубовъ, храмовъ кончались тѣмъ, что меня приносили домой въ полномъ изнеможеніи. Энергія падала съ каждымъ днемъ.

А между тѣмъ какую массу интереснаго можно былобы здѣсь и видѣть, и сдѣлать при другихъ условіяхъ. Здѣсь только я убѣдился, что если въ частныхъ своихъ

домахъ китаецъ живетъ грязно—въ своихъ мѣстахъ собраній онъ не уступаетъ по любви къ роскоши и затѣямъ европейцу. Видѣнные мною клубы различныхъ китайскихъ землячествъ поразили меня своею роскошью. Прекрасныя рѣзныя кресла дорогой работы, люстры съ европейской конструкціи лампами, различные objets de luxe на столахъ—большею частью рѣзкія игры природы, мраморныя доски съ жилкованіемъ, напоминающимъ ландшафты, ненормально развитые корни или стволы деревьевъ и т. п. На стѣнахъ висѣли какемоно, гдѣ группы людей, плавающія рыбы, кусты бамбуковъ, наконецъ, цѣлые ландшафты были исполнены простыми мазками кисти—и исполнены поразительно вѣрно природѣ. Потолокъ залъ подпирался колоннами, расписанными золотомъ и пурпуромъ, разукрашенными въ оригинальномъ китайскомъ стилѣ. Здѣсь послѣ убогости обстановки деревни вы переноситесь въ обстановку хоромъ древнихъ римлянъ или египтянъ. Такое-же впечатлѣніе на меня произвели хоромы нѣкоторыхъ богатыхъ негоціантовъ, внутренніе дворы домовъ которыхъ были убраны пальмами и обстановка роскошью своею напоминала обстановку клубовъ.

Къ сожалѣнію, краткость пребыванія въ Ханькоу и состояніе здоровья позволили мнѣ лишь вскользъ познакомиться съ этимъ бытомъ богатыхъ китайцевъ, объ обстановкѣ которыхъ могутъ дать нѣкоторое понятіе рисунки, помѣщенные въ иллюстрированномъ приложеніи къ газетѣ «Русь».

Не могу также не отмѣтить того радушнаго пріема и проводовъ, какіе намъ были сдѣланы русскими чайными фирмами въ Ханькоу. Вечеръ на пароходѣ въ моментъ его отплытія, когда представители ихъ всѣ пришли проститься съ нами и дружная русская пѣснь далеко раздалась надъ волнами Янъ-тсе-Кіанга, также не изгладятся изъ моего воспоминанія.

Пребываніе въ Шанхаѣ было кратковременно. И. Н. Клингенъ, вернувшись изъ поѣздки въ Фучшау, сооб-

щилъ, что тамъ свирѣпствуетъ холера и началось избіеніе миссіонеровъ, почему ѣхать туда остальнымъ членамъ экспедиціи, по его словамъ, было невозможно. Это сообщеніе во всякое другое время повергло-бы меня въ неописанное отчаяніе, но, пріѣхавъ въ Шанхай, я былъ до того измученъ, что принялъ это извѣстіе почти съ радостью, и такъ-какъ въ Шанхаѣ чайной экспедиціи дѣлать было нечего, то я съ первымъ-же пароходомъ отправился въ Іокогаму.

Я не буду описывать этой поѣздки на комфортабельномъ пароходѣ канадской компаніи «Empress of China». Общая характеристика этой линіи была уже мною сдѣлана въ первомъ письмѣ, а Нагасаки и внутреннее море я описывалъ въ моихъ статьяхъ «По островамъ далекаго Востока». Поэтому новою для читателей «Недѣли» явится только та часть пути, гдѣ мы вошли въ Великій океанъ и двигались вдоль береговъ Хоадо, пока не достигли Іокогамы.

Странное впечатлѣніе производитъ Японія, разсматриваемая со стороны океана. Здѣсь, въ этихъ широтахъ, Великій океанъ уже не носитъ характера океана тропическаго; въ немъ уже лежитъ какой-то отпечатокъ суровости. Полоса тумана, правда тумана полупрозрачнаго, закутываетъ сушу, и кажется, будто волны моря захлестываютъ эту мизерную полоску земли, какъ онѣ захлестываютъ во время бури одиноко борющійся съ волнами корабль...

Но путнику недолго приходится любоваться такимъ зрѣлищемъ. Скоро пароходъ приближается къ берегамъ и входитъ узкимъ проливомъ въ бухту Іокогамы.

Первое, что кидается пріѣзжему ступающему на берегъ, это—*джинрикши*, люди-лошади съ ихъ маленькими колясочками, мною уже неоднократно описывавшимися. Вы усаживаетесь въ одну изъ нихъ, и васъ легкою рысцею вашъ возница-лошадь везетъ въ одинъ изъ двухъ главныхъ отелей европейскаго квартала.

Въ противоположность портовымъ городамъ южной Японіи, Іокогама рѣзко дѣлится на 2 квартала—европейскій и японскій, причемъ европейскій кварталъ въ свою очередь дѣлится на дѣловой—подобіе американскихъ сити—и кварталъ загородныхъ дачъ. Сити носитъ въ себѣ мало характернаго. Здѣсь уже американскаго типа зданія, нижній этажъ которыхъ занятъ главнымъ образомъ магазинами, гдѣ сгруппирована та «японщина», до которой такъ падки пріѣзжіе европейцы.

Трудно повѣрить, но это такъ,—европейцы, а въ особенности американцы совершенно убили японское искусство. Теперь развѣ только въ туземныхъ магазинахъ рѣдкостей, и то за баснословно дорогую цѣну, можете вы пріобрѣсти настоящее художественное произведеніе искусства Японіи. Магазины обыкновенные, въ особенности-же магазины портовыхъ городовъ, завалены тою «японщиною», которую я отнесъ бы къ разряду кустарныхъ, лубочныхъ произведеній страны: коробочки и шкатулочки, крытыя наскоро чернымъ лакомъ, и понятія не дающимъ о томъ знаменитомъ японскомъ лакѣ, на который безнаказанно можно кидать зажженную спичку, фарфоровые сервизы, разсчитанные на европейскихъ покупателей, хотя и изъ хорошей глины, но съ рисункомъ, немного только ушедшимъ отъ рисунковъ чайныхъ ящиковъ и далекимъ отъ тѣхъ вѣрныхъ природѣ и необыкновенно изящныхъ и отдѣланныхъ изображеній, которыми украшали свои фарфоровыя издѣлія еще такъ недавно туземные мастера. Желаніе поддѣлаться подъ спросъ американцевъ ушло такъ далеко, что вы сотнями встрѣчаете вазы съ ликомъ Спасителя, съ громадными подсолнечниками и т. п., глядя на которыя вы можете забыть, что вы находитесь въ японской лавкѣ, а не въ магазинѣ фарфоровой фабрики Мальцова. Желаніе производить массами, желаніе поддѣлаться подъ грубый вкусъ за-атлантическихъ сосѣдей сквозитъ всюду—и какъ быстро подъ его вліяніемъ исчезаетъ все

характерное, артистическое, мѣстное, читатели могутъ видѣть, напр., изъ того, что желая пополнить японскій чайный сервизъ, купленный мною 3 года тому назадъ, я уже не могъ нетолько найти такихъ-же чашекъ, но даже сервиза, въ этомъ родѣ сдѣланнаго. Обладатели древнихъ японскихъ вещей могутъ теперь гордиться ими,—это будутъ скоро рѣдкіе уникумы безъ цѣны.

Та-же самая участь постигаетъ и другія чисто японскія произведенія—вышивки, клоазоннэ.

Нетолько въ Іокогамѣ,—въ Кіото, этомъ центрѣ промышленности, вы не встрѣтите тѣхъ дешевыхъ артистическихъ вышивокъ, которыя плѣняли своею красотою пріѣзжаго. Только издѣлія стоимостью свыше 100 р. еще могутъ дать нѣкоторое понятіе объ японскомъ вкусѣ. Остальное—это опять наскоро сдѣланная поддѣлка на европейскаго характера темы, и скоро панно, выставленныя въ нашихъ художественныхъ магазинахъ, вѣрностью природѣ превзойдутъ эти произведенія Японіи. Національное искусство Японіи вырождается подъ вліяніемъ иностранцевъ. Это чувствуютъ сами японцы. Они уже основали общество для поднятія этого искусства, но сумѣетъ-ли оно побороть духъ времени—это теперь сказать трудно.

Если европейскіе и туземные магазины Іокогамы не могутъ удовлетворить цѣнителя настоящаго японскаго искусства, то нѣтъ сомнѣнія, что произведенія дешевыя, доступныя мелкимъ кустарямъ, плѣнятъ всякаго. Мозаичныя коробочки и ящички изъ различныхъ сортовъ японскихъ деревьевъ, бронзовыя литыя статуэтки и въ особенности крашеныя фотографіи, по своему вкусу, тонкости отдѣлки и баснословной дешевизнѣ, плѣнятъ самаго скупого, разорятъ самаго безденежнаго покупателя. И, какъ водится, всегда, разорившись въ дорогихъ англійскихъ магазинахъ европейскаго квартала, онъ потомъ убѣдится, что онъ могъ-бы купить все это въ десять разъ дешевле въ кварталѣ туземномъ, оставивши кварталъ

европейскій для болѣе рѣдкихъ произведеній Океаніи, которыя призвозятся сюда на приходящихъ съ Востока пароходахъ.

Вообще,—и это характерная черта англичанъ,—насколько они держатъ въ дисциплинѣ туземцевъ своихъ собственныхъ колоній, настолько они развращаютъ населеніе тамъ, гдѣ они являются гостями.

Какъ въ Европѣ, въ Швейцаріи, Италіи, въ Египтѣ, вездѣ, въ мѣстахъ, посѣщаемыхъ англичанами, все дорого, населеніе назойливо, попрошайничаетъ и стремится къ обману—такъ и въ Іокогамѣ вы имѣете чуть-ли не единственное мѣсто въ странѣ Восходящаго солнца, гдѣ на европейца начинаютъ смотрѣть какъ на предметъ наглой эксплуатаціи. Здѣсь уже бѣгаютъ за вами, кувыркаясь колесомъ и прося нѣсколько центовъ за это, японскіе ребятишки, здѣсь съ незнакомаго съ таксою пріѣзжаго джинрикша не преминетъ запросить тройную цѣну или постараются провести въ магазинѣ. Къ чести японцевъ, пока они далѣе этого не идутъ, и даже въ Іокогамѣ жизнь спокойнѣе и сноснѣе, чѣмъ въ любомъ изъ другихъ не англійскихъ, посѣщаемыхъ globe-trotter'ами портовъ.

Въ общемъ европейская Іокогама хорошенькій городокъ. Ея набережная, обсаженная безобразно-обстриженными соснами, открываетъ чудный видъ на бушующія воды рейда, со стоящими на немъ иностранными и японскими судами. Узкія и кривыя, но безукоризненно чистыя улицы заполнены консульствами, агентствами различнаго рода фирмъ и торговыми складами.

Минуя ихъ, двигаясь къ югу, вы переѣзжаете по хорошему мосту маленькую рѣчку, чтобы, поднявшись на гору, вступить въ область европейскихъ дачъ, очаровательный и единственный въ своемъ родѣ уголокъ. Здѣсь природа Японіи не похожа на ту, что вы видите около Нагасаки. И Японія, и противулежащій берегъ Америки, и даже Индія выслали сюда всѣ свои хвойныя породы,

чтобы создать парки и стѣны вѣчной зелени самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Сѣроватая хвоя кедровъ гималайскихъ чередуется здѣсь съ яркою зеленью туй и криптомерій. Задумчивыя кроны сосенъ смѣняются стрѣльчатыми контурами елей и причудливыми формами чисто-японскихъ породъ вродѣ усѣянныхъ звѣздчатыми хвоями Sciadopitys verticillate. Тамъ и сямъ проглядываетъ яркая зелень бамбуковъ—и въ этой обстановкѣ зимняго сада эффектно выдѣляются цвѣтники и цвѣтущіе кустарники и расположенные у подножія холма сельскіе ландшафты съ изумрудною зеленью рисовыхъ полей. Это одинъ изъ чудныхъ уголковъ для отдохновенія, и неудивительно, что здѣсь, покидая отъ времени до времени душный и пыльный Токіо, проводилъ свое время нашъ посланникъ, къ сожалѣнію теперь уже покойный М. И. Хитрово, о гостепріимствѣ котораго и широкомъ содѣйствіи нашей экспедиціи я навсегда сохраню самое пріятное воспоминаніе.

Туземный кварталъ Іокогамы мало характеренъ. Это обыкновенный японскій городъ, и если что обращало на себя вниманіе, то это тѣ украшенія улицъ, которыя были вызваны послѣднею китайско-японскою войною. Вездѣ еще виднѣлись тріумфальныя арки для войскъ, постоянно встрѣчались маленькіе коренастые солдатики, своею европейскою формою рѣзко выдѣляясь среди туземныхъ одѣяній остальной массы народа.

По отношенію своему къ народнымъ увеселеніямъ японцы напоминаютъ французовъ. И здѣсь, какъ въ городахъ Франціи, существуютъ кварталы, или по крайней мѣрѣ улицы, застроенныя балаганами и паноптикумами, гдѣ въ досужіе часы постоянно бываетъ праздная толпа народа. Въ описываемое время въ Іокогамѣ среди этихъ балагановъ далеко не послѣднюю роль играли выставки восковыхъ фигуръ и манэкеновъ, изображавшія различные моменты изъ войны, взятіе китайскихъ крѣпостей, геройскую защиту укрѣпленій. О томъ-же говорили про-

даваемыя лубочныя картинки и народныя брошюры. Словомъ, воинственный пылъ чувствовался повсюду; можно было забыть, что находишься въ Японіи, а не въ Германіи. Но, параллельно съ этимъ, кидалось въ глаза и другое явленіе. Несмотря на то, что Іокогама городъ портовый и притомъ чисто торговый, ни одинъ родъ лавокъ не встрѣчается такъ часто, какъ книжныя торговли. Тоже явленіе я встрѣтилъ затѣмъ и въ другихъ городахъ сѣвера. Японія обѣщаетъ сдѣлаться классическою страною книжной торговли, и притомъ торговли народными изданіями, такъ-какъ читаетъ здѣсь вся масса народа.

Я присматривался къ этимъ, выставленнымъ въ магазинахъ и на ларяхъ изданіямъ и убѣждался, что по своему содержанію они много выше всего того, что до сихъ поръ наша такъ-называемая интеллигенція дала народу. Здѣсь главную и подавляющую массу изданій составляли элементарные краткіе учебники и самоучители по всевозможнымъ отраслямъ знаній. Уже по одному ихъ обилію и разнообразію можно было видѣть, въ какой степени вся нація здѣсь жаждетъ учиться. Беллетристика здѣсь была уже на второмъ планѣ. Она носила своеобразный характеръ, и о ней я поговорю подробнѣе въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ.

Въ то время какъ для народной массы Японіи выборъ поучительнаго чтенія громаденъ, для человѣка съ высшимъ кругомъ образованія онъ очень не великъ. Чего-нибудь подобнаго нашимъ «толстымъ журналамъ», вродѣ «Русской Мысли», «Вѣстника Европы» и т. п., здѣсь нѣтъ. Я нашолъ одно только изданіе подъ заглавіемъ «Солнце», со статьями на англійскомъ и японскомъ языкахъ и чрезвычайно пестраго содержанія, гдѣ статьи по естествознанію, философіи, религіознымъ вопросамъ, беллетристикѣ и политикѣ были перемѣшаны другъ съ другомъ въ хаотической смѣси,—журналъ, напоминавшій наши иллюстрированныя изданія вродѣ «Нови». Но уже это изданіе показывало, что болѣе серьезныя

изданія не заставятъ себя ждать. Въ «Солнцѣ» уже трактовалось о проектѣ устройства грандіознаго ботаническаго сада на Формозѣ, которую японцы еще не успѣли какъ слѣдуетъ покорить, о метеорологической обсерваторіи на вершинѣ горы Фузы, на высотѣ 14 слишкомъ тысячъ футъ, то-есть почти на высотѣ Монблана, и т. п. вопросахъ, о которыхъ у насъ еще сочли-бы разговоръ преждевременнымъ. Научные журналы Японіи въ настоящее время по содержанію мало отличаются отъ европейскихъ. Хотя они печатаются іероглифами, но обыкновенно къ нимъ прилагается краткое резюме на одномъ изъ европейскихъ языковъ. Но этихъ журналовъ вы не увидите у мелочныхъ продавцовъ. Книжная торговля Японіи носитъ характеръ ультра-демократическій. И въ туземномъ кварталѣ Іокогамы, какъ во всякомъ портовомъ городѣ, главное вниманіе обращено на предметы, спрашиваемые европейцами, почему его лавки менѣе характерны, чѣмъ лавки другихъ городовъ.

Туристы, останавливающіеся въ Іокогамѣ, обыкновенно дѣлаютъ по желѣзной дорогѣ загородную экскусію, чтобы осмотрѣть мѣстечки Камакура и Эношима. Это всего нѣсколько станцій ѣзды по желѣзной дорогѣ, теперь уже пересѣкающей островъ въ продольныхъ и нѣсколькихъ поперечныхъ направленіяхъ. Дорога японская болѣе походитъ по условіямъ движенія на наши русскія, чѣмъ на заграничныя. Тѣ-же продолжительныя остановки на станціяхъ, та-же убійственная медленность. Притомъ, на станціяхъ нѣтъ буфетовъ, а вмѣсто того мелочники продаютъ маленькія коробочки съ вареннымъ рисомъ, соленою рѣдискою и маринованными овощами, далеко не привлекательными для европейскаго желудка.

Самые вагоны устроены наподобіе вагоновъ нашихъ конно-желѣзныхъ дорогъ, съ сидѣніями сбоку, что также при длинномъ пути не представляетъ удобства. Зато вся сѣверная линія японскихъ желѣзныхъ дорогъ вы-

строена исключительно японскими инженерами: въ ея постройкѣ не принималъ участія ни одинъ иностранный инженеръ, и нація можетъ гордиться успѣхами своей техники, такъ-какъ дорога эта, несмотря на то, что техническая наука Японіи не насчитываетъ и 2-хъ десятковъ лѣтъ—несравненно совершеннѣе нашихъ второстепенныхъ дорогъ.

Камакура, какъ мѣстечко, сама по себѣ не представляетъ ничего особеннаго. Путешественника сюда привлекаетъ исполинское изображеніе погруженнаго въ созерцаніе Будды. Изображеніе это достигаетъ высотою своею высоты почти 3-хъ-этажнаго дома. Оно полое внутри, и по лѣстницѣ вы поднимаетесь прямо въ голову статуи, свободно вмѣщающую съ десятокъ людей. Но, раскаленная солнцемъ, она дѣлаетъ температуру воздуха внутри нестерпимо высокою, и пребываніе въ ней непріятно. Извнѣ статуя производитъ грандіозное, внушающее впечатлѣніе. Окруженная рощею криптонерій, статуя кажется исполиномъ, хотя и погруженнымъ въ задумчивость, наискось взглядывающимъ на ходящую у его ногъ публику.

Характерно воззваніе, написанное на доскѣ при входѣ въ паркъ, окружающій истукана. Оно гласитъ: «Путникъ, каковы-бы ни были твои религіозныя убѣжденія, проникнись уваженіемъ къ мѣсту, служащему святынею тысячамъ людей, какъ нынѣ живущихъ, такъ и уже отошедшихъ въ вѣчность».

Эношима—деревушка, расположенная на берегу моря. Она замѣчательна глубокимъ гротомъ—точнѣе, узкою щелью въ скалѣ, заканчивающеюся гротомъ, въ которомъ во время прилива съ остервенѣніемъ бушуютъ и бьютъ волны. Это одна изъ самыхъ глубокихъ прибережныхъ пещеръ на свѣтѣ. Сюда особенно охотно стекаются туристы, какъ европейцы, такъ и японцы, а потому вблизи въ селеніи развилась цѣлая торговля сувенирами, въ видѣ различныхъ красивыхъ произведеній Великаго океана. Нѣжнѣйшія мшанки, всевозможныхъ видовъ раковины,

губки и различныя издѣлія изъ раковинъ—цѣлыя картины и панно изъ нихъ—украшаютъ полки маленькихъ лавочекъ, привлекая покупателя. Японія дѣйствительно классическая страна для морской фауны, и неудивительно, что японскій университетъ въ Токіо поставилъ одною изъ первыхъ задачъ своихъ устройство зоологической станціи, наподобіе существующей въ Неаполѣ.

Кромѣ Камакуры и Эношимы, въ ближайшихъ окрестностяхъ Іокогамы мало интереснаго. Поэтому обыкновенно, посѣтивъ эти мѣста, спѣшатъ въ Токіо, какъ въ центръ, гдѣ сосредоточивается вся умственная дѣятельность Японіи.

Къ сожалѣнію, необходимость поспѣть въ короткое время выполнить крайне сложный маршрутъ по Японіи не позволила мнѣ и здѣсь остаться необходимое для близкаго знакомства съ городомъ время. Я долженъ былъ ограничиться лишь самымъ бѣглымъ осмотромъ, посвящая все свое время сельскохозяйственнымъ учрежденіямъ и мѣстамъ, имѣвшимъ отношеніе къ чайному дѣлу. Поэтому я могу подѣлиться съ читателемъ лишь весьма немногими впечатлѣніями, вынесенными изъ столицы страны Восходящаго Солнца. Путь отъ Токіо до Іокогамы малоинтересенъ. Сообщенія между столицею и портомъ самыя оживленныя. Ежечасно отходятъ поѣзда; густая сѣть телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ показываетъ, какъ необходимы другъ для друга эти два города.

Но ландшафтъ прибрежной низины не чаруетъ глаза. Она сплошь обработана, напоминая скорѣе городъ, чѣмъ поле. Между разнообразными культурами особенно обращаютъ на себя вниманіе грушевые сады, хотя терминъ сада едва-ли будетъ правильно примѣненъ къ этимъ плантаціямъ. Здѣсь всѣ деревья пущены шпалерою по горизонтальной, на столбахъ утвержденной рѣшоткѣ, наподобіе того, какъ пускаютъ виноградъ въ Астраханской губерніи. За деревьями уходъ самый тщательный, тѣмъ

не менѣе результаты его нельзя назвать удовлетворительными. Груши, крупныя и красивыя на видъ, на вкусъ водянисты, деревенисты, годны развѣ только для компота.

Токіо, какъ городъ, необъятенъ. Это въ полномъ смыслѣ вторая Москва, хотя знакомые съ Россіей японцы любятъ его сравнивать съ Петербургомъ. Это безконечное море деревянныхъ сѣрыхъ домиковъ обыкновенной японской архитектуры, съ сѣрыми черепичатыми кровлями, домиковъ двухъ-этажныхъ, низенькихъ, надъ которыми не возвышаются ни церковныя колокольни, ни фабричныя трубы.

Надобно часы и часы быстрой ѣзды на джинрикшѣ, чтобы попасть изъ одного конца города въ другой, и какъ въ Москвѣ, человѣкъ незнакомый съ разстояніями Токіо можетъ легко ошибиться въ своихъ разсчетахъ времени. Среди этихъ низенькихъ зданій и лабиринта узкихъ улицъ, на площадяхъ, которыми изобилуетъ Токіо, возвышаются европейскаго стиля каменныя зданія—присутственныя мѣста, различныя министерства и окруженная аллеями причудливо изогнутыхъ сосенъ крѣпость, гдѣ находится и дворецъ микадо.

Хотя эти зданія и красивы, они раскиданы слишкомъ далеко, чтобы играть въ городѣ видную роль, и, говоря вообще, столица страны Восходящаго Солнца не производитъ столичнаго впечатлѣнія. Въ гораздо большей степени чѣмъ къ Москвѣ, къ ней примѣнимо названіе «большой деревни» деревянныхъ домишекъ, среди которой тамъ и сямъ раскиданы каменныя зданія. Помимо японскихъ присутственныхъ мѣстъ, такими зданіями являются, между прочимъ, помѣщеніе русскаго посольства и большой европейскій, содержимый японцами отель.

Этотъ послѣдній, несмотря на образцовую чистоту и порядокъ, какъ нельзя лучше показываетъ, что наши постройки мало пригодны для субтропическаго, лѣтомъ чрезвычайно влажнаго климата Японіи. Въ комнатахъ душно и жарко, постельное бѣлье, хотя и чистое, имѣетъ

непріятный гнилостный запахъ. Поэтому пребываніе въ японскихъ домахъ гораздо пріятнѣе и гигіеничнѣе, чѣмъ въ домахъ европейскаго стиля. Кромѣ того, пребываніе въ европейскихъ постройкахъ какъ въ Токіо, такъ и въ Іокогамѣ даже и не безопасно. Дѣло въ томъ, что эта часть Японіи особенно сильно подвержена землетрясеніямъ; можно сказать, здѣсь не проходитъ недѣли, когдабы не было хотя легкаго сотрясенія почвы. Постройки японскія устроены такъ, что сотрясенія эти для нихъ почти совершенно безопасны; напротивъ, постройки европейскаго типа страдаютъ очень сильно, даютъ трещины и часто даже угрожаютъ жизни живущихъ. Вообще врядъли есть еще страна, гдѣ землетрясенія играли-бы такую важную роль въ жизни населенія, какъ Японія. Здѣсь съ ними приходится считаться, какъ у насъ считаются съ бурями или засухами. Поэтому Японія теперь покрыта рядомъ сейсмическихъ станцій, наблюдающихъ и даже предсказывающихъ землетрясенія, какъ у насъ предсказываютъ погоду. Поэтому, надо думать, и Токіо навсегда останется деревянною столицею, подобною Москвѣ до нашествія французовъ въ 12 году.

Съ Москвою Токіо имѣетъ еще и то сходство, что для японскаго города здѣсь всетаки очень мало зелени. Правда, всѣхъ туристовъ привлекаютъ такъ-называемые парки, какъ паркъ Уэпо, паркъ Таба и т. п., но понятіе парка врядъ-ли совмѣстимо съ этими мѣстами народныхъ гульбищъ. Это по большей части мѣста, гдѣ сгруппированы храмы, деревянные, украшенные громадными черепичатыми крышами и рѣзьбою, посвященные большею частью памяти усопшихъ правителей. Эти храмы окружены рощами сосенъ криптомерій и раннею весною цвѣтущихъ вишень, между которыми проходятъ дороги для проѣзжающихъ. Многіе изъ такихъ парковъ играютъ роль мѣстъ публичныхъ гуляній. Здѣсь устроены ряды лавокъ, особенно торговли дѣтскими игрушками, напоминающія тѣ, которыя открываются въ Петербургѣ на

вербной недѣлѣ въ Гостиномъ дворѣ. Въ паркѣ Уэно расположенъ большой базаръ—совершенно новый типъ торговли, характерный для Японіи. Въ крытомъ зданіи, напоминающемъ нѣсколько пассажи Москвы, только въ миніатюрѣ, устраивается нѣчто вродѣ выставки кустарныхъ произведеній различныхъ провинцій государства. На всѣ предметы цѣны фиксированы, что очень пріятно для иностранца, съ котораго въ обыкновенныхъ лавкахъ запрашиваютъ всегда лишнее. Между тѣмъ, здѣсь фарфоръ, лаковыя издѣлія, издѣлія изъ дерева, металла и т. п. можно имѣть прекраснаго качества и за баснословно дешевую цѣну. Здѣсь передъ вами развертывается картина домашней обстановки японца, такъ-какъ всѣ предметы первой необходимости, утварь, посуда, орудія, одежда представлены въ наилучшихъ образцахъ, въ лицѣ новѣйшихъ изобрѣтеній. Здѣсь можете вы наблюдать картину прогресса японской промышленности. Вмѣсто деревянныхъ кубиковъ, подкладывавшихся подъ голову и еще недавно замѣнявшихъ подушку, теперь дѣлаютъ маленькіе валики на пружинкахъ, несравненно болѣе мягкіе и удобные. Успѣхи европейской техники прокладываютъ широкій путь въ народную массу. Дорого стоющіе приборы демократизируются въ Японіи, дѣлаются доступными толпѣ. Гдѣ въ Европѣ купите вы на базарѣ за 75 рублей динамо-машину, могущую освѣтить комнату, или за 300 р. машину, освѣщающую домъ? Здѣсь онѣ стали доступны массѣ въ такой степени, что цѣлыя деревни, экономизируя силу сосѣдняго каскада, имѣютъ электрическое освѣщеніе въ своихъ домахъ. То-же можно сказать и о различныхъ инструментахъ, хирургическихъ приборахъ и т. п. Японія стремится показать Европѣ, что своими пальцами желтая нація можетъ дѣлать то, что дѣлаютъ въ Европѣ фабричныя машины, и что въ живописно расположенной хатѣ можно сдѣлать любую вещь не хуже, чѣмъ въ смрадной обстановкѣ фабрики или завода. Дай Богъ ей успѣха на этомъ поприщѣ...

Европейца на этихъ базарахъ до сихъ поръ больше всего интересуютъ произведенія кустарей. Отъ острововъ Ліу-Кіу и до сѣвера Хаидо каждая провинція даетъ свой типъ издѣлій. Лаковыя издѣлія крайняго юга, напримѣръ—сургучно-красныя, съ выпуклыми накладными рисунками; лаковыя издѣлія крайняго сѣвера покрыты рябымъ узоромъ изъ красныхъ и коричневыхъ пятенъ по желто-коричневому или темно-бурому фону. Произведенія среднихъ провинцій—или черныя, или красныя, ихъ рисунокъ, если онъ есть, исполняется золотомъ на темномъ фонѣ.

Такія-же различія наблюдаются и въ фарфорѣ. Фарфоръ Сатеума покрытъ необыкновенно мелкимъ золотымъ и цвѣтнымъ рисункомъ съ изображеніемъ большей частью людей и животныхъ. Кромѣ крайняго юга Кіу-Сіу, его дѣлаютъ еще въ Кіото. Фарфоръ Арота характеризуется выпуклымъ рисункомъ, какого вы не найдете на сѣверѣ, и т. д. Но теперь упадокъ искусства отражается и на базарахъ. Изъ Японіи, можно сказать, вывезены почти всѣ артистическія произведенія древностей. Ея кустари теперь работаютъ для толпы и мало-взыскательныхъ иностранцевъ.

Меркантильный духъ, развивающійся въ націи подъ европейскимъ вліяніемъ, начинаетъ проникать даже въ храмы. Въ храмѣ Азапуза я видѣлъ объявленіе о фабрикѣ наилучшаго саке, которое кидалось въ глаза почти столько-же, сколько предметы религіознаго культа, поставленные на алтарѣ, или портреты величайшихъ поэтовъ Японіи, пользующихся почему-то особеннымъ почетомъ, такъ-какъ во многихъ храмахъ я видѣлъ цѣлые ряды ихъ, прикрѣпленные около потолка и напоминавшіе мнѣ тѣ коллекціи портретовъ малороссійскихъ гетмановъ, которыми любятъ украшать свои комнаты многіе украинскіе патріоты.

Я былъ въ Токіо въ августѣ, въ мѣсяцъ лотосовъ, когда пруды и озера парковъ стояли розовыя отъ этихъ

красивыхъ, съ голову величиною, благовонныхъ, напоминающихъ наши кувшинки цвѣтовъ. Но, говоря вообще, это было глухое время. Занятій въ университетѣ не было, театры стояли закрытые, публика болѣе богатая разъѣхалась изъ города. Онъ казался мало-оживленнымъ и пустоватымъ. Благодаря любезности нашего посланника, я имѣлъ удовольствіе быть принятымъ министромъ народнаго просвѣщенія Японіи, который, за выѣздомъ въ этомъ мѣсяцѣ изъ Токіо министра государственныхъ имуществъ, занималъ мѣсто этого послѣдняго.

Съ разрѣшенія министра я могъ осмотрѣть всѣ научныя учрежденія Токіо, насколько это позволяло глухое время года, въ какое я былъ въ этомъ городѣ.

Изъ нихъ наиболѣе меня интересовалъ университетъ.—маленькій городокъ хорошенькихъ, европейскаго типа зданій, которому позавидовалъ-бы любой изъ университетовъ моего отечества,—настолько хороши, а главное настолько приспособлены для цѣли своей эти зданія.

Японскій университетъ по характеру своему представляетъ нѣчто среднее между университетами англійскими и нѣмецкими. Это какъ-бы соединеніе университета собственно съ нѣсколькими учрежденіями прикладнаго характера — земледѣльческой академіей и политехникумомъ. Это высшая инстанція для научныхъ изслѣдованій и высшаго преподаванія, — такъ-называемый University Hall, имѣющій цѣлью оригинальныя изслѣдованія, и такъназываемыя коллегіи, отвѣчающія нашимъ факультетамъ, гдѣ ведется преподаваніе теоретическое и практическое. Такихъ коллегій шесть, именно: юридическая, медицинская, инженерная, историко-филологическая, естественноисторическая и земледѣльческая. Воглавѣ университета стоятъ ректоръ, или, какъ его здѣсь называютъ, президентъ, и совѣтъ университета, состоящій изъ декановъ и сверхъ того, выборнымъ профессоровъ, по одному изъ каждой коллегіи. Лица эти выборныя отъ факультетовъ, но утверждаются членами совѣта министромъ народнаго

просвѣщенія. Каждая каѳедра имѣетъ своего профессора и при немъ одного ассистента; въ случаѣ надобности, ректоромъ назначаются еще особые лекторы. Какъ у насъ, профессорскія каѳедры могутъ занимать только магистры или доктора извѣстныхъ наукъ. Ректоръ университета не имѣетъ права во время исполненія ректорскихъ обязанностей занимать какую-либо каѳедру. Число ординарныхъ профессоровъ 75; число экстраординарныхъ колеблется около 12; число ассистентовъ—около 80, не считая еще такъ-называемыхъ ассистентъ-профессоровъ, число коихъ около 35. Медицинскій факультетъ мало отличается отъ нашего. На политехническомъ проходятъ: гражданское инженерное искусство (4 каѳедры), механическое инженерное искусство (2 каѳедры), морскую архитектуру (2 каѳедры), технологію орудій, электротехнику (2 каѳедры), архитектуру, прикладную (техническую) химію, технологію взрывчатыхъ веществъ, металлургію и минное искусство (3 каѳедры) и ученіе о строительныхъ матеріалахъ.

Историко-филологическій факультетъ имѣетъ 4 каѳедры по японскому языку, литературѣ и исторіи, 3 каѳедры по китайскимъ классикамъ и языку, 2 каѳедры по всеобщей исторіи и географіи, 2 кафедры по исторіи и философіи, 2 по психологіи, этикѣ и логикѣ, 1 по соціологіи, 1 по педагогикѣ, 1 по эстетикѣ, 1 по сравнительной филологіи, по 1 кафедрѣ для языковъ англійскаго, нѣмецкаго и французскаго.

Естественный факультетъ обнимаетъ математику (3 каѳедры), астрономію, физику, химію, зоологію, ботанику, минералогію съ геологіей, сейсмологію и антропологію.

Наконецъ, земледѣльческій факультетъ обнимаетъ земледѣліе, земледѣльческую химію, лѣсоводство, ботанику, зоологію, энтомологію и шелководство, садоводство, зоотехнію, геологію и почвовѣдѣніе, органическую физику (повидимому, физическую географію и минералогію),

администрацію и политическую экономію, ветеринарную анатомію, физіологію и ветеринарную медицину).

Академическій годъ въ Японіи начинается 11-го сентября и кончается 10-го іюля. Онъ дѣлится на три семестра: первый обнимаетъ 105 дней, отъ 11-го сентября до 24-го декабря; второй, заключая 83 дня, тянется отъ 8-го января до 31-го марта, и третій, въ 94 дня,—отъ 8-го апрѣля до 10-го іюня. Такимъ образомъ, японскіе студенты имѣютъ вакаціи зимнія, длящіяся 2 недѣли, весеннія—въ 1 недѣлю, и лѣтнія, длящіяся 2 мѣсяца. Кромѣ того, лекцій не бываетъ по воскресеньямъ и по праздничнымъ днямъ японскаго календаря, весьма впрочемъ немногочисленнымъ. Въ студенты университета, какъ и у насъ, принимаются кончившіе курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и имѣющіе соотвѣтствующіе аттестаты. Поступивъ въ университетъ, студентъ не имѣетъ права отлучаться изъ него долѣе, чѣмъ на мѣсяцъ, не получивъ на то спеціальнаго разрѣшенія университетскаго начальства. Ежегодно бываютъ повѣрочныя испытанія, на основаніи которыхъ студентовъ переводятъ на слѣдующіе курсы; по окончаніи курса они удостоиваются степеней, соотвѣтствующихъ нашимъ кандидатскимъ.

Студенты, оставленные при университетѣ, для приготовленія къ ученой степени, получаютъ около 15 р. въ мѣсяцъ жалованья—сумма, которая, при гораздо большей дешевизнѣ жизни въ Японіи, почти равна нашимъ 40 р.

Музеи и лабораторіи университета могутъ заставить покраснѣть любого изъ завѣдующихъ кабинетами нашихъ провинціальныхъ университетовъ. Помимо чистоты, порядка и раціональнаго состава коллекцій, поражаешься ихъ богатствомъ, несмотря на молодость университета и его небольшія средства. Я не технологъ, и потому лишь мелькомъ осмотрѣлъ техническіе музеи; но музеи физико-математическаго факультета поразительны. Собранія естественно-историческія, правда, по большей части ограничиваются богатыми коллекціями мѣстныхъ, необыкновенно

разнообразныхъ произведеній. Особенно хороши въ зоологическомъ кабинетѣ безпозвоночныя Японскаго моря, не менѣе 2500 японскихъ птицъ, принадлежащихъ къ 400 видамъ, чудная коллекція моллюсковъ, раковъ и червей, и собраніе Hexaetinellidae, единственное въ мірѣ по красотѣ формъ. Очень хорошъ геологическій кабинетъ, гдѣ теперь можно видѣть вещественныя доказательства полной геологической и почвенной карты Японіи, составленной японскимъ геологическимъ комитетомъ. Антропологическій кабинетъ, кромѣ чисто антропологическихъ объектовъ, содержитъ въ себѣ этнографическія собранія изъ Японіи, Микронезіи, Меланезіи, Полинезіи и Америки, археологическія коллекціи изъ Европы и Америки и коллекціи остатковъ доисторическаго періода Японіи. Физическій кабинетъ поражаетъ обиліемъ приборовъ, сдѣланныхъ въ самой Японіи,—прекрасныхъ электрическихъ и гальваническихъ приборовъ, химическихъ вѣсовъ, цѣнность которыхъ, безъ ущерба чувствительности и точности ихъ, здѣсь низведена до 50 р., и др.

Гордость университета составляетъ его ботаническій садъ, откуда ежедневно приносятъ растенія для практическихъ работъ студентовъ. Болѣе тысячи видовъ растутъ здѣсь подъ открытымъ небомъ, представленные чудными экземплярами чудной японской флоры. Нигдѣ больше я не видалъ такихъ идеальныхъ хвойныхъ, волшебной красоты Siadopitys verticillata, исполинскихъ Gineo, коллекцій вѣчнозеленыхъ дубовъ, камелій, ковровъ изъ азалей. Въ саду, гдѣ растенія расположены въ строгой системѣ, есть чисто ландшафтные уголки, замѣчательной красоты большой японскій садъ и въ чудной обстановкѣ расположенный павильонъ, гдѣ происходятъ засѣданія научныхъ обществъ. Гербаріи сада еще но богаты, но собраніе мѣстной флоры очень обстоятельное. Химическая лабораторія напоминаетъ хорошія лабораторіи нашихъ университетовъ. Особенно интересна сейсмическая обсерваторія. Эта отрасль физической геогра-

фіи, начавшая особенно сильно развиваться въ Италіи, теперь дѣлаетъ поразительные успѣхи въ Японіи, и здѣсь, просмотрѣвъ мѣстнаго изобрѣтенія приборы и результаты наблюденій за землетрясеніями, можно видѣть, какъ далеко ушла въ этой отрасли Японія. Наконецъ, морская біологическая станція и обсерваторіи астрономическая и метеорологическая довершаютъ учебно-вспомогательныя учрежденія университета. Дѣятельность метеорологической обсерваторіи распространена на всю Японію. Это скорѣе самостоятельное учрежденіе, издающее годовые отчеты о состояніи погоды и выпустившее прекрасную монографію о климатѣ Японіи. Она уже въ курсѣ новѣйшихъ задачъ климатологіи. Она организовала наблюденія на высокихъ горныхъ вершинахъ — и печатаетъ отчеты этихъ станцій.

Я не буду утруждать читателя подробнымъ описаніемъ учрежденій сельско-хозяйственной коллегіи, расположенныхъ за городомъ, гдѣ прекрасныя опытныя поля, питомники деревьевъ, шелководни и лѣчебница для животныхъ представляютъ поучительное сочетаніе европейско-американской науки съ японскими приспособленіями. Наконецъ, въ образцовомъ порядкѣ содержимая библіотека заканчиваетъ списокъ этихъ учрежденій

Профессора этого университета, за исключеніемъ двухъ-трехъ, несмотря на его молодость—всѣ природные японцы, Еще недавно каѳедры здѣсь были исключительно въ рукахъ иностранцевъ, но какъ только эти послѣдніе подготовили себѣ учениковъ, японское правительство, наградивъ иностранныхъ учителей 3-хъ-лѣтнимъ окладомъ жалованья, замѣнило ихъ своими учеными. Эти послѣдніе почти всѣ побывали заграницею. Одни кончили курсъ въ англійскихъ или американскихъ университетахъ, другіе занимались подъ руководствомъ опытныхъ спеціалистовъ во Франціи, въ Германіи или Италіи. Всѣ они владѣютъ иностранными языками, и научныя изданія каждой изъ коллегій свидѣ-

тельствуютъ, что въ отрасляхъ различныхъ наукъ они являются нетолько учениками, но и достойными продолжателями своихъ учителей. Еще недавно щеголяли они во фракахъ и сюртукахъ, но національное движеніе послѣдняго времени взяло свое: жрецы японской науки щеголяютъ въ керимонахъ, и нѣтъ ничего оригинальнѣе, какъ слышать спеціально научный разговоръ этихъ спеціалистовъ, одѣтыхъ въ народное платье.

Я, быть можетъ, слишкомъ долго остановилъ ваше вниманіе, читатель, на японскомъ университетѣ, но я считалъ своимъ долгомъ это сдѣлать. Еще два дня передъ этимъ я видѣлъ на столѣ у нашего посланника наши русскія газеты, конечно, мѣсяца на полтора запаздывающія въ Японію. Въ ожиданіи войны со страною Восходящаго Солнца онѣ не скупились называть ея гражданъ варварами и дикарями. Сопоставляя эти мнѣнія нашей прессы со всѣмъ видѣннымъ въ университетѣ и на улицахъ, видя джинрикшъ—этихъ людей-лошадей, погруженныхъ, въ ожиданіи сѣдока, въ чтеніе учебниковъ, видя это обиліе школъ, книжныхъ магазиновъ, телефоны, телеграфы, желѣзныя дороги, выстроенныя мѣстными силами, и это сердце ученой дѣятельности—образцовый университетъ, я невольно задавалъ себѣ вопросъ—не напоминаемъ-ли мы китайцевъ въ нашемъ невѣжествѣ, называя варварскими тѣ страны, съ которыми познакомиться мы себѣ не дали достаточно труда.

Впрочемъ, для поверхностнаго, на внѣшность только обращающаго вниманіе туриста, многія стороны японской жизни могутъ дѣйствительно показаться варварскими. Изъ такихъ обычаевъ особенно поражаетъ иностранца, обычай дѣлать выставки падшихъ женщинъ, которыя въ Токіо, какъ большомъ населенномъ центрѣ, особенно кидаются въ глаза. Здѣсь вдоль громадной улицы, ярко освѣщенной, вмѣсто магазиновъ тянутся отдѣленныя отъ улицы сквозными рѣшотками помѣщенія, гдѣ, освѣщенныя и разодѣтыя въ эффектные наряды, сидятъ жен-

щины, служа нетолько выставкою для обычныхъ посѣтителей улицы, но и предметомъ глазѣнія для гуляющей по улицамъ толпы молодежи. Но этотъ обычай, какъ все дурное, уже нашолъ себѣ подражаніе у американцевъ. Я видалъ подобное-же въ городахъ дальняго Запада, въ Новомъ Свѣтѣ, а потому видѣть въ этомъ варварство японцевъ врядъ-ли основательно.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

На сѣверѣ и югѣ Японіи.

Покинувъ Токіо, гдѣ я провелъ нѣсколько полныхъ суеты и хлопотъ дней, я направился по сѣверной желѣзной дорогѣ къ Мацмаю въ Хакодате, чтобы наблюдать условія роста и развитія чайнаго куста на самомъ крайнемъ сѣверномъ предѣлѣ его распространенія.

Какъ извѣстно, до широты Іокогамы доходитъ съ восточной стороны Японіи тихоокеанскій гольфстремъ—Куро-Сово, и до этой широты страна эта сохраняетъ чисто субтропическія черты природы. Но сѣвернѣе температура воздуха, особенно зимою, быстро падаетъ, и врядъ-ли можно найти на глобусѣ еще одно мѣсто, гдѣбы царство обезьянъ, бамбуковъ и пальмъ граничило столь близко съ міромъ тундры, сѣверныхъ оленей и другихъ полярныхъ формъ,—какъ на этой гирляндѣ островомъ, окаймляющихъ восточные берега Азіи. Поэтому, двигаясь на сѣверъ по желѣзной дорогѣ, поражаешься, съ какою быстротою мѣняются пейзажи и исчезаетъ обстановка человѣка, знакомая читателю изъ моихъ прежнихъ описаній Японіи. Первое, что поражаетъ путешественника уже на первыхъ станціяхъ къ сѣверу отъ Токіо, это малолюдство и малая обработанность почвы. Кто знаетъ Японію по окрестностямъ Нагасаки или Кобе, тотъ не можетъ ее себѣ нарисовать иначе какъ страною, гдѣ нетолько на равнинѣ, но и на го-

рахъ каждый клокъ земли обработанъ, гдѣ всюду виднѣются крыши домовъ, хуторовъ или большихъ деревень. На сѣверъ отъ Токіо—и притомъ чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ въ большей степени,—кидается въ глаза то малолюдство, которое напоминаетъ намъ родныя картины сѣверной Россіи. Горы всѣ одѣты лѣсомъ. Лѣсъ-же спускается на равнину. Поѣздъ пересѣкаетъ обширные пустыри, заросшіе соснами и кустарникомъ, — ни дать, ни взять, какъ на нашихъ пустыряхъ Петербургской или Новгородской губерніи, видныхъ изъ поѣзда николаевской желѣзной дороги. Колоритъ лѣсной растительности—темный, присущій краснолѣсью, хотя, надо сказать, далеко не одна сосна составляетъ фонъ хвойной растительности. Японская флора остается вѣрною себѣ. Она поражаетъ разнообразіемъ формъ. Кипарисы, туйи, криптомеріи составляютъ главный фонъ лѣса, или-же на порубкахъ ихъ смѣняетъ кустарникъ, состоящій уже не столько изъ вѣчно-зеленыхъ формъ, сколько изъ тѣхъ формъ съ опадающею листвою, которыя все болѣе и болѣе распространяются въ нашихъ и южно-европейскихъ паркахъ. Гдѣ попадется участокъ чернолѣсья, тамъ видишь необыкновенное разнообразіе кленовъ и ясеней, хотя, какъ у насъ въ Закавказьѣ, господствующими породами деревьевъ являются буки и сладкіе каштаны.

Культурныя площади ограничиваются только равниною. Здѣсь еще ласкаетъ глазъ изумрудная скатерть рисовыхъ полей, но и здѣсь рисъ смѣняется чаще соею, а еще сѣвернѣе *гоми*—panicum italicum—этимъ хорошо знакомымъ всѣмъ нашимъ закавказскимъ жителямъ злакомъ. Округъ, прилегающій съ сѣвера къ провинціямъ, окружающимъ Токіо,—это классическая область культуры сои и шелковицы—и вмѣстѣ съ тѣмъ центръ японскаго шелководства. Насколько важна для государства эта отрасль промышленности, читатель можетъ судить уже изъ того, что почти всѣ зажиточные классы страны одѣты въ шелковыя матеріи,—и надо отдать справед-

ливость, мѣстный японскій шелкъ—это идеалъ прочности, а матеріи, при скромномъ своемъ сѣромъ или лиловатомъ цвѣтѣ съ клѣточками или полосками, представляютъ замѣчательную красоту и элегантность.

Министерство государственныхъ имуществъ устроило въ каждомъ изъ такихъ спеціальныхъ округовъ Японіи по земледѣльческому училищу, задачи котораго—повозможности улучшать культуру округа и дѣлать опыты надъ господствующими растеніями. При этихъ сельскохозяйственныхъ училищахъ имѣются опытныя поля и небольшія лабораторіи. Школы имѣютъ трехгодичный курсъ земледѣлія и параллельный трехгодичный-же курсъ ветеринаріи. Ученикамъ дается сперва общее образованіе, затѣмъ спеціальныя свѣдѣнія—агрономическаго характера. Въ Сендаѣ, лежащемъ на крайней сѣверной границѣ культуры шелковицы, эти свѣдѣнія сводятся на изученіе преимущественно сои, шелковицы и ея червя и риса. Въ школѣ находится постоянно около 70 учениковъ, которые получаютъ образованіе безплатно, но сами готовятъ себѣ пищу, платя администраціи школы за сырые продукты 2 р. 60 к. въ мѣсяцъ. Школа поддерживается государствомъ изъ средствъ отъ налога на народное образованіе, но возрастъ учениковъ въ ней не ниже 18 лѣтъ. По внѣшнему своему устройству школа въ Сендаѣ мало отличается отъ хорошо организованныхъ европейскихъ школъ такого типа.

Самъ городокъ Сендай, который былъ мѣстомъ моей первой остановки на пути на сѣверъ, представляетъ мало характерныхъ особенностей. И здѣсь тріумфальныя арки, увитыя цвѣтами, масса солдатъ на улицахъ, балаганы съ восковыми фигурами, представлявшими различныя событія изъ послѣдней войны, свидѣтельствовали о настроеніи города послѣ послѣднихъ побѣдъ на Формозѣ. Но самый городъ, отсутствіемъ зелени и деревянными низкими постройками своими, былъ мало привлекателенъ, почему, осмотрѣвши интересовавшія меня чайныя план-

таціи, я употребилъ остатокъ времени не на осмотръ города, но на посѣщеніе крайне любопытной мѣстности на берегу Великаго океана, такъ-называемой Матсусимы, которая вмѣстѣ съ монастыремъ Кинквазанъ считается японцами однимъ изъ трехъ красивѣйшихъ пунктовъ въ ихъ отечествѣ.

Дѣйствительно, панорама, открывающаяся здѣсь съ берега, не поддается никакому описанію.

Утесы здѣсь сложены изъ вулканическаго туфа— породы, какъ извѣстно, наиболѣе легко поддающейся разрушенію подъ вліяніемъ дѣятельности морского прибоя. Этотъ-же послѣдній, въ связи съ приливами и отливами громаднаго океана, здѣсь достигаетъ особенной силы. Благодаря этому пространство, нѣкогда бывшее сушею, раздробилось здѣсь на громадное число большихъ и малыхъ острововъ и островковъ, которыхъ можно насчитывать тысячами. Нѣкоторые изъ этихъ островковъ такъ малы, что на нихъ едва можетъ стать нога человѣка; другіе, болѣе крупные, годились-бы для жизни какого-нибудь уединеннаго отшельника. На нихъ расположились группы живописно раскинувшихъ свои вѣтви японскихъ сосенъ, подъ сѣнью которыхъ маленькій мірокъ кустарниковъ и красиво цвѣтущихъ травъ знакомитъ со всѣми прелестями японской флоры. Морской прибой просверлилъ въ мягкомъ туфѣ глубокія выбоины, мѣстами онъ пробилъ подножіе того или другого островка насквозь— и верхняя, заросшая лѣсомъ часть его образуетъ родъ естественнаго свода. Трудно представить себѣ все разнообразіе формъ этихъ безчисленныхъ острововъ и островковъ, среди которыхъ лавируешь на лодкѣ по бирюзовому морю. Въ то время какъ одни изъ островковъ этихъ выплываютъ изъ водъ, другіе исчезаютъ. Вмѣстѣ съ деревьями, ихъ покрывающими, издали они кажутся фантастическими существами, колыхающимися на водахъ, и воображеніе японцевъ одарило ихъ различными названіями людей и животныхъ.

Наиболѣе эффектна картина, открывающаяся съ одного изъ прибрежныхъ утесовъ. Тутъ, сидя подъ навѣсомъ одинокаго храма, вы видите передъ собою подъ ногами этотъ живописный и миніатюрный архипелагъ—это пестрое смѣшеніе водъ съ сушею, гдѣ трудно сказать, что преобладаетъ — вода или эти клочки размытаго волнами сосноваго лѣса. Я видѣлъ эту картину позднимъ вечеромъ, когда на свинцовомъ небѣ, надъ такими-же сумрачными водами начинала восходить луна, придавая картинѣ усѣяннаго соснами архипелага особенно оригинальныя краски.

Это—мѣсто, гдѣ южная природа Японіи говоритъ послѣднее прости путнику, ѣдущему на сѣверъ. Формы деревьевъ, общій тонъ ландшафта, здѣсь еще тотъ, который мы привыкли видѣть на югѣ, но краски уже не тѣ. Это краски сѣвера, и само море точно не знаетъ, улыбаться ему улыбкою юга, или хмуриться неласковымъ взоромъ Охотскаго моря и другихъ непривѣтливыхъ сѣверныхъ частей Великаго океана. Дѣйствительно, двигаясь на сѣверъ отъ Сендая, вы попадаете въ Японію совершенно особую. Все теряетъ колоритъ веселаго юга. Пустыри преобладаютъ надъ обработанными пространствами. Темная хвоя лѣсовъ принимаетъ суровый оттѣнокъ, даже само населеніе избѣгаетъ яркихъ цвѣтовъ, и темносиніе керимоны съ красными кушаками придаютъ японцамъ сѣвера обликъ нашихъ ямщиковъ. Да и самый типъ ихъ иной. Чаще и чаще попадаются смуглыя бородатыя физіономіи высокихъ субъектовъ, весьма мало похожія на монгольскаго типа лица японцевъ. Кровь аборигеновъ острова, бородатыхъ и волосатыхъ высокорослыхъ аиновъ, чувствуется до сихъ поръ еще сильно. Легкая шелковая матерія смѣняется сукномъ. На полахъ японскихъ гостинницъ красуются ковры европейскаго издѣлія, стѣны дѣлаются толще, бумажныя рамы внѣшнихъ стѣнъ замѣняются стеклянными. Внутреннія перегородки штукатурятся и красятся. Въ домахъ, такъ легко провѣтриваемыхъ на

югѣ, часто бываетъ душно. Изъ царства шелковицы, гоми и сои около Фукуока вы вступаете въ область, преобладающимъ занятіемъ жителей которой является воздѣлываніе лаковаго дерева и производство лаковой посуды и другой утвари, покрываемой лакомъ. Нездоровое это производство. Лаковое дерево—Bhus vernicifera—есть дерево, обликомъ своимъ похожее на ясень или, еще лучше, на такъ-называемое уксусное дерево, которое принадлежитъ къ одному съ нимъ роду. Обыкновенно лишь лѣтъ черезъ 12 послѣ посадки, а то такъ и въ 20-лѣтнемъ возрастѣ начинаютъ его эксплуатацію, которой оно большею частью не выдерживаетъ и погибаетъ, съ тѣмъ чтобы быть замѣненнымъ другимъ. На деревѣ дѣлается рядъ надрѣзовъ на корѣ, изъ-подъ которой выступаетъ густой сокъ, сперва бѣлый, потомъ цвѣта кофе со сливками, который особыми скребками снимаютъ въ большіе сосуды, которые сверху завязываются, чтобы въ нихъ не попалъ соръ. Закупоривать ихъ нельзя, такъ-какъ, окисляясь, жидкій сокъ этотъ выдѣляетъ массу газа, который можетъ разорвать самый прочный сосудъ. Сборъ сырого лака и сохраненіе его—очень нездоровая работа. Этотъ лакъ вызываетъ особую такъ-называемую лаковую болѣзнь, заключающуюся въ головной боли и нарывахъ на тѣлѣ. Неудивительно, что на работу эту нѣтъ многихъ охотниковъ и оплачивается она очень дорого. Характерная особенность сока лаковаго дерева — та, что онъ сохнетъ лишь отъ сырости и не засыхаетъ въ сухомъ помѣщеніи. Поэтому вещи, имъ покрываемыя, ставятся во влажные, лишенные пыли шкафики, а наиболѣе тонкія работы дѣлаются на лодкахъ въ открытомъ морѣ. При высыханіи японскій лакъ изъ бураго дѣлается чернымъ, и уже отъ искусства работающихъ зависитъ придать ему красную, пеструю или золотистую окраску.

Въ южной Японіи лаковое дерево можетъ расти только на значительныхъ высотахъ, на самомъ-же сѣверѣ

острова Хондо оно спускается на равнину и процвѣтаетъ здѣсь приблизительно въ тѣхъ-же условіяхъ, какія мы находимъ на нашемъ черноморскомъ побережьи Кавказа. Требуя влажно-жаркаго лѣта, дерево свободно переноситъ морозы до 18°, которые не рѣдкость на сѣверѣ Хондо.

Мы, судя по чудной природѣ Японіи, всегда склонны представлять себѣ страну эту страною вѣчной весны, и такіе отзывы о ней мнѣ приходилось встрѣчать и въ нѣкоторыхъ русскихъ книгахъ, трактующихъ о Японіи. А между тѣмъ такое сужденіе далеко отъ истины. Даже въ самыхъ южныхъ частяхъ Японіи зимою бываютъ морозы, и во всей странѣ нѣтъ мѣста, гдѣ не падалъ-бы и не лежалъ-бы снѣгъ. На сѣверѣ-же его падаетъ такъ много и онъ лежитъ такъ долго, что желѣзныя дороги страдаютъ отъ обваловъ и заносовъ не менѣе, чѣмъ, напримѣръ, наша военно-грузинская дорога на Кавказѣ, и для защиты полотна здѣсь сдѣланы такія-же приспособленія.

Въ сѣверной части острова я дѣлалъ остановки только около Фукуока и въ Аомори.

Въ первомъ округѣ я осматривалъ селенія, занимающіяся выдѣлкою лака. Но прежде чѣмъ попасть на поля и въ долины, обсаженныя этимъ деревомъ, я здѣсь, какъ и передъ этимъ въ Сендаѣ, былъ пораженъ многочисленными кострами, разложенными на улицахъ почти передъ каждымъ домомъ. Въ Сендаѣ они были разложены передъ каждымъ домомъ и, пылая ночью, живо напомнили мнѣ варварскій обычай моего отечества зажигать вонючія плошки или налитыя керосиномъ калоши въ особо торжественные дни. Но около Фукуока я ту-же картину увидѣлъ днемъ, и притомъ нетолько на улицахъ, но и на сельскихъ кладбищахъ, что придавало этой иллюминаціи совершенно иное значеніе. Дѣйствительно, справившись у туземцевъ, я узналъ, что этотъ обычай имѣетъ глубокое религіозное значеніе. Время, въ которое я путешествовалъ, совпадало съ трехдневнымъ праздни-

комъ, во время котораго, согласно народнымъ вѣрованіямъ, души умершихъ освобождаются отъ ада и прилетаютъ навѣстить своихъ родственниковъ, чтобы грѣться у разведеннаго для нихъ очага. Это своего рода японскій Семикъ, но празднуется онъ въ концѣ лѣта, подъ осень, а не весною, какъ у насъ.

Аомори—конечный пунктъ японской желѣзной дороги, идущей вдоль всего острова Хондо. Эта неинтересная японская деревушка славится своими пестрыми лаковыми издѣліями, извѣстными подъ именемъ Tsugara-nuri. Отсюда ежедневно ночью отходятъ небольшіе японскіе пароходы, переправляющіе черезъ воды непривѣтливаго Тсугарскаго пролива въ Хакодате, въ которое вы и прибываете на разсвѣтѣ.

Англичане сравниваютъ Хакодате съ Гибралтаромъ—и не безъ основанія. Высокая, съ тупою вершиною, выступающая скала, у подножія которой раскинулся японскій городокъ, имѣетъ большое сходство съ тѣмъ изъ «Геркулесовыхъ столбовъ», который завершаетъ испанскую оконечность Европы. Эта скала—послѣднее прости Японіи. Здѣсь на ея южномъ склонѣ въ послѣдній разъ видите вы лѣсъ изъ криптомерій, пріютившій подъ сѣнью своею тинтусскій храмъ; въ послѣдній разъ зеленѣетъ рисъ и виднѣются японскія растенія.

Городокъ имѣетъ сѣрый обликъ. Масса рыбныхъ складовъ свидѣтельствуетъ, что рыболовство главное занятіе его жителей; но такъ-какъ на рейдѣ его постоянно развѣваются флаги иностранныхъ судовъ, то главная улица, и вмѣстѣ съ тѣмъ набережная, представляетъ рядъ гостинницъ и верфей, а по окрестнымъ холмамъ раскиданы консульскіе домики. Въ общемъ это еще чисто японскій городокъ, но съ какимъ-то унылымъ сѣренькимъ колоритомъ.

Но стоитъ только выѣхать въ окрестности Хакодате, чтобы сейчасъ-же почувствовать, что вы навсегда оставили за собою Японію, что вы находитесь въ Сибири, или точнѣе, въ Манджуріи.

Вѣчно-зеленыхъ деревьевъ нѣтъ; горы одѣты яркою свѣжею зеленью лиственныхъ породъ средне-европейскаго облика. Это ясени, липы, дубы, клены, вязы и т. п. породы составляютъ здѣшніе лѣса, своимъ обликомъ напоминая наши и состоя, болѣе чѣмъ на три-четверти, изъ породъ общихъ съ тѣми, которыя характеризуютъ окрестности Владивостока. Гористыя мѣста живо напомнили мнѣ нѣкоторыя невысокія мѣстности горъ въ Кубанской области, гдѣ линія желѣзной дороги, идущей на Новороссійскъ, пересѣкаетъ Кавказскій хребетъ съ его сѣверной стороны. Но подъ сѣнью деревъ и кустарниковъ здѣсь вездѣ виднѣлись сахалинскія травы, готовыя соревновать по высотѣ своей съ самыми высокими изъ кустовъ. Такъ, характерныя формы сахалинскихъ еланей—сахалинская гречка, Polygonum Sachalinensa, Spiraea Sachalinensis, Angelophyllum ursinum—были встрѣчены и здѣсь, а флора луговъ носила уже чисто сахалинскій обликъ. Интересно, что среди этой обстановки японецъ чувствуетъ себя слабымъ и безсильнымъ. Путешествуя по Японіи, краснѣешь за Россію, видя, что въ 25 лѣтъ маленькое государство это далеко оставило за собою Россію, ставшую на ту-же дорогу еще 200 лѣтъ тому назадъ. Но, попавши на Мацмай, чувствуешь нравственное удовлетвореніе. Здѣсь, въ этой напоминающей нашу родную обстановкѣ, встрѣчаешь и родную неурядицу, и для путешествующаго по Іесо врядъ-ли найдется больше удобствъ и откроются болѣе отрадныя картины, чѣмъ тѣ, которыя онъ можетъ видѣть въ окрестностяхъ Владивостока.

Первое, о чемъ долженъ забыть путешественникъ по Іесо—это о тѣхъ чудныхъ, узенькихъ, но гладкихъ какъ скатерть шоссе, по которымъ возили его по Японіи быстроногіе джинрикши. Здѣсь дороги напоминаютъ тѣ наши отечественныя шоссе, съ которыхъ сердобольные ямщики, щадя кости своихъ сѣдоковъ, сворачиваютъ обыкновенно на проселки. И трудно сказать, какой эки-

пажъ можетъ по нимъ хуже растрясти—тотъ-ли, въ который впрягаютъ людей, или везомый четвероногими.

Деревушки, которыя встрѣчаются на пути, также мало напоминаютъ Японію. Конечно, для человѣка, пріѣхавшаго изъ Сибири, эти домики, обнесенные стеклянными стѣнами, покажутся по своей архитектурѣ чѣмъ-то новымъ, особеннымъ. Но для человѣка, пріѣхавшаго съ юга, деревни Іесо, съ ихъ покосившимися соломенными кровлями, сѣрыми деревянными стѣнами, грязными улицами, покажутся отголоскомъ суровой и варварской Сибири—и стеклянныя задвижныя стѣны домовъ напомнятъ плохоустроенныя веранды деревянныхъ дачъ.

На протяженіи пути отъ Хакодате до залива Volcano-Bay, которое я проѣхалъ въ экипажѣ, я имѣлъ только одну остановку—именно около озера Джинсай-Пуми, славящагося красотою своего ландшафта и служащаго мѣстомъ пикниковъ для богатыхъ японцевъ.

Здѣсь была небольшая японская гостинница съ изысканной кухней. Такъ-какъ я спросилъ себѣ на завтракъ чего-нибудь характерно японскаго и мѣстнаго, то мнѣ и подали салатъ изъ почекъ Limnophyllum pellatum, или травы джинсай, отъ которой и озеро получило свое названіе. Почки этого водяного растенія, разваренныя, превращаются въ комья студенистой слизи, напоминающей лягушачьи яйца. Съ уксусомъ салатъ этотъ имѣлъ очень оригинальный вкусъ.

Отъ другого кушанья, которое намъ подали, пришолъ въ ужасъ даже сопровождавшій меня японецъ изъ Сеодзи, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, человѣкъ, воспитывавшійся въ Россіи и очень любившій ее, что, впрочемъ, не мѣшало ему оставаться хорошимъ японскимъ патріотомъ. Я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю о дняхъ, проведенныхъ въ его пріятномъ обществѣ, и пользуюсь здѣсь случаемъ еще разъ выразить благодарность за его любезныя услуги, всѣмъ намъ оказанныя. Но и онъ, хотя туземецъ, былъ пораженъ, когда намъ

подали на блюдѣ нѣсколько изящно убранныхъ водорослями, хрѣномъ и льдомъ живыхъ рыбъ, лихорадочно дышавшихъ и хлопавшихъ губами.

Верхній бокъ этихъ рыбъ былъ артистически срѣзанъ тонкимъ ножемъ, такъ, чтобы не тронуть позвоночника, и разрѣзанъ на тонкіе ломти прозрачнаго мяса, которое оставалось только, беря по японскому обычаю палочками, макать въ ароматичную сою и отправлять въ ротъ, запивая глотками прекраснаго японскаго саке.

До посѣщенія Джинсай-Пуми мнѣ приходилось только понаслышкѣ знать объ этомъ варварскомъ кушаньѣ, которое реализмомъ своихъ далеко оставляетъ за собою наше глотаніе живыхъ устрицъ.

Джинсай-Пуми, какъ я уже говорилъ, любимое мѣсто для пикниковъ у жителей Хакодате. Довольно большое озеро обрамлено мягкими очертаніями горъ, одѣтыхъ яркою зеленью лиственныхъ деревъ. Несмотря на то, что по своей растительности эта мѣстность подобна многимъ алпійскимъ озерамъ, она не имѣетъ ихъ веселаго, привѣтливаго колорита. Чувствуется близость унылаго сѣвера, сѣвера съ родными быть можетъ красками, но даже на меня послѣ южной японской природы производившаго унылое впечатлѣніе. Для природнаго японца эта обстановка должна казаться гиперборейской, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, несмотря на всѣ поощренія правительства, эмиграція на Мацмай идетъ очень туго, и до сихъ поръ для Японіи этотъ островъ главнымъ образомъ играетъ ту-же роль, что для насъ Сахалинъ. Сюда ссылаютъ преступниковъ, и даже на нашемъ трактѣ я видѣлъ сцены, живо напомнившія мнѣ островъ проклятія— вереницы ссыльныхъ подъ конвоемъ солдатъ. Они не были закованы въ кандалы, какъ у насъ; ихъ руки были связаны веревками, но, говорятъ, случаи побѣга здѣсь гораздо рѣже, чѣмъ въ нашемъ отечествѣ.

Сѣвернѣе Джинсай-Пуми природа острововъ еще дичѣе. Обработанныхъ по японскому способу пространствъ

не встрѣчается вовсе. Какъ у насъ на Сахалинѣ, расчищены мотыгою незначительные участочки дѣвственной почвы, которые и засѣваются по большей части гречихою.

Но зато справа отъ дороги вырисовывается во всей своей красотѣ высокій вулканическій конусъ горы Канагатака, на которомъ можно прослѣдить всѣ пояса растительности, до сахалинской флоры и пояса альпійскихъ травъ включительно.

Свою поѣздку по Іесо я закончилъ посѣщеніемъ деревушки на берегу Volcano-bay—на берегахъ котораго расположены уже деревни анновъ — этихъ аборигеновъ сѣвера Японіи, которые, какъ жители нашего Сахалина, уже были описаны мною на страницахъ этого журнала.

Если-бы я не былъ связанъ срокомъ свиданія съ моими товарищами въ Никко, я навѣрное-бы посвятилъ нѣсколько дней для знакомства съ этими интересными инородцами Японіи, тѣмъ болѣе, что ихъ занятія, обычаи и религіозныя понятія довольно существенно отличаются отъ тѣхъ, которые господствуютъ у ихъ сахалинскихъ родичей.

Къ числу интереснѣйшихъ особенностей этихъ надобно отнести обычай татуировать синимъ цвѣтомъ себѣ губы, создавая родъ усовъ, идущихъ почти до ушей. Эта татуировка придаетъ аинскимъ дамамъ очень мужественный видъ, но врядъ-ли дѣлаетъ внѣшность этихъ амазонокъ дальняго сѣвера Японіи особенно привлекательною.

Какъ и жители Сахалина, здѣшніе аины имѣютъ своеобразную религію, напоминающую упрощенную религію Тинту, но безъ ея легендъ и таинственныхъ храмовъ, религію, внѣшнимъ образомъ выражающуюся тѣмъ, что вездѣ на становищахъ здѣшнихъ аиновъ вы встрѣтите оригинальныя палочки, оструганныя такъ, что стружки остаются прикрѣпленными къ верхнимъ концамъ ихъ, имѣя видъ курчавой головки. Это—жертва аинскому богу: гдѣ она

есть, тамъ присутствуетъ онъ—невидимый. Народная фантазія аиновъ богата легендами, и послушать эти легенды большіе охотники и сами японцы, особенно пріѣзжіе съ юга. Они часто зазываютъ къ себѣ краснорѣчиваго дикаря, угощаютъ его саке и цѣлыми ночами слушаютъ его сказки. Эти сказки существуютъ изданными на японскомъ языкѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ переведены и на англійскій. Чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о нихъ, я переведу одну изъ нихъ здѣсь по-русски:

Происхожденіе комаровъ. Много, много лѣтъ тому назадъ, жило страшное чудовище, въ самомъ центрѣ горъ, наполняющихъ страну аиновъ. Оно имѣло тѣло, похожее на человѣческое, но его туловище было необыкновенно длинно и такъ густо покрыто волосами, что было болѣе похоже на медвѣжью шкуру. Кромѣ того, чудовище это имѣло только одинъ глазъ, расположенный во лбу. Глазъ этотъ былъ такъ великъ, какъ печной горшокъ. Чудовище причиняло много бѣдствій аинамъ, такъ-какъ оно было страшно прожорливо и истребляло все, что ему ни попадалось на пути. Народъ не рѣшался ходить въ горы на охоту, опасаясь чудовища, котораго нельзя было уязвить никакою стрѣлою. Случилось, однако-же, что одинъ храбрый охотникъ и хорошій стрѣлокъ, заблудившись, попалъ въ окрестности пещеры, гдѣ жилъ этотъ каннибалъ. Преслѣдуя дичь, онъ былъ пораженъ, увидѣвши, что что-то блестящее слѣдитъ за нимъ, выслѣживая его за подлѣскомъ. Всмотрѣвшись, онъ увидѣлъ, что это и было свирѣпо на него смотрѣвшее чудовище. Охотникъ сначала такъ испугался, что не зналъ, что ему предпринять. Но скоро онъ оправился, схватилъ свой лукъ и, натянувъ тетиву, приготовился къ оборонѣ. Когда чудовище уставилось на него, чтобы броситься и пожрать его, онъ прицѣлился въ его единственный глазъ и, пустивъ стрѣлу, попалъ въ самый центръ. Чудовище сейчасъ-же склонило голову, такъ-какъ глазъ его былъ

единственною уязвимою частью его тѣла. Чтобы быть увѣреннымъ, что чудовище не вернется къ жизни, охотникъ разложилъ большой костеръ вокругъ его тѣла и сжегъ его, превративши въ пепелъ. Когда это было сдѣлано, онъ собралъ его пепелъ и разсѣялъ по воздуху, но, о чудо—пепелъ превратился въ тучу москитовъ и комаровъ, которые стали пугать укушеніями своими людей. Человѣчество не должно однако-же жаловаться на этихъ насѣкомыхъ: по сравненію съ производившимъ опустошенія чудовищемъ, эти комары сравнительно мелкое и легко устранимое зло.

Вообще оптимистическое воззрѣніе на природу проглядываетъ въ весьма многихъ сказаніяхъ и сказкахъ аинскаго народа. Такъ, напримѣръ, западный берегъ острова Іесо необыкновенно утесистъ и во многомъ уступаетъ восточному. Народное преданіе говоритъ, что это потому, что при созданіи міра Всевышній поручилъ устройство этого острова двумъ духамъ—мужчинѣ и женщинѣ. Женщина, по природному ея свойству, слишкомъ много болтала во время работы и сильно отстала. Не желая оставить своего урока невыполненнымъ, она стала торопиться и работа ея вышла неаккуратною. Намъ не должно роптать на Всевышняго за то, что исполнители воли Его не всегда были на высотѣ своего призванія. Точно также не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ рапталъ и на существованіе вредныхъ животныхъ, вродѣ вороновъ или крысъ, похищающихъ его запасы.

Когда Создатель покончилъ съ мірозданіемъ, явился дьяволъ и сталъ порицать труды Его. Тогда Создатель произвелъ незамѣтнымъ для послѣдняго образомъ крысу, которая заползла чорту въ ротъ и выкусила ему языкъ. Взбѣшенный дьяволъ, обреченный на всю жизнь быть нѣмымъ, наградилъ крысу такою плодовитостью, и она такъ увеличила свое потомство, что оно стало угрожать самому существованію людей. Люди обратились къ Богу за помощью. Создатель не могъ истребить своего созда-

нія, но зато создалъ кошку, которая сократила число крысъ до теперешнихъ размѣровъ. Крыса, конечно, есть зло, но зло гораздо меньшее, чѣмъ еслибы дьяволъ обладалъ органомъ рѣчи.

Вотъ еще одна изъ легендъ, характеризуюшая вѣру аиновъ въ привидѣнія.

Нѣкогда жили-были двое молодыхъ людей, которые были очень преданы другъ другу. Они слышали, что есть на свѣтѣ пещера, ведущая въ обиталище душъ усопшихъ людей, и такъ-какъ до тѣхъ поръ ни у кого не хватало смѣлости туда пойти и посмотрѣть, на что похоже ихъ мѣстожительство, то одинъ изъ этихъ молодыхъ людей рѣшился отважиться на такое путешествіе. Когда онъ вошолъ въ пещеру, то въ первый моментъ онъ ничего не могъ видѣть отъ мрака. Но по мѣрѣ того какъ онъ подвигался во мракѣ, онъ сталъ различать передъ собою слабый лучъ свѣта. Свѣтъ этотъ становился все сильнѣе и сильнѣе, пока, наконецъ, онъ не вышелъ въ восхитительную страну, залитую яркимъ свѣтомъ. Лѣса изъ чудныхъ деревьевъ, зеленѣющія пастбища открылись передъ нимъ, а среди нихъ протекали рѣки со свѣтлыми водами. Словомъ, это былъ безподобный край. Идя по немъ, онъ достигъ деревушки, въ которой жили многіе изъ его умершихъ знакомыхъ. Онъ попробовалъ заговорить съ ними, но всѣ они осматривали его молча, не скрывая своего изумленія и ужаса. Даже собаки, завидя его, жалобно завыли. Собственный отецъ его не призналъ въ немъ сына, и мать убѣжала отъ него, и всѣ говорили, что это привидѣніе. Видя подобный пріемъ, онъ рѣшилъ вернуться обратно въ нашъ міръ. На обратномъ пути онъ встрѣтилъ человѣка, котораго призналъ за своего пріятеля, хотя и не былъ вполнѣ увѣренъ, что это такъ, потому что было темно. Человѣкъ смотрѣлъ на него болѣзненно и несъ за своими плечами большой мѣшокъ. При встрѣчѣ онъ страшно испугался и убѣжалъ отъ него въ міръ усопшихъ. Достигнувъ пе-

щеры и выйдя изъ нея въ міръ живыхъ, онъ поспѣшилъ къ хижинѣ своего друга—но, увы, тотъ оказался мертвымъ. Это его духа онъ навѣрное повстрѣчалъ при выходѣ изъ пещеры.

Легендъ объ этомъ загробномъ мірѣ очень много у японскихъ аиновъ. Изъ нихъ видно, что, какъ у китайцевъ, этотъ міръ мало отличается отъ земного, и души, такъ-сказать, поочередно живутъ то въ томъ, то въ другомъ, съ тою только разницею, что въ загробномъ мірѣ есть три отдѣла—для хорошихъ, посредственныхъ и дурныхъ людей—въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій они получаютъ возмездіе за дѣла свои.

Нѣкоторыя аинскія легенды сообщаются въ стихотворной формѣ—въ формѣ пѣсенъ, подъ аккомпаниментъ струнныхъ инструментовъ, напоминающихъ японское koto. Но пѣсни эти короткія. Онѣ не похожи на эпосъ другихъ народовъ. Это скорѣе сказочки, пригодныя для дѣтей. Вотъ примѣръ одной изъ нихъ.

Обѣдъ птицъ. Однажды г-нъ и г-жа голуби рѣшили устроить обѣдъ для гостей. Они пригласили ястреба и орла, дикаго гуся и лебедя и цѣлый рядъ другихъ птицъ. Голуби приготовили прекрасный обѣдъ изъ зеренъ и зелени и кусковъ рыбы и другихъ любимыхъ птицами яствъ. Но на пиръ не былъ приглашонъ воронъ, что очень обидѣло и разсердило послѣдняго. Замѣтивъ, что пиръ въ самомъ разгарѣ, онъ схватилъ большой камень и, поднявшись надъ головами пирующихъ, бросилъ его въ самую середину. Трудно представить, какое страшное смятеніе произвелъ этотъ камень. Блюда были разбиты и кушанья разсыпались. Гости разлетѣлись домой разгнѣванные, заявивши, что никогда ихъ нога не будетъ въ голубиномъ домѣ, гдѣ все такъ неблагоустроено и гдѣ рискуешь остаться съ проломленною головою. На слѣдующій день дятелъ и снѣгирь сказали, что они были-бы очень рады помирить голубей съ другими птицами, но такъ-какъ они не были приглашены, то и имъ нѣтъ

до нихъ никакого дѣла. Исторія эта доказываетъ, что если вы приглашаете на обѣдъ, то приглашайте всѣхъ своихъ друзей. Если оставите хоть одного неприглашеннымъ—не претендуйте, если онъ на васъ разобидится.

Вотъ такія-то сказки и легенды, подъ аккомпаниментъ струнныхъ инструментовъ, въ убогихъ хижинахъ аиновъ и слушаютъ неприхотливые японскіе туристы, предоставляя туристамъ англійскимъ и американскимъ принимать участіе въ охотахъ народа этого на медвѣдей, охотахъ съ помощью оригинально устроенныхъ ловушекъ, при религіозныхъ церемоніяхъ. И природа, окружающая охотниковъ, и пріемы ея переносятъ туриста въ эпоху далекой доисторической Англіи или Франціи. Еще оригинальнѣе, говорятъ, картина ловли китовъ, или вѣрнѣе, разстерзыванія ихъ туловища, выброшеннаго на пустынный берегъ, когда въ костяхъ и внутренностяхъ исполина копошатся люди-пигмеи, какъ муравьи въ трупѣ большого жука. Это китовое мясо, впрочемъ, идетъ на пищу не однимъ только аинамъ. Японцы умѣютъ приготовлять изъ китовины очень вкусные консервы, которыми не побрезгуетъ и любой европеецъ—и эти консервы, наряду съ массою другихъ консервовъ японскаго приготовленія, консервовъ изъ рыбы, бамбуковыхъ ростковъ, грибовъ, улитокъ и другихъ оригинальныхъ яствъ, путешественникъ за баснословно дешовую цѣну можетъ сдѣлать себѣ запасы въ любой изъ бакалейныхъ лавокъ японскаго города.

Для туриста, лишь на самое короткое время имѣющаго возможность посѣтить деревушку японскихъ аиновъ, можно, конечно, сдѣлать только наблюденія чисто внѣшняго характера. Одежда японскихъ аиновъ та-же, что и у сахалинскихъ,—длинные, бѣлые, съ синими рисунками халаты—и платки на головахъ женщинъ.

Лапти на ногахъ и длинныя бороды, какъ и на Сахалинѣ, дѣлаютъ ихъ похожими на нашихъ крестьянъ. Оригинальны очень обычаи привѣтствія при встрѣчѣ аиновъ другъ съ другомъ. Послѣ поклона, гость про-

ходитъ въ хижину и съ непокрытою головою садится противъ хозяина, скрестивши ноги по-турецки, складываетъ руки ладонями и протягиваетъ ихъ впередъ, что дѣлаетъ и хозяинъ. Затѣмъ они трутъ ладони рукъ, дѣлая въ то-же время вопросы о здоровьѣ и высказывая другъ другу пожеланія всего лучшаго. Всякая бесѣда дѣлового характера сопровождается такимъ-же потираніемъ рукъ. Безъ спроса войти въ хижину считается большимъ неприличіемъ.

Развлеченій у аиновъ, если не считать нѣкоторыхъ религіознаго характера обрядовъ, очень немного. Кромѣ пѣвцовъ легендъ, слушать которыхъ большіе охотники сами аины, они любятъ танцовать, чѣмъ существенно отличаются отъ всѣхъ другихъ жителей Востока, которые любятъ быть только зрителями танцевъ. Многіе изъ ихъ танцевъ представляютъ подражаніе движеніямъ птицъ, другіе напоминаютъ хороводы.

Разсказываютъ, что нѣкто, придя впервые въ русскую баню, недоумѣвалъ, какое удовольствіе находятъ люди въ томъ, что стегаютъ себя, раздѣвшись, до полусмерти розгами.

Въ такое-же недоумѣніе приводятъ путешественника нѣкоторыя игры аиновъ. Одна изъ нихъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ, обмотавшись до пояса, становится къ столбу, а другой, взявши палку, завернутую въ тряпку или суконку, бьетъ его по спинѣ такъ сильно, какъ можетъ. Выигравшимъ игру считается тотъ, кто выдержитъ наибольшее число ударовъ.

Видѣвшіе эту игру подозрѣваютъ, что бьющіе лишь притворяются, что бьютъ изо всей силы. Но на вопросы, предлагаемые этимъ палачамъ добровольныхъ жертвъ, они обыкновенно, лукаво улыбаясь, предлагаютъ испробовать такую игру на себѣ, чего мы конечно не пожелали.

Для японскихъ аиновъ часы ихъ несомнѣнно сочтены. Уже давно сильно разрѣженное путемъ войнъ съ

японцами населеніе, какъ и всѣ дикари при столкновеніи съ болѣе культурными народами, вымираетъ отъ заразныхъ болѣзней, отъ сильнаго пьянства и отъ браковъ съ японцами. Аинки охотно дѣлаются женами или наложницами японцевъ, но ихъ дѣти обыкновенно слабы и не даютъ плодовитаго потомства. На смѣну имъ являются чистокровные японцы. Островъ Іесо по нѣсколькимъ направленіямъ уже перерѣзала желѣзная дорога. Дикіе, дѣвственные лѣса его расчищаются. Въ центрѣ острова находится образцовая, по европейскому типу устроенная земледѣльческая ферма, чтобы дать возможность европейцамъ въ этой новой, напоминающей европейскую природу обстановкѣ научить переселенцевъ пріемамъ раціональнаго земледѣлія.

Къ сожалѣнію, время не позволило мнѣ пріѣхать осмотрѣть эту ферму. Послѣдній предѣлъ возможности роста чайнаго куста находится около Хакодате. И здѣсь онъ обыкновенно отмираетъ до корня каждую зиму. Забираться въ глубь острова, въ его уже приближающіяся къ Сахалинскимъ дебри, не входило въ задачи и цѣли экспедиціи. Поэтому я покинулъ берегъ Volcano Bay и, вернувшись въ Нагасаки тою-же ночью, направился въ Аомои и далѣе на югъ въ Никко, гдѣ предполагалъ свидѣться съ моими товарищами, отдыхавшими тамъ послѣ климатическихъ невзгодъ Китая.

Къ сожалѣнію, они, не дождавшись меня, уже уѣхали оттуда въ Токіо. Приходилось поэтому и здѣсь ограничиться лишь бѣглымъ осмотромъ этого перла японскаго архитектурнаго искусства. Трудно сказать, для кого теперь Никко составляетъ болѣе сильный центръ тяготѣнія: для европейцевъ-ли, очарованныхъ его природою, или для японцевъ, для которыхъ все здѣсь дышетъ воспоминаніями о славномъ историческомъ прошломъ. Къ Никко, лежащемъ уже въ горахъ Японіи, ведетъ желѣзно-дорожная вѣтвь.

Собственно Никко не есть названіе какого-нибудь

отдѣльнаго пункта, но такъ зовутъ цѣлую гористую мѣстность, лежащую приблизительно верстъ на 100 къ сѣверу отъ Токіо. Но обыкновенно, когда рѣчь идетъ о Никко, то разумѣютъ деревню Hachi-ichi, вокругъ которой расположены мавзолеи Іеіасу и Іемитсу, составившіе такую громкую извѣстность этому пункту. Эти имена носили 1-й и 3-й шогуны изъ династіи Токугави. Расположенное на высотѣ 2000 ф. надъ уровнемъ моря, Никко представляетъ чудный лѣтній курортъ. Въ окрестностяхъ Никко, среди чудныхъ лѣсовъ и чудной обстановки природы, расположено не менѣе 25 водопадовъ и каскадовъ, въ окружности менѣе чѣмъ въ 15 верстъ. Осенью, когда чудный японскій кленъ Acer polymorphum—одѣнется въ золото и пурпуръ, эффектъ осенняго наряда здѣшнихъ лѣсовъ далеко оставляетъ за собою все то, что говорилось и писалось о красотѣ пресловутаго осенняго наряда сѣверо-американскихъ лиственныхъ лѣсовъ.

Уже подъѣзжая къ Hachi-ichi, послѣ того какъ поѣздъ покинетъ неплодородную, черную, отъ вулканическаго пепла, безлѣсную равнину, путника поражаетъ исполинская аллея изъ громадныхъ криптомерій, прямыхъ какъ свѣчки, по крайней мѣрѣ вдвое превосходящихъ высоту самыхъ высокихъ изъ нашихъ тополей и одѣтыхъ чудною темною хвойною зеленью. Это такъ-называемая Reihcischi Kaido, такъ-какъ по этой аллеѣ въ дни сѣдой старины двигались процессіи отъ Микадо, несшія дары къ гробницѣ Микадо.

Сама деревня Никко—это безконечной длины улица лавокъ, переполненныхъ всевозможными сувенирами для европейскихъ и туземныхъ туристовъ; въ концѣ этой улицы расположены отели для европейцевъ, выстроенные по типу швейцарскихъ отелей для англичанъ. Какъ въ Швейцаріи гиды, экипажи всегда къ вашимъ услугамъ. Верховыя лошади, паланкины и джинрикши въ изобиліи. Чтобы понимать красоты Никко, не нужно никакой подготовки, надо только любить природу.

Экскурсія къ озеру Хузенджи, висящему на высотѣ 4 000 ф., среди чудныхъ субтропическихъ лѣсовъ, прогулки къ разнообразнымъ, обрамленнымъ чудными деревьями и рощами водопадамъ могутъ опьянить любителя эстетики. Все что есть изящнаго и красиваго въ японской, и безъ того чудной природѣ, соединилось здѣсь въ самыхъ прелестныхъ сочетаніяхъ. Понимающій прелесть природы японецъ выбралъ лучшіе пункты для созерцанія этихъ красотъ, провелъ туда дороги, устроилъ въ этихъ пунктахъ защищенные отъ дождя чайные домики и превратилъ Никко въ мѣсто, гдѣ больной и здоровый съ комфортомъ могутъ наслаждаться всѣмъ, что только есть изящнаго въ японской природѣ. Прелестей Никко описать нельзя; здѣсь все: и чудная природа, и культура, только украсившая и облагородившая ее. Надо ее видѣть самому, надобно ее воспѣть въ стихахъ—прозаическій стиль моего разсказа только опошлитъ эти краски. Но чтобы понять историческое значеніе Никко, надо бросить взглядъ назадъ на исторію Японію. Уже въ незапамятныя времена на мѣстѣ теперешняго Никко стоялъ тинтусскій храмъ, но онъ не привлекалъ ничьего вниманія до тѣхъ поръ, пока буддійскій монахъ и святой Тидо Тоннинъ не поднялъ значенія этого мѣста.

Онъ родился въ 735 году. Преданіе говоритъ, что родители святого долго желали имѣть сына, но тщетно. Наконецъ, тысячерукая богиня, милосердая Кваннонъ, у Изурійскихъ пещеръ, услыхала ихъ молитву и даровала имъ сына. Разныя явленія чудеснаго характера сопровождали его рожденіе. Слышались раскаты грома изъ странной формы облака, собравшагося надъ домомъ, цвѣты падали съ неба и странный ароматъ наполнялъ воздухъ.

Съ ранняго дѣтства святой былъ преданъ богопочитанію, воздвигалъ пáгоды изъ земли и камня, за что сверстники его и прозвали строителемъ храмовъ. На двадцатомъ году жизни онъ тайно покинулъ домъ своего отца и удалился въ пещеру тысячерукой богини ми-

лосердія, въ Изуру. Проведя три года въ молитвѣ и размышленіи, онъ среди зимы увидѣлъ во снѣ, что на вершинѣ бѣлой горы, къ сѣверу отъ Изуру, лежитъ громадной величины мечъ, болѣе чѣмъ въ 3 ф. длиною. Несмотря на глубокій снѣгъ, преодолѣвая невѣроятныя препятствія, онъ достигаетъ вершины и достаетъ этотъ мечъ. Онъ предается и здѣсь уединенію, питаясь пищею, приносимою ему нѣкимъ сверхъестественнымъ существомъ. Затѣмъ онъ удаляется въ монастырь, гдѣ пребываетъ 5 лѣтъ въ качествѣ послушника. Покинувъ монастырь, онъ направился къ Никко и увидѣлъ надъ горами 4 облака фантастической формы и разныхъ цвѣтовъ. Пораженный ихъ видомъ, онъ далъ обѣтъ ихъ достигнуть, но его путь преградилъ непроходимый потокъ. Святой упалъ на колѣни и сталъ молиться. Тогда на противоположномъ берегу появилось божественнаго происхожденія существо исполинскихъ размѣровъ, одѣтое въ черныя и голубыя одѣянія и съ ожерельемъ изъ череповъ вокругъ шеи. Оно перебросило черезъ рѣку двѣ черныя и двѣ голубыя змѣи, и онѣ превратились въ мостъ, перекинувшійся черезъ рѣку. Святой достигъ священнаго мѣста— обиталища Голубого дракона, Краснаго феникса, Бѣлаго тигра и Темнаго воина. Святой построилъ здѣсь многочисленныя капища и совершилъ много подвиговъ, нѣсколько разъ тщетно пытаясь взойти на гору близъ озера Хузенджи, гдѣ онъ построилъ храмъ сторукой Кваннонъ.

Вотъ эта-то японская богиня, ея храмъ и другіе храмы и привлекли сюда тысячи пилигримовъ. Пилигриммы эти прославили мѣстность, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, когда въ 1616 году умеръ шогунъ, сынъ его, согласно завѣщанію отца, похоронилъ его здѣсь въ святомъ мѣстѣ. Царствованіе династіи Токугава совпало съ расцвѣтомъ японскаго зодчества,—и неудивительно, что среди таинственныхъ священныхъ рощъ воздвиглись чудные мавзолеи, приводящіе оригинальною красотою своею въ изумле-

ніе даже видавшихъ лучшія архитектурныя произведенія Европы и Индіи путешественниковъ.

Первое, что кидается въ глаза туристу, подъѣзжающему къ Никко—это такъ-называемый Huschi, или красный мостъ, воздвигнутый на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по легендѣ, святой перешолъ черезъ мостъ, перекинутый видѣніемъ. Мостъ стоитъ на каменныхъ устояхъ, имѣетъ до 40 футъ ширины, и его яркій цвѣтъ представляетъ поразительный контрастъ съ зеленью окружающихъ деревьевъ. Картина необыкновенно эффектная и она служитъ темою для многочисленныхъ рисунковъ и фотографій, продаваемыхъ туристамъ. Прежде черезъ этотъ мостъ никому не было разрѣшено ходить, кромѣ шогуновъ, теперь въ нѣкоторые дни переходъ разрѣшенъ и для пилигримовъ, обыкновенные-же смертные переходятъ по временному мосту, построенному ниже.

Я не буду описывать въ подробности всѣхъ достопримѣчательностей Никко, посѣщаемыхъ пилигримами, но не могу не обратить вниманія читателей на двѣ главныя изъ нихъ—именно мавзолеи усопшихъ шогуновъ—мавзолеи, имѣющіе значеніе тинтусскихъ храмовъ.

Чтобы достигнуть мавзолея Іейасу, надобно подняться по широкой каменной лѣстницѣ между двумя рядами криптомерій. Мы тогда подойдемъ къ Т-образнымъ каменнымъ воротамъ, такъ-называемымъ «Torii», выстроеннымъ еще въ 1618 году. Влѣво отъ нихъ возвышается 5-ти этажная пагода, изящнаго вида и раскрашенная въ разные гармонирующіе другъ съ другомъ цвѣта. Она поднимается до высоты 104 ф. Отъ Torii другая лѣстница ведетъ къ вершинѣ холма, увѣнчанной воротами двухъ королей. Здѣсь, какъ въ портикахъ китайскихъ храмовъ, мною нѣкогда описанныхъ, стояли изображенія духовъ покровителей 4-хъ частей свѣта. Теперь они удалены, но рѣзьба изъ дерева, которая украшаетъ эти оригинальной формы ворота, поразительна. Тутъ вы увидите и изображенія тапировъ, по китайской

миѳологіи, являющихся существами, защищающими отъ чумы. Колонны центральныхъ частей воротъ заканчиваются изображеніемъ львовъ, въ нишахъ, справа и слѣва, изображенія единороговъ или сказочныхъ существъ, называемыхъ гакизіи, которыя говорили человѣческимъ языкомъ и появлялись на свѣтѣ только тогда, когда народомъ правилъ доблестный и праведный государь. Внутреннія ниши украшены изображеніями слоновъ и піоновъ, артистически вырѣзанныхъ изъ дерева.

Пройдя черезъ этотъ родъ тріумфальныхъ воротъ, вы очутитесь во дворѣ, заканчивающемся 3-мя зигзагообразно расположенными зданіями. Два изъ этихъ зданій содержатъ въ себѣ различные атрибуты для религіозныхъ мистерій въ честь Іейасу. Третье зданіе обращаетъ на себя вниманіе изваяніями слоновъ. Влѣво отъ зданія стоитъ высокое дерево—изящная Scadopitys verticillata, красивѣйшее изъ хвойныхъ, замѣчательное необыкновенно правильно расположенными розетками длинныхъ глянцевитыхъ листьевъ. Это было любимое дерево правителя, которое, посаженное въ газонъ, онъ всегда перевозилъ съ собою въ паланкинѣ. На томъ-же зданіи бросаются въ глаза интересныя изваянія обезьянъ трехъ странъ: Индіи, Японіи и Китая. Посрединѣ двора стоитъ навѣсъ, защищающій цистерну съ водою. Новая лѣстница ведетъ отсюда къ еще выше расположенной платформѣ, гдѣ хранятся большіе колокола, канделябры и нѣкоторыя вещи, пожертвованныя правителями Кореи, Голландіи и о-вовъ Ліу-Кіу, которыхъ всѣхъ японцы того времени разсматривали какъ вассаловъ своихъ; еще выше стоитъ 3-я платформа, лѣстницу къ которой заканчиваютъ еще болѣе тонкой работы ворота, украшенныя замѣчательно тонко вырѣзанными изъ дерева піонами, головами единороговъ и статуями хранителей 4-хъ странъ свѣта и драконовъ. Она ведетъ къ площадкѣ, уставленной каменными фонарями и съ двухъ сторонъ окруженной деревянными платформами, на которыхъ совершаются рели-

гіозныя мистеріи. Въ глубинѣ-же помѣщается раскрашенный различными красками, весь рѣзной мавзолей, состоящій, какъ и всѣ японскіе храмы, изъ площадки съ навѣсомъ, въ глубинѣ которой устроены 3 портика. Недавно, еще когда ритуалы религіи тинту и буддійскій были смѣшаны, стояла масса пышныхъ атрибутовъ буддійскаго богослуженія. Теперь они уступили мѣсто скромнымъ эмблемамъ чистой религіи тинту — большому зеркалу, окруженному плетушками изъ золоченой бумаги.

Могила Іейасу расположена на самой вершинѣ холма, господствующаго надъ храмомъ. Ворота украшены деревяннымъ изображеніемъ спящей кошки, считаемымъ японцами верхомъ рѣзного искусства. Это произведеніе рѣзчика Hidari Jongoro — считающагося у японцевъ тѣмъ-же, чѣмъ были Фидій и Пракситель у грековъ. Поросшія мохомъ ступени среди лѣса изъ криптотерій ведутъ къ могилѣ, къ которой проходятъ опять черезъ Torii и арку. Самая могила выстроена въ видѣ небольшой пáгоды, сдѣлана изъ смѣси бронзы съ золотомъ. Спереди стоитъ небольшой бронзовый столикъ съ громаднымъ подсвѣчникомъ въ видѣ журавля съ мѣдною свѣчею въ клювѣ, бронзовая курильница и ваза съ букетомъ листьевъ и цвѣтовъ лотоса—тоже изъ бронзы. Могила окружена каменною изгородью съ бронзовыми воротами, запертыми для публики. Описанная нами могила съ мавзолеяяи, портиками и пáгодами съ мѣстами для богослуженія и мистерій можетъ служить типомъ сооруженій религіи Тинту, назначенныхъ для культа великихъ предковъ. Мавзолей Іемитсу представляетъ много аналогичнаго. Но кромѣ этихъ двухъ, какъ сказано, великое множество другихъ, болѣе мелкихъ, разбросано тамъ и здѣсь подъ сѣнью рощъ и лѣсовъ. Во всѣхъ ихъ до сихъ поръ видно смѣшеніе культовъ буддійскаго и тинтусскаго, и во многихъ мѣстахъ буддійскіе элементы преобладаютъ. Особенно это бросилось мнѣ въ глаза около водопада Каманъ-ча-фучи, гдѣ подъ сѣнью де-

ревьевъ на берегу вы видите цѣлое молчаливое засѣданіе каменныхъ истукановъ, созерцающихъ чудное явленіе природы.

Англійскіе туристы и здѣсь пытаются наложить свой отпечатокъ. Въ Никко, гдѣ все дышетъ историческими воспоминаніями, гдѣ среди водопадовъ и мавзолеевъ витаютъ духи великихъ шогуновъ, вамъ въ ресторанахъ безчисленныхъ маленькихъ гостинницъ, вмѣсто обычныхъ блюдъ, подаютъ уже яичницу и бифштексъ, садятъ васъ за столъ на стулья, говорятъ по-англійски и все имѣетъ тенденцію смѣнить прелестную и оригинальную японскую обстановку на тонъ швейцарскаго, излюбленнаго англичанами курорта. Но объ этомъ вліяніи англичанъ на японскіе нравы мы поговоримъ подробнѣе въ слѣдующемъ письмѣ.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

По средней и южной Японіи.

Никко, съ его чудными садами и храмами, есть, если хотите, одинъ изъ центровъ японской религіи—шинтоизма. Такихъ центровъ нѣсколько: Нара, Изе и Никко—это главнѣйшіе изъ нихъ. Каждый изъ этихъ центровъ является выраженіемъ какой-нибудь стороны этой оригинальной и первобытной религіи, заключающейся въ почитаніи силъ природы, культѣ предковъ-героевъ и своего рода боготвореніи потомковъ солнца—нынѣ царствующаго дома японскихъ микадо. Никко — эта страна усыпальницъ великихъ правителей Японіи—представляетъ наиболѣе полное выраженіе этой послѣдней стороны культа; въ Изе преобладаютъ культы легендарныхъ героевъ и боговъ. Мнѣ не пришлось, за краткостью времени, посѣтить это любопытное и далеко не для всѣхъ туристовъ доступное мѣсто, но зато на моемъ пути изъ Никко къ южнымъ районамъ плантацій я могъ сдѣлать восхожденіе на гору Фузи, имя которой священно, которую знаетъ каждый японецъ, названіе которой онъ слышитъ еще съ дѣтства изъ устъ нянюшки, разсказывающей ему объ этой чудной горѣ. Да и дѣйствительно, гора Фузи, Фузи-Яма или Фузи-но-Яма, какъ называютъ ее въ Японіи, способна привести въ восторгъ не одного только японца. И праздный туристъ, и любитель красотъ природы, и сухой кабинетный ученый одинаково будутъ

поражены видомъ этой горы—единственной въ своемъ родѣ на всемъ земномъ шарѣ. Съ общимъ обликомъ ея вѣроятно знакомы читатели, разсматривавшіе когда-нибудь японскія издѣлія и рисунки, такъ-какъ навѣрное встрѣчали на нихъ изображеніе горы въ видѣ правильнаго усѣченнаго конуса, правильностью своею заставляющаго усумниться въ пониманіи природы у рисовавшаго ее художника. А между тѣмъ гора Фузи именно такова. Это идеально правильный плосковерхій конусъ, точно выточенный рукою токаря, одиноко возвышающійся надъ другими менѣе высокими горами. Гора эта черная. Растительность почти не одѣваетъ склоновъ этого вулкана, но зато вершина его бѣлѣетъ снѣгами, сіяющими на солнцѣ и представляющими на фонѣ зеленаго японскаго ландшафта восхитительное зрѣлище.

Эффектнѣе всего, говорятъ, бываетъ эта гора зимою, когда подъѣзжаете къ Японіи съ океана. Тогда, когда еще не видно суши, вдругъ изъ голубыхъ водъ моря начинаетъ выдвигаться этотъ снѣжно-бѣлый, идеально-правильный, съ притупленной вершиною конусъ, какъ какое-то волшебное созданіе морскихъ фей. Оно и неудивительно. Возвышаясь недалеко отъ берега моря, гора Фузи достигаетъ высоты 12 365 футовъ,—число легко запоминаемое, такъ-какъ оно выражаетъ число мѣсяцевъ и число дней въ году. Съ этой громадной высоты можно созерцать какъ на картѣ большую часть Хондо съ его провинціями, и столь высокая гора видна съ громаднаго разстоянія. Своей правильной формою гора Фузи обязана тому обстоятельству, что она вулканъ, но вулканъ опять-таки необыкновенный. Это вулканъ дѣйствующій, онъ дымится—но слегка, хотя исторія помнитъ его настоящія изверженія, и нѣкоторые геологи ставятъ даже въ связи съ дѣятельностью Фузи образованіе величайшаго и красивѣйшаго изъ озеръ Японіи—озера Бива. Но особенность изверженія Фузи заключалась въ томъ, что гора эта выбрасывала не поочередно грязь, вулканическій пе-

пелъ, бомбы и потоки лавы, какъ то дѣлаютъ большинство вулкановъ, но извергала только такъ-называемые lapilli, т. е. маленькіе камешки изъ лавоваго вещества, величиною съ лѣсной орѣхъ и меньше. Можно сказать, почти вся гора состоитъ изъ этихъ орѣшковъ, несмотря на свою громадную высоту и объемъ. Это—подобіе громадной кучи песку или рису, какъ ее и называютъ японцы, и какъ во всѣхъ такихъ конусообразныхъ кучахъ, чѣмъ ближе къ вершинѣ, тѣмъ круче становится склонъ. Поэтому восхожденіе на эту гору, начинающееся почти на уровнѣ моря и приводящее васъ на высоту Монблана, не принадлежитъ къ числу особенно легкихъ, но зато оно вознаграждаетъ восхитительною, единственною въ мірѣ по красотѣ панорамою. Нетолько Японія съ ея городами, рѣками, горами и лѣсами у васъ подъ ногами, но вы парите надъ величайшимъ въ мірѣ океаномъ, тамъ, гдѣ онъ разбиваетъ свои волны о послѣдній изъ участковъ суши, извѣстныхъ жителямъ Стараго Свѣта. Здѣсь край свѣта, конецъ міра, на востокъ—необъятный, невѣдомый океанъ, изъ волнъ котораго каждое утро жизнерадостно выплываетъ свѣтило міра—солнце, это главное божество шинтусской религіи—великая, все оживляющая богиня, попреимуществу передъ всѣми заслуживающая поклоненія человѣчества. И, если боги природы по духу религіи шинто требуютъ себѣ поклоненія среди природы, и ихъ маленькія капища воздвигаются среди лѣсовъ и горъ и восхитительныхъ видовъ, то гдѣже въ Японіи можно было найти лучшее мѣсто для поклоненія великому міровому богу—солнцу, какъ не здѣсь, гдѣ у васъ подъ ногами весь оживленный и поддерживаемый имъ міръ, во всей его неописанной красотѣ и величіи.

Здѣсь естественный алтарь міра для солнца. Сюда, на вершину Фузи, и совершаютъ свои паломничества шинтусскіе богомольцы, совершая восхожденіе свое въ бѣлыхъ одеждахъ, имѣя въ рукахъ особыя многогранныя

бѣлыя палки. Это ночное восхожденіе дѣлается нетолько съ цѣлью полюбоваться картиною восхода солнца и встрѣтить дружнымъ хвалебнымъ гимномъ появленіе князя міра, но оно имѣетъ еще и другую подкладку, лежащую въ одной шинтусской легендѣ о богинѣ солнца Аматеразу, которую я и позволю себѣ привести здѣсь цѣликомъ.

Въ началѣ началъ, говоритъ японская легенда, былъ хаосъ. Земля и небо не были раздѣлены, и міръ плавалъ въ космической массѣ наподобіе того, какъ рыба плаваетъ въ водѣ или желтокъ въ бѣлкѣ яйца. Мало помалу эфирныя части хаоса собрались въ видѣ неба, болѣе-же твердыя образовали землю, изъ теплой массы которой зародилась жизнь и самобытное существо, называемое Kuni toko tachi no mikoto, затѣмъ еще 2 существа и еще четыре, сами собою зародившіяся—безполыя, такъ-называемыя komi. Ихъ силами изъ хаоса созданы были стихіи: дерево, огонь, металлы, земля и вода, и получили присущія имъ свойства и сочетанія. Раздѣленія половъ тогда еще не было. Первое проявленіе мужского элемента было Izanagi и женскаго—Izanami. Стоя вмѣстѣ на плавучемъ мосту, образуемомъ небомъ, мужское существо омочило свой мечъ въ волновавшіяся подъ нимъ воды и, сбрасывая съ него капли, создало островъ, на который оно и спустилось. Творящая пара божественныхъ существъ рѣшила сдѣлать этотъ островъ опорою для суши, и они разошлись, спустившись на него, чтобы обойти его кругомъ. Когда они затѣмъ встрѣтились, женскій духъ сказалъ: «Какъ пріятно встрѣтить милаго мужчину». Мужчина былъ обиженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что употребленіе языка было изобрѣтено женщиною, и постановилъ обойти островъ еще разъ. Обойдя его теперь, онъ, встрѣтивъ женщину, воскликнулъ: «Какъ пріятно увидѣть милую женщину». И они составили брачную пару. Такъ произошло искусство любви и человѣческій родъ. Созданный-же островъ съ

7 другими большими и тысячью малыхъ стали великою Японіею. Первымъ зачатіемъ Izanami, къ великому огорченію отца, благодаря большей энергіи женскаго существа, было существо женскаго пола. Его назвали Аматеразу-о-моками, или богиней, освѣщающей небо. Отецъ перенесъ ее на небо, которое было тогда близко къ землѣ и восхожденіе на которое не было затруднительно. Эта богиня и есть солнце.

Вторымъ ребенкомъ была также дѣвочка—Теуки-ноками, или богиня луны. Третьимъ ребенкомъ былъ Hіaико—мальчикъ, но дурно сложенный. Трехъ лѣтъ отъ роду онъ еще не могъ стоять на ногахъ, такъ-что его родители сдѣлали ему колыбель изъ камфарнаго дерева и пустили ее на воды моря. Онъ сдѣлался первымъ морякомъ и рыбакомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, богомъ моря и бурь.

Слѣдующимъ плодомъ брака Изанами и Изанаги, отъ котораго отецъ пришелъ въ восторгъ, былъ красивый мальчикъ, котораго назвали Сосаное-но-Микото. На него родители возлагали большія надежды. Но изъ него вышелъ злой негодяй, опрокидывающій деревья и опустошающій поля. Онъ становился чѣмъ старше, тѣмъ хуже. Онъ получилъ въ свое царство, согласно желанію, подземный міръ.

Однажды, когда богиня солнца Аматеразу засадила поле рисомъ, онъ выпустилъ дикаго коня, который потопталъ всѣ плоды трудовъ богини. Затѣмъ онъ разрушилъ кладовую для риса, выстроенную Аматеразу. Другой разъ, когда его сестра сидѣла и пряла, Сосаное, ободравъ живую лошадь, кинулъ ободранное туловище къ ней въ комнату. Богиня была такъ испугана чудовищнымъ видомъ животнаго, что убѣжала въ пещеру, заваливъ входъ въ нее громаднымъ утесомъ. Небо, земля и всѣ четыре страны свѣта погрузились во мракъ и не стало различія между днемъ и ночью. Злые духи воспользовались этимъ обстоятельствомъ, производя шумъ и смятеніе. Тогда всѣ боги, числомъ 800 000, собра-

лись на небесной долинѣ Газу для совѣта, что сдѣлать, чтобы умилостивить гнѣвъ великой богини. Мудрѣйшій изъ боговъ придумалъ хитрый планъ, чтобы выманить богиню изъ засады. Суть этого плана заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать изображеніе богини болѣе прекрасное, чѣмъ она сама, и такимъ образомъ вызвать ея любопытство и ревность. Такимъ изображеніемъ было круглое, подобное солнцу зеркало. Громадная скала была избрана наковальнею. Японскій Гефестъ выковалъ изъ небеснаго желѣза сначала два маленькія зеркала, но они не понравились богамъ. Тогда было сдѣлано одно большое и превосходное, подобное солнцу.

Небесные мастера приготовили чудныя одежды, драгоцѣнности и восхитительный дворецъ для богини солнца. Два бога посадили бумажное дерево и коноплю (рами) и приготовили волокна, другія божества приготовили изъ нихъ одежды, третьи изготовили браслеты изъ драгоцѣнностей и пр.

Дерево сакаки было вырвано съ корнемъ и перенесено къ пещерѣ. По его вѣтвямъ сверху были повѣшены ожерелья изъ драгоцѣнностей, посрединѣ прикрѣплено зеркало, а съ нижнихъ вѣтвей свѣшивались одежды. Это были такъ-называемые gohei. Достали большое число постоянно поющихъ пѣтуховъ, которые должны были составить концертъ передъ дверями пещеры. Богъ съ неодолимо сильными руками былъ спрятанъ вблизи дверей, чтобы выхватить богиню, какъ только она покажется у дверей пещеры. Богиня Узуме—японская Терпсихора—дожна была руководить танцами. Это она изобрѣла костюмы и прически, и когда она играла на камышевой флейтѣ, остальные боги ударяли въ тактъ пластинками твердаго дерева. Другой богъ изобрѣлъ родъ цитры, кото. Зажгли огни, и оркестръ изъ флейтъ и цимбалъ заигралъ передъ входомъ. Японская Терпсихора, сдѣлавъ родъ резонирующаго ящика съ бубенчиками, начала танецъ подъ звуки пѣсни:

Hita fata migo
Itsu, mugu nona
Ga, kako-no, tari
Momo, chi, y o rodsu

Въ одномъ переводѣ это будетъ просто японскій счетъ:

Одинъ, два, три, четыре,
Пять, шесть, семь,
Восемь, девять, десять,
Сто, тысяча, десять тысячъ.

Въ другомъ-же смыслѣ выходитъ четверостишіе со значеніемъ:

О боги, вы, что здѣсь собрались,
Ликуйте у дверей, урра
Царица вновь у насъ явилась,
Внимая силѣ чудныхъ чаръ.

Богиня солнца была крайне удивлена такимъ ликованіемъ на землѣ, которая должна была быть объята мракомъ, и приблизилась къ дверямъ пещеры, прислушиваясь къ словамъ одного изъ боговъ, расточавшаго льстивыя рѣчи. Она пріотворила двери и спросила, почему это Узуме танцуетъ, а боги ликуютъ. Узуме отвѣтила: «Я танцую потому, что среди насъ есть почтенная богиня, превосходящая тебя красотою и славою». Приэтомъ богъ красоты, японскій Аполлонъ, показалъ ей зеркало. Богиня, пораженная своею красотою, которую впервые она увидѣла въ зеркалѣ, выставилась, чтобы удовлетворить свое любопытство, еще болѣе впередъ. Тогда богъ съ непобѣдимо сильными руками отвалилъ камень отъ пещеры и вытащилъ Аматеразу, чтобы помѣстить ее въ новый дворецъ на небѣ, гдѣ она царствуетъ и доселѣ, разливая свѣтъ по всему міру.

Ея эмблему—зеркало—вы поэтому найдете во всякомъ шинтусскомъ храмѣ, но нигдѣ культъ Аматеразу, культъ солнца, не бываетъ такъ простъ и такъ величественъ,

какъ именно на вершинѣ горы Фузи, гдѣ, встрѣчая восходъ солнца, богомольцы сперва во мракѣ и холодѣ ночи какъ-бы переживаютъ то ощущеніе, которое испытывали ихъ боги, оставленные на землѣ безъ мірового свѣтила, и затѣмъ, привѣтствуя восходъ, вновь видятъ всѣ благіе результаты дѣятельности Аматеразу.

Нижеслѣдующее описаніе картины, лично мною видѣнной съ вершины Фузи, можетъ дать развѣ только самое слабое представленіе о дѣйствительности.

Благодаря желѣзной дорогѣ, въ настоящее время добраться до Фузи не трудно. Препятствіемъ для скорѣйшаго ея достиженія могутъ явиться развѣ только знаменитыя ея окрестности—Гакоте и Міанишита. Послѣдняя извѣстна своими сѣрными ключами, привлекающими массы нетолько японскихъ, но и европейскихъ посѣтителей. Ея окрестности прекрасны, но, мнѣ кажется, въ Японіи есть много мѣстъ, ничуть имъ не уступающихъ, почему я не буду останавливаться ни на ней, ни на Гаконе, гдѣ, какъ исполинскій призракъ на фонѣ довольно пустыннаго озера, возвышается правильный конусъ Фузи. Я перейду прямо къ описанію моего восхожденія.

Чтобы достигнуть къ восходу солнца вершины Фузи, надобно покинуть ближайшую къ ней желѣзнодорожную станцію часовъ въ 5 вечера. Нѣкоторое разстояніе вы ѣдете еще лѣсомъ по черной вулканической почвѣ, которая дѣлается, однако, чѣмъ далѣе, тѣмъ вязче и тяжелѣе для вашего выбивающагося изъ силъ джинрикши. Скоро вы принуждены его покинуть. Вы останавливаетесь въ одиноко стоящей бѣдной гостинницѣ, гдѣ запасаются обыкновенно лишнимъ теплымъ платьемъ для восхожденія и описанными выше гранеными палками.

Скоро послѣднія деревья остаются за вами, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ и послѣдніе лучи угасающаго вечера. Со всѣхъ сторонъ вокругъ васъ открывается черная пустыня. Это одна изъ особенностей Фузи-Ями. Другія горы Японіи, сложенныя изъ другихъ породъ, даже въ

ближайшемъ сосѣдствѣ съ Фузи даютъ возможность растительности, даже древесной, подниматься до высотъ значительно большихъ. Средняя Японія имѣетъ цѣлый рядъ поясовъ растительности, аналогичныхъ нашимъ. За вѣчно зелеными деревьями и соснами, какъ въ Крыму, слѣдуетъ поясъ бука и кленовъ съ опадающею листвою, далѣе зона пихтъ и сѣверныхъ хвойныхъ, и наконецъ на самыхъ вершинахъ наиболѣе высокихъ горъ господствуютъ альпійскія травы и кустарники.

Не такъ на Фузи. Здѣсь вы находите послѣднія группы чахлыхъ лиственницъ далеко ниже настоящаго предѣла лѣсовъ. Рыхлая, невывѣтрѣлая, изъ lapilli состоящая почва, повидимому, неудобна для роста деревьевъ. Она мало благопріятна и для травъ. Эти послѣднія растутъ здѣсь изолированными, тамъ и сямъ разбросанными группами, которыя чѣмъ ближе къ вершинѣ, тѣмъ дѣлаются рѣже и рѣже, такъ-что самая вершина Фузи лишена рѣшительно всякой растительности, хотя, по моему глубокому убѣжденію, здѣсь не климатъ, а почва является тому причиною. Послѣднія растенія, какія я встрѣчалъ подъ утро на высотѣ десяти слишкомъ тысячъ футъ, были одинъ видъ Polygonum и осока.

Такимъ образомъ съ наступленіемъ сумерекъ вы вступаете въ совершенно безжизненную черную пустыню. Рыхлая, сыплющаяся у васъ подъ ногами почва изъ lapilli разсыпается спереди и сзади, справа и слѣва. Ни утесы, ни причудливой формы скалы не останавливаютъ вашего вниманія. Передъ вами безжизненная почва, какою она явилась въ первый моментъ созданія. Вы по ней стремитесь куда-то вверхъ, по извивающейся зигзагами тропинкѣ, вдоль которой, чтобы не могли сбиться пилигримы, тамъ и сямъ по краямъ сложены груды камней. Мракъ ночи окружаетъ васъ со всѣхъ сторонъ. Ваши проводники зажигаютъ факелы. Ихъ трепетный свѣтъ обильно поглощается окружающей васъ темной средою, онъ освѣщаетъ только почву подъ ногами, и не-

сущіе факелы проводники кажутся какими-то духами, влекущими васъ въ царство тьмы, въ царство преисподней.

Изрѣдка только встрѣтится землянка изъ камней для отдыха пилигримовъ. Вы присаживаетесь въ ней на нѣсколько минутъ, чтобы затѣмъ продолжать ваше восхожденіе.

Среди ночи вы достигаете пояса облаковъ. Холодный туманъ пронизываетъ васъ до костей своею сыростью и черная пустыня кажется еще болѣе безпредѣльною. Облака въ описываемую мною ночь располагались въ 2 яруса. Между ними оставалось свободное пространство, попавши въ которое можно было видѣть звѣзды и послѣднюю четверть луны какъ-бы плавашими въ этихъ серебристыхъ клубахъ. Можно было вообразить себя на небѣ, окруженнымъ этими свѣтилами. Но останавливаться было некогда. Надо было спѣшить къ вершинѣ до начала утра. Мы опять погрузились въ густой и холодный туманъ. Вѣтеръ дѣлалъ холодъ еще болѣе ощутительнымъ, такъ-что буквально зубъ не попадалъ на зубъ. Захваченные японскіе керимоны совсѣмъ не согрѣвали тѣла, и только непрестанное движеніе вверхъ, впередъ по вьющейся зигзагами тропинкѣ позволяло не замерзнуть въ этомъ ледяномъ разрѣженномъ воздухѣ. Вершина была уже недалеко отъ насъ. Большое пятно фирна, единственное оставшееся отъ зимняго покрова, свѣтлѣло передъ нами; вмѣстѣ съ тѣмъ стали появляться первые признаки зари, и я предложилъ остановиться, чтобы созерцать дивную картину, которая должна была развернуться подъ ногами.

Теперь облака были далеко внизу подъ нами. Но они потеряли свои курчавыя формы, превратившись въ какую-то сѣрую массу, скрывающую подъ ногами все, кромѣ далекаго горизонта, гдѣ вспыхнулъ слабый проблескъ свѣта.

По мѣрѣ того какъ онъ становится сильнѣе и сильнѣе, туманъ, скрывающій землю, становится прозрачнѣе,

вы различаете гдѣ-то далеко внизу подъ ногами неясные контуры суши и обширный океанъ, омывающій ее съ востока. Туманъ быстро таетъ, и вы, какъ на медленно проявляемой фотографической пластинкѣ, начинаете все яснѣе и яснѣе различать контуры моря и земли, очертанія горъ и горныхъ группъ, далеко не достигающихъ высоты одиноко возвышающейся надъ страною Фузи. Являются силуэты озеръ, раскинувшихся между горными группами, вы начинаете въ слабомъ утреннемъ сумракѣ различать лѣса, пашни и раскинувшіяся между ними селенія вплоть до береговъ моря, до Камокури и Энашимы. Вы присутствуете какъ-бы при картинѣ міросозданія, когда изъ хаоса подъ ногами вашими создается чудной красоты страна, обрамленная безбрежнымъ моремъ. И вотъ, надъ этимъ моремъ — вспыхнувшимъ лучемъ—сперва въ яркій пурпуръ, потомъ въ нѣжно розовые тона—по темноголубому небу раскрашиваются облака. Другія, болѣе дальнія, нависшія надъ горами, кажутся клоками бѣлой серебристой ваты. Низко надъ горизонтомъ полосы облаковъ становятся золотыми, цвѣта расплавленнаго золота—и вдругъ показывается верхній край солнечнаго диска. Страна въ нѣсколько минутъ неузнаваема. Море—это море расплавленнаго золота. Земля подъ ногами блеститъ зеркалами озеръ, причудливыми формами горъ, темною зеленью расположенныхъ на откосахъ лѣсовъ, полей и вьющимися по низинамъ серебристыми лентами рѣкъ. Вы видите съ птичьяго полета одну изъ красивѣйшихъ въ мірѣ странъ. Теперь только оцѣниваете вы, что такое для нашего міра солнце, что можетъ оно создать изъ темнаго и мрачнаго хаоса—вы поймете восторгъ боговъ Японіи, когда богиня Аматеразу покинула свою пещеру, чтобы вновь явить свой сіяющій ликъ передъ ихъ собраніемъ. Встрѣтивъ дневное свѣтило и насладившись дивною картиною, открывающеюся подъ ногами, я хотѣлъ продолжать путь, чтобы взобраться на вершину, побывать въ потухшемъ

33*

кратерѣ и посмотрѣть на скромное капище богини солнца,—гдѣ жрецы ея ставятъ клейма на палкахъ пилигримовъ, достигшихъ вершины Фузи и спѣвшихъ тамъ хвалебный гимнъ восходящему солнцу. Но тутъ со мною случилось то, чему я удивлялся и чего я не могъ понять въ одномъ изъ моихъ спутниковъ, сопровождавшихъ меня два года передъ тѣмъ на вершину Адамова пика на Цейлонѣ.

Несмотря на то, что мнѣ оставалось дойти до вершины какую-нибудь сотню саженъ, я почувствовалъ полную невозможность это сдѣлать. Я до сихъ поръ не могу себѣ объяснить причину этого безсилія. Въ моей жизни мнѣ приходилось неоднократно дѣлать восхожденія на весьма значительныя высоты. Гунунъ, Геде и Салакъ на Явѣ, Адамовъ Пикъ на Цейлонѣ, Эггишгорнъ и Цермать въ Швейцаріи, не говоря уже о безчисленныхъ восхожденіяхъ на Тянь-Шанѣ и Кавказѣ, давали мнѣ право считать себя хорошимъ горцемъ. Но на вершинѣ Фузи, было-ли тому причиною трехмѣсячное переутомленіе подъ тропиками въ жаркой атмосферѣ Китая и Индіи, или безсонная ночь, когда приходилось все время подниматься, причемъ, чѣмъ выше мы шли, тѣмъ круче становился подъемъ, но мнѣ пришлось спасовать и отказаться привезти на родину палку съ клеймомъ жрецовъ солнца съ вершины Фузи—трофей, которому позавидовалъ-бы не одинъ изъ Тартареновъ и globe-trotter'овъ нашей части свѣта. Зато я былъ вознагражденъ другою картиною, также крайне характерною для Фузи. Пока, изнемогая отъ усталости, задыхаясь въ разрѣженномъ воздухѣ, я собирался съ силами, облака серебристаго тумана окружили Фузи. Нѣсколько мгновеній—и я и мои спутники очутились на одинокомъ островѣ, безжизненной черной скалѣ, закинутой въ безбрежномъ океанѣ клубящагося нѣжнаго пара, надъ которымъ, на ярко голубомъ небесномъ сводѣ, ярко сіяло дневное свѣтило.

Путь внизъ я совершилъ легко и быстро. Не нужно было слѣдовать по извилистымъ тропинкамъ. Прямо по крутому склону сбѣгали мы внизъ. Мелкіе камешки катились подъ ногами, заставляя дѣлать шаги, достойные исполиновъ, и мы летѣли внизъ. Близь подошвы я встрѣтилъ совершенно неожиданно молодого японскаго ученаго, ассистента профессора метеорологіи въ Токіо. Отважный молодой человѣкъ предпринималъ также восхожденіе на Фузи, но не какъ туристъ, а идучи на научный подвигъ. Въ маленькой хижинкѣ, вмѣстѣ съ женою, собирался онъ прожить тамъ всю зиму съ ея суровыми вѣтрами и мятелями. Сегодня, 15-го сентября, былъ послѣдній срокъ, когда Фузи доступна была для пилигримовъ и туристовъ. Завтра уходятъ гонимые осенними вѣтрами и холодами жрецы и вообще все населеніе—и всю долгую зиму на высотѣ 12 000 ф. этотъ молодой человѣкъ долженъ будетъ провести въ полномъ одиночествѣ, въ океанѣ облаковъ и занесенный снѣгами.

Подвиги этого рода дѣлались людьми науки и въ Европѣ. Даже у насъ, быть можетъ, найдутся такіе примѣры. Но не скоро, я думаю, наступитъ то время, когда о нихъ съ интересомъ будутъ читать крестьяне какой-нибудь Симбирской или Тамбовской губерніи въ своихъ мѣстныхъ газетахъ. А между тѣмъ подробное описаніе о задачахъ экспедиціи моего знакомаго и о проводахъ, ему сдѣланныхъ, черезъ четыре дня послѣ нашей встрѣчи мнѣ читалъ мой спутникъ въ маленькой захолустной деревнѣ, на не менѣе захолустномъ островѣ Японіи, на Сикоко. И мнѣ стало стыдно за Европу.

Вечеромъ поѣздъ уже уносилъ меня въ Кіото, и я спалъ мертвымъ сномъ переутомленнаго человѣка, на неудобномъ диванчикѣ вагона I класса южно-японской желѣзной дороги.

Кіото я не буду описывать въ моихъ письмахъ. Впечатлѣнія бѣглаго обзора японской «Москвы» мною уже

были даны въ моихъ очеркахъ «По островамъ далекаго Востока». На этотъ-же разъ мнѣ пришлось видѣть древнюю столицу Японіи еще болѣе бѣгло, такъ-какъ цѣль моего посѣщенія было собственно не Кіото, но мѣстечко Уджи, расположенное въ его окрестностяхъ и славящееся своими лучшими въ Японіи и вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшими чайными плантаціями.

Какъ извѣстно, чай проникъ въ Японію сравнительно недавно: онъ только нѣсколько столѣтій какъ вошелъ во всеобщее употребленіе, ранѣе-же это былъ напитокъ духовенства, и «китайская травка» разводилась почти исключительно около монастырей, чтобы помогать ночному бдѣнію монаховъ.

Затѣмъ, въ періоды государственныхъ смутъ, чай въ Японіи дѣлается напиткомъ заговорщиковъ въ высшихъ аристократическихъ кругахъ и такъ-называемый церемоніальный чай сдѣлался напиткомъ попреимуществу конспиративнымъ. Отсюда затѣмъ уже чай распространился въ народную массу и теперь сдѣлался напиткомъ, безъ котораго не можетъ жить ни одинъ японецъ. Я уже описывалъ въ «Недѣлѣ», какъ сильно, и по приготовленію, и по вкусу, отличается японскій чай отъ нашего. Японскій народъ пьетъ исключительно зеленые чаи, причемъ чаи эти приготовляются совершенно особенно. Въ Уджи впервые стали разводить и выдѣлывать чай, и до сихъ поръ безспорно самые лучшіе чаи разводятся здѣсь. Обыкновенный японскій чай приготовляется просто. Съ плантаціи, на которой всякіе кусты разсажены рядами наподобіе того какъ садятъ живыя изгороди, собираютъ, какъ и для приготовленія чернаго чая, молодые побѣги. Надъ большимъ глинянымъ ящикомъ, наполненнымъ угольями, ставится рама, на которой натянута толстая и прочная японская бумага. Жаръ углей нагрѣваетъ ее градусовъ до 70°, и на этой-то горячей бумагѣ чистыми руками катаютъ и скручиваютъ чайные листья, пока они не сдѣлаются сухими. Ихъ оставляютъ окончательно высы-

хать при меньшемъ жарѣ надъ подобными-же углями—и чай готовъ *. Это тотъ чай, который пьетъ вся Японія, который вамъ подадутъ въ любомъ чайномъ домѣ. Иное дѣло чай церемоніальный. Уже самое выращиваніе его сопровождается сложными церемоніями. Чайные кусты, когда начинаютъ развиваться ихъ почки, покрываютъ растянутыми кусками матеріи, чтобы притѣнить ихъ отъ свѣта, сдѣлать побѣги ихъ нѣжными и блѣдными. Ихъ засушиваютъ и скручиваютъ съ особою предосторожностью, а пакетики съ чаемъ сохраняютъ среди другого чаю, чтобы они не выдохлись. Передъ приготовленіемъ чай этотъ на особой мельницѣ приводятъ въ состояніе тончайшаго порошка, и изъ этого-то порошка и приготовляютъ зеленую какъ шпинатъ эмульсію, которую и пьютъ въ качествѣ чая.

Я не буду утомлять читателя описаніемъ моихъ посѣщеній чайныхъ плантацій и бесѣдъ съ различными владѣльцами ихъ—большею частью мелкими: какъ въ Китаѣ въ Японіи крупныя чайныя плантаціи не считаются особенно выгоднымъ предпріятіемъ, и культура чая находится почти всецѣло въ рукахъ мелкихъ собственниковъ. Но я думаю, не лишено интереса будетъ описаніе вечера съ церемоніальнымъ чаемъ, проведеннаго мною въ Кіото на берегу рѣки въ одномъ изъ старинныхъ, до сихъ поръ посѣщаемыхъ японскою аристократіею ресторановъ.

Какъ въ древней Греціи, такъ до самаго послѣдняго времени въ Японіи, въ общественной жизни народа гетеры или гейши играютъ видную роль. Посѣтители портовыхъ городовъ обыкновенно съ представленіемъ о гейшѣ связываютъ понятіе о грубой проституткѣ—танцовщицѣ циничнаго характера танцевъ, которыми наполнены тамош-

* Болѣе подробныя и полныя свѣдѣнія о культурѣ, приготовленіи и употребленіи чаевъ въ Китаѣ, Индіи и Японіи читатель найдетъ въ большомъ иллюстрированномъ, недавно мною выпущенномъ въ свѣтъ сочиненіи «Чайные округа субтропическихъ областей Азіи». (Отчетъ удѣльному вѣдомству).

ніе чайные дома, куда каждый вечеръ усиленно зазываютъ джинрикши ступившаго на пристань японскаго города европейца.

Но такое сужденіе о гейшахъ было-бы и ошибочно, и односторонне. Правда, какъ вездѣ, соприкосновеніе съ европейскими обычаями содѣйствуетъ и здѣсь опошленію обычаевъ мѣстныхъ, но внутри Японіи, особенно въ вѣрномъ традиціямъ старины Кіото, вы еще до сихъ поръ встрѣтите въ лицѣ гейшъ то, чѣмъ онѣ были во времена феодализма, во времена конспиративныхъ чайныхъ вечеровъ. Приниженное положеніе женщины въ семьѣ дѣлаетъ японскую мать семейства простою рабынею, горничною и кухаркою, всѣ мысли которой направлены на удовлетвореніе матеріальной стороны потребностей мужа. Товарищей, могущихъ доставить ему духовныя и эстетическія наслажденія, онъ долженъ искать внѣ дома. Въ Средней Азіи, гдѣ жизнь женщины была замкнутая гаремная, мужчина долженъ былъ искать всего этого въ кругу себѣ подобныхъ. Онъ проводилъ въ обществѣ однихъ мужчинъ большую часть времени—и мы видимъ, что тамъ этотъ неестественный образъ жизни породилъ цѣлый рядъ аномальныхъ для человѣческаго общества явленій—вродѣ бачебашства. Въ Японіи дѣло обстояло лучше — здѣсь японцы дѣлили свои досуги въ обществѣ гейшъ, женщинъ, получившихъ весьма тонкое воспитаніе. До сихъ поръ въ Японіи, этой классической странѣ хорошихъ манеръ и китайскихъ церемоній, существуютъ учебныя заведенія для дѣвушекъ, гдѣ года проходятъ въ томъ, чтобы выучивать изящно составлять букеты, красиво убирать кушанья, граціозно кланяться и т. п. Въ нѣсколько меньшей программѣ искусство это проходится даже во всѣхъ, на европейскій манеръ устроенныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Правда, манеры эти оригинальны съ нашей точки зрѣнія.

Женщина, которая привѣтствуя васъ, станетъ на колѣни и прикоснется сгибами пальцевъ до полу, которая въ

знакъ согласія будетъ вамъ говорить «се-съ», или слово «кээ» вмѣсто французскаго «s'il vous plait», въ европейскомъ костюмѣ произведетъ впечатлѣніе болѣе чѣмъ странное. Но въ своемъ кимоно, въ воздушномъ домикѣ безъ мебели, во всей этой характерной и своеобразной обстановкѣ всѣ эти манеры не лишены изящества и привлекательности, и даже европеецъ скоро отличитъ манеры благовоспитанной дамы отъ обыкновенной горничной.

Въ гейши высшаго круга попадали иногда дѣвицы весьма высокой культуры и недюжинныхъ способностей. Не надо забывать, что наряду съ труженицами кухни, японская нація выдвигала изъ среды прекраснаго пола женщинъ съ выдающимися музыкальными способностями— поэтессъ и писательницъ. Романъ съ характеромъ нашихъ современныхъ романовъ,являясь изобрѣтеніемъ собственно китайской литературы,нашелъ себѣ подражателей и оригинальныхъ писателей среди японцевъ. И однимъ изъ популярнѣйшихъ и распространеннѣйшихъ въ японскомъ обществѣ романовъ является произведеніе японской писательницы, дочери Fujvara Tametoki, обыкновенно называемой Murasaki Schikib. Ея романъ «Genji Monogatari», представляющій описанія, ряды любовныхъ интригъ при дворѣ микадо, написанный еще въ X-мъ вѣкѣ послѣ Р. X., до сихъ поръ съ увлеченіемъ читается японскою молодежью, и даже переводъ его на англійскій языкъ, недавно сдѣланный, выдержалъ уже 2 изданія.

Вотъ женщинъ съ такимъ литературнымъ, а особенно съ музыкальнымъ образованіемъ мы часто и встрѣчаемъ между гейшами Кіото.

На берегу рѣки, протекающей черезъ городъ, въ теплый лѣтній вечеръ или въ лунную ночь особенно поэтичный характеръ принимаютъ такія вечернія гулянки. Отъ многочисленныхъ, пріютившихся на берегу чайныхъ домиковъ выстроены особые выдающіяся далеко въ рѣку, окруженные рѣшоточками, помосты. На нихъ, на высокихъ подставкахъ, выставляются причудливой формы бумажные

китайскіе фонари, трепетный свѣтъ которыхъ, сливаясь съ зеленоватымъ освѣщеніемъ субтропической луны, даетъ фантастическую иллюминацію. Въ ея лучахъ на этихъ помостахъ вы видите группы эффектно разодѣтыхъ въ пышныхъ цвѣтовъ керимоно японскихъ красавицъ, составляющихъ настоящій цвѣтникъ около распивающихъ чай или закусывающихъ японцевъ.

Мы зашли въ одинъ изъ такихъ домиковъ. Подъ шумъ волнъ рѣки, въ которой тысячами искръ отражался свѣтъ нашихъ фонарей, мы вели бесѣду съ этими цвѣтами страны Восходящаго Солнца. Какъ во времена сѣдой старины, приготовляли онѣ намъ церемоніальный чай. Дѣйствительно, это былъ чай церемоніальный. Какія-то особенныя деревянныя кадочки для засыпки, метелочки для взбиванія, чайнички для заварки. Въ строгомъ молчаніи, съ многозначительными ужимками, молодыя хозяйки священнодѣйствовали около крошечной жаровни-шкатулки, чтобы приготовить по чашкѣ зеленой, терпкой, шпинатнаго цвѣта жидкости и подать ее намъ съ неменьшими ужимками и церемоніями. Затѣмъ мелодичные звуки кото, этой японской цитры, пріятное, нѣсколько меланхолическое пѣніе и остроумный, полной глубокаго юмора разговоръ. Я никогда не забуду этого мирнаго патріархальнаго вечера, этихъ милыхъ хозяекъ, этой полной простоты бесѣды, составлявшей такой контрактъ послѣ суровой природы Іесо и полной сильныхъ ощущеній ночи, проведенной на Фузи. Какъ Фаустъ, готовъ-бы я былъ воскликнуть, пиша эти строки: «Мгновенье, возвратись!»—но, увы, почти половина окружности земного шара уже отдѣляетъ меня отъ благословеннаго Кіото...

Вечеръ, проведенный мною въ Кіото, былъ одинъ изъ тѣхъ, которые, вѣроятно, скоро отойдутъ въ исторію; между тѣмъ они характеризовали времяпрепровожденіе знатныхъ японцевъ феодальнаго періода. Еще до сихъ поръ въ Кіото, на улицѣ Gion, показываютъ мѣсто, гдѣ кутилъ съ гейшами знаменитый герой японской старины

Juranosuke, одинъ изъ 47 «рониновъ», могила которыхъ, находящаяся въ Токіо, составляетъ одну изъ тѣхъ достопримѣчательностей города, которую посѣтить считаютъ своимъ долгомъ европейскіе туристы. Мало-мальски образованный японецъ знаетъ эту исторію: изложенная въ формѣ романовъ или переложенная для сцены въ той или другой версіи, она ему извѣстна еще съ дѣтства. Въ прекрасномъ изложеніи Mitford'a, въ его Tales of old Japon, или даже въ англійскомъ переводѣ Dickins'a романа Chiushingara, съ нимъ могутъ познакомиться и европейцы. Нельзя не пожалѣть, что нѣтъ его перевода на русскій языкъ, такъ-какъ я не знаю другого произведенія японской литературы, которое-бы лучше знакомило съ бытомъ и нравами дореформенной Японіи. Суть романа заключается въ томъ, что одинъ изъ феодаловъ, нѣкто Moronao, обижаетъ словами другого болѣе мелкаго дворянина и князя Yenya Tanielo. Тотъ, не будучи въ состояніи сдержать обиды, наноситъ Moronao ударъ саблею по лицу, за что микадо приговариваетъ Yenya къ смерти путемъ такъ-называемаго harakiri, т.-е. осужденный долженъ былъ самъ распороть себѣ животъ. Дворяне этого періода, такъ-называемые самураи, составлявшіе штатъ придворныхъ Yenya, лишившись своего феодала, который ихъ кормилъ, были осуждены сдѣлаться тѣмъ, что называется «ronin», т.-е. бродягами, не имѣющими земли и хозяина. Но одинъ изъ нихъ, приближенный Yenia—нѣкто Juranosuke—собравъ ихъ, вѣрный завѣту своего феодала, который, умирая, просилъ его отмстить за свою смерть, заставилъ ихъ составить тайный союзъ съ цѣлью убить Moronao. Въ романѣ разсказываются различныя приключенія членовъ этой тайной лиги, причемъ мы встрѣчаемся съ оригинальными нравами древней Японіи, вродѣ продажи родителями своей дочери на 5 лѣтъ въ домъ терпимости, чтобы дать средства ея жениху, нужныя ему для обѣщаннаго пожертвованія, или брата, уговаривающаго сестру совершить самоубійство

только потому, что сестра случайно узнала тайну, которую она, по свойственной женщинамъ болтливости, могла не сохранить. Наконецъ, Юраносуке удается выполнить свой планъ. Долгое время кутитъ онъ въ Кіото на улицѣ Gion, пока поведеніемъ своимъ ему не удается усыпить бдительность подозрительнаго виновника смерти его господина. Тогда Юраносуке ночью дѣлаетъ атаку на его замокъ, застаетъ его спящимъ и лишаетъ жизни. Затѣмъ всѣ 47 рониновъ-заговорщиковъ отправляются на могилу своего хозяина и совершаютъ ужасное harakiri, т.-е. распарываютъ себѣ животы, а потомство, изумленное преданностью и самопожертвованіемъ этихъ придворныхъ, воздвигло имъ памятникъ, преданіе-же о ихъ поступкѣ, разукрашенное разными легендами, передается изъ устъ въ уста. Всѣ эти нравы теперь уже отходятъ въ вѣчность. Графы и князья Японіи щеголяютъ теперь въ сюртукахъ и фракахъ, а штатъ придворнаго дворянства феодаловъ, жившаго на счетъ князей и имѣвшаго право носить по 2 сабли за поясомъ, теперь упраздненный, по большей части вошолъ въ составъ чиновъ государственной полиціи. И надо отдать справедливость японскому дворянству, — болѣе исполнительной, честной, преданной своему дѣлу и неподкупной полиціи не имѣетъ ни одно государство. Японскій полицейскій чинъ нетолько не согласится ни на какую незаконную сдѣлку, но, какъ я имѣлъ случай убѣдиться на дѣлѣ, даже оказавъ вамъ крупную услугу, никогда не возьметъ за нее ни малѣйшаго вознагражденія, считая это за оскорбленіе чести самурая. Такихъ джентльменовъ полицейскихъ я не видалъ еще ни въ одномъ государствѣ, не исключая и Англіи, славящейся своею образцовою полиціею.

Мой срокъ пребыванія въ Японіи былъ настолько кратокъ, и чайныхъ плантацій, непосѣщенныхъ мною, оставалось еще настолько много, что при всемъ моемъ желаніи я не могъ оставаться долѣе дня въ Кіото. Я

долженъ былъ отказаться отъ осмотра безчисленныхъ достопримѣчательностей этой японской Москвы, главнѣйшія изъ которыхъ были, впрочемъ, мною осмотрѣны въ предшествовавшее путешествіе и описаны въ очеркахъ «По островамъ далекаго Востока».

За нынѣшній мой визитъ я могъ только бѣгло осмотрѣть нѣсколько буддійскихъ храмовъ, собственно для того, чтобы сравнить впечатлѣніе, выносимое отъ обстановки и богослуженія въ японскомъ буддійскомъ храмѣ, съ тѣмъ, какое выносишь изъ храма той-же религіи въ Тибетѣ, на Цейлонѣ и въ Китаѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что характеръ народа отражается и на характерѣ его религіознаго ритуала. Поэтому буддизмъ японскій даетъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, что буддизмъ въ трехъ вышеназванныхъ странахъ. Какъ всѣ жилища въ странѣ Восходящаго Солнца, и храмы буддійскіе здѣсь—чистенькія, изящныя зданія съ хорошенькими рѣзными алтарями, на которыхъ стоятъ принадлежности религіознаго ритуала, исполненныя такъ, что они могли-бы составить украшеніе камина любого богатаго кабинета. Въ общемъ планъ буддійскаго храма напоминаетъ скорѣе то, что вы видите въ Китаѣ, чѣмъ то, что въ Индіи или Тибетѣ. Точно такъ-же во внутренній дворикъ, среди котораго возвышается главный храмъ, ведетъ нѣчто вродѣ тріумфальныхъ воротъ, въ которыхъ стоятъ 4 уродливыхъ фигуры князей странъ свѣта. Но въ Японіи истуканы эти не размалеваны во всѣ цвѣта лубочныхъ картинъ, но каждый имѣетъ свою окраску: красную, бѣлую, голубую и желтую. Храмы, за исключеніемъ немногихъ, не переполнены идолами; послѣднихъ немного, но они сдѣланы артистически, особенно большая высокая статуя богини милосердія Кваннонъ, лицо которой часто исполнено глубокаго выраженія. Этихъ японскихъ богинь изображаютъ весьма различно. Въ Японіи имѣется тридцать-три храма, посвященныхъ богинѣ милосердія, и благочестивые поклонники считаютъ своимъ долгомъ по-

сѣтить всѣ тридцать-три. При этихъ храмахъ часто устраиваются живыя картины изъ восковыхъ фигуръ, изображающія различныя дѣянія милосердія и чудеса, совершенныя богинею.

На потолкахъ большинства буддійскихъ храмовъ змѣеобразно изогнутыя курительныя свѣчи распространяютъ благоуханія. Передъ столикомъ, на которомъ лежатъ священные хлѣба и печенія и горятъ свѣчи, совершаютъ моленія бонзы въ золотыхъ одѣяніяхъ—и только присутствіе среди приносимыхъ въ жертву предметовъ, состоящихъ изъ рыбы, жареной на вонючемъ кунжутномъ маслѣ, напоминаетъ вамъ, что передъ вами языческое капище.

Во дворикѣ храма вы встрѣтите обязательно резервуаръ съ водою, гдѣ моютъ руки и полощутъ водой ротъ богомольцы, прежде чѣмъ совершать поклоненіе. Справа обыкновенно возвышается 7-этажная пагода, нерѣдко съ колокольчиками на концахъ своихъ причудливо кверху поднимающихся крышъ. Слѣва высится цѣлый рядъ исписанныхъ іероглифами дощечекъ,—тотъ-же самый, что и въ Китаѣ, похвальный обычай, слѣдуя которому имя каждаго жертвователя, какъ-бы мала ни была его лепта, записывается навѣки у стѣнъ сооружаемаго зданія. Здѣсь-же вы встрѣтите женщинъ, торгующихъ рисомъ, бобами или освященнымъ горохомъ, которые посѣтители бросаютъ въ пищу голубямъ, не менѣе, чѣмъ у великороссовъ, пользующимся почетомъ у благочестивыхъ японцевъ. Тутъ-же стоитъ одинъ или нѣсколько бронзовыхъ колоколовъ. На нихъ и даже подъ крышею самого храма ютятся голуби, и ихъ воркованіе сливается въ одинъ тонъ съ шопотомъ молитвъ. Поднявшись въ капище, мы встрѣчаемъ прямо передъ нимъ загороженный деревянною рѣшоткою ящикъ, въ который молящіеся бросаютъ, какъ приношеніе, мѣдную монетку. Главное капище отдѣлено отъ молящихся желѣзною рѣшоткою. На этой рѣшоткѣ вы, какъ на потолкѣ иного гим-

назическаго класса, видите налипшими массы катышковъ жеванной бумаги. Это странный обычай: молящійся пишетъ на клочкѣ бумаги свою просьбу, пережевываетъ во рту и бросаетъ въ идола. Если бумажка прилипнетъ—это хорошее предзнаменованіе — молитва будетъ услышана. Неудивительно поэтому, что внѣшняя рѣшотка, защищающая въ храмахъ стоящихъ за нею позолоченныхъ идоловъ, вся улѣплена такими бумажками. Какъ въ Китаѣ, при буддійскомъ храмѣ вы встрѣтите оракула, и какъ тамъ, иные идолы увѣшаны благодарственными приношеніями. Сложивъ руки ладонями и ударяя въ ладоши, чтобы обратить вниманіе бога, становясь на колѣни, молятся здѣсь прихожане, одѣтые какъ въ керимоны, такъ и въ европейскаго покроя платье. Здѣсь-же лежатъ молитвенные барабаны и книги. Около храмовъ вы всегда найдете садики и небольшія торговли цвѣтами. Еще чаще, около каждаго храма выстраивается цѣлый рядъ лавочекъ, гдѣ торгуютъ всевозможными дѣтскими игрушками; тутъ-же чайные домики, подвижные театры, стрѣльбища. Религія и увеселенія идутъ здѣсь рука-объруку и не мѣшаютъ другъ другу. Таковъ общій характеръ буддійскихъ храмовъ въ Кіото.

Но не всѣ они при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются одинаковыми, такъ-какъ въ Японіи буддисты давно уже разбились на рядъ сектъ, весьма различныхъ нетолько по религіозному ритуалу, но и по характеру пониманія религіи.

Что касается самыхъ доктринъ буддійскаго ученія, то онѣ интересуютъ только монаховъ и бонзъ, и лишь немногіе свѣтскіе увлекаются ими серьозно. Народная масса больше интересуется различными чудесными приключеніями боговъ, которыя, помимо книгъ, сообщаются народу въ видѣ выставокъ куколъ, изображающихъ различные моменты изъ жизни этихъ боговъ, и мистерій. Самъ японскій буддизмъ не представляетъ стройнаго ученія, раздѣлившись на рядъ сектъ, исказив-

шихъ до неузнаваемости первоначальное ученіе Будды. Одна изъ болѣе распространенныхъ сектъ — секта Ho-nen, имѣющая, между прочимъ, въ Кіото роскошный монастырь Chionen и чудные мавзолеи въ Токіо, въ паркахъ Шиба и Уэно, точно также, какъ и въ Никко. Сущность ученія послѣдователей этой секты заключается въ томъ, что для достиженія Нирваны нѣтъ надобности проходить трудный, заповѣданный Буддою путь нравственности, мышленія, знанія въ этой жизни, что почти недоступно при слабости и испорченности человѣческаго общества нашего вѣка, но что необходимо возродиться вновь—«въ чистой странѣ», что возможно путемъ постоянной мысли о Буддѣ и повтореніи его имени. Эта страна есть міръ, въ которомъ царствуетъ Амида-Будда. Онъ чистъ и свободенъ отъ ошибокъ. Здѣшній-же міръ преисполненъ печали; надо проникаться отвращеніемъ къ нему. Такъ-какъ для освобожденія отъ него и возрожденія въ мірѣ Амида достаточно вѣры и повторенія имени Будды—ученіе Ho-nen выродилось въ ханжество. Люди съ четками въ рукахъ, ударяя въ небольшіе деревянные барабаны, стоятъ часами въ храмахъ, бормоча имя Будды и надѣясь этимъ облегчить себѣ входъ въ царство Amida. Такимъ образомъ не дѣла, но лишь вѣра спасаетъ послѣдователей Ho-nen.

Основатели другой секты—Chonnan—возстаютъ противъ безбрачія буддійскаго духовенства. Посты, испытанія, паломничества, удаленіе изъ общества въ монастыри, заклинанія и мученія строго воспрещаются для послѣдователей этого ученія. Вмѣсто монастырскаго уединенія проповѣдуется мирная семейная жизнь. Молитва, чистота и честность жизни, вѣра въ Будду, какъ единаго труженика на поприщѣ отысканія истины, рекомендуется послѣдователямъ секты, которые нравственность жизни считаютъ выше правовѣрія, хотя на практикѣ и здѣсь главную роль спасенія играетъ вѣра въ Будду, безконечно милосерднаго. Теперь это самая обширная секта

въ Японіи, имѣющая до 19 000 храмовъ. Они не имѣютъ, однако, недвижимой собственности и зависятъ всецѣло отъ приношеній прихожанъ. Эта секта самая прогрессивная, она заимствуетъ многія доктрины отъ христіанскихъ протестантовъ, организуетъ частныя училища по образцу методистскихъ и, вопреки основной идеѣ буддизма, она первая провозгласила, что нравственная женщина можетъ достигнуть буддійскаго рая непосредственно, не воплощаясь въ слѣдующемъ поколѣніи какъ мужчина.

Полную противоположность этой сектѣ представляетъ секта Nichiren. Признавая единаго истиннаго Будду, она вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ его отраженіе въ массѣ различныхъ людей и даже животныхъ, на этомъ основаніи достойныхъ почитанія. Люди, герои, свѣтила, какъ, наприм., полярная звѣзда, почитаются въ ихъ храмахъ. Они поклоняются Буддѣ, закону и организаціи; покровители счастья и т. п. идолы всегда присутствуютъ въ ихъ домахъ. Ихъ рай расписанъ такими красками, передъ которыми для самаго чувственнаго простолюдина блѣднѣетъ даже рай Магомета. Главная тема ихъ ученія—то, что всякое живое существо путемъ долгаго переселенія душъ можетъ достигнуть стадіи Будды, причемъ путь къ спасенію лежитъ исключительно въ насъ самихъ—въ соблюденіи закона, наблюденіи за собою и молитвѣ. Послѣдователи Nichiren большіе любители паломничествъ, амулетовъ и разныхъ громкихъ, сопровождающихъ молитву музыкальныхъ инструментовъ. Griffits сравниваетъ ихъ съ проповѣдниками «Арміи спасенія».

Срокъ моего пребыванія въ Японіи, какъ я уже писалъ, не позволялъ мнѣ останавливаться слишкомъ долго на мѣстѣ, и потому на слѣдующій день я уже мчался по желѣзной дорогѣ на югъ въ Кобе, чтобы оттуда съ первымъ-же пароходомъ направиться на островъ Сикоко, въ одно изъ самыхъ теплыхъ мѣстъ Японіи, въ городъ Кочи, въ окрестностяхъ котораго, какъ мнѣ говорили, встрѣчается въ дикомъ состояніи чайный кустъ. Для

меня, какъ натуралиста, провѣрить этотъ фактъ казалось чрезвычайно интереснымъ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на всеобщее распространеніе чая, истинная родина его, какъ и родина весьма многихъ культурныхъ растеній, не выяснена съ достаточною точностью. Обыкновенно родиною чая считаютъ горы Индо-Китая, но такой взглядъ справедливъ только въ томъ случаѣ, если считать нашъ китайскій чай за разновидность чая ассамскаго, что еще далеко не доказано, такъ-какъ чай китайскій обладаетъ рядомъ характерныхъ особенностей, дающихъ ему право считаться самостоятельнымъ видомъ. Проблематическою-же родиною чая китайскаго одни считали Гайнанъ, другіе Формозу, и лишь у Зибольдта мы встрѣчаемъ вскользъ указаніе, что въ дикомъ или одичаломъ состояніи онъ встрѣчается и въ Японіи. Японскіе чаедѣлы, однако, съ увѣренностью говорили мнѣ, что на Сикоко и Кіу-Сіу чай растетъ дико, и вотъ посмотрѣть эту естественную обстановку, которою окруженъ кустъ на его родинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ провѣрить, дѣйствительно-ли чай растетъ здѣсь дико,—и составляло цѣль моего посѣщенія острова Сикоко и провинціи Кочи—этого медвѣжьяго угла въ южной Японіи.

Я не буду описывать моего впечатлѣнія, вынесеннаго отъ города Кобе, такъ-какъ я описывалъ уже этотъ городъ на страницахъ «Книжекъ Недѣли». Отъ Кобе до острова Сикоко всего сутки ѣзды на небольшомъ пароходикѣ японской компаніи, на которомъ можно получать какъ европейскій, такъ и японскій столъ. Покидая поздно вечеромъ городъ, онъ за ночь выходитъ въ Великій океанъ, что сейчасъ-же чувствуется по сильной боковой волнѣ, порядкомъ-таки качающей легкое и маленькое суденышко. Сикоко виднѣется лишь на горизонтѣ, и пароходъ все время плыветъ среди зеленовато-голубыхъ волнъ океана. Судя по картѣ, здѣсь мы должны-бы были находиться уже въ черно-синихъ водахъ Кури-Сиво, этого японскаго Гольфстрема, но на

дѣлѣ онъ не омываетъ своими водами восточныхъ береговъ Японіи. Онъ, какъ и Гольфстремъ, течетъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, отдѣленнаго отъ страны Восходящаго Солнца полосою сравнительно прохладныхъ водъ. Только воздухъ, нагрѣваемый тропическими водами, здѣсь получаетъ и чисто тропическую температуру, и это благодаря ему восточный берегъ Сикоко является однимъ изъ самыхъ теплыхъ мѣстъ Японіи.

Плавая на японскихъ пароходикахъ, нельзя не надивиться неустрашимости японцевъ и ихъ опытности и знанію своего моря. Городъ Кочи лежитъ не на самомъ берегу океана; чтобы попасть туда, надо войти въ глубоко вдающійся въ берегъ заливъ со входомъ настолько узкимъ, что съ парохода, кажется, можно схватить рукою вѣтви стоящихъ на берегу деревьевъ, и затѣмъ лавировать между массою скалъ и островковъ. И капитанъ парохода, не задумываясь, влетаетъ въ заливъ этотъ на всѣхъ парахъ, не убавляя ходу. Кажется, двухмачтовый пароходъ застрянетъ между береговыхъ скалъ или разобьется въ дребезги, но судно какъ ни въ чемъ ни бывало влетаетъ въ гавань и становится на якорь въ виду города. Въ этотъ послѣдній надобно попадать на лодкѣ, которая долгое время плыветъ по длинному каналу, усаженному соснами и замѣняющему главную улицу города. Самый Кочи производитъ впечатлѣніе города соннаго, мертвеннаго. Здѣсь нѣтъ веселаго оживленія, свойственнаго большинству японскихъ городовъ. Недаромъ Кочи, несмотря на южную природу его окрестностей, служило лишь мѣстомъ для ссылки знатныхъ преступниковъ, и населеніе его занималось только выдѣлкою знаменитой японской бумаги изъ лубка бумажнаго дерева Brussonetia papyrifera и такъ-называемаго Mitsumata Edgeworthia papyrifera — двухъ растеній, до сихъ поръ замѣняющихъ японцамъ то тряпье, изъ котораго мы дѣлаемъ нашу бумагу. Преимущество японской бумаги—ея прочность. Вы ее можете

рвать вдоль, но не поперекъ. Вы можете ею завязывать тяжести, шить изъ нея бѣлье, но она легко впитываетъ влагу, почему удобна только для писанія кистью, и то только съ одной стороны, почему японскія книги, какъ извѣстно, и имѣютъ согнутыя надвое страницы, покрытыя буквами только съ лицевой стороны.

Другой промыселъ жителей Кочи—это ловля красныхъ кораллов, напоминающихъ наши итальянскіе, но много имъ уступающихъ какъ цвѣтомъ, такъ и красотою. Они блѣднѣе, многіе имѣютъ почти бѣлорозовый оттѣнокъ. Окрестности Кочи также могутъ разочаровать туриста. Какой контрастъ съ природою Кіу-Сіу въ окрестностяхъ Нагасаки! Тамъ все воздѣлано, вездѣ видно сочетаніе трудовъ рукъ человѣка съ чудною южною природою. Здѣсь почти такъ-же дико и пусто, какъ на Іесо, несмотря на то, что природа совершенно иная, южная, пышная, необыкновенно привлекательная для натуралиста. Горы, окружающія долину рѣки, въ которой расположился городъ, очень живописны, съ нихъ открываются чудные виды на море, нѣсколько напоминающіе болѣе лѣсистые и дикіе уголки нашего Крыма. Но зелень здѣсь темнѣе, гуще; не сосна и съ опадающею листвою деревья, но формы вѣчно зеленыя, темныя, какъ камфарный лавръ и великое разнообразіе вѣчно-зеленыхъ дубовъ составляютъ главный контингентъ лѣса. Эти дубы не похожи на наши. Ихъ листва скорѣе похожа то на листъ лавра, то на листъ бѣлаго тополя. Тамъ и сямъ букетъ ярко-зеленыхъ бамбуковъ или группа пальмъ Chamaerops Fertanei свидѣтельствуютъ о пріютившейся хижинѣ. И самый обликъ этой хижины иной, не такой, какъ на сѣверѣ. Менѣе приспособленій для защиты отъ холода, черепица господствуетъ надъ соломой и нѣтъ, какъ на сѣверѣ Хандо, ирисовъ и лилій, которыя украшали-бы вѣнцы кровель сельскихъ построекъ. Тонкіе бамбуки и вьющіеся папоротники переплетаютъ своею нѣжною зеленью темнолистый глянцевитый кустар-

никъ, среди котораго тамъ и сямъ виднѣется серебристо-сѣрая листва японскихъ Elaeayanus; различныя Olea, Ilex, Buxus, Ficus и Illicum составляютъ главный фонъ, тогда-какъ изъ земли тамъ и здѣсь подымаются кроваво-красными букетами цвѣты чудныхъ японскихъ амариллисовъ.

Среди такой-то обстановки и росъ чайный кустъ въ дикомъ состояніи. Поднявшись въ горы, вы попадаете въ область лѣсовъ, еще не тронутыхъ человѣкомъ. На скалахъ, недоступныхъ для земледѣлія, укрѣпляютъ здѣсь свои корни дубы и камфарные лавры, и въ полутѣни ихъ развѣсистыхъ кронъ, въ числѣ другихъ кустарниковъ подлѣска, вы видите знакомую форму чайнаго листа.

Этотъ дикій чай имѣетъ листъ болѣе плоскій, чѣмъ чай культурный, онъ кажется жиденькимъ, чахленькимъ кустикомъ, напоминающимъ по облику скорѣе Olea fraytons—разводимую у насъ въ комнатахъ подъ именемъ чайнаго дерева, чѣмъ настоящій чайный кустъ, какъ онъ растетъ на плантаціяхъ. Въ концѣ сентября, когда я экскурсировалъ въ окрестностяхъ Кочи, бѣленькіе цвѣточки уже покрывали вѣтви.

Мѣстность, гдѣ растетъ чай, дикая. Здѣсь нѣтъ ни чудныхъ гладкихъ шоссе, ни чайныхъ домиковъ. Узкія тропинки, вродѣ тѣхъ, что пересѣкаютъ горы Небесной имперіи, высятся по горамъ среди лѣса, и тамъ и сямъ между ними виднѣется пожарище со вскопанною землею. Это первобытная чайная плантація. Рѣдко разсѣянные крестьяне-собственники вырубаютъ здѣсь лѣсъ, сжигаютъ кустарники и ждутъ, когда отъ уцѣлѣвшихъ въ землѣ корней пойдетъ новая поросль. Они изъ этой поросли оставляютъ одинъ чай, разрыхляя вокругъ него почву и выкорчевывая все остальное. Чай развивается тогда очень роскошно и даетъ сносные сборы. Получаемый такимъ дешевымъ и первобытнымъ способомъ листъ обрабатывается столь-же грубо и небрежно и служитъ только для мѣстнаго употребленія.

Только близь самаго Кочи есть хорошія плантаціи

культурнаго чая. На этихъ плантаціяхъ, какъ и на югѣ острова и на сосѣднемъ Кур-Соу, дѣлаютъ попреимуществу черный чай. Несмотря, однакожь, на то, что для изученія постановки выдѣлки чернаго чая японскіе плантаторы неоднократно ѣздили въ Китай и, между прочимъ, имѣя въ виду экспортъ чая въ Россію, они посѣщали даже Хубэ и Янъ-Лоу-Дунъ, японскіе черные чаи отвратительнаго вкуса и качества. Между тѣмъ изъ всѣхъ сортовъ чая, привезенныхъ экспедиціею удѣловъ въ Батумъ, ни одинъ сортъ не взошелъ такъ удачно и не развивается такъ прекрасно, какъ именно японскій. Радоваться-ли этому обстоятельству—сказать трудно. Если подъ вліяніемъ иного климата и почвы измѣнятся къ лучшему свойства японскаго чая—мы можемъ поздравить Закавказье съ пріобрѣтеніемъ новой породы, идеально приспособленной къ мѣстнымъ условіямъ. Но если наслѣдственныя свойства растенія окажутся сильнѣе, Батумскій округъ нельзя будетъ поздравить съ такимъ пріобрѣтеніемъ, которое легко можетъ на первыхъ-же шагахъ новаго дѣла навсегда дискредитировать русскіе чаи въ глазахъ нашихъ потребителей, и продавцамъ придется увѣрять, что товаръ ихъ не содержитъ ни листочка «японской породы». Но эти подробности врядъ-ли интересны читателю, по крайней мѣрѣ до появленія въ продажѣ «батумскаго чая», а потому на этомъ я позволю себѣ закончить это мое письмо, вмѣстѣ съ тѣмъ и описаніе моихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ Японіи, такъ-какъ изъ Кочи я немедленно направился въ Іокогаму, чтобы оттуда отплыть съ первымъ пароходомъ въ Америку.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ.

На Сандвичевыхъ островахъ.

Мой переѣздъ въ Іокагаму не ознаменовался ничѣмъ особенно интереснымъ. Сильныя жары, которыми характеризуются конецъ августа и начало сентября въ Японіи и которыя дѣлаютъ ея климатъ въ это время года совершенно тропическимъ, смѣнились сильными ливнями. Нашъ поѣздъ несся среди потоковъ водъ, низвергавшихся съ неба изъ свинцовыхъ тучъ. Но поля не пустѣли, какъ того можно-бы было ожидать, судя по погодѣ. Трудолюбивые земледѣльцы продолжали работать на своихъ участкахъ. Они были одѣты въ длинные плащи, сплетенные изъ влагалищъ пальмы Chamoerops excelsa или лубяныхъ оческовъ, плащи, съ которыхъ вода скатывалась какъ съ крышъ, нисколько не смачивая нагого тѣла рабочихъ. Конической формы широкополыя шляпы замѣняли имъ зонтики, и въ такомъ костюмѣ они, нисколько не стѣсняясь дождемъ, продолжать убирать свои поля. Воздухъ былъ насыщенъ влагою, и жара стояла прежняя, почему на станціяхъ, гдѣ, какъ вездѣ въ Японіи, буфетовъ не полагается, наряду съ продавцами коробочекъ съ горячимъ вареннымъ рисомъ и японскими пикулями, всюду виднѣлись продавцы японскаго мороженаго. Не понимайте подъ этимъ именемъ того, что вы привыкли кушать у насъ въ Россіи. Въ Японіи мороженое употребляется всѣми классами общества, но такъ-

какъ *настоящее* мороженое, которое дается въ англійскихъ отеляхъ, недоступно для массы, привыкшей платить не дороже 1 коп. за стаканчикъ, то она и прохлаждается совершенно особеннымъ суррогатомъ мороженаго, состоящимъ въ томъ, что продавецъ беретъ кусокъ льда и на особой теркѣ превращаетъ его въ мельчайшія стружки вродѣ снѣгу, прибавляетъ туда нѣсколько капель лимонной кислоты, въ рѣдкихъ случаяхъ сахару—и мороженое готово. Этотъ подкисленный или подслащенный снѣгъ далеко уступаетъ по вкусу даже той замороженной бурдѣ, которою угощаютъ нашу невзыскательную народную массу уличные мороженщики, — и я думаю, эти послѣдніе могли-бы имѣть большой успѣхъ въ Японіи, если-бы у нихъ хватило предпріимчивости поискать тамъ счастья.

По пріѣздѣ въ Іокогаму, я, какъ и всѣ вообще пріѣзжающіе сюда европейцы, былъ атакованъ комиссіонерами различныхъ американскихъ желѣзнодорожныхъ компаній. Американская спекуляція уже не ограничивается теперь однимъ материкомъ Новаго Свѣта, но хочетъ распространить свою дѣятельность и на сонную Азію. Четыре линіи желѣзныхъ дорогъ, пересѣкшія теперь Америку, конкуррируютъ другъ съ другомъ и стараются сдѣлать все, чтобы заставить ѣздить въ Европу обитателей Дальняго Востока черезъ Америку, а не вокругъ Стараго Свѣта. Онѣ не останавливаются теперь ни передъ какими убытками, только-бы достигнуть своей цѣли, и понизили пассажирскій тарифъ до того, что отъ Іокагамы до Петербурга проѣхать черезъ Америку стало не только дешевле, чѣмъ на любой изъ европейскихъ пароходныхъ компаній, но даже дешевле чѣмъ на русскомъ добровольномъ флотѣ—этой самой дешевой изъ пароходныхъ линій Востока. Попавши такимъ образомъ въ Іокагаму, вы подвергаетесь всевозможнымъ вліяніямъ, чтобы совершить кругосвѣтное плаваніе.

Однихъ увлекаетъ уже самая идея кругосвѣтнаго пла-

ванія, еще такъ недавно доступнаго лишь немногимъ счастливцамъ и избранникамъ судьбы; другіе поражаются необыкновенною величиною и поразительнымъ комфортомъ американскихъ судовъ, дающихъ удобства, невиданныя на линіяхъ дальняго востока; третьихъ — и это большинство—увлекаетъ перспектива побывать въ Америкѣ, и на этой-то стрункѣ больше всего и играютъ американскія компаніи. Канадская линія, обладающая наилучшими пароходами, есть вмѣстѣ съ тѣмъ линія самая сѣверная и не интересная. Она беретъ только скоростью сообщенія. Вы здѣсь менѣе всего остаетесь на морѣ, скорѣе пересѣкаете материкъ, лучше ѣдите; къ услугамъ русскихъ путешественниковъ на пароходѣ Empress of China, на которомъ мы ѣхали въ Іокагаму, былъ даже лакей - китаецъ, жившій въ Одессѣ и весьма недурно изъяснявшійся по-русски.

Линіи Соединенныхъ Штатовъ, напротивъ, завлекаютъ васъ цвѣтисто написанными описаніями маршрута. Однѣ обѣщаютъ вамъ водопадъ Ніагару, другія везутъ по индѣйской территоріи, гдѣ можно еще видѣть краснокожихъ въ первобытномъ состояніи, третьи рисуютъ красоты Калифорніи—и, что особенно заманиваетъ туристовъ, обѣщаютъ остановиться на Сандвичевыхъ островахъ—этомъ раѣ Тихаго океана и вмѣстѣ съ тѣмъ адѣ вселенной, такъ-какъ тутъ вы можете еще наблюдать создавшія острова эти вулканическія силы въ разгарѣ дѣятельности, и цѣлое озеро расплавленной лавы, заполняющее кратеръ Кеавеи, рисуетъ передъ глазами картины первыхъ моментовъ міросозданія. Чудныя фотографіи и увлекательныя описанія, цѣлыя иллюстрированныя сочиненія, даромъ раздаваемыя путешественникамъ и globe trotter'амъ дѣлаютъ свое дѣло, такъ-какъ въ самомъ дѣлѣ чье-же сердце устоитъ противъ всѣхъ этихъ прелестей, кто-же не соблазнится посмотрѣть этотъ Paradise of the Pacific and the inferno of the world?

По личному моему опыту, считаю, однако, своимъ

долгомъ предостеречь читателя отъ этихъ зазываній. Всетаки все это только американскія рекламы. Плаваніе вокругъ Азіи—это волшебная феерія. Каждая гавань, въ которую заходитъ пароходъ, есть гавань особаго царства, особаго міра, волшебнаго по обстановкѣ и рѣзко отличающагося и по населенію и по природѣ отъ предъидущей гавани. Путешествующій по Европѣ, переѣзжая изъ государства въ государство, не можетъ составить себѣ и слабаго понятія о той рѣзкой разницѣ, которая существуетъ между тѣмъ, что приходится видѣть въ такихъ гаваняхъ какъ Константинополь, Портъ-Саидъ, Коломбо, Сингапуръ, Нагасаки и Владивостокъ. Контрастъ между Швеціей и Италіей гораздо меньше, чѣмъ между названными портами. Что-же даетъ вмѣсто этого путь черезъ Новый Свѣтъ? Почти мѣсяцъ плаванія черезъ безбрежный и мертвенный Великій Океанъ, прерывающагося въ лучшемъ случаѣ 12 часами остановки на Сандвичевыхъ островахъ, природа которыхъ покажется жалкою даже послѣ Цейлонской; затѣмъ поѣздъ съ бѣшеною скоростью понесетъ васъ по Америкѣ, всѣ города которой также похожи одинъ на другой, какъ сходны по облику наши деревни, а природа, открывающаяся изъ оконъ вагона, столь-же однообразна, какъ и русская, и когда усталаго отъ пяти-недѣльной ѣзды этотъ поѣздъ принесетъ васъ къ берегамъ Атлантики—вамъ снова предстоитъ качаться по самому бурному и негостепріимному изъ Океановъ.

Я избралъ, однако, именно этотъ путь для возвращенія. Избралъ я его, однако, потому, что рѣшилъ высадиться и пробыть нѣкоторое время въ Океаніи и вернуться не черезъ Соединенные Штаты, а черезъ Мексику и Антильскіе острова. Планъ этотъ, какъ увидитъ читатель, мнѣ удалось выполнить только отчасти, но то, что я видѣлъ, заставило только пожалѣть о томъ, что я не послушался совѣтовъ вернуться прежнимъ путемъ и посвятить оставшееся время на лучшее изученіе Индіи

и Цейлона, которые, благодаря условіямъ путешествія, мнѣ приходилось осматривать черезчуръ спѣшно.

27 сентября я покинулъ Іокагаму на пароходѣ «China», направлявшемся черезъ Гонолулу въ С.-Франциско. Нѣсколько часовъ быстраго хода—и берега страны Восходящаго Солнца скрылись въ волнахъ безбрежнаго океана. Мы очутились въ полной суроваго величія пустынѣ темныхъ мрачныхъ волнъ. Ни паруса, ни дымка встрѣчнаго парохода, ни дельфиновъ, ни летающихъ рыбъ—ничего, кромѣ громадныхъ, но плоскихъ, необычайной ширины волнъ, усыпительно раскачивающихъ судно.

Это волны—темныя, черно-зелено-синія, негостепріимныя. Только при вступленіи въ тропическій поясъ онѣ становятся привѣтливѣе, спокойнѣе и голубѣе. Но и здѣсь воздухъ дующаго постоянно пассата не имѣетъ ни тепла, ни мягкости и бархатистости изнѣживающаго воздуха Индійскаго океана. Грандіозность воднаго горизонта и мертвенность его поражаютъ. Рѣдко когда пролетитъ одинокая птица, и это пернатое существо за 2000 миль отъ ближайшей суши, летящее за судномъ, кажется такимъ-же чуждымъ этой лишенной жизни суровой равнинѣ, какъ голубь, выпущенный Ноемъ во время всемірнаго потопа. Такъ проходитъ болѣе недѣли. По мѣрѣ приближенія къ коралловымъ рифамъ Сандвичевыхъ острововъ, сцена мѣняется. Являются чайки съ длинными загнутыми клювами, настолько еще ручныя, что ихъ можно ловить на-лету руками. Появляются летучія рыбы, дельфины начинаютъ кувыркаться въ водѣ, и вотъ являются и самые рифы. Вы ихъ не видите глазами. Ихъ нива не возвышается совершенно надъ уровнемъ океана, на ней не растетъ ни кокосовыхъ пальмъ, ни другихъ присущихъ атолламъ растеній; нѣтъ, на безбрежной равнинѣ синяго волнующагося моря вы видите совершенно гладкое какъ зеркало, полное круглое озеро воды среди океана, рѣзко ограниченное кольцомъ изъ бѣлыхъ бушующихъ буруновъ, отчетливо выдѣляющихся на синевѣ

неба. Отчего здѣсь бушуютъ и вздымаются прибойныя волны—глазъ не видитъ, и этотъ барьеръ изъ неистово негодующихъ, высоко плещущихъ валовъ, среди сравнительно спокойнаго океана—производитъ совершенно особое глубокое впечатлѣніе.

Эти одинокіе, погруженные въ водѣ океана атоллы одни нарушаютъ однообразіе плаванья. Жизнь течетъ вяло. Съ нетерпѣніемъ ждете вы завтрака и обѣда, когда длинные столы съ безконечнымъ разнообразіемъ хорошо приготовленныхъ яствъ будутъ накрыты безмолвными, одѣтыми въ бѣлыя кофты китайскими лакеями. Лакеи, матросы, кочегары, боцманы, словомъ вся команда и прислуга на этихъ пароходахъ тихоокеанскихъ линій—китайская, и по мѣрѣ того какъ предпріимчивость англо-саксовъ дѣлаетъ ихъ господами надъ Тихимъ океаномъ, истинными хозяевами его становятся желтолицые.

Надо-ли упоминать о томъ, что путь между Японіей и Сандвичевыми островами знаменуется тѣмъ, что, выигрывая въ кругосвѣтномъ плаваніи при движеніи на Востокъ одинъ день, вы имѣете 2 четверга или 2 пятницы или вообще 2 дня одного наименованія въ первую недѣлю пути. Будь это на французскомъ или нѣмецкомъ пароходѣ, этотъ лишній день жизни пассажиры постарались-бы ознаменовать чѣмъ-либо особеннымъ. Но въ обществѣ англичанъ онъ проходитъ такъ-же томительно скучно, какъ и всѣ остальные. Потому я не скрою моей радости, когда, наконецъ, запахло берегомъ и намъ объявили, что завтра утромъ мы бросимъ якорь въ виду Гонолулу.

Островъ Оагу, гдѣ расположенъ Гонолулу, какъ и большинство Сандвичевыхъ острововъ, окруженъ коралловымъ барьеромъ. Подъ его защитою, среди тихихъ водъ голубого моря, ласково плещущагося о лавовое скалистое побережье, спокойно можетъ заниматься рыболовствомъ миролюбивый канакъ. Здѣсь-же можетъ, не

боясь бури и ураганов, укрываться утлая флотилія небольших пароходиков современных гавайцев, совершающих правильные рейсы между островами, посѣщая всѣ главные, т. е. Гаваи, Мауи, Мигокаи, Мигокани, Оагу и Кауи. Плохо тому, кто страдает от морской болѣзни, если он отважится пуститься на этих утлых, как орѣховыя скорлупки, катающихся и переваливающихся по волнам океана пароходиках с острова на остров. Но если он не болѣет—такое путешествіе представит для него много поучительнаго. Трудно повѣрить, чтобы на протяженіи этих островков, из коих многіе по величинѣ уступают самому маленькому из уѣздов Россійской Имперіи, наблюдалась разница в климатах бóльшая, чѣм между влажным, обильным дождями Батумом и сухим Баку. На протяженіи нѣскольких часов пѣшеходнаго пути вы переноситесь из области, гдѣ круглый год почти ежечасно идет дождь, в область, гдѣ его не бывает никогда. Огибая остров, вы видите, что один бок его представляет бурую выжженную пустыню — ландшафт степей Туркестана или Сахары, с барханами сыпучих песков, солонцами и голою, лишенною растительности нивою—тогда-как с другого боку все зелено. Над постоянно мокрою от дождей листвою тропических лѣсов воздух насыщен парами. Напитанная перегноем, лава разложилась, сгнила на громадную глубину, образовав характерную ниву влажных тропических стран—латерит или краснозем.

Как гдѣ-нибудь в Батумѣ, — банная, насыщенная парами атмосфера наполнена міазмами, и под мощною листвою дѣвственных лѣсов развиваются древовидные папортники и ліаны. Явленіе это поражает вопри-но бывшаго. Возможность пѣшком втеченіе нѣскольких часов перейти из области Сахары в обстановку природы Явы — кажется почти невѣроятною. Между тѣм иначе оно и быть не может. Острова лежат на

пути сухихъ пассатныхъ вѣтровъ. Въ ихъ области небо безоблачно—воздухъ не насыщенъ парами. Но встрѣчая на дорогѣ своей склоны горъ острова, вѣтры поднимаются вдоль этихъ склоновъ, сгущая пары свои въ облака и также постоянно разражаясь дождемъ, какъ постоянно дуютъ эти пассаты, нагоняя все новый и новый матерьялъ для облаковъ. Поэтому этотъ подвѣтренный склонъ влаженъ. Склонъ противоположный, напротивъ, получаетъ уже такъ-сказать выжатый воздухъ. Спускаясь внизъ, воздухъ нагрѣвается; и безъ того уже не насыщеный влагою, онъ теперь уже вполнѣ сухъ, и вотъ среди водъ безбрежнаго океана мы имѣемъ сухую бездождную пустыню. Кромѣ этихъ двухъ крайностей, на Сандвичевыхъ островахъ наблюдаются еще климаты переходные, гдѣ господствуютъ *морская* и береговая *бризы*. Эти бризы дуютъ попеременно, ежедневно давая то хорошую погоду, то освѣжающій дождичекъ, дѣлая такіе уголки острова наиболѣе пріятною резиденціей для человѣка. Вспомните только, что зима и лѣто, весна и осень имѣютъ здѣсь почти одинаковую температуру, нашу комнатную температуру, остающуюся одною и тою-же днемъ и ночью. Лазурное небо, блескъ тропическаго солнца, особенно по утрамъ, когда воздухъ спокоенъ, когда не шевельнется листъ на тропическихъ деревьяхъ, когда чувствуется прохладная сырость отъ вѣтерка, вѣющаго съ моря—лазурнаго, отражающаго блескъ солнца, не поддаются никакому описанію, и дѣйствительно надо сознаться, что развѣ только въ раю можно ждать подобнаго климата.

Невольно, слушая описаніе такого климата, ожидаешь, что Сандвичевы острова должны обладать и райскою растительностью. Дѣйствительно, я не знаю дерева или растенія, которое не могло-бы здѣсь развиваться. Въ садахъ и скверахъ здѣшнихъ городовъ, какъ въ какой-нибудь теплицѣ заграничнаго столичнаго города, вы увидите собранными эффектнѣйшихъ представителей

тропическаго и субтропическаго міра всѣхъ этихъ частей свѣта. Вы можете гулять подъ сѣнью аллей финиковыхъ пальмъ Африки, слушая шелестъ вай кокосовыхъ пальмъ или стройныхъ Oreodoxa regia. Ароматъ апельсинныхъ рощъ и стройныя формы кипарисовъ, залитые розовыми цвѣтами олеандра, переносятъ васъ въ Ю. Европу, но рядомъ съ ними, какъ исполинскія коническія этажерки, возвышаются араукаріи Америки и высокіе какъ исполинская свѣча, покрытые бѣлыми, только по ночамъ распускающимися цвѣтами Cereus'ы; пестролистные Craton'ы и желтоцвѣтныя Bignonia тропическихъ садовъ Индіи чередуются здѣсь съ поникшею листвою эвкалиптовъ и австралійскихъ акацій, а тамъ, гдѣ мало тамариндовъ и явайскихъ кездариній и такъ-называемыхъ Algeruba, весь ландшафтъ принимаетъ унылый пепельно-сѣрый колоритъ.

Но все это разнообразіе оригинальныхъ тропическихъ формъ и масса фруктовыхъ деревьевъ, позволяющихъ каждый мѣсяцъ имѣть за столомъ какой-нибудь особенный фруктъ, не считая такихъ, какъ бананы, разводимые какъ капуста ананасы, хлѣбныя деревья или кокосы—своимъ существованіемъ здѣсь обязаны всецѣло человѣку. Райскіе ландшафты садовъ тысячи и одной ночи здѣсь есть, но ихъ вы видите лишь въ скверахъ городовъ или вокругъ виллъ богатыхъ горожанъ. Всѣ они насажены, всѣ они созданы руками человѣка. Поѣзжайте за-городъ, выѣзжайте за предѣлы плантацій банановъ и таро—и вы разочаруетесь. Тутъ вы увидите или голые, выжженные ландшафты, напоминающіе ландшафты нашего Крыма въ его восточныхъ частяхъ, или, на мокрыхъ сторонахъ острововъ, влажные зеленые газоны и лѣса, но лѣса значительно уступающіе по разнообразію тропическимъ. На лавовой, плохо пропускающей воду почвѣ деревья имѣютъ недоразвитый искривленный видъ, и—главное отличіе отъ лѣсовъ тропическихъ, здѣшніе лѣса однообразны, составлены какъ наши лѣса сѣвера изъ 2—3 породъ деревьевъ, пе-

ревитыхъ 2—3 сортами ліанъ. Подъ ихъ сѣнью ютятся 2—3 вида древовидныхъ папоротниковъ, составляющихъ главное украшеніе такихъ лѣсовъ. Для того, кто пріѣхалъ съ сѣвера, кто никогда не видалъ настоящаго дѣвственнаго лѣса тропиковъ—и эти нѣжныя и пышныя формы, и эти мѣстами непроходимыя дебри представляютъ прелесть, поражаютъ своею роскошью. Но послѣ лѣсовъ тропиковъ Азіи, послѣ Цейлона, Явы, Малакки они уже кажутся жалкими и монотонными, хотя, конечно, также не лишены своеобразной оригинальности. Особенно здѣсь поражаютъ заросли изъ панданусовъ, этихъ пускающихъ воздушные корни, съ пучками полосатыхъ листьевъ, однодольныя. Изъ нихъ цѣлые лѣса одѣваютъ сѣверные склоны Гаваи. Миртовыя растенія и акаціи составляютъ главный элементъ лѣсовъ изъ двудольныхъ. Это разныя акаціи съ филлодіями, напоминающими листья евкалиптовъ, мелалевки съ красными многотычинковыми цвѣтками, миртовыя, дающія яблоки, вродѣ ямбози—вотъ главные элементы здѣшнихъ лѣсовъ, своей окраской придающіе имъ темный, мрачный видъ, гармонирующій съ темными и мрачными стѣнами скалъ, которыя они одѣваютъ.

Тѣмъ большимъ контрастомъ между ними выдѣляется почти бѣлая листва Aleurites Moluccana, такъ-называемая Cucujo. Крутыя обрывистыя скалы заростаютъ необыкновенно густыми кустистыми папоротниками съ темною, грубою, какъ у саговыхъ пальмъ, листвою, или драценами, невысокими и чахлыми, или травою. Рѣдко здѣсь попадается низкорослый видъ пальмъ. Странное зрѣлище для глазъ производитъ эта флора. Черныя вывѣтривающіяся скалы, почти такая-же черноземеленая масса папортниковъ, ихъ скрывающая, блѣднозеленыя группы Cucujo между ними, все это закутано въ туманы, и участки этой мрачной, бѣлочерной растительности и дикія скалы, изъ нея проглядывающія, придаютъ ландшафту нѣчто дикое, демоническое.

Эта дикая флора все болѣе и болѣе отодвигается на неприступныя высоты острова. Многія полезныя деревья уже истреблены до тла, другимъ эта участь грозитъ въ скоромъ будущемъ, о чемъ не могутъ не пожалѣть ботаники. Не мало породъ растеній давно вымершихъ типовъ еще сохраняется на Сандвичевыхъ островахъ, составляя ихъ эндемичныя формы. Древовидныя лабеліи, кустарные, сложно и крестоцвѣтные типы, неизвѣстные у насъ, здѣсь господствуютъ. Конечно, они не зародились на почвѣ архипелага, поднявшагося со дна океана, вслѣдствіе изверженія вулкановъ. Эти растенія должны были сюда попасть съ материковъ, но еще въ то отдаленное время, когда на нихъ была флора иная, чѣмъ теперь. Тамъ они вымерли—здѣсь сохранились. Характеръ плодовъ показываетъ и способъ, какимъ попали сюда эти растенія. За немногими исключеніями, всѣ туземныя растенія Сандвичевыхъ острововъ имѣютъ сѣмена мелкія и легкія, какъ пыль, или, напротивъ, заключены въ мясистыя ягоды, пожираемыя птицами. Особенно это справедливо въ примѣненіи къ растеніямъ большихъ высотъ, гдѣ почти каждый кустъ имѣетъ особую ягоду. Даже такіе роды, которые у насъ имѣютъ плоды другого типа, имѣютъ здѣсь ягоды. Оригинальны чрезвычайно склоны вулкана Мауна-Лоа, выше предѣловъ древесной растительности осенью одѣтые кустарниками въ человѣческій ростъ и ниже сплошь одѣтые различными ягодками, бѣлыми, розовыми, черными, фіолетовыми, красными. Очень интересенъ родъ брусники, называемый Ohelo, дающій ягоды съ вишню величиною—и на образецъ нашихъ сѣверныхъ зарослей брусники, сплошь краснымъ ковромъ покрывающій обширныя пространства. Всѣ эти растенія очевидно попали на острова благодаря птицамъ, занесшимъ ихъ сюда въ разныя эпохи.

Третій типъ плодовъ, встрѣчаемый у дикой растительности Сандвичевыхъ осрововъ—это плоды, окруженные волокнистой пористой оболочкой и способные плавать по

водамъ океановъ; они составляютъ типы прибережной флоры. Таковы плоды кокосовъ, пандануcовъ. Остальныя растенія принесены сравнительно недавно—и существованіемъ своимъ обязаны человѣку. Уже первые колонисты острова, сандвичане, принесли сюда съ собою много растеній. Такія формы, какъ таро, бататіямсъ, хлѣбное дерево, можетъ быть,—даже кокосъ были принесены ими. Но главная масса растеній появилась на островѣ съ приходомъ европейцевъ. Нетолько масса культурныхъ растеній всего міра, особенно кофе, сахарный тростникъ, плантаціи ананасовъ, апельсиновъ, банановъ, чая, финиковъ, риса и т. п. растеній покрыли теперь островъ и каждый мѣсяцъ здѣсь созрѣваетъ какой-нибудь новый тропическій фруктъ—полудикая растительность всѣхъ пяти частей свѣта наводнила островъ. Здѣсь можно даже прослѣдить исторію этихъ наслоеній. Было время когда здѣсь, какъ въ большинствѣ субтропическихъ странъ, не было луговъ и пастбищъ. Два злака Cynadon Doctylan и т.-н. Nilo grass наводнили островъ и скрыли подъ зеленымъ ковромъ своего дерна лавовую почву болѣе влажныхъ склоновъ вулкана. Затѣмъ было нашествіе дикаго индиго, и добрыя двѣ трети острововъ стояли розовые отъ его хорошенькихъ цвѣтиковъ. Затѣмъ индиго стали вытѣснять кустарники. Значительныя части сухихъ лавовыхъ насыпей острова теперь покрываются непролазными дебрями изъ ластаны, хорошенькаго комнатнаго растенія — у насъ, невыносимаго бурьяна здѣсь, такой-же Acacia Fornessiva, наконецъ опунціями и гуявами, обѣщающими въ скоромъ времени совершенно преобразить здѣшніе пейзажи.

Столь-же смѣшанный характеръ имѣетъ и фауна. Естественное населеніе острова нѣкогда состояло только изъ нѣсколькихъ маленькихъ и невзрачныхъ птичекъ, ютившихся подъ сѣнью деревьевъ острова. Позже туземцы занесли свиней, появились одичавшія собаки и индѣйки. На островѣ не было ни змѣй, ни пресмыкающихся, ни даже комаровъ, которыхъ развели всего нѣсколько лѣтъ

тому назадъ, привезя случайно въ оставленномъ на декѣ ведрѣ съ водою изъ Калифорніи.

Всѣ эти растенія и животныя, какъ дикія, такъ и культурныя, преобладаютъ, конечно, на влажной подвѣтренной сторонѣ. На сухой и бездождной, какъ сказано, господствуютъ сухость и мертвенные ландшафты сухой черной невывѣтренной лавы, представляя изъ себя хаотически нагроможденныя другъ на друга глыбы отъ человѣческой головы до среднихъ размѣровъ хаты величиною. Это дикія и непривѣтливыя пустынныя картины первыхъ страницъ міроздания.

Само собою разумѣется, что со всѣми этими подробностями и особенностями флоры Сандвичевыхъ острововъ я познакомился уже впослѣдствіи, когда совершалъ экскурсію по различнымъ ихъ мѣстностямъ. Тогда-же я могъ убѣдиться, что и степень богатства флоры на островахъ этихъ не одинакова. Самые западные изъ нихъ, возникшіе впервые, наиболѣе богаты оригинальными и древними типами; болѣе восточные острова, какъ показываютъ слагающія ихъ изверженныя породы и степень разрушенія вулканическихъ кратеровъ,—моложе, и флора ихъ значительно бѣднѣе; наконецъ, самый восточный—Гаваи и еще нынѣ дѣйствующій вулканикъ Мауна-Лоа—отличаются наиболѣе бѣдною флорою. Съ парохода, однако, можно явственно видѣть различіе между восточными зелеными и пустынными западными склонами горъ, особенно-же хорошо это видно для тѣхъ, кто совершаетъ рейсы на маленькихъ пароходикахъ Гавайской флотиліи.

Мы, какъ сказано, подошли къ островамъ ночью—и только на слѣдующее утро, проснувшись и выйдя на палубу, могли во всей красотѣ наблюдать чудную панораму города Гонолулу.

Для русскаго человѣка, не покидавшаго своего отечества, можно будетъ составитъ нѣкоторое представленіе о столицѣ Гавайской республики, если онъ будетъ сравнивать ее и ея окрестности съ нашимъ южнымъ бере-

томъ Крыма, напр. съ окрестностями Ялты. То-же чудное голубое море спереди, тотъ-же амфитеатръ невысокихъ зеленѣющихъ, повременамъ кутающихся въ облака горъ, та-же бухта съ пріютившимся на берегу городкомъ. Тѣ-же краски, тѣ-же тѣни и переливы цвѣтовъ. Но на этомъ и кончается сходство.

Бухта Гонолулу гораздо шире, амфитеатръ горъ стоитъ дальше отъ берега, оставляя широкую долину справа; береговая полоса заканчивается довольно высокимъ бурымъ усѣченнымъ конусомъ потухшаго кратера вулкана—Diamond head. Растительность острова, какъ сказано, болѣе южная, тропическая; наконецъ, самъ Гонолулу по величинѣ больше и раскинулся на болѣе значительное разстояніе. Въ немъ насчитываютъ до тридцати тысячъ жителей. Но, какъ у Ялты, только двѣ-три береговыхъ улицы носятъ торговый дѣловой характеръ,—остальное тонетъ въ зелени садовъ съ чудной вѣчно-зеленой субтропической растительностью, среди которой высятся кроны кокосовыхъ и финиковыхъ пальмъ и стройныхъ Oreodoxa regia.

Хотя мы бросили якорь довольно рано, въ 8½ часовъ, однако добраться до берега мнѣ удалось только въ 10 ч. вечера. Въ Японіи, гдѣ я сѣлъ на пароходъ, была холера, и правительство Сандвичевыхъ острововъ не желало принимать пассажировъ изъ зараженной мѣстности. Потому мы не подходили къ береговой пристани, а бросили якорь на рейдѣ. Между тѣмъ нашъ пароходъ везъ около 600 китайцевъ изъ Шанхая, выписанныхъ на сахарныя плантаціи и ѣхавшихъ сюда со своимъ скарбомъ, а нѣкоторые даже съ женами и дѣтьми. Выгрузка этихъ людей длилась цѣлый день, такъ-какъ у нихъ отбирались паспорта по одиночкѣ и такъ-какъ огромная баржа для ихъ переправы поспѣла довольно поздно.

Я никогда въ жизни не видалъ болѣе безцеремоннаго обращенія съ чужою собственностью, какъ при выгрузкѣ этихъ китайцевъ. Съ высоты 3-этажнаго дома

бросались на дно баржи сундуки и чемоданы несчастныхъ кули. Ихъ бросали одинъ на другой, не обращая вниманія на то, что они разсыпались въ дребезги отъ такого безцеремоннаго обращенія, и вещи одного владѣльца смѣшивались съ вещами другого. Здѣсь впервые мнѣ лично пришлось встрѣтиться съ отношеніемъ представителей такъ-называемой свободной націи къ людямъ другой народности. Наша русская публика привыкла почему-то преклоняться передъ Америкой. Дѣйствительно, читая описаніе ея прекрасныхъ учрежденій, ея строя жизни, думаешь, что все здѣсь дышетъ свободою, независимостью и самостоятельностью. Но побывайте на югѣ, на западѣ этихъ самыхъ Штатовъ или въ ихъ колоніяхъ, за каковыя, какъ увидитъ читатель, съ полнымъ правомъ можно считать Сандвичевы острова, и убѣдитесь, что эта свобода есть свобода Греціи и Рима, гдѣ очень много было сдѣлано, а еще болѣе говорилось относительно правъ римскаго или аѳинскаго гражданъ, но весьма мало притомъ упоминалось о рабахъ, кидаемыхъ на съѣденіе звѣрямъ въ циркахъ. Въ такой-же степени можно говорить и о свободѣ американской—покрайней мѣрѣ въ практикѣ жизни.

Англосаксъ—это, если хотите, представитель аристократіи между человѣчествомъ. Онъ родится съ какимъ-то сознаніемъ своего превосходства надъ другими людьми, и тотъ, кто видѣлъ англичанина на материкѣ, какъ онъ самодовольно попираетъ обычаи народовъ, среди которыхъ онъ путешествуетъ, игнорируя общепринятое тамъ, гдѣ онъ чувствуетъ, что это сойдетъ ему безнаказанно, или покупая золотомъ, гдѣ онъ рискуетъ встрѣтить протестъ, тотъ пойметъ эту усвоенную имъ себѣ роль. Нигдѣ на материкѣ Европы вы не встрѣтите такой сословной изолированности, такихъ связывающихъ жизнь сословныхъ предразсудковъ, какъ въ Англіи. И эта сословность сидитъ въ крови у англичанина. Послѣдній англійскій парія, выброшенный въ грязь лондонскаго вертепа,

таитъ въ зародышѣ это чувство, и разъ только онъ попадетъ въ среду людей другого племени, разъ только онъ улучшитъ свои средства къ существованію или свое положеніе настолько, что ему не нужно будетъ заискивать у этихъ людей—онъ сейчасъ-же проявитъ эту тенденцію сословности, это желаніе разсматривать людей другой кожи и другой цивилизаціи, какъ расу низшую себя, какъ не людей даже.

Въ неменѣе классической странѣ сословныхъ предразсудковъ, въ Индіи, англичане оказались совершенно въ своей сферѣ. Какъ побѣдителей, какъ силу, какъ людей высшей цивилизаціи, ихъ тамъ признали, предъ ними преклонились. Въ Америкѣ, странѣ, народъ которой образовался, повидимому, изъ самыхъ демократическихъ элементовъ Англіи и Ирландіи, въ этомъ самомъ населеніи аристократическія тенденціи пробудились, какъ только населенію этому пришлось столкнуться съ краснокожими, китайцами и неграми. Наша публика, знакомая съ войной за освобожденіе негровъ, врядъ-ли повѣритъ, если я скажу, что во многихъ штатахъ положеніе негра чуть-ли не хуже, чѣмъ во времена, когда писала Бичеръ-Стоу свою «Хижину дяди Тома». Рядъ фактовъ, которые я надѣюсь привести въ одномъ изъ моихъ послѣдующихъ писемъ, наглядно это покажетъ. Что-же касается китайцевъ и японцевъ, то для послѣдняго изъ американскихъ рабочихъ это будутъ люди *низшей расы*, т.-е. почти что не люди, а потому вопросъ о равноправности или даже вѣжливости въ отношеніяхъ съ ними никогда и въ голову не придетъ англосаксу. И разъ только вы выѣдете изъ предѣловъ Китая и Японіи и попадете въ область господства англосаксовъ, вы на каждомъ шагу будете наталкиваться на такого рода сцены.

Мы могли ими любоваться цѣлый день, пока продолжалась выгрузка сыновъ Небесной Имперіи, пока чуть-ли не на четверенькахъ сползали съ длиннаго трапа богатыя

китаянки, не владѣвшія настолько своими маленькими ножками, чтобы на нихъ спускаться въ баржу, въ которой народу было набито столько, что нельзя было шевельнуться, и я много разъ задавалъ себѣ вопросъ, что стала-бы дѣлать эта масса народу, еслибы поднялось хотя малѣйшее волненіе, которое неминуемо захлестнуло-бы эту баржу, почти до самыхъ краевъ погруженную въ воду. Изъ Японіи, въ видѣ снисхожденія и обходя законъ, на берегъ разрѣшили выйти только тремъ пассажирамъ: одному богатому китайскому купцу, японскому коммерсанту и вашему покорнѣйшему слугѣ. Мы помѣстились на баркасѣ, ведшемъ на буксирѣ баржу, и потому менѣе, чѣмъ остальные сыны Небесной имперіи, рисковали служить пищею тихоокеанскихъ акулъ, какъ говорятъ, навѣщающихъ и голубыя воды бухты Гонолулу.

Уже было темно, когда баркасъ, черепашьимъ ходомъ тащившій баржу, благополучно доставилъ насъ къ берегу. Я не буду описывать продолжительной скучной процедуры выгрузки. Китайцевъ высаживали столь-же безчеловѣчно, какъ и сажали; многіе въ темнотѣ падали въ воду, другіе теряли пожитки. Затѣмъ ихъ повели и заперли въ карантинъ. Меня и двухъ другихъ пассажировъ перваго класса выпустили въ городъ въ тотъ-же день, или точнѣе, въ ту-же ночь, такъ-какъ, предварительно прокуренные сѣрою, мы достигли Гонолулу лишь въ 11-мъ часу ночи, когда городъ былъ погруженъ въ сонъ, и мы едва могли найти гостинницу. Послѣдняя, какъ и всѣ гостинницы Гонолулу, имѣла совершенно европейскій или, если хотите, американскій характеръ, представляя довольно комфортабельное и чистенькое помѣщеніе, окруженное садомъ, въ которомъ высились кроны пальмъ и другихъ тропическихъ деревьевъ, изъ-за которыхъ, озаренныя луною, виднѣлись вершины горъ острова Оагу. Но, утомленный передрягами по переѣзду, я отложилъ осмотръ окрестностей моего помѣщенія до другого раза и погрузился въ крѣпкій сонъ.

На другой день слуга-китаецъ, одѣтый въ полуевропейскій костюмъ, разбудилъ меня, приглашая къ завтраку на чистѣйшемъ англійскомъ языкѣ. Ни до, ни послѣ того я не встрѣчалъ въ другихъ мѣстахъ, мною посѣщенныхъ, ни въ Японіи, ни въ Америкѣ, ни на Явѣ китайцевъ, которые европеизировались-бы въ такой степени, какъ на Сандвичевыхъ островахъ. Это чуть-ли не единственное мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ многіе изъ нихъ отказались отъ національнаго костюма, носятъ европейское платье, стригутся по-европейски и носятъ американскія шляпы. Многіе изъ нихъ женаты на туземкахъ, свободно говорятъ по-англійски и есть болѣе десятка занимающихъ государственныя должности, являясь прекрасными общественными дѣятелями. «Я то-же самое, что конакъ», говорятъ такіе натурализовавшіеся здѣсь жители Небесной имперіи, явно показывая, что китаецъ въ такой-же степени способенъ ассимилироваться, какъ и всякій другой, если только его поставить въ надлежащія для того условія. Въ Америкѣ, гдѣ на него смотрятъ, какъ на низшую расу, онъ слишкомъ гордъ, чтобы признать превосходство американской культуры, въ Китаѣ онъ окруженъ слишкомъ косной массой. На Сандвичевыхъ островахъ онъ окруженъ людьми, равными съ нимъ по культурѣ, и онъ охотно сливается съ ними. Между тѣмъ, число китайцевъ-сандвичанъ не мало, и китайскую физіономію вы встрѣтите на каждомъ шагу на улицѣ, на проселочной дорогѣ, на полѣ. Изъ нихъ состоитъ значительный процентъ чернорабочихъ, мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ—особенно въ западной части Гонолулу, почти на половину состоящей изъ сыновъ Небесной имперіи и потому даже обликомъ своимъ нѣсколько похожей на китайскую колонію.

Но центральная и восточная, особенно береговыя части города производятъ совершенно иное впечатлѣніе, и я, едва вышелъ изъ дверей сада моей гостинницы, какъ почувствовалъ себя въ американскомъ городѣ, выросшемъ

подъ тропическимъ небомъ океана. Это былъ, правда, молодой, зарождающійся американскій городъ, но со всѣми отличительными его чертами, такъ-что гуляя по его улицѣ, вы забываете, что попираете почву Полинезіи. Я сравнивалъ Гонолулу съ Ялтою, несмотря на то, что Гонолулу много больше послѣдней. То-же море съ фономъ горъ сзади, та-же бухта, тотъ-же характеръ расположенія города. Но Ялта—еще дикій, полуварварскій по своимъ удобствамъ городъ по сравненію съ столицею Гаваи. Четыре или пять, параллельно берегу идущихъ, улицъ застроены 3—4-этажными домами, въ зеркальныхъ окнахъ которыхъ выставлены всевозможные европейскіе товары, въ сравненіи съ которыми выборъ нашихъ ялтинскихъ показался-бы столь-же жалкимъ, какъ выборъ товаровъ сельской лавочки послѣ городского магазина. Прекрасные магазины модъ, книжныя лавки, громадная безплатная читальня, библіотека, кондитерскія, фотографіи—все носитъ американскій пошибъ. Улицы прекрасно вымощены, снабжены широкими троттуарами и, какъ вездѣ въ Америкѣ, цѣлый рядъ конокъ всегда къ услугамъ пѣшехода. Вечеромъ электричество заливаетъ своимъ свѣтомъ оживленныя улицы, лишенныя, однако, всякой оригинальности.

Но стоитъ только сѣсть на одну изъ конокъ, и она быстро вывезетъ васъ изъ узкой полосы City, чтобы помчать по широкимъ, прекрасно шоссированнымъ улицамъ, окруженнымъ огромными палисадниками, за которыми скрываются прекрасные каменные коттэджи и дачи. Я опять-таки, чтобы дать хотя нѣкоторое представленіе объ этихъ дачахъ, могу ихъ сравнивать только съ дачами нашего южнаго берега Крыма, съ тою развѣ только разницею, что, вмѣсто лавровъ и кипарисовъ, осѣняющихъ фасады построекъ, вы здѣсь видите всюду кокосовыя пальмы или еще болѣе эффектныя Oreodoxa regia, Poinsettia pulcherrima, Prosopis juliflora и другія чисто тропическія деревья, придающія улицамъ особую пре-

лесть и привлекательность. Впрочемъ, только тѣ части Гонолулу, которыя прилегаютъ непосредственно къ его City, имѣютъ описываемый характеръ. Выше городъ начинаетъ принимать болѣе безпорядочный характеръ. Преобладаютъ маленькія, наскоро сколоченныя изъ досокъ дачки, окруженныя маленькими и молоденькими палисадничками съ цвѣтущими олеандрами, китайскими розами и кактусами. Это преимущественно жилища португальцевъ, которыхъ на архипелагѣ не меньше, чѣмъ китайцевъ, и которые имѣютъ здѣсь несомнѣнно бо́льшую будущность, чѣмъ китайцы, такъ-какъ они переселяются цѣлыми семьями, а не одни мужчины, какъ-то дѣлаютъ обыкновенно китайцы, и не возвращаются на родину, какъ большая часть китайскихъ кули. Здѣшніе португальцы—народъ очень невѣжественный, большею частью безграмотный, очень набожный и во всѣхъ отношеніяхъ весьма недалеко ушедшій отъ нашихъ крестьянъ-рабочихъ. Они легче, чѣмъ американцы, сходятся съ туземцами острова, и между ними нерѣдки браки. Но они еще скорѣе ассимилируются съ американцами, начинаютъ говорить по-англійски, женщины оставляютъ свои платки, въ которыхъ, кстати сказать, онѣ очень похожи на нашихъ бабъ, и принимаютъ всѣ обычаи настоящихъ янки, оставляя изъ національныхъ чертъ только неряшливость, страсть къ торгашеству и кулачеству.

Какъ я уже сказалъ, самая западная, зарѣчная часть города можетъ быть названа азіатскою попреимуществу. Здѣсь не дома́, а наскоро сколоченные изъ досокъ бараки съ узкими лабиринтами, проходами между ними, всюду виднѣются китайскія вывѣски, носъ обоняетъ китайскіе ароматы. Изъ постройки деревяннаго китайскаго театра слышатся знакомые посѣтителямъ китайскихъ городовъ звуки нестройной музыки, а подъ вечеръ вѣрные обычаямъ срединнаго царства сыны его, распустивъ косы и въ однихъ жилетахъ, создаютъ вдали отъ привередливаго американскаго ока картины жизни Небесной импе-

ріи. Въ то время, какъ къ десяти часамъ вечера остальныя части города замираютъ, и въ магазинахъ, какъ европейскихъ, такъ и китайскихъ и японскихъ, не уступающихъ по роскоши европейскимъ, гаснетъ свѣтъ, въ этой туземной части города до часу ночи кишитъ жизнь, открыты маленькія съѣстныя лавочки, работаютъ въ открытыхъ мастерскихъ портные, сапожники. Особенно поздно запираются прачешныя, гдѣ работаютъ почти исключительно китайцы.

Теперь на улицахъ города, въ неменьшемъ чѣмъ китайцы количествѣ, вы встрѣтите и четвертый элементъ населенія острова—японцевъ. Давно одѣтые въ европейскіе костюмы, ничѣмъ по внѣшности, кромѣ своей монгольской физіономіи, не отличаясь отъ европейцевъ, они теперь, облекшись въ національный керимонъ, а женщины, хотя и въ платьяхъ съ турнюрами, но на своихъ деревянныхъ подошвахъ, щелкая ими, такъ что слышно издалека, спѣшатъ въ цирюльню взять свою обычную горячую ванну—furo—наполненную водою въ 40°, безъ которой японецъ ни лѣтомъ, ни зимою не проведетъ ни одного дня. Здѣсь онъ, лишенный возможности имѣть ее дома, идетъ въ общественныя учрежденія, гдѣ за 10 к., какъ въ Eureka house, его побрѣютъ, помоютъ и дадутъ тѣ удовольствія, которыя въ странѣ, гдѣ на 4 мужчинъ приходится 1 женщина, не всегда возможно имѣть дома.

Вотъ тутъ-то, въ этомъ-же кварталѣ, на задворкахъ, затертые пришлымъ азіятскимъ пролетаріатомъ, живутъ главнымъ образомъ и аборигены острова, или, говоря точнѣе, остатки этихъ аборигеновъ, такъ - какъ канаки — это населявшее нѣкогда Сандвичевы острова полинезійское племя подъ вліяніемъ американской культуры угасаетъ съ феноменальною быстротою. Въ противоположность краснокожимъ индѣйцамъ Америки, канаки—сильное, способное къ физическому труду и прогрессу племя. Поселившись на Сандвичевыхъ островахъ

уже въ историческую эпоху, будучи изолированы отъ сношеній съ другими народами, попавъ на острова, гдѣ, кромѣ захваченныхъ ими съ собою свиней, не было ни одного домашняго животнаго, и гдѣ только таро, Calocosia antiquorum, чахлые кокосы и плоды хлѣбнаго дерева были единственными культурными растеніями, продукты которыхъ разнообразили пищу, доставляемую моремъ—канаки, естественно, не могли развить той высокой культуры, какую развила Японія подъ вліяніемъ китайской цивилизаціи.

До открытія Гавайскаго архипелага Кукомъ, острова эти уже были заселены около 5-ти столѣтій. Населенію не было извѣстно ни искусство прясть, ни употребленіе металловъ, ни горшечное искусство. Оружіе приготовлялось изъ твердаго дерева или камня, преимущественно изъ мелкозернистой лавы, а плугъ замѣняла заостренная палка. Пользуясь столь первобытными орудіями, канаки строили, однако, жилища продолговатой формы, сплетая стѣны ихъ изъ травы, называемой pili, и особаго рода туземнаго папортника, называемаго hala. Посуду имъ замѣняли плоды особаго сорта громадной тыквы Cucurlite maxima, изъ которой они дѣлали горшки и тарелки. Они выдалбливали изъ стволовъ деревьевъ прекрасные челноки, которыми они управляли съ ловкостью, свойственною только полинезійцамъ, плавая въ нихъ нагими или одѣтыми въ одежды, образованныя изъ такъ-называемаго tapa или луба нѣкоторыхъ туземныхъ деревьевъ. Конечно, эти одежды были не болѣе чѣмъ простые пояса стыдливости у обыкновенныхъ гражданъ, и только цари и высшіе сановники носили мантіи, представлявшія chef d'ouvre терпѣнія и искусства. Мантіи эти, равно какъ и шлемы, формою напоминавшіе древнегреческіе, дѣлались изъ перышекъ маленькихъ желтенькихъ птичекъ, немного крупнѣе канарейки, которыя вставлялись въ соотвѣтственно сплетенную тончайшую сѣтку. Теперь всѣ эти орудія и утварь сандвичанъ можно ви-

дѣть на островѣ далеко отъ селеній, въ исключительныхъ случаяхъ. Но въ очень хорошенькомъ музеѣ, расположенномъ близь училища имени Камеамеа, посѣтитель Гонолулу можетъ видѣть весьма недурную ихъ коллекцію.

До появленія европейцевъ канаки управлялись своими царями болѣе или менѣе деспотически. Они дѣлились на три сословія: Alii или дворянство, къ которому принадлежали и ихъ цари, духовенство или Kahuna, куда, кромѣ священниковъ, причислялись еще доктора и заклинатели, и простой народъ—Makaainona.

Вожди вели свое происхожденіе отъ боговъ, и имъ приписывали вліяніе на невидимыя силы. Какъ въ древней Японіи передъ микадо, при появленіи короля простой народъ падалъ передъ нимъ ницъ. При упоминовеніи имени короля простые граждане становились на колѣни, и смертная казнь ожидала того, кто позволилъ-бы себѣ перешагнуть черезъ его тѣнь. Если король давалъ аудіенцію, удостоившійся ея долженъ былъ вползать къ нему на-четвереренькахъ и такимъ-же образомъ выползать изъ аудіенцъ-залы. Вся земля острова принадлежала всецѣло королю. Его-же собственностью считалась и вся рыба въ морѣ и то, что пріобрѣтали трудомъ своимъ подданные. Земли короля дѣлились на округи и волости, надъ которыми властвовали дворяне, а по отношенію къ послѣднимъ простой народъ игралъ роль крѣпостныхъ. Только передъ приходомъ европейцевъ архипелагъ былъ объединенъ подъ властью одного правителя. Ранѣе отдѣльные князья враждовали другъ съ другомъ и вели кровопролитныя войны. Войска не знали употребленія луковъ, и дротики да палицы изъ тяжелаго дерева составляли главное оружіе воиновъ. Религія древнихъ канаковъ состояла въ боготвореніи силъ природы, главнымъ образомъ духовъ, завѣдующихъ различными проявленіями вулканическихъ силъ, дѣйствовавшихъ на архипелагѣ. Посредниками между этими богами и людьми было духовенство — и главная сила послѣдняго заключалась въ

наложеніи такъ-называемыхъ *табу* или запрещеній, нарушеніе которыхъ наказывалось смертью. Такъ напр., женщинамъ запрещалось ѣсть вмѣстѣ съ мужчинами, были установлены дни, когда нельзя было плавать въ лодкахъ, зажигать огней или даже издавать звуковъ. Въ такіе дни даже собакамъ надѣвали намордники, а куръ и пѣтуховъ запирали въ особые ящики. Храмы древнихъ гавайцевъ, формою своею нѣсколько напоминавшіе скинію, какъ она описывается въ Ветхомъ Завѣтѣ, не отличались особою красотою. Въ нихъ стояли безобразные деревянные идолы, которымъ приносились жертвы, изрѣдка даже человѣческія, такъ-что когда воздвигали новый храмъ или дворецъ, жители со страхомъ разбѣгались въ горы, боясь, что жребій падетъ на когонибудь изъ нихъ, и онъ будетъ принесенъ въ жертву. Каннибализмъ былъ, однако, совершенно неизвѣстенъ на островахъ. Туземцы вѣрили также въ колдуновъ и заклинателей—и вѣра въ этихъ послѣднихъ была такъ велика, что одно ихъ обѣщаніе, что тотъ или другой человѣкъ умретъ черезъ извѣстный срокъ, имѣло слѣдствіемъ смерть этого послѣдняго.

Въ такомъ положеніи находилось населеніе острововъ, когда они были открыты европейцами. Совершенно несправедливо открытіе Сандвичевыхъ острововъ приписываютъ Куку. Первый европеецъ, бывшій на островахъ, былъ испанецъ Жуанъ Гахтано въ 1555 г., тогда какъ Кукъ попалъ на нихъ лишь въ 1778. Несмотря на то, что туземцы встрѣтили его какъ бога и одарили всѣмъ лучшимъ, что у нихъ только было, онъ держалъ себя съ ними столь несдержанно и грубо, что былъ убитъ въ 1779 году, когда, возвращаясь изъ своего плаванія на сѣверъ Тихаго океана, вторично посѣтилъ острова. До сихъ поръ туристамъ, пріѣзжающимъ на островъ Гаваи, показываютъ памятникъ, поставленный надъ могилою мореплавателя. Послѣ Кука острова стали часто посѣщать суда, большею частью торговыя, совершавшія рейсы между Америкою и Кантономъ;

они останавливались въ гаваняхъ острова Гаваи и снабжали туземцевъ порохомъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ и содѣйствовали этимъ одному изъ вождей—Камеамеа—покорить своей власти остальные острова, жители которыхъ не могли бороться съ винтовками и револьверами. Гораздо плодотворнѣе для туземцевъ было посѣщеніе Ванкувера, снабдившаго острова домашними животными и полезными растеніями, въ благодарность за которыя Камеамеа призналъ надъ собою власть Великобританіи. Какъ и вездѣ, однако, главными продуктами цивилизаціи, принесенными европейцами, были пьянство и заразныя болѣзни. Жившіе весь свой вѣкъ среди чистаго воздуха и на незагрязненной почвѣ, туземцы оказались необыкновенно неустойчивыми къ тѣмъ болѣзнямъ и заразамъ, которыми пропитанъ организмъ европейца. Особенно стала здѣсь свирѣпствовать холера, и жертвою ея сдѣлалось около половины населенія острововъ. Сношенія съ Китаемъ, главнымъ образомъ имѣвшія цѣлью продажу сандальнаго дерева—главнаго богатства острововъ, вырубая лѣса котораго, короли пріобрѣтали оружіе, суда и шелковые товары, платя за это бѣшеныя деньги—эти сношенія познакомили жителей Сандвичевыхъ острововъ съ проказою, которая сдѣлалась настолько распространенной, что теперь пришлось отдать цѣлый островъ—Молокаи—прокаженнымъ, ссылая туда всѣхъ получившихъ эту болѣзнь.

Въ лѣтописи острововъ говорится, что въ 1815 году нѣкто Шефферъ былъ посланъ на острова Барановымъ, губернаторомъ Аляски, который будто выстроилъ фортъ въ Ваймеа для князя Kaumualii и водрузилъ на немъ русское знамя, потребовавъ признанія русской власти надъ островомъ. Камеамеа будто-бы выслалъ тогда въ Гонолулу сильный отрядъ, построившій укрѣпленіе въ названномъ городѣ и изгнавшій Шеффера. Я не знаю, насколько правдиво это сказаніе, цитируемое въ своихъ сочиненіяхъ американцами—теперешними обладателями острововъ; скажу одно: при входѣ въ музей Го-

волулу красуется какъ трофей русская пушка, съ мѣткою С. П. Б. 179... года, наподобіе того, какъ красуются у насъ турецкія, на Литейномъ проспектѣ въ Петербургѣ.

Такъ или иначе, благодаря европейскому вліянію, Камеамеа удалось объединить подъ своей властью весь архипелагъ, несмотря на то, что вмѣшательство европейцевъ въ жизнь туземцевъ вызвало вымираніе половины населенія, полное разграбленіе главнаго богатства архипелага—лѣсовъ сандальнаго дерева, и наконецъ, развращеніе оставшагося въ живыхъ населенія пьянствомъ и пороками.

Какъ обыкновенно, растлѣніе нравовъ повлекло за собою паденіе религіозныхъ устоевъ—въ высшихъ слояхъ общества, по крайней мѣрѣ. Потому не удивительно, что сынъ Камеамеа І-го, Лиголиго, публично нарушилъ табу, начавши ѣсть вмѣстѣ съ женщинами и истребивши, подобно Владиміру Святому, родныхъ кумировъ. Простой народъ частью былъ радъ уничтоженію тяготѣвшаго надъ нимъ табу, частью-же былъ глубоко возмущенъ безбожіемъ правителя. Значительная часть населенія возстала подъ начальствомъ Кекуаокалани въ защиту религіи отцовъ, но англійскія ружья сдѣлали свое дѣло, и полное безбожіе воцарилось на островахъ. Этимъ воспользовались американскіе миссіонеры, чтобы начать пропаганду христіанства. Пропаганда эта, однако, очевидно велась не безъ заднихъ мыслей, такъ-какъ миссіонеры эти не задумались убѣдить короля изгнать такихъ-же, какъ они, миссіонеровъ католическихъ, вступавшихъ съ подобными-же цѣлями на островъ. Предосторожности, принятыя противъ католиковъ, были столь велики, что впослѣдствіи католическихъ миссіонеровъ, появившихся на островахъ, не пускали даже на берегъ, пока французскій фрегатъ «Артемиза» угрозою своихъ пушекъ и пенею въ 20 000 долларовъ не заставилъ провозгласить на островѣ свободу вѣроисповѣданій. Эти событія имѣли слѣдствіемъ провозглашеніе первой конституціи,

новаго законодательства, очень выгоднаго для бѣлыхъ, установленіе палаты наслѣдственнаго дворянства и представителей отъ народа. Но попытки англичанъ завладѣть островами и частыя военныя столкновенія, въ которыя вмѣшивались американцы, скоро показали туземцамъ, что имъ однимъ не справиться со сложною внѣшнею политикою, угрожавшею самостоятельности острововъ, и они рѣшили сформировать смѣшанное правительство изъ туземцевъ и бѣлыхъ. Эта новая конституція стоила королю довольно дорого. Онъ, который дотолѣ считался полнымъ владѣльцемъ всей земли, раздѣлилъ ее между своими магнатами, оставивъ изъ четырехъ съ лишнимъ милліоновъ акровъ на свою долю около $2^1/_2$. Народъ, однако, получилъ только усадебную землю, а львиная доля надѣловъ досталась бѣлымъ. Точно также и надѣлы дворянъ, частью путемъ браковъ, частью путемъ продажи, съ невѣроятною быстротою стали собственностью американскихъ эмигрантовъ.

Преемники Камеамеа III царствовали не долго. Вступая на престолъ малолѣтними, они скоро угасали отъ болѣзней, давая возможность все болѣе и болѣе усиливаться партіи бѣлыхъ, частью миссіонеровъ, частью различныхъ искателей приключеній изъ Калифорніи и бѣглыхъ матросовъ, постепенно становившихся въ ряды аристократіи страны. Неудивительно поэтому, что народъ, отстраняемый все болѣе и болѣе, принималъ все болѣе и болѣе враждебный европейцамъ характеръ, и полубѣлое правительство, стремясь удержать власть въ рукахъ, издало законъ, по которому избирателями могли быть лишь вполнѣ грамотные гавайцы, число коихъ было невелико. Въ январѣ 1873 г. скончался послѣдній изъ рода Камеамеа. Его замѣстителемъ явился деспотичный Калакауа, стремившійся возстановить самодержавіе, приверженцемъ коего была вся масса народа. Къ сожалѣнію, это былъ кутила и игрокъ весьма сомнительной честности. Совершивъ путешествіе кругомъ свѣта, онъ всюду былъ жертвою мо-

шенниковъ и эксплоататоровъ. Въ короткое время своего царствованія онъ увеличилъ долги королевства съ 389 000 долларовъ до 1 936 000, причемъ кредиторами его являлись его-же министры, вродѣ Шпрекельса, бравшіе баснословные проценты и захватившіе въ свои руки почти всѣ казенныя земли архипелага. Въ 1890 году Калакауа скончался. Его сестра, королева Лиліукалани, заняла его мѣсто, но царствовать было не надъ чѣмъ, финансы опустошены, королевскій престижъ подорванъ мошенническими сдѣлками по поводу дачи одновременно двумъ купцамъ монополіи по торговлѣ опіумомъ. Наконецъ, сама Лиліукалани вела слишкомъ свободный образъ жизни, и дворецъ былъ мѣстомъ постоянныхъ скандаловъ. Тогда миссіонеры, въ рукахъ которыхъ de facto была и власть и деньги, провозгласили республику. Туземцы, которые даже не были приглашены для участія въ новыхъ выборахъ, пробовали-было протестовать. Но десантомъ съ американскаго станціонера ихъ принудили молчать, попытка новаго роялистическаго возстанія въ концѣ 1894 года была подавлена такимъ-же образомъ, а эксъ-королева была удалена на скромную дачу, гдѣ она жила, пользуясь скромною пенсіею. Какъ извѣстно, въ нынѣшнемъ году былъ нанесенъ послѣдній ударъ самостоятельности Гаваи: Сандвичевы острова присоединены къ Соединеннымъ Штатамъ въ качествѣ новой территоріи. Королева лишена даже ея скромной пенсіи, а туземцамъ предопредѣлена участь всѣхъ другихъ темнокожихъ народовъ, мирно угасающихъ подъ эгидою американскаго орла. Какую-же роль играютъ теперь въ этой республикѣ гавайцы?

Они не имѣютъ права голоса. Земли, принадлежавшія королю и дворянству, теперь всѣ перешли въ руки или крупныхъ европейскихъ капиталистовъ, или компаній—и во многихъ мѣстахъ канаку некуда выпустить корову или даже, курицу. Правда, миссіонеры сдѣлали туземцевъ христіанами, выучили ихъ читать и писать, издаютъ для нихъ газеты, поучаютъ ихъ въ церквахъ. Они заставили ихъ смѣнить

ихъ легкіе костюмы на американскіе и замѣнить легкія травяныя хижины деревянными бараками. Но они, съ другой стороны, обложили ихъ тяжелыми податями и научили пить водку. Не имѣя ни капитала, ни земли, канакъ превратился въ батрака. Но безпечное прошлое, не знавшее тяжелой борьбы за существованіе въ переполненныхъ населеніемъ городахъ, не научило, конечно, канака беречь деньги. Онъ готовъ отдать послѣднюю копѣйку ближнему, слѣдуя евангельскому правилу, но онъ не получаетъ отъ него ничего, когда самъ впадаетъ въ нужду. Онъ прокучиваетъ, не думая о завтрашнемъ днѣ, всѣ свои деньги—и не выходитъ изъ долговъ. И потому этотъ законный владѣлецъ страны ходитъ здѣсь въ лохмотьяхъ, живетъ въ сырыхъ баракахъ и дѣлается жертвою всевозможныхъ, заносимыхъ китайскою чернью болѣзней.

Безправный, пока едва терпимый канакъ быстро стремится къ вымиранію. Въ 1866 году было 57 тысячъ туземцевъ, въ 1872 году — уже только 49, теперь ихъ не болѣе 34. Но даже это населеніе въ будущемъ не можетъ надѣяться остаться канаками. Всѣ ихъ національныя черты жизни исчезли. Это уже американцы по языку, по обычаямъ, вѣрѣ и одеждѣ. Только право украшать себя вѣнками цвѣтовъ да по вечерамъ пѣть національныя пѣсни — вотъ что осталось отъ правъ канака. Даже по крови его потомство не можетъ разсчитывать остаться канакскимъ: на 16 тыс. канакскихъ женщинъ приходится 14 тыс. канаковъ мужчинъ, столько-же китайцевъ, 3 тыс. европейцевъ и 8 тыс. японцевъ. Если принять во вниманіе, что религія не можетъ сразу измѣнить нравственныхъ принциповъ и обычаевъ древности, то легко понять, что современная гавайская семья состоитъ изъ 1 жены и 3-хъ мужей, бѣлаго, желтаго и коричневаго—и потомство ихъ уже не канакское, а гибридное. Правда, это поколѣніе, красивое и здоровое, имѣетъ будущность, правда, оно,

англо-китайское по культурѣ—будетъ составлять главную массу населенія, но населеніе это уже будетъ не канаки, а американцы, и отъ всего прежняго у нихъ останутся лишь мелодичные напѣвы гавайскихъ пѣсенъ, слова которыхъ никому непонятны. Такова участь этихъ жителей «рая Тихаго океана».

А между тѣмъ гавайцы—красивый, прекрасно сложенный народъ, рѣзко выдѣляющійся красотою своего тѣла между рахитичными китайцами, разжирѣвшими на мясной пищѣ плосколицыми японцами и худосочными европейцами. Ихъ цвѣтъ тѣла смугло-коричневый, многіе изъ нихъ скорѣе шатены чѣмъ брюнеты; у нѣкоторыхъ только толстыя губы и слегка курчавые волоса свидѣтельствуютъ о нѣкоторой примѣси меланезійской крови. Они веселаго, мягкаго и общительнаго характера. Не воспитанные въ суровой школѣ борьбы за существованіе, они готовы дѣлиться съ ближнимъ послѣднимъ кускомъ хлѣба, послѣднею рубашкою, даже женою. А потому понятно имъ приходится перебиваться со дня на день, какъ пролетаріямъ, а всякій лишній заработанный грошъ несется немедленно въ кабакъ.

Жизнь гавайца, затертаго въ среду азіатскихъ пролетаріевъ, была-бы невыносима, если-бы физическій трудъ не оплачивался здѣсь пока довольно высокими цѣнами. Вотъ образчикъ заработныхъ платъ на Гаваи. Кузнецъ на плантаціи получаетъ здѣсь отъ 50—100 американскихъ долларовъ въ мѣсяцъ (100—200 р.), столько-же получаютъ плотники; сахаровары даже 125—175 долларовъ. Чернорабочіе на полѣ туземцы и португальцы 16—18 р. Въ Гонолулу каменьщикъ получаетъ поденно 5—6 долларовъ, плотникъ отъ 2 р. 50 до 5 р., маляръ столько-же за 9-часовой трудъ. Поваръ на всемъ готовомъ получаетъ 3—6 долларовъ въ недѣлю т.-е. около 40 р. въ мѣсяцъ, и т. д. Но гавайцамъ весьма трудно выдерживать конкурренцію съ пришлыми элементами, такъ-какъ китайцы и японцы гораздо упорнѣе въ трудѣ, мастеро-

вые-же европейскіе или, точнѣе, американскіе гораздо лучше къ этому труду подготовлены. А потому на долю гавайцевъ падаетъ тяжелый трудъ нагрузчиковъ судовъ, носильщиковъ тяжестей, рѣже чернорабочихъ.

Съ каждымъ годомъ конкурренція становится труднѣе. Крупные американскіе капиталисты находятъ гораздо выгоднѣе выписывать китайскихъ, японскихъ и португальскихъ рабочихъ, заманчивыя-же рекламы, издаваемыя американцами, привлекаютъ сюда массы неудачниковъ, дѣлающихъ населеніе архипелага въ высшейстепени разношерстнымъ. На улицахъ Гонолулу вы встрѣтите представителей всѣхъ 5 частей свѣта и всѣхъ государствъ Европы, не исключая и русскихъ, число которыхъ ограничивалось въ бытность мою на островѣ, впрочемъ, только 3 лицами, о которыхъ подробнѣе я скажу ниже. Пока на всѣхъ этихъ европейскихъ обывателяхъ лежитъ печать американскаго демократизма. Всѣ одѣты въ пиджаки, мягкія рубашки и европейскія шляпы. Всѣ одѣты скверно. Этою чертою западъ Америки рѣзко отличается отъ Европы. Русскій человѣкъ, попавъ на западъ Европы, всегда кажется одѣтымъ неряшливо и не элегантно, и пока онъ не пріобрѣтетъ себѣ платье у мѣстнаго портного, вы его сейчасъ отличите между иностранцами. Напротивъ, американецъ, повидимому вслѣдствіе дороговизны одежды въ Новомъ Свѣтѣ, одѣвается шикарно лишь въ собраніе, и обыкновенная уличная толпа производитъ впечатлѣніе довольно потрепанныхъ субъектовъ. Какъ въ Америкѣ, экипажи баснословно дóроги, а потому ходятъ больше пѣшкомъ или ѣздятъ на конкахъ. Въ опредѣленные часы дня открываются рестораны, но вы тщетно будете искать въ нихъ diner à la carte. Всѣмъ предлагается одинъ обѣдъ изъ 3 или 4 блюдъ стоимостью въ 25 центовъ. Слуга съ необыкновеннымъ проворствомъ ставитъ вамъ всѣ 4 блюда и затѣмъ предоставляетъ вамъ дѣлать съ ними чтó хотите. Повара здѣсь китайцы. Столъ простой, здоровый, но, конечно, не тотъ, что въ ресторанахъ Ев-

ропы или въ первомъ классѣ пароходовъ. Но такого стола вамъ не дастъ никто и ни за какія деньги въ Гонолулу. Тутъ одинаково обѣдаютъ люди самыхъ различныхъ положеній, конечно за исключеніемъ тѣхъ, кто составитъ крупный капиталъ и имѣетъ собственный котэджъ и повара. Впрочемъ, и аристократія и плутократія Гаваи происхожденія ультра-демократическаго, такъ-какъ, напримѣръ зять королевы и губернаторъ одного изъ островов—былъ бѣглый американскій матросъ, а происхожденіе другихъ здѣшнихъ магнатовъ—не болѣе аристократическое.

Между тѣмъ на всѣхъ на нихъ лежитъ лоскъ американской цивилизаціи, всѣ они смотрятъ съ презрѣніемъ «господъ» на представителей низшихъ расъ: китайцевъ, японцевъ и португальцевъ—и *культура*, какъ мы ее понимаемъ въ Европѣ, коснулась только нѣкоторой части этихъ бѣлыхъ гражданъ Гаваи, хотя всѣ они читаютъ газеты, интересуются политикой и кончили хоть какое-нибудь училище. Словомъ, это—какой-то ералашъ людей интеллигентныхъ и простыхъ, нивеллированныхъ внѣшней американской цивилизаціей. Такой-же неустановившійся характеръ, носящій слѣды разнообразнѣйшихъ вліяній, имѣетъ самый обликъ страны и сельская природа Оагу и Гаваи, какъ я могъ убѣдиться изъ моихъ поѣздокъ по этимъ двумъ островамъ, которымъ и будетъ посвящено слѣдующее письмо.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ.

Сельская природа Гавайской республики.

Природа Сандвичевыхъ острововъ носитъ тотъ-же характеръ, что и ихъ населеніе. Первобытныя черты ея исчезаютъ необыкновенно быстро, замѣняясь формами, занесенными изъ разныхъ частей свѣта, причемъ черты американскаго строя тяготѣютъ надъ всѣмъ остальнымъ. Я уже говорилъ, что первобытная растительность на островѣ Оагу оттѣснена далеко вверхъ, въ горы. Представленная теперь унылыми акаціями, темнолистыми папоротниками и блѣдными Cucujo (Aleurites moluceana), она лишь отдѣляетъ своею темною листвою мрачныя скалы высотъ; скудная-же флора долинъ и ниже лежащихъ склоновъ уступила свое мѣсто различнымъ культурнымъ формамъ. Гонолулу по своей растительности чисто тропическій городъ. Въ его скверахъ вы встрѣтите, пожалуй, даже большее разнообразіе тропическихъ растеній, чѣмъ въ иномъ лежащемъ у экватора городѣ, такъ-какъ здѣсь перемѣшались тропическіе любимцы человѣка, вывезенные изъ самыхъ различныхъ тропическихъ странъ. Кокосъ и финиковая пальма растутъ по сосѣдству съ аллеями изъ пышныхъ вай, увѣнчивающихъ стволы-колонны Oreodoxa regia; пестролистые Croton'ы ютятся подлѣ кустовъ изъ усыпанныхъ пурпурными цвѣтами китайскихъ розъ, олеандровъ, гранатовыхъ деревьевъ, а высокіе какъ свѣчки стволы цвѣтущаго по ночамъ Се-

reus'а соревнуютъ по высотѣ съ пирамидальными кипарисами. Печальные эвкалиптусы съ ихъ сизою листвою, казуариніи, магноліи стоятъ бокъ-о-бокъ съ тропическими Poinsiana pulcherrima, мангами и ямбизами. Благодаря садовникамъ японцамъ и китайцамъ, скверы содержатся въ большомъ порядкѣ, и я не знаю ни одного города въ Россіи, гдѣ публичные садики и площади держались-бы въ такой чистотѣ. Но все это въ городѣ. Выходя за предѣлы Гонолулу, вы вступаете въ области весьма монотонныя, и прогулка въ экипажѣ за городъ хотя по стоимости своей обойдется вамъ разъ въ пять дороже, чѣмъ въ Крыму во время сезона, она врядъ-ли дастъ вамъ и десятую долю того эстетическаго наслажденія, какое получаете вы въ Тавридѣ, если не считать развѣ чудныхъ видовъ на море и островъ, открывающихся все шире и шире по мѣрѣ того, какъ вы поднимаетесь вверхъ.

Почва острова Оагу въ окрестностяхъ Гонолулу или представляетъ изъ себя голыя, раскаленныя солнцемъ, неправильно навороченныя глыбы лавы, среди которыхъ развиваются цѣпкіе кусты Lautunae communis или гуявы—или тамъ и сямъ разбросаны кактусы опунціи—все растенія, занесенныя сюда изъ другихъ странъ. Только въ долинѣ рѣки пріютились культуры, столь-же разнохарактерныя, какъ и самое населеніе. Ближе къ городу, гдѣ у туземцевъ еще остались жалкіе клочки земли, вы видите поля, засѣянныя таро, этимъ главнымъ питательнымъ растеніемъ канаковъ. Эти поля устроены на манеръ рисовыхъ полей. Это скорѣе искусственныя болота, затопляемыя водою, отводимою отъ рѣки. Самое таро—Calocasia antiquorum—напоминаетъ обликомъ наши разводимые въ комнатахъ «арумы», съ листьями болѣе мелкими, сморщенными и на короткихъ черенкахъ. Въ пищу употребляютъ клубни, но не въ вареномъ, какъ въ Японіи, видѣ: изъ нихъ извлекаютъ мучнистое крахмалистое вещество, разбивая клубни камнемъ на доскѣ. Сварен-

ное, вещество это образуетъ розоватую массу, видомъ напоминающую крахмальный клейстеръ или жидко сваренный бѣлый кисель, съ которымъ сходно и по вкусу, хотя имѣетъ слабый, но непріятный затхлый запахъ. Это и есть такъ-называемое «poi», національное блюдо полинезійцевъ. Теперь, когда на Сандвичевыхъ островахъ уже всюду распространенъ американскій столъ, poi все-таки остается любимымъ блюдомъ туземца, хотя далеко не вездѣ уже можете вы увидѣть тотъ способъ ѣды, который еще недавно практиковался во всей Полинезіи, когда вся семья садилась вокругъ блюда съ poi, запускала въ его липкую массу свои указательные пальцы и, положивъ на нихъ poi, отправляла въ ротъ—сцена, достойная сравненія съ группой неаполитанскихъ lazzaroni, поѣдающихъ свои макароны. Теперь развѣ только въ самыхъ глухихъ закоулкахъ Сандвичевыхъ острововъ можно видѣть тѣ обѣды и пробовать тѣ блюда, которыя можно назвать національными, т.-е. блюда изъ свинины и, большею частью сырой, морской рыбы, которая, разложенная на блюдахъ изъ папоротниковыхъ листьевъ. составляла главное лакомство какъ царей, такъ и простонародья.

Работающіе на поляхъ туземцы одѣты въ тотъ-же городской костюмъ—рубаху съ прямымъ воротомъ, синіе американскіе штаны, ботинки и соломенную, украшенную душистыми цвѣтами шляпу. Женщины въ тѣхъ-же необъятной ширины капотахъ. Ихъ смуглое тѣло, вѣками пріученное къ болѣе откровеннымъ костюмамъ, быть можетъ, вовсе и не нуждается въ этихъ мало подходящихъ для климата покровахъ, но интересы американской промышленности въ достаточной степени внушили необходимость одѣянія, и въ купальняхъ окрестностей Гонолулу купаться безъ костюма считается теперь гораздо болѣе shocking, чѣмъ даже въ нашихъ крымскихъ курортахъ или водолечебныхъ заведеніяхъ Европы.

Первымъ двигателемъ американской культуры является паровозъ. Неудивительно поэтому, что и на Сандвиче-

выхъ островахъ, несмотря на весьма малую величину каждаго изъ нихъ, имѣется желѣзная дорога. Пока, впрочемъ, выстроена линія съ регулярнымъ сообщеніемъ только въ Оагу. Она обѣщаетъ опоясать весь островъ, но теперь она доведена только до мѣстечка Wainahe, соединяя съ Гонолулу пункты, славящіеся своими кофейными и сахарными плантаціями. Тотъ, кто проѣдется по этой линіи, можетъ составить довольно ясное понятіе о сельской природѣ прибрежной части острова. Минуя поля таро съ разбросанными среди своихъ нищенскихъ надѣловъ хатками туземцевъ, вы попадаете въ области болотистыхъ низинъ давно рекламируемаго американцами залива, который они современемъ думаютъ превратить въ міровую гавань Pearl city. Пока эти низины заняты изумрудною зеленью рисовыхъ полей, тамъ и сямъ среди нихъ раскиданы китайскія фанзы съ ихъ іероглифами, и вы могли-бы вообразить себя гдѣ-нибудь въ уголкѣ Небесной имперіи, еслибы тамъ и сямъ раскиданныя кокосовыя пальмы не говорили вамъ, что вы находитесь подъ тропиками. Здѣшнія кокосовыя пальмы не похожи на цейлонскія. Ихъ необыкновенно длинные, темные и гибкіе стволы увѣнчаны совершенно круглою кроною сравнительно короткихъ вай. Нѣтъ въ нихъ розмаху и мощи этихъ-же деревьевъ тропической Азіи, и кажется, что они какъ-то нехотя растутъ на коралловой подпочвѣ острова.

По мѣрѣ движенія поѣзда на востокъ картина мѣняется. Мѣстность становится возвышеннѣе, и на смѣну рисовымъ полямъ выступаютъ сахарныя плантаціи, принадлежащія европейцамъ и американцамъ, захватившимъ почти всѣ земли у несчастныхъ туземцевъ.

Видъ сахарныхъ плантацій некрасивъ и для туриста не представляетъ ничего интереснаго. Это обширныя пространства, заросшія грубымъ колѣнчатымъ, похожимъ на нашъ тростникъ злакомъ. Поле кукурузы или сарго несравненно живописнѣе. Высокая фабричная труба, возвышающаяся среди плантацій, да го-

родокъ маленькихъ лачугъ для бѣдно и грязно живущихъ японскихъ чернорабочихъ—вотъ и все, что нарушаетъ однообразіе зелено-желтаго моря тростника. Говорятъ, что нигдѣ въ мірѣ тростникъ не содержитъ въ себѣ такого громаднаго количества сахара, какъ на Сандвичевыхъ островахъ. Я охотно этому вѣрю: питательная вулканическая почва, яркое тропическое солнце и ясное небо при умѣренно влажномъ воздухѣ—все соединилось здѣсь для того, чтобы выработка сахарныхъ веществъ шла наиболѣе успѣшно. Большая часть плантацій орошается искусственно. Американцы забрали воды почти всѣхъ рѣкъ острова для своихъ меркантильныхъ цѣлей, и на сухихъ западныхъ склонахъ—если еще и находится иногда клочокъ пригодной земли—не оказывается воды для его орошенія. Добыча сахара производится чисто европейскими пріемами и машиннымъ способомъ, мало отличающимся отъ того, какой практикуется на нашихъ заводахъ.

Минуя область Ewa, главный центръ сахарныхъ плантацій, поѣздъ выходитъ на сухую, покрытую лавою равнину, на которой тамъ и сямъ разбросаны низенькіе и душистые кустики колючей Acacia Fornesiana. Мало-помалу приближаются обнаженныя скалы, и поѣздъ послѣднюю часть пути мчится почти по берегу моря, у склоновъ размытаго волнами вулкана, составляющаго западную часть острова. Въ одной изъ долинъ его расположено мѣстечко Wainahe, въ окрестностяхъ котораго можно наблюдать культуру кофе, теперь все болѣе и болѣе распространяющуюся на островахъ.

Кофейныя деревья, какъ и чайныя, разводятся отъ сѣмянъ, сажаемыхъ на посѣвныя гряды. Одного акра питомника обыкновенно достаточно, чтобы засадить 75 акровъ кофеемъ. Садятъ кофе обыкновенно на влажныхъ, болѣе обильныхъ дождями склонахъ, расчищая ихъ изъ подъ-лѣса. Такая расчистка, производимая артелями китайскихъ или японскихъ рабочихъ, стоитъ

здѣсь отъ 20—50 долларовъ съ акра. На расчищенную лѣсную почву помѣщаютъ молодые саженцы кофейнаго дерева на разстоянія 10+12 ф. или 5+6 ф. другъ отъ друга. Плантацію тщательно пропалываютъ отъ сорныхъ травъ, а на слѣдующій годъ деревцо слегка подрѣзаютъ. На третій годъ дерево зацвѣтаетъ и приноситъ свой первый плодъ. Дереву обыкновенно не даютъ рости здѣсь выше чѣмъ на пять съ половиною или 6 футъ, затѣмъ ему ощипываютъ верхушку. Три года работъ на плантаціи въ 75 акровъ, включая сюда и стоимость пріобрѣтенія земли, постройки, плату управляющему, рабочимъ и т. д., обходятся въ 15,000 долларовъ и почти окупаются въ этотъ срокъ урожаемъ; на 4-й годъ плантація даетъ чистаго дохода 6,000 долларовъ, и постепенно возростая, доходъ этотъ на 7-й годъ доходитъ до 11,000 долларовъ.

Видъ кофейныхъ плантацій здѣшнихъ не красивъ. Это ряды выше человѣческаго роста поднимающихся кустарниковъ съ чахлыми и жиденькими, распростертыми горизонтально вѣточками, усаженными или бѣлыми, напоминающими жасминовые, цвѣточками, или красными, съ мелкую вишню величиною ягодами. Наши вырощенныя въ комнатахъ или оранжереяхъ кофейныя деревья даютъ точное представленіе объ обликѣ ихъ родичей на родинѣ. Американскіе плантаторы Гавайской республики не любятъ окружать свои временныя постройки садами. Когда я спросилъ одного изъ нихъ, почему онъ не посадилъ у себя хоть какихъ-нибудь фруктовыхъ деревьевъ, онъ мнѣ на это отвѣтилъ: «Къ чему это? Если мнѣ будутъ нужны фрукты, мнѣ принесутъ ихъ съ базара китайцы». Дѣйствительно, этимъ послѣднимъ еще чуждо фабричное отношеніе къ земледѣлію, которое проникаетъ насквозь агрикультуру американца. Чаще всего у китайскихъ фанзъ вы найдете растущими рѣдкіе тропическіе фрукты, повременамъ появляющіеся на базарахъ и въ лавкахъ Гонолулу, какъ напр. аллигаторовая груша — или

плодъ адвокатъ, съ которымъ впервые я познакомился на Явѣ (Persea gratissima), манги, Mangifera indica, гуявы, изъ которыхъ теперь здѣсь фабрикуютъ довольно вкусное желе, Poha Physalis edulis, дынное дерево, Carica papaya, и масса чудныхъ сладкихъ бѣломясыхъ ананасовъ.

Гавайская республика производитъ и другіе тропическіе плоды, но пока они еще такъ рѣдки, что я считаю излишнимъ ихъ здѣсь перечислять. Цѣлыя плантаціи банановъ и хлѣбныя деревья въ болѣе влажныхъ закоулкахъ, напротивъ, принадлежатъ здѣсь къ довольно обыкновеннымъ явленіямъ.

Но нѣтъ въ окрестностяхъ Гонолулу ни одного дерева, столь распространеннаго и составляющаго столь необходимаго спутника селеній, какъ такъ-называемый Algeroba — Prosopis Juliflora, мексиканскій кустарникъ, развивающійся въ тропическомъ климатѣ Гаваи въ высокое дерево. Его сѣдо-сѣрая листва придаетъ пейзажу тотъ пепельный цвѣтъ, который знакомъ тѣмъ, кто видалъ наши заросшія сѣдою полынью степи юго-востока.

Имѣя перистую какъ у акацій листву, Algeroba приноситъ длинныя стручья съ крупными какъ у боба зернами, которыя, валяясь въ изобиліи между стволами деревъ, являются прекрасною пищею для скота, на сухой, голой или заросшей кустарникомъ лавовой почвѣ Оагу далеко не всегда находящаго себѣ достаточное пропитаніе.

Я навсегда сохраню самое пріятное воспоминаніе о бѣленькихъ домикахъ Wainahe, приютившихся подъ сѣнью этихъ Algeroba. Здѣсь—странное стеченіе обстоятельствъ — состоялось совершенно случайно свиданіе трехъ сотрудниковъ «Недѣли», какъ-разъ на разстояніи половины окружности земного шара отъ того мѣста, гдѣ печатаются эти строки.

Въ Wainahe жилъ д-ръ Р., за подписью котораго печатались нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Книжкахъ

Недѣли» * очерки Сандвичевыхъ острововъ; у него, въ бытность мою въ Гавайской республикѣ, гостилъ д-ръ Криштафовичъ со всею своею семьею, точно также извѣстный читателямъ «Недѣли» своими очерками батумской жизни. Такимъ образомъ, совершенно случайно въ центрѣ Великаго океана я встрѣтился съ соотечественниками, оказавшими мнѣ въ лицѣ семьи д-ра Р. самое широкое гостепріимство и давшими возможность перенестись въ русскую обстановку, послѣ долгихъ скитаній среди совершенно чуждыхъ людей и природы. Отношенія двухъ моихъ соотечественниковъ къ Сандвичевымъ островамъ были совершенно различныя. Д-ръ Р., жившій передъ тѣмъ долго въ Европѣ и Америкѣ, нашолъ себѣ среди тропической природы Гаваи тихое пристанище. Какъ докторъ, онъ пользовался уваженіемъ и любовью островитянъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ хорошую практику, дававшую ему нетолько сносныя средства къ жизни, но и позволившую ему завести себѣ небольшую кофейную плантацію на островѣ Гаваи. Послѣ американцевъ, къ которымъ Р. особенной любви не питаетъ, вполнѣ соглашаясь съ тою ихъ характеристикою, какую я далъ въ моемъ очеркѣ въ «Недѣлѣ»—«У Американцевъ», д-ръ Р. чувствуетъ себя прекрасно въ Гавайской республикѣ, мягкая природа которой представляетъ рѣзкій контрастъ съ шумною жизнью въ С.-Франциско. И онъ, и его жена съ любовью ухаживаютъ за садикомъ, въ которомъ возвышаются олеандры, апельсинныя деревья и кокосовыя пальмы. Напротивъ, д-р. Криштафовичъ, только-что пріѣхавшій сюда изъ Россіи, былъ глубоко разочарованъ всѣмъ видѣннымъ. Покидая отечество, онъ разсчитывалъ найти на островахъ Океаніи еще ту патріархальную обстановку, описанія которой до сихъ поръ обращаются въ рукахъ нашей читающей публики. Онъ покинулъ Батумъ, воз-

* «Въ океанской деревнѣ» и «Среди гавайскихъ вулкановъ», «Кн. Нед.» 1893 г. XI и 1895 г. VI—X.

мущаясь положеніемъ тамошнихъ туземцевъ, но къ своему изумленію увидѣлъ, что положеніе самаго жалкаго турка въ Россіи въ сущности безконечно лучше, чѣмъ положеніе подавленнаго американскою культурою канака. Что толку, что всѣ канаки теперь грамотны, что всѣ они одѣты въ европейское платье, что на ихъ языкѣ въ Гонолулу издается нѣсколько газетъ и каждую субботу имъ читаются проповѣди на канакскомъ языкѣ, — когда страна ихъ теперь такъ сильно наводнена чужеземцами, совершенно чуждыми ихъ культурѣ, несравненно болѣе сильными въ борьбѣ за существованіе, чужеземцами эгоистичными и жадными, безсердечными и черствыми, которые смѣются и попираютъ ногами все дорогое прошлое канака, которые отняли у него землю, почти всѣ средства къ жизни, создали чуждую форму правленія, въ которой лишили его даже права голоса, не допустивъ къ участію въ немъ ни одного изъ представителей канакской расы, какъ легко можетъ убѣдиться всякій, прочтя списки фамилій лицъ, составляющихъ современное правительство территоріи Гаваи.

Гавайское правительство продаетъ съ молотка, за грошъ ту землю, которая должна-бы была составлять наслѣдіе канакскаго народа, а этотъ, сидя на нищенскихъ надѣлахъ, не только не размножается, но, не имѣя возможности эмигрировать, вымираетъ, нисходя на степень поденщика и чернорабочаго, теряя свое послѣднее—національныя черты—въ смѣшеніи съ чуждыми элементами, наводнившими островъ. Гавайское правительство, приглашая покупать земли эмигрантовъ, не думаетъ о судьбѣ канаковъ, но для человѣка съ извѣстными убѣжденіями было-бы странно сѣсть на землю, отнимаемую у населенія, доводимаго до быстраго вымиранія конкурренціей съ бѣлыми.

Но и помимо этихъ, быть можетъ черезчуръ субъективныхъ соображеній, гавайская территорія не представ-

ляетъ большой привлекательности для русскаго эмигранта. Лучшія доходныя земли давно здѣсь разобраны капиталистами. То, что осталось,—это, можно сказать, оборыши. Много хорошей земли можно встрѣтить развѣ только на островѣ Гаваи, но Гаваи, какъ извѣстно, есть дѣйствующій вулканъ, и вулканъ гораздо болѣе предательскій, чѣмъ Везувій, такъ-какъ не проходитъ десятилѣтія безъ того, чтобы съ той или другой стороны его стѣнокъ не образовалось трещины, откуда вытекаютъ потоки свѣжей лавы, грозящіе смертью и разрушеніемъ. Всѣ склоны острова суть не что иное, какъ рядъ наслоеній такихъ потоковъ, то болѣе старыхъ, то болѣе молодыхъ, еще невывѣтрѣлыхъ, и селиться на Гаваи—въ полномъ смыслѣ слова значитъ селиться на вулканѣ.

Наконецъ, изъ всего, что мною было сказано въ предыдущемъ письмѣ, читатель легко можетъ убѣдиться, что территорія Гаваи уже прошла ту поэтическую эпоху своей исторіи, когда ее населяли патріархальные полинезійцы. Правда, и теперь канаки простодушный, добрый и гостепріимный народъ, готовый дѣлиться всѣмъ чѣмъ можно со своимъ ближнимъ. Но въ жизни они уже не играютъ никакой роли. Вамъ придется имѣть дѣло или съ корыстнымъ китайцемъ, или съ черствымъ и дѣловитымъ американцемъ и вести чисто американскій образъ жизни. Какъ и совѣтуютъ уже теперь сами американцы, сюда не слѣдуетъ являться безъ капитала, хотя-бы въ какихъ-нибудь полтора десятка тысячъ. Тогда вы явитесь маленькимъ плантаторомъ американскаго типа и будете окружены обществомъ этого рода людей, пришедшихъ искать себѣ счастья изъ Америки. Но это люди не русскаго пошиба. Пусть нѣкоторые господа зазываютъ въ Калифорнію русскихъ интеллигентовъ, расписывая имъ прелести американской культуры,—все, что я видѣлъ въ Америкѣ, и все, что я видѣлъ въ Россіи, позволяетъ мнѣ утверждать, что тѣ, кто пойдетъ на ихъ зовъ, благодарны имъ не будутъ. То воспитаніе, какое получаемъ мы, русскіе,—безразлично, бу-

дутъ-ли это сыновья богатыхъ помѣщиковъ, крестьянъ, мастеровыхъ или чернорабочихъ,—по самому существу своему въ корнѣ отлично отъ воспитанія янки, и строй нашей жизни слишкомъ далекъ отъ американскаго, чтобы мыслима была счастливая пересадка на эту почву. Мы, русскіе, слишкомъ привыкли къ простору нетолько въ смыслѣ пространства и времени, но и дѣйствій, мы слишкомъ не привыкли къ самостоятельности, энергичной и постоянной работѣ, и намъ совершенно не свойственны тѣ черты характера, которыя на Западѣ вырабатываетъ жестокая борьба за существованіе. Подобно канакамъ, мы и черезчуръ халатны, и черезчуръ гуманны, и черезчуръ философы для такой жизни—мы всѣ до послѣдняго рабочаго включительно. Американскій просторъ не содѣйствовалъ измѣненію характера западно-европейца, напротивъ, погоня за наживой только развила его коренныя свойства до колоссальныхъ размѣровъ. А потому русскій, попавъ въ среду американцевъ—помѣщикъ среди плантаторовъ, рабочій среди рабочихъ—окажется въ условіяхъ дотого ему чуждыхъ, что будетъ чувствовать себя слишкомъ не по себѣ. Кромѣ того, никто у насъ не привыкъ обходиться безъ посторонней помощи, ни бѣдный, ни богатый. Живя въ Россіи, мы даже не замѣчаемъ этого—и только въ Америкѣ это правило help yourselfs вы почувствуете во всей силѣ.

А потому я не знаю и не могу назвать въ Америкѣ русскихъ, которые-бы тамъ богатѣли и чувствовали себя дома; если они не бѣдствуютъ, то влачатъ едва сносное существованіе. Мы сами представляемъ изъ себя страну, куда направляется эмиграція извнѣ. Несмотря на нашъ ужасный климатъ и всяческія злобы дня, цѣлыя сотни нѣмцевъ, бельгійцевъ и другихъ иностранцевъ являются эксплуатировать наши богатства и съ тугими карманами возвращаются домой. По сравненію съ нашими просторами намъ вездѣ черезчуръ тѣсно, вездѣ мы отстали въ смыслѣ выработки тѣхъ чертъ характера, которыя нужны

для борьбы за существованіе съ себѣ подобными—и это наше счастье будетъ, если намъ не придется отстать настолько, что колоніи внѣдряющихся въ Россію европейцевъ не съиграютъ роли колоній, основанныхъ ими въ полуварварскихъ странахъ. При такихъ условіяхъ эмиграція изъ Россіи въ страны, находящіяся подъ американскимъ флагомъ, съ цѣлью устройства своего счастья, никогда не увѣнчается успѣхомъ, конечно за рѣдкими счастливыми исключеніями—и только разныя злобы дня, могущія сдѣлать существованіе на родинѣ невозможнымъ, могутъ загнать въ Америку злосчастнаго русскаго—но никакъ не добровольная эмиграція. Если русскій эмигрантъ не имѣетъ средствъ, чтобы проживать ихъ, какъ они проживаются въ Ниццѣ или Швейцаріи, а хочетъ существовать трудами рукъ своихъ, я не посовѣтовалъ-бы ему покидать предѣловъ Россіи—или если уже онъ такъ хочетъ покинуть свое отечество, то пусть ищетъ онъ новой родины скорѣе въ романскихъ или голландскихъ колоніяхъ и въ странахъ, гдѣ есть туземцы и притомъ не густое населеніе, какъ въ Индіи, но гдѣ ихъ такъ немного, какъ гдѣ-либо въ Аргентинѣ или Мексикѣ.

Въ Соединенныхъ-же Штатахъ сравнительно сносно устроились лишь наши меннониты—но и они лихомъ Россіи не поминаютъ, несмотря на то, что и имъ пришлось забраться въ самый удаленный отъ конкурренціи уголъ Дакоты и Небраски, и что они хотя и долго жили въ Россіи, но никогда ни по культурѣ, ни по строю жизни съ русскими ничего общаго не имѣли.

Пишу все это собственно потому, что мнѣ извѣстно, что по стопамъ г-на Криштафовича намѣревалось отправиться на Гаваи не малое число русскихъ эмигрантовъ. Слова нѣтъ, видѣть русскую колонію среди Тихаго океана было-бы крайне отрадно, но не менѣе грустно-бы было видѣть ея бѣдствія, которыя, мнѣ кажется, будутъ неминуемы, разъ придется стать между китайскою неприхотливостью здѣшнихъ рабочихъ и энер-

гіею и предпріимчивостью господствующихъ американцевъ. Впрочемъ, примѣръ д-ра Р. показываетъ, что и наши соотечественники, пройдя черезъ горнило многолѣтней жизни и борьбы, могутъ устроиться и на Сандвичевыхъ островахъ; но кромѣ д-ра Р. я знаю на Гаваи еще только одного соотечественника изъ Ковно, съ которымъ я познакомился и который съ годъ живетъ на островахъ, техникомъ на заводѣ, и не имѣетъ основанія жаловаться на свое положеніе. Но, хотя онъ еврей, но я думаю, что, при его практикѣ и знаніи, въ Россіи онъ могъ бы имѣть по меньшей мѣрѣ вдвое лучшее положеніе.

Но да проститъ мнѣ читатель это маленькое отступленіе отъ моего разсказа, вызванное воспоминаніемъ о случайной встрѣчѣ съ двумя русскими эмигрантами, которыхъ судьба закинула такъ далеко и безвозвратно изъ моего отечества на острова, гдѣ я былъ такимъ мимолетнымъ гостемъ. Возвращаюсь къ моему повѣствованію.

Если страна на западъ отъ Гонолулу представляетъ обиліе воздѣланныхъ площадей, то на востокъ, по направленію къ погасшему, но красивому конусу вулкана Diamond's head, она выжжена, и только около берега сѣрѣютъ заросли изъ Algeroba. Здѣсь помѣщаются морскія купанья Waikiki, около которыхъ расположенъ и садъ изъ финиковыхъ и кокосовыхъ пальмъ и представляющихъ каррикатуру на наши сосны казуариній. Гдѣ есть искусственное орошеніе — природа стремится производить роскошныя тропическія фирмы, но уже то, что все здѣсь посажено рукою человѣка, много отнимаетъ у нея прелести.

Зато видъ съ вершины Diamond's head выше всякаго сравненія. Необозримыя дали громаднаго голубого океана во всемъ своемъ величіи развертываются подъ ногами. Воздухъ такъ прозраченъ, что вы видите выпуклость океана, свидѣтельствующую о сферической формѣ земли, — и только для контраста клочокъ суши съ ея селеніями и садами виднѣется у вашихъ ногъ.

Панорамы Крыма съ высокихъ уступовъ Яйлы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣютъ отдаленное сходство съ этимъ видомъ съ Diamond's head. Но тамъ слишкомъ мало суши, и туманная дымка, соединяющая воедино море и небо, не даетъ и слабой доли понятія объ открывающемся глазу океанскомъ просторѣ.

Я не буду подробно описывать моихъ другихъ поѣздокъ по острову Оагу и экскурсіи на большой островъ Гаваи. Одна изъ характерныхъ особенностей американской цивилизаціи—это ея нивеллирующее дѣйствіе. Пока вы путешествуете по Индіи, Китаю, Японіи, вы видите оригинальные обычаи, своеобразную обстановку... Въ Америкѣ все нивеллировано, все на одинъ образецъ, точно все куплено въ одномъ магазинѣ, заказано на одной фабрикѣ. А потому объектовъ для описанія мало.

Благодаря быстроходной флотиліи маленькихъ пароходиковъ, до сихъ поръ еще носящихъ громкія имена лицъ нѣкогда царствовавшаго дома Камеамеа, вы можете скоро переѣзжать съ одного острова на другой. Въ полтора сутокъ вы, покинувъ бухту Гонолулу, достигаете Гило—пристани на островѣ Гаваи. По пути вы видите выжженные солнцемъ силуэты острова Молокаи, куда теперь ссылаютъ прокаженныхъ, и интересныя по своимъ потухшимъ кратерамъ горы острова Мауи, берега котораго пользуются извѣстностью у туземцевъ своими поющими песками. Пески эти состоятъ изъ смоченныхъ водою кусочковъ кораллов, которые, царапаясь другъ о друга, издаютъ при наступаніи на нихъ ногою поющіе звуки различныхъ тоновъ, что производитъ чрезвычайно оригинальное впечатлѣніе. Вообще всѣ острова здѣсь окружены коралловыми рифами; твердый коралловый известнякъ составляетъ подпочву берега, часто настолько твердую, что ее надо разрубать и насыпать въ ямы землю, чтобы посадить какое-нибудь растеніе. Эта-то твердая коралловая подпочва, уходя подъ воду прибрежныхъ лагунъ, дѣлаетъ то, что воды бухты здѣсь бываютъ совер-

шенно прѣсныя и мелкія, и здѣсь, какъ въ нашемъ Азовскомъ морѣ, вы можете наблюдать стада лошадей и коровъ, уходящія далеко въ море, чтобы напиться свѣжей прѣсной воды, которой при скудости источниками сухихъ западныхъ склоновъ острововъ довольно мало бываетъ на берегу.

Гило — деревушка, расположенная на восточномъ склонѣ Гаваи, т.-е. на томъ его склонѣ, который дождливъ и потому представляетъ рѣдкую противоположность болѣе сухому, требующему орошенія Гонолулу. Населеніе Гило столь-же смѣшанное, какъ и въ Гонолулу, такъ-какъ канаки тонутъ здѣсь въ смѣси китайцевъ, португальцевъ и американцевъ. Но природа здѣсь пышная. Всюду виднѣются высокія хлѣбныя деревья. Пандапусы, пальмы развиваются роскошнѣе, а кассіи и пойнціаны не уступаютъ по облику тропическимъ. Впрочемъ, какъ и въ Гонолулу, эта пышная растительность ютится только въ селеніи. Окрестности его только на небольшое пространство зеленѣютъ травою и одичавшими гуявами; далѣе-же глазу представляется мертвенное поле изъ громаднаго, еще невывѣтрѣлаго потока черной лавы, со всѣхъ сторонъ обступившаго селеніе. Этотъ потокъ есть одинъ изъ тѣхъ сюрпризовъ, которыми даритъ отъ времени до времени главный вулканъ острова Мауна-Лоа его жителей. Это море лавы обступило Гило, затопивъ его плодородныя окрестности всего нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, когда жители Сандвичевыхъ острововъ уже были всѣ христіанами. При наступленіи этого потока лавы совершилось чудо, которое надолго укрѣпило языческое суевѣріе въ головахъ туземцевъ.

Дѣло въ томъ,—какъ это легко можетъ видѣть всякій посѣтитель Гило,—что огненная рѣка лавы должна была неминуемо затопить селеніе. Жители со страхомъ смотрѣли, какъ огненный потокъ медленно приближался къ ихъ жилищамъ, и готовились къ бѣгству въ море. Но одна

старуха, кажется, тетка или двоюродная сестра Камеамеа, съ мужественною рѣшимостью заявила, что она остановитъ потокъ. Богиня лавы и изверженій, страшная Пеле, — сказала она, — должна послушаться послѣдней изъ представительницъ рода Камеамеа, оставшейся ей вѣрною. Она воздвигла близъ края двигавшагося потока алтари и принесла на нихъ, по древнему обычаю, свинью — единственное жертвенное и вообще единственное домашнее животное того до-европейскаго, языческаго періода канакской культуры. И лава остановилась. Потокъ остался въ томъ положеніи, въ какомъ мы его видѣли, застылъ и превратился въ мертвенную массу камня. Часахъ въ 2-хъ ходьбы отъ Гило и нѣсколько въ сторонѣ отъ потока ниспадаетъ небольшой водопадъ, окруженный темною зеленью океанійскихъ папоротниковъ и нѣжныхъ тропическихъ кустарниковъ. Онъ обыкновенно посѣщается заѣзжающими въ Гило туристами, но послѣ чудныхъ водопадовъ Японіи не производитъ сильнаго впечатлѣнія. Гораздо эффектнѣе дорога, ведущая къ вулкану и кратеру Келавеа, особенно первая ея часть, ближайшая къ Гило.

Здѣсь вы ѣдете черезъ дѣвственный лѣсъ панданусовъ, производящій совершенно особенное, своеобразное впечатлѣніе. Нигдѣ еще мнѣ не приходилось видѣть болѣе оригинальныхъ деревьевъ. Мы, въ нашихъ оранжереяхъ, подъ именемъ пандануса привыкли представлять фонтанъ болѣе или менѣе длинныхъ пилообразно-зазубренныхъ листьевъ, прикрѣпленныхъ къ толстому и короткому стеблю или стволу. Панданусы Явы, обрамляющіе тамъ берега Индійскаго океана, также скорѣе кустарники, чѣмъ деревья. Напротивъ, здѣсь вы видите передъ собою стволы часто гораздо толще человѣческаго туловища и высотою не уступающіе нашимъ средняго роста дубамъ. Какъ тѣла змѣй, эти сѣрые стволы голы, гладки и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ кольцами исписаны узорами отъ слѣдовъ когда-то сидѣвшихъ на нихъ листьевъ. Какъ змѣи, извиваясь,

отходятъ отъ главнаго ствола во всѣ стороны угловатыя кольчатыя вѣтви, несущія на концахъ своихъ пучки полосатыхъ листьевъ, напоминающіе метелки для смахиванія пыли, но громадныхъ размѣровъ. И подъ ними висятъ, съ человѣческую голову величиною, оранжевыя шишки, напоминающія формою нето ананасъ, нето громадную сосновую шишку. Эти плоды ароматичны, но тверды какъ дерево и разсыпаются на отдѣльныя сѣмена съ голубиное яйцо величиною, отлично приспособленныя для плаванья по водамъ. Прибавьте ко всему этому, что причудливыя деревья эти не стоятъ прямо на землѣ: ихъ стволъ при основаніи раздѣляется на нѣсколько подпорокъ и воздушныхъ корней, и на нихъ, какъ на треножникахъ, и возвышаются эти оригинальныя созданія растительнаго царства.

Впечатлѣніе, производимое пандановымъ лѣсомъ, единственное въ своемъ родѣ. Такими представляешь себѣ лѣса давно отжившихъ періодовъ. Еще болѣе напоминаютъ эти лѣса густыя чащи, черезъ которыя пролегаетъ дорога далѣе. Влажная почва напоминаетъ здѣсь материкъ тропиковъ. Но, вмѣсто пышнаго и разнообразнаго лѣса тропическихъ странъ, здѣсь развиваются чахлыя, съ поникшими вѣтвями, родственныя эвкалиптусамъ Австраліи миртовыя деревья. Подъ ихъ сѣнью высятся, съ нѣжными ваями, древовидные папоротники, а стволы упомянутыхъ миртовыхъ увиты до-верху почти удушающей дерево ліаною Freissinetia. Какъ декорація,—это пышная декорація тропической Океаніи. Но она донельзя однообразна и уныла и производитъ послѣ тропиковъ Азіи лишь самое жалкое впечатлѣніе. Выше, ближе къ кратеру Келавеа, древесная растительность исчезаетъ. Передъ вами открывается громадная даль покатой равнины, обликомъ весьма напоминающей вересчаники западной Европы. Почва покрыта громаднымъ разнообразіемъ вѣчно зеленыхъ приземистыхъ кустарниковъ, напоминающихъ обликомъ то нашу бруснику, то верескъ, и

покрытыхъ ягодами, изъ коихъ многія съѣдобны и вкусны. Такими пустырями пролегаетъ дорога до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ такъ-называемаго Volcano house. Американская компанія, содержащая маленькіе пароходики, бѣгающіе между островами, позаботилась объ удобствахъ здѣшнихъ туристовъ, гораздо болѣе чѣмъ крымскіе обыватели, съ крымскимъ клубомъ во главѣ, заботятся о своихъ посѣтителяхъ. Она организовала правильное экипажное (или, если хотите, и верховое) сообщеніе между Гило, кратеромъ Келавеа, расположеннымъ выше предѣла древесной растительности на Мауна-Лоа, и противоположнымъ берегомъ, куда заходятъ тѣ-же пароходы для нагрузки сахаромъ. Экипажи предлагаются весьма сносные, и, внеся 50 долларовъ въ Гонолулу, вы можете проѣхать на Гаваи, посѣтить Келавеа, останавливаясь въ гостинницахъ и пользуясь столомъ за ту-же цѣну, и странствуя около недѣли, хорошо осмотрѣть достопримѣчательности острова. Общество было даже настолько внимательно къ туристамъ, что оставило шпалеру дѣвственнаго лѣса по обѣимъ сторонамъ дороги къ кратеру. Между тѣмъ, если, вылѣзши изъ дилижанса, вы попробуете углубиться въ чащу древовидныхъ папоротниковъ и ліанъ, вы увидите, что за ними слѣдуютъ расчистки и порубки и вся удобная для воздѣлыванія почва занята кофейными плантаціями различнаго возраста.

Гостинницы Гило хотя и лучше нашихъ уѣздныхъ, но для европейца оставляютъ желать еще многаго. Содержимыя португальцами и помѣсью ихъ съ туземцами, они несутъ на себѣ печать португальскаго неряшества. Но этого никакъ нельзя сказать о прекрасной, содержимой норвежцемъ гостинницѣ на горѣ у кратера. Нѣчто подобное вы найдете у насъ въ Россіи развѣ только на Иматрѣ. Образцовая чистота, прекрасныя свѣтлыя комнаты, весьма недурной столъ и любезная и премилая хозяйка—хотя каначка, но воспитанная совершенно по-европейски, занимающая рѣдкихъ гостей музыкой, давая возможность подъ аккомпанементъ

паниментъ фортепьяно слушать мелодичныя пѣсни сандвичанъ — кажется единственнаго музыкальнаго народа, обитающаго на берегахъ Тихаго океана, такъ-какъ американцевъ, а тѣмъ болѣе японцевъ или китайцевъ къ числу таковыхъ причислить нельзя.

Къ сожалѣнію, вулканъ часто играетъ шутки съ содержателемъ гостинницы. Келавеа по характеру своихъ изверженій не похожъ на другіе вулканы: онъ напоминаетъ скорѣе наши сальзы Тамани, съ тою только разницею, что изъ нихъ вытекаетъ не лава, а грязь. Выше гостинницы, куда васъ ведетъ опытный проводникъ, расположенъ кратеръ. Въ нормальное время это—громадное озеро, наполненное лавою, кипящею, бросающею фонтаны искръ и пламени или превращающеюся въ море огня. Кратеръ не выбрасываетъ фонтаномъ пепла, брызги лавы и камешковъ, изъ него не подымаются столбы паровъ, какъ изъ другихъ вулканическихъ кратеровъ. Мауна-Лоа представляетъ полную противоположность горы Фузи. Та состоитъ изъ милліардовъ мелкихъ лавовыхъ камешковъ—эта исключительно изъ застывшихъ потоковъ лавы. Однимъ изъ источниковъ, откуда льются такіе потоки, является кратеръ Келавеа. Это громадная пропасть, въ которой, въ зависимости отъ каприза вулканическихъ силъ, огненножидкая лава то поднимается до уровня съ краями и медленно растекается по окружающей мѣстности, то снова опускается на недосягаемую глубину и скрывается въ облакахъ удушливыхъ газовъ, наполняющихъ пропасть.

Въ зависимости отъ колебаній лавы находится и колебаніе доходовъ почтеннаго хозяина келавейской гостинницы. Когда кратеръ полонъ, шлются въ Санъ-Франциско заманчивыя телеграммы. Сотни американскихъ туристовъ съ набитыми карманами устремляются на Сандвичевы острова. Гостинница наполнена народомъ. Партія за партіей направляется къ клокочущему огненному морю и, возвращаясь въ гостинницу, оставляютъ въ ея

книгѣ записи самаго восторженнаго свойства. Ни каньонъ Колорадо, ни гейзеры Іеллоустонскаго парка, ни сама величественная Ніагара не оставляютъ такого глубокаго впечатлѣнія, по словамъ ихъ, какъ эти клокочущія нѣдра земли.

Но вулканъ капризенъ. Поклокотавъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ утихаетъ; лава исчезаетъ, и тогда одиноко и уныло сидитъ хозяинъ въ своемъ отелѣ, бесѣдуя съ своею каначкою-женою, слушая ея пѣсни или жалуясь на судьбу случайно забредшимъ сюда туристамъ, попавшимъ, подобно мнѣ, на Сандвичевы острова по пути съ востока или—уже теперь правильнѣе говорить—съ заокеанскаго запада, и не имѣющимъ ни времени, ни возможности ожидать пробужденія дѣятельности вулкана.

Въ періоды отдыха, кратеръ Келавеа не интересенъ. Какъ я уже сказалъ, это глубокая, бездонная, наполненная паромъ пропасть, вокругъ которой расположилось застывшее море лавы.

Поверхность этихъ лавъ совершенно особенная. Нѣкогда жидкая масса застыла здѣсь въ видѣ морщинъ, разбѣгающихся во всѣ стороны и состоящихъ изъ безчисленнаго множества пузырьковь лаваго вещества, темнаго, блестящаго и отливающаго всѣми цвѣтами радуги. Нѣкоторые участки кажутся точно вылитыми изъ блестящей стали, другіе, вывѣтриваясь, принимаютъ розоватые оттѣнки. Только тонкая корочка у поверхности остыла. Тамъ, гдѣ лавовый потокъ образовалъ трещину, тамъ, въ этой трещинѣ, температура уже такъ велика, что воткнутая палка воспламеняется немедленно. Удушливые пары вырываются изъ такихъ трещинъ, и хожденіе по такому застывшему лавовому морю небезопасно. Повидимому, главныя массы лавовыхъ потоковъ устремляются на юго-западный склонъ острова. Потому тамъ къ естественной сухости почвы, обусловленной общимъ всѣмъ западнымъ склонамъ тихоокеанскихъ острововъ бездождіемъ, присоединяется еще мертвенность природы,

обусловленная невывѣтрѣлостью дѣвственной лавовой почвы.

Дѣйствительно, трудно себѣ представить контрастъ большій, чѣмъ тотъ, который видитъ глазъ на пути отъ Гило до Келавеа или до Volcano house, а отъ этого послѣдняго до противоположнаго берега моря.

Тамъ—пышная, роскошная растительность, влага и жирная латеритовая почва; здѣсь—большую часть пути приходится пробираться между обнаженными и распаленными солнцемъ глыбами черной лавы, на поверхности которыхъ чаще видишь свойственныя пустынямъ явленія дефляціи, чѣмъ признаки обыкновеннаго вывѣтриванія. Эта лава склоновъ совершенно иная, чѣмъ та, какую мы наблюдали около кратера. Это такъ-называемая Block-lava, лава, состоящая изъ громадныхъ глыбъ, точно навороченныхъ другъ на друга титанами, и придающая ландшафтамъ острова гораздо большую мертвенность и пустынность, чѣмъ во всѣхъ видѣнныхъ мною ландшафтахъ Сахары. Участки годной для обработки земли являются оазисами, но оазисы эти гораздо менѣе привлекательны, чѣмъ оазисы Сахары. Если слой почвы мелокъ и не пригоденъ для культуры сахарнаго тростника, это будутъ травянистыя луговины. Несмотря на окружающую пустыню, здѣсь вездѣ чувствуется вліяніе человѣка. Всѣ луговины раздѣлены заборами изъ колючей проволоки на участки, принадлежащіе отдѣльнымъ собственникамъ, и на многихъ изъ такихъ участковъ пасется рогатый скотъ; гдѣ почва лучше, ею всецѣло завладѣлъ сахарный тростникъ. Русла рѣкъ отведены для орошенія безконечныхъ пространствъ зеленѣющаго злака, море котораго не разнообразится ни деревцомъ, ни деревушкою. Кое-гдѣ среди этихъ полей пролегаютъ деревянные жолоба, отводящіе излишнюю воду. Струя воды, по нимъ текущая, влечетъ за собою массы тростниковыхъ стеблей, срѣзанныхъ рабочими, и они плывутъ къ расположенной ниже фабрикѣ, гдѣ попадаютъ прямо подъ колесо при-

водимой въ движеніе тою-же водою машины. Здѣсь выдавливается сахаръ и обработывается по общепринятымъ способамъ.

Фабрика представляетъ скопленіе лачугъ для рабочихъ. Такъ-какъ я совершалъ эту прогулку пѣшкомъ, то я остановился переночевать, не дойдя до берега, въ наиболѣе богатомъ домикѣ, принадлежавшемъ китайцу, гдѣ можно было имѣть сносный обѣдъ и ночлегъ. Хозяинъ нашъ былъ страстный собиратель марокъ, и его коллекція, должно быть, стоила ему не малой части его доходовъ, такъ-какъ онъ оцѣнивалъ ее свыше тысячи долларовъ. Дѣйствительно, это была одна изъ очень богатыхъ коллекцій, показывавшая, что страсть къ собиранію почтовыхъ знаковъ, обуявшая нашихъ гимназистовъ, не только не чужда и сынамъ небесной имперіи, но проникла даже и въ такія дебри, какъ уединенныя фабрики по склонамъ Гавайскихъ вулкановъ.

Другое явленіе, поразившее меня еще болѣе, это— развитіе телефоновъ и телефонной сѣти на островѣ. Весь островъ буквально опутанъ ими. Нѣтъ жалкаго хуторка, гдѣ-бы не было телефона.

На полпути отъ Volcano-house я останавливался въ маленькой хижинѣ въ пустынѣ у одинокаго полупомѣшаннаго американца, недѣлями не видящаго ни одного человѣческаго существа и находящаго развлеченіе въ бесѣдѣ съ индюками и индюшками, которыхъ онъ развелъ у себя въ изобиліи, приручивъ нѣсколько одичавшихъ на островѣ птицъ. И у этого Робинзона былъ телефонъ. Телефоны эти не имѣютъ центральной станціи. Поэтому, когда нужно говорить одному, звонитъ весь островъ. Правда, такая организація замѣняетъ газету, и если не говорить обиняками, то ваши секреты обѣгаютъ весь островъ, дѣлая излишними не только сплетницъ-кумушекъ, но и слишкомъ частые и неудобные визиты другъ другу. Но съ другой стороны звонъ колокольчика, начинающійся съ 5 часовъ утра и про-

должающійся до поздняго вечера, можетъ довести до изступленія мало-мальски нервнаго человѣка. Такъ или иначе, но я не безъ удовольствія добрался опять до берега океана и съ еще большимъ удовольствіемъ сѣлъ на пароходикъ, отходившій въ Гонолулу, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько дней окончательно покинуть республику.

За мѣсяцъ моего пребыванія въ ней я вынесъ менѣе, чѣмъ за нѣсколько дней пребыванія въ Японіи, и какъ туристъ, не могъ не пожалѣть о потерянномъ тамъ времени. Какъ ни кратокъ и какъ ни поверхностенъ данный мною очеркъ, изъ него, я думаю, читатели легко увидятъ, что эта группа острововъ Океаніи не представляетъ ничего оригинальнаго. Крымъ, Принцевы острова или даже любой изъ южно-швейцарскихъ курортовъ дастъ пожалуй больше уголковъ настоящей нетронутой природы, чудныхъ ландшафтовъ и близкихъ къ природѣ людей, чѣмъ этотъ архипелагъ Полинезіи, составляющій теперь во всѣхъ отношеніяхъ какъ-бы осколокъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ день отъѣзда, когда пароходъ Captic пришелъ на рейдъ Гонолулу и на этотъ разъ причалилъ у самой пристани, большія толпы народу вышли провожать отправлявшееся на востокъ судно. Эта толпа не производила, однако, впечатлѣнія праздныхъ островитянъ, провожавшихъ морское чудовище въ заморскія страны. Это была толпа европейцевъ, провожавшихъ своихъ на далекую родину, туда, куда и они, быть можетъ, охотно-бы последовали за ними. Только гирлянды ароматическихъ цвѣтовъ украшали шляпу и грудь уѣзжавшихъ — даръ туземцевъ, послѣдній, кажется, изъ исчезающихъ мѣстныхъ обычаевъ островитянъ.

Проводы были торжественны, такъ-какъ съ нами уѣзжалъ, между прочимъ, одинъ изъ министровъ республики — конечно, чистокровный американецъ. За пароходомъ слѣдовалъ катеръ, сопровождая нашъ отъѣздъ звуками музыки. Когда-то это былъ чисто на-

ціональный оркестръ. Онъ исполнялъ очень недурныя національныя пьесы, аранжированныя для европейскихъ инструментовъ. Послѣ революціи гавайцы отказались играть въ пользу республики и республиканское правительство организовало изъ всякаго сброду милицію и военную музыку. Какъ водится, когда берега бухты стали утопать въ голубыхъ водахъ моря, и сглаживаться детали чудной панорамы города, и катеру было пора возвращаться домой, былъ исполненъ очень недурной національный гавайскій гимнъ Hawai ponoi. Но къ нашему изумленію, въ тотъ моментъ, когда сброшенъ былъ канатъ, соединявшій наше судно съ катеромъ, гдѣ сидѣли музыканты, раздалась снова музыка, и Гонолулу проводилъ насъ излюбленнымъ американскимъ гимномъ Yankee doodle. Мнѣ это тогда показалось немножко не патріотичнымъ, но я не зналъ, что тайною мыслью министра было добиться присоединенія республики къ Соединеннымъ Штатамъ, въ качествѣ территоріи Гаваи. Недавно газеты извѣстили міръ, что порученіе это увѣнчалось успѣхомъ. Отнынѣ американскій орелъ царитъ надъ архипелагомъ, de facto уже давно ему принадлежавшимъ. Нѣкогда оригинальный по природѣ и по нравамъ полинезійцевъ уголокъ Океаніи сдѣлается моднымъ курортомъ для легочныхъ больныхъ Новаго Свѣта, какъ Мадейра играетъ эту роль для Стараго; а туземцы, послѣднія капли крови которыхъ растворяются въ англо-саксонскомъ морѣ, въ лучшемъ случаѣ будутъ поддерживать свое существованіе путемъ эксплуатаціи богатыхъ пріѣзжихъ, наподобіе крымскихъ татаръ или мадеранцевъ.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ-ПЕРВОЕ.

Отъ Санъ-Франциско до Закатекаса.

Я могъ-бы предшествующимъ письмомъ закончить мои воспоминанія, такъ-какъ все остальное, что мнѣ пришлось видѣть на моемъ пути въ Россію, были лишь мимолетныя впечатлѣнія. Сильное переутомленіе—слѣдствіе необходимости дѣлать въ одну недѣлю то, на что предположенъ былъ мѣсяцъ, окончательно расшатало мой организмъ, и когда я достигъ береговъ Америки, переходъ отъ тропическаго влажнаго воздуха къ сухому и холодному осеннему воздуху Санъ-Франциско сказался на моемъ здоровьѣ. Простуда, упадокъ силъ и энергіи имѣли слѣдствіемъ то, что я принужденъ былъ отказаться отъ предположеннаго путешествія черезъ центральную Америку и Антильскіе острова и избралъ путь кратчайшій—черезъ Соединенные Штаты. Я уже описывалъ на страницахъ «Книжекъ Недѣли» мои впечатлѣнія, вынесенныя изъ моего пребыванія въ Америкѣ во время геологическаго конгресса. На этотъ разъ мѣстами моихъ остановокъ были только Санъ-Франциско и El Paso въ Техасѣ, гдѣ я по болѣзни долженъ былъ провести около недѣли и откуда я дѣлалъ небольшую поѣздку въ Мексику и Новый Орлеанъ. Затѣмъ въ Нью-Іоркѣ я пересѣлъ прямо на пароходъ Norddeutscher Lloyd'а, шедшій въ Неаполь.

Азіатскій путешественникъ, попавъ въ Санъ-Франциско, находится въ условіяхъ совершенно иныхъ, чѣмъ

европеецъ, пріѣхавшій въ Нью-Іоркъ или Бостонъ. На востокѣ на него не обращаютъ вниманія; онъ самъ долженъ разобраться въ новыхъ условіяхъ американской жизни. Для американца онъ не интересенъ, если хотите даже не желателенъ. Иное на дальнемъ Западѣ. Здѣсь прекрасно знаютъ, что изъ 10 пріѣзжихъ бѣлыхъ по крайней мѣрѣ 9 не останутся въ Санъ-Франциско: они поѣдутъ далѣе на востокъ, и по крайней мѣрѣ половина ихъ—европейцы, ѣдущіе на родину. Имъ придется пересѣчь континентъ по желѣзной дорогѣ, а такъ-какъ теперь такихъ дорогъ цѣлыхъ три, не считая канадской, то естественно, что эти линіи конкуррируютъ другъ съ другомъ и конкурренція эта выражается, между прочимъ, тѣмъ, что уже на пароходѣ васъ атакуютъ агенты дорогъ, предлагая свои услуги по устройству вашихъ дѣлъ и взятію билетовъ прямого сообщенія. Это чисто американское предпріятіе. Люди хлопочутъ для васъ даромъ, съ любезностью и предупредительностью, столь мало свойственными янки. Они васъ доставляютъ въ отель, устраиваютъ отправку вашихъ вещей, проводятъ васъ черезъ таможню. Таможня здѣсь, кстати сказать, послѣ нашей одесской, самая непріятная въ мірѣ такъ-какъ чиновники здѣшніе если и не мучаютъ, какъ въ Одессѣ, бумажною волокитою, зато считаютъ своимъ долгомъ тщательно пересмотрѣть каждую вещь, до грязнаго бѣлья включительно, и хотя въ концѣ концовъ отпускаютъ пассажира съ миромъ, но зато приводятъ его сундукъ и чемоданъ въ такое хаотическое состояніе, изъ котораго не скоро потомъ можно будетъ привести ихъ въ порядокъ. Агенты желѣзныхъ дорогъ являются вашими проводниками въ городѣ и оставляютъ васъ только тогда, когда посадятъ въ вагонъ желѣзной дороги того самаго поѣзда, съ которымъ нужно ѣхать. Надобно сознаться, всѣ эти заботы весьма не лишни, такъ-какъ порядки американскіе во многомъ отличны отъ нашихъ. Не всякій, напр., знаетъ, что въ Америкѣ не принято возить своего багажа съ собою, но сдавши его экспе-

дитору, приглашенному на квартиру или въ номеръ гостинницы, вы его получаете затѣмъ въ гостинницѣ того города, куда ѣдете, или у себя на квартирѣ, не заботясь о перевозкѣ его на вокзалъ, не возясь съ носильщиками и т. п. Это все очень удобно, но зато горе вамъ, если вы не знаете этого правила. Вы заплатите бѣшеныя деньги за извозчиковъ и наплачетесь, не найдя ни носильщиковъ на вокзалѣ, ни мѣста для багажа въ вагонѣ. Эти и тому подобныя мелочи американской жизни дѣлаютъ помощь агента чрезвычайно пріятной, вы невольно ввѣряете ему свою судьбу, а онъ, конечно, направляетъ васъ по тѣмъ линіямъ, которыя его наняли. Для человѣка, стремящагося въ Европу, это, конечно, все равно; онъ уѣзжаетъ, восхищенный своимъ агентомъ; но для туриста оно не безразлично, такъ-какъ для него закрытъ выборъ и свобода дѣйствій и онъ уже не можетъ отступить отъ разъ даннаго ему маршрута. Въ сущности эти агенты столь-же опасны для самостоятельнаго путешественника, какъ и итальянскіе чичероне или египетскіе драгоманы. Разница вся только въ томъ, что этимъ послѣднимъ платитъ за свою безхарактерность и незнаніе условій самъ пріѣзжій непосредственно — въ Америкѣ-же посредникомъ является бюро желѣзнодорожной компаніи, оплачивающей трудъ своего комиссіонера.

Санъ-Франциско я описывать не буду. Чтобы его описать какъ слѣдуетъ, здѣсь надобно прожить мѣсяцъ; если-же посвятить ему бѣглый обзоръ, какъ то сдѣлалъ я, то впечатлѣніе получится такое-же, какъ и отъ всякаго американскаго дѣлового города вообще. Атмосфера полная дыму и чаду отъ фабричныхъ трубъ, составляющая рѣзкую противоположность атмосферѣ городовъ далекаго Востока, центральная часть города—City съ многоэтажными каменными домами и шумными темными улицами, съ электрическимъ освѣщеніемъ и электрическою конкою; окраины съ деревянными и каменными, увитыми зеленью котэджами; паркъ съ вѣчно зеленой

или точнѣе вѣчно сѣрой зеленью эвкалиптовъ, акацій и чудными группами хвойныхъ, и, наконецъ, за городомъ, видъ на безбрежный океанъ и заходящее въ его волнахъ солнце. Отъ другихъ городовъ Америки Санъ-Франциско отличается тѣмъ, что въ его сердцѣ помѣщается такъ-называемый China town, или китайскій кварталъ, о которомъ такъ много кричали американцы и который въ сущности, по отношенію къ размѣрамъ города, будетъ гораздо меньше еврейскаго квартала любого изъ западно-русскихъ городовъ. Это просто нѣсколько улицъ, въ общемъ ничѣмъ не отличающихся отъ другихъ улицъ американскаго города, кромѣ развѣ изобилія китайскихъ лавокъ, гдѣ проѣзжіе американцы могутъ покупать въ три-дорога китайскіе и японскіе товары. Въ переулкахъ, правда, немножко пахнетъ Китаемъ, и по вечерамъ здѣсь всюду свѣтятся лавочки, гдѣ сыны Небесной имперіи играютъ въ азартныя игры, до которыхъ они такіе охотники, слышится нестройная музыка китайскаго театра и шныряютъ китайцы въ своихъ національныхъ костюмахъ. Но чтобы все это представляло уголокъ Китая въ центрѣ американскаго города, какъ то утверждаютъ американскіе рекламисты, до этого еще, конечно, очень далеко.

Бѣдные сыны неба жестоко преслѣдуются американцами. Имъ ставится въ вину ихъ трудолюбіе, то, что не гоняясь за большою наживою, работаютъ дешевле, лучше и больше, чѣмъ американцы; они проживаютъ очень мало денегъ въ Америкѣ и увозятъ всѣ собранные капиталы на родину, т. е. другими словами поступаютъ такъ, какъ добрыхъ $^3/_4$ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію и поселяющихся въ ней.

Американцы смотрятъ на такое отношеніе къ богатствамъ страны своей иначе, чѣмъ мы, и не желая, чтобы капиталы страны ихъ утекали за Тихій океанъ, они не только воспретили дальнѣйшій пріѣздъ китайцевъ въ Соединенные Штаты, но и постарались избавиться отъ

большинства временно проживающихъ. Сыны Небесной имперіи стѣснены строжайшею паспортною системою, и врядъ-ли когда-либо иностранецъ, пріѣзжающій въ Россію, испытывалъ такія затрудненія, какія встрѣчаетъ китаецъ, которому хотя-бы по дѣлу слѣдовало пріѣхать въ Америку. Такими-же паспортами связаны и китайцы, навсегда поселившіеся въ Штатахъ, и кто-кто, но не желтолицые могутъ говорить о свободѣ личности въ странѣ янки. Такимъ-же образомъ ограничить свободу въѣзда помышляютъ теперь и для японцевъ, которыхъ американскіе рабочіе считаютъ для себя конкуррентами чуть-ли не болѣе опасными, чѣмъ китайцевъ. Дѣйствительно, масса японской молодежи изъ бѣдныхъ классовъ стремится въ Санъ-Франциско исключительно затѣмъ, чтобы учиться. Такой японецъ поступаетъ часто на какую угодно работу, буквально даромъ—за столъ и квартиру и право нѣсколько вечернихъ часовъ ходить въ школу. Честные и трудолюбивые подданные микадо исполняютъ свою обязанность, конечно, гораздо лучше, чѣмъ деморализованный сбродъ, являющійся въ Санъ-Франциско съ востока, а потому естественно они и создаютъ этому послѣднему черезчуръ сильную конкурренцію. Чтобы положить конецъ этой послѣдней, янки мечтаютъ закрыть Америку японцамъ, точно такъ-же, какъ они закрыли ее китайцамъ. Между тѣмъ, въ населеніи Санъ-Франциско японцы играютъ болѣе чѣмъ ничтожную роль.

Въ общемъ масса народа въ Санъ-Франциско уже не носитъ того смѣшаннаго характера, что въ Гонолулу. Вы здѣсь уже у американцевъ, у янки съ испитыми физіономіями, съ какимъ-то стеклянымъ взглядомъ жосткихъ стекляныхъ глазъ, и въ обтрепанныхъ костюмахъ. Этою послѣднею чертою западная Америка отличается отъ западной Европы и напоминаетъ скорѣе Россію. Русскій человѣкъ, попавшій прямо изъ отечества на улицу западноевропейскаго города, въ 9 случаевъ изъ 10, окажется одѣтымъ ниже средняго уровня массы, производящей на

него впечатлѣніе разодѣтой и франтоватой. Напротивъ, американцы въ среднемъ мало заботятся о внѣшности. Уличная масса скорѣе одѣта неряшливо. Ея манеры грубы, и эта грубость представляетъ рѣзкій контрастъ съ тою вѣжливостью и утонченностью манеръ, какую вы оставили за собою на Востокѣ. Насколько въ Японіи бѣднякъ поражалъ васъ воспитанностью, настолько здѣсь поражаешься, встрѣчая въ обстановкѣ роскошныхъ залъ, раззолоченныхъ, убранныхъ зеркалами вагоновъ лицъ съ манерами, которыя у насъ не считаются приличными даже въ кругу чернорабочихъ.

Особенно непріятно поражаетъ сильно распространенная у американцевъ привычка плевать направо и налѣво, какъ у насъ плюютъ только неумѣренно курящіе махорку солдаты, и класть куда попало свои ноги. Вообще обстановка американца Запада производитъ впечатлѣніе роскоши человѣка, нажившаго себѣ средства, но не выработавшаго той культурности, того вкуса, который сквозитъ въ каждой мелочи обстановки японца. Здѣсь вы видите зачастую безумную роскошь, но эта роскошь какъ-то неумѣстна, ненужна; здѣсь, правда, какъ и въ Японіи, нація вся цѣликомъ въ своихъ школахъ получаетъ прогимназическое образованіе, и три учрежденія—церковь, школа и кабакъ—закладываются первыми при основаніи деревни, но культивирующее вліяніе школы слабо—и американецъ Запада есть все-таки цивилизованный звѣрь.

Лично я провелъ въ С.-Франциско и El Paso слишкомъ мало времени, чтобы дать рядъ личныхъ впечатлѣній нравовъ того общества, гдѣ еще такъ недавно законъ Линча имѣлъ полную силу, но въ моемъ распоряженіи были ежедневно въ большомъ количествѣ выходящія мѣстныя газеты, съ чисто американскимъ хладнокровіемъ рисующія въ мѣстной хроникѣ такія картины мѣстныхъ нравовъ, что я, боясь встрѣтить недовѣріе читателя, никогда не рѣшился-бы ихъ цитировать, если-бы у

меня по сю пору не хранились тѣ №№ «El Paso Times» и нѣкоторыхъ другихъ газетъ, гдѣ приводятся эти случаи, перепечатанные затѣмъ въ другихъ газетахъ и хорошо извѣстные всей американской публикѣ.

Случаи жестокости нравовъ, прямо невозможной на материкѣ Европы, пестрятъ столбцы этихъ газетъ, и ни въ чемъ это безсердечіе и жестокость американца не проявляется въ такой рѣзкой формѣ, какъ въ отношеніяхъ къ неграмъ. Въ Санъ-Франциско этихъ послѣднихъ очень мало. Здѣсь козлищами отпущенія расовой нетерпимости являются китайцы, но, когда вы покинете этотъ городъ и переѣдете за Каскадныя горы въ Техасъ, этотъ столь нежелательный для американцевъ элементъ населенія начинаетъ встрѣчаться чаще и чаще, и чѣмъ больше его численность, тѣмъ нетерпимѣе относится къ нему бѣлый. За что ненавидятъ здѣсь негра, понять трудно. Онъ работаетъ какъ волъ, онъ нетолько чернорабочій, но и мелкій торговецъ и промышленникъ, весьма полезный въ краѣ. Изъ негровъ-же состоитъ большая часть прислуги. Но это человѣкъ другой расы, другого склада ума и характера, и главное, это недавній рабъ, котораго насильственно освободили сѣверные штаты—чего ему никогда не простятъ южане. И вотъ въ странѣ, которая на весь міръ кричитъ о своей свободѣ и либерализмѣ, на этого негра воздвигнуто такое гоненіе, что врядъ-ли въ эпоху, описываемую Бичеръ-Стоу, ему жилось лучше, чѣмъ въ настоящее время. Убить негра, застрѣлить его какъ собаку не считается преступленіемъ—и бѣлый за весьма небольшой бакшишъ выйдетъ всегда правымъ изъ трибунала.

Негръ не имѣетъ права вступать въ торговыя и другія компаніи съ бѣлымъ. Если онъ вступитъ въ бракъ съ американкой, въ нѣкоторыхъ штатахъ его дѣти не признаются законными и гражданами, и они должны эмигрировать въ Мексику, чтобы искать хоть какихъ-нибудь правъ на существованіе. Въ Техасѣ, Луизіанѣ и смеж-

ныхъ штатахъ расовая ненависть доходитъ до того, что негровъ превратили въ полномъ смыслѣ слова въ паріевъ Индіи, всякое общеніе съ которыми оскверняетъ. При мнѣ былъ случай, что когда негръ изъ зажиточнаго класса сѣлъ въ вагонъ 1-го класса и администрація поѣзда отказалась по требованію пассажировъ вывести его вонъ, такъ-какъ онъ заплатилъ стоимость своего билета, то на первой-же станціи всѣ пассажиры до одного отказались продолжать путь въ этомъ поѣздѣ—и компанія, боясь потерпѣть убытки, заставила негра удалиться. Другой разъ одинъ изъ министровъ республики Санъ-Доминго, прибывшій въ Новый Орлеанъ, былъ принужденъ ѣхать на пароходѣ въ 3-мъ классѣ, такъ-какъ его не пустили въ 1-й, куда допускаютъ только бѣлыхъ. Изъ пансіона въ Цинцинати выключили успѣшно учившагося мальчика только за то, что онъ имѣлъ настолько смуглый цвѣтъ кожи, что директоръ заподозрилъ въ немъ примѣсь негритянской крови—и оскорбленные родители возбудили процессъ, доказывая, что ребенокъ ихъ—чистокровный бѣлый. Негръ долженъ жить отдѣльно, вступать въ бракъ только съ черными, имѣть дѣла только съ неграми—для бѣлыхъ-же въ лучшемъ случаѣ быть рабомъ, какимъ онъ былъ до войны за освобожденіе.

Если у насъ въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ бывали, и къ сожалѣнію, еще бываютъ случаи, когда какой-нибудь закоренѣлый крѣпостникъ, получивъ случайно власть надъ бывшими крестьянами, старается выместить на нихъ лишеніе бывшаго своего вліянія, то всѣ формы, въ какихъ у насъ проявлялось это превышеніе власти, ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, какія позволяетъ себѣ американское общество по отношенію къ якобы свободнымъ неграмъ. Смѣло можно сказать, что въ то время, какъ цивилизація въ Индіи разрушаетъ тамъ слѣды кастовыхъ предразсудковъ, позволяя дышать свободнѣе паріямъ—на материкѣ Новаго Свѣта «свобод-

ной» американской націей создается новая каста чернокожихъ паріевъ.

Само собою разумѣется, что de jure свободные негры, изъ среды которыхъ въ штатахъ болѣе сѣверныхъ, какъ въ Виргиніи и Каролинѣ, есть доктора, юристы и университетски образованные люди, ведутъ слабую борьбу противъ такого безправія. Но въ штатахъ южныхъ и юго-западныхъ они еще не скоро добьются чего-либо.

Бываютъ случаи покушенія со стороны чернокожихъ на запретный плодъ—на любовь бѣлой женщины. И безразлично, будь это на почвѣ самой чистой и поэтической взаимной привязанности или, напротивъ, на почвѣ грубаго насилія, но чернаго виновника нарушенія кастоваго предразсудка неминуемо ожидаетъ судъ Линча.

Счастье его, если его пристрѣлятъ какъ собаку или повѣсятъ по приговору суда, такъ-какъ нерѣдки бывали случаи, что разъяренная толпа вырывала преступника изъ-подъ стражи и расправлялась съ нимъ самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ способомъ. Въ ту недѣлю, когда я оставался для поправленія здоровья въ El Paso, въ городкѣ, лежащемъ за нѣсколько сотъ верстъ, въ томъ-же Техасѣ, толпа наказала такого негра тѣмъ, что *сожгла его живымъ на площади*. На экзекуцію любовалось не менѣе 7 000 человѣкъ, и между ними не нашлось ни одного, который выразилъ-бы протестъ противъ столь грубой расправы. Герои сообщали о совершившемся, какъ обыденномъ фактѣ, безъ малѣйшаго тона негодованія, да для обывателя Техаса фактъ этотъ и является обыденнымъ, такъ-какъ онъ повторяется далеко нерѣдко. Всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, негра, за подобнаго-же рода преступленіе, подвергли еще болѣе жестокой пыткѣ: ему камнями на площади разможжили послѣдовательно всѣ кости, суставъ за суставомъ, начиная отъ кончиковъ пальцевъ и до реберъ включительно.

Въ Китаѣ существуетъ казнь за отцеубійство и измѣну отечеству, казнь, практикующаяся въ рѣдкихъ и

исключительныхъ случаяхъ, заключающаяся въ томъ, что преступника разрѣзаютъ на 32 или 48 частей, отсѣкая послѣдовательно членъ за членомъ. Объ этой казни говорятъ какъ о доказательствѣ безчеловѣчности и безчувственности китайцевъ. Мы ужасаемся вспомнить о варварствѣ прошлыхъ вѣковъ, о временахъ сожженія Іоанна Гуса. И что-же? Теперь среди націи, пользующейся всѣми благами цивилизаціи, телефонами и желѣзными дорогами, воспитывающейся въ школахъ, знакомой и съ алгеброй и съ геометріей, съ исторіей и географіей, среди націи, высылающей въ Китай и Центральную Африку сотни миссіонеровъ,—мы видимъ сцены самаго дикаго варварства. Будь эти казни совершены какою-нибудь шайкою злодѣевъ, будь онѣ совершены во время войны, когда толпа опьянена кровью, онѣ могли-бы найти если не оправданіе, то объясненіе. Но когда 7000 человѣкъ хладнокровно смотрятъ, какъ истязаютъ и жгутъ живьемъ имъ подобнаго за преступленіе, въ которомъ, судя по нравамъ Техаса, добрыхъ 10% толпы виновно не менѣе чѣмъ ихъ жертва, тогда невольно задумаешься надъ вопросомъ, прогрессируетъ-ли человѣчество параллельно съ успѣхами его внѣшней цивилизаціи и не остаются-ли сословные предразсудки и звѣрскіе инстинкты подъ крахмальной рубашкой и пиджакомъ гражданина Соединенныхъ Штатовъ въ той-же степени, какъ подъ звѣриной шкурой и поясомъ стыдливости столь ненавистныхъ американцамъ сыновъ Африки. Таковы по крайней мѣрѣ тѣ элементы, которые легли въ основу населенія Санъ-Франциско, El Paso и многихъ другихъ городовъ юго-западныхъ штатовъ.

Приведенныхъ фактовъ, прежде всего бросающихся въ глаза при чтеніи мѣстной хроники, мнѣ кажется, достаточно, чтобы ослабить то преувеличенное представленіе о либеральности и благоустройствѣ Штатовъ, какое у насъ почему-то такъ распространено. Тотъ, кто поживетъ въ нихъ подолѣе, встрѣтится и съ рядомъ

другихъ темныхъ сторонъ. Врядъ-ли сама Сибирь когда-либо слышала о тѣхъ примѣрахъ взяточничества, воровства, подкупности судей, недобросовѣстности и нахальной беззастѣнчивости рекламы, которыхъ сотни приведетъ вамъ первый попавшійся американскій старожилъ. Но я не буду приводить ихъ здѣсь, не имѣя возможности ни провѣрить лично, ни подтвердить документами, какъ вышеприведенные примѣры. Скажу одно, что радужныя краски, какими иногда описываютъ американскую жизнь, должны быть пропущены сквозь очень темную призму, чтобы онѣ не ввели въ заблужденіе увлекающагося и легковѣрнаго читателя.

Если въ смыслѣ культурности американцы запада производятъ впечатлѣніе далеко неблагопріятное, то совершенно иначе дѣйствуютъ успѣхи цивилизаціи. Именно здѣсь, на дальнемъ юго-западѣ, видимъ, какая громадная сила въ рукахъ американца въ его изобрѣтеніяхъ и энергіи и что онъ здѣсь дѣлаетъ изъ мертвенной природы. Линія тихоокеанской дороги, какъ только она свернетъ на востокъ, миновавши Los Angelos, въ сущности пересѣкаетъ пустынныя и скалистыя мѣстности, обнаженнымъ желтобурымъ цвѣтомъ своимъ напоминающія скалы греческаго архипелага. Растительность также здѣсь крайне непрезентабельная. На равнинахъ господствующими формами являются невысокія, искривленныя кустистыя юкки, точно нарочно измятые и изуродованные рукою человѣка мелкіе кактусы, сливообразныя растенія, и немногія колючки, между ними растущія, мало закрываютъ почву. Весь ландшафтъ носитъ мертвый, безжизненный характеръ, кромѣ мѣстъ, куда искусственно проведена вода и гдѣ, благодаря искусственному орошенію, существуетъ болѣе свѣжая растительность. На такихъ пространствахъ, насколько можно было по крайней мѣрѣ судить изъ оконъ вагона, господствуетъ культура фруктовыхъ деревьевъ тѣхъ знаменитыхъ California fruit, которыми край этотъ снабжаетъ

всѣ штаты. Главнымъ образомъ кидаются въ глаза высокія и рослыя апельсинныя деревья, съ ихъ тонкою листвою и правильными громадными кронами, которыя могли-бы привести въ восторгъ любого садовода.

Такіе сады часто занимаютъ здѣсь громадныя площади. Значительная часть американской пустыни Mohave, этой маленькой американской Сахары, благодаря ловкимъ ирригаціоннымъ сооруженіямъ превращена въ апельсинные сады. Но въ ландшафтномъ отношеніи сады эти представляютъ мало привлекательнаго; въ нихъ нѣтъ поэзіи оливковыхъ рощъ и апельсинныхъ садовъ Италіи или Испаніи. Деревья, разсаженныя правильными рядами, напоминаютъ громадную плантацію. Они занимаютъ громадное пространство. Одно похожее на другое, они наводятъ уныніе—и съ удовольствіемъ видишь потомъ опять каменистые склоны горъ, сухіе, бурые, на которыхъ тамъ и сямъ, какъ свѣчи исполиновъ, возвышаются громадные папоротники—Cereus, или въ разсѣлинѣ пріютились сѣрые кустики Algeroba.

Ночь застигла нашъ поѣздъ въ области этихъ горъ— и на слѣдующее утро мы уже были на плоскогоріи на границѣ съ Мексикою и поѣздъ подходилъ къ городку El Paso, откуда начиналась мексиканская линія, ведшая на югъ, въ столицу республики, въ Mexico-city. Болѣзнь заставила меня остановиться въ этомъ городѣ—и этимъ самымъ дала возможность познакомиться съ оригинальнымъ захолустьемъ Соединенныхъ Штатовъ.

Представьте себѣ слегка волнистую, голую, выжженную равнину. Тамъ и сямъ на горизонтѣ разбросаны невысокіе холмы, или каменистые, или одѣтые низкорослымъ, приземистымъ кустарникомъ, обликомъ, если хотите, похожимъ на нашу березу: это такъ-называемый Mesquit. Ни намека на пашню, поле или какую-нибудь культурную дѣятельность человѣка. Я уподобилъ-бы этотъ ландшафтъ ландшафту Ливійской пустыни, еслибы кустарникъ не игралъ здѣсь значительно большей роли. Эту пустыню

пересѣкаетъ рѣка, по берегамъ которой разбросаны пожелтѣвшіе отъ осенняго вѣтра тополи и видны какіе-то намски на поля и фруктовые сады. Это—Ріо-Гранде, пограничная рѣка Мексики и Соединенныхъ Штатовъ. По сю сторону рѣки вы видите незначительную группу домовъ, составляющихъ нѣсколько улицъ. Въ четверть часа смѣло можно пройти отъ одного конца селенія до другого. Тѣмъ не менѣе, дома, составляющіе центръ, могли-бы служить украшеніемъ любой изъ улицъ лучшихъ городовъ Россіи. Въ магазинахъ—зеркальныя стекла, за которыми выставлены хорошіе экземпляры всѣхъ рѣшительно предметовъ потребности культурнаго человѣка и въ томъ числѣ немало хорошихъ книгъ. Конка, сѣть телефонныхъ проволокъ и даже электрическое освѣщеніе дополняютъ убранство мощеныхъ и въ порядкѣ содержимыхъ улицъ. Вы сказали-бы, что это кварталъ хорошаго, благоустроеннаго большого города, вырванный и брошенный въ пустынѣ. По окраинамъ этого квартала въ одну сторону разбросано небольшое число деревянныхъ лачугъ и бараковъ, въ другую, западную, нѣсколько улицъ хорошенькихъ, окруженныхъ зеленью садовъ, каменныхъ и деревянныхъ котэджей. Это—El Paso, послѣдній, пограничный городъ штата Техасъ.

Черезъ мостъ и рѣку вы проѣзжаете изъ него въ сосѣдній Ciudad-Xuarez—мексиканскій городъ, и разница между нимъ и городомъ Соединенныхъ Штатовъ будетъ по крайней мѣрѣ втрое больше, чѣмъ та, какую мы наблюдаемъ въ культурномъ обликѣ городовъ и деревень, переѣзжая изъ Германіи въ Россію. Дѣйствительно, изъ обстановки чуть ни XX-го вѣка вы переноситесь чуть-ли не въ XV-й. Ciudad-Xuarez представляетъ изъ себя типичный туркестанскій оазисъ. Это группа кубическихъ сакель, большею частью глиняныхъ, съ плоскими крышами, маленькими окнами и большими входными дверями. Въ Египтѣ, въ Бухарѣ встрѣтите вы этого типа постройки, но какъ-то странно видѣть ихъ на континентѣ Но-

ваго Свѣта. Здѣсь какъ нельзя лучше можно видѣть, что аналогичная обстановка человѣка, созданная природою, создаетъ и аналогическіе типы культуры. Дѣйствительно, селенія и города сѣверной части мексиканскаго нагорья представляютъ лишь дальнѣйшій шагъ развитія тѣхъ pueblos краснокожихъ индѣйцевъ, какія мы встрѣчаемъ въ Техасѣ. Тамъ въ долинахъ и ущельяхъ еще сохранились полуосѣдлые краснокожіе, и ихъ селенія поразительно сходны и по архитектурѣ домовъ, и по матерьялу, изъ котораго эти дома построены, съ кишлаками осѣдлаго населенія нашего Туркестана. Испанцы немного прибавили къ ихъ обстановкѣ. Каминъ въ углу, нѣсколько стульевъ, столъ — вотъ скромная обстановка здѣшняго обывателя.

Я видѣлъ школу, и эта послѣдняя заставила-бы съ гордостью поднять голову даже несчастную русскую сельскую школу. Послѣ-же дворца, воздвигнутаго въ El Paso, она казалась насмѣшкою надъ учрежденіями этого рода. Въ мексиканскомъ городѣ, кромѣ жалкаго сквера, съ памятникомъ президента, нѣтъ никакихъ достопримѣчательностей. Лавчонки скудостью и грязью напоминаютъ лавки нашихъ большихъ селъ, и точно также вы найдете въ нихъ коллекцію всего, что нужно для скромныхъ потребностей мексиканскаго обывателя.

Если при переѣздѣ изъ Германіи въ Россію наше крестьянское, одѣтое въ сермяги населеніе кажется громадною толпою нищихъ, то послѣ Соединенныхъ Штатовъ населеніе Мексики производитъ впечатлѣніе царства бандитовъ. Дѣйствительно, мексиканецъ производитъ на пріѣзжаго впечатлѣніе болѣе чѣмъ странное. Представьте себѣ субъекта въ широкихъ кожаныхъ штанахъ, большею частью желтаго цвѣта, когда-то расшитыхъ шелками, но вылинявшихъ и вымазанныхъ чуть-ли не дегтемъ, какъ у Гоголевскихъ запорожцевъ. На рваную рубашку, черезъ которую просвѣчиваетъ смуглое тѣло, черезъ плечо переброшено

байковое красное одѣяло въ видѣ плаща. Голову съ огненными глазами и черными какъ смоль усами увѣнчиваетъ соломенная шляпа съ широкими полями и длиннымъ острымъ верхомъ, какъ у Пьерро, или вродѣ тѣхъ колпаковъ изъ бумаги, какіе иногда дѣлаются для рождественскихъ хлопушекъ. Все вмѣстѣ производитъ впечатлѣніе, не внушающее никакого довѣрія къ носителю такого костюма, особенно когда вы, какъ это довольно часто случается, видите ручку револьвера, засунутаго за широкій поясъ, которымъ поддерживаются шаровары. Но обращеніе мексиканцевъ, надо имъ отдать справедливость, гораздо вѣжливѣе, чѣмъ у янки, и кажется, что подъ костюмомъ бандита скрывается благовоспитанный джентльменъ. Такое, впрочемъ, впечатлѣніе получается отъ мексиканцевъ болѣе южныхъ городовъ. Въ Ciudad-Xuarez, какъ и въ El Paso, главная масса населенія состоитъ изъ самаго подозрительнаго сброда: посѣтителей азартныхъ игорныхъ домовъ, контрабандистовъ, шулеровъ и другихъ любителей легкой наживы, между которыми евреи играютъ далеко не послѣднюю роль, и что интересно, здѣсь немало русскихъ евреевъ изъ западнаго края, русскія фамиліи которыхъ красуются на вывѣскахъ ихъ магазиновъ. Эти люди очевидно также нашли большую аналогію между условіями жизни на границѣ русско-германской и мексиканско-сѣверо-американской, и практика, выработанная гдѣ-нибудь въ Александровѣ или Границѣ, оказалась какъ нельзя лучше пригодной для Ciudad-Xuarez.

Въ общемъ жизнь обоихъ городишекъ монотонна и мертвенна, какъ мертвененъ пустынный ландшафтъ ихъ окружающихъ горъ и равнинъ. Безукоризненно голубое небо, чистотою и ясностью соревнующее съ нашимъ малороссійскимъ, сіяетъ надъ страною, гдѣ, несмотря на ея близость къ тропикамъ, въ ноябрѣ было уже настолько холодно, что въ осеннемъ пальто чувствовалась прохлада и термометръ держался около нуля. Желтые листья тополей уныло обсыпались, и картина поздней осени сѣвера Мексики мало

чѣмъ отличалась отъ осенней панорамы юга Войска Донского или Екатеринославской губерніи. Поэтому, какъ только я почувствовалъ себя немножко лучше, я поспѣшилъ воспользоваться короткимъ, оставшимся до отхода нью-іоркскаго парохода срокомъ, чтобы проѣхать южнѣе, и сѣлъ на поѣздъ, отправляющійся въ г. Закатекасъ.

Въ настоящее время вдоль всего Мексиканскаго плоскогорья тянется линія желѣзной дороги, дающая нѣсколько вѣтвей вправо и влѣво, къ Тихому океану и Мексиканскому заливу. Желѣзная дорога эта — точная копія съ сѣверо-американскихъ: тѣ-же вагоны 1-го класса съ неудобными для спанья, обитыми бархатомъ сидѣніями; тѣ-же роскошные спальные вагоны, тѣ-же порядки. Но страна, по которой тянется главная линія, поражаетъ своею пустынностью. Развѣ только на закаспійской дорогѣ встрѣтите вы у насъ нѣчто подобное. Сутками мчится поѣздъ по ровному какъ степь плато, гдѣ ни стада, ни селенія не нарушаютъ его мертвенной пустынности. Станціонныя постройки одиноко возвышаются среди этого безлюдья. Рѣдко когда сгруппируется около нихъ какой-нибудь десятокъ кубическихъ построекъ съ небольшой харчевней, и тогда описанные выше люди съ обликомъ бандитовъ оживляютъ платформу станціи. Двое сутокъ мчался я на югъ, а между тѣмъ—никакого измѣненія въ обликѣ страны, никакого измѣненія въ ея растительности. Такіе-же Mesquit, тѣ-же низкорослыя юкки, Algeroba—не дерево, какъ на Сандвичевыхъ островахъ, а приземистый кустарникъ, группы низкорослыхъ кактусовъ Opuntia да изрѣдка небольшія агавы, тамъ и сямъ разсѣянныя по степи,—вотъ все, что я видѣлъ на пути.

Начало пути отъ El Paso до мексиканскаго города Chiguahua я находился въ чисто американскомъ обществѣ. Прислуга—негры, кондуктора, служащіе на дорогѣ, казалось, не хотѣли знать испанскаго языка, и вы могли-бы забыть, что мчитесь по территоріи, не принадлежащей янки. Только въ 3-мъ классѣ сидѣло нѣсколько съ ногъ

до головы вооруженныхъ испанцевъ. Эта масса оружія, которая была на нихъ навѣшана и казалась удивительною даже послѣ всего, что приходилось видѣть навѣшаннымъ на нашихъ горцахъ Кавказа, объяснялась тѣмъ, что традиціи о набѣгахъ апачей на поѣзда, набѣговъ, давно уже отошедшихъ въ область исторіи въ Соединенныхъ Штатахъ, еще не изгладились изъ памяти мексиканцевъ. Опасенія нашихъ спутниковъ были, однако, напрасны. Индѣйцевъ не было видно, да и трудно былобы представить ихъ живущими здѣсь, на этой гладкой какъ столъ, безлюдной пустынѣ, съ обнаженными, рѣзко на горизонтѣ выдѣляющимися контурами горъ, столь-же лишенныхъ растительности, какъ и сама равнина.

Всѣ рѣки и рѣчки, которыя рисуются на имѣющихъ обращеніе картахъ Мексики, суть или продуктъ воображенія топографовъ, или только сухія ложбины, которыя увлажняются на какихъ-нибудь полтора мѣсяца въ году. Большія озера Laguna Guzman, Laguna Carmen и другія, показанныя на картахъ, точно также суть сухіе солонцы съ корками солей въ 1 дюймъ и толще, на поверхности которыхъ только миражъ кое-гдѣ создавалъ зеркала водъ.

На протяженіи 225 миль пути попадается только двѣ или три станціи, да и то не каждая изъ нихъ снабжена колодцами и водокачками, а чаще на нѣкоторыхъ, какъ нѣкогда у насъ на закаспійской дорогѣ, устроены резервуары для храненія привезенной воды. Это большія, поставленныя на платформу бочки, которыя наполняются водою изъ водокачекъ сосѣдней станціи и доставляются туда, гдѣ нельзя достать воды непосредственно. Эти маленькія промежуточныя желѣзнодорожныя станціи представляютъ по устройству еще большую простоту, чѣмъ станціи нашей закавказской дороги въ области Нуганской степи. Это маленькій домикъ, сколоченный изъ листовой жести, родъ тѣхъ сардиночныхъ коробочекъ, какія сколачиваютъ себѣ бѣдные жители Батумскихъ окраинъ. Въ этомъ домикѣ помѣщается каморка для телеграфнаго

аппарата и небольшой арсеналъ, въ которомъ спитъ начальникъ станціи. Около—кадка съ водою для локомотива и старый товарный вагонъ, служащій мѣстомъ жительства для рабочихъ. Кругомъ въ изобиліи разбросаны жестянки отъ консервовъ, эти аванпосты американской цивилизаціи, свидѣтельствующіе о томъ, какъ рѣдко приходится здѣшнимъ служащимъ имѣть свѣжую пищу. Еще недавно эти станціи были маленькими укрѣпленіями противъ краснокожихъ.

Несмотря на разныя предосторожности, принимаемыя противъ краснокожихъ, и въ этой части Америки, гдѣ они сохранились въ большемъ числѣ, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, увидѣть здѣсь индѣйца далеко не такъ легко. Только разъ въ Chiguahua, и то только мелькомъ, пришлось мнѣ увидѣть небольшую группу аборигеновъ. Они были одѣты въ короткіе кожаные, обшитые бусами и хватавшіе до колѣнъ сюртучки, такъ наз. tbacali, также бусами обшитыя гамаши, къ которымъ ремнями были прикрѣплены мокассины, называемые здѣсь teynas. Сверху было накинуто что-то среднее между курткой, жилетомъ и японской накидкою,—bietti, также сдѣланное изъ кожи.

Эти загорѣлые люди были довольно красивы. Ихъ черты лица были правильны, и сами они хорошо сложены. Длинные, черные какъ смоль волоса были заплетены въ косы, въ которыя вплетены были золотыя и серебряныя монеты. Въ уши одного была вдѣта золотая цѣпь отъ часовъ, у другого въ волосы были вплетены крышечки отъ нихъ—вѣроятно остатки отъ когда-то удачно произведеннаго набѣга. Луки и стрѣлы, такъ часто фигурировавшія въ разсказахъ Купера объ этихъ краснокожихъ, давно уже исчезли у нихъ изъ употребленія. Ружья и револьверы новѣйшій конструкціи составляютъ вооруженіе этихъ остатковъ грознаго племени апачей. Это оружіе—конечно военные ихъ трофеи. Еще прошлое десятилѣтіе они наводили ужасъ на край. Весною 1882 года, напр., 300 индѣйцевъ втеченіе двухмѣ-

сячной войны убили 141 человѣка бѣлыхъ, угнали 540 головъ скота, награбивъ имущества не менѣе какъ на 76 тыс. долларовъ. Въ Аризонѣ, въ пограничныхъ штатахъ съ Мексикою, около Чигуахуа, въ Сонорѣ, Coahuila живетъ еще до сихъ поръ нѣсколько воинственныхъ племенъ, изъ коихъ наиболѣе заставляютъ о себѣ говорить пинелоры, мимбрены, липаны, икариллы и мескалеросы. Они, однако, всѣ теперь доведены до полнаго истощенія. Городъ Чигуахуа назначилъ цѣну за скальпъ апача въ 100 долларовъ, скальпъ женщины оцѣнивался въ 50 и ребенка въ 25 долларовъ. Еще въ 1880 г., во время возстанія апачей, они были настолько сильны, что совершенно отрѣзали El Paso отъ собщенія съ Чигуахуа, и Silver City въ Аризонѣ рисковалъ вымереть отъ голоду, лишенный сообщенія съ остальнымъ міромъ. Отрядъ волонтеровъ одержалъ, наконецъ, временную побѣду, скальпировавъ большинство повстанцевъ. Но не прошло и 2-хъ лѣтъ, какъ апачи начали свои прежнія атаки, и въ бытность мою въ El Paso газеты принесли извѣстія о разграбленіи нѣсколькихъ городовъ въ Техасѣ.

Ростъ видѣнныхъ мною въ Чигуахуа индивидовъ былъ средній, они были худощавы, въ рукахъ и ногахъ нельзя было видѣть особенно сильнаго развитія мускуловъ, но грудь и спина у обоихъ половъ бросались въ глаза своею шириною. Носъ былъ только слегка орлиный. У всѣхъ были ожерелья и браслеты изъ амулетовъ и монетъ. Охватывавшій станъ поясъ былъ увѣшанъ различными кожаными мѣшечками для табаку, спичекъ, зеркала и коллекціи красокъ для раскрашиванія лица въ военное время. Во время атаки апачи, говорятъ, освобождаются нетолько отъ всей этой аммуниціи, но и отъ одежды вообще и, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что грязно-кирпичный цвѣтъ ихъ тѣла не позволяетъ легко отличить ихъ отъ окружающей мѣстности, сражаются совершенно нагіе.

Это была единственная встрѣча съ настоящими крас-

нокожими, хотя надо сознаться, что такъ-называемые мексиканцы, несмотря на свой испанскій языкъ и нравы, по крайней мѣрѣ въ лицѣ низшихъ классовъ общества, содержатъ большой процентъ индѣйской крови. Постоянно встрѣчались лица, которыя напоминали по типу нето нашихъ сахалинскихъ орочонъ, нето даже остяцкія физіономіи, но имѣли весьма мало общаго съ европейскими вообще и испанскими въ частности. Но я забѣгаю впередъ въ моемъ разсказѣ.

20 миль южнѣе El Paso вниманіе путешественника обращаютъ высокія, блестяще-бѣлаго цвѣта возвышенности, составляющія рѣзкій контрастъ съ темными контурами возвышающихся сзади ихъ горныхъ цѣпей. Это область такъ-называемыхъ Medanos, песчаныхъ дюнъ или баркановъ громадной величины, поразительно сходныхъ по виду съ такими-же дюнами, которыя я видѣлъ изъ оконъ вагона на сѣверъ отъ Каира, по правому берегу Нила, на пути въ Суэцъ. Уже много столѣтій область этихъ Medanos считалась наиболѣе непріятной частью здѣшнихъ караванныхъ путей, и многіе торговцы предпочитали дѣлать значительные обходы, чтобы только избѣжать дороги, пролегавшей по этимъ сыпучимъ пескамъ, гдѣ и теперь еще постоянно попадаются скелеты и бѣлыя кости погибшихъ животныхъ. Полная копія Сахары повторяется здѣсь подъ долготами Новаго Свѣта. Всѣ особенности движенія баркановъ, всѣ формы этихъ песчаныхъ бугровъ, превращающихъ мѣстность въ подобіе громаднаго взволнованнаго моря, повторяются здѣсь съ поразительнымъ сходствомъ. Тѣ же картины песчаныхъ заносовъ, какія знакомы путешествовавшему по нашей закаспійской дорогѣ, повторяются и здѣсь, и мѣстами поѣздъ летитъ между стѣнами песку, превышающими высоту вагоновъ; въ другихъ мѣстахъ возвышаются деревянные щиты, вродѣ тѣхъ, которые употреблялись у насъ для защиты отъ снѣжныхъ заносовъ. Кое-гдѣ, какъ въ Закаспійской области, эти пески за-

держиваются злакомъ, вродѣ нашего Aristida pennata. Область этихъ Medanos была опасна для каравановъ еще и потому, что здѣсь охотнѣе всего нападали апачи, такъ-какъ бѣгство для истомленныхъ переходами по пескамъ людей и животныхъ было особенно трудно. Теперь, конечно, съ проведеніемъ желѣзной дороги опасность миновала.

За областью Medanos слѣдуетъ вновь каменистая пустыня—главная резиденція колючихъ растеній Мексики. Маленькія агавы, юкки, всевозможныхъ сортовъ кактусы покрываютъ сухую почву, которая въ промежуткахъ между этими невысокими и колючими растеніями остается совершенно гладкою и обнаженною.

Трудно представить, какъ неприхотливы эти растенія. Американскіе промышленники собираютъ здѣсь ихъ цѣлыя коллекціи, безъ земли запаковываютъ ихъ въ ящики, шлютъ въ Европу, и здѣсь, посаженные въ изящные вазоны, они возбуждаютъ удивленіе и восторгъ любителей и сторицею окупаютъ расходъ на ихъ добычу и пересылку. Большинство растеній пустыни ростомъ своимъ не превышаютъ 3—4 ф.; только нѣкоторыя юкки съ вѣтвистою короною, свѣчевидныя Cereus'ы да опунціи поднимаются надъ уровнемъ царства этихъ колючихъ уродовъ.

Южнѣе агавы и Mesquit вытѣсняютъ прочіе виды. Колючему царству растеній соотвѣтствуетъ и фауна этой пустыни. Скорпіоны, колючія лягушки, колючія ящерицы сѣро-коричневаго цвѣта—подъ окраску пустыни, тарантулы и гремучія змѣи господствуютъ среди этихъ зарослей, дѣлая прогулки по нимъ настолько-же опасными, насколько непріятными стараются ихъ сдѣлать растенія; только на окраинахъ пустыни полевыя мыши, кролики и луговыя собаки оживляютъ мертвенность пустыни.

Только около Gallego—на 140 миль къ югу отъ El Paso, мѣстность приняла болѣе веселый видъ; на югѣ

показались пятна выгорѣвшей на солнцѣ травы и стада животныхъ, охраняемыя всадниками описаннаго выше облика, въ кожаныхъ штанахъ, кожаныхъ съ громадными пуговицами курткахъ и исполинскихъ коническихъ шапкахъ. Съ одѣяломъ черезъ плечо, съ саблей и револьверами за поясомъ, они представляли очень оригинальный видъ.

На разстояніи ³/₄ пути между El Paso и Chihuahua расположилось озеро Laguna de los Encinillas. Какъ какой-то миражъ, виднѣются издали его зеленѣющіе, усаженные деревьями берега, изъ-за которыхъ выглядываетъ укрѣпленная гаціенда—подобіе древнихъ замковъ, обычаи которыхъ отчасти перешли къ обитателямъ этихъ мексиканскихъ фермъ-укрѣпленій. Здѣсь еще живутъ традиціи феодализма среднихъ вѣковъ, сохраненію которыхъ способствуетъ изолированное положеніе фермъ, военный образъ жизни, уединеніе ихъ владѣльцевъ и отсутствіе путей сообщенія. До сихъ поръ еще почти ежегодно служащіе у такихъ гаціендеросовъ теряютъ своихъ товарищей въ войнахъ съ апачами, уносящими себѣ на память ихъ скальпы...

Въ Chihuahua поѣздъ приходитъ ночью. Мексика и Россія имѣютъ между собою, какъ будетъ показано, много общаго. И одною изъ чертъ этого сходства является то обстоятельство, что и здѣсь, и тамъ города существуютъ сами по себѣ, а желѣзныя дороги, построенныя какъ-будто для сообщенія съ этими городами, также сами по себѣ. Онѣ проходятъ обыкновенно въ полуверстѣ или даже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города, и путешественникъ долженъ добираться до города, пользуясь или конкою, или далеко не многочисленными извозчиками, а иногда такъ и просто собственными ногами или осломъ, наподобіе тѣхъ dorkey, какихъ вамъ предлагаютъ въ Египтѣ. Гостинницъ около станцій обыкновенно нѣтъ, и потому желающему видѣть Chihuahua приходится совершать долгое ночное путешествіе. Зато когда

вы достигши города, утромъ, выйдете прогуляться по его улицамъ, вы будете вознаграждены картиною полнаго контраста съ тѣмъ, что вы видѣли только-что въ Соединенныхъ Штатахъ. Домики кубической формы съ плоскими крышами и бѣлыми стѣнами, выдѣляющимися на фонѣ зелени тополей, живо напоминаютъ картины городовъ Востока—Малой Азіи, Сиріи, и только католическіе соборы, въ большомъ числѣ возвышающіеся въ городѣ, нарушаютъ иллюзію. Обликъ домовъ точно также напоминаетъ Востокъ: какъ тамъ, длинныя стѣны съ маленькими отверстіями для оконъ, плотно запертыя двери, такія-же деревянныя рѣшотки передъ окнами, какія вы видите въ домахъ Каира или Константинополя. Не видно ни объявленій, пестрящихъ американскіе дома, ни конокъ, вездѣ тишина и спокойствіе. Лавокъ, движенія, шума, кромѣ 2—3 улицъ, вы не найдете. Вы—въ другомъ мірѣ, если хотите—въ Испаніи, но въ Испаніи древней, отличающейся отъ современной по своей отсталости почти такъ-же, какъ Сибирь отличается отъ Россіи. Жизнь, если она есть гдѣ-либо,—концентрируется на главной площади—Plaza. Эта площадь усажены деревьями, по одну сторону ея возвышается соборъ, по другую—присутственныя мѣста, съ третьей стороны—зданіе суда или тюрьмы—tout comme chez nous. Четвертая сторона квадрата занята Fonde или Meson—лучшею гостинницею города, которая въ Chihuahua была хуже, чѣмъ любая изъ нашихъ уѣздныхъ, чего я не могу сказать ни о прекрасномъ костелѣ, ни о зданіи суда, весьма приличномъ. Еще болѣе жалкій видъ имѣли кафе-рестораны и т. п. публичныя учрежденія въ этомъ городѣ, насчитывающемъ все-таки 20000 жителей. Здѣсь, какъ и на нашемъ благословенномъ югѣ, всѣ предпріятія въ рукахъ иностранцевъ. Нетолько въ Chihuahua, но и въ другихъ видѣнныхъ мною мексиканскихъ городахъ, парикмахеры—французы, торговцы фруктами—итальянцы, прачки—китайцы, кабатчики—американцы, а крупные купцы—изъ нѣмцевъ. Какъ

и въ El Paso, въ Chihuahua лучшій ресторанъ—китайскій, и вообще достойно вниманія, что если въ Россіи рестор採орское искусство—въ рукахъ французовъ, то на западѣ Америки и въ Мексикѣ оно всецѣло въ рукахъ сыновъ Небесной имперіи. Городъ Chihuahua обязанъ своимъ ростомъ и развитіемъ обильнымъ серебрянымъ рудникамъ, расположеннымъ въ его сосѣдствѣ: они привлекли сюда рабочее населеніе Что-же касается собственно горожанъ, то, смотря на ихъ тихую и праздную жизнь, невольно задаешь вопросъ: не проживаютъ-ли они въ городѣ деньги, заработанныя гдѣ-либо внѣ его, въ полномъ бездѣйствіи. Толпы народа ничего не дѣлаютъ на площадяхъ. Улицы пустынны и только въ самые ранніе часы дня оживляются толпами, идущими на базаръ.

Путь къ югу отъ Chihuahua еще пустыннѣе и безотраднѣе. Ландшафты Ливійской пустыни—только болѣе богатой кустарниками, агавами и Mesquit—развертываются передъ глазами, и только на берегахъ немногихъ пересѣкающихъ страну рѣчекъ являются участки пастбищъ и небольшіе оазисы культурныхъ полей, искусственно орошенныхъ отведенными отъ рѣкъ каналами—полная копія нашихъ туркестанскихъ араковъ.

Жалкіе поселяне обрабатываютъ эти земли. Въ Мексикѣ нѣтъ крѣпостного права, но туземцы, въ жилахъ которыхъ течетъ 99% индѣйской крови, по отношенію къ крупнымъ владѣльцамъ земли, владѣльцамъ европейскаго происхожденія, играютъ почти что роль крѣпостныхъ. Мексиканскіе помѣщики владѣютъ здѣсь обширными территоріями пастбищъ, напоминая хозяйствомъ своимъ нето нашихъ помѣщиковъ южной Россіи, когда она была ареною овцеводства и не знала тѣхъ безпредѣльныхъ полей пшеницы, которыя ее теперь покрываютъ,—нето средневѣковыхъ рыцарей, недалеко ушедшихъ отъ тѣхъ условій жизни, которыя описывалъ Сервантесъ въ своемъ «Донъ-Кихотѣ». Помѣщичій домъ, Casa,—обыкновенно одноэтажная 4-хъ угольная постройка съ

плоскою крышею и внутреннимъ дворомъ. Она построена изъ саману, оштукатуреннаго снаружи, но снабжена лишь немногими выходящими наружу окнами, защищенными желѣзными рѣшотками. Къ ней примыкаютъ конюшни, мѣста для прессованія хлопка, службы и нерѣдко мельницы. Спереди широкая площадка, на которой постоянно толкутся волы, коровы, свиньи, куры, ослы и другія домашнія животныя. Въ небольшомъ разстояніи скучены хижины поселянъ, работающихъ на помѣщика—примитивныя хижины безъ оконъ, съ большими дверями, настоящіе кубики, слѣпленные изъ глины. Эти крестьяне получаютъ отъ помѣщика жилье, земледѣльческія орудія, сѣмена и животныхъ, но зато должны подъ надзоромъ служащихъ помѣщика обрабатывать землю, отдавая ему половину урожая.

Они носятъ названіе medieros—половинщики, помѣщики же здѣсь зовутся bancheros. Medieros'ы—мелкая живучая раса, лишенная, однако, всякой предпріимчивости и энергіи. Первыя попытки правильнаго хозяйства съ помощью такихъ рабочихъ, говоритъ путешествовавшій въ этихъ краяхъ Nisse Wartegy, были чрезвычайно неудачны и обставлены многими затрудненіями, хотя не мало было сдѣлано и насилій надъ этими бѣдняками, чтобы превратить ихъ въ полукрѣпостныхъ помѣщика. Теперь установились болѣе патріархальныя отношенія, хотя и теперь главнымъ правиломъ землевладѣльца бываетъ не довѣряться рабочимъ и всегда думать о спасеніи своей шкуры. Medieros'ы, какъ и наши крестьяне, всегда склонны поднадуть своего барина; кромѣ того, этотъ народъ очень мстителенъ, что, при горячемъ темпераментѣ южанина, дѣлаетъ его не безопаснымъ, и судъ Линча здѣсь еще въ полномъ ходу. Banchero рѣдко обращается за судомъ въ городъ и по-своему расправляется со своими medieros'ами.

Въ помѣстьѣ все пробуждается съ первыми лучами солнца. Выѣзжаетъ управляющій, надсмотрщики въ поле.

Скоро появляется и самъ хозяинъ верхомъ, обязательно съ револьверомъ за поясомъ и саблей черезъ плечо, въ сопровожденіи слуги и своры собакъ. Домъ пустуетъ: въ эти часы вы найдете въ немъ развѣ только письмоводителя, да случайно заѣхавшаго за плугомъ или мукой крестьянина. Къ полудню все возвращается въ имѣніе, и оно опять погружается въ тихій сонъ. Отдохнувъ, владѣлецъ выходитъ за ворота и, садясь на пень, чинитъ судъ и расправу или даетъ распоряженія крестьянамъ, почтительно, съ непокрытой головой, передъ нимъ стоящимъ.

Къ вечеру появляются телѣги, нагруженныя снопами или другими полевыми продуктами. Такъ идетъ день за днемъ въ монотонной послѣдовательности этой степной жизни, не знающей даже того разнообразія, какое имѣетъ нашъ степной помѣщикъ—разницы между зимою и лѣтомъ, весною и осенью.

Пріѣздъ гостя въ запряженномъ четверкою лошадей экипажѣ вноситъ маленькое разнообразіе. Устраивается родъ джигитовки. Ловкіе деревенскіе парни укрощаютъ никогда не бывавшаго подъ сѣдломъ мула, или наѣздникъ на всемъ скаку перевертывается вверхъ ногами, взявши за хвостъ молодого вола,—первобытныя и грубыя развлеченія одичавшихъ въ одиночествѣ испанцевъ... Такова жизнь въ этихъ мексиканскихъ захолустьяхъ...

Но поѣздъ мчитъ насъ далѣе къ Закатекасу. Вотъ онъ пересѣкаетъ тропикъ, и все та-же мертвенная, сухая пустыня, все то-же сходство съ Египтомъ.

Закатекасъ считается самымъ типичнымъ мексиканскимъ городомъ, типичнѣе даже Мексико, гдѣ слишкомъ много европейцевъ и европейскихъ вліяній. Въ немъ насчитываютъ до 80 000 жителей. Впечатлѣніе, имъ производимое издали, впечатлѣніе чисто сѣверо-африканскаго города. Кубическіе одно-и двухъ-этажные дома съ совершенно плоскими крышами—отштукатурены и окрашены, какъ дома русскихъ городовъ, въ розовую, голубую, жел-

тую и бѣлую краски. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ возвышаются оригинальной архитектуры церкви. По извилистымъ улицамъ, мощенымъ разнокалиберными кусками гранита, довольно первобытнаго устройства конка провозитъ васъ съ вокзала въ центръ города, гдѣ вы можете остановиться въ довольно первобытной гостинницѣ. Здѣсь все мнѣ напомнило Испанію. Тѣ-же исполинскія двери комнатъ, въ которыя можно въѣхать въ каретѣ, та-же простота убранства номера, прислуга, какъ-то еще не привыкшая обращаться съ пріѣзжимъ—точно это прислуга какого-то частнаго дома, и при дешевизнѣ помѣщенія весьма недурной столъ. Эта простота обстановки напоминаетъ гостинницы нашихъ губернскихъ городовъ, да и самый Закатекасъ напомнилъ-бы русскій губернскій городъ, если-бы не плоскія крыши домовъ и одежда населенія. Но то-же слабое движеніе на улицахъ, тѣ-же патріархальные порядки, допотопные фонари, обтрепанные городовые, простенькіе магазины—недостаетъ только нашихъ извозчиковъ, составившихъ-бы прекрасный pendant къ здѣшнимъ первобытнымъ мостовымъ. Обликъ населенія напоминаетъ уже описанный. Его смуглый цвѣтъ кожи говоритъ, что вы имѣете дѣло съ говорящими по-испански индѣйцами. Въ то время, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ англо-саксонская культура вытравила коренное населеніе почти до тла—здѣсь, какъ въ Россіи, шла его быстрая ассимиляція, или точнѣе, подчиненіе романской культурѣ. Испанцы растворились въ массѣ индѣйскаго населенія. Предметъ особой гордости мексиканца—что выпадаетъ на долю немногихъ—хвалиться чистотою своего европейскаго происхожденія. И здѣсь обликъ населенія напоминаетъ нето сибирскихъ инородцевъ, нето феллаховъ Египта, даже говоръ ихъ, какъ у арабовъ Александріи, характеризуется какимъ-то удареніемъ и растяженіемъ послѣднихъ слоговъ фразы, вдругъ обрываемой, что придаетъ рѣчи ихъ тонъ какого-то унылаго отчаянія. Мужчины одѣты въ тѣ-же самыя кожаныя куртки съ громадными пуговицами, остро-

конечныя шапки, необъятные штаны и одѣяла, замѣняющія плащи. Впрочемъ, въ Закатекасѣ многіе еще носятъ плащи индѣйскаго издѣлія, болѣе оригинальные и изящные. Этотъ плащъ—необходимый спутникъ мексиканца днемъ и ночью, въ дождь и ведро, въ сухую и мокрую погоду. Впрочемъ, на Мексиканскомъ плоскогорьи, какъ и въ Сахарѣ, ночью довольно холодно, да и днемъ въ описываемое время, несмотря на тропическое положеніе, въ суконномъ платьѣ безъ пальто было очень прохладно. Гораздо живописнѣе было одѣяніе женщинъ, въ особенности вечеромъ, когда улицы Закатекаса, какъ и всѣхъ вообще испанскихъ городовъ, бывали особенно оживлены. Волоса женщинъ заплетены въ двѣ косы, распущенныя на спинѣ и перевитыя, какъ у нашихъ деревенскихъ дѣвушекъ, цвѣтными лентами. Сверху голова покрыта темнаго цвѣта платочкомъ (Reboso). Самыя бѣдныя носятъ всетаки кокетливыя ботинки на высокихъ каблукахъ, въ выгодномъ свѣтѣ выставляющія ихъ и безъ того замѣчательно маленькія ножки. Высшіе классы общества щеголяютъ въ европейскаго покроя сюртукахъ. Дамы блещутъ весьма элегантными нарядами, но вмѣсто шляпокъ всетаки господствуетъ мантилья, и въ глаза кидаются громадныхъ размѣровъ броши и серьги. Эта чистая публика появляется обыкновенно вечеромъ на такъ-называемой Alameda, родъ городского бульвара, эффектно убраннаго тропическимм деревьями и цвѣтниками, среди которыхъ разставлены мраморныя скамейки. Эта Alameda безспорно красивѣйшая часть города и украшаетъ его не менѣе, чѣмъ оригинальной архитектуры соборы, число коихъ сдѣлало-бы честь любому русскому городу такихъ-же размѣровъ. Гибкое католичество не хуже буддизма съумѣло здѣсь приспособить внѣшнюю сторону религіи къ туземному міровоззрѣнію. Лучшій и древнѣйшій изъ соборовъ, основанный іезуитами чуть-ли не тотчасъ-же послѣ покоренія Мексики, и по наружнымъ скульптурнымъ украшеніямъ, и по внутренней отдѣлкѣ скорѣе

напоминаетъ языческое капище ацтековъ. На уродливыхъ горельефахъ вы съ большимъ напряженіемъ вображенія узнаете изображенія святыхъ и Христа. Но болѣе всего поразили меня изображенія Іисуса и Маріи въ глубинѣ самаго храма. Это были фигуры, изъ коихъ одна была одѣта въ черный костюмъ испанскаго гранда, въ кружевномъ воротникѣ и съ генеральскою звѣздою, другая изображала богатую донну. Нигдѣ мнѣ еще не приходилось видѣть такихъ изображеній, хотя я когда-то читалъ у одного изъ путешественниковъ по Африкѣ, что тамошніе негры-католики представляли себѣ Іисуса Христа и Богородицу черными.

Утромъ улицы Закатекаса тихи и мало оживлены. Вы здѣсь чувствуете себя въ мирной обстановкѣ нашего провинціальнаго города и отдыхаете отъ шуму и суетни городовъ Соединенныхъ Штатовъ. Только базаръ представляетъ оживленіе, и здѣсь вы видите цѣлыя груды фруктовъ, очевидно привозимыхъ изъ субтропической полосы Мексики, изъ Terras templadas. Здѣсь я видѣлъ груды гуявъ—не крупныхъ, какъ яблоко, что растутъ на Сандвичевыхъ островахъ, но немного крупнѣе вишни,—массу плодовъ Anina ceromoya и нашихъ европейскихъ фруктовъ. Иную картину представляетъ изъ себя Закатекасъ вечеромъ. Тогда улицы его полны прогуливающимся народомъ, слышны, какъ въ Испаніи, крики продавцовъ газетъ, торговцевъ прохладительными напитками. Въ описываемое время, когда былъ только-что изобрѣтенъ графофонъ, такъ надоѣвшій за послѣдній годъ нашей русской публикѣ—десятки предпріимчивыхъ янки ходили по улицамъ, предлагая за 5 centavos прослушать какую-нибудь арію...

Окрестности Закатекаса не интересны. Это та-же мертвенная пустыня, или голая, или занятая растеніями орошенныхъ полей, въ описываемое время голыхъ и обсаженныхъ только рядами агавъ, перебродившій сокъ цвѣтневыхъ стержней которыхъ въ изобиліи про-

давался подъ именемъ pulque въ мѣстныхъ кабакахъ, называемыхъ Vinateria. Для пріѣзжаго нѣкоторый интересъ представляетъ пригородъ Guadalupe и осмотръ серебряныхъ рудниковъ—однихъ изъ богатѣйшихъ въ мірѣ, поставляющихъ серебро для тѣхъ мексиканскихъ долларовъ, которые являются ходячею монетою на всемъ дальнемъ востокѣ Азіи. Здѣсь руда мѣстами содержитъ до 80% чистаго серебра.

Руду находятъ даже въ самомъ городѣ; жилы проходятъ у самой поверхности почвы, и ихъ часто разрабатываютъ во дворахъ жилыхъ помѣщеній. Но обыкновенно эти послѣдніе, какъ у древнихъ римлянъ, превращаются здѣсь въ хорошенькіе цвѣтники, и хотя самый городъ бѣденъ растительностью — жители его, сидя во дворѣ своихъ помѣщеній, могутъ наслаждаться зрѣлищемъ свѣжей зелени и цвѣтовъ. Глубочайшій изъ рудниковъ Закатекаса достигаетъ до 1 800 ф. глубины, но обыкновенно гнѣзда и жилы настолько богаты, что ихъ разрабатываютъ только у самой поверхности.

Въ Закатекасѣ нѣтъ хорошаго театра. Бой быковъ и пѣтуховъ—обычная забава обывателя, жизнь котораго протекаетъ крайне однообразно. Несмотря на то, что житель Закатекаса, такъ сказать, спитъ на серебрѣ, въ городѣ не видно ни роскоши, ни богатства. Рабочіе на рудникахъ получаютъ около 1 руб. въ сутки при 8-часовомъ трудѣ. Уже болѣе чѣмъ на 100 милліоновъ долларовъ серебра выработано здѣсь этимъ народомъ, но городъ выглядитъ не богаче какого-нибудь Орла или даже Курска. Куда уходятъ эти милліоны—вѣдомо одному Аллаху.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Обратный путь въ Европу.

Поѣздъ опять мчитъ меня по территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Срокъ пароходнаго билета не позволялъ мнѣ оставаться долѣе въ Мексикѣ, и болѣзнь и пребываніе въ El Paso лишали возможности успѣть побывать въ низменной, жаркой полосѣ Мексики. Пришлось отложить наблюденія надъ тропическою природою Америки до другого раза, а теперь летѣть безъ оглядки въ Нью-Іоркъ. Американскія желѣзныя дороги особенно хороши для этого полета безъ оглядки. Въ Европѣ такъ не ѣздятъ, что-же касается Россіи, гдѣ порядки большинства желѣзныхъ дорогъ, вродѣ екатеринінской, лозово-азовской, балашовской или либаво-роменской, никакъ не могутъ отрѣшиться отъ идеала, созданнаго чумаками, и понять, что между паровозомъ и воломъ есть существенная разница, а 5-ти и 10-ти минутныя остановки на «разъѣздахъ» и полустанкахъ, гдѣ кромѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ никому до поѣзда нѣтъ дѣла — есть преступная трата времени; въ нашемъ богоспасаемомъ отечествѣ, вѣроятно, лишь третье или четвертое поколѣніе доживетъ до американскихъ порядковъ движенія. Здѣсь-же, напротивъ, 4 океанскія линіи, конкуррирующія другъ съ другомъ на почвѣ удешевленія перевозки пассажировъ и заманиванія ихъ съ помощью агентовъ, конкуррируютъ, подобно нашимъ днѣпровскимъ и волж-

скимъ пароходамъ, и въ скорости движенія. Конкуррируютъ они чисто по-американски. Линія Sauthern pacific, которою я пользовался, заказываетъ, напр., локомотивы, дѣлающіе по 100 миль въ часъ, организуетъ Flyer'ы или летучіе поѣзда со скоростью въ 75 миль въ часъ, снабжаетъ ихъ вагонами, обставленными съ царскою роскошью, съ чуднымъ буфетомъ, великолѣпными, отдѣланными зеркалами, краснымъ деревомъ, золотомъ и картинами спальнями, и рядъ этихъ, носящихъ каждый свое болѣе или менѣе красивое названіе pullman's car'овъ мчится, не останавливаясь по нѣскольку часовъ подрядъ, минуя всѣ маленькіе городки, отъ одного большого центра до другого со скоростью, позволяющею вамъ, выѣхавъ изъ El Paso въ 8 ч. вечера, быть черезъ день утромъ уже въ Новомъ Орлеанѣ, то-есть спуститься съ Мексиканскаго плоскогорья, пересѣчь Скалистыя горы Льяно Эстекадо и, пронесшись низинами Техаса, достигнуть устьевъ великой американской рѣки.

Я не могу назвать непріятнымъ ощущеніе ѣдущаго въ американскомъ летучемъ поѣздѣ. Только тамъ, гдѣ сильные повороты—васъ бросаетъ изъ стороны въ сторону, какъ въ тарантасѣ, несмотря на лучшія рессоры поѣзда. Въ общемъ-же быстрота движенія поѣзда настолько сглаживаетъ толчки отъ неровностей, что вы страдаете даже меньше, чѣмъ на обыкновенномъ американскомъ поѣздѣ, гдѣ недостатки укладки рельсъ, характерные для американскихъ дорогъ, даютъ себя чувствовать съ особою силою. Непріятны бываютъ только остановки, такъ-какъ американцы весьма мало замедляютъ ходъ поѣзда передъ станціей и потому толчокъ бываетъ очень силенъ. Къ счастью, станцій немного, и часами летите вы по монотоннымъ равнинамъ. Высоты мы промчались ночью, днемъ я могъ уже созерцать равнины южнаго Техаса, выжженныя и холмистыя, съ участками лѣсовъ по балкамъ, напоминавшими нашу лѣсо-степную область. Но здѣсь уже преобладали вѣчно-зеленыя де-

ревья, эти мелколистые дубы, столь сходные съ пробковымъ дубомъ юга Европы. Мѣстность казалась мало обработанною и пустынною — вплоть до низинъ Миссисипи, которыхъ мы достигли на слѣдующее утро, когда я проснулся за нѣсколько минутъ до прихода поѣзда въ Новый Орлеанъ.

Всякій разъ, когда я попадаю на улицу американскаго города, меня охватываетъ то непріятное щемящее чувство, которое извѣстно жителю русскаго захолустья, когда онъ попадаетъ въ Петербургъ. За исключеніемъ Лондона, я нигдѣ не ощущалъ его въ Европѣ; между тѣмъ многіе изъ городскихъ жителей западной Европы, съ которыми мнѣ приходилось говорить объ Америкѣ, говорили мнѣ, что и имъ не чуждо это чувство. Это—чувство полнаго одиночества и отчужденности въ громадномъ морѣ человѣческихъ существъ, находящихся въ страшномъ жизненномъ состязаніи, состязаніи настолько обострившемся, что человѣкъ смотритъ на себѣ подобнаго, какъ на конкуррента, до котораго ему нѣтъ никакого дѣла, котораго онъ готовъ по возможности поэксплуатировать, погубить.

Въ Россіи человѣчеству приходится имѣть гораздо болѣе дѣла съ природою. Это и его врагъ, и его источникъ существованія. На своего ближняго и себѣ подобнаго здѣсь человѣкъ гораздо болѣе склоненъ смотрѣть какъ на союзника и товарища. Тамъ-же никому до другого нѣтъ дѣла. Всякій человѣкъ оцѣнивается только съ точки зрѣнія доллара, доходовъ имъ получаемыхъ и имъ даваемыхъ. Вы чувствуете, что лишись вы лежащаго въ вашемъ карманѣ запаса долларовъ — и вы пропали. Вы никому не нужны и васъ задавитъ колесо жизни. А лишиться вашихъ долларовъ вы рискуете каждую минуту, такъ-какъ тысячная толпа, васъ окружающая, состоитъ не изъ одниихъ мирныхъ тружениковъ. Тутъ сотни лицъ, выброшенныхъ жизнью за бортъ, лицъ, отъ которыхъ васъ предостерегаютъ и обычныя надписи «береги-

тесь карманныхъ воровъ», и болѣе краснорѣчивыя описанія обмановъ и насилій, какими переполнены американскія газеты. Вы чужды этой толпѣ; вы подобны личинкѣ насѣкомаго, попавшей въ муравейникъ, откуда она не знаетъ ни хода, ни выхода, гдѣ она невольно должна жаться къ проводнику. И если какой американскій городъ способенъ произвести впечатлѣніе наиболѣе отталкивающее, то это, конечно, Новый Орлеанъ. Какъ всякій городъ Соединенныхъ Штатовъ, онъ погруженъ въ густой дымъ тысячъ фабричныхъ трубъ, дымъ, замѣняющій англо-саксамъ Новаго Свѣта туманъ ихъ отечества, такъ-какъ, повидимому, безъ этой завѣсы имъ чувствуется не по себѣ на яркихъ лучахъ дневного свѣтила. Въ этой закопченной атмосферѣ раскинулся на необозримое пространство низменной, какъ наша петербургская, равнины, громадный муравейникъ закопченныхъ деревянныхъ и каменныхъ построекъ, приземистыхъ, бѣдныхъ, грязныхъ, населенныхъ какимъ-то пролетаріатомъ бѣлаго, чернаго, а чаще смѣшанаго, грязнаго цвѣта кожи, кишащимъ и копошащимся на кривыхъ и узкихъ улицахъ, которыя вопреки обыкновенію американскихъ городовъ носятъ не №№, а названія. Трамвай, въ который вы садитесь, безконечно долго везетъ васъ по этимъ улицамъ, неряшествомъ своимъ соревнующимъ съ окраинными частями низинъ Харькова, пока, наконецъ, не вывезетъ на прямыя и широкія центральныя улицы города, въ это американское city, съ его 12-ти этажными домами, съ мглою и копотью и еще большею суетнею и шумомъ, гдѣ по цѣлому ряду рельсъ, занимающихъ центральныя части улицы, по противоположнымъ направленіямъ движутся десятки трамваевъ самыхъ различныхъ назначеній— и горе вамъ, если вы попадете не на тотъ, который надо. Набережная Миссисипи, заставленная судами и пароходами, напоминаетъ набережныя большихъ портовыхъ городовъ. Рѣка загорожена лѣсомъ мачтъ, ее вы почти не видите—да и видѣть тамъ нечего, такъ-какъ низменные

берега застроены лачугами. Улица завалена тюками товаровъ, ломовиками и вонючею грязью.

Въ Новомъ Орлеанѣ обыкновенно отличаютъ три квартала—французскій, испанскій и американскій. Но въ сущности всѣ они кварталы американскіе—и только въ старыхъ деревянныхъ постройкахъ можно видѣть слѣды не американскаго стиля. Въ испанскомъ городѣ еще сохранились grandissime и тѣ крупные нѣкогда плантаторы-рабовладѣльцы, которые, владѣя тысячами людей и милліонными капиталами, задавали тонъ въ былыя времена въ жизни города. Теперь они ведутъ уединенный и замкнутый образъ жизни наподобіе полураззорившихся помѣщиковъ Россіи, живущихъ гдѣ-нибудь въ оставшемся домикѣ на Замоскворѣчьѣ и потонувшихъ въ бѣшеной современной жизни города. Точно также и французскій городъ потерялъ свой обликъ и американизировался, и только имена торговцевъ да очень недурные рестораны на французскій манеръ свидѣтельствуютъ о романскомъ происхожденіи жителей. Зато, если слитіе этихъ трехъ національностей теперь идетъ съ такою большою быстротою, все рѣзче отдѣляются другъ отъ друга два другія элемента—бѣлый и черный. Негровъ въ Новомъ Орлеанѣ гораздо больше, чѣмъ въ С.-Франциско китайцевъ,—и если тамъ можно было говорить China-town, то еще справедливѣе назвать низменные нездоровые пригороды Новаго Орлеана Negro-town. Дѣйствительно, чернолицыхъ физіономій въ Новомъ Орлеанѣ чрезвычайно много, но этотъ народъ составляетъ большею частью самые низшіе классы общества, чернорабочихъ; мастеровыхъ и зажиточныхъ негровъ я видѣлъ очень немного. Этому причиною является необыкновенный антагонизмъ между бѣлыми и черными и малая культурность сыновъ Африки.

Я уже писалъ, что въ этой «свободной странѣ» равенство и равноправность между бѣлыми существуютъ на счетъ неравенства между людьми разныхъ расъ, и несмываемое пятно позора, лежавшее на рабовладѣльцахъ южныхъ

штатовъ, достаточно ярко описанное въ «Хижинѣ дяди Тома», смѣнилось здѣсь еще большимъ позоромъ разцвѣтшихъ здѣсь расовыхъ и сословныхъ предразсудковъ. Бѣлые никакъ не могутъ помириться съ тѣмъ, что ихъ бывшіе черные рабы—теперь такіе-же граждане, какъ и они сами. По закону, съ 1866 года, негры нетолько свободны, но и граждане Соединенныхъ Штатовъ. Они имѣютъ право голоса въ засѣданіяхъ и трибуналахъ, быть выбираемыми въ качествѣ народныхъ представителей въ отдѣльныхъ штатахъ и даже въ національномъ собраніи—конгрессѣ. Въ южныхъ штатахъ Америки, именно въ Луизіанѣ, Южной Каролинѣ и Флоридѣ, негритянское населеніе составляло такое большинство, что, дѣйствительно, первыя десять лѣтъ неграмъ удавалось фигурировать въ качествѣ такихъ выборныхъ лицъ. Это было какъ-разъ въ то время, когда эти штаты были усѣяны развалинами послѣ войны за освобожденіе. До эмансипаціи весь строй южныхъ штатовъ, какъ и нашъ русскій строй, былъ основанъ на господствѣ бѣлыхъ плантаторовъ. Администрація, торговля—все стояло въ зависимости отъ этого строя. Эмансипація расшатала этотъ строй въ конецъ. Она нетолько сдѣлала рабовъ вольными людьми, но раззорила ихъ бывшихъ господъ, сдѣлавши ихъ рабами; она нетолько принизила политическое положеніе землевладѣльца, но и его торговое значеніе. Система работъ должна была измѣниться, и масса обработывавшихся участковъ была брошена. Если въ Россіи эмансипація крестьянъ имѣла слѣдствіемъ то, что̀, какъ картинно выразился Некрасовъ,—«порвалась цѣпь великая, порвалась и ударила однимъ концомъ по барину, другимъ—по мужику», то въ южныхъ штатахъ удары эти были болѣе чѣмъ сильны. У насъ помѣщики раззорились, но по міру пошли только тѣ изъ нихъ, которые уже слишкомъ безразсудно проматывали свои состоянія. Экономическое положеніе крестьянъ тяжелое, — но это всетаки еще не нищіе. Въ Америкѣ многія богатыя плантаторши должны были по-

ступить въ прачки, а толпы освобожденныхъ негровъ, при всей ихъ свободѣ и «правахъ», были брошены на улицу безъ куска хлѣба. Одно освобожденіе стоило Штатамъ нѣсколькихъ милліардовъ долларовъ. Легко понять, насколько это обнищаніе рабовладѣльцевъ, освободившихъ негровъ подъ вліяніемъ оружія сѣверныхъ штатовъ, способствовало развитію симпатій и состраданія къ неграмъ и насколько, въ свою очередь, поведеніе бѣлыхъ южанъ могло вызвать въ неграхъ любовь къ господамъ, отъ которыхъ ихъ только-что избавили. Республиканская партія въ Вашингтонѣ это хорошо понимала и считала единственнымъ средствомъ спасти негровъ отъ возстановленія старыхъ порядковъ и неистовства бѣлыхъ — дарованіе имъ выборныхъ правъ, права голоса, одинаковаго съ *бѣлыми*. Эти послѣдніе, однако, сочли для себя позорнымъ дѣйствовать и работать за-одно со своими бывшими рабами. Они уклонялись отъ общественной дѣятельности, давъ возможность выдвинуться и забрать власть въ свои руки различнымъ проходимцамъ, пришедшимъ съ сѣвера и не искавшимъ на югѣ ничего, кромѣ наживы. Эти люди стремились заручиться поддержкою негровъ, съ ихъ помощью достигали высшихъ должностей и затѣмъ предавались самому безсовѣстному грабительству и воровству. Они, подобно саранчѣ, накинулись на страну, и безъ того уже раззоренную кризисомъ, и надолго задержали культурное преуспѣяніе этихъ богатыхъ штатовъ. Многіе штаты, благодаря ихъ дѣятельности, имѣютъ въ настоящее время долгу болѣе 15-ти милліоновъ долларовъ. Словомъ, какъ всегда и вездѣ, когда темная невѣжественная масса вчерашнихъ рабовъ сегодня была призвана къ самоуправленію, она не сумѣла себѣ выбрать лучшихъ демагоговъ, какъ льстецовъ и потворщиковъ страстей народныхъ, которые, суля золотыя горы, отдѣлываясь мелкими подачками крикунамъ, безпощадно обирали страну и привели ее къ состоянію, изъ котораго, казалось, не было иного исхода, кромѣ революціи.

Всѣ эти слѣдствія насильственно и черезчуръ быстро введенной реформы вызвали среди бѣлыхъ сильную реакцію. Образовалась сперва тайная лига бѣлыхъ, такъ-называемый Kuklux Klan, поставившая задачею тайнымъ судомъ ограничить вліяніе черныхъ. Они не брезгали самыми жестокими тайными убійствами, чтобы ограничить вліяніе и устрашить черныхъ демагоговъ. Это, конечно, еще сильнѣе разожгло страсти. Тайное общество, встрѣчая сильное противодѣйствіе, разрослось въ *лигу бѣлыхъ*, охватившую весь югъ,—лигу, озлобленную противъ черныхъ и поставившую задачею, путемъ солидарности и взаимной поддержки, низвести до нуля роль черныхъ, для чего члены ея не брезгали никакими средствами и не щадили даже бѣлыхъ, не сходившихся съ ними во взглядахъ. Такъ, напримѣръ, Гельвальдъ пишетъ, что когда въ народномъ собраніи въ Алабамѣ одинъ изъ бѣлыхъ членовъ внесъ билль о томъ, чтобы допустить негровъ въ школы, гостинницы, вокзалы и вагоны наравнѣ съ бѣлыми, съ нимъ перестали разговаривать люди одного съ нимъ штата, его лучшіе друзья отъ него отвернулись и положеніе его оказалось самымъ критическимъ.

Какъ я уже писалъ, все это привело въ южныхъ штатахъ къ образованію двухъ кастъ: бѣлой и черной, и американскіе штаты могутъ дать картину кастовыхъ предразсудковъ не менѣе поучительную, чѣмъ Индія.

Современное негритянское населеніе, смотря по степени его зажиточности, стремится сдѣлаться или мелкими землевладѣльцами, или половинщиками, или поденщиками. Послѣдніе работаютъ за 10—20 долларовъ въ мѣсяцъ, причемъ получаютъ квартиру, отопленіе и огородъ въ свое распоряженіе. Если они работаютъ изъ половины, они имѣютъ право, сверхъ того, засѣвать въ свою пользу клочокъ земли, гдѣ они сѣютъ маисъ, картофель и овощи для своего пропитанія. Часто они арендуютъ себѣ землю за 8—10 долларовъ за моргенъ и тѣми и другими способами добиваются того, чтобы хоть на с

рости сдѣлаться собственниками хотя маленькаго клочка земли. Можно назвать множество негровъ въ окрестностяхъ Новаго Орлеана, которые, начавъ съ такой роли поденщика и перейдя черезъ положеніе арендатора, теперь имѣютъ доходъ отъ 1.000 до 3.000 долларовъ въ годъ. Но большинство негровъ до сихъ поръ остается въ роли поденщиковъ, прислуги и чернорабочихъ. Потому-то и въ Новомъ Орлеанѣ ими заселены попреимуществу бѣдныя окраины города.

Эти кварталы, которые я постарался осмотрѣть возможно внимательнѣе, представляютъ, однако, мало оригинальнаго. Только цвѣтъ кожи отличаетъ чернорабочаго африканца отъ прочаго американскаго пролетаріата. Ставъ свободнымъ, негръ стремится по возможности во всемъ подражать своимъ бывшимъ бѣлымъ господамъ, хотя въ подражаніи этомъ онъ, быть можетъ, еще болѣе комиченъ, чѣмъ недавно пріѣхавшій въ городъ крестьянинъ, желающій подражать парижанину. Больше всего привлекаютъ негра модные европейскіе костюмы. Дѣйствительно, все черное населеніе здѣсь почти не отличается по одеждѣ отъ бѣлаго, кромѣ развѣ того, что если и бѣлые въ Америкѣ не одѣваются франтовато (я разумѣю массу), то негры носятъ лохмотья. Разъ чернорабочій негръ заработаетъ лишнюю копѣйку, онъ своимъ долгомъ считаетъ направиться въ ближайшую еврейскую лавочку, чтобы пріобрѣсти костюмъ, сшитый по послѣдней парижской модѣ, лакированные сапоги съ острыми носками, тросточку, толстую цѣпь для часовъ, изъ новаго золота, цилиндръ и т. п. принадлежности американскаго джентльмена, воображая, что все это въ глазахъ окружающихъ сдѣлаетъ его таковымъ. И если манеры и разговоръ дѣлаютъ нашихъ такимъ образомъ разодѣтыхъ деревенскихъ жителей комичными въ глазахъ окружающихъ, то негръ, котораго прежде всего выдаетъ черный цвѣтъ его кожи, дѣлается положительно смѣшнымъ, когда онъ, надувшись какъ павлинъ, разодѣтый въ

подобный костюмъ, рисуется на улицѣ, вызывая удивленіе и зависть въ своихъ товарищахъ. Насладившись жизнью, какъ это умѣетъ дѣлать негръ въ такомъ положеніи, т.-е. предавшись всѣмъ крайностямъ пьянства и сладострастія, онъ забирается на ночь въ свое никогда не подметавшееся и кишащее всевозможными паразитами жилье, гдѣ нерѣдко, не раздѣваясь, онъ заваливается спать на полъ. Если послѣ дневной пирушки у него еще остается денегъ, онъ приводитъ въ порядокъ свой костюмъ и направляется къ ближайшему парикмахеру, разваливается въ креслѣ съ важностью своего бывшаго барина и приказываетъ превратить его волнистую шерсть на головѣ въ мягкіе локоны, чего не безъ труда, съ помощью помады и духовъ, и достигаетъ парикмахеръ, рискуя не получить со своего кліента должной суммы. Затѣмъ снова начинается копированіе манеръ бѣлыхъ джентльменовъ съ точностью, достойной опытнаго актера, до тѣхъ поръ, пока истощившіеся рессурсы не заставятъ заложить дорогой нарядъ у ростовщика-еврея и вернуться къ болѣе скромному одѣянію рабочаго, въ которомъ добывается новый запасъ долларовъ для повторенія той-же комедіи.

Американскіе бытописатели не скупятся на факты, указывающіе на то, что освобожденные негры представляютъ изъ себя народъ лѣнивый, преданный различнымъ порокамъ, особенно пьянству, игрѣ и праздности. Къ этому присоединяется обвиненіе въ глубокомъ невѣжествѣ, связанномъ съ нежеланіемъ пріобрѣтать новыя познанія и сильнымъ фанатизмомъ. Указываютъ, что негръ живетъ какъ дитя: онъ мало заботится о завтрашнемъ днѣ, мало разборчивъ въ пищѣ. Склонный къ подражанію, онъ, говорятъ, проявляетъ весьма мало творческаго таланта. Америка имѣетъ много талантливѣйшихъ черныхъ актеровъ и мимиковъ, но она не создала еще ни одного чернаго писателя. Но пѣвцы и минестрели черныхъ гражданъ музыкальностью своею да-

леко превосходятъ бѣлыхъ, и негритянскіе труппы пѣвцовъ и оркестры пользуются большою популярностью даже среди бѣлыхъ. Труппы негритянскихъ пѣвцовъ имѣли громадный успѣхъ и давали ихъ антрепренерамъ большіе заработки. Когда оригинальныя пѣсни негровъ надоѣли публикѣ, стали арранжировать изъ нихъ родъ комическихъ оперъ, переполненныхъ куплетами, исполняемыми чернымъ хоромъ, гдѣ осмѣивались современные дѣятели.

Но недостатки негровъ, которые кастовые предразсудки ихъ бѣлыхъ соотечественниковъ стараются приписать ихъ расовымъ отличіямъ, почти всѣ суть слѣдствія ихъ приниженнаго положенія въ столь недавнемъ прошломъ. Если многіе негры и теперь вѣрятъ въ колдуній и даже собираются для ночныхъ оргій съ характеромъ языческихъ мистерій, то не нужно забывать, какъ мало дѣлалось для ихъ развитія въ то время, когда на нихъ смотрѣли какъ на вьючныхъ животныхъ.

Тѣ пороки, въ которыхъ обвиняютъ негровъ, не чужды въ извѣстной долѣ нашей народной массѣ, и кто ближе наблюдалъ ее, тотъ знаетъ, что они всего сильнѣе развиты тамъ, гдѣ сильнѣе всего дѣйствовали отрицательныя стороны крѣпостной зависимости. По той-же причинѣ видали мы и каррикатурныя формы подражанія манерамъ плантатора и извѣстную черствость и отсутствіе состраданія къ себѣ подобнымъ у многихъ негровъ, вышедшихъ изъ зависимаго положенія.

Не является-ли лучшимъ возраженіемъ противъ врожденной лѣности и неспособности негровъ хотя-бы то обстоятельство, что эти люди-животныя недавняго прошлаго, въ настоящее время всѣ почти имѣютъ земельную собственность, пріобрѣтенную своимъ трудомъ, что среди нихъ есть масса духовныхъ лицъ, прекрасныхъ, славящихся своимъ краснорѣчіемъ проповѣдниковъ, адвокатовъ. Въ національномъ собраніи 1876 года засѣдалъ даже въ партіи такъ-называемыхъ демократовъ, т.-е. партіи, против-

ной чернымъ, негръ. Бывали даже черные сенаторы: такъ напримѣръ, м-ръ Райтъ занималъ мѣсто сенатора въ собраніи въ Каролинѣ и былъ затѣмъ верховнымъ судьею. Такихъ лицъ можно насчитать нѣсколько десятковъ. Но эти исключенія не измѣняютъ общей картины кастовыхъ предразсудковъ, и не далеко еще то время, когда громадныя наказанія до высокихъ денежныхъ штрафовъ и тюремнаго заключенія накладывались на бѣлаго за то, что онъ компрометировалъ свою «высшую расу», садясь играть въ карты съ негромъ или привѣтствуя его какъ европейца.

Потому я склоненъ скорѣе былъ удивляться, гуляя по негритянскимъ кварталамъ Новаго Орлена, насколько здѣшній пролетаріатъ по облику своему мало отличается отъ пролетаріата другихъ американскихъ городовъ, и развѣ только большее количество полураздѣтыхъ мальчишекъ, дравшихся и барахтавшихся въ грязи—сцены нашихъ родныхъ городовъ—свидѣтельствовало о нѣсколько меньшей дисциплинѣ въ средѣ обывателей квартала.

Но въ Новомъ Орлеанѣ меня интересовали нестолько люди и городская жизнь, сколько природа его окрестностей. Здѣсь я былъ въ уголкѣ субтропической природы Новаго Свѣта, напоминавшей природу Японіи и того уголка Колхиды, ради культуры котораго была снаряжена наша экспедиція. Конечно, узкая цѣль ея была чайная культура и культура нѣкоторыхъ другихъ растеній далекаго Востока: Америка и ея субтропическія области не входили въ районъ нашихъ изслѣдованій. Но, проѣзжая черезъ южные штаты, я не могъ удержаться, чтобы не бросить хотя мелькомъ взглядъ на ихъ оригинальную природу, которая, если не для сельскаго хозяина, то по крайней мѣрѣ для садовода нашей субтропической полосы Кавказа должна играть чуть-ли не болѣе важную роль, чѣмъ даже Японія. Въ моей книгѣ «Чайные округа Азіи» я указалъ ту роль, какую играютъ субтропическія области Америки въ общемъ

спискѣ субтропическихъ странъ. Подобно нашему Сочи и Батуму, на юго-востокѣ сѣвернаго материка Новаго Свѣта климатъ влажный и теплый, полубеззимный и, что особенно сближаетъ эти края съ нашимъ Закавказьемъ, здѣсь, на дальнемъ Востокѣ Америки, зима теплѣе, чѣмъ на дальнемъ Востокѣ Азіи. Эти зимы, однако, такъ-же непостоянны, какъ наши, и растительность привыкла къ внезапнымъ переходамъ и скачкамъ отъ тропическихъ температуръ къ нѣсколькимъ градусамъ мороза. Жители нашихъ русскихъ субтропиковъ знакомы уже со многими характерными растеніями здѣшняго края. Крымскія магноліи (Magnolia grandiflora) родомъ отсюда. Вѣчно зеленая Prunus virginiana, нѣжная Taxodium distichum, красующаяся во многихъ садахъ Крыма, Pinus australis, которую я видалъ въ садахъ Батума и Сухума—все это здѣшніе граждане, хотя я нигдѣ въ Россіи не видалъ такихъ исполиновъ, съ такими пышными кронами и длинной нѣжной хвоей, какіе даетъ Pinus australis на песчаныхъ почвахъ южныхъ штатовъ близь Мексиканскаго залива.

Но, къ сожалѣнію, и здѣсь мы являемся лишь слѣпыми подражателями Запада, непроявляющими никакой личной инииціативы. Въ то время какъ во всякой англійской колоніи, каждый городъ, лежащій въ мало-мальски отличной климатической полосѣ, имѣетъ свой ботаническій садъ, мы не имѣемъ порядочныхъ садовъ даже на сельскохозяйственныхъ станціяхъ. Несмотря на крайнюю легкость добычи сѣмянъ Японіи и то обстоятельство, что уже 10 лѣтъ какъ установленъ фактъ, что всѣ японскія растенія успѣшно развиваются въ Закавказьѣ, мы не имѣемъ ни одной дендрологической коллекціи живыхъ деревьевъ страны этой, по которой можно-бы было судить, поскольку полезной явится та или другая порода для нашего края. То-же самое можно сказать и относительно американскихъ растеній.

Департаментъ земледѣлія въ Соединенныхъ Штатахъ имѣетъ прекрасныя описанія древесныхъ и кустарныхъ породъ своей страны, въ его распоряженіи находятся и коллекціи ихъ сѣмянъ. Кромѣ того, Америка имѣетъ прекрасныя торговыя заведенія, выписывающія растенія изъ Японіи и экспортирующія деревья во всѣ части свѣта. Тѣмъ не менѣе для насъ источниками для добычи растеній остаются все тѣ-же нѣмецкіе, французскіе и бельгійскіе садоводы, вродѣ Вильморена или Гааге и Шмидта, и Берлинъ или въ лучшемъ случаѣ Бордигерра даютъ намъ ассортиментъ экзотическихъ растеній, процѣженный черезъ вліяніе западно-европейскаго климата, столь несходнаго съ нашимъ. Что-жь удивительнаго, что какъ въ случаѣ съ Японіей, такъ и съ Америкой мы получаемъ только отбросы ихъ флоры. Батумцы до сихъ поръ не имѣютъ понятія ни о японскихъ чудныхъ кленахъ, ни о красивѣйшемъ изъ хвойныхъ Sciadopitys verticillata, ни о эффектно цвѣтущихъ японскихъ сливахъ. Они разводятъ кислые, выродившіеся апельсины изъ Розе, годные для откармливанія свиней, вмѣсто нѣжныхъ и выносливыхъ микановъ, тающихъ во рту и не имѣющихъ косточекъ. Они обсаживаютъ свои дороги безобразными Catalpa'ми, страдающими отъ вѣтра, вмѣсто того чтобы разводить могущія дать доходъ лаковыя деревья, растущія въ этомъ климатѣ съ невѣроятною быстротою. Я не видѣлъ, за исключеніемъ одного куста, привезеннаго нашею удѣльною экспедиціею, ни одного порядочнаго куста годнаго для построекъ бамбука, хотя, продукты садовыхъ заведеній Бордигерры и Ниццы, 10 видовъ бамбуковъ, негодныхъ даже и для тросточекъ, давно украшаютъ сады любителей Крыма и Кавказа. Коки Закавказья получены изъ Франціи, а о сладкомъ картофелѣ жители Батума имѣютъ не болѣе представленія, чѣмъ о мангостанахъ, дурьянахъ и другихъ недоступныхъ плодахъ тропическаго міра. Сады украшаются мерзнущими зимою бананами, закутываемыми на зиму Livistona'ми,

какъ-будто-бы не существуетъ Mosa Bosjoo, выносящая до 12 градусовъ мороза.

Даже пальмы садовъ любителей прошли черезъ горнило Ниццы и Бордигерры. Всѣ они приспособились къ сухому воздуху средиземноморскихъ странъ. Все-же лучшее, что имѣютъ субтропическія страны Востока, до сихъ поръ неизвѣстно нашему краю. Что идетъ въ Ниццѣ, то есть и у насъ, часто болѣе чахлое, вслѣдствіе иныхъ климатическихъ условій, но своего такого, о чемъ-бы не подумали до насъ французы или нѣмцы, этого вы тщетно будете искать на берегахъ Чернаго моря.

А между тѣмъ нашъ ультра-влажный климатъ Батума или Сочи совсѣмъ не то, что какая-нибудь Ницца, и зима ихъ не чета берлинской или эрфуртской, и когда странствуешь по субтропическимъ странамъ сходнаго климата, досада беретъ, что не можешь достать и перевезти съ собою всего, что видишь. А между тѣмъ даже то немалое, что я видѣлъ у Новаго Орлеана, могло-бы возбудить зависть садовода.

Располагая малымъ временемъ, я воспользовался ближайшими окрестностями города и, сѣвъ на паровую конку, отправился въ пригородное дачное мѣсто на берегахъ Lake Pontchertrain, громаднаго озера, нѣкогда отдѣленнаго дельтою Миссисипи отъ моря — и нынѣ совершенно прѣснаго. Какъ во всѣхъ американскихъ пригородахъ, культурное дачное мѣсто здѣсь граничитъ бокъ-о-бокъ съ дикой природой, а потому, высадившись на благоустроенномъ дебаркадерѣ, мнѣ было достаточно сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы попасть въ дебри болотистаго лѣса изъ таксодіевъ, весь подлѣсокъ котораго состоялъ изъ увѣшанныхъ плодами пальмъ Sabal Adarsonii. Эта болотная пальма здѣсь почти не имѣетъ ствола, но ея громадные вѣерные листья, во много превосходящіе діаметромъ своимъ листья Livistona, гораздо декоративнѣе разводимыхъ у насъ повсюду на югѣ Chamoerops и Trechycarpus и придаетъ здѣшнимъ дебрямъ чисто

тропическій обликъ. Эта пальма, равно какъ и ея высокоствольный родственникъ изъ юго-восточныхъ штатовъ Sabal Palmetto, очевидно, не въ почетѣ у жителей юга Европы, такъ-какъ тамъ слишкомъ сухо для этихъ деревьевъ. Между тѣмъ, трудно выдумать условія для этого дерева болѣе подходящія, чѣмъ батумскія, гдѣ, однако, о деревѣ этомъ никто не имѣетъ понятія.

Другое растеніе, которое обратило немедленно мое вниманіе, — эпифитъ Tillandsia usnaevides, — одно изъ оригинальнѣйшихъ растеній изъ семейства Bromeliaceæ—семейства, исключительно принадлежащаго Новому Свѣту. Какъ показываетъ латинское названіе растенія, Tillandsia похожа по своему облику на тотъ сѣдой мохъ, или точнѣе, лишайникъ Usnaca barbata, который какъ длинная борода увѣшиваетъ вѣтви старыхъ деревьевъ дремучихъ лѣсовъ нашего сѣвера. Но развитіе Tillandsia гораздо пышнѣе, ея пряди длиннѣе и длинныя патлы ея, сплошь увѣшивая вѣтви и вѣточки деревьевъ, придаютъ имъ обликъ только-что вытащенныхъ изъ пруда или озера, гдѣ сѣдая тина облѣпила ихъ сверху до низу. Впечатлѣніе очень оригинальное, какого не вынесешь изъ нашихъ лѣсовъ Стараго Свѣта. Еще интереснѣе біологическія приспособленія Tillandsia. Это растеніе не имѣетъ корней. Его сѣдые листья исполняютъ роль и корня, и листа. Они впитываютъ дождевую влагу, туманъ и росу, и на ихъ счетъ развиваютъ новые и новые побѣги. Этому растенію не нужно почвы. Оно почти никогда не цвѣтетъ, но оторванный листикъ или вѣточка, унесенные вѣтромъ, попавъ на сукъ дерева, прикручиваются къ нему, прилипаютъ и начинаютъ давать новые побѣги какъ на материнскомъ растеніи. Птица, принесшая вѣтку Tillandsia въ свое гнѣздо, превращаетъ его къ концу лѣта въ громадный комъ сѣдо-сѣрой зелени. Получается живое растительное гнѣздо. Такимъ образомъ, для Tillandsia достаточно только влажнаго воздуха и частыхъ дождей, чтобы она размножалась необычайно быстро, и какой-ни-

будь шутникъ, который вздумаетъ привезти къ намъ въ Закавказье этого интереснаго эпифита, можетъ заставить въ нѣсколько лѣтъ посѣдѣть темныя дубравы Батумской области и до такой степени измѣнить обликъ страны, что она станетъ столь-же мало похожею на современную, какъ мало теперь похожа Галилея, заросшая кактусами, на Галилею временъ Христа. Я могъ-бы назвать еще цѣлый рядъ растеній, встрѣченныхъ мною въ окрестностяхъ Новаго Орлеана, которыя могли-бы быть пригодны для нашего влажно-теплаго Закавказья. Особенно красивы здѣшніе вѣчно-зеленые дубы, напоминающіе каменные дубы Италіи, но растущіе благодаря большей влажности гораздо быстрѣе и здѣсь всюду принятые для украшенія дачъ, вьющіяся пассифлоры, Sassafras и многіе другіе. Но я боюсь, что это перечисленіе растеній не представитъ интереса для читателя, мало связаннаго съ судьбами нашего Закавказья, и потому предлагаю покинуть эти болотистыя, заросшія пальмами лѣса окрестностей Новаго Орлеана съ ихъ таксодіями, зелень которыхъ, нѣжная какъ у лиственницы, но перистая, какъ у пихты, уже начала опадать подъ вліяніемъ дыханія осени, — и направиться внизъ по Миссисипи на одномъ изъ его исполинскихъ пароходовъ.

Наша русская публика нѣсколько знакома съ этой конструкціей пароходовъ по пароходамъ компаніи Зевеке, ходящимъ по Волгѣ. Но наши волжскіе пароходы все-таки карлики по сравненію съ тѣми, которые ходятъ по Миссисипи. Это буквально трехъ-этажные дома, поставленные на воду. То, что спрятано подъ водою, обыкновенно недоступно для пассажира; въ нижнемъ этажѣ расположена машина, находятся различныя бюро, а остальное загромождено товарами. Пассажиры по наружной лѣстницѣ поднимаются прямо во второй этажъ, гдѣ попадаютъ, какъ и у насъ, на балконъ, обходящій кругомъ парохода, въ который выходятъ стеклянныя двери безчисленныхъ каютъ, имѣющихъ обыкновенно около

5 шаговъ въ длину и $4^1/_2$ въ ширину. Внутреннія двери выводятъ изъ нихъ въ большое зало, въ глубинѣ котораго находится контора, гдѣ выдаются билеты и уплачиваются деньги за продовольствіе. Зало роскошно убрано зеркалами и золотомъ, и громадный обѣденный столъ красуется посерединѣ. По американскому обычаю, за столъ послѣ перваго звонка являются только дамы, мужчины-же входятъ и становятся сзади послѣ второго сигнала, подаваемаго лишь послѣ того, какъ послѣдняя изъ дамъ закончитъ свой туалетъ въ одной изъ безчисленныхъ уборныхъ, помѣщающихся въ части судна, прилегающей къ колесамъ. Поэтому промежутки между двумя сигналами бываютъ довольно значительны. Затѣмъ, когда кавалеры усядутся, прислуга—негры съ невѣроятною быстротою бросаютъ и принимаютъ приборы, и надобно имѣть привычку закусывать съ быстротою молніи, необходимую въ американскихъ ресторанахъ, чтобы не умереть съ голоду. Потому эти американскіе diner часто напоминаютъ кормленіе голодныхъ звѣрей, къ которому только недостаетъ рычанія и драки изъ-за трудно раздѣлимой кости. Особенно большой контрастъ представляютъ эти обѣды съ чинными обѣдами пароходовъ морскихъ,—они могли-бы быть хорошею школою для моихъ соотечественниковъ, умудряющихся проводить за обѣденнымъ столомъ по нѣскольку часовъ. Верхніе этажи пароходовъ напоминаютъ по устройству наши волжскіе, но все это во много разъ превосходитъ ихъ по размѣрамъ.

За первымъ поворотомъ послѣ Новаго Орлеана Миссисипи уподобляется морю. Горизонтъ между островами громаденъ, чувствуется въ воздухѣ запахъ морскихъ солей, и облака принимаютъ свойственныя морскому небу неясныя очертанія. Большія морскія птицы тянутся вереницами надъ рѣкою. Рѣже и рѣже становятся плантаціи, берега остаются необработанными, и только залитые водою исполинскія деревья и цѣлые лѣса увитыхъ

тилляндсіей таксодіевъ составляютъ однообразную декорацію. Вы вступаете въ область тѣхъ рѣчныхъ наносовъ, которые, выдвигая рѣчную дельту Миссисипи далеко въ море, дѣлаютъ ее единственнымъ въ этомъ родѣ явленіемъ въ физической географіи. Сама рѣка окружена образованною ею естественною плотиною въ 5—6 верстъ ширины, за нею тянутся болотистые полужидкіе острова, раздѣленные протоками. Здѣсь почва трясется и колышется подъ рельсами поѣзда, который десятки верстъ летитъ окруженный со всѣхъ сторонъ водою, точно вы ѣдете не въ поѣздѣ, а на пароходѣ по озеру. Не громадные мосты и туннели, а это полуплавучее сооруженіе должно вызывать удивленіе передъ смѣлостью идей американскихъ строителей. Еслибы отбросить тамъ и сямъ на островкахъ разбросанные полутропическаго облика лѣса таксодіевъ, то эти полузалитыя водою низины, большею частію густо заросшія камышомъ, живо напомнилибы низины Волги. Иллюзію нарушаютъ тамъ и сямъ возвышающіяся группы изъ Sabal palmetto. Ближе къ устью дрожащіе подъ ногами островки замѣняются плавучими. Такихъ, говорятъ, много въ мѣстности Attakapas, лежащей на берегу Bayau Tèche. Здѣсь на поверхности соленыхъ морскихъ водъ плаваетъ густая масса органическихъ остатковъ, скрѣпленная корнями растущихъ на нихъ травъ, которыя образуютъ луговины, свободно выдерживающія вѣсъ пасущихся на нихъ стадъ рогатаго скота. Ничто не говоритъ здѣсь о присутствіи моря, между тѣмъ достаточно пастуху выкопать яму, чтобы черезъ отверстіе ея выуживать морскихъ рыбъ.

Самыя устья великой рѣки чрезвычайно низменны и, какъ низовья Дона при морскомъ вѣтрѣ, при низовкѣ затопляются водою. Почва здѣсь настолько болотиста, что не могутъ развиваться ни таксодіи, ни ивы. Единственная растительность — родъ камыша—Megia macrousperma; корни ея нѣсколько сдерживаютъ киселеобразную почву, за границей которой море и земля оспа-

ривають другъ у друга существованіе, не позволяя существовать какой-бы то ни было другой растительности и нагромождая громадный боръ въ предѣлахъ Мексиканскаго залива...

Изъ Новаго Орлеана поѣздъ понесъ меня на сѣверъ, и черезъ полтора сутокъ я былъ уже въ Нью-Іоркѣ, гдѣ мнѣ оставалась всего одна ночь до отхода парохода въ Европу. Этотъ перелетъ не далъ мнѣ никакихъ впечатлѣній. Поздняя осень уже обнажила отъ листьевъ древесную растительность. Природа стояла печальная, ожидая приближенія зимы, и тѣмъ замѣтнѣе выдѣлялись на всѣхъ скалахъ, крышахъ построекъ и стѣнахъ стоящихъ близь линіи желѣзной дороги зданій громадными буквами напечатанныя американскія рекламы: Sarsaparilla, Pears, Van Houten Cacao и т. п. Даже когда нашъ пароходъ покинулъ берега Америки и исполинскій маякъ, изображавшій статую свободы, скрылся изъ виду, на громадной береговой плотинѣ виднѣлась еще многосаженными буквами написанная реклама:

«Sapolio scours the world, sapolio cleans the best, clean your house with sapolio».

Такимъ образомъ Америка и встрѣчаетъ, и провожаетъ рекламою, и реклама—это первое, что вы видите приближаясь къ ея городамъ, даже еще ранѣе чѣмъ копоть ихъ атмосферы и фабричныя трубы, высящіяся вмѣсто куполовъ церквей надъ 14-ти этажными домами.

Я избралъ линію Нью-Іоркъ—Неаполь, новый осенній рейсъ сѣверо-германскаго Ллойда, болѣе разсчитанный на туристовъ Америки, чѣмъ на обыкновенныхъ дѣловитыхъ янки,—и не имѣлъ основанія раскаяться.

При цѣнѣ, не превосходящей обыкновенной нормы атлантическаго переѣзда, пароходы убраны роскошно, представляютъ всѣ удобства, великолѣпный столъ съ оркестромъ музыки и—что особенно пріятно—нѣмецкое общество. Какими черствыми и непріятными казались мнѣ во время оно нѣмцы, когда впервые послѣ моихъ

поѣздокъ по Сибири и Туркестану мнѣ пришлось столкнуться на ихъ родинѣ! И какими милыми и порядочными показались они мнѣ и здѣсь, и потомъ въ ихъ отечествѣ, когда я вновь встрѣтился съ ними послѣ долгаго общенія съ англичанами и американцами! Погода во время плаванія стояла восхитительная. Періодъ октябрьскихъ бурь кончился и стояли ровные, ясные декабрьскіе дни. Плаванье разнообразилось посѣщеніемъ острова Мадеры и Гибралтара, къ сожалѣнію очень краткосрочнымъ.

Мадера, или точнѣе Фунчалъ, и его окрестности производили самое чарующее впечатлѣніе даже на меня, усталаго отъ впечатлѣній цѣлый годъ длившагося, полнаго разнообразія путешествія.

Мы покинули Америку въ глубокую осень, ежедневно ожидавшую покрытія снѣжнымъ саваномъ. Залитыя солнцемъ окрестности Фунчала давали картину ранней весны. Поля зеленѣли отъ яркой травы, среди которой красовались цвѣты дикихъ ноготковъ, розовыхъ кислицъ (Oxalis), а по скаламъ, вмѣстѣ съ кактусами, лѣпились одичалыя, покрытыя красными цвѣтами гераніи. Вотъ поднимается дубрава темныхъ сосенъ—Pinus canariensis, живо напоминая ландшафты Японіи. Но грубая варварская культура португальцевъ, безконечные огороды и заборы виноградниковъ, вновь возродившихся и вновь дающихъ всѣмъ извѣстную мадеру, которую къ сожалѣнію теперь уже «размадериваютъ», не въ Кашинѣ, какъ во времена Салтыкова, а здѣсь, въ самомъ Фунчалѣ, — все это ставило природу острова, въ смыслѣ изящества ландшафтовъ, далеко ниже всего, къ чему привыкъ глазъ въ странѣ Восходящаго солнца. Только финиковыя пальмы, разбросанныя такъ и сямъ по берегу, придавали острову болѣе южный полутропическій видъ, съ которымъ однако мало гармонировали пожелтѣвшіе отъ осени дубы и уже совершенно обнажившіяся чинары.

Пароходъ останавливался въ Фунчалѣ всего на нѣсколько часовъ, что позволяло мнѣ осмотрѣть только городъ и его ближайшія окрестности. Чистенькіе домики города, католическія церкви, прекрасный, изобилующій тропическими растеніями скверъ дѣлали городъ красивымъ и, какъ кажется, пріятнымъ для жительства. Это типъ южно-европейскаго города, города прибрежной гористой мѣстности, гдѣ улицы круто поднимаются вверхъ и дома лѣпятся одинъ надъ другимъ. Но особенность Фунчала та, что улицы эти круче, чѣмъ въ другихъ городахъ, не имѣютъ лѣстницъ или не состоятъ изъ ступеней, какъ многія улицы Неаполя, но вымощены галечникомъ съ кулакъ величиною, плоско окатаннымъ, который поставленъ своими болѣе острыми, но всетаки закругленными ребрышками наружу, что дѣлаетъ такую мостовую, особенно на болѣе крутыхъ мѣстахъ, довольно скользкою. Но эта-то скользкость особенно и удобна для здѣшнихъ экипажей, такъ-какъ въ странѣ этой, хотя она и не знаетъ ни зимы, ни снѣга, всетаки ѣздятъ на саняхъ. Есть только 2 пункта на земномъ шарѣ, гдѣ лѣтомъ ѣздятъ на саняхъ: это Вольная Сванетія на Кавказѣ и Мадейра. Въ Вольной Сванетіи, это первобытныя сани — первичный экипажъ, изобрѣтенный человѣчествомъ еще въ ту эпоху, когда не знали, какъ сдѣлать колесо. Такъ онъ и остался въ томъ видѣ, какимъ имъ пользовались горцы тысячелѣтія тому назадъ; здѣсь, конечно, не трудно-бы было давно привезти экипажъ изъ Европы или Америки, но консерватизмъ островитянъ, консервативныхъ какъ всѣ островитяне, заставляетъ ихъ оставаться при прежнихъ допотопныхъ способахъ передвиженія. Но если они не измѣнили самого способа движенія, то зато они усовершенствовали форму экипажа. Это очень элегантныя каретки и коляски на полозьяхъ. Какъ въ Сванетіи, такъ и здѣсь, не лошадь, но волъ является двигателемъ; а пара воловъ, запряженная въ такой возокъ, подъ ударами кнута мадеранца

показываетъ проворство, несвойственное этимъ животнымъ въ нашемъ отечествѣ. Когда приходится спускаться съ высоко поднимающихся улицъ, воловъ отпрягаютъ, сани скользятъ по гладкимъ поверхностямъ булыжниковъ и вашъ экипажъ летитъ съ быстротою салазокъ, спускаемыхъ съ масляничныхъ горъ, ловко управляемый жестомъ кучера, становящагося сзади и отпихивающаго экипажъ отъ выступающихъ угловъ улицъ. Особенно интересна поѣздка въ расположенный подъ городомъ монастырь, по пути къ которому туристамъ предлагаютъ отвѣдать мѣстной мадеры, продаваемой по петербургскимъ цѣнамъ. Изъ монастыря сверху открывается чудный видъ на заросшія соснами долины. Хороша и дорога вдоль берега, хотя эти береговые виды на голубой океанъ и обнаженныя пребрежныя скалы менѣе оригинальны. Это тотъже типъ средиземно-морскихъ побережій, который вы встрѣтите отъ Барцелоны въ Испаніи, или Ниццы, до Ялты и Гурзуфа включительно, — виды восхищающіе сперва, но скоро надоѣдающіе, какъ надоѣдаютъ сладкіе звуки мотивовъ итальянскихъ оперъ, если они часто повторяются шарманкою.

Еще нѣсколько дней — и мы черезъ Геркулесовы столбы вошли въ Средиземное море — въ море, которое годъ тому назадъ я покинулъ черезъ Портъ-Саидъ и Суэцъ. Тѣ-же голубыя воды, та-же безукоризненная голубизна неба у западнаго входа въ море, запираемаго выдолбленной англичанами и наполненной ихъ пушками горою Гибралтаромъ,—что и у восточнаго выхода, запертаго захваченнымъ ими Египтомъ. Та-же зелень оливъ въ садикѣ, гдѣ живутъ послѣдніе изъ могиканъ, отъ европейскихъ мартышекъ, оберегаемыхъ гарнизономъ англійскихъ солдатъ, и тѣ-же испанцы-лодочники, которыми когда-то еще юношей я восхищался, путешествуя по Испаніи, а далѣе черезъ нѣсколько времени на фонѣ темной итальянской ночи выплываетъ Везувій съ двумя потоками лавы по склонамъ, заставившій партію итальян-

скихъ рабочихъ пассажировъ 3-го класса, возвращавшихся на родину, издавать радостные крики: Vesuvio! Vesuvio! Да, это Везувій, на который я восходилъ 10 лѣтъ тому назадъ съ благоговѣйнымъ трепетомъ неофита, впервые послѣ странствій среди кочевниковъ Азіи попавъ въ страну древней высокой культуры и цивилизаціи.

Теперь я совершилъ кругосвѣтное плаваніе, проведя большую часть пути среди странъ, бывшихъ колыбелью человѣческой культуры, гдѣ культура эта, зародившись, такъ сказать, застыла въ тѣхъ древнихъ ея формахъ, которыя, начиная отъ архитектуры домовъ до явленій уличной жизни вы можете параллелизировать съ тѣми, которыя позволяютъ намъ возстановить развалины Помпеи. И какъ различно то впечатлѣніе, какое производила эта страна на меня тогда и теперь. И подъ сколь инымъ угломъ зрѣнія невольно начинаешь смотрѣть и на наслѣдниковъ культуры этой — народы сѣвера и востока Европы. Сравненію впечатлѣній, вынесенныхъ изъ этого кругосвѣтнаго плаванія, я и хотѣлъ-бы посвятить мое послѣднее заключительное письмо.

Заключенiе.

Я опять на родинѣ. Курьерскій поѣздъ мчитъ меня въ Харьковъ. Въ вагонѣ натоплено и душно. Въ окна разстилается на необозримое пространство снѣжная равнина, сливающаяся съ сѣрымъ, хмурымъ январьскимъ небомъ. Легкая мятель подвѣваетъ снѣгъ, онъ сыплется сверху, и трудно сказать, гдѣ кончается сумрачная бѣлая равнина и гдѣ начинается это снѣжное сѣрое небо. Жалкія лачуги, сгруппировавшіяся въ деревни, почти занесены снѣгомъ. Разбросанныя на громадныя разстоянія одна отъ другой, деревни кажутся погребенными подъ этимъ мертвящимъ бѣлымъ саваномъ, и мнится, что равнина, по которой несется поѣздъ, обречена на вѣрную смерть, что онъ самъ, этотъ облѣпленный снѣгомъ поѣздъ, все болѣе и болѣе замедляющій ходъ свой, скоро остановится, чтобы замерзнуть и, какъ все окружающее, быть погребеннымъ подъ снѣговымъ саваномъ. Но мысли мои далеки отъ этой безотрадной и грустной обстановки. Онѣ переносятъ меня назадъ, въ столь недавно покинутыя мною страны; онѣ переносятъ меня въ жаркія и такія-же ровныя пространства Индіи, по которымъ точно такъ-же мчалъ меня поѣздъ, на лоно водъ Янтсекіанга, къ подножію горы Фузи, въ шумную толчею Санъ-Франциско...

Какъ странно послѣ этихъ муравейниковъ человѣческой жизни, гдѣ милліоны разумныхъ существъ жили и умирали не зная, что такое шуба, не зная, что топливо необходимо, чтобы не замерзнуть, и употребляется не

для того только, чтобы варить пищу, а жилище предназначено для защиты отъ мороза, а не отъ дождя,—попасть теперь вновь въ эту морозную среду, въ эту атмосферу, которая была-бы столь-же губительна для этого человѣчества, какъ и для осѣняющихъ его пальмъ, бамбуковъ и вѣчно-зеленыхъ деревъ. Могла-ли-бы эта цивилизація и культура, своеобразныя проявленія которой мы видѣли, начиная отъ Египта и кончая Сандвичевыми островами, зародиться и существовать въ этой холодной и безотрадной обстановкѣ? И если субтропическій поясъ былъ истинною колыбелью человѣческой культуры, то не придется-ли признать это царство холода областью ея агоніи, если даже не настоящею могилою? Исторія намъ говоритъ въ пользу этого предположенія. Царство снѣга и мороза, русская равнина не играла видной роли въ созданіи той культуры и цивилизаціи, которая, зародившись въ полутропическихъ странахъ Востока, передавалась затѣмъ отъ одного народа къ другому, причемъ каждый послѣдующій, дополняя ее и совершенствуя, довелъ цивилизацію эту и культуру до той высоты ея, какую мы наблюдаемъ у культурныхъ народовъ далекаго Запада и Востока европейско-азіатскаго материка.

Россія и русская равнина не принимали активнаго участія въ созданіи этой цивилизаціи. Всякій разъ, когда носители ея являлись съ цѣлью ея насажденія, она не хотѣла здѣсь укореняться, являясь экзотическимъ растеніемъ, которое или гибло, какъ гибнутъ наши цвѣтники подъ дыханіемъ холоднаго октябрьскаго вѣтра, или оставалось тепличнымъ растеніемъ, дорого стоющимъ и требующимъ усиленнаго ухода.

Высокая культура, роскошные памятники которой оставили намъ древнія греческія колоніи Тавриды, сохранилась лишь въ формѣ руинъ и предметовъ, доставляемыхъ раскопками могильниковъ и развалинъ. Она не проникла въ варварскія племена, кочевавшія сѣвернѣе Крыма. Какъ во времена Владиміра Святого палками и розгами

загоняли народъ нашъ въ школы, а матери проливали горькія слезы объ отдаваемыхъ въ ученіе дѣтяхъ, такъ точно и теперь добрыя $^{2}/_{3}$ крестьянскаго населенія Россіи,—а Россія вѣдь страна крестьянъ,—относятся съ такимъ-же точно индиферентизмомъ къ образованію. Ихъ дѣти послѣ школы забываютъ пройденное, даже простую грамоту,—и новобранецъ 21 года нерѣдко столь-же невѣжественъ, какъ и младшій братъ его, поступающій въ школу, пройденную старшимъ лѣтъ 10 тому назадъ. Войдите внутрь этой занесенной снѣгомъ избы. Вы тамъ встрѣтите обстановку сына природы, сына лѣса или степи, семья котораго почти все нужное приготовляетъ сама, приготовляетъ первобытнымъ и грубымъ способомъ, начиная отъ лаптей или малороссійской плахты и кончая грубымъ холстомъ и первобытною телѣгою. Копнитесь въ міросозерцаніи этого одѣтаго въ сермягу или овечью шкуру аборигена, и вы отшатнетесь съ ужасомъ, увидя, подъ тоненькой пленкою внушенныхъ идей, понятія доисторическаго варвара, временъ перваго заселенія Европы, понятія, гдѣ рука объ руку съ идеями греческой церкви ютятся представленія о душѣ, о силахъ природы и суевѣрія, тождественныя съ народами языческой Индіи, лишь выродившіяся и потерявшія яркость красокъ, въ блѣдной обстановкѣ полугиперборейской жизни.

И такъ живетъ добрыхъ 75% этого сто-милліоннаго населенія. Правда, это населеніе начинаетъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, оно видитъ телеграфныя проволоки, протянутыя вдоль первобытныхъ шоссейныхъ дорогъ, мосты которыхъ и доселѣ еще старательно объѣзжаются благоразумными ямщиками. Правда, и у насъ есть и фабрики и заводы, и жители Петербурга и Москвы, подобно жителямъ Санъ-Франциско, вдыхаютъ благотворную для легкихъ копоть фабричныхъ трубъ и химическихъ заводовъ. Но возьмите списки нашихъ фабрикантовъ и крупныхъ торговыхъ фирмъ—и ваша иллюзія исчезнетъ. Прогуляйтесь по улицамъ любого столичнаго города и почитайте

его вывѣски, и вы увидите, что эта промышленность и торговля въ лучшемъ случаѣ эксплуатируетъ силы русскихъ чернорабочихъ и приказчиковъ, находясь въ такой-же зависимости отъ иностранныхъ предпринимателей, въ какой эти послѣдніе эксплуатируютъ грубую физическую силу полудикихъ народовъ. Правда, вы назовете десятки русскихъ фирмъ. Но эти десятки тонутъ среди тысячъ иностранныхъ и, какъ одна ласточка, не дѣлаютъ весны. Пусть эти иностранцы русскіе подданные—но они не продуктъ родной почвы и созданная ими промышленность есть лишь пышный чужеземный цвѣтокъ, воспитанный подъ колпакомъ высокихъ пошлинъ и покровительственной системы, цвѣтокъ, который завянетъ, какъ только будетъ предоставленъ росту подъ всѣми невзгодами естественныхъ условій развитія.

Toute la Russie est à vendre, говорятъ бельгійцы и говорятъ совершенно справедливо. Желѣзныя руды, угольныя копи, всевозможныя концессіи, начиная отъ электрическаго освѣщенія и до организаціи въ университетскихъ городахъ легковыхъ извощиковъ, конокъ, водопроводовъ — все къ ихъ услугамъ, и въ то время какъ капиталъ и знаніе вырываютъ изъ рукъ русскихъ предпринимателей и коммерсантовъ различныя отрасли промышленности, громадныя территоріи, нѣкогда принадлежавшія крупнымъ землевладѣльцамъ юга Россіи, переходятъ въ руки колонистовъ, не имѣющихъ съ русскимъ населеніемъ ничего общаго, глубоко его презирающихъ— и являющихся причиною массоваго выселенія, точнѣе бѣгства этого полудикаго и полунищаго безземельнаго крестьянства въ еще болѣе гиперборейскую Сибирь. Невольно, смотря на эту картину, подумаешь, что нашу народную массу ждетъ та-же печальная участь, что и другихъ сыновъ природы или точнѣе пасынковъ ея, которые не побѣдили суровыхъ условій существованія своего, но приспособились къ нимъ, какъ приспособились полярныя животныя къ холоду или пустынныя—къ сухо-

сти. На эти приспособленія ушли всѣ силы организма. Онъ закоснѣлъ въ нихъ, сталъ инертнымъ, неспособнымъ къ дальнѣйшему прогрессу атрибутомъ тѣхъ природныхъ условій, которыми онъ окруженъ. Измѣните эти условія— и погибнетъ самый организмъ, какъ исчезли дрофы и сайги со времени раскопки степей или медвѣди исчезли изъ странъ, гдѣ вырубили лѣса. Такъ исчезали краснокожіе тамъ, гдѣ заводили свои факторіи бѣлые, такъ подчинялись малайцы голландцамъ — такъ нищаютъ и становятся экономическими рабами южноруссы съ момента водворенія среди нихъ нѣмцевъ и бельгійцевъ. И эти послѣдніе, подобно англичанамъ, игнорировавшимъ языкъ краснокожихъ, поселяясь среди нихъ, не желаютъ знать ни языка, ни обычаевъ аборигеновъ. Немалаго труда стоило ввести русскій языкъ въ школы колонистовъ, несмотря на очевидную полезность его, привилегированные-же французы и нѣмцы, десятками лѣтъ эксплуатируютъ наше отечество, находя варварскій языкъ его черезчуръ труднымъ для своей гортани. Невольно видится впереди страшная перспектива полнаго подчиненія чуждой культурѣ, подчиненія безъ пролитія крови, безъ сраженій и пушечныхъ выстрѣловъ, какъ уже подчинились ей пасынки природы, полукультурные малайцы, разныя племена Индіи и Америки, уже стыдящіяся своего неиспанскаго происхожденія.

Таковы тѣ невеселыя мысли, которыя навѣвала на меня погребенная въ снѣга равнина, по которой съ медленностью, присущею всѣмъ нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, приближалъ меня поѣздъ къ городу, который я годъ тому назадъ покинулъ, отправляясь въ свое кругосвѣтное путешествіе.

Но виноваты-ли мы, русскіе, что культура наша не самобытна, такъ-какъ то самобытное, что въ ней обыкновенно ищутъ, — есть что-то слишкомъ первобытное, чтобы заслуживать названіе культуры.

Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на страны, затронутыя моимъ маршрутомъ, страны, гдѣ зародилась эта

культура, которая легла въ основу нашей европейской цивилизаціи, мы увидимъ, что страны эти были поставлены въ условія совершенно иныя, чѣмъ наше отечество.

Исторія, или точнѣе, доисторія и археологія показываютъ, что ни Европа, ни Америка не могли быть родиною и колыбелью человѣческой культуры. Ни та, ни другая не имѣли достаточнаго запаса культурныхъ растеній или способныхъ къ прирученію животныхъ, чтобы человѣкъ при ихъ помощи могъ выбраться изъ положенія батрака природы и создать какую-нибудь культуру. Въ тропической полосѣ онъ имѣлъ черезчуръ много всего, чтобы думать о завтрашнемъ днѣ, развивать свои мыслительныя способности и энергію. Въ полосѣ умѣренной и холодной онъ имѣлъ слишкомъ мало помощниковъ, чтобы сдѣлаться чѣмъ-либо лучшимъ, чѣмъ охотникомъ, подобно хищному звѣрю, развивающимъ только животные инстинкты, выносливость, наблюдательность, хитрость, памятливость на мѣсто и т. п.

Въ Америкѣ только *маисъ* являлся культурнымъ растеніемъ умѣреннаго пояса, на сѣверѣ, да картофель и Chenopodium Quinua на югѣ, лама и альпака—единственными прирученными животными. Съ этими помощниками трудно было создать ту обезпеченную жизнь, которая позволила-бы вдумываться въ причины вещей и создать хотя-бы для *жрецовъ* ту науку, которая помогла культурному человѣчеству выйти изъ положенія рабовъ окружающихъ ихъ природныхъ условій.

Во внѣтропической Африкѣ точно также единственной помощницей человѣка была корова, боготворимая и почитаемая, но неспособная создать цивилизацію.

Только одна Азія была способна создать эту цивилизацію. Она одна имѣла въ своей флорѣ и фаунѣ запасъ растеній и животныхъ, которыя, ставъ слугами человѣка, заставили его работать и думать о нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечивъ существованіе по крайней мѣрѣ избран-

никамъ человѣчества, дали досугъ, необходимый для созданія науки.

Не ея жаркая полоса, нѣжившая и баловавшая человѣчество, создала эту культуру, и не холодныя ея гиперборейскія страны, гдѣ и донынѣ человѣкъ остается жалкимъ батракомъ природы, но умѣренный, точнѣе— субтропическій поясъ этой части свѣта. Здѣсь впервые холодная зима показала человѣку, что безъ запасовъ жить трудно, и здѣсь-же впервые природа дала человѣку въ руки орудіе для борьбы съ ея капризами. Но орудія эти въ разныхъ концахъ громаднаго континента были неодинаковыя.

Дальній Востокъ Азіи есть страна влажнаго субтропическаго климата. Этотъ климатъ создаетъ пышную полутропическую растительность, идущую, немного только измѣняясь, чрезвычайно далеко на сѣверъ. Нѣкогда это была страна дремучихъ дѣвственныхъ лѣсовъ и болотъ. Только культура человѣка расчистила здѣсь пашни, и стоитъ только забросить эти пашни, онѣ сейчасъже вновь зарастутъ лѣсомъ. Здѣсь нѣтъ мѣста для пастбищъ. Здѣсь не было никогда тѣхъ травоядныхъ животныхъ, которыя могли-бы быть помощниками человѣка, если не считать буйвола. Сюда привезенныя и введенныя породы по виду уже показываютъ, что онѣ чувствуютъ себя не по себѣ. Онѣ мелки, тщедушны, и признаки ихъ указываютъ на родство съ породами другихъ странъ.

Напротивъ, здѣшняя флора изобилуетъ великимъ разнообразіемъ полезныхъ растеній, которыя одни во многихъ случаяхъ обезпечиваютъ существованіе культурнаго человѣчества. Тѣмъ существенно и отличается культура жителя дальняго Востока, что культура эта есть культура, созданная исключительно съ помощью растеній. Конечно, теперь и въ хозяйствѣ китайца, и у японца играютъ извѣстную роль и лошадь, и корова, и буйволъ; но стоитъ только посмотрѣть на этихъ маленькихъ и тщедушныхъ тварей—лошадокъ и коровокъ, нерѣдко откармливаемыхъ

нарѣзанною руками человѣка травою, собранною по окраинамъ полей, чтобы видѣть, что онѣ здѣсь не дома. Гибель домашнихъ животныхъ была-бы причиною раззоренія крестьянина Запада, но благосостояніе японца измѣнилось-бы весьма мало къ худшему, еслибы вымерли его четвероногіе помощники.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая, какъ, напримѣръ, въ провинціи Хунань, до сихъ поръ обходятся безъ помощи животныхъ, обрабатывая поля руками, распахивая ихъ на людяхъ. Большая часть продуктовъ, поставляемыхъ намъ животнымъ міромъ, поставляется странамъ дальняго Востока растеніями. Кожа, мясо, шерсть, сало— все здѣсь замѣняется соотвѣтственными продуктами растительнаго царства. Растенія Китая и Японіи достигаютъ такого богатства и разнообразія, что, благодаря имъ, здѣсь создалась культура, ничѣмъ не уступающая культурѣ цивилизованныхъ государствъ Запада. Японія съ ея 30-милліоннымъ населеніемъ, не уступающая по численности народа Англіи, до прихода европейцевъ не знала ни свиньи, ни овцы, ни осла, ни верблюда; лошадь и корова были распространены въ ней въ самомъ ограниченномъ количествѣ; до сихъ поръ населеніе ея не знаетъ за столомъ ни молока, ни мяса, и тѣмъ не менѣе мы видимъ, что японцы преуспѣваютъ не менѣе насъ на всѣхъ отрасляхъ промышленности, мануфактуры, науки и даже военнаго искусства. Въ то время какъ мы едва насчитываемъ нѣсколько десятковъ полезныхъ растеній, воздѣлываемыхъ на крестьянскихъ поляхъ нашихъ деревень, въ Японіи однихъ только годныхъ въ пищу растеній воздѣлывается болѣе 430, вообще-же полезныхъ человѣку растительныхъ формъ можно насчитать до 1 500. Они даютъ меню стола, несмотря на отсутствіе въ немъ хлѣба, молока и мяса, гораздо болѣе разнообразное, чѣмъ здѣсь, гдѣ къ нашимъ услугамъ всевозможные сорта мяса и дичи. Растеніе здѣсь кормитъ, освѣщаетъ и одѣваетъ человѣка. Отъ сандалій своихъ ногъ и до шляпы крестьянинъ Япо-

нiи одѣтъ въ растительные продукты. Онъ не знаетъ ни шерсти, ни кожи; масло, сало, воскъ, клей—все здѣсь изъ растительныхъ продуктовъ, и уходъ за дающими ихъ растенiями, характеръ питанiя, все это не могло не отразиться на самомъ характерѣ культуры этихъ народовъ.

Не менѣе высокая, чѣмъ наша, она носитъ совершенно иной обликъ. Наша западная культура создалась, можно сказать, исключительно благодаря помощи животныхъ. Лошадь, овца, волъ и верблюдъ, если хотите, еще олень и коза помогли здѣсь жалкому сыну природы перестать быть батракомъ ея, обезпечили запасомъ пищи на голодное время и дали досугъ для мышленiя, съ помощью котораго создалась наука, и сынъ Запада, ставъ нѣкогда господиномъ надъ животными, стремится теперь сдѣлаться господиномъ надъ людьми. На Востокѣ не укротителя и покорителя, но воспитателя и культиватора создавала изъ человѣка его разнообразная флора, прiучая къ мирному, кропотливому и усидчивому труду, дѣлая трудъ главнымъ стимуломъ жизни, и этимъ путемъ, путемъ конкурренцiи на поприщѣ мирной работы и трудовой организацiи, сдѣлала народы эти страшными даже для сыновъ Запада, съ ихъ крупповскими пушками и бездымнымъ порохомъ. Если не на поприщѣ науки, то на поприщѣ нравственной философiи народы эти опередили Западъ. Правда, мы владѣемъ высокою христiанскою моралью, но, если мы посмотримъ, поскольку мораль эта проникла въ народныя массы, мы увидимъ, какъ много еще надо сдѣлать въ этомъ направленiи по сравненiю съ тѣмъ, что сдѣлано въ народѣ послѣдователями Будды и Конфуцiя. Правда, мораль ихъ носитъ пассивный характеръ. Лао-Цзе видитъ идеалъ въ водѣ, которая ниже всѣхъ, которую никто не видитъ, но влiянiе которой, благотворное, и животворящее, чувствуется всюду Христiанская заповѣдь любви къ ближнему выражена Конфуцiемъ легче исполнимой формулой: «не дѣлай ближнему того, чего не хочешь себѣ».

Вся мораль Востока есть мораль непротивленія злу, и въ Китаѣ она вошла въ плоть и кровь народа, она доведена до столь крайнихъ степеней, что часто оскорбленный предпочитаетъ повѣситься на дверяхъ оскорбителя, вмѣсто того, чтобы вызвать его на дуэль, какъ то сдѣлалъ-бы на его мѣстѣ его бѣлолицый братъ. Правда, и въ Китаѣ, и въ Японіи, и въ Индіи идеи философовъ не могли быть непосредственно восприняты народною массою. Эта послѣдняя приспособляла ихъ къ своимъ первобытнымъ суевѣріямъ, сводя на исполненіе внѣшнихъ обрядовъ и установленнаго духовенствомъ культа ученіе нравственности, имъ проповѣданное. На этомъ пути они дошли до крайне уродливыхъ формъ. Но крайности эти врядъ-ли больше тѣхъ крайностей, до которыхъ доходило христіанство Запада во времена инквизиціи, и все-же ученія Конфуція и Будды встрѣчали менѣе препятствій, были скорѣе понимаемы народною массою, чѣмъ великое откровеніе, данное на Западѣ Азіи. Они вытекали изъ жизни, изъ самаго духа народа.

Эта растительная, вегетаріанская культура зародилась и достигла высшаго своего развитія на дальнемъ Востокѣ Азіи. Она здѣсь распространилась вдоль ея береговъ въ меридіональномъ направленіи такъ-же широко, какъ широко вдоль сѣвера Европы и Азіи распространилась культура русская. Но нашъ поселенецъ, двигаясь съ запада на востокъ, отъ океана до океана, встрѣчалъ сходныя съ отечественными условія жизни, тогда-какъ житель Востока отъ Камчатки до Явы долженъ былъ пересѣкать всѣ температурные пояса. Но въ томъ-то и лежитъ весь секретъ развитія и распространенія этой оригинальной цивилизаціи далекаго Востока, что, беря начало въ тропическомъ, изобилующемъ всевозможными произведеніями растительнаго царства поясѣ, она могла идти далеко на сѣверъ, встрѣчая условія, позволявшія растеніямъ этимъ развиваться столь-же успѣшно. Двигаясь съ сѣвера на югъ, у насъ въ западной половинѣ Стараго Свѣта

мы встрѣчаемъ столь различные типы природы, какъ хвойные лѣса Швеціи, воздѣланныя нивы и дубравы средней Европы, царство пиній, кипарисовъ и апельсиновъ юга, пески и финиковыя пальмы Сахары и дѣвственные лѣса и саванны экваторіальной Африки. Совсѣмъ не то на Востокѣ. Здѣсь, двигаясь съ юга на сѣверъ, растительность находится въ сходныхъ условіяхъ. Измѣняется одинъ только факторъ—степень тепла — и то зимою, а не лѣтомъ, когда главный ростъ и когда она вездѣ близка къ тропической. Мы двигаемся здѣсь какъ-бы въ громадномъ акклиматизаціонномъ саду, гдѣ растенія пріучаются къ болѣе низкой температурѣ, мельчаютъ, закаляются, измѣняются, наконецъ, вычеркиваются изъ списковъ за неспособностью переносить усиливающійся холодъ. Растительность, по мѣрѣ движенія къ сѣверу, вырождается, бѣднѣетъ, но черты ея отъ экватора и до Сахалина остаются тѣ-же, одни виды лишь замѣняются соотвѣтствующими другими. Громадные бамбуки—неотъемлемая принадлежность тропическихъ ландшафтовъ Явы и окрестностей Сингапура; въ Японіи ихъ высота уже всего нѣсколько саженъ; на Сахалинѣ и на Курильскихъ островахъ они хватаютъ только по поясъ, но и то и другое бамбуки. Въ горныхъ ущельяхъ Суматры, въ долинахъ Китая и Японіи и въ холодной Камчаткѣ вы можете гулять въ тѣни бора изъ сосенъ, видѣть ягоды растеній, родственныхъ ежевикѣ, любоваться цвѣтами различныхъ рододендроновъ; до Кореи вы запутываетесь въ ліанахъ Smila. Citrus decumana, знаменитый пампельмуссъ или яванскій апельсинъ, больше человѣческой головы; въ Китаѣ онъ смѣняется нашимъ обыкновеннымъ апельсиномъ; въ южной Японіи преобладаетъ мандаринъ, на ея сѣверѣ Citrus japonica не болѣе орѣха—но все это апельсины. Чайное дерево Ассама—это дерево; въ Японіи это низкорослый кустъ.

Такихъ примѣровъ можно дать безъ числа. Что-жь удивительнаго, что человѣкъ Востока, замѣняя одну

родственную форму другою, могъ здѣсь передвигаться въ меридіональномъ направленіи такъ-же легко, какъ мы двигались въ широтномъ,—не мѣняя ни своей системы, ни своихъ правилъ. Что-жь удивительнаго, что здѣсь развился строй жизни своеобразный, этою растительностью и климатомъ созданный, существенно отличный отъ нашего.

Цивилизація Запада создана не растеніемъ, а *животнымъ*. Если древніе арійцы знали пшеницу, ленъ и коноплю и если у нихъ было грубое земледѣліе, то земледѣліе это, какъ и у нашихъ осѣдлыхъ киргизъ, было *подспорьемъ* къ скотоводству. Безъ него они могли-бы легко обойтись, какъ обходятся безъ него настоящіе номады, питаясь айраномъ и мясомъ животныхъ, одѣваясь ихъ шкурами, строя подвижной домъ-юрту изъ ихъ шерсти, употребляя ихъ какъ средство для передвиженія. Если востокъ Азіи—родина главныхъ культурныхъ растеній человѣчества, то западъ и центръ ея такая-же родина его четвероногихъ рабовъ и помощниковъ. Можно сильно усомниться, ушелъ-ли-бы сынъ запада Азіи далеко по пути прогресса со своею пшеницею, еслибы пшеницу эту ему пришлось, подобно рису, воздѣлывать руками и вспахивать необъятныя равнины полей на своихъ женахъ или рабахъ.

Лишь наложивъ тяжелое ярмо на своихъ четвероногихъ собратовъ, полуживотное доисторическаго періода, человѣкъ создалъ себѣ человѣческія условія жизни, сдѣлался человѣкомъ. Но человѣкъ этотъ былъ иной, чѣмъ человѣкъ Востока. Его культура, его прогрессъ основывался на эксплуатаціи и грабежѣ. Жрецы древности эксплуатировали невѣжество толпы, но они создали науку, которая дала силу религіознымъ профанамъ эксплуатировать силы природы. Все земледѣліе Запада сводилось сперва на эксплуатацію силъ животныхъ для грабежа почвы. Когда явилось болѣе организованное общество, оно пользовалось своею силою, чтобы такимъ-

же образомъ эксплуатировать силы людей, создавая рабовъ и крѣпостныхъ.

Но эти рабы и эти крѣпостные дѣлали лишь тоже, что и хозяева ихъ—безпощадно грабили природныя богатства страны и, ограбивъ и истощивъ одну, стремились грабить другую, пользуясь животными, какъ удобнымъ средствомъ передвиженія. Въ то время какъ воздѣлывающій свои растенія китаецъ такъ привязанъ къ своей почвѣ, что разстается съ нею лишь въ случаѣ крайней нужды,—лишь послѣдняя степень лишенія заставляетъ его дѣлаться торговцемъ, военнымъ или покидать свою родину, и то подъ условіемъ, чтобы трупъ его былъ отосланъ въ Китай,—сынъ западной Азіи привязанъ къ своей почвѣ весьма условно. Вся Европа заселилась выходцами изъ Азіи, нашедшими, что лучше, пользуясь ногами своихъ животныхъ, искать новыя земли, чѣмъ улучшать старыя. Вся исторія европейской культуры есть исторія нашествій одного народа на другой. Ограбивъ побѣжденныхъ, побѣдители пользовались полученнымъ отъ побѣжденныхъ наслѣдіемъ знаній и науки и, дополнивъ ее своимъ небольшимъ вкладомъ, шли завоевывать сосѣдей, чтобы повторять съ ними то-же самое, пока сами не дѣлались жертвою набѣга болѣе сильнаго врага. Самобытность культуры нашихъ народовъ Запада болѣе чѣмъ сомнительна. Эти культуры французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и итальянцевъ суть лишь слабые оттѣнки одной и той-же культуры, образовавшейся изъ разнообразнѣйшихъ наслоеній на культурное ядро, зародившееся гдѣ-то далеко на западѣ центральной Азіи. И что-же удивительнаго, что когда одного китайца, объѣздившаго всѣ государства Европы, спросили: чья культура ему болѣе нравится, онъ отвѣтилъ: право, затрудняюсь сказать—онѣ всѣ такъ похожи одна на другую. Сущность этой культуры—хищеніе и эксплуатація чужого труда. Крестьянинъ расхищаетъ естественныя богатства края и, расхитивъ и раззоривъ край, стремится повторять то-же въ

другихъ частяхъ свѣта: русскіе—въ Сибири, англичане—въ Канадѣ или Австраліи, нѣмцы — въ Африкѣ, южной Россіи, южной Америкѣ, имѣя совершенно непонятный для жителя Востока лозунгъ: ubi bene ibi patria, гдѣ хорошо—тамъ и отечество. Современная сила есть капиталъ, и вездѣ капиталъ направленъ на эксплуатацію ближняго: и въ нищенской Россіи, и въ обѣднѣвшей Германіи, и въ страдающей отъ обилія денегъ и изобилующей природными богатствами Америкѣ. И какъ религіозному авторитету своему были обязаны жрецы древности, что имъ удалось формулировать мысли и идеи умнѣйшихъ людей въ младенческую науку древности, такъ несомнѣнно капиталу обязаны мы главными характерными и отличающимися отъ восточныхъ чертами нашей современной цивилизаціи—высокому развитію естественныхъ и математическихъ наукъ и технологіи и фабричной промышленности въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Безъ капиталовъ немыслимы-бы были ни наши пароходныя и желѣзнодорожныя сообщенія, ни наши примѣненія электричества, новыхъ металловъ, химическихъ соединеній и открытій новѣйшей науки. Въ этомъ направленіи движется весь прогрессъ Запада, и нигдѣ онъ не достигъ такого полнаго выраженія, какъ въ Америкѣ.

Тотъ-же инстинктъ передвиженія, завоеванія и захватовъ, который вывелъ изъ Азіи древнихъ арійцевъ и германцевъ, въ вѣкъ науки и промышленности создалъ ту-же алчную подвижность, заставившую ихъ расползтись по всему міру и съ помощью пара и электричества подчинить себѣ остальной міръ, точнѣе—подчинить его своей промышленности.

И путь, по которому шли эти уже высоко-культурные завоеватели, все тотъ-же. Это былъ тотъ-же грабежъ, не съ оружіемъ въ рукахъ, но съ усовершенствованными орудіями XIX вѣка, грабежъ природы и людей, ведшій къ накопленію роскоши и богатства въ рукахъ немногихъ лицъ и державшій въ нищетѣ и убожествѣ

тысячи. Когда я сравнивалъ картины природы Мадейры или окрестностей Неаполя, послѣ еще неизгладившагося впечатлѣнія, оставшагося отъ Японіи, меня поражала та загаженность, изуродованность, обобранность природы, которая, бросаясь въ глаза на каждомъ шагу, дѣлала невозможнымъ восхищаться ландшафтомъ Неаполя съ Camalololi, ландшафтомъ, лучшимъ въ Европѣ, про который сложилась поговорка: Vedere Napoli e poi mori. Когда вы видите эту землю, какъ соты, перегороженною тысячами перекрещивающихся каменныхъ заборовъ, отдѣляющихъ частную собственность отдѣльныхъ лицъ, эти массы развалившихся и разваленныхъ построекъ, эту бурьянную растительность, эти безобразно посаженныя деревья съ обрубленными вѣтвями, эти истребленные лѣса, всю эту обобранную, загаженную природу, вы можете восхищаться только цвѣтомъ моря да формами горъ, измѣнить которыхъ не успѣла рука человѣка.

Точно также эта постоянная смѣна завоеваній навсегда оставила слѣдъ на отношеніяхъ человѣка къ человѣку. Сильный никогда не уважалъ слабаго, и работа была достояніемъ этого послѣдняго. Сколько разъ въ Россіи даже я бывалъ свидѣтелемъ, какъ люди, вышедшіе изъ простыхъ крестьянъ, изъ каменоломовъ, съ презрѣніемъ смотрѣли на физическій трудъ, разъ только находили возможность получать какихъ-нибудь 30—40 р. жалованья. Подмести полъ, принести ведро съ водою, особенно еще на глазахъ другихъ, имъ казалось какимъ-то униженіемъ своей личности. А заикнитесь о физическомъ трудѣ многимъ изъ получившихъ образованіе, такъ-называемыхъ привилегированныхъ, и они посмотрятъ на это какъ на личное оскорбленіе.

Рядомъ съ этимъ развивается сословность, которая такъ чужда культурѣ дальняго Востока. Эта сословность создаетъ пренебрежительное обращеніе сильнаго со слабымъ, богатаго съ бѣднымъ и грубость нравовъ среди этихъ послѣднихъ. Американецъ своими манерами произ-

водитъ впечатлѣніе дикаря передъ деликатностью обращенія китайца и японца, и я предпочелъ-бы манеры японскаго чернорабочаго манерамъ американскаго или нѣмецкаго буржуа.

Всякаго рода брань и кулачная расправа, къ которой такъ охотно прибѣгаютъ мои соотечественники безъ различія степени образованія и развитія—внѣ всякаго пониманія у японцевъ. «Не знаю, что могло случиться съ моимъ господиномъ, говорилъ лакей одного иностранца лакею другого,—онъ кажется совсѣмъ съ ума сошелъ—онъ выругалъ меня болваномъ и скотомъ».—«А мой, отвѣчалъ собесѣдникъ,—унизилъ себя до того, что позволилъ себѣ ударить меня по лицу...» Намъ много еще придется ждать того времени, когда даже «культурные» люди наши доростутъ до пониманія, что лѣзть въ минуту раздраженія съ кулаками есть униженіе для наносящаго удары, обращающагося въ звѣря человѣка.

Культура Запада слагалась изъ ряда завоеваній, когда завоеватели, поправъ честь завоеванныхъ, ограбивъ ихъ, мало-по-малу на руинахъ стараго создавали что-то новое, болѣе совершенное. Востокъ непрерывно развивался по одному направленію. Культура Запада переносилась съ мѣста на мѣсто, начавшись въ Ассиріи и кончившись въ Америкѣ. Китай не перемѣнялъ своего насиженнаго мѣста. Правда, и его завоевывали, но завоеванія кончались тѣмъ, что завоеватели во всемъ подчинялись завоеваннымъ и сливались съ ними. Такъ было съ татарами, монголами и манчжурами. Не надо думать, что китайская цивилизація оставалась всегда одною и тою-же, какою она создалась тысячелѣтія тому назадъ. Она развивалась и прогрессировала, она прогрессируетъ и теперь, но такъ-какъ ходъ развитія ея иной, въ ней нѣтъ болѣзненныхъ революцій и ломокъ старыхъ традицій, то мы не видимъ, или вѣрнѣе, не хотимъ видѣть этого прогресса. Китай постоянно совершенствовалъ то, что было основано въ стародавнія времена, примѣняя къ

новымъ условіямъ жизни. До столкновенія съ европейцами онъ имѣлъ дѣло только съ болѣе дикими народами, если не считать Индіи, и неудивительно, что его культура была не рядъ наслоеній разныхъ заимствованій, а самобытное развитіе, лишь слегка измѣненное индійскимъ вліяніемъ.

И Китай имѣлъ революціи, но революціи эти имѣли слѣдствіемъ смѣну династій, но не измѣненіе государственнаго порядка. Цивилизація Китая развивалась непрерывно и безъ постороннихъ вліяній 4 000 лѣтъ. Это цивилизація вполнѣ самобытная, и въ этомъ лежатъ всѣ ея достоинства и недостатки. Ея исторія можетъ быть разбита на два періода: отъ основанія имперіи до 200 г. до Р. Х. и отъ 200 г. до нашего времени.

Первый періодъ былъ періодъ формированія. Фетишизмъ народной массы постепенно систематизировался въ поклоненіе небу — невидимой причинѣ всѣхъ причинъ. Затѣмъ почтеніе къ труду, выработавшемуся воспитаніемъ растеній, развило то *уничтоженіе сословій, отсутствіе коихъ составляетъ самую характерную черту китайской культуры*. Культура Запада никогда не могла отрѣшиться отъ хищенія и эксплуатаціи. Все, что мы имѣемъ, наше богатство, наша цивилизація—есть продуктъ рабскаго труда или труда наемниковъ. Не успѣли народныя массы Европы и Запада Азіи добиться уничтоженія сословности, какъ былъ поднятъ вопросъ о высшихъ и низшихъ рассахъ, и въ послѣднемъ письмѣ нашемъ читатель видѣлъ, какъ еще далеко въ этомъ отношеніи отстали отъ китайцевъ носители высшей изъ цивилизацій Европы—американцы.

Въ эту-же эпоху исторія Китая рисуетъ намъ и ходъ развитія другой характерной стороны его цивилизаціи—это передачи дѣлъ управленія государства не капиталистамъ, не лицамъ, обладающимъ грубою силою, или ставленникамъ, но самымъ просвѣщеннымъ умственно и морально людямъ *ученымъ*, ученость коихъ испытана аре-

опагомъ лучшихъ людей государства и провѣрена императоромъ. Наконецъ, здѣсь-же мы видимъ возростаніе значенія *семьи* и ея связей, сыновняго почтенія и того культа предковъ, который, объединяя живыхъ съ мертвыми, не дѣлаетъ для китайца разницы между міромъ загробнымъ и его окружающимъ и еще болѣе сближаетъ въ одно цѣлое по культурѣ 400-милліонное населеніе. Въ 500 году до Р. Х. Конфуцій приводитъ все это въ стройную систему, скрѣпленную его ученіемъ. Фаза эта заканчивается завоевательными дѣйствіями Tsin Sche Huong-ti, соединившаго въ могущественную имперію разъединенныя феодальныя княжества. Китайская цивилизація сформировалась на берегахъ Гоанго, въ провинціяхъ Шенси и Шанси, постепенно распространилась оттуда на сѣверъ и на югъ. Китайцы утверждаютъ, что ихъ народу дало начало всего 100 семей. Но размножаясь и ассимилируя окрестныя племена, китайцы до-конфуціанскаго періода дробились на мелкія племена, враждовавшія другъ съ другомъ. Результатомъ распространенія идей философа было сознаніе ими необходимости централизаціи, сплоченія воедино подъ троякою властью старѣйшихъ въ родѣ, ученѣйшихъ и опытнѣйшихъ въ государствѣ и посредника между небомъ и народомъ — богдыхана. Этому культурному вліянію образованнаго класса разнородная по обычаямъ и культамъ масса народа обязана была распространеніемъ среди нихъ единства обычаевъ, культовъ, взглядовъ, словомъ—единства культуры. Эго объединеніе завершило завоеваніе вышеупомянутаго императора, основателя династіи Tsin, распространившаго имперію за Янтсекіангъ до Тонкина и построившаго великую стѣну противъ нашествій татаръ. Завоеватель и поклонникъ военной силы, этотъ императоръ встрѣчалъ въ своихъ дѣйствіяхъ сильный протестъ со стороны ученыхъ, сторонниковъ непротивленія злу и враговъ военной организаціи. Борьба приняла обостренную форму, закончив-

шуюся декретомъ императора сжечь всѣ книги въ государствѣ и явнымъ покровительствомъ мистическимъ сектамъ религіи Тао. Но ученые, выказавъ чудеса самоотверженія, сохранили книги для потомства, и это гоненіе было причиною лишь усиленія ихъ вліянія впослѣдствіи. Съ 200 года и до нашего времени въ Китаѣ царствовало 6 великихъ династій: Тангъ, Ганъ, Сунгъ, Юэнъ или монгольская, Мингъ и теперешняя Та-Тсингъ или манчжурская.

Китайское общество за этотъ длинный періодъ прогрессировало въ двухъ направленіяхъ. Ученые, подавленные въ началѣ династіи Tsin, получили новую силу послѣ того, какъ было изобрѣтено приготовленіе бумаги и чернилъ, замѣнившее пластинки изъ бамбука, на которыхъ гравировались іероглифы, — медленная и скучная работа, сильно тормозившая процессъ ученія. Изобрѣтеніе бумаги и кистей сыграло въ культурѣ Китая почти такую-же роль, какъ книгопечатаніе въ Европѣ, быстро распространивши знанія того времени среди громадной массы населенія. Въ царствованіе династіи Ганъ наука достигла особаго развитія; императоръ Wen-To можетъ служить типомъ серіи меценатовъ, соединявшихъ покровительство наукамъ съ улучшеніемъ земледѣлія и твердымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отеческимъ управленіемъ. Въ царствованіе императора Wu-Ti (140—86 до Р. Х.) начинается ассимиляція китайскою культурою окрестныхъ народовъ, равно какъ и пропаганда буддизма, религіи, давшей массѣ недостававшую, но необходимую для первобытнаго земледѣльца обрядность и культы. Этотъ буддизмъ много содѣйствовалъ ассимиляціи единовѣрныхъ съ китайцами народовъ Тибета и Татаріи.

Династію Тангъ характеризуетъ расцвѣтъ китайской литературы. Вмѣсто толкованій и философскихъ трактатовъ, является драма и романъ, который со всѣми характерными особенностями этого рода литературы есть изобрѣтеніе китайскаго ума. Тогда-же вводится система

государственныхъ экзаменовъ и развитіе класса мандариновъ, который сталъ управлять государствомъ, занимая всѣ тѣ должности, которыя у насъ занимаютъ чиновники разныхъ вѣдомствъ. Теперь уже управленіе государствомъ становится независимымъ отъ императора. Выборъ людей опредѣляется только экзаменомъ, почему число школъ, коллегій и другихъ учебныхъ заведеній съ необыкновенною быстротою распространяется по имперіи, и конфуціанство получаетъ все большее и большее значеніе. Произносить смертный приговоръ получаетъ право только одинъ императоръ, и то послѣ трехдневнаго поста и въ извѣстные періоды года. Отсюда ясно видно, какъ далека императорская власть Китая отъ того символа произвола, какимъ ее представляли намъ такъ часто. Императоръ Китая былъ всегда исполнителемъ воли народа, представителемъ его передъ небомъ и отвѣтчикомъ за всѣ его недостатки, но не безотвѣтственнымъ правителемъ края. Тай-Тсунгъ вводитъ общественныя работы, законы о покровительствѣ старымъ и больнымъ, устраиваетъ систему госпиталей, наконецъ, учреждаетъ китайскую академію наукъ Han-lin. При немъ предѣлы Китая расширяются до береговъ Каспійскаго моря.

Въ 931 г., подъ конецъ царствованія династіи Тангъ, въ Китаѣ книгопечатаніе изобрѣтается независимо отъ Европы министромъ Фунгъ-Тао. Это было скорѣе гравированіе буквъ на деревянныхъ доскахъ, какъ гравируются наши клише, а не подвижной шрифтъ нашихъ типографій. Подвижной шрифтъ вошелъ въ употребленіе въ Китаѣ лишь въ XI столѣтіи и до сихъ поръ мало популяренъ, такъ-какъ китайцы большіе любители стереотипныхъ изданій. Изобрѣтеніе книгопечатанія повело къ изобрѣтенію газетъ, афишъ и оффиціальныхъ объявленій.

Въ династію Sung (960—1126) система государственныхъ экзаменовъ распространяется на техниковъ, военныхъ и моряковъ.

Въ 1280 году Китай покоряется монголами, и ихъ династія царствуетъ до 1368 г., но китайская наука скоро подчинила себѣ дикихъ завоевателей, и китайскіе ученые изъ татаръ скоро стали такими-же ревностными проводниками китаизма, какъ и ихъ покоренные сотоварищи. Они сдѣлали изъ монгольскихъ правителей, перенесшихъ столицу въ Пекинъ, радѣтелей китайскаго народа и поддержателей его могущества.

Современная династія манчжуровъ царствуетъ съ 1616 года, она содѣйствовала слитію въ одно цѣлое съ Китаемъ такихъ его провинцій, какъ Татарія и Тибетъ. Теперь начинается постепенное вліяніе европейской науки на Китай. Приглашаютъ іезуитовъ для устройства астрономической обсерваторіи и наблюденій надъ звѣздами и атмосферными явленіями, организуютъ съемку государства.

Такимъ образомъ, великое восточное царство и его цивилизація формировались постепенно, цѣлыя тысячелѣтія. Получилась имперія съ громаднымъ населеніемъ, необыкновенно мирнымъ и промышленнымъ. Собственность этого народа распредѣлена болѣе равномѣрно, чѣмъ гдѣ-либо; крупной собственности почти нѣтъ, мелкая земельная собственность остается собственностью лишь до тѣхъ поръ, пока владѣлецъ обрабатываетъ землю, и разсчитана такъ, чтобы возможно большее число людей могло жить и кормиться на данной территоріи не путемъ ея расхищенія, но приложеніемъ *личнаго труда*. Земледѣліе считается занятіемъ почетнымъ, а не презираемымъ. Частная собственность уважается, въ большей части Китая безопасность не меньше, чѣмъ въ большинствѣ государствъ Европы. Торговля носитъ характеръ внутренней торговли, и размѣры торговли этой громадны, благодаря системамъ каналовъ, пересѣкающихъ государство. Китай— страна, старающаяся *сама* пополнить свои потребности, передвигая продукты однѣхъ провинцій въ другія, избѣгая (за исключеніемъ Россіи) пріобрѣтать предметы извнѣ, беря деньгами за продукты вывоза. Въ ней еще

сильны традиціи, основанныя императоромъ, царствовавшимъ 2000 лѣтъ тому назадъ, который говорилъ: «Только та торговля полезна, которая представляетъ обмѣнъ полезными продуктами, а не та, которая вводитъ деньги, которыя современемъ опять утекаютъ прочь. Торговля предметами роскоши и ввозъ ихъ только потворствуютъ роскоши. Роскошь-же, или, говоря иначе, избытокъ у однихъ гражданъ влечетъ всегда за собою недостачу у многихъ другихъ. Чѣмъ больше лошадей впрягаютъ богачи въ свои колесницы, тѣмъ больше становится народу, который долженъ ходить пѣшкомъ. Чѣмъ обширнѣе и великолѣпнѣе ихъ дома, тѣмъ мельче и болѣе жалки лачуги большинства бѣдняковъ. Чѣмъ полнѣе столы ихъ мясомъ, тѣмъ болѣе народу, питающагося однимъ рисомъ. Идеалъ общественнаго строя, къ которому онъ долженъ стремиться своею промышленностью, работами и хозяйствомъ—это сдѣлать, чтобы всѣ имѣли *все необходимое и нѣкоторый комфортъ жизни*». Не подтверждаютъ-ли слова древняго императора примѣры современной Англіи и Америки и не является-ли полный демократизмъ общественнаго строя Китая отвѣтомъ на желаніе великаго императора? Всѣ власть имущія лица Китая выходятъ изъ народа, не по выбору, всегда допускающему происки и интриги или потворство страстямъ, но за заслуги, оцѣниваемыя лучшими людьми государства. Всѣ знанія, всѣ свѣдѣнія демократизируются въ массѣ, и пока они не оцѣнены и не признаны ею, не принимаются. Въ этомъ лежитъ загадка косности Китая, но въ этомъ лежитъ и прочность всего имъ пріобрѣтеннаго. Многое изъ того, что изобрѣла буржуазная Европа, не такъ-то легко поддается демократизаціи, не такъ-то доступно для всѣхъ; неудивительно, что Китай не хочетъ этого и принимать. Онъ управляется старѣйшими въ семьяхъ, и семья есть его истинная единица, такъ-какъ нигдѣ семейная власть такъ не сильна, какъ здѣсь.

И какой контрастъ этому, быть можетъ, нѣсколько

одностороннему развитію китайской культуры представляетъ революціонный Западъ. Онъ не имѣлъ въ исторіи развитія своей культуры руководящей доктрины, онъ всегда пренебрегалъ, ломалъ предыдущее, стремясь къ будущему, безъ уваженія къ прошлому, все болѣе и болѣе увеличивая интеллектуальную анархію. Въ немъ мы видимъ постоянныя стремленія къ порабощенію слабаго сильнымъ, бѣднаго богатымъ. Въ то время какъ Китай, распространивъ свое вліяніе на одну треть человѣчества Азіи, сдѣлалъ его китайцами, народы Запада, раскинувъ свое могущество на остальныя 4 части свѣта, вызвали или полное вымираніе покоренныхъ народовъ, или сдѣлали ихъ фактически или экономически рабами, или вызывали и вызываютъ постоянныя ихъ возстанія, вродѣ тѣхъ, какія наблюдаются въ Индіи въ настоящее время. Эти двѣ цивилизаціи — европейско-американская и китайская—теперь стоятъ другъ противъ друга, и настанетъ часъ, когда онѣ должны дать окончательное сраженіе.

Въ грандіозномъ масштабѣ должна повториться картина, которую представляла когда-то старая, распадающаяся, но высоко-культурная Византія, когда по другую сторону моря, отдѣлявшаго ее отъ Азіи, стояли дикіе турецкіе варвары, но варвары со строгою военною дисциплиною, съ совершенными орудіями для войны и съ энергіею и стойкостью свѣжаго народа. Византія пала подъ ихъ напоромъ; турки, овладѣвъ ею, растворились въ ея культурныхъ массахъ, потеряли свой національный обликъ, и исламъ, ведя непосредственную борьбу съ христіанствомъ, настолько ослабилъ себя и противника, что до сихъ поръ Балканскій полуостровъ представляетъ одну изъ наиболѣе отсталыхъ и варварскихъ частей Западной Европы. Но муравейникъ, всполошенный разгромомъ, далъ себя чувствовать всей Европѣ. Идеи греческихъ ученыхъ, вынесенныя бѣглецами изъ отечества, вызвали культурное перерожденіе молодой Европы, лучше турокъ

оказавшейся способною ихъ воспринять, и она далеко шагнула впередъ по пути прогресса.

Теперь не съ оружіемъ въ рукахъ, но съ тѣми-же алчными инстинктами завоевателей и поработителей стоитъ эта арійская культура, зародившаяся въ западной Азіи и совершившая побѣдоносное шествіе черезъ Европу и Америку, на берегахъ Тихаго океана готовая переброситься черезъ его мощную ширь въ Азію и накинуться на дряхлый и во многихъ отношеніяхъ отсталый, разлагающійся Китай, природныя, нетронутыя богатства котораго не даютъ спать англо-саксонскимъ предпринимателямъ. Они отбросили первыя волны монгольскихъ конкуррентовъ, закрывъ штаты Америки и Австраліи для желтолицыхъ. Но даже здѣсь, трудно сказать, одержана-ли побѣда, такъ-какъ остальное побережье Америки, отъ Канады и до Чили, продолжаетъ наводняться китайскими рабочими и персоналъ командъ тихоокеанскихъ судовъ состоитъ почти исключительно ихъ нихъ-же. Японія-же отправляетъ рейсъ за рейсомъ изъ судовъ чисто японскихъ компаній.

Эта страна Восходящаго Солнца является настоящею ареною для борьбы культуръ Востока и Запада. Ея жители, — собственно лишь ученики китайцевъ,—сразу почувствовали угрожающую имъ опасность. Они отреклись отъ доктринъ своихъ учителей, облеклись въ европейское платье, призвали европейскихъ профессоровъ, и дрессированные въ трудѣ китайскою школою, съ невѣроятною быстротою и съ переимчивостью обезьянъ, скопировали всѣ европейскіе порядки. Они скоро превзошли своихъ новыхъ учителей. Администрація, войско, народное образованіе, желѣзныя дороги и телеграфы, фабрики, снятые съ европейскихъ образцовъ, теперь уже могутъ служить образцами для европейцевъ. Можно было опасаться, что Японія, подавленная не столько европейскою, сколько американскою культурою, заговоритъ по-англійски и сдѣлается сколкомъ своей заокеанской сосѣдки стратегиче-

скою. Но, повидимому, это подчиненіе европеизму было лишь уловкою хитростнаго азіата. Духъ культуры Востока воспрянулъ вновь въ странѣ Восходящаго Солнца, вызвавъ протесты со стороны патріотовъ и шовинистовъ. Покинувъ 3 года тому назадъ Японію, одѣтую въ пиджаки, я засталъ ее, до профессоровъ включительно, одѣтую въ кимоно. Въ ея газетахъ и журналахъ появляются шовинистическія статьи, о характерѣ которыхъ можно судить по англійскимъ оригиналамъ японскаго автора Kanzo Nichimura, находящимся въ моихъ рукахъ. Несмотря на многія увлеченія молодого японца, нельзя съ нимъ во многомъ не согласиться. Онъ указываетъ, что Японіи предстоитъ роль примирителя цивилизацій восточной и западной. Эта вулканическая страна, съ пылкимъ, впечатлительнымъ народомъ, единственная изъ всѣхъ восточныхъ націй способна быстро воспринимать европейскія идеи, будучи въ то-же время столь-же воспріимчива къ идеямъ азіатскимъ. Дѣйствительно, мы въ Японіи видимъ вездѣ попытки согласовать съ азіатскими идеями европейскіе порядки, мы видимъ стремленіе сдѣлать дешевымъ, доступнымъ всей массѣ народа то, что дорого, доступно богачамъ въ Европѣ. Бѣдное крестьянское населеніе получаетъ здѣсь образованіе, доступное немногимъ городскимъ жителямъ Россіи; крестьянинъ зажигаетъ электрическую лампочку въ своемъ домѣ; телефоны, желѣзныя дороги здѣсь дешевле и доступнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, дорогіе приборы дѣлаются за гроши, путемъ успѣшной конкурренціи коллективнаго кустарнаго труда съ фабричнымъ. Нишимуръ, быть можетъ нѣсколько увлекаясь, пишетъ: «Нація, гордящаяся тѣмъ, что владѣетъ шестою частью лучшихъ земель земного шара, и несмотря на то имѣющая громадную пропорцію населенія въ состояніи жалкой нищеты, едва-ли можетъ быть названа совершенною націею. Какъ ни малы мы, японцы, и статистика, и общее впечатлѣніе показываютъ, что у насъ наименьшій процентъ бѣдняковъ и изъ всѣхъ бѣдняковъ Японіи а они находятся въ наилучшихъ условіяхъ».

«Наши ткачи, пишетъ онъ далѣе, вытѣсняютъ англійскихъ машинистовъ съ Востока, и настаетъ время, когда наши берега увидятъ результаты ихъ трудовъ. Швейцарія должна намъ уступить мѣсто въ производствѣ часовъ, а Фландрія—въ производствѣ тканей. Мы побьемъ міръ кончиками нашихъ пальцевъ!»

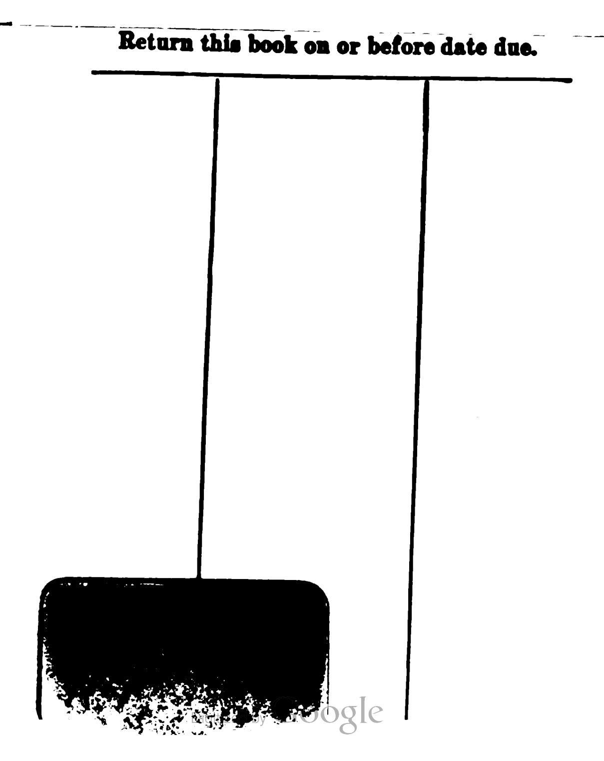
Но всетаки Японія слишкомъ подавлена превосходствомъ американской цивилизаціи. Шагъ за шагомъ она уступаетъ свои традиціи и, такъ-сказать, европеизируется—и скорѣе на почвѣ Китая столкнутся эти двѣ несходныя культуры. И думается мнѣ, культура, требующая отъ человѣка нравственнаго совершенствованія на мѣстѣ, культъ семьи и сыновнихъ обязанностей, культъ труда съ цѣлью довольствоваться малымъ, имѣть комфортъ, не переходящій въ роскошь, слишкомъ противоположны по духу борьбѣ за преобладаніе, стремленію къ безумной роскоши, покупаемой цѣною жизни тысячъ нищихъ, и культурѣ, основанной на грабежѣ природы, которая свойственна заокеанскимъ сосѣдямъ. Кто одержитъ верхъ въ борьбѣ двухъ колоссальныхъ цивилизацій, шедшихъ навстрѣчу другъ другу—одна на востокъ, другая на западъ,—сказать не трудно. Сила крупповскихъ пушекъ, быстроходныхъ фрегатовъ и миноносокъ, равно какъ бездымнаго пороха и обученныхъ по прусскому образцу армій сломитъ перековавшій плуги на мечи Китай, но если сломится и вѣковая его культура, то врядъ-ли на этихъ развалинахъ легко будетъ создать что-либо новое. Не повторится-ли здѣсь то-же, что съ древней Византіей, и не суждено-ли будетъ великими идеями Востока воспользоваться болѣе свѣжей націи, цивилизація и культура которой еще не вылилась въ опредѣленныя формы, которая поэтому гибче, воспріимчивѣе къ новымъ условіямъ жизни, къ новымъ требованіямъ.

Изъ всѣхъ народовъ мы, русскіе, наиболѣе, въ Старомъ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, подойдемъ подъ это требованіе. По характеру своему наша народная масса столь-

же воспріимчива къ идеямъ Азіи, какъ и Европы. На это указывали уже многіе. Правда, поскольку японцы являлись учениками Китая, мы были учениками Европы, хотя надо сознаться—плохими учениками. И мы грабили природу, и мы шли по пути эксплуатаціи инородцевъ и себѣ подобныхъ. Но гиперборейскія условія страны нашей не позволяли никогда аппетитамъ разыгрываться до размѣровъ англійскихъ или испанскихъ, а сибирскіе просторы ослабляли крайности борьбы за существованіе. Чуть усложнялись въ Европейской Россіи условія жизни—открывала свои двери Сибирь,—а тамъ среди дикарей и природныхъ богатствъ можно было продолжать вести прежній некультурный строй жизни, скорѣе регрессируя, чѣмъ прогрессируя на пути цивилизаціи. Въ этомъ, а не въ условіяхъ русской природы, главная причина нашей отсталости и медленности культурнаго прогресса. Такъ мы дошли до Тихаго океана, гдѣ застаемъ теперь эту борьбу двухъ встрѣтившихся противоположныхъ цивилизацій, которая должна положить конецъ нашей косности, создавъ на Востокѣ тѣ культурныя начала, отъ которыхъ исторія насъ отодвигала на Западѣ. Мы, сыны обдѣленной Богомъ природы, казалось-бы не могли ждать себѣ блестящей будущности. Но вѣдь древніе германцы лѣсовъ средней Европы природою также были обречены быть дикарями. Цивилизація зародилась въ лелѣявшихъ человѣчество субтропическихъ странахъ. Тамъ оно впервые выработало орудія для побѣды природы, и народы средней Европы, только получивъ орудіе это изъ чужихъ рукъ, могли съ его помощью побѣдить свою природу и создать свою высшую цивилизацію и культуру. Эта новая культура, культура пара, электричества, сводитъ на нуль причины, тормозившія нашъ прогрессъ, она позволитъ побѣдить эту еще болѣе суровую природу, какъ побѣдили природу умѣреннаго пояса его жители орудіями, взятыми изъ колыбели цивилизаціи. До сихъ поръ мы двигались на Востокъ, уступая наши территоріи

посторонним. Теперь намъ идти некуда. На Востокѣ идетъ борьба двухъ цивилизацій, продуктъ которой—цивилизація высшаго порядка,—должна принадлежать намъ.

Цивилизаціи Востока и Запада суть цивилизаціи вылившіяся въ опредѣленныя формы, получившія опредѣленную физіономію. Но въ этомъ лежитъ причина ихъ меньшей гибкости, меньшей способности приспособляться другъ къ другу и, измѣняясь, давать нѣчто новое, болѣе совершенное. Это тотъ-же законъ, что наблюдается во всемъ органическомъ мірѣ, гдѣ дальнѣйшему прогрессу при измѣненіи условій всегда подлежатъ не достигшія большей сложности и законченности формы, но тѣ, которыя, недоразвившись, болѣе пластичны и способны развиваться въ новомъ направленіи, недоступномъ для старыхъ. Такую недоразвившуюся культурную форму представляетъ Россія. Побѣдивъ съ помощью европейской техники недостатки своего географическаго положенія, это она, а не Японія, должна согласить на своей громадной территоріи противорѣчія дальняго Востока и дальняго Запада, воспринявъ ихъ на своихъ окраинахъ, и, получивъ толчокъ оттуда, создать своими еще молодыми силами новую болѣе обще-человѣческую и высокую культуру, согласовавъ требованія морали Востока, всегда стоявшія у ея писателей и дѣятелей на первомъ мѣстѣ, съ требованіями науки, на поприщѣ которой она уже достаточно заявила себя на Западѣ. Съ Востока должны мы ждать этого толчка и проведенія этой задачи, подтвердивъ древнее выраженіе: Ex oriente lux.

Return this book on or before date due.

